

Ю. Бардах
Б. Леснодорский
М. Пиетрчак

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА
ПОЛЬШИ

«Юридическая литература»

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА
ПОЛЬШИ

Juliusz Bardach
Bogusław Leśnodorski
Michał Pietrzak

HISTORIA
PAŃSTWA
I PRAWA
POLSKIEGO

Warszawa 1977
Państwowe Wydawnictwo
Naukowe

Ю. Бардах
Б. Леснодорский
М. Пиетрчак

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА
ПОЛЬШИ

Москва
«Юридическая литература»
1980

Перевод с польского
И. Б. ГРЕКОВА, А. Ф. КУРИЛКО,
К. Я. СТАРОСЕЛЬСКОЙ

Ответственный редактор и автор предисловия
доктор юридических наук, профессор
З. М. ЧЕРНИЛОВСКИЙ

Данная книга — первое издание в нашей стране, посвященное важнейшим этапам истории польского государства и права от древности до XX века. Авторы книги — известные польские ученые, — написав ее с марксистско-ленинских позиций, поставили перед собой задачу вскрыть специфические черты, присущие развитию государства и права Польши.

Б $\frac{11003-123}{012(01)-80}$ 103-80 1204000000

Copyright by Państwowe Wydawnictwo Naukowe
Warszawa 1976

© Предисловие и перевод на русский язык с сокращениями
Издательство «Юридическая литература», 1980

До выхода в свет трехтомной «Истории Польши», подготовленной Институтом славяноведения АН СССР (1954—1958 гг., дополнительный том — 1965 г.), сколько-нибудь удовлетворительного обзора польской истории, доступного широкому читателю, в нашей стране не было. «Работы советских историков в этой области, — отмечали редакторы трехтомника, — в подавляющем большинстве посвящены отдельным проблемам и по характеру исследования доступны лишь читателям-специалистам»¹. То же самое может быть сказано и о такой специальной области, как история государства и права Польши.

Конечно, история государственных и правовых институтов нашла себе место и на страницах «Истории Польши», однако лишь в той мере, в какой отвечала общим целям издания. По этой причине читателям, не знакомым с польским языком, приходилось обращаться к работе известного краковского ученого Ст. Кутшебы «Очерки общественно-государственного строя Польши», изданной в 1907 году, и даже еще более ранней и уже совершенно устаревшей книге проф. М. Бобжиньского, вышедшей в 1888 году.

Настоящее издание представляет собой несколько сокращенный перевод широко известного труда трех польских авторов, вышедшего в свет в 1976 году и уже выдержавшего три издания подряд. По своим высоким научным качествам данная книга способна восполнить пробел в специальном обобщающем освещении истории польских государственно-правовых институтов.

Победа социалистических революций в Центральной и Юго-Восточной Европе имела одним из своих непременных результатов коренной пересмотр старой национальной историографии, включая историографию

¹ История Польши, т. 1. М., 1954, с. 7.

государства и права. Свою особую специфику этот нелегкий процесс приобрел в Польше.

Трагический конец шляхетско-магнатской Речи Посполитой в конце XVIII столетия ставил перед несколькими поколениями польских историков, включая историков-юристов, трудный, но неизбежный вопрос: кто виноват?

Только ли Пруссия, Австрия и Россия, разделившие между собой Речь Посполитую, или, если взглянуть глубже, неостановимый распад самой этой шляхетской республики с ее номинальным монархом, беспомощными сеймами и бессильной центральной властью, с одной стороны, бесконтрольным господством можновладских фамилий, всесильными конфедерациями и автономными поветами, управляемыми всесильными сеймиками,— с другой?

Как бы ни расходиться в ответе на этот главный вопрос, рассмотрение социальных, государственных и правовых порядков было неизменным. И те, кто превозносил «шляхетскую демократию», видя в ней образец общественных и государственных идеалов, и те, кто отваживался на критику магнатского самоуправления, одинаково пытались опереться на историю государственных и правовых институтов. В известной связи с этим большая активность была проявлена в розыске источников — привилеев и конституций, грамот и трактатов, городских статуты и протоколы сельской «манориальной» юстиции, распоряжений правительственной власти в центре и на местах и т. д.

В годы Второй Речи Посполитой (1918—1939) литература по указанным вопросам разрослась неимоверно, опираясь в основном на политические пристрастия. История общественного развития Польши, ее государственных и правовых институтов подверглась грубейшим искажениям и фальсификациям, охватившим все области исследований и особенно историю русско-польских отношений.

Во всем этом отнюдь не второстепенном «наследстве» предстояло разобраться науке в Польской Народной Республике.

*

В 1948 году во Вроцлаве собрался первый послевоенный съезд польских историков, памятный по развернувшейся на нем дискуссии. В 1950 году в старой

Торуни, затем в 1951 году — в Познани состоялись две конференции польских историков-юристов, с которых и ведет свое начало польская марксистская историография государства и права.

Тысячелетие Польши, отмечавшееся в 1960—1966 гг., пробудило новый интерес к вопросам происхождения начальной польской государственности, что привело к пересмотру старых схем и теорий. Независимо от специфических особенностей того или иного исследования, возбужденного юбилеем, вопросы методологии оставались на первом плане.

Принципиально новому рассмотрению затем подверглись вопросы положения крестьян в феодальной Польше, характер феодальной земельной собственности, специфика польского феодализма вообще, польская государственность до и после возникновения Речи Посполитой и т. д. Все больше накапливалось работ, посвященных критическому рассмотрению реформационного движения конца XVIII века. Все более обоснованной становилась критика польских социальных и государственных порядков XVII—XVIII вв., их ярко выраженного анахронизма. Тщательному разбору подвергся государственный механизм Речи Посполитой, нацеленный на защиту прав и привилегий магнатской олигархии.

Со всей очевидностью встала картина, реалистически обрисованная авторами «Истории государства и права Польши». Не было единой причины упадка, подчеркивают авторы, однако на первый план безусловно следует выдвигать причины экономические. По вине польских магнатов и шляхты, как единственно привилегированного класса, Польша оказалась среди отсталых в экономическом отношении стран Европы, таких, как Испания и Италия. В свою очередь экономическая структура оказала губительное влияние на социальную и политическую структуру Речи Посполитой. Попытки реформ, предпринятые во второй половине XVIII века, оказались запоздалыми и неудавшимися. Все эти причины порождали военную слабость государства, его неспособность противостоять соединенной агрессии Пруссии, Австрии и екатерининской России.

Присоединяясь к такой объективной и реалистической позиции, заметим, что для советской исторической науки не существует сомнений в отношении к разделам Речи Посполитой. Оценку разделов, как акции граби-

тельской, не меняет тот факт, что независимо от действительных намерений правительства Екатерины II воссоединение украинского и белорусского народов отвечало их справедливым национальным стремлениям. Разделами Польши создавался реакционный тройственный союз держав, скрепленный их общим преступлением перед польским народом.

Возвращаясь к вопросам историографии, укажем на интересные и разнообразные по своей тематике изыскания, относящиеся к истории польской государственности и польского права в период между 1795 и 1918 годов, которому в прошлые времена уделялось сравнительно мало внимания. В поле зрения исследователей оказалась история политического устройства «австрийской» и «прусской» частей Польши, Варшавского княжества, а затем Королевства (Царства) Польского, революционные события всего того времени и т. д.

Особую актуальность и остроту приобрели работы по истории восстановления польской национальной государственности в 1918 году, анализ польской конституции 1921 года и, конечно, таких событий, как государственный переворот 1926 года.

Заслуживают упоминания «Октябрьская революция и независимость Польши», принадлежащая перу Г. Яблоньского (*Rewolucja Październikowa i sprawa niepodległości Polski*. W., 1967); «Первое пятидесятилетие независимости Польши» А. Прухника, трактующая политические вопросы соответствующего времени (*Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej*. W., 1957).

В ходе оживленных и разносторонних дискуссий немалое внимание уделялось оценке польского политического режима, как он сложился и функционировал от времени государственного переворота 1926 года и до начала второй мировой войны. Результаты этой дискуссии нашли свое отражение в нашем издании. Подробно разбирая и анализируя факты, авторы указывают на замену парламентарных методов правления, введенных конституцией 1921 года, диктаторскими. Теоретические концепции тоталитарного государства наложили свой отпечаток на принципы и постановления конституции 1935 года, а сам режим, как он функционировал в те годы, определяется, по большей части, как фашистский, что не означает, разумеется, бук-

вального совпадения с фашистскими режимами, как они существовали в других странах межвоенной Европы.

На 50-е годы приходится и первые исследования истории возникновения народной демократии в Польше, включая деятельность Крайовой Рады Народовой, Польского комитета национального освобождения, истории проведения аграрной и других социальных реформ. Среди работ, посвященных указанной проблематике, отметим только некоторые, известные автору этих строк: «Народная Польша 1944—1950. Общественные перемены». Колл. авторов под редакцией Ф. Рышки (Polska Ludowa 1944—1950. Przemiany społeczne. Wrocław, 1974); книга Б. Гура «Возникновение народной власти в Польше» (Powstanie władzy ludowej w Polsce. W., 1972) и др.

Особой и сложной задачей юридической науки народной Польши стало написание нового многотомного курса по истории польского государства и права. Его следовало писать, опираясь как на уже достигнутые научные результаты, так и восполняя их в ходе работы. В 1957 году Ю. Бардах, Б. Леснодорский и З. Качмарчик подготовили двухтомный учебник под названием «История государства и права Польши», доведенный до 1795 года. В 1973 году он вышел четвертым изданием. Это была и осталась пионерская, новаторская работа, поскольку авторам пришлось критически пересмотреть всю историографию предмета.

Новая и новейшая история польского государства и права, разбитая на три тома, должна была стать предметом дальнейших изысканий, что и делалось. Пятый, последний, том, разделенный на две части, вышел в свет в 1962—1969 гг. Третий и четвертый тома (1795—1918 гг.) были подготовлены последними.

Редактор всего этого пятитомного курса — один из авторов предлагаемой книги — профессор Варшавского университета Юлиуш Бардах.

Одновременно с тем, как завершалась работа над пятитомным курсом, институт истории права Варшавского университета приступил к подготовке нового, однотомного учебника по истории государства и права Польши. В 1976 году он вышел в свет первым, а в 1977 году — вторым изданием.

Каждый из трех авторов этой книги принял на себя ту часть работы, которая в наибольшей степени отве-

чала его специализации. Соответственно с таким разделением вся первая часть книги написана Ю. Бардахом, широко известным благодаря своим работам по истории старой польской государственности, старого литовского права и т. д.

Рецензент К. Оржеховский, выступивший на страницах польского журнала «Новые книги» (№ 10 от 31 мая 1977 г.), отмечал важное теоретическое значение работы Ю. Бардаха, особенно в том, что касается исследования форм государства, остающегося по своему типу феодальным.

Автор «средней» части работы (XVIII—XIX вв.) член-корреспондент Польской академии наук, проф. Б. Леснодорский является крупнейшим авторитетом по истории польского Просвещения, реформационного движения XVIII века, истории польского права и польской администрации в XIX веке и автором широко известной монографии «Польские якобинцы». Не лишне сказать, что в годы войны и оккупации Б. Леснодорский вместе с другими преподавателями Ягеллонского университета (Краков) был арестован гитлеровцами и отправлен в концлагерь Маутхаузен, где в то время находился президент Польской академии наук Ст. Кутшеба.

Б. Леснодорскому, отмечает К. Оржеховский, выпала на долю особо трудная задача — писать историю польского государства и права именно того периода, когда не существовало собственно польской национальной государственности. Конечно, Б. Леснодорский мог бы воспользоваться трудами Ст. Кутшебы, писавшего о государстве и праве периода разделов, но он пошел собственным путем, исследуя «проблематику национального быта с выявлением элементов государственности и права, созданных или адаптированных для своих нужд политически активными группами нации».

Третий автор, доцент М. Пиетрчак, проректор факультета права и администрации Варшавского университета, принадлежит к польским историкам-юристам среднего поколения. Из опубликованных им работ заслуживают специального упоминания две: одна об ограничении свободы печати в Польше в 1918—1939 гг. (вышла в свет в 1963 году), другая — по истории парламентарных правительств в Польше от 1918 до 1926 года (1968 г.). Им написана заключительная часть учебника, начинающаяся с возникновения II Речи Посполитой.

Цели, преследуемые авторами, принятая ими периодизация курса и другие методологические вопросы освещаются в предпосланном работе кратком введении. Принимая детерминированность истории государства и права данными экономическими отношениями, господствующими в обществе, авторы, как они отмечают, стремились одновременно с тем показать обратный процесс: воздействие права на экономическую и социальную историю. Какой бы строгий ни был отбор фактов, ограниченный объемом учебника, он не должен был отразиться на изложении социальных связей.

История государства и права Польши, подчеркивается во введении, часть всеобщей истории государства и права. Это обязывает к выяснению общих закономерностей, во-первых, и к выявлению специфических черт развития, во-вторых. Последняя из задач приобретает свое особое значение еще и потому, что способствует выработке патриотизма, поскольку обнаруживается собственный неповторимый вклад данного народа в мировую культуру вообще, в мировую политико-правовую культуру в особенности.

Так же как и восточные славяне, поляки не знали рабовладельческой формации как таковой. Польское государство возникает (в X веке) и долго существует как государство феодальное. Феодальные институты не исчезают полностью в XIX веке, а их реликты сохраняются даже и в первой половине XX столетия. Отсюда и то значение, которое приобретает вопрос о форме государства.

Авторы предупреждают читателя, что для разграничения форм государственной власти, как они сосуществуют в разных частях страны или сменяют друг друга, служат главным образом два критерия: 1) организация верховной государственной власти и 2) отношения между центральными и местными органами: централизация — децентрализация.

Мы бы, пользуясь случаем, прибавили к сказанному вспомогательный третий критерий — *политический режим*, критерий, который для ряда ситуаций может иметь не меньшее значение, чем два предшествующих.

Очень интересным представляется то, что пишется об асинхронизме в праве: новые государственно-право-

вые формы вырывают в рамках старого общества, новые общественные отношения сохраняют по разным причинам архаические правовые институты. Новое и старое сосуществует одновременно. Асинхронизм, как подчеркивается, не отменяет закон соответствия между государством и правом, но весьма нередко тормозит развитие и особенно при феодализме, когда значительным препятствием развитию является традиционность.

Польский историк права имеет возможность сослаться на такое по-своему уникальное явление, каким было сосуществование и взаимодействие в пределах одного и того же Варшавского княжества почти нетронутым ходом времени феодального уголовного права и заимствованного у Франции (с 1808 г.) буржуазного гражданского кодекса.

Заметим, что чем более дробной является периодизация, тем чаще сталкивается исследователь с асинхронизмом права и государственных институтов; чем шире рамки периодов, тем определеннее выступает наружу соответствие социальных, экономических, государственно-правовых и других общественных институтов.

Структура книги определяется принятой авторами периодизацией. В основе своей она совпадает с той, которую в свое время и не без совета польских историков приняли авторы уже упоминавшейся нами «Истории Польши».

Вместе с тем нельзя не заметить и некоторых отличий, объясняемых спецификой государственно-правовой истории, с одной стороны, и авторским отношением к материалу исследований — с другой. Приведем несколько примеров. В то время как авторы «Истории Польши» пользуются понятием «племенного княжества», подчеркивая кавычками условность и неточность понятия, польские юристы предпочитают говорить о реальном существовании исторических племенных государств в VIII—X вв. Мы считаем нужным разграничивать раннефеодальную монархию и монархии периода феодальной раздробленности. Польские авторы объединяют оба эти периода (хотя и сохранив их как особенные) под общим названием «патримониальной монархии».

Образование и функционирование польской сословной монархии, которой, по понятным причинам, авторы

«Истории Польши» уделяют относительно мало места, выделяется в большой и особый раздел в настоящем издании. Оправданно в учебнике проводится размежевание «общешляхетской демократии» на первом этапе истории Речи Посполитой (XVI—XVII вв.) и «магнатской олигархии», установившейся на втором ее этапе (начало XVII—70-е гг. XVIII в.).

Историю буржуазного государства и права Польши авторы, избегая промежуточных ступеней, делят на два главных периода: от разделов Польши в конце XVIII века и до 1918 года; от 1918 года до 1939 года. В особый раздел выделен трагический период гитлеровской оккупации и борьбы с фашистскими захватчиками. Последний, девятый, раздел книги посвящен возникновению новой, народной Польши: 1944—1946 гг. Далее этого времени авторы не идут. Читатель, знакомый с учебниками по истории государства и права СССР, отметит, что изучение предмета доводится до момента подписания книги в печать (хотя и у нас много раз предлагалась «ограничительная хронология»). Дело в том, что наши специальные дисциплины не предусматривают обычно сколько-нибудь систематических исторических экскурсов, полагаясь в этом отношении на историко-правовые курсы. В Польской Народной Республике дело обстоит иначе. Учебники, излагающие действующее право, содержат, по общему правилу, вступительные разделы, излагающие историю возникновения и формирования соответствующих институтов социалистического государства и права.

*

Одновременно с редакцией перевода и в тесном сотрудничестве с авторами книги мы позволили себе произвести сокращения за счет некоторых второстепенных подробностей, а также разъяснений и заключений, неизбежных и необходимых в пособии, предназначенном для учебных целей. Основное же содержание осталось нетронутым.

Чтобы сохранить присущий всякой национальной истории колорит, мы сохранили терминологию, обозначения, собственные названия и имена, как они приводятся в оригинале, при условии, что из этого не возникнет особых трудностей при чтении. В иных случаях дается перевод или делается уточнение смысла. Чтобы

сократить по возможности традиционные сноски «от переводчика» или «от редактора», мы позволили себе, с разрешения авторов, некоторые немногочисленные «интерполяции», в которых не нуждается польский читатель.

Огромную работу по уточнению и редактированию перевода сделали вместе с нами Ю. Бардах и М. Пиетрчак, за что мы приносим им сердечную благодарность.

*

В 1962 году в СССР вышел в свет учебник профессоров Софийского университета М. Андреева и Д. Ангелова «История болгарского государства и права». Переведено и готовится к изданию исследование профессора Карлова университета, академика В. Ванечека «История государства и права Чехословакии». Вместе с книгой по истории польского государства и права, к которой мы написали настоящее предисловие, заполняется существенный пробел в историко-правовой литературе славянских государств.

Славистика, история государства и права — отечественная и зарубежная, историко-сравнительное правоведение, как и некоторые другие области исторического знания, обогащаются новыми материалами и идеями. Мы уже не говорим о широком круге читателей, которых живо интересуют славянские древности, славянское средневековье, новая и новейшая история западных и южных славян. Дальнейшие планы не исключают новых переводов и соответственно новых публикаций, охватывающих весь славянский регион.

И последнее. Настоящее издание, как мы полагаем, выходит за строго научные рамки. Оно должно и будет служить дальнейшему взаимопониманию между нашим и польским народом, дальнейшему упрочению наших связей и отношений на благо совместного социалистического сотрудничества.

З. Черниловский

1 октября 1980 г.

Научно-познавательное значение истории государства и права Польши. Государственный строй и право как социальные явления представляют собой продукт истории, так как реальную основу каждого государственного строя и каждой правовой системы составляет исторически выработанная социально-экономическая формация. Ее изменения обуславливают в конечном счете перемены в государственно-правовой области. При таком подходе понимание современного государства и права требует знания их предшествующих форм. Но при этом недостаточно знакомства с государственным строем и правом только последнего предшествующего этапа. Известный французский историк Марк Блок писал: «Если бы общество полностью детерминировалось лишь ближайшим предшествующим периодом, оно, даже обладая самой гибкой структурой, при таком резком изменении лишилось бы своего костяка; при этом надо еще допустить, что общение между поколениями происходит, я бы сказал, как в шествии гуськом, т. е. что дети вступают в контакт со своими предками только через посредство родителей. Но ведь так не бывает, даже если говорить о чисто устных контактах»¹. Современность, таким образом, обусловлена историческим процессом в целом, всей совокупностью выработанных в его ходе традиционных элементов и основ, формирующих национальную психологию.

Национальная психология бывает порой более устойчивой, чем уже отжившие политические или правовые институты, способствующие ее формированию, и влияет на облик современности также в интересующей нас области. Отсюда требование подхода к истории государства и права в широком контексте историче-

¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., «Наука», 1973, с. 26.

ского процесса в целом. Такая точка зрения в особенности характерна для марксизма.

«Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории». Марксистская правовая наука, следовательно, немыслима без исторического подхода. Поэтому историко-правовые дисциплины представляют собой введение к пониманию государственных институтов и права. История государства и права делает акцент на изменениях формы и содержания общественного строя и права в ходе исторического процесса. Она подчеркивает динамизм и зависимость государственных институтов и права от экономики, социальных отношений и политики, а также обратное влияние права на экономику, политику и социальные отношения.

Исторический подход позволяет преодолеть статичное и догматичное понимание права. Это особенно существенно в наше время, которое характеризуется быстрыми темпами изменений, часто определяемыми как явление исторического ускорения. Историко-правовые дисциплины составляют также существенный элемент общей правовой культуры.

История государства и права Польши составляет часть всеобщей истории государства и права. Выделяем же ее мы потому, что стремимся показать, как общие закономерности проявлялись на польской почве. Речь идет об уяснении того, что предreshало конкретно-исторический характер тех изменений, в результате которых сформировался и развился польский народ, его государство и право. Это позволяет выделить специфические черты государства и права Польши, которые при сопоставлении с историей государства и права других народов дают картину достоинств и недостатков, достижений и слабостей, которые повлияли на дальнейшие судьбы народа и государства. Изучение прошлого облегчает формирование на научной основе современного патриотического сознания. Его целью является понимание направления общественного и политического развития нашего народа, осуществляющегося в содружестве социалистических стран с сохранением всего того, что составляет его оригинальность и неповторимость.

торимость, что является его вкладом в общую культуру. Составной частью этой культуры является его политико-правовая культура.

Основные понятия типологии государственного строя. Исторический подход к государству и праву, подчеркивающий их изменения в связи с изменениями экономических и общественных условий, находит выражение в разделении истории государства и права на определенные хронологические отрезки, что и является ее периодизацией.

История Польши в соответствии с известными на наших землях общественно-экономическими формациями делится на четыре эпохи: первобытнообщинный строй, феодализм, капитализм и социализм. Каждой эпохе, кроме первобытнообщинного строя, соответствует определенный тип государства: феодальное, буржуазное и социалистическое. Смена типа государства происходит вместе со сменой формации, т. е. господствующей системы производственных отношений.

В пределах данного типа государства, существование которого охватывало целую историческую эпоху, его формы претерпевали изменения. Форму государства определяют: 1) способ организации высших органов власти. Здесь речь идет о форме правления, детерминированной характером и объемом верховной власти, а также об участии в управлении определенных классов или общественных групп. Форма правления зависит в конечном счете от социального состава правящей элиты, что связывает ее с типом государства; 2) отношение центральной власти к местным органам, что определяет степень централизации или децентрализации государства. Изменения форм государства и права в пределах одного типа составляют основу разделения всей данной эпохи на исторические периоды.

Смены типа и форм государства, хотя и происходят в тесной связи с социально-экономическими изменениями, испытывают на себе влияние разнородных политических отношений. В результате, изменения социально-экономических отношений, с одной стороны, и политического строя — с другой, чаще всего не совпадают во времени. Это явление называется асинхронностью. Так, буржуазное государство сложилось тогда, когда капиталистические отношения, зачатки которых появились еще в эпоху феодализма, достигли определен-

ного уровня развития. Капиталистические начала, таким образом, развивались в недрах феодального строя. Напротив, государство социалистического типа как в Польше, так и в других странах сформировалось в то время, когда социалистического уклада еще не было. Последний возник только в результате организационной деятельности государственной власти. Несмотря на такую асинхронность, каждая историческая эпоха характеризуется внутренним единством. Оно заключается в том, что определенные экономические изменения и сопутствующие им общественные преобразования сопровождались — обычно спустя некоторое время — изменениями общественного строя и системы права, которые в свою очередь влияют на экономику и общественные отношения. Темп этих изменений подвергался ускорению в переходные периоды, когда новый развивающийся уклад вытеснял господствующие до того устаревшие формы. Истории также известны периоды относительного застоя, характеризующиеся отсутствием серьезных перемен, что приводило к петрификации (окаменению, окаменению) существовавших до сих пор структурных и правовых форм.

Общественно-экономический уклад, существовавший в недрах иной формации, приводил к тому, что при раннефеодальном строе наряду с основными классами — феодалами и крестьянами, выступал также слой рабов. Это находило отражение в политическом строе и праве. Соответственно капиталистический уклад на территории Польши возник в конце XVIII века, а капиталистическая формация сложилась только около середины XIX столетия.

Предпосылки возникновения государства и права. В основе государственной организации лежала классовая дифференциация. На территории Польши, как и в других странах, первые государственные организации возникли в период, когда эта дифференциация достигла уровня, позволившего знати создать аппарат власти, обособленный от всего остального населения. С самого начала государство выступало как организация, наделенная средствами принуждения и охраняющая основные экономические и политические интересы господствующего класса. Важно, однако, отметить, что наличие организованного принуждения не являлось исключительным признаком государства. В догосу-

дарственных организациях также существовало принуждение в виде общественной санкции за нарушение правил общежития, а применяемые репрессивные меры были порой очень суровы. В известные эпохи, например при феодализме, государство может делегировать какую-то часть своей принудительной власти членам господствующего класса как с помощью иммунитетов, так и иными средствами.

От предшествующих форм власти государственная власть отличается и тем, что осуществление функций принуждения становится постоянным занятием, основой привилегированного положения и источников существования для общественной группы, которая выполняет функции управления. Постепенно обособляясь, она формирует аппарат власти. Этот аппарат, в котором можно выделить: а) стоящую во главе его правящую элиту и б) чиновников, выполняющих поручаемые им задания, существовал и содержался за счет прибавочного продукта, произведенного трудящимся населением. В связи с этим развитие государственной организации было обусловлено достижением определенного уровня производительных сил. Речь идет об уровне, при котором трудящееся население могло произвести такое количество прибавочного продукта, которого было достаточно для существования эксплуататорского класса, во-первых, и обособленного и в материальном отношении привилегированного аппарата власти, во-вторых. Однако сам по себе уровень развития производительных сил не составляет еще достаточной основы для формирования государственной власти. Процессы формирования государственности были более сложными. Немалое, хотя и не решающее значение имела система политических связей, складывавшаяся с разными отклонениями в странах, принадлежащих к одному и тому же культурно-историческому региону. Многие зависело порой и от такого рода факторов, как личность правителя, династическая политика, ход войны и т. п. (особенно в феодальную эпоху).

Хотя государство служило прежде всего интересам господствующего сословия (или сословий), оно выполняло также задачи общегосударственного характера. К ним относились: оборона территории страны и ее населения от нападения извне, обеспечение внутренней безопасности, а в более поздней стадии — просвещение и

социальная политика. Последние задачи государство реализовало в далеко не одинаковой степени. И ход и формы этой реализации носят на себе отпечаток классового характера государства.

Периодизация истории государства и права. Древнейшие политические организации в польской истории появились в период от VIII до половины X века. Их называют обыкновенно «племенными государствами». Польское государство феодального типа при вступлении на историческую арену во второй половине X века было вотчинной (патримониальной) монархией, при которой правитель был не только средоточием экономического и политического руководства, но и сама территория государства понималась как его вотчина со всеми вытекающими отсюда правами (разделами между наследниками, отчуждениями территории). Относительно единая раннефеодальная монархия на первом этапе существования сменяется затем группировкой (в той или иной степени непрочной) удельных княжеств на втором, т. е. в период политической раздробленности.

В начале XIV века Польское Королевство сложилось как сословная монархия. В сословной монархии участия в правлении добилось наряду с можновладцами и духовными иерархами все шляхетское сословие. Сословие же горожан играло меньшую роль, чем в других странах. В отличие от большинства стран Европы того времени дальнейшие изменения привели к замене абсолютизма своеобразной формой сословного государства, которую Ф. Энгельс называет дворянской республикой с монархом во главе. Это был период шляхетской Речи Посполитой, которая в период упадка приобрела вид магнатской олигархии.

С появлением в Польше капиталистического уклада начало усиливаться стремление к реформе государственного строя, а также к активизации роли права в экономической и общественной жизни. Такие стремления вели к установлению конституционной монархии, модель которой была дана в Конституции от 3 мая 1791 г.

Конец старой Речи Посполитой, наступивший в результате разделов, положил начало стремлению польского народа к восстановлению собственного государства. С попытками реставрации государственности, хотя бы частичными, связано возникновение Герцогства Варшавского, а после Венского конгресса 1815 года

Царства Польского¹. Конституционный период в истории Королевства (1815—1830), как и учреждение микроорганизма в виде Краковской Речи Посполитой (1815—1846), выражали в доступных для того времени формах стремление польского народа к государственно-политическому существованию. Особое место занимает организация власти и правовые нормы, издаваемые во время национальных восстаний: Ноябрьского (1830—1831), Краковского (1846) и Январского (1863—1864).

После раскрепощения крестьян в Польше утвердился буржуазный тип государства. За его начало принимается для захваченных Австрией и Пруссией польских территорий так называемая Весна Народов (1848), для Царства Польского — освобождение крестьян в результате восстания 1863 года. В тот период польская национальная жизнь могла сколько-нибудь развиваться только в автономной Галиции (1860—1918).

После первой мировой войны возродилась независимая Польша. Возрождение государственности сделало возможным экономическое объединение польских земель и развитие польской национальной культуры. Это также создало условия для формирования парламентского строя, которому положил конец майский переворот 1926 года. После мая 1926 года II Речь Посполитая постепенно приобретала черты авторитарного государства. В 30-е годы обозначились тенденции к фашизации политического строя и права.

Период II мировой войны — это годы гитлеровской оккупации и в то же время освободительной борьбы, в ходе которой были заложены основы нового польского государства как государства социалистического типа.

Периодизация истории польского государства представляется в следующем виде:

1. Польское государство и право эпохи феодализма

1. Племенные государства и создание польского государства (VIII в. — половина X в.).

2. Вотчинная (патримониальная) монархия (вторая половина X — 30-е гг. XIV в.). Этот период делится на два подпериода: а) относительно единой раннефеодальной монархии до 40-х годов XII века и б) феодальной (удельной) раздробленности.

¹ В Польше именовалось «королевством».

3. Сословная монархия (30-е гг. XIV — середина XV в.).

4. Шляхетская Речь Посполитая, существовавшая до ликвидации польского государства. Этот период делится на подпериоды: а) шляхетской демократии (вторая половина XV и XVI в.); б) магнатской олигархии (начало XVII в. — 70-е гг. XVIII в.); в) начала конституционной монархии в период Просвещения и разделов (70-е гг. XVIII в. — 1795 г.).

5. Польские земли после третьего раздела в период разложения феодализма и возникновения капитализма (1795—1848 гг. или — 1863 г.).

II. Польское государство в эпоху капитализма

6. Польские земли в эпоху капитализма (до 1918 г.).

7. II Речь Посполитая (1918—1939).

8. Гитлеровская оккупация (1939—1944).

III. Польское государство и право эпохи социализма

9. Польская Народная Республика (с 1944 г.).

Периодизация права не всегда совпадает с периодизацией государственного строя. Хотя типам государств непременно соответствуют конкретные типы права (феодалного, буржуазного и т. п.), последнее обладает своей особенной внутренней периодизацией, зависящей от разных обстоятельств. Так, введение в Герцогстве Варшавском Кодекса Наполеона означало рецепцию буржуазного гражданского права в обществе, где, например, уголовное право как было, так и оставалось феодальным. Феодальные элементы доминировали в политическом строе как Герцогства Варшавского, так и Царства Польского. В связи с этим появилась необходимость в корректировании данной общезначимой периодизации в зависимости от специфических обстоятельств. Таким образом, мы отделяем средневековое право (до середины XV в.) от права шляхетской Речи Посполитой, особо выделяя реформы права в период Просвещения (вторая половина XVIII в.). Во время разделов появляются законники, типичные для периода перехода от феодализма к капитализму (например, прусский — *Landrecht* 1794 г.), а затем кодексы и законы буржуазного типа. Разумеется, исторический подход потребовал от авторов отдельного рассмотрения процесса создания польской системы права во время II Речи Посполитой.

Основные работы по истории государства и права Польши. Первым в Польше исследовал право в историческом аспекте Тадеуш Чацкий, автор книги «O litewskich i polskich prawach» (2тт., 1800—1801). Еще раньше, в 1787 году, в реформированном Гуго Коллонтаем Ягеллонском университете была создана первая кафедра отечественной истории права. Затем, в открытой в 1808 году в Варшаве Школе права (позднее — факультет права Варшавского университета) была создана вторая такая же кафедра, и ее возглавил известный ученый Ян Винцент Бандтке.

В XIX веке на польскую науку оказывала влияние немецкая историческая школа права, основателями которой были Ф. К. Савиньи и К. Ф. Эйхгорн. Она провозглашала, что действующие законы обусловлены «народным духом» и его эволюцией. Каждый последующий этап генетически связывался с предыдущим. В немецких условиях «историческая школа» служила сохранению институтов старого права вопреки предлагавшимся буржуазным кодификациям. В Польше влияние немецкой исторической школы нашло выражение не столько в сфере идеологии, как таковой, сколько в исследовательском методе. Отсутствие собственного государства, господство чужеземного правления и чужеземных правовых систем вызвали живой интерес к прошлому отечественного государства и права. Отвечая на этот «социальный заказ», историк Иоахим Лелевель занялся законодательством Казимира Великого, а историк права Вацлав Мацеёвский включил историю польского права в свою «Historię prawodawstw słowiańskich» (I изд.— 4 тома, 1832—1835, II изд.— 6 томов, 1856—1865). Карл Хоффман в работе «Obraz rządu i prawodawstwa dawniej Polski» (1847—1849) выступил против концепции неизменного народного духа, выдвигая на первый план роль монархии как руководящей силы в государстве.

Позитивистское направление в истории государства и права представлял Михаил Бобжинский. Принимая предпосылки эволюционной теории, он подчеркивал роль государства как движущей силы развития. В книге «O dawnym prawie polskim, jego pauce i umiejętym badaniu» (1874) он наметил направление работ в соответствии с этими предпосылками.

Курсы истории государственного строя и древнего польского права начали читать в университетах Кракова и Львова, и затем они были включены в программу для юристов (после реполонизации университетов в период автономии). Освальд Бальцер, профессор Львовского университета, в своих монографиях и лекциях, обрисовал общественно-политический строй Польши до XVI века. Профессор Ягеллонского университета Станислав Кутшеба обобщил историю общественно-политического строя Польши по 1914 год в книге «Historia ustroju Polski w zarysie» (4 тт., 1905—1917). Обобщающий труд по истории древнего польского частного права написал профессор Львовского университета Пшемислав Домбковский «Prawo prywatne polskie» (2 тт., 1910—1911). После возрождения польского государства С. Кутшеба подготовил краткое пособие уголовного и процессуального права: «Dawne polskie prawo sądowe w zarysie» (1921), а также фундаментальную «Historię źródeł dawnego prawa polskiego» (2 тт., 1925—1926). «Dawne prawo sądowe polskie» (1936) представил в виде пособия профессор Варшавского университета Юзеф Рафач, обратив особое внимание на процессуальное право. Зигмунт Войцеховский, профессор Познаньского университета, издал очерк политического строя средневековой Силезии до 1400 года (1933), а после II мировой войны — книгу «Państwo polskie w wiekach średnich» (I изд., 1946, II изд., 1948).

Первый труд по истории государства и права Польши, основанный на марксистских методологических принципах, был задуман как пятитомник. Вышли (в 1957 г.) два тома, посвященные истории Польши до разделов, а именно: I том (до середины XV в.), написанный Юлиушем Бардахом (IV изд. 1972 г.), II том (с середины XV в. до 1795 г.), написанный Здиславом Качмарчиком и Богуславом Леснодорским при участии Збигнева Здруйковского, Крыстыны Буковской и Витольда Маисла, которые разработали судебное право с XVI до середины XVIII века (IV изд. — 1971); III и IV тома находятся в печати, V том, рассматривающий общественно-политический строй и право II Речи Посполитой (1918—1939), является коллективным трудом под редакцией Францишека Рышки (ч. I — 1962, ч. II — 1969).

По периоду разделов Польши существуют отдельные монографии. Среди них: Владислава Собоцинского «Ustrój i prawo Księstwa Warszawskiego» (1964), Яна Вонсицкого «Ziemie polskie pod zaborem pruskim», охватывающая 1793—1806 гг. (2 тт., 1957—1963), наконец, для земель, захваченных Австрией, Станислава Гродзиского «Historia ustroju społeczno-politycznego Galicji 1772—1848» (1971) и Константина Гжибовского «Galicja 1848—1914. Historia ustroju politycznego na tle historii ustroju Austrii» (1959). Кроме монографий В. Собоцинского, названные выше работы ограничиваются исследованием политического строя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО.
ШЛЯХЕТСКАЯ РЕЧЬ
ПОСПОЛИТАЯ

Раздел первый
ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

Родоплеменной строй. Славяне жили общественными группами, называемыми родами. Род представлял собой коллектив людей, объединенных родственными узами, и составлял территориальное, имущественное и производственное целое. Родство основывалось на происхождении всех мужчин от общего предка, хотя иногда в род входили посредством женитьбы или свойства. Род обычно жил в одном поселении и вел общее хозяйство на сравнительно обширной территории. Подсечное земледелие, требующее труда большого количества людей, распространялось именно в период родового строя. Род представляет также потребительную единицу, сосредоточивая все запасы и совместно питаясь. Он обеспечивал своим членам защиту от чужих. Сородичей объединяли чувство солидарности, культ общих предков. Поэтому удаление из рода, изгнание было самым тяжелым наказанием.

Роды объединялись в племена. Во главе племени стоял вождь. О существовании племенных вождей в I—II вв. н. э. свидетельствуют богатые так называемые княжеские могилы, известные по раскопкам. Около вождя сосредоточивалась родоплеменная старшина. Вожди и их окружение накапливали богатства от военной добычи, даров и дани, взимаемой с покоренных или зависимых племен, а также за счет доходов от торговли с иноземными купцами. Они эксплуатировали также труд рабов, захваченных во время военных походов. Появление рабов было началом первого деления на классы. Рабовладельческий уклад у славянских народов сложился в то время, когда рабовладельческий строй в странах, входивших в состав Римской империи, уже изжил себя. Он не стал основой производственных отношений у германцев и славян.

Подсечное хозяйство продолжало преобладать в сфере производства, но эксплуатация рабов и рост обмена приводили к укреплению частной семейной собственности. Общественную дифференциацию особенно ускоряло также обособление родоплеменной старшины в наследственные группы «старших» или «лучших» людей. Следует помнить, что некоторые различия в материальном уровне существовали и в период первобытнообщинного строя. Мнение о совершенно равных условиях потребления не находит убедительного

подтверждения ни в археологическом, ни в сравнительном историческом материале.

Удар по родовой организации нанесли переселения народов (на польской территории — VI—VII вв.), которые привели к распаду или рассеянию многих родов. С этого времени соседско-территориальная связь получила перевес над общностью происхождения. Указанный перелом в истории славянских обществ связан с прогрессом пахотной земледелия. Более высокая техника упряжной пахоты в сравнении с подсекой способствовала увеличению урожая, стабилизации площади обрабатываемой земли, а также и ее увеличению. Более того, упряжная пахота не требовала усилий такого большого коллектива, как род. Так созревали материальные предпосылки для возникновения государственной организации.

Территориальная община. В конце родоплеменного периода в качестве основной формы общественной организации как на польской территории, так и у других славянских народов появилась территориальная община, основанная на соседской связи. На польских землях ее называли *опольем*. Она охватывала — в зависимости от плотности заселения — территорию от нескольких десятков до нескольких сотен квадратных километров. Н. Ловмянский исчисляет среднюю территорию ополья (вместе с преобладающими на ней лесами) приблизительно в 300 кв. км, а население в 1200—1400 человек. В состав ополья входили как многодворные поселения — деревни, так и однодворные селения. Оба типа поселений существовали рядом: из однодворного поселения по мере разрастания семьи развивались поселки и села, насчитывающие обычно несколько, чаще всего до 20 хозяйств, а в результате переселения выходцев из многодворных селений на новые земли там возникали однодворные поселения. Центром ополья был укрепленный валом и палисадом грод, который в науке получил название «опольного чела» (*czola opolnego*).

В состав территориальной общины входили родственные группы, меньшие, чем роды, так называемые большие семьи. Большая семья — переходная стадия в процессе разложения родовой общины — охватывала находившихся под властью отца-патриарха три-четыре мужских поколения вместе с их женами и потомством, а также и принятых в общину лиц. Большая семья вела общее хозяйство на пахотной земле, находящейся в ее владении, хотя и территориальная община могла иметь на эти земли некоторые права. Хозяйство большой семьи имело в основном натуральный характер. Производились почти все необходимые для жизни предметы потребления (пища, орудия, оружие, предметы домашнего обихода). Большая семья составляла первичную ячейку хозяйственной жизни общества.

По мере хозяйственного развития из больших семей выделились малые семьи, состоящие из родителей и их детей и ведущие самостоятельное хозяйство. Пахотные земли и скот были поделены между малыми семьями, а леса, пастбища и воды оставались и в дальнейшем в совместном пользовании всего ополья.

Потребности обороны и хозяйственного сотрудничества коллектива способствовали сохранению родственных связей между малыми семьями. Эти связи и в дальнейшем называли родовыми. Для отличия от древних родов такой новый род называется в науке патронимией. Он состоял из ряда семей, живущих обычно в одном

селении, защищал жизнь и имущество своих членов, мстил в случае их убийства и при необходимости организовывал взаимную помощь (при корчевании, охоте и т. п.). Такие роды сохранялись и в средние века. Встречаем их еще в XIV—XV вв. как «родовые гнезда» мелкой шляхты, особенно многочисленные в Мазовии.

Все свободные мужчины ополья собирались на вече, на котором решали общие дела. Решения веча готовила старшина. Из ее круга выходили военные предводители, роль которых вследствие частых войн была значительной и все время возрастала. Военная организация охватывала и все мужское население ополья. Этот строй, предшествующий возникновению государственной организации, называют обыкновенно *военной демократией*. Ее история характеризуется значительной динамикой: грабительские походы, подчинение силой более слабых соседей и одновременно с тем союзы или федерации ополей. Союзы ополей называют племенами, хотя в них преобладал территориальный элемент, а не кровно-родственный. Такие племена находились под властью военного предводителя, а сама эта власть приобретала постоянный характер. Вокруг предводителя формировался отборный отряд воинов — зачаток дружины. Военная добыча, в том числе рабы, дары, а также дань, взимаемая с зависимых или покоренных племен, составляла главный источник обогащения и усиления общественной верхушки в период военной демократии, ускоряя процесс общественной дифференциации. Эти позднейшие, территориальные племена подготовили основу для первых государственных организаций.

Первые политические организации на польской территории. Они сформировались в результате сложного процесса, детальное развитие которого из-за отсутствия источников мы не в состоянии воссоздать. Археологические исследования подтвердили существование на территории Польши в VII—IX вв. комплексов городищ, составляющих постоянно населенные территории, отделенные от соседей необитаемыми местностями: болотами или лесными массивами. Они могли соответствовать району обитания отдельных территориальных племен. К первой половине IX века относится составленный в Южной Германии латинский источник неизвестного автора, называемого Баварским Географом. В нем перечисляется ряд племен, проживавших на польской территории. Называя племя, автор сочинения указывал число принадлежавших ему *civitates*, что означает, по мнению некоторых исследователей, число поселений (согласно другим предположениям — укрепленных городищ — опольных гродов) и характеризует силу данного племени.

В течение IX века на некоторых польских землях возникали более крупные центры, связывающие ряд племенных территорий. Они становились как бы ядром,

сосредоточивающим вокруг себя остальное население. В том же IX веке обозначились два таких центра: вислицко-краковский в Южной Польше, известный в источниках как Княжество вислян, гнезненско-познаньский в Северной Польше — Княжество полян. В вислянском центре, состоящем из нескольких племенных территорий, ключевую роль играли города: Краков, упоминаемый уже в источниках IX века, Тынец и Вислица. Княжество полян в бассейне средней Варты распространило свое господство на соседние племена ледничан, палуков, гечан и др. Оно включило затем Куявию, где существовала политическая организация гоплян с центром в Крушевице, а также более мелкие племенные организации в Центральной Польше (позднее Велюнская, Серадзская и Ленчицкая земли).

Висляне в конце X века оказались под властью Великой Моравии. После ее падения (906 г.) висляне возможно вернули независимость, однако ненадолго, так как в 955 году страна вислян с Силезией (там находились территории слензан, дзядошан, бобжан, тшебовян и голеншиков) была уже в зависимости от Чехии. Полянский центр во главе с Познанью и Гнезном не имел, следовательно, соперника в процессе объединения земель по Варте и Висле.

Раздел второй

ВОТЧИННАЯ МОНАРХИЯ

1. ПОЛЬСКОЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Польское государство в X веке. Польское государство появилось на исторической арене позднее чем Чехия и Киевская Русь. Польские земли, отдаленные от больших мировых центров того времени (Рима, образовавшейся в 962 г. Западной Римской империи германской нации, наконец, Византии), вступили с ними в непосредственные политические контакты достаточно поздно. Отсутствие границы с Германией, от которой польские земли отделяли государственные организации полабских славян, достаточно долго способствовало сравнительно спокойному существованию славян и их непосредственных соседей. Опасность не побуждала их — до определенного времени — к более быстрому

формированию единой государственности. В результате этого интеграционные процессы протекали медленнее, но завязавшиеся связи имели более многосторонний характер, успешно соединяя население польских земель, близкое в этническом, языковом и культурном отношениях.

Хотя польское государство вышло на историческую арену только при князе Мешко в 60-е годы X века, оно имеет достоверные исторические доказательства, позволяющие отодвинуть его возникновение еще на три предшествующих поколения. Галл называет в качестве предшественников Мешко I правителей той же династии: Земовита, Лешка и Земомысла. Монархия была фактором политической стабилизации. Она способствовала формированию устойчивых государственных организмов.

Общественно-политические отношения, сложившиеся в государстве полян, равно как и в других политических организациях на землях Польши, называют иногда в науке протофеодальными, т. е. развивавшимися в направлении формирования феодального строя. На первое место в обществе выдвигался слой *можных*, т. е. знати, служащей при монаршем дворе, включая в него предводителей дружины и правителей гродов. Источником их содержания и обогащения была известная доля государственных доходов, а также доходы от их собственных, еще относительно небольших хозяйств, в которых были заняты главным образом рабы. Рабский труд разрушал старые патриархальные производственные отношения, ускорял обогащение знати. Поскольку рабовладельческий уклад еще не стал в Польше основой экономических отношений, избытки рабов, источником которых была в основном военная добыча, были предметом экспорта, обогащающего знать.

✓ Первыми классами, известными в истории Польши, были собственники рабов и рабы. Вместе с тем глубинные классово-образующие процессы происходили внутри территориальных общин. Монарх и знать принуждали население к даям, натуральным поставкам и повинностям в форме служб. Кроме того, на населении лежала обязанность строительства и ремонта гродов и укреплений (так называемых просек), предоставления людей для охраны этих гродов, а также ночлега и продовольствия для двора, урядников и слуг монарха во

время их поездок по стране (так называемые стан, или станция), а также других специализированных услуг.

Присвоение прибавочного продукта на этом этапе исторического развития происходило централизованным путем, через государство. Государственная власть была той силой, с помощью которой формирующийся господствующий слой эксплуатировал всю массу населения. Подчинение населения новой, феодализирующейся знати сначала главным образом экономическим путем было только в зародыше.

Стоя во главе дружины, которая сделалась гарнизоном в главных городах, монарх предпринимал грабительские походы. Самой ценной добычей считались скот и рабы. Одновременно князь и знать вели оживленную торговлю с другими странами. Такая торговля, как и военная добыча, из которых лучшая доля перепала старшине, ускоряли процесс формирования господствующего класса.

Связь дружинной организации с существующими еще элементами военной демократии в форме военной службы всего свободного населения создавала сравнительно большой военный потенциал, который делал возможным быструю и широкую территориальную экспансию со стороны образующегося польского государства.

Окончание этого процесса приходится на конец X века. Около 990 года к Польше была присоединена Силезия, а молодой польский князь Болеслав Храбрый стал правителем Малой Польши, формально еще подчиненной Чехии. Он окончательно присоединил ее к Польше в 999 году, отодвинув границы Польши на юг до Карпат, а на Западе — до Одры и Нисы.

Качественное различие между политическими организациями с ограниченным территориальным охватом и еще неразвитыми функциями власти, с одной стороны, и обширным, объединенным польским государством времен Мешко I и Болеслава Храброго — с другой, подкрепляют взгляд о принципиальной перемене, совершившейся во второй половине X столетия. Археологические раскопки в свою очередь подтверждают наличие существенных политических перемен в тот период. Большие оборонные деревянно-земляные сооружения типа познаньского грода, каменные княжеские дворцы на Ледницком Острове, построенные в

конце правления Мешко I, костелы, возведенные по инициативе этого князя, свидетельствуют о силе монаршей власти, которая распоряжалась государственным аппаратом, достаточно развитым для обеспечения реализации этих капитальных для того времени строек.

На границе X—XI вв. система феодальных производственных отношений еще не получила преобладания на польских землях. Сельское население, организованное в ополья,— кроме групп, экономическим путем попавших в зависимость от знати,— было непосредственно подчинено власти монарха и его урядников. Феодальные отношения только постепенно созрели в течение XI столетия. Но именно они становились элементом, определяющим характер раннефеодального польского общества и государства. Для констатации формирующегося в то время феодального строя основным является не механическое установление факта, попало ли в зависимое положение большинство до тех пор свободных производителей или не попало, а вопрос о том, были ли феодальными те производственные отношения, которые выдвигались на первый план в главных центрах государственной организации, и определяли собой направление развития. Именно это и составляет исходный пункт для периодизации.

Государственная организация в X и XI веках. Основным элементом государства была, как известно, организация аппарата власти, которая в качестве обособленной общественной группы занимала привилегированное положение по отношению ко всему обществу и черпала средства к существованию из использования этого положения. Если в родоплеменном обществе органы управления (хотя они были окружены уважением и пользовались приношениями остальных членов племени) интегрировались с массой свободного населения, то в раннефеодальном обществе прогрессировало отчуждение аппарата власти от общества. Монарх, стоящий во главе государства и являющийся его символом, управлял вместе с Советом — Радой. Монаршая рада была неоформленным органом, в который правитель привлекал людей, пользующихся его доверием. Естественно, что в нее входила высшая знать. Члены монаршей рады составляли тогдашнюю правящую элиту. Ее следует отличать от того, что можно назвать группами соучастия, дававшими возможность правите-

лю и его ближайшему окружению осуществлять их политические цели, извлекая тем самым выгоду и приобретая привилегированное положение по отношению к массе населения. В Польше X и XI веков к группам соучастия относились: 1) монаршая дружина, 2) урядники, 3) духовенство.

Генетически наиболее ранней группой соучастия была дружина, теснее всего связанная с личностью монарха.

Наиболее сложной была роль и позиция урядового (чиновного) можновладства. Это была группа, тесно примыкавшая к правящей элите, так как из нее рекрутировались советники монарха. Внутри нее постоянно сталкивались две тенденции: реализация целей монарха, которому они служили как урядники, и в то же время — забота о собственных интересах можновладства, которые часто противоречили интересам правителя. Личный состав этой группы был по своему происхождению неоднородным. Значительные изменения в ее составе произошли, должно быть, вследствие перенесения Казимиром Обновителем (после народного восстания 1037—1038 гг.) столицы из Гнезна в Краков, в Малую Польшу, сравнительно недавно присоединенную к государству Пястов и имевшую собственные, отличавшиеся от Великой Польши опыт и традиции. Привилегированное положение малополян и отстранение на второй план доминирующего при первых Пястах великопольского можновладства, однако, не защитили монарха и на этой территории от оппозиции, захватившей также часть правящей элиты, как об этом свидетельствует конфликт Болеслава Смелого с краковским епископом Станиславом, опиравшимся на поддержку малопольской знати.

Можновладство составляло наследственную группу, которая пыталась монополизировать уряды. Отсюда возмущение палатином Сецехом, который, как сообщает летописец, при правлении Владислава Германа в конце XI века «людей низкого происхождения возносил над благородными», комплектуя ими уряды.

Появление третьей группы соучастия — духовенства — было результатом принципиального политического решения о крещении Польши (966 г.). Обилие материальных средств, предназначенных на строительство христианских храмов, и содержание духовенства,

приведение в действие государственного аппарата принуждения для обеспечения соблюдения основ новой веры показывают, насколько тесным было сотрудничество монарха и церкви. Духовенство стало одной из основных групп соучастия, а епископы заняли почетное место в придворной иерархии как советники монарха. Церковь как институт с самого начала выступила в Польше как государственная церковь, как часть формирующейся феодальной общественной и государственной организации.

Государственная организация была связана с развитой финансовой системой, удовлетворявшей различные государственные потребности. Правящая элита и все группы соучастия имели свою долю в финансовых доходах, которые составляли основной источник их содержания, а также в концентрации богатства. Таким образом, это была система централизованной эксплуатации, осуществляемой в интересах монарха, окружающей его правящей элиты и групп соучастия, в отличие от нецентрализованной эксплуатации, осуществляемой панями в их имениях. В более поздние времена система финансовой эксплуатации никогда не достигала такой универсальности, как в XI—XII столетии.

Раннефеодальное государство представляло могущественную силу, влияющую — порой решающим образом — на многие элементы общественной и хозяйственной жизни. Его роль была тем более значительной, что существовавшие общественные структуры были еще неустойчивыми. В формировании нового строя государство было тем рычагом, с помощью которого группы, стоявшие у власти, добивались реализации своих целей как в области экономики, так и в области общественных отношений. Итак:

а) по инициативе государства возникали крупные оборонные центры в виде гродов, а также велось церковное и светское строительство;

б) с организацией гродов было связано возникновение городских центров — подгродий, а рядом с ними торгов — центров местного рынка. Стольные гроды провинции были также административными и религиозными центрами, чаще всего местопребыванием епископств;

в) крупная земельная собственность во многих отношениях была обязана своим развитием государству.

Государственная власть была в состоянии обеспечить формирование, а затем укрепление крупной собственности, церковной и можновладской. Равным образом присвоение земель урядниками совершалось благодаря силе, которой они располагали на основании выполняемых государственных функций;

г) общественные структуры сельского населения были также отчасти результатом деятельности государственной власти, которая в зависимости от своих потребностей создавала дифференцированные группы, подвергавшиеся различным формам эксплуатации и зависимости. Укрепление раннефеодального государства способствовало социальной дезинтеграции сельского населения.

Вотчинный характер польского государства в X—XIII вв. В возникавших или укреплявшихся раннефеодальных монархиях раннесредневековой Европы получила развитие вотчинная концепция государства, выступавшего в виде наследственной собственности (*patrimonium*). По отношению к государству имели силу те же принципы наследования, что и в частноправовых отношениях.

Вместе с тем развивая в течение времени соответственные ему публично-правовые элементы, государство далеко выходило за рамки частной вотчины. Прежде всего следует указать на вече как на форму участия общества в управлении государством, включая влияние, которое оказывало вече при выборах правителей из членов правящей династии. Прогресс феодализации и типичное для средневековья смешение публично-правовых и частноправовых институтов и норм приводили к победе принципа деления государства между сыновьями всех тех правителей, которые имели более одного наследника. Болеслав Храбрый (999—1025), изгнав мачеху и единокровных братьев, нарушил волю отца. Его сын, Мешко II (1025—1034), должен был под давлением императора «священной римской империи» выделить для них особые области. О том, что государство понималось как частносемейная собственность, свидетельствует, например, совместное правление отца с сыновьями при Владиславе Германе (1078—1102). Вотчинное отношение правителя к государству не вытекало, следовательно, как это принято

считать, из первобытных понятий, а было проявлением феодализации строя.

В связи с вотчинной концепцией государства происходило также формирование земельной регалии. Она заключалась в признании собственностью монарха всех земель, не принадлежавших знати, а следовательно, как тех территорий, на которых жило свободное сельское население, выполнявшее повинности в пользу монарха, так и всех необрабатываемых земель, лесов и вод вообще. Земельная регалия была результатом освоения территории государственной властью, она существовала уже в XI веке, что позволяет связать ее с экспансией монаршей власти времен Мешко I и Болеслава Храброго, которые считали подчиненные им земли своей собственностью. Земельная регалия вместе с остальными регалиями составляли систему монополий, принадлежащих монаршей власти, а вытекающее из земельной регалии право монарха на передачу земли с живущим на ней населением означало санкционирование возникающего феодального строя.

II. ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА

Польское обычное право. Древнейшее польское право — это главным образом обычное право. В связи с отсутствием в раннесредневековой Польше сборников права типа варварских правд (*leges barbarorum*) мы располагаем немногими сведениями о действующем в то время обычном праве, нормы которого передавались из поколения в поколение.

Знания о праве мы получаем прежде всего из источников, сообщающих о правовой практике. К ним относятся документы XII—XIII вв., с течением времени все более многочисленные, констатирующие определенные правовые действия. Это и княжеские дипломы, подтверждавшие правовые действия частных лиц, такие, как купля-продажа или дарственные записи, это и княжеские акты пожалования, это и судебные акты и, наконец, разного рода частные акты.

Много сведений о древнем польском праве содержит так называемая Генриковская книга, точнее книга цистерцианского монастыря в Генрикове (Силезии), содержащая правовые акты, а также записи о сделках, заключенных монастырем в XIII и начале XIV века.

Целью Генриковской книги было облегчение охраны прав монастыря посредством записи того, каким путем он получил находящиеся в его владении имущества. Она содержит также ценную информацию об общественном строе того времени.

Письменные акты составлялись на основе образцов, почерпнутых из практических пособий по составлению правовых актов и документов-формуляров. Они восходят к концу XIII — началу XIV века, но имеются сведения, что были известны в Польше и ранее. Уже в начале XIII века формуляр применяли в архиепископской канцелярии в Гнезне. Существовали формуляры для монаршей канцелярии, особые для разного рода судов. Использование формуляров вело к унификации права.

Важным источником для изучения польского обычного права является древнейшая запись, выполненная на старонемецком языке во второй половине XIII века, скорее всего, для крестоносцев, под господством которых находилось польское население Хелминской земли. Она известна как Эльблонгская книга, поскольку эта, случайно открытая в середине XIX века, рукопись находилась в городской библиотеке в Эльблонге (Эльбинге); в современной литературе ее называют также «Древнейшим сводом польского права». В русской литературе она именуется «Польской правдой». Запись дошла до нас в неполном виде, текст ее обрывается на середине предложения. В рифмованном предисловии неизвестный автор подчеркивал отечественное происхождение и своеобразие польского права. «Его мудрецы,— писал он о польском народе,— с давних времен установили для него его право и объявили, чтобы он обращался к нему. Народ этот называется поляками, его право сообщаю». Важно подчеркнуть, что немецкий автор говорит о польском праве как общем для всех польских земель (отмеченные различия имеют второстепенный характер), а это могло бы свидетельствовать о том, что система польского обычного права сложилась в основном до распада Польши на уделы или, говоря точнее,— до половины XII века. Такое утверждение находит свое обоснование и в других известных источниках.

Наряду с обычным правом появилось и постепенно развивалось право, устанавливаемое правителем. Здесь можно выделить *привилегии* (привилеи) и

статуты. Единичные привилегии выдавались или физическим лицам — можновладцам, потом рыцарям, и юридическим лицам, каковыми были церковные учреждения (епископства, капитулы, монастыри). Самую большую группу представляли иммунитетные привилегии. Раз выданная привилегия создавала субъективное право для наделенного ею лица; оно не могло, таким образом, быть изменено без его согласия. В XIII веке наряду с единичными привилегиями начали издавать также земские привилегии (в Чени в 1228 г., в Лютомышле в 1291 г.), охватывающие всех членов одного или более сословий (духовенство, шляхта, мещанство) и распространяющиеся на территорию всей данной земли.

Статуты — это установленные правителями законоположения, правовые нормы, регулирующие отдельные стороны государственной жизни. Древнейшие упоминания о статутах Болеслава Кривоустого касались регулирования им военных обязанностей населения. Важную роль сыграл другой статут того же правителя о принципах наследования княжеского престола. В XII веке статуты издавались очень редко.

Немецкое право на польских землях. Немецкое право как право инородное (с середины XIII в. оно начало распространяться в Польше) должно было опираться не на общественную память, как это было в те времена, когда немецкие поселенцы создавали отдельные от польской среды этнические островки, а на письменные правовые акты. Это были прежде всего локационные привилегии. Их выдавал правитель, осуществляя локацию города или села на немецком праве или разрешая ее получателю привилегии — духовенству или рыцарю. При локации в частных владениях пан имения (т. е. его собственник) на основе этой привилегии выдавал поселенцам специальный локационный документ, который определял устройство города или деревни, права и обязанности поселенцев, гарантируя им пользование немецким правом. Если локацию осуществлял сам монарх, привилегия и локационный документ составляли один акт. Немецкое право укоренилось в Польше в качестве организационно-правовой основы как для городов, так и для деревень, что доказывает наличие между ними связи, обусловленной развитием товарно-денежного хозяйства. Основным источником применяемого в Польше немецкого права составляла запись обычного права первой половины XIII века, известная как Саксонское зеркало. Источником городского права были правовые поучения, так называемые «ортыли», издаваемые немецким Магдебургом для некоторых польских городов. Сборником городского права, применяемым в Польше, был также магдебургский *Weichbild*, охватывающий устройство судов и городское судебное право и используемый в редакции, составленной в начале XIV века Конрадом из Ополя.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В XI—XIII ВВ.

А. Формирование феодальной земельной собственности и сословий

Земельная собственность — основа общественных отношений. В XI веке земельная собственность знати еще не была сколько-нибудь значительной. Большую часть своих доходов она черпала из государственного скарба (казны); таким образом, господствующей формой эксплуатации была централизованная эксплуатация.

Во второй половине XI и XII веков монархи, опираясь на земельную регалию, жаловали деревни, ополья, иногда даже целые каштелянии церкви. Можно-владцы и рыцари получали более мелкие владения вначале в качестве бенефициев (временных пожалований) за несение службы. Очень скоро они превратились в наследственную собственность, называемую аллодиальной, и стали расширяться за счет новых пожалований, покупок и т. п. Однако еще в середине XII века владения знати, включая наследственные и пожалованные имения, не превышали 20 деревень, и только в исключительных случаях насчитывали несколько десятков деревень, например имение воеводы Петра Власта.

Одновременно с пожалованиями князь с конца XII века формировали собственные домены. Домен следует отличать от земельной регалии, в чем находит отражение тот отмеченный выше факт, что и в вотчинной монархии частнопровольные элементы выступали наряду с публично-правовыми. Развитие домена монарха падает на XIII столетие, когда князь, как и феодальные паны, начал поселять в своих имениях население на немецком праве и переводить на него уже и прежде существовавшие поселения. Можно сказать, что в тот период князь сделался самыми крупными феодалами в своих доменах.

Аллодиальной собственностью на землю обладали не только феодальные паны, но также и рядовые рыцари, не имевшие зависимых от себя людей. Признание полной, аллодиальной земельной собственности было связано в данном случае с обязанностью конной военной службы, в чем можно усматривать начала так называемого рыцарского права (*ius militare*).

В условиях преобладающего натурального хозяйства (в XII в.) на крестьянах лежала обязанность отработок в пользу пана или чаще всего они отдавали ему часть продуктов, полученных в собственном хозяйстве. В пользу церкви крестьяне платили десятину. Наряду с тем, как и все население, которое находилось в непосредственном подчинении князя, крестьяне, живущие в имениях панов, несли в его пользу повинности (дани и службы), имевшие публично-правовой характер. Только в имениях княжеского домена они соединялись в одно целое с феодальной рентой. В целом такие повинности согласно подсчетам исследователей составляли около 50% доходов крестьянского хозяйства.

В XIII веке в пределах домена начали возникать особые центры хозяйственного управления в виде монарших дворов. Двор представлял собой центр вотчины, хозяйственной единицы княжеских владений. Делами вотчины руководил управляющий, используя труд зависимых крестьян и рабов. Управляющий же собирал ренту с крестьян и деревенских ремесленников. Наконец, в его задачу входило обеспечение запасов для нужд князя и его окружения. В небольших уделах объезды играли меньшую роль; основную часть продуктов отсюда доставляли в столичный грод, чему служили специальные повинности: повоз, провод и вооруженный провод, если возникала необходимость сопровождения транспорта.

Особо развитую организацию имели во владениях монарха охота и животноводство. Здесь существовала довольно широкая специализация повинностей населения.

Рост крупной земельной собственности. Расширяя свои домены, князья становились самыми крупными земельными собственниками в своих уделах. Увеличивая домен, они охватывали своей хозяйственной администрацией уже заселенные территории, а также сажали поселенцев на пустошах. Одновременно со второй половины XII века начала быстро расти собственность светских и духовных панов. Светская знать располагала наследственными имениями. Кроме того, используя возможности, которые давали им занимаемые уряды (должности), они присваивали земли, на которые распространялась регалия монарха, и приобретали новые владения за счет княжеских пожалований. Эти захваты иногда санкционировались задним числом монар-

шим пожалованием. Увеличение пожалований удельные князья стремились компенсировать расширением домена.

Крупная земельная собственность больше всего развивалась в Малой Польше, где могущественное можновладство играло решающую роль в политической жизни общества. За ней шла Великая Польша, потом Куявия и Силезия. Здесь, правда, сохранилось больше всего документов, но размеры крупной собственности были относительно скромными, составляя в среднем 5,6 деревни на можновладца, в то время как в Малой Польше — 9,3 деревни. Менее всего крупная собственность развивалась в Мазовии, где существовал многочисленный слой мелкого рыцарства, а князья, сами не очень богатые, не спешили с раздачей земель.

Собственность духовенства росла как за счет монарших пожалований, так и многочисленных — в особенности в конце XII и первой половине XIII века — даров можновладцев, которые часть своих легко приобретенных владений передавали церкви. Со второй половины XIII века земельные пожалования в пользу церкви становились все более редкими.

Рост крупной земельной собственности путем наследования, пожалований, захватов, дарений, а также покупки приводили к тому, что крупная собственность — как духовная, так и светская — бывала обычно распылена. В течение XIII века происходила концентрация земель, особенно церковных. Этот процесс сопровождался ликвидацией анклавов, т. е. чужих владений — крестьянских и рыцарских, расположенных в пределах феодальной вотчины (в том числе посредством выселения).

Формы условной собственности в Польше в отличие от Западной Европы не получили распространения. Более широкое применение ленная система нашла только в Западном Поморье и Силезии, где князья жаловали земли в основном рыцарям, прибывающим с Запада, перенимая из Германии развитые формы ленных отношений. Основной формой феодальной земельной собственности в Польше XIII и последующего столетия была безусловная наследственная (аллодиальная) собственность, обремененная, если говорить о светских феодалах, обязанностью военной службы. Преобладание аллодиальной собственности составляло своеобразную черту польских феодальных отношений.

Иммунитеты: экономический и судебный. Изменения в распределении прибавочного продукта в пользу феодальных панов были облегчены ростом доходов князей. Росли их домены, развивался обмен, что увеличивало поступления от пошлин и мыта, а также доходы от городов. Это позволяло князьям легче отказываться в пользу панов от источников поступлений, до того времени закрепленных за ними самими. Такие перемены нашли выражение в пожаловании правителями иммунитетных привилегий. Ту часть даней и служб и те права (включая судебные), сохранение которых князь оговаривал за собой при пожаловании частичного иммунитета, а также доходы и права от неиммунизованных владений начали в это время называть княжеским правом (*ius ducale*). Они были предметом дальнейших притязаний панов — собственников имений.

Экономический (финансовый) иммунитет заключался в освобождении населения, живущего в частных владениях, от обозначенных в привилегии даней и служб в пользу князя. Такое освобождение называлось свободой (*libertas*). Полный экономический иммунитет ограждал крестьянина от самоуправства княжеских урядников, часто допускавших злоупотребления при сборе дани, и одновременно давал пану возможность монополизировать эксплуатацию крестьянина. С этого времени пан мог получать уже в форме феодальной ренты все те повинности, которые до того шли князю и каштеляну, реформировать или рационализировать их. Иммунитетные привилегии, таким образом, приводили к децентрализации эксплуатации, являясь формой взимания прибавочного продукта, находящегося в руках землевладельца. Одновременно происходил переход к пану функций государственной власти по отношению к населению, живущему в его владениях. Это совершалось путем пожалования пану судебно-административного иммунитета (кратко называемого также судебным, так как в основном он касался суда), который ограничивал или исключал суд княжеских урядников над зависимым населением, живущим во владениях, которые получили иммунитет (*immunitas ab introitu iudicis*). С того времени судебные дела подлежали суду собственника владения или назначенного им судьи. Административная власть княжеских урядников над населением иммунизованных владений упразднилась. Это совершалось в форме запрещения въезда княжеских урядников на территорию иммунизованного владения. Если бы урядники попытались насильно реализовать свои прежние права, привилегированный имел право — что иногда оговаривалось в привилегии — воспрепятствовать этому силой.

Судебные иммунитеты, помимо того, что они укрепляли непосредственную власть пана над зависимым крестьянским населением, что давало возможность применения в широких размерах внеэкономического принуждения, имели существенное хозяйственное значение, поскольку штрафы, выплачиваемые в основном в деньгах, становились дополнительным источником доходов пана. При частичных судебных иммунитетах устанавливались подробные правила размежевания доходов.

С момента пожалования иммунитетов — экономического и судебного — права, принадлежавшие государственной власти, переходили к церковному учреждению или светскому феодалу. С этого времени в его лице соединялся собственник земли и носитель политической власти, происходило объединение государственной функ-

ции с феодальной собственностью на землю. Одновременно с пожалованием иммунитетов происходила передача собственнику земли части регалий. Иммунитеты укрепляли основу нового строя — феодальную земельную собственность, освобождая от большинства обременявших ее перед тем монарших прав.

Раньше всего (уже в XII в.) получали иммунитеты монастыри. Затем начали жаловать общие иммунитетные привилегии епископам, которые распространялись на все владения одного или нескольких епископов. Такой характер имели иммунитетные привилегии для церкви 1210 и 1215 годов, предоставленные на княжеских съездах.

В борьбе с сопротивляющимися князьями, поддерживая и выдвигая покорных себе, церковь, а вслед за ней светская знать приобретали иммунитеты в течение всего XIII века, который поэтому называется веком иммунитетов.

Ослабление княжеской власти во второй половине XIII века, а позднее ход борьбы за объединение государства, когда князья должны были заботиться о поддержке рыцарства, вызвали, начиная с седьмого десятилетия XIII века, предоставление ему все более многочисленных иммунитетов. Они широко предоставлялись на рубеже XIII—XIV вв., чаще всего за счет узурпации иммунитетных прав. Распространение иммунитета на рыцарство-шляхту произошло путем слияния двух первоначально разных институтов: иммунизированной земли и земли на рыцарском праве.

Формирование сословий. Сословие появляется тогда, когда определенный класс феодального общества (или его часть) получает особое правовое положение. В феодальном обществе можно различить привилегированные, господствующие сословия, которым право на эксплуатацию гарантировали привилегии и непривилегированные сословия, права которых включали как некий элемент формальные запрещения, часто неэффективные, против разорительной эксплуатации со стороны привилегированных сословий. К последним принадлежали два феодальных сословия: рыцарство-шляхта и духовенство, тогда как к непривилегированным сословиям причислялись горожане и крестьяне. Организация, свойственная феодальному обществу, нашла проявление в иерархии сословий — высших и низших, в зависимости от места, занимаемого на общественной лестнице.

Раньше всего в качестве особого сословия выдвинулось духовенство. Это окончательно произошло в начале XIII века, когда клир стал руководствоваться особым церковным правом и получил собственный суд, а церковные владения были наделены иммунитетами, впоследствии еще более расширенными. Особенностью духовного сословия было то, как подчеркивал Ф. Энгельс, что в него входили как крупные духовные

феодалы (епископы, прелаты, аббаты), так и низшее городское и сельское духовенство, которые «стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах». Низшее духовенство имело многочисленные связи с народом, из которого оно большей частью происходило.

Выделение сословий было продолжительным и сложным процессом, а границы между ними не всегда поначалу отчетливыми. Существовали определенные группы, отнесение которых к тому или другому сословию доставляло трудности уже современникам. Происходило также проникновение зажиточных элементов из низших сословий в высшие, а также переход отдельных лиц или деклассированных групп из высших сословий в низшие. Эти общественные процессы действовали на протяжении всего рассматриваемого периода, хотя одновременно формировался взгляд, что сословная принадлежность определяется рождением. Такое воззрение получило особое значение применительно к рыцарскому сословию, позднее названному шляхетским. Шляхетство сформировалось после массового приобретения иммунитетов можновладцами и рыцарями, завершившегося в первой половине XIV века. Остались, однако, промежуточные группы, и потому шляхетское сословие еще не было вполне замкнутым.

Возникновение сословия горожан сопровождалось получением городами прав на самоуправление. Особое сословие горожан сформировалось тогда, когда распространилась организация городов на немецком праве. В Польше оно составляло, как и в других странах, компонент развитого феодального общества. Наконец, распространение чиншевой системы и связанные с этим изменения в правовом положении крестьян приводили к определенной унификации положения крестьянских масс, живших как на немецком, так и на польском праве. Это создало основу формирования в период преобладания чиншевой ренты особого крестьянского сословия.

Б. Рыцарство-шляхта

Можновладцы и рыцари. Начиная с XI века в источниках выступали отдельные группы можновладцев (*nobiles, magnates, proceres*) и рядового рыцарства

(*milites*). Поскольку в Польше вследствие удельной раздробленности на многие мелкие княжества, управляемые членами правящей династии, не было условий для формирования, как в других местах, ленной иерархии, как можновладцы, так и рядовые рыцари приобрели в результате эволюции положение непосредственных вассалов своего князя.

Главные представители можновладства, называемые *комесами*, сосредоточивали в своих руках государственные уряды и управление городами. Эта группа была довольно замкнутой. К ней принадлежали в основном по праву рождения. Однако и «новые люди», достигая благодаря урядам значения и богатства, добивались доступа в высшую группу. Вначале доходы комесов основывались главным образом на доле в публичных даях. В XII веке в основном путем монарших пожалований и захватов земель, санкционированных затем привилегиями, начала расти крупная земельная собственность светских панов. Фактическая монополия на уряды, а также большие собственные владения создали этой группе реальную основу власти. Ее членов с конца XIII века называли по примеру Запада «баронами» (лат. *baro*), что в широком смысле означало непосредственных вассалов правителя.

Более многочисленным, чем можновладцы, было рыцарство, живущее на земле, которую оно держало или как бенефиций, или как наследственное владение. Последняя форма стала правилом. Рыцари происходили из среды прежних дружинников, а также зажиточных свободных людей, имевших коня и вооружение, т. е. способных нести военную конную службу (по-польски их чаще всего называли влодыками).

Роль дружины, вначале очень существенная, в течение XI века потеряла свое значение. Отношение дружинников к князю можно охарактеризовать как отношение личной зависимости, что К. Маркс определял как «вассалитет без лена». Дружинник обязан был соблюдать верность правителю, участвовать в военных походах (и охоте), а также исполнять различные порученные ему обязанности. За это дружинники находились на содержании монарха, участвовали в разделе добычи, а также получали от правителя дары. Со временем дружинники оседали на земле, жалованной им в награду за службу. Упадок дружинной организации

сопровождался распространением собственности феодального типа.

Заимствованный на Западе формой, выдвигавшей рыцарство в высшие слои, было ранее известное в придворной среде посвящение в рыцари. Это делал князь, давая посвящаемому при соблюдении соответствующего церемониала пояс, меч и шпоры.

Формирование сословия рыцарства-шляхты. Процесс этот происходил постепенно. Основным правом рыцаря была наследственная земельная собственность. Рыцарская собственность была освобождена от тягот в пользу князя и вместо сноповой десятины в пользу церкви рыцари платили так называемую свободную десятину. Кроме того, право охраняло жизнь и здоровье рыцарей-шляхтичей.

Заключительной фазой формирования сословия рыцарства-шляхты было, как уже говорилось, распространение иммунитетов на все владения рыцарей, окончательно установившееся на рубеже XIII и XIV веков, в ходе борьбы за объединение государства. Иммунизованную землю с того времени стали называть «владением на рыцарском праве» (*iure militare*), связывая с ней обязанность военной службы. Военная служба, составляя основную обязанность светских możновладцев и рыцарей, была вместе с тем и их привилегией.

В XIII веке сформировались особые рыцарские права. К ним относились: 1) право на выкуп правителем в случае пленения; 2) право на возмещение убытков, понесенных во время военного похода; 3) право требования вознаграждения за участие в походе за пределы страны. Эти права выделяли шляхту-рыцарство, утверждая ее привилегированное место в формирующемся сословном обществе. Привилегии шляхты коснулись и частного права. Рыцари наследовали недвижимое имущество как по прямой, так и по боковой линии. При отсутствии мужских наследников шляхетское имущество переходило (с конца XIII — начала XIV вв.) женщине, в то время как имущество крестьянина, не имевшего сыновей, переходило к пану (как по Русской Правде). При заключении брака рыцари были освобождены от обязанности предварительного оглашения.

Можновладцы в XIII веке отличались от рыцарства как большим объемом привилегий, так и общественным положением. Они фактически удерживали монополию

на все высшие должности. Во второй половине XIII века они получили также особые привилегии, в том числе «право неотвеченности» (*ius non responsivum*), которое заключалось в их исключении из-под юрисдикции каштелянов. Судить их мог только монарх. Некоторые можновладцы, хотя и редко, приобретали право на возведение собственных укреплений и городов. Им полагалась более высокая головщина (плата за убийство) и навязка (за рану), чем рядовому рыцарю. Такие дополнительные привилегии оказались, однако, недостаточными, чтобы привести к созданию особого сословия высшей шляхты, как, например, в Германии. Это было следствием того, что основные привилегии охватили всех рыцарей. В результате сословие высшей шляхты не обособилось, но среди рыцарства-шляхты выделилось три слоя: 1) можновладство; 2) среднее рыцарство; 3) мелкое рыцарство. Последний слой не целиком и не везде остался в привилегированном сословии.

Шляхтича отличало наличие герба и клича. Гербы появились в Польше в конце XII в. как личные знаки, а наследственными и часто употребляемыми они стали в XIII столетии. Возникали гербы из преобразования знаков собственности, используемых при отметке коней, оружия или границ собственности, которые перешли потом на печати, иногда брались произвольно избранные изображения. Клич употреблялся, например, как оклик рода во время битвы. Когда рыцарское сословие формировалось, прежние магнатские и шляхетские роды образовали роды геральдические. Геральдический род составляли рыцари, пользовавшиеся общим гербом и имевшие общий клич.

Привилегии рыцарства-шляхты. Рост значения можновладства стал исходным пунктом издания земских привилегий, охватывавших (в отличие от единичных привилегий) всех привилегированных лиц данного удела. Первую такую привилегию для Краковского удела выдал в Чени в 1228 году Владислав Тонконогий по случаю избрания его опекуном малолетнего Болеслава Стыдливого. В ней он обязывался соблюдать иммунитеты, управлять, «следуя совету епископа и баронов... исключая притеснения и незаконные подати». Наложение податей с согласия сословий стало в то время обычной нормой. В 1291 году чешский король Вацлав II после захвата Малой Польши выдал привилегию в-

Лютомышле, по которой обязался назначать на должности по совету с сановниками, а всем сословиям гарантировал, что «с них не будут взимать никакие новые и незаконные повинности», что означало гарантию иммунитетных прав феодалов и привилегий городов. Земские привилегии явились правовым признанием новообразованных сословий, получавших, таким образом, особый правовой статус.

В. Сельское население

Формы зависимости крестьянского населения. По мере развития феодализма все большая часть свободного сельского населения попадала в зависимость. По способу возникновения и уровню зависимости различается ряд групп несвободного и зависимого населения. Не все группы имеют названия, достаточно ясно отражающие их положение, поскольку иногда термин оставался неизменным, а положение группы менялось.

В обращении свободного населения в зависимое большую роль сыграла государственная власть, и, следовательно, князь, жалующий земли с живущим на них населением, и комесы, использующие свое положение для подчинения крестьян, проживавших на захваченных землях. Наряду с тем действовали и чисто экономические процессы, приводившие к закрепощению.

Княжеские крестьяне (*rustici ducis*) — так назывались непосредственно подчиненные князю крестьяне. Это были ведущие самостоятельное хозяйство члены ополья, земли которых были подчинены земельной регалии правителя. Они сохранили право на землю как на подчиненную собственность и имели некоторую хозяйственную и личную самостоятельность.

Монарх в соответствии с принадлежавшей ему земельной регалией и применяя внеэкономическое принуждение, постепенно включал в состав своего домена опольные земли с живущим на них населением или жаловал их светским и духовным панам. Обширные земельные пожалования с людьми получала от монарха в первую очередь церковь. Вероятно, таким путем возникла в церковных владениях группа населения под названием *ascripticii*, что переводится как «приписные». Это был общий термин для обозначения зависимого и

подневольного населения, связанный со способом закрепления его подчиненности путем записи в документе о пожаловании. Приписные не могли покинуть владения, к которому были прикреплены, и могли разыскиваться и возвращаться при побеге.

Среди групп сельского населения, поставленных в зависимое положение экономическим путем, следует назвать закупов, попавших в зависимость из-за долга, когда должник отдавал себя одного или вместе с семьей в залог, обязуясь работать в имении кредитора до погашения долга. Не будучи в состоянии его выплатить, закуп оставался с того времени зависимым от кредитора — пана. Правовое положение польского закупа составляет полную параллель положению русского закупа, как оно регламентируется Русской Правдой.

Свободное сельское население попадало в зависимость также и путем коммендации. В поисках хозяйственной помощи, а также защиты от самоуправства монарших урядников или рыцарей, пользовавшихся своим превосходством, свободные крестьяне отдавались под власть духовных и светских панов. Епископства и монастыри особенно охотно принимали коммендации. Крестьянин сохранял и дальше свое хозяйство, но уже как подчиненную собственность и с обязательством уплачивать феодальную ренту.

Рабы. Во владениях князей, знати и рыцарей проживало немалое число рабов (*servi, ancillae, familia*). Рабами становились военнопленные, если их не продавали за границу или не освобождали за выкуп. Рабы не обладали правоспособностью, их приравнивали к вещи, которую можно было продать, подарить и даже убить. Рабом становился и несостоятельный должник или преступник, которому смертную казнь заменили неволей. Потомки раба оставались в том же состоянии. Они работали как дворовая челядь у панов.

Со временем число рабов уменьшалось. С одной стороны, сами рабы старались выбраться из рабского состояния, в основном путем бегства, с другой стороны, хозяйственное развитие указывало панам на выгоду использования феодально-зависимого населения, как более заинтересованного в результатах производства. Поэтому рабам начали предоставлять хозяйства крестьянского типа. В то же время они продолжали работать на пана, выполняя натуральные повинности,

Общественно-экономическое положение таких рабов, называемых в источниках *servi casati*, имеющих свои хозяйства, сближалось с положением зависимого населения, и поэтому наступали изменения в их правовом статусе.

Виды ренты и общественная дифференциация сельского населения. Зависимое население, живущее на земле, было обременено феодальной рентой. Прimitивной формой ренты была отработочная, выполняемая закупками и батраками (ратаями), работающими в дворовом хозяйстве. Отработочная рента в XI—XIII вв. исполнялась наряду с натуральной рентой. Всего в источниках выступает более 40 специализированных служб и повинностей, что свидетельствует о широко развитой дифференциации форм натуральной и отработочной ренты.

В зависимости от формы ренты можно разделить зависимое население, а также рабов, которые приближались к нему по своему экономическому положению, на: а) землепашцев (*oratores*) — закупы и батраки; б) ремесленников, которые населяли в доменах целые деревни, о чем свидетельствуют такие названия, как Ковали, Шевцы, Щитники, Гротники (от *grot* — стрела, копье) и т. д.; в) служебное население, занятое главным образом в скотоводстве: пастухи крупного рогатого скота, овец, коней (скотники, овчары, конюхи), свиноводы (свинари). Они населяли деревни, называвшиеся, например, Скотники, Кобыльники, Овчары и т. д.

Дифференциация по уровню зависимости крестьянского населения, определяющего правовой статус отдельных групп как и дифференциация форм их повинностей, составляла характерную черту организации крестьянского населения в Польше раннефеодального периода, так же как это имело место в Чехии и Киевской Руси.

По мере складывания товарно-денежного хозяйства общественно-экономическое и правовое положение крестьян начало подвергаться важным изменениям. Отработочная рента и специализированная натуральная рента постепенно начали уступать место ренте зерном, понимаемым как товар (имеющим определенную меновую стоимость), и денежной ренте. Возможность получения на рынках ремесленных изделий более высокого качества, а также выгодного сбыта там сельскохозяйственных продуктов, приводила к релюции повинностей: на дворовых ремесленников накладывают

сельскохозяйственную ренту. В течение XIII века в разряд земледельческого населения переходит и дворня, обязанная вносить плату зерном и деньгами. Эти перемены отвечали в некоторой мере интересам зависимого населения, так как позволяли ему концентрировать усилия на своем хозяйстве, что способствовало развитию земледельческого производства. Паны же, взимая с крестьян ренту зерном, пытались использовать спрос на него и вызванный тем рост цен для повышения своих доходов.

Степень зависимости сельского населения. По степени зависимости различались в то время несколько групп крестьянского населения. Основную группу составляли так называемые свободные (*liberi*) — бывшие члены опольных общин. В конце XII века различают свободных местных жителей (*liberi originarii*), издавна живущих на земле и вместе с ней подчиненных панам, от свободных гостей (*liberi hospites*), приходящих в вотчину извне, в том числе и из-за границы. Последние селились на основе чиншевого договора, сохраняя за собой право ухода после выполнения причитающихся пану повинностей.

Зависимые крестьяне сохраняли в основном право подчиненной собственности на свои надель. Для ее обозначения чаще всего употреблялось наименование «дедичства», чем подчеркивался наследственный характер владения землей. Зависимых собственников называли *дедичами* (*haeredes*). Право подчиненной собственности получали также селившиеся на земле гости. Подчиненная собственность крестьян-дедичей оставалась под охраной власти монарха, которая была заинтересована (в фискальных целях) в развитии крестьянских хозяйств. Охраны этой, однако, были лишены другие группы зависимого населения, не говоря уже о рабах.

Ополье. Старая территориальная организация населения — ополье составляло в XI—XII вв. единицу, складывавшуюся из двух десятков, а иногда и большего числа деревень. Оно соединяло в общей организации всех опольников — как крестьян монаршего домена, так и живущих в частных владениях, как свободных, так и приписных. К ополью принадлежали также рядовые воины-рыцари. Феодалное государство подчинило себе ополье, обязав его к финансово-административным и полицейским функциям. Некоторые повинности налагали

на ополье в целом (опольная корова, опольный вол). Ополье привлекали для свидетельских показаний при разграничении владений. Ополье было обязано к гонению следа, т. е. к погоне за преступником, и несло коллективную ответственность, если не выполняло этого. Оно отвечало, как и русская вервь, в случае обнаружения на его территории трупа, если убийца не был известен. Тем самым стремились заставить население ополья выполнять навязанные ему властью функции преследования. Ополье исчезло в результате распространения иммунитетов, которые исключали деревни панов из опольной организации, а также нового устройства деревни на немецком праве. Процесс этот завершился в Силезии и Малой Польше в течение XIII века. Дольше всего — до XV века — ополье сохранилось в Великой Польше и Мазовии, где было известно под названием осады.

Колонизация на польском праве. Постепенный рост производительных сил нашел выражение во внутренней колонизации, которая получила в европейском средневековье почти повсеместный характер. Она развивалась с XI века во Франции и западной части Германии, несколько позднее в восточной части Германии, Чехии, Польше и Венгрии.

По мере осуществления внутренней колонизации и в связи с развитием товарного хозяйства совершаются одновременно два противоположных процесса: распространение феодальной зависимости, во-первых, и замена наиболее тяжелых форм этой зависимости более легкими, во-вторых. Перемены нашли свое выражение поначалу в колонизации на польском праве, известном также как осадничество «по обычаю свободных гостей». Движущей силой колонизации было стремление крестьянского населения к улучшению условий существования путем увеличения обрабатываемой площади, нормирования повинностей в пользу пана, приведения их в соответствие с размерами хозяйства. Колонизацию использовали в своих интересах паны, стремившиеся к увеличению доходности владений путем умножения числа поселенцев. Они выступали как организаторы осадничества. Для колонизации еще необработанных территорий нужно было привлекать новых поселенцев, поощряемых к тому выгодными условиями. К ним относились: 1) чинш, т. е. повинность натурой (обычно зерном) или

реже — деньгами, в определенной сумме вносимая к назначенному сроку, как это устанавливалось договором, если речь шла о переселенцах; 2) право выхода, возникавшего после выполнения определенных условий; 3) нормализация крестьянского права на землю, придававшая ему относительно устойчивый характер.

Колонизация на польском праве происходила в соответствии с принципами, выработанными путем обычая, который не оставил письменных памятников. Наиболее существенным из оставшихся свидетельств являются названия местностей (ономастика). Поэтому так трудно установить размеры колонизации, а вместе с тем те изменения, которые произошли в положении крестьян.

Паны переводили на польское право также своих зависимых людей и рабов, надеясь тем самым предотвратить побег и увеличить производительность труда. Колонизация на польском праве означала прежде всего регулирование форм феодальной ренты. Она, однако, не приводила к приобретению права ухода с земли приписных и рабов.

Немецкая колонизация. Потребность в поселенцах, которых можно было бы посадить на необрабатываемых землях, внутренняя колонизация не покрывала. В тех условиях возможность привлечения поселенцев, главным образом из Германии и Фландрии, была для феодальных панов путем, ведущим к быстрому освоению их владений и росту доходов. Раньше всех этим занялись монастыри, которые приглашали колонистов главным образом из той страны, откуда происходили сами монахи или в которой находился их материнский монастырь. Вслед за ними пошли князья и паны. Немецкие и фламандские крестьяне искали на землях Восточной Европы лучшие условия жизни, чем на родине. Это были в значительной части беглые люди. Собственники владений, чтобы привлечь колонистов, должны были предоставлять им благоприятные условия. Таковыми были: а) право подчиненной собственности по отношению к наделу; б) точно определенный чинш; в) право выхода; г) пользование собственным правом и собственными формами колонизационной организации. Немецкая колонизация началась с конца XII века в Силезии, в меньшей степени (в XIII в.) в Малой Польше и совсем незначительно в других областях, где вместо этого

происходила внутренняя колонизация польских крестьян на немецком праве.

Колонизация на немецком праве. Введение на польских землях правовой системы и модели самоуправления, основанных на немецком образце, означало использование развитых организационно-правовых форм применительно к двум процессам, тесно связанным с развитием товарного хозяйства: внутренней колонизацией и распространением чинша. Характер немецкого права соответствовал развивающимся товарным отношениям. Сосредоточение деревень, основанных на немецком праве вокруг городов, указывает на тесную связь между чиншевой системой и развитием местных рынков.

Колонизация польского населения на немецком праве, аналогичном другим правовым системам, нормализующим устройство чиншевой деревни в Западной Европе, была шагом вперед по сравнению с колонизацией на польском праве. Новый правовой статус устанавливался нередко посредством перевода существующих польских деревень на немецкое право.

Колонизация польского населения на немецком праве была массовым явлением. Распространение указанных новых форм имело существенное значение для образования польской чиншевой деревни. Оно означало существенное улучшение хозяйственного и правового положения крестьянского населения, сопровождающееся унификацией его правового положения. Реформа соответствовала потребностям экономического развития и, таким образом, отвечала как интересам крестьянства, так и стремившихся к увеличению своих доходов феодалов. На данном этапе, когда феодальный строй развивался еще по восходящей линии, возникло временное совпадение их имущественных интересов, что, конечно, не исключало антагонизмов, связанных с формой и способом осуществления реформы, не говоря уже о коренном классовом антагонизме.

Локация деревни на немецком праве. Локационное разрешение, исходившее от князя, получало форму привилегии. Обычно оно было связано с более ранним пожалованием иммунитета собственнику владений или с отказом князя (потом короля) от некоторых регалий, ограничивавших хозяйственную свободу феодала. На основании локационного разрешения последний заключал договор с устройтелем деревни — осадчиком. Затем

пан выдавал осадчику локационный документ, который и устанавливал правовые основания вновь возникавшей деревни. Главное содержание акта сводилось к исключению жителей деревни из-под действия собственного польского права и к пожалованию им немецкого права. Локационный документ освобождал деревню от суда и повинностей в пользу князя; он же определял права и обязанности осадчика и крестьян.

Солтыс. Во главе деревни на немецком праве стоял солтыс, которым обычно становился осадчик. Солтыство было наследственным, и от него можно было избавиться на условиях, определенных в локационном документе, с согласия или без согласия владельца деревни. Вознаграждение солтыса было довольно большим. Он получал для себя несколько ланов (чаще всего каждый шестой), свободных от чиншей в пользу пана, имел право на закладку прудов, ловлю рыбы и охоту. Ему принадлежало обычно право на получение $\frac{1}{6}$ чинша, взимаемого в пользу пана, и $\frac{1}{3}$ судебных штрафов ($\frac{2}{3}$ забирал пан по праву судебной власти), а иногда и право на основание, сооружение и содержание корчмы, мясной лавки и мельницы.

Положение солтыса по отношению к владельцу деревни было близким положению ленника-феодала низшего уровня, что являлось рецепцией западной модели. Компетентным судом для солтыса был ленный суд, состоящий из равных ему ассессоров (солтысов и войтов) и совершавшийся под председательством пана или его заместителя.

Права и обязанности крестьян. В деревне на немецком праве право крестьянина на землю определялось как наследственное. Крестьянский надел назывался ланом. Величина лана зависела от качества почвы и чаще всего составляла около 30 моргов (16,8 га). Такой лан назывался хелминским. Известен также больший лан — около 43 моргов (24,2 га), — называвшийся франкским. Поскольку поселенцы, главным образом вновь основанных деревень, уплачивали за свою долю определенную сумму денег пану — собственнику земли, их право на землю определялось как закупное. Поэтому пан не мог удалить такого поселенца с его надела, не возвратив ему денег, а сам поселенец имел право продать свое хозяйство третьему лицу, обычно с согласия пана (и с уплатами в его пользу). Наряду с личными.

наделами поселенцы получали в общее пользование пастбище (выгон), иногда лес, луга и т. д.

Наряду с крестьянами-хозяевами, называемыми кметями, в деревне проживали также и так называемые загородники, имевшие дом и участок поля. Они работали по найму в хозяйствах солтыса или зажиточных крестьян. Часть загородников занималась ремеслом.

Кметь, живущий на немецком праве, не был прикреплен к земле. Он мог ее покинуть в установленный срок, обычно на день святого Мартина (24 октября), аналогично Юрьеву дню в России, предварительно выполнив свои обязательства и подыскав себе заместителя, обеспеченного необходимым инвентарем.

Новые поселенцы пользовались освобождением от чинша в течение ряда лет, необходимых для устройства. Это были так называемые свободные годы, число которых зависело от того, осуществлялась ли локация деревни на уже обрабатываемых землях или «на сыром корню» (на землях, требующих корчевания), и могло составлять от 2 до 24 лет. Чинш мог уплачиваться по договоренности: а) зерном; б) частично зерном, частично деньгами (смешанный); в) только деньгами. Смешанный чинш был типичен для Великой Польши, денежный же — для Силезии и Малой Польши, что говорит о более высоком уровне товарности хозяйства в этих областях. В хозяйственно-отсталой Мазовии преобладал чинш натурой. Кроме чинша крестьянин-хозяин обязан был некоторыми натуральными повинностями (куры, яйца к празднику) и несколько дней в году должен был работать на пана (во время сева и жатвы). Кроме ренты пану крестьяне были обязаны нести в пользу государства некоторые повинности, которых не отменяли иммунитетные привилегии. К ним относились: подать, известная как чрезвычайное порадльное, и некоторые другие тяготы, связанные с обороной страны. Крестьяне платили также церковную десятину.

В деревнях, остававшихся на польском праве, отношения постепенно уподоблялись положению деревень на немецком праве. В них, однако, сохранялась барщина и не было суда солтыса и лавников, вместо которых действовал господский суд пана. Но и здесь распространился лан, который в Мазовии получил польское название «влуки».

Г. Города и городское население

Подгродия (посады) и торги. Возникновение подгродий в Польше приходится на конец X — начало XI века. Для возникновения городов важное значение имело сосредоточение в подгродиях ремесленного населения. Как следствие дальнейшего развития обмена в непосредственной близости от гродов и под их защитой возникали торговые места (*loca forensia*). Они составляли регалию монарха. Подгродия функционально и территориально были тесно связаны с большими гродами. Последние, бывшие политико-административными центрами, создавали группы постоянных потребителей и одновременно обеспечивали охрану ремесленников и купцов, живущих в подгродиях. Так возникли характерные для конца X и XI веков оборонные комплексы, состоящие из защищенного фортификационными сооружениями грода и укрепленного подгродия.

В подгродиях XI века самое видное положение получили купцы, занимавшиеся иногда и военным ремеслом или — как на Поморье — пиратством. Они составляли в городе правящую группу, которую называли мелиоратом (в отличие от позднейшего патрициата). Остальное население подгродия — это народ (*populus*), который состоял из ремесленников, служебного населения и части прежних дружинников, осевших после окончания грабительских войн. Здесь же стали селиться иностранцы. Иногда они составляли отдельные общины. Так, в XI веке существовала еврейская община в пограничном Перемышле, а в XII веке — поселение валлонских ткачей во Вроцлаве.

Правовое выделение подгродий-городов от остальной территории происходило постепенно. Еще до локализации на немецком праве, в начале XIII века, Вроцлав обладал зачатками городской организации, о чем свидетельствует наличие солтыса и получение юридических консультаций из Магдебурга. Особого солтыса имело также в 1228 году поселение, заложенное епископами в Кракове.

В XII веке в Польше развивались торговые поселения — места. Отсюда город по-польски — *miasto*. В городах регулярно, обычно раз в неделю, производилась торговля земледельческими продуктами и ремесленными

товарами. Центром поселения был рынок — торг, связанные с ним корчмы, иногда костел. Около торгога оседали ремесленники. Для обеспечения безопасности торговли на торг распространялся княжеский мир, он находился под особой защитой права. Потребности товарооборота вели к пожалованию торгогам особого торгового права (*ius fori*). Его основой была свобода совершения на торгу сделок всеми присутствующими независимо от общественного положения и связанной с ним правоспособности. Торговые споры подлежали юрисдикции особого торгового судьи, который судил по уполномочию князя.

Князья, жалуя феодальному пану право торгога, отказывались от своей регалии, связывая это обычно с пожалованием иммунитета. Тогда судебные компетенции переходили к пану, и такой торг называли свободным торгогом (*forum liberum*). Около 70% торговых стали позднее городами, приобретшими магдебургское, хелминское или средское право. Рецепция эта была своего рода этапом на пути превращения старых посадов и торговых в городские центры.

Локация городов. Перевод города на немецкое право, называемый в науке «локационным порогом», вводил определенные организационные и правовые формы, общие для Западной и Центральной Европы, в существующие в Польше поселения городского типа. Вновь образованный город отличался от остальной территории: а) профессиональной структурой населения; б) особой пространственной структурой и формой строений, как и укреплениями, отделяющими город от окружающей территории; в) организацией особых городских властей и судов; г) особым правовым положением городского населения.

Новые города сооружались обычно рядом или на некотором расстоянии от прежнего городского поселения, перенимая, как правило, его название. Старое поселение понижалось до роли предместья или деревни. Иногда его население переводили в новый город, построенный по определенному плану с рынком в центре и отходящими от него улицами. Правильное расположение улиц и застройки составляло характерную особенность городов на немецком праве. Организационной основой таких городов был локационный документ, закреплявший отделение города от остальной территории, а горожан, как сословие, — от остального населения страны.

Если локацию осуществлял сам князь, дело ограничивалось выдачей осадчику локационного документа. В зависимости от того, кто выдавал локационный документ — суверен или феодальный пан, различали княжеские города (потом королевские), как правило, более крупные и частновладельческие. Значение локации заключалось в изъятии города из-под власти монарших урядников

и подчинении его власти наследственного войта, которым обычно становился осадчик. Учреждение войтовства сопровождалось пожалованием немецкого права жителям города. Там, где немецкое право (в соответствии с принципом индивидуального действия права) распространялось только на пришельцев, оно скоро распространилось и на польское население городов. Локационный документ содержал наряду с пожалованием городского права привилегии для войта, пожалование городу права торгова, определение условий ремесленного производства, предоставление горожанам земли за городом, а также определение обязанностей мещан. Более крупные города получали обширные площади пахотной земли и пастбища. Они, таким образом, сразу выступали как крупные земельные собственники.

Монарх или же пан города получал чинш за выделенные под застройку участки, плату за торговые учреждения, $\frac{2}{3}$ судебных штрафов. Развитие города гарантировало (при росте товарообмена) увеличение денежных чиншей с окрестных деревень (вместо других форм ренты), а также увеличивало военную силу пана города, так как окруженный стеной (валом) город представлял собой особую фортификационную единицу с гарнизоном, состоящим из горожан.

В основном польские города реципировали две системы немецкого права: магдебургскую и любекскую. Последнюю приняли поморские города, связанные с Ганзейским союзом, в котором г. Любек играл ведущую роль.

Организационно-правовым образцом для большинства городов Силезии, Малой Польши и Великой Польши стал немецкий Магдебург. Немецкое право в польских городах чаще всего называли магдебургским. Первые локации на немецком праве получили в начале XIII века силезские города: Золоторья (до 1211), Львовек (до 1217), Срода (до 1235).

В середине XIII века магдебургское право получили Вроцлав (1242), Познань (1253), Краков (1257). В 1237 году любекское городское право вводится в Щецине. Восточнопоморские города Тчев и Гданьск получили любекское право в 1260—1263 гг. Крестоносцы после завоевания Восточного Поморья перевели Гданьск на магдебургское право (XIV в.).

Заемствование новой системы права и образцов городской организации чаще всего происходило при посредничестве другого польского города, ранее переведенного на магдебургское право. Так, образцом для Кракова был Вроцлав. Для многих великопольских городов образцом стало право и строй силезской Сроды — средское право. Образцом для большинства восточнопоморских и мазовецких городов стало Хелмно, и они восприняли хелмнинское право. Все это были варианты магдебургского права. В Силезии иногда встречались города и на фламандском праве (Ратибор, Ниса).

Крупные города Великой и Малой Польши, а также большее число силезских городов получили локационные привилегии в XIII веке, когда возникла основная часть польских городов. К началу XIV века их насчитывалось 250, в то время как в 1250 году их было чуть больше 50. Динамичный процесс локации городов происходил и в следующие века. В XIV—XV вв. большую роль в локациях городов играли светские и духовные паны, в то время как число локаций монарха уменьшилось.

Общественная и национальная дифференциация в городах в XIII — начале XIV веков. Население городов, основанных на немецком праве — магдебургском или любекском, в основном составляли в XIII веке выходцы из Германии. Князья иногда даже оговаривали в локационных привилегиях (как это сделал Болеслав Стыдливый для Кракова в 1257 г.), что мещане не будут принимать никого из жителей данной земли, хотя бы и лично свободных. Целью запрета было предотвращение ухода населения из сел, поскольку это уменьшало доходы князя и панов. Однако, несмотря на такие запреты, сельское население прибывало в города, преимущественно из-за того, что широко распространенное правило, применяемое в польских городах — «городской воздух делает свободным», — предусматривало, что после года жизни в городе каждый независимо от его прежнего статуса получал личную свободу.

В больших городах ведущую роль играл городской *патрициат*. В его состав входили зажиточные купцы, собственники домов на рынке, иногда владельцы земельных угодий в окрестностях пригорода. Орудием патрициата стало возникшее в начале XIII века городское самоуправление.

Вторым, наиболее многочисленным слоем населения было *поспольство*. Его ядро составляли ремесленники, собственники мастерских. К поспольству относились также мелкие торговцы (крамари). Оно постоянно враждовало с патрициатом, который возлагал на поспольство городские повинности, стремясь одновременно не допускать его к управлению городом. Оба этих слоя обладали городским правом (*ius municipale*); торговцы, как и ремесленники, были гражданами города. Городское гражданство было наследственным.

Третьим слоем городского населения, не имеющим городского гражданства, но подчиненным городскому праву и городской власти, был *плебс* — городская беднота. Это были батраки, домашняя прислуга, поденщики, люди без определенных занятий.

В силезских и поморских городах, а также в таких крупных городах, как Краков, Вроцлав, Познань, купцы и значительная часть ремесленников рекрутировались из немецких поселенцев, в то время как плебс состоял главным образом из славянского населения. В городах Поморья оно было оттеснено в предместья.

В более мелких городах Малой и Великой Польши немецкий элемент был значительно слабее. В Ленчицкой и Серадзской землях и Мазовии, куда вообще не дошла немецкая колонизация, население городов было почти целиком польским.

Городская организация. Во главе города стоял наследственный войт (от нем. Vogt). По отношению к феодальному сеньору, которому принадлежал город, он оставался на положении вассала, а уряд войта имел характер лена. В обязанности войта входило председательствование в городском суде, осуществление полицейских функций (преследование преступников, ведение следствия), взимание чинша в пользу владельца города, подготовка города к обороне и руководство ею, личная конная военная служба. Вознаграждение войта включало обычно: $\frac{1}{6}$ чинша от дворища, $\frac{1}{3}$ судебных штрафов, доходы от мясных лавок, мельниц, иногда бань. Кроме того, он имел свободные от чинша ланы, находившиеся за городской чертой. Положение наследственного войта, особенно в крупных городах, характеризовала самостоятельность как по отношению к городу, так и к владельцу. По-иному было в городах на любекском праве, где вместо войта был солтыс, имевший главным образом судебные функции и с самого начала ограниченный городским советом.

По мере укрепления своей власти монарх стремился к ослаблению власти войта. Владислав Локеток после подавления бунта патрициата в Кракове (1311) упразднил наследственное краковское войтство и передал значительную часть его доходов в пользу государства. С того времени в Кракове король (потом воевода) назначал войта по своему желанию в качестве судебного урядника. В Познани после подавления бунта патрициата (1314) нет сведений о войтах вплоть до 1358 года, когда король продал эту должность одному из мещан.

Во второй половине XIII века в крупных городах возникают городские советы (рады). Раньше всего они возникли в городах на любекском праве, где городская рада была и судебным органом. Ее избирал патрициат, стремившийся к независимости как от войта, так и от владельца города. Городская рада состояла из нескольких (до 20) советников в зависимости от величины города во главе с бурмистром (от нем. Bürgermeister).

Введение в Магдебурге городской рады содействовало появлению аналогичных советов в других польских городах. Рада пополнялась на основе кооптации или же прежняя рада выбирала новую. Таким путем патрициат обеспечивал сохранение за собой власти в городе. Со временем городская рада расширила свои полномочия, ограничив полномочия войта и освобождаясь от власти пана города (в особенности в крупных городах).

Цехи. В развитии городов наиболее крупную роль сыграло ремесло. Ремесленники составляли основной слой самостоятельных производителей в городе. Они были организованы в цехи.

В цехи, как и повсюду, входили самостоятельные ремесленники — мастера, работавшие в собственных мастерских. Мастер имел одного-двух подмастерьев и столько же учеников. Ученик был обязан не только работать в мастерской, но и прислуживать в доме мастера. Через несколько лет его переводили в подмастерья. Еще через несколько лет подмастерье после положенных пробных работ (так называемых *majstersztuku*) мог стать мастером и открыть самостоятельную мастерскую. Мастер должен был иметь городское гражданство.

Цех был также и организацией взаимной помощи. Он собирал членские взносы, из которых оказывал помощь принадлежащим к цеху нуждающимся (вдовам, сиротам и т. д.). Цех был также религиозным братством. В дни религиозных праздников он шествовал со своим знаменем, имел собственный костел или часовню. Одновременно цех являлся и военной единицей. При осаде города он оборонял свою башню и определенный участок городских стен.

Организация торговли. Наибольшее значение имела торговля с соседними странами, меньшее — торговля местная, хотя она в большей степени удовлетворяла повседневные потребности населения. В каждом городе не менее раза в неделю проходили торги. Местом торга был расположенный в центре города рынок. Продажа товаров за пределами рынка была запрещена. На торгу имели право продавать изделия и товары не только городские ремесленники и купцы, но также и приезжие крестьяне. Целью торгов как раз и было оживление обмена с сельским округом, создающим для города местный рынок. Для обеспечения ремесленников сырьем издавались предписания, которые предоставляли им известные преимущества. Наряду с торгами некоторые города получали особые привилегии на проведение ярмарок раз (в виде исключения два раза) в год (от нем. *Jahrmarkt*).

На ярмарки съезжались купцы и из отдаленных мест. Здесь совершались крупные сделки. Ярмарка, следовательно, далеко выходила за границы местного рынка, способствуя возникновению относительно широких экономических связей.

К важнейшим привилегиям, связанным с торговлей, относилось право склада. Наиболее крупные польские города, такие, как Вроцлав, Щецин, Краков, получили его в конце XIII или в начале XIV века. Право склада заключалось в том, что через город, обладающий этим правом, нельзя было провозить товары (всякие или определенные привилегием) без выставления их на продажу. Различают безусловное и относительное право склада. Если город получил безусловное право склада на данный товар или на все товары, иноземный купец должен был полностью продать их в этом городе и не везти дальше. Это позволяло городским купцам диктовать цену приезжим и получать прибыль от перепродажи. Если город имел относительное право склада, приезжий купец был обязан выставить товар на продажу на строго определенный срок (например, на 8 дней), после чего мог везти непроданный товар дальше. Право склада стало возможным благодаря так называемому дорожному принуждению, т. е. навязанной купцам обязанности следовать со своими товарами строго определенным путем, не избегая установленных князьями таможен и уплаты пошлин (мыта). Зато дороги эти находились под особой охраной «княжеского мира». Право склада, полученное самыми крупными городами, создало им привилегированное положение.

IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Официальное принятие христианства по католическому обряду князем полян Мешко I и его окружением произошло в 966 году. Это был политический акт, имевший важные последствия. Церковь помогала укреплению авторитета монаршей власти, церковная организация, привнося богатый административный опыт, совершенствовала деятельность государственной власти. Церковная организация стала важным элементом государственного строя. Епископы заняли высокое место в урядовой организации государства.

Поскольку в X—XII вв. церковная организация в Польше была подчинена князю (королю), постольку нередко говорят о «государственной церкви». Первым польским епископством было епископство в Познани, возникшее в 968 году и подчинявшееся непосредственно польскому престолу. В 1000 году по случаю визита германского императора Оттона III было заключено соглашение, в силу которого независимо от познанского епископства создавалось архиепископство в Гнезне и три подчиненных ему епископства: во Вроцлаве, Кракове и Колобжеге (последнее скоро пришло в упадок). Они образовали особую польскую церковную провинцию, непосредственно зависимую от Рима, что по тогдашним понятиям поднимало значение Польши как самостоятельного государства. Свою особую организацию польская церковная провинция успешно защищала от посягательств со стороны магдебургских архиепископов. В 1136 году существование гнезненского архиепископства как особой метрополии, а вместе с тем его земельные владения и доходы были подтверждены папской буллой.

В начале XII века Болеслав Кривоустый основал епископство в Любуше, в 1140 году возникло западнопоморское епископство в Волине. Местопребыванием западнопоморских епископов сделался позднее Камень Поморский. Учреждение в Западном Поморье церковной организации должно было теснее связать его с польским государством.

На протяжении всего периода феодальной раздробленности сохранялось в том или ином виде церковное единство Польши, несмотря на то что западнопоморское и любушское епископства вышли из подчинения гнезненской метрополии. Не подчинялось ей также основанное крестоносцами в 1245 году хелминское епископство, подчиненное Риге. Централизованная польская церковь сделалась важным элементом, облегчавшим последующее объединение государства.

Независимость церкви от светской власти. В период раздробленности духовные сановники вначале выступали вместе со светскими, стремясь к ослаблению власти верховного князя. Начало обособления интересов церкви связано с княжеским вече в Ленчице в 1180 году, на котором князья отказались от права захвата оставшейся после умершего епископа движимости, составлявшей его собственность (*ius spoli*), а также ограничили «стан» и «подвод» в пользу княжеских урядников, к которым было обязано население церковных владений. С того времени церковь начала выдвигать на первый план свои собственные частные интересы. В условиях растущей политической раздробленности церковь, опираясь на обширные владения и значительные доходы, обладая единой организацией, становилась силой, с которой князья должны были все более считаться.

Возрастание роли церкви в Польше совершалось наряду с ростом роли папства в Европе. Кульминационным пунктом был понтификат папы Иннокентия III (1198—1216). В то самое время гнезненский архиепископ Генрик Кетлич начал осуществление программы реформ, которые должны были сделать польскую церковь практически независимой от светской власти. Незадолго до этого по инициативе папского легата начали вводить целибат (безбрачие) священников. До этого времени браки среди духовенства были повсеместным явлением. Целибат, целью которого было воспрепятствовать наследованию церковных бенефициев, окончательно победил во второй половине XIII века.

С помощью одних князей церковь успешно поборола других, недостаточно послушных. В результате в XIII веке (начиная с межудельного съезда князей в Божикове в 1210 г.) церковь получила многочисленные иммунитетные привилегии для духовных владений, добилась освобождения живущего в них населения от бремени княжеского права, приобрела судебный иммунитет. Эти приобретения послужили примером и для светского можновладства.

Доходы церкви. Епископства и капитулы были собственниками обширных земельных владений, даже и каштелянств,— результат главным образом княжеских пожалований.

В 1136 году гнезненское архиепископство имело 149 поселений. Его владения продолжали расти и в конце XV столетия составляли 303 села и 13 городов. Обширными были также владения епископов. Поскольку церковные владения не подлежали раздроблению между наследниками, равно как и отчуждению, запрещаемому

каноническим правом, они стали превышать имения самых богатых можновладцев.

Начиная с XIII века, основывали монастыри и наделяли их пожалованиями главным образом светские можновладцы. Значительно скромнее из частных пожертвований наделялись землей парфии (церковные приходы). В селах на немецком праве приходской ксендз (плебан) имел в своем распоряжении обычно два лана земли.

Кроме земельных владений основным источником церковных доходов служила десятина. Вначале церковь получала ее от всех доходов, собираемых для князя. Такое положение фиксировано еще гезненской буллой 1136 года. Позднее княжеская десятина исчезает, возможно в связи с ростом княжеских пожалований церкви. Зато сохранялась введенная, вероятно в XI веке, десятина, которой было обложено все население. Со временем десятины пушনিной, медом и т. п. утратили значение и на первый план вышла десятина, взимаемая зерном. В XII—XIII вв. она приобрела характер сноповой десятины, называемой также вытычной. Она заключалась в том, что десятый сноп зерна, отмеченный в поле уполномоченным для сбора десятины или его доверенным лицом, доставлялся церкви. Урожай нельзя было вывезти с поля, пока не будет отмечена десятина, что порой приводило к потерям урожая. Десятину собирали епископы или церковные учреждения, которым она была пожалована.

В отличие от крестьян шляхта-рыцарство платила с обрабатываемых земель так называемую свободную десятину: рыцарь сам определял, какому церковному учреждению будет ее платить. Такая уплата связывалась с правом патроната над определенным костелом, основанным самим этим рыцарем или его предками.

В период колонизации на немецком праве по мере развития товарно-денежных отношений крестьяне требовали замены невыгодной для них сноповой десятины постоянной десятиной в зерне или деньгах. Десятину в зерне называли малдратовой, поскольку она обычно состояла из 12 мер (малдрат) — по четыре меры пшеницы, ржи и овса. Денежная десятина составляла 12 грошей с лана.

Церковь, хотя и противилась замене сноповой десятины другими формами ренты, усматривая в этом сокращение своих доходов, уступала тем не менее под давлением новых отношений. Она же препятствовала освобождению новых поселенцев от десятины в течение предоставляемого им льготного периода. За неуплату десятины ослушника порой наказывали отлучением от церкви.

V. МОНАРХИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ

Власть монарха в едином раннефеодальном государстве. Вопреки традиционным взглядам о будто бы неограниченной власти первых монархов из династии Пястов нужно констатировать, что княжеская (королевская) рада и вече ограничивали ее в большей или меньшей степени. Конечно, Мешко I или Болеслав Храбрый, располагавшие сильной дружиной, предпринимавшие широкие военные акции, обладали немалой властью.

Без этого объединение государства, требовавшее подавления многочисленных противников, было бы невозможно. Централизация управления в руках монарха в X и начале XI века была в интересах окружавшей его престол урядовой знати, так как обеспечивала ее участие в доходах, взимаемых при посредстве государственного аппарата. В укреплении власти монарха, много способствовавшей распространению новой религии, была заинтересована и церковь. Сильная центральная власть была нужна для осуществления в возможно большем объеме централизации государства, которое увеличивалось за счет присоединения новых областей, не связанных до того с престолом Пястов.

Централизационные факторы помогали до известного времени сохранять государственное единство. Хотя в соответствии с вотчинным характером княжеской власти Мешко I разделил, умирая (992), Польшу между своими сыновьями, Болеслав Храбрый смог отстранить их всех и вновь объединить разделенное государство. Так же поступил Мешко II, хотя позднее, перед лицом коалиции соседних государств и оппозиции внутри, должен был согласиться на выделение братьям уделов.

Укреплению княжеской власти способствовало еще и династическое единство, бывшее существенным фактором политической стабильности. Княжеская власть составляла, за исключением Поморья, монополию Пястов (как на Руси — Рюриковичей); это не означало еще, что польская раннефеодальная монархия строго держалась наследственного принципа. В сообщениях источников о способе возведения на престол выступает наряду с наследованием трона и как бы дополняющий его более древний способ избираемости князя, в котором проступает публично-правовой элемент (в то время, как наследование находит для себя опору в вотчинном принципе). Постепенно утверждается компромиссная практика: знать, сохраняя за собой право выбора князя, не должна была выходить за пределы данного династического круга, членам которого принадлежало как бы «естественное право» на польский престол. Из этого следует, что правящая династия завоевала себе прочные позиции.

Нужно также отметить, что князь (король), способствуя политической стабилизации, обеспечивая обществу относительную безопасность и правосудие, сдерживая в

известной степени самоуправство знати, обладал несомненным авторитетом в широких массах населения.

Со временем ситуация в раннефеодальной монархии изменилась. Наряду с той частью знати, которая была связана с монархом и поддерживала его, возникает другая, стремящаяся к ограничению центральной власти. Коронации XI века не находили уже поддержки можновладства. Противясь излишнему, по их мнению, возвеличению коронованных монархов, возможные паны поддерживали чаще всего младших князей и настаивали на принципе выборности трона, связывающем князя-короля. Тем не менее в Хронике Галла Анонима Болеслав Кривоустый выступает как могущественный правитель.

Коронации. Целям укрепления международного и внутреннего авторитета польского монарха служила коронация, с которой связывалось принятие королевского титула. Титул «король» (от имени Карла Великого) распространился у славянских народов в том именно значении, которое приписывалось каролингской монархии как желаемому образцу. Коронация не была обязательным обрядом для носителя верховной власти, но она придавала ему дополнительный блеск. Поэтому она не стала правилом. Из восьми польских монархов в 963—1148 гг. короновалось трое: Болеслав Храбрый (1025), его сын Мешко II (1025) и Болеслав Смелый (1076). Коронационный акт подчеркивал единство государства и его независимость. Во внутренней политике коронация подчеркивала главенство короля над младшими князьями. Ослабление центральной власти привело к отказу от коронации, против которой выступали не только немецкие короли-императоры, но и большая часть польского можновладства. Отсюда и возвращение Мешко II королевских инсигний немецкому императору после поражения в борьбе с коалицией соседей и внутренней фрондой; и прекращение коронаций польских монархов после изгнания с престола Болеслава Смелого (1078). Несмотря на это, Польшу называли королевством (*regnum*), чем подчеркивалось в отличие от княжества, что речь идет о большом и независимом государстве.

Централизация и децентрализация. Внутри раннефеодального польского государства происходила борьба двух направлений: за централизацию, представляемая монархом, его окружением и дружиной, и за децентрализацию. Первое из них стремилось к территориальной экспансии, сохранению присоединенных территорий под властью династии Пястов и поддерживалось потребностями обороны страны.

Напротив, позиция знати была обусловлена собственными интересами, отличными в ряде отношений от интересов князя (короля) и его окружения. Государ-

ственная организация создала благоприятные условия для подчинения свободного до того населения феодалам. Политическим выражением новой ситуации сделался рост центробежных устремлений, находивших себе выражение в поддержке младших князей в их борьбе против верховного правителя.

Отношение знати к монарху было очень сложным. Наиболее знатные составляли окружение князя (короля), его раду. Состав последней не был определенным и нередко менялся по воле правителя. При всем том рада имела большое значение. В зависимости от положения и личности монарха рада могла то делаться его опорой, то ограничивать его власть. Двойственную позицию занимало можновладство и как правящий слой. Знать составляла основу придворных сановников и провинциальных комесов и одновременно была средой, в которой формировалась оппозиция против монаршей власти. С одной стороны, знать тяготела к двору — центру этой власти, добивалась милостей монарха и одновременно была склонна к оппозиции, порой даже к сопротивлению монарху. Такая двойственная, внутренне противоречивая позиция — тяготение к монархической центральной власти и отрыв от нее — приводила к тому, что можновладство в целом находилось в оппозиции к престолу сравнительно редко. Чаще оно бывало разделено на взаимно враждующие фракции. Одной из них была придворная фракция.

Монарх для привлечения к себе знати жаловал ей уряды, вознаграждаемые доходами от даней или регалий, а также землю вместе с живущими на ней людьми. Получив независимое материальное положение, знать становилась независимой политически. Отсюда и возможность оппозиции. Примером могут служить конфликты Болеслава Кривоустого с воеводой Скарбимиром или Владислава II с могущественным можновладцем Петром Властой. То же относится к раздору Болеслава Смелого с краковским епископом Станиславом.

По мере усиления центробежных тенденций, начиная со второй половины XI века, утверждается принципат как примирение практики выделения уделов всем сыновьям правителя с сохранением верховной общегосударственной власти в руках одного из них — *принцепса*. Князь-принцепс направлял внешнюю политику, осуществлял верховное командование вооруженными силами

всего государства в случае войны, назначал гнезненского архиепископа и епископов, комесов городов — как главных, так и находившихся в уделах. Принцемом был Болеслав Смелый (1056—1078) в отношении к брату Владиславу Герману, который, вероятно, держал Мазовию, потом сам Владислав Герман (1078—1102) после выделения уделов его сыновьям Збигневу и Болеславу Кривоустому. Многовластие в виде отдельных княжеских уделов еще не означало само по себе распада государства как целого. Уделы оставались в руках одной и той же династии, а вотчинный характер монаршей власти согласовывал это состояние в сознании господствующих слоев общества с единством государства. Его выразителем был принцепс.

Княжеская власть в период удельной раздробленности. Принцепс, которым с 1138 года должен был становиться старший из князей (принцип сеньората), сохраняя собственный удел, получал еще и особый центральный удел, состоящий из Малой Польши с Краковом, верховенство над расположенными в центре государства Серадзской и Ленчицкой землями, а также и над Поморьем. В качестве собственных уделов получили: Владислав II как старший сын — Силезию, а его братья: Болеслав Кудрявый — Мазовию и Куявию, Мешко III (впоследствии называемый Старым) — Великую Польшу. Двое других сыновей, еще несовершеннолетние Генрик и Казимир, находились при матери.

Попытка Владислава II возвратиться к единовластию встретила сопротивление младших князей — юниоров, поддержанных большинством можновладцев и гнезненским архиепископом, что привело к гражданской войне. В результате Владислав II должен был покинуть страну. Это было победой центробежных сил, и не единственной. Соединение принципата с личностью старшего из сыновей Кривоустого было нарушено изгнанием Владислава II, а затем и Мешко III Старого, пытавшегося, как и его старший брат, усилить позиции верховного князя. После Мешко III можновладцы возвели на краковский престол Казимира, называемого Справедливым (1177). Он завещал престол по принципу первородства (primogenitury) своему сыну.

Установленный Кривоустым сеньорат попытался восстановить старший среди Пястов Мешко Плонтоногий, получивший в 1210 году буллу папы Иннокентия III;

подтверждавшую сеньорат как обязательный принцип наследования трона. Эта попытка, однако, не имела успеха в связи с неуклонным упадком принципа. При правлении Лешка Белого (умер в 1228) краковский центральный удел был уравнен с остальными. С этого времени удельные князья стали считать себя равными друг другу.

Наследование трона. Каждый из уделов подлежал разделу между всеми по нисходящей мужской линии. При отсутствии сыновей или внуков к наследству могли быть допущены мужские родственники по боковой линии (женщины к наследованию не допускались). Они имели право на княжеский стол, если были назначены предшественником (*desygnacja*), возведены на него путем выбора, а иногда и через усыновление. Для этой же цели служили наследственные договоры. Распространенной формой таких договоров было соглашение, в силу которого удел умершего ранее князя переходил к пережившему. При наследовании и передаче уделов заметно типичное для вотчинного государства смещение преобладающих частноправовых форм с публично-правовыми.

Элекция (выбор) происходила тогда, когда умерший князь не оставлял мужских потомков, т. е. «прирожденных дедичей». Элекция могла носить подтверждающий характер, когда дело шло об одобрении кандидатуры, предложенной предшествующим князем, или же торжественных выборов, когда вече само решало вопрос о призвании князя, выбирая его, как правило, среди мужских представителей разросшейся династии Пястов (за исключением Поморья, где правили местные династии, а также выборов на польский престол чешских королей Вацлава II и Вацлава III, происходивших в конце XIII и в начале XIV столетий). В период борьбы за объединение государства выборность королей способствовала объединению уделов в руках одного и того же правителя. Ею подчеркивался публично-правовой характер княжеской (королевской) власти.

С избранием на трон были связаны первые земские привилегии. Они служили вознаграждением за избрание. Такой, в частности, была привилегия чешского короля Вацлава II, выданная при вступлении на краковский престол в 1291 году.

Право отпора. Если монарх не соблюдал законов или нарушал принятые на себя обязательства, możnowładcy считали правомерным сопротивление, вплоть до устранения правителя силой, «изгнание» с престола. Тем самым реализовывалось повсеместное в Европе

того времени право отпора (*ius resistendi*) по отношению к неугодному суверену-сеньору.

Право отпора относилось к сфере политической идеологии. В конечном счете решало соотношение сил. Реализуя право на сопротивление, знать удаляла с престола неугодных ей правителей, например Казимира Обновителя (ок. 1035—1036) или Болеслава Смелого (1078). Применение права отпора имело место в гражданской войне во времена Владислава Германа. Теоретическое выражение оно нашло в его завещании. В соответствии с сообщением Галла Анонима князь пожелал, чтобы власть верховного князя получил «достоинейший» среди сыновей. «Недостойные» должны были потерять и свои уделы, и право на великокняжеский престол. Вопрос о «достоинстве» решала знать.

Право отпора было сформулировано также и в восьмом десятилетии XIII века в привилегии Вроцлавского князя Генрика II Пробуса. В соответствии с ней вроцлавцы могли отказать в повиновении князю, если бы он не сдержал принятых обязательств. Почти одновременно в «земском мире», подписанном в Росточе в 1283 году, право отпора было признано в Западном Поморье.

Вече. Иногда для решения важнейших дел созывалось на вече по старому обычаю все свободное население городов и окрестностей. Известия о двух вечеа во Вроцлаве, происходивших на рубеже XI—XII вв., сохранились у Галла Анонима. Перед вече собиралось совещание «старших города». Они подготовляли предложения по делам, которые должны были стать предметом рассмотрения на вече. Затем созывали население, чтобы получить как его согласие, так и поддержку. Вече были достаточно частыми в крупных поморских городах (Волине, Щецине), где существовал строй раннефеодальных олигархических республик.

С ростом значения можновладцев вече видоизменялось. В XII веке еще имели место многолюдные вече, на которых решения, предлагаемые знатю, «поспольштво криком оглашает», — отмечал в своей Хронике Кадлубек. Со временем участие массы населения ограничилось ролью просителей, сторон, свидетелей, наконец, ролью просто присутствующих. Генриковская книга так описывает вече в XIII столетии: «Князь Болеслав проводил в поле под Вроцлавом торжественное генеральное вече. На нем присутствовал Владислав, князь из Ополя, и собрались там вся земля, богатые и бедные».

В течение XIII века нормальной формой участия можновладцев в управлении стали периодические съезды, в первую очередь епископа и комесов, за которыми сохранилось старое название вече (*colloquium*). Принципиально отличаясь от прежних, феодальные вече стали выражением политической роли можновладства. Новые вече можно разделить на две основные группы: 1) вече межудельные и 2) вече удельные. В первом случае объединялись два и более

удельных вече вместе с их князьями. На нем решались дела, общие для всех представленных уделов. Даже в том случае, когда два или несколько уделов объединялись под властью одного князя, отдельные вече сохранялись в каждой данной земле. Но, конечно, могли созываться и совместные вече этих уделов.

Удельное вече обычно происходило ежегодно, а в Малой Польше (в XIII в.) даже и чаще. Сфера деятельности вече подвергалась время от времени изменениям, но нельзя не выделить его судебной компетенции. По мере объединения государства в 1306 и 1310 годах появились общегосударственные вече, предварявшие вальный (общепольский) сейм, сложившийся в период сословной монархии.

VI. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

Принцип управления. Данные, относящиеся к XII веку, позволяют воссоздать сложившуюся в предшествующем столетии организацию центрального и местного управления. Не уменьшая значения рецепции некоторых образцов, заимствованных у каролингской монархии, нужно подчеркнуть, что они были перенесены на польскую почву потому, что соответствовали достигнутому уровню политической организации и потребностям развития польской государственности. Сложившиеся в период единого государства, эти органы и в период раздробленности остались для всех польских земель аналогичными в своей основе.

Высших урядников обычно называли комесами. Они рекрутировались из можновладческих семей, монополизировавших право на замещение урядов. Польским наименованием комеса был, по-видимому, «пан» (от *zupan-zupan-pan*). Со временем эти наименования утратили прежний «должностной» характер, стали подобно французскому «графу» или русскому «князю» почетным титулом, указывающим на место в феодальной иерархии.

Придворные уряды. В рассматриваемое время придворные уряды не отличали от общегосударственных, в чем, в частности, находил выражение вотчинный характер монаршей власти. Высшие придворные урядники были одновременно высшими урядниками в сфере государственной администрации.

Это то же самое, что в русской историографии принято называть дворцово-вотчинной системой управления.

Важнейшим сановником в XI веке был *надворный комес* (*comes palatinus*). Он заменял монарха в раз-

ных областях управления государством, а также в осуществлении суда. Так как надворный комес, возвышаясь в своем значении, сделался командующим войском, на него распространилось старое славянское название воеводы. Самым ранним известным по имени придворным сановником (дигнитарием) был Мецлав (раньше его имя читалось как Маслав) — чашник Мешко II. Рядом с чашником, который, как на Руси, ведал княжеским погребом, существовали придворные уряды стольника, ловчего, конюшего.

По мере феодального раздробления все эти уряды возникали при новых дворах, но с некоторыми особенностями. В Силезии, например, вместо воеводы, на первое место выдвинулся начальник двора и управляющий княжескими имениями — коморник. Здесь же возник уряд маршалка — бывшего конюшего. Конюший приобретает право на управление двором преимущественно в тех уделах, где не было уряда коморника.

Уряд канцлера выступает в источниках с начала XII века. Канцлер вел корреспонденцию правителя, был хранителем печати, скреплял ею представляемые монарху документы, подготовленные (еще в XII веке) заинтересованными в них получателями. По мере распространения письменных документов, вызванного умножением иммунитетных привилегий, локациями городов и т. д., развивается в XIII столетии канцелярия, которая начинает изготавливать документы, пользуясь собственными приемами и правилами.

Важную роль играл скарбник. Он заведовал монаршим скарбом и документами, которые получал князь (король), т. е. казной и архивом. Запасы денег и драгоценных металлов хранились на монетном дворе.

Развитие урядовой иерархии привело к созданию новых должностей: подкомория, подчашника, подстольника, подловчего. Иные уряды возникали спорадически (мечника, кухмистра и т. д.).

Местные уряды. Среди местных урядников вплоть до периода раздробленности первое место занимали наместники провинций. Наряду с делением на провинции, ведшим происхождение от прежних крупноплеменных территорий, существовал другой, низший уровень территориального разделения — на городские округа, которые с XII века называли каштеляниями. Каштелянская организация в Польше развивалась более полно,

чем, скажем, на территории германской империи, где препятствием ее распространению было деление на большие лены.

Деление государства на провинции (Познаньскую, Гнезненскую, Краковскую, Сандомирскую, Силезскую, Мазовецкую, Куявскую и Ленчицко-Серадзскую), а их на городские округа (каштелянии) создавало компактную систему управления, облегчавшую государственное освоение территории. И, с другой стороны, ее развитие в XI веке было выражением сложившейся государственной организации.

Городской комес, с XII века называемый каштеляном, осуществлял управление, суд и командование войском во вверенном ему округе. Он же взимал натуральную дань и следил за исполнением иных повинностей, налагавшихся на подчиненное городу население. Припасы, собранные в городах, шли, главным образом, на содержание монарха и его окружения во время постоянных объездов страны, частично же служили для потребностей комеса, его урядников и гарнизона города.

В период феодальной раздробленности прежние каштелянии подверглись дроблению. В середине XIII века в Польше было уже свыше 100 каштеляний. Порученные ему функции каштелян выполнял, имея в подчинении урядников. Среди них важнейшие — войский, замещающий каштеляна в военных делах, городской судья и занимающийся хозяйственными делами влодарь.

Преобразование придворных урядов в земские. Поначалу князь имел только одного воеводу, одного канцлера, скарбника и т. п. Если два или более уделов объединялись под властью одного князя, объединялись и уряды. С начала XIII века проявилась тенденция к сохранению отдельных урядов, благодаря чему особое управление уделами сохранялось и после их объединения под властью одного князя. Эта тенденция отразила стремление местных możновладцев сохранить за собой участие в управлении, а также и вознаграждения, связанные со службой. Князья же соглашались на это, поскольку именно таким путем удавалось объединить два и более уделов. В результате центральные урядники начали превращаться в земских, представляя местных феодалов и их интересы. В конце XIII века данный процесс был уже закончен. Позицию земских урядников укрепляли выработанный путем обычая принцип

пожизненности урядов, а также правило, согласно которому замещать их могли одни только местные феодалы.

Удел, который после объединения с другим уделом переставал быть отдельным княжеством, но сохранял особую урядовую организацию, называли землей (*terra*). Так установилось деление Малой Польши на две земли: Краковскую и Сандомирскую, Великой Польши на три: Познаньскую, Гнезненскую и Калишскую (две последние объединились потом в одну Калишско-Гнезненскую землю). Особые земли возникли на базе ленчицкого и серадзского уделов, а также мелких куявских уделов. Еще больше продвинулось деление на земли в Мазовии.

Возникновение уряда старосты. Объединительные тенденции требовали создания новой местной администрации, действующей в интересах князя, способной сдерживать можновладческую оппозицию, обеспечить внутреннюю безопасность и защиту от нападения извне. Ни воеводы, ни каштеляны, происходившие из местного можновладства, не годились для этой роли. Отсюда потребность в новом уряде, которым стал уряд старосты. Его ввел Вацлав II, когда, по примеру Чехии, стал назначать в отдельных землях старост (*capitanei*) как своих наместников с полной административной и военной властью. Владислав Локеток назначил старост во всех прежних уделах, за исключением Малой Польши, где в связи с постоянным пребыванием правителя наместник не был нужен. Сам король назначал и отзывал старост, которые, будучи родом из других земель, становились надежным орудием своего повелителя.

VII. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Дружина. Военная организация X—XII вв. складывалась, во-первых, из дружины и военнообязанного свободного населения (ополчения), а во-вторых, и зависимого населения. Дружина во времена исторических Пястов — это постоянная военная сила, находящаяся на содержании монарха и в его распоряжении, пребывающая в столичном городе и составляющая гарнизон крупных городов. В сообщении Ибрагима ибн Якуба говорится о трех тысячах воинов, составлявших княжескую дружину при Мешко I. «Сотня их, — писал путешественник, — значит столько, сколько десять сотен дру- гих. Дает он (князь) этим мужам одежду, оружие и все, что потребуют». Согласно Хронике Титмара Болеслав Храбрый подарил императору Оттону III в 1000 году по случаю гнезненского съезда 300 тяжеловооруженных всадников. Значит, сам князь должен был иметь значительно большую дружину. Дружина, как и в Киевской

Русь, делилась на старшую и младшую. Старшая дружина, состоящая из старших по званию дружинников, выполняла различные поручаемые ей государственные функции. С развитием придворных урядов, с возвышением роли духовенства в государственной деятельности старшая дружина утрачивает значение (XI в.). Младшая дружина составляла собственно вооруженную силу, находящуюся в распоряжении правителя. Наряду с ней во времена Болеслава Кривоустого выступали дружины можновладцев, равно как и дружины воеводы и архиепископа.

Военная служба рыцарства. В течение XI века центр тяжести постепенно переместился с дружины на воинов-рыцарей, осевших на земле. В случае войны они собирались в важнейших городах и выступали по отрядам, организованным по территориальному принципу. В состав рыцарей входили также дружинники, которые после обезвреживания семьей получали бенефиции за военную службу.

В период удельной раздробленности основу военной организации составило осевшее на земле рыцарство. Оно было обязано по приказу князя выступать «конно и збройно» в военный поход. В зависимости от размера владений рыцарь являлся на военную службу сам или приводил с собой вооруженный отряд, состоящий из служилых рыцарей, а со времени колонизации на немецком праве также и из солтысов. Воинов сопровождали вооруженные слуги. Военная служба была для рыцарей с XIII века связана с землей, которой они владели на рыцарском праве. Обязанность эта распространялась на вдов рыцарей, а также и на церковные учреждения, владевшие землей на рыцарском праве. Вдовы выставляли вооруженных заместителей. Церковные учреждения старались освободиться от обязанностей военной службы с помощью привилегии или откупались, выплачивая князю определенную сумму взамен

В Силезии и Поморье в связи с наплывом иностранного рыцарства развивалась ленная система. Рыцари получали землю в наследственный лен с обязательством конной рыцарской службы.

За поход, предпринятый за пределы страны, в XIII веке, как и позднее, князь выплачивал рыцарям вознаграждение. На нем же лежала обязанность выкупать попавших в плен рыцарей и возмещать им ущерб, в том числе и за коней.

В походе войском командовал князь или, в качестве его заместителя, воевода. С появлением старосты как наместника монарха в случае внезапного нападения он получил право и сам призывать рыцарей к оружию.

VIII. ФИНАНСЫ

Дани и повинности. По мере роста государственного аппарата и развития его функций повинности населения подвергались дифференциации и увеличению. Возникла сложная система натуральных и личных повинностей, обеспечивавших все новые потребности аппарата власти. Центром фискальной организации сделались стольные города провинций, а также и каштелянские гроды. Здесь взимались дани, отсюда исходило принуждение к исполнению следуемых гроду повинностей.

Самой древней податью была опольная дань. Ее платили от ополья как целого коровой или волом. Столь же древней была

дань медом, просто «дань». В XI веке основной сделалась подать с крестьянского хозяйства. Ее называли подворовой, в Мазовии и Куявии — подымной, потом почти повсеместно порадльной. Взимали ее свиньями, реже крупным рогатым скотом (отсюда другое ее название — поволовая). По мнению некоторых историков, подворовая подать была идентична так называемому нарезу, название которого могло произойти от зарубок на двух дощечках, из которых одна оставалась у плательщика, а другую забирал сборщик дани. Соответствие зарубок доказывало, что дань взята; то была, следовательно, примитивная форма квитанции. Недавно было высказано мнение, что нарез был особой податью, взимаемой натурой за право выпаса свиней в лесах монарха.

По мере развития феодальных отношений подати и повинности, взыскиваемые в доменах, сохранив прежние названия, приобретали характер феодальной ренты. Население, проживавшее в церковных, можновладческих и рыцарских владениях, отправляло повинности в пользу государства до того времени, когда иммунитетные привилегии освободили его от этого.

Многие из чрезвычайно дифференцированных повинностей были связаны с коммуникационной системой, обеспечивавшей помимо прочего функционирование тогдашней администрации, тесно связанной с объездами княжества, которые совершались его сувереном и его свитой (дружиной, двором). К этой группе повинностей относились: а) повоз, заключающийся в обязанности предоставления лошадей (волов) и возов для поездок (князя-короля) по стране, для транспортировки его вещей и людей, для их охраны и обслуживания; б) подвода, или обязанности доставления коней для едущих верхом урядников; в) обычный провод (*chłopski*), заключающийся в транспортировке определенными дорогами продовольствия и других предметов, входивших в состав податей, наконец, особый г) провод рыцарский (*prevod militare*), к которому обязывались собственники рыцарских владений и им подвластные, состоявший в эскортировании пленных или перевозке драгоценных металлов и других ценных грузов под вооруженной охраной.

Служба стана (или станции), тесно связанная с транспортными повинностями, состояла в размещении и угощении князя, его двора, его урядников и служилых людей во время их поездок, совершавшихся по поручению князя. Служба эта была очень обременительной. Чрезмерные вымогательства и притеснения со стороны урядников и их людей приводили нередко к разорению крестьян. В XIII веке служба стана подверглась релюиции, т. е. замене податью, взимаемой натурой или деньгами.

Особую группу составляли охотничьи повинности. К ним относились охрана крупных зверей и соколиных гнезд (на определенной территории), а также и надзор за сохранностью и размножением бобров. Дело шло об охране дичи, охота на которую составляла регалию монарха.

Домен. Регалии. Развивающейся отраслью экономики того времени было собственное хозяйство монарха, его вотчины в совокупности с их дворами как хозяйственными центрами, исключенными из общей провинциальной системы. В отличие от старых времен, когда в доходах домена участвовали и урядники, новая монаршая вотчина составляла как бы его частную собственность.

Система даней и повинностей находила себе дополнение в системе регалий. Они составляли монополию монарха. Самые старые

из регалий происходили из основной — земельной. К ним относились охотничья регалия, включавшая охоту на туров, зубров, оленей и медведей, а также бобров, высоко ценимых за их мех, рыболовная регалия, включая ловлю большими сетями, а также при помощи язов (преград с вершами). Большое значение имела горная регалия, распространявшаяся на полезные ископаемые, находившиеся в частных землях, включая исключительное право на добычу соли. К регалиям, связанным с землей, следует отнести и гродовую регалию, т. е. исключительное право на сооружение гродов, а также и водную регалию, распространяющуюся на большие реки. С водной регалией связано право на строительство и эксплуатацию мельниц.

Следующую группу составляли такие специфические регалии, как исключительное право на закладывание торгов, строительство трактиров (корчм) и извлечение из них доходов.

Распространение иммунитетных привилегий приводило к постепенной ликвидации ряда регалий, передаваемых панам или городам. Среди сохранившихся регалий наибольшее значение имела соляная регалия, т. е. монополия на добычу и продажу соли. Сохранилась и регалия торгова. Учреждение рынка даже и в частных владениях нуждалось в разрешении князя. Со временем регалия торгова стала составной частью локационной регалии городов. Она сохранилась до конца Речи Посполитой.

Мыт и пошлины. Дальняя торговля, а затем и возникновение местных рынков вызвали, как и повсюду, учреждение застав (комор), на которых собирали мыт с перевозимых товаров. Вместе с тем оформляется так называемая мытная, затем таможенная исключительная власть князя. Коморы находились как на границах, так и внутри страны, на пересечении дорог, а также около бродов и заград. Вначале мыт собирали от числа возов, вьючных коней и т. п., т. е. независимо от товара. В XIII веке плата за провоз стала получать характер таможенных тарифов, зависящих от вида перевозимого товара. Пошлины и мыт, взимаемые в денежной форме, ускоряли упадок натуральных доходов княжеского фиска.

Монетный двор. Известный доход князя извлекали из своей монетной власти — понятия более широкого, чем монетная регалия. Монетная власть давала князю исключительное право на чеканку монеты, на замену старой, бывшей в употреблении монеты новой, право принуждения к использованию находившихся в хождении денег. Собственную монету в Польше князья чеканили начиная с Мешко I. Вначале польская монетная продукция была небольшой и имела, думается, скорее престижный характер. Польская монета распространялась только с Болеслава Смелого и его преемников, с развитием торгового обмена. Тогда же установился вес польской гривны (213 г серебра), из которой чеканили 240 денариев. 10 денариев составляли скоец, шесть скойцев — вердунок (60 денариев) — $\frac{1}{4}$ гривны.

По мере развития товарного хозяйства росла потребность в деньгах и князья стремились ее удовлетворить. При нехватке ценных металлов они пошли на уменьшение веса монет, при сохранении их номинальной стоимости. Из одной и той же гривны серебра чеканили все больше денариев. Монета стала такой тонкой, что штемпель чеканили с одной стороны. Это — так называемые «брактеаты», которых особенно много отчеканили при Меш-

ко III Старом, в конце XII столетия. Когда дальнейшее уменьшение веса монеты стало технически невозможным, князья начали использовать принудительный обмен монеты (называемый обновлением монеты): за одно число старых монет давали меньшее число новых (4 : 3 или даже 3 : 2). Разница, естественно, шла в доход князю.

Между тем хозяйственный прогресс, рост городов и распространение денежных чиншей в деревне требовали упорядочения денежных отношений. Уже в конце XIII века в Силезии появилась ценная, отчеканенная с обеих сторон монета, названная квартником; в начале XIV века король Вацлав II ввел в Польше полноценную чешскую серебряную монету, называемую грошем (от grossus — толстый). Из одной гривны чеканили 48 пражских грошей.

Доходы от штрафов. Важным источником поступлений были судебные штрафы. Поначалу их взимали в ценных предметах, имеющих меновую стоимость (соль, меха, мед). Штрафы присваивались князьями и вершившими суд урядниками.

Судебные штрафы, впрочем, взыскивались не в полном размере, чрезмерном для рассматриваемого времени. Довольствовались $\frac{1}{3}$, а потом даже $\frac{1}{5}$ номинальной величины штрафа.

IX. СУД

Суд монарха. Суд был прерогативой правителя. По мере развития государственной организации монарху стало трудно выполнять обязанности судьи. Он передавал их от своего имени по праву представления урядникам, которые осуществляли суд наряду с другими функциями. Особых судебных органов еще не было. В придворном суде князя (короля) замещал один из его савновников, чаще всего воевода. В городских округах суд осуществляли комесы (позднее каштеляны), приглашая по своему выбору кого-либо из присутствующих в качестве ассессоров. Комесы судили по праву представления монарха, с прибытием последнего в город комес передавал ему все текущие дела. Монарх мог перенести любое дело в свой собственный суд. Считалось, что каждый вправе требовать монаршего суда, но на практике это право было вряд ли осуществимым для простых людей. Им пользовались прежде всего можновлады.

Судам монарха в XI—XII вв. подлежали все его светские и духовные подданные. Особый духовный суд сложился только в начале XIII века. Из-под действия государственных судов были, как и повсюду, исключены рабы, остававшиеся в полной власти своих хозяев.

В период феодальной раздробленности в каждом уделе существовал княжеский суд, осуществлявшийся при дворе. В течение XII века возникает должность

дворского судьи (*iudex curiae*), имевшего своим заместителем подсудка.

Торжественный характер имел княжеский суд на вече. Он происходил при большом стечении народа, обычно под открытым небом. На нем рассматривались самые важные дела. Для możновладцев во второй половине XIII века суд князя стал единственным судом, на который они могли быть вызваны. Специальные привилегии дали знати право неотвеченности (*ius respensivum*), которое заключалось в изъятии их дел из суда каштелянов. Этим создавалась дополнительная привилегия для możновладцев, так как затруднялось расследование направленных против них исков, исходивших от рядового рыцарства и простого народа. В начале XIV века «право неотвеченности» на практике было распространено на все рыцарство, что было следствием образования единого сословия рыцарства-шляхты, включая możновладцев.

Каштелянский суд. Низшим княжеским судом был каштелянский суд. Каштеляна обычно замещал в нем судья, называемый гродским. На каштеляне лежала обязанность раскрытия преступлений, преследования виновных, суда и наказания по всем делам, не отнесенным к собственно княжескому суду. Каштелянский суд проходил в присутствии ассессоров. Особой его формой был торговый суд, происходивший на торгу, как по частным, так и по уголовным делам, осуществляемый специально назначенным торговым судьей (*iudex fori*).

В XIII—XIV вв. в иммунизованных имениях в тех случаях, когда иммунитет не был полным, за каштеляном сохранился суд по наиболее тяжелым преступлениям (*causae maiores*). Без изменений сохранился суд каштеляна в неиммунизованных владениях, а также по делам, связанным с коллективной ответственностью ополей.

Церковные суды. Ранее всего в качестве системы, обособленной от монарших судов, сформировались церковные суды. Они возникли еще в начале XIII века. Первой инстанцией в духовном судоустройстве был суд архидьякона. На него можно было апеллировать к суду епископа, который одновременно был судьей по важнейшим делам, отнесенным к ведению церковных судов. Во второй половине XIII века при епископских куриях получает распространение уряд официала, духовного судьи, назначаемого епископом. На решение официала апелляция представлялась самому митрополиту.

К компетенции духовных судов относились дела, по которым духовное лицо выступало в качестве ответчика. Это называлось *privilegium fori*. Исключение составляли дела о земельных владениях ввиду их важности для всего класса феодалов, а также дела об измене и оскорблении величества, которые решали княжеские (королевские) суды. Духовным судам подлежали дела светских лиц, связанные с нарушением принципов веры (*causae spirituales*) или церковных предписаний (*causae spiritualibus annexae*), например таких, которые связаны с браком или уплатой десятины. Духовные суды, как и повсюду в феодальной Европе, стремились к распространению своей компетенции и на те светские дела, в которых истцом было лицо, принадлежащее к клиру. Этому способствовал польский обычай, позволявший сторонам выбор суда (*prorogatio fori*). В условиях раздробленности, когда спор вели стороны, проживавшие в разных уделах, хорошо организованный церковный суд, общий для обеих сторон епархии (децезии), был иногда удобен. Протесты князей против такого рода практики не приносили успеха.

Церковными судами, созданными для борьбы с ересями, были инквизиционные суды. Инквизиторы, преимущественно доминиканцы, преследовали подозреваемых в ереси, вели предварительное следствие и играли главную роль как в судебном процессе, так и при вынесении приговора. Инквизиционный суд налагал соответствующие церковные наказания, если же обвиняемый не отрекался от взглядов, признанных еретическими, то передавался, как и в других странах, светской власти для сожжения на костре.

Инквизиция усилила свою деятельность в Силезии в начале XIV века в борьбе с ересью вальденсов. В 1315 году в одной Свилице сожгли более 50 членов этой секты. В землях центральной Польши поддержку инквизиции оказал Владислав Локеток, усматривавший в ереси преступление, враждебное государственной власти.

Суды немецкого права. В вотчинах, являющихся собственностью церкви и możновладцев, городские и деревенские суды возникали и функционировали в рамках судебного иммунитета, а в княжеских городах и деревнях — на основе прав князя как верховного правителя. Организационные принципы как городских, так и деревенских судов были аналогичными. Городские суды в отличие от деревенских добились большей самостоятельности, подчеркивавшей право городов на самоуправление.

Городским судом немецкого права была *лава*, состоящая из войта и лавников. Особый характер имел *великий гайонный суд*, заседавший три раза в году, при участии пана города или замещающего его ландвойта.

По образцу городских судов были организованы суды в деревнях на немецком праве. Судил солтыс ¢

лавниками. Немецкое право применялось здесь главным образом тогда, когда население деревень составляли колонисты, пришедшие с Запада; польское население судилось по своему обычному праву, как его знали лавники (с элементами немецкого права).

Полномочия судов войта и солтыса определялись локационным документом. Господин-пан жаловал войту и судебной лаве чаще всего право суда по всем делам. Иногда он оставлял за собой юрисдикцию по некоторым наиболее тяжким преступлениям. В деревне объем судебных прав пана был более широким, а компетенция солтыса с лавой меньшей. Пан оставлял за собой юрисдикцию по делам об убийстве, поджоге, грабеже, насилиях (*causae maiores, causae magnae*). Войты и солтысы подлежали специальным судам немецкого права, так называемым ленным судам. В ленном суде ответчика-войта (солтыса) судила лава равных (т. е. состоявшая из войтов и солтысов) под председательством князя, а в частных владениях — под началом феодального пана или замещающего его войта.

На решения судов немецкого права вначале апеллировали в Магдебург. Туда же в сомнительных случаях обращались за правовыми поучениями и ортылями. Первый высший суд немецкого права в польских землях возник в Хелмне. Здесь в 1233 году крестоносцы одновременно с локацией города установили для всей своей территории суд, куда следовало обращаться и с апелляцией и за ортылями. В крупных городах лавы стали одновременно и высшими судами. На основе привилегии 1253 года городской суд Познани сделался высшим судом немецкого права для целого княжества.

Х. ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬШИ С РИМОМ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Отношения с империей. Они основывались на признании господствующей в раннем средневековье концепции межнационального общества, охватывающего все страны, исповедующие христианство по латинскому обряду. Во главе его стояли император и папа, верховенство которых признавали в принципе все монархи западной и центральной Европы. Восприятие немецкими королями короны как бы воссозданной Римской империи (962) служило прикрытием экспансионистской политики Германской империи как якобы универсальной монархии. Каждое государство стремилось между тем к независимости, т. е. к самостоятельному решению внутренних дел и ведению собственной внешней политики. До определен-

ного времени эта практика как-то уживалась с принципом имперского верховенства. Противоречие между претензиями «универсальной империи», так никогда и не осуществившимися полностью, и политической практикой усилившихся национальных государств составило одно из наиболее приметных противоречий европейского средневековья.

В своих отношениях с империей польские князья (короли) уже со времени Мешко I выступали как вассалы императоров, обязанные платить дань (ежегодную денежную подать), соблюдать верность и оказывать вооруженную помощь в походах, предпринимаемых императорами. Однако сама по себе зависимость не приводила к включению Польши в состав империи, хотя императоры, используя благоприятные обстоятельства, постоянно к этому стремились. В 1013, а затем в 1135 году Болеслав Храбрый и Болеслав Кривоустый¹ принесли, правда, ленную присягу императору, но они же, что характерно для характеристики фактических отношений, вели с Германией долгие войны во имя независимости Польши, для защиты ее, как писал летописец, «старинной свободы».

Укрепление верховенства империи относится к периоду удельной раздробленности, когда враждующие между собой князья обращались к императору с просьбами об интервенции. В 1146 году изгнанный из Польши великий князь Владислав II обратился к немецкому королю Конраду III как к своему сюзерену с просьбой о возвращении ему власти. Немецкий отряд, однако, не смог форсировать Одера, в связи с чем Конрад удовольствовался денежной данью от младших князей. Преемник Конрада, Фридрих Барбаросса, в 1157 году принудил Болеслава Кудрявого принести присягу на верность и уплатить дань. Второй поход Фридриха Барбароссы (1172) закончился возвращением Силезии сыновьям Владислава, принесением новой присяги и уплатой просроченной за 16 лет дани в размере 8000 гривен. Отсюда следует, что польские князья были обязаны платить ежегодную дань императору в размере 500 гривен и соблюдать верность, находившую выражение в обязанности поставлять императору вооруженных воинов для его военных акций. В XIII столетии внутренние войны в Германии (Вельфов с Гогенштауфами), а затем длительное междуцарствие (1251—1273) приводили к фактической независимости польских королей от империи, а коронация Локетка (1320) была выражением победы принципа государственной суверенности Польши.

Отношения с папством. В основе взаимоотношений Польши с папством лежал акт, изданный в 991 или 992 году (*Dagome iudex*), известный в сокращенном виде, сохранившемся в сборнике конца XI века. Указанным актом Мешко I с женой и двумя сыновьями формально совершили передачу Польши папству и получили ее обратно из рук папства как лен (в то время это называлось *feodum oblatum*). В результате возникло верховенство папства над Польшей, выражением которого была особая плата, вносимая населением в пользу папского престола и известная как «денарий св. Петра».

Отношения зависимости усилились в период феодальной раздробленности, когда те или иные польские князья обращались

¹ По мнению ряда историков, Болеслав Кривоустый принес ленную присягу не за Польшу, а за Западное Поморье, переходившее под сюзеренитет императора Германии.

к папе, чтобы он, по праву верховенства, утвердил их избрание или их законы. Некоторые из князей (Лешек Белый, Владислав Одопич) формально отдались под покровительство папы.

XI. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

Раннефеодальная монархия. В X—XI вв. польское государство характеризуется на всей своей территории приблизительно общим уровнем экономических и социальных отношений. В соединении с этнической связью такая общность делала возможной определенную степень унификации, выражением которой было распространение слова «Польша» как названия всего государства, а слова «поляки» как названия всего населения. В конце правления Болеслава Храброго польская государственная территория составляла около 250 тыс. кв. км с населением около 1 млн. человек.

Раннефеодальная монархия, представлявшая наиболее раннюю форму государства феодального типа, сложилась в период, когда основная масса свободного населения подчинялась непосредственно князю. Формой эксплуатации была в тот период централизованная эксплуатация, организованная государством и осуществляемая посредством государственного аппарата, состоящего из представителей знати. То, что урядник получал в качестве вознаграждения долю доходов, взимаемых для казны князя, становится исходным пунктом для присвоения новой знатью все увеличивающейся части государственных доходов. Усиливалась тенденция к замене централизованной эксплуатации эксплуатацией непосредственной и децентрализованной, осуществляемой представителями знати в своих земельных владениях. Обозначилась противоположность интересов знати и монарха, который, защищая свои доходы, был заинтересован в ограничении роста владений можновладельцев. Центральная государственная власть, которая в свое время способствовала возвышению новой, феодальной знати, становилась для нее помехой. Отсюда тяготение к раздробленности, ясно выраженной уже в конце XI века и ставшей реальностью после смерти Болеслава Кривоустого.

Несмотря на то что относительно единое раннефеодальное государство подверглось раздроблению, его исторические достижения имели принципиальное значение для дальнейшей истории Польши. Интеграционные

процессы периода существования раннефеодальной монархии способствовали укреплению языковой и культурной связи, унификации общественных отношений, созданию единой системы управления государством. В рамках раннефеодального государства возникла польская народность, которая настолько окрепла в то время, что не подверглась распаду в период удельной раздробленности.

Удельная раздробленность. После смерти Болеслава Кривоустого, точнее, после изгнания в 1146 году младшими князьями, поддержанными можновладцами, его старшего сына Владислава II, прозванного с того времени Изгнанником, начался период политической раздробленности. Через такой период прошла значительная часть государств средневековой Европы. Государство распалось на ряд более или менее самостоятельных удельных княжеств. Владеющие ими князья искали опору прежде всего у местных можновладцев. Они привлекали их на свою сторону, жалую им придворные уряды, созданные для каждого удела, а также земельные владения с проживающим в них населением. Идет дальнейшее развитие феодальной земельной собственности, сопровождаемое распространением и углублением зависимости крестьянского населения.

Удельная раздробленность внешне ослабила Польшу. Но одновременно в тот период происходит ускоренное развитие производительных сил, а также существенные изменения в сфере общественных отношений. Если в единой раннесредневековой монархии активным преобразующим фактором была государственная власть, то в следующий период господствующие слои и группы уже сами реализовывали свои общественные и политические цели, используя в случае необходимости разные средства давления на монарха.

Характерной особенностью периода раздробленности была, как известно, постоянная борьба центристских (интеграционных) и центробежных (дезинтеграционных) тенденций. Попыткой сохранить государственное единство стал, как и в удельной Руси, принцип. Однако рост центробежных тенденций привел в третьем десятилетии XIII века к его упадку. С того времени все польские князья считались равными.

Уделы Польши объединяло то, что в ней проживало население, принадлежащее к одной народности; среди

ее политически активных групп еще сохранялись традиции государственного единства. Внутренняя колонизация вызывала миграцию населения (иногда в форме бегства) из одного удела в другой. Существовали также (вначале незначительные) экономические связи, особенно между меньшими уделами, возникшими в результате последующих разделов. Сохранению общепольских связей способствовали: общность правящей династии во всех уделах, кроме Поморья; принадлежность всех уделов к одной общепольской церковной провинции; общая (несмотря на удельные различия) система обычного права (*mos Polonicum, ius Polonicum*). Краков, несмотря на то что в XIII веке он был только столицей Краковского удела, имел большее значение, чем другие княжеские столицы. Старинная традиция сделала его символом общепольской государственности. Здесь хранились знаки королевского достоинства: корона, скипетр, держава и меч.

Политическая раздробленность создала благоприятные условия для формирования сословий с их особым правовым положением. Сословная организация феодального общества складывалась вначале в рамках уделов. Даже и после объединения страны прежний удел оставался основной формой организации рыцарства-шляхты и административного деления государства.

Объединение польского государства. С конца XIII века объединение осуществляли отдельные князья, опираясь на главные уделы, прежде всего передовых в хозяйственном и общественном отношении Силезию (Генрик IV Пробус — Вроцлавский князь), потом Великую Польшу (Пшемисл II), наконец, Малую Польшу (Владислав Локеток). Непосредственной целью каждого из этих князей было расширение подвластной территории, укрепление собственной власти. В достижении своей цели они опирались на общественные силы, стремящиеся к объединению. Удельная раздробленность продолжалась в Польше сравнительно недолго. Институциональным выражением ее завершения была коронация. После коронации Пшемисла II (1295), возвестившей о появлении новых сил, коронация Локетка отметила окончание периода феодальной раздробленности как формы государства и одновременно конец вотчинной монархии.

Раздел третий

СОСЛОВНАЯ МОНАРХИЯ

І. КОРОНА ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Территория Королевства. Возникшее после периода феодальной раздробленности Королевство включало только Малую Польшу, Великую Польшу, а также Серадзскую землю. Ленчицкая земля была передана в лен куявским князьям, племянникам Локетка, вместо оккупированной крестоносцами Куявий. За пределами объединенного королевства остались Западное Поморье и Любушская земля, которые вошли в состав Бранденбурга, Гданьское Поморье, захваченное крестоносцами, которые вскоре овладели (временно) и Куявией, а также Силезия, которая попала в ленную зависимость от чешских королей из династии Люксембургов, а позже она вошла в состав Чешского Королевства. В Мазовии сохранились собственные князья, которые не сразу признали верховенство польских королей. Потеря западных и северных земель, лишение выхода к морю, утрата более половины государственной территории — вот с чего начиналось возрождение Польского Королевства. В 1320 году оно занимало около 106 тыс. кв. км.

Казимир Великий (1333—1370) сумел укрепить полученное в наследство от отца Королевство. Он включил в его состав Ленчицкую Землю, вернул оставшуюся в руках крестоносцев часть Куявии (Добжинскую землю), присоединил часть Силезии (Всховскую землю). Однако прежде всего он обеспечил Королевству твердое международное положение. Он добился этого благодаря союзу с правящей в Венгрии династией. В союзе с Венгрией Польша, воюя против Литвы, захватывает Галицкую Русь (1341—1349) и заключает династический договор, по которому польский престол переходил после смерти Казимира венгерскому королю Людовику из дома Анжу. Создавалась польско-венгерская уния. Годы унии способствовали укреплению сословий, позиция которых по отношению к чужому правителю была более сильной, чем по отношению к отечественному. В результате восстановленное Польское Королевство сложилось в форме сословной монархии. Во второй половине XIV века ее территория занимала около 170 тыс. кв. км и на ней проживало 1 300 тыс.

человек, из которых, как считается, около 70% составляли поляки.

Понятие Короны Польского Королевства. Правовым выражением сословной монархии стала Корона Польского Королевства (*Corona Regni Poloniae*) в смысле государства, обособленного от личности монарха. Понятие Корона возникло в Англии XII века, в следующем столетии воспринято в Венгрии, откуда и перешло в Польшу.

Сущность Короны заключалась в том, что корону — символ власти и государственной независимости — отделяли от личности монарха и связывали с государством в целом. Корона Польского Королевства стала, следовательно, воплощением государства и его прав, независимых от личности короля. Это подчеркивало публично-правовой элемент государственной власти, отодвигая на задний план первоначально доминирующие до той поры вотчинные элементы.

Кроме земель, находящихся под властью польского короля, понятие Короны Королевства распространялось также на все исторические и этнические польские земли. Согласно этой конструкции верховные права на области, остающиеся вне пределов власти польского короля, принадлежали государству — Короне Польского Королевства.

Понятийная схема Короны Королевства создавала предпосылки для признания, что при отсутствии короля (например, в случае его смерти без мужских потомков) суверенитет воплощался в «народе», на практике — в руках шляхты. Это приводило к укреплению позиций шляхетского сословия, формальной гарантии его участия — как сословия — в правлении. Получают развитие шляхетские сеймы и сеймики. Корона Королевства включала, как видим, принцип суверенитета, который находил выражение в убеждении, что как государство, так и его монарх ни от кого не зависят (*rex est imperator in regno suo*). Вместе с тем утверждался принцип неделимости и нерушимости государственной территории. Применением этого принципа было обязательство Людовика Венгерского: «Будем сохранять Корону нашего Королевства целой и нерушимой, и никаких земель или их частей не будем от нее отрывать и уменьшать, но, напротив, будем ее увеличивать и приобретать для нее новые земли». Заботу о целостно-

сти государства выражало также постановление Кошицкой привилегии (1374), что король не даст ни града, ни замка ни временно, ни постоянно никому, происходящему из княжеского рода.

Корона Королевства имела существенное значение для укрепления связей между землями, входящими в состав объединенного государства. Она способствовала созданию центральной, а также местной администрации, последней с урядом старосты во главе. Она сыграла также положительную роль в складывании общегосударственного сословного представительства — вального сейма.

Столицей Польского Королевства был Краков, ставший местом коронации польских королей, а также их захоронений. Тогда же был создан государственный герб, которым стал белый орел — символ власти — на красном поле, известный в XIII веке как герб Краковской земли. Появилось также общегосударственное знамя.

Укрепление суверенитета. Объединение государства привело к окончательному отпадению претензий империи на верховенство над Польшей. Последним их проявлением была формальная передача императором Людовиком Баварским Польши в лен своему сыну (1328). Этот акт не имел никакого практического значения. В XIV веке исчезла также папская «протекция» над Польшей. Ее реликтом осталась лишь плата «денария св. Петра» крестьянами и горожанами, а также церковной десятины и аннат духовенством. Королевская власть стремилась отобрать у папства по крайней мере часть этих доходов, а также устранить влияние римской курии при назначении на церковные должности, являющиеся одновременно высокими государственными постами.

II. ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА

Земское право. Статуты Казимира Великого. В XIV—XV вв. по-прежнему преобладало обычное право. Наряду с ним все большее значение приобретает писаное право. В этом праве шляхта видела охрану и защиту от самоуправства урядников-можновладцев и многократно требовала его применения.

Наиболее важным памятником писаного права этого периода были статуты Казимира Великого, изданные в 50—60-е годы XIV века отдельно для Великой Польши и для Малой Польши, что отражало различие в общественном развитии этих провинций. Великопольский статут — более ранний — был издан при участии гнезненского архиепископа, прелатов, можновладцев и шляхты на законодательном вече. Более поздний малопольский статут состоял из статута, принятого на вече в Вислице, а также свода ряда более поздних уставов. Статуты Казимира Великого содержали положения, касающиеся государственного строя и судебного права, главным образом уголовного, в то время как в частном праве преобладали нормы обычного права.

С малопольским статутом позднее были объединены короткие уставы, изданные в течение XIV века Казимиром Великим и его преемниками, которые в литературе носят название *экстравагантов*, а также статьи, имеющие характер *прецедентов*, т. е. сформулированные как казусы (правовые ситуации с фиктивными именами и принятые решения). Последние являлись, вероятно, плодом работы королевских секретарей. Со временем экстраваганты начали рассматривать как часть законодательства Казимира Великого. Из этого правового материала возникли своды — Великопольский и Малопольский статуты, выступающие в XV веке как объединенные малопольско-великопольские статуты. При составлении сводов в конце их были дописаны так называемые *петиты*, или проекты правовых норм, еще окончательно не сформулированных, которые, вероятно, были присоединены к списку уже после смерти короля-законодателя.

Малопольский статут насчитывал более 100 статей, Великопольский — около 50. Объединенные статуты являлись как бы заменой общепольского статута, издание которого так и не осуществилось. Наиболее распространенной в XV веке была редакция так называемых *дигест*, объединившая все малопольские и часть великопольских статей (всего около 130) и получившая общепольское значение. Серединой XV века датируется самый старый польский перевод статутов, сделанный каноником варшавского капитула Святославом из Войчешина. К XV — началу XVI века восходят также два известных русских перевода этих статутов, связан-

ных с тем, что польское право было введено в Галицкой Руси (1434) и на Подляшье (1444), хотя последнее до 1569 года входило в состав Великого княжества Литовского.

Продолжением законодательства Казимира Великого были статуты, утвержденные в XV веке на вальных сеймах. Особого внимания заслуживает Вартский статут, принятый сеймом в 1423 году, а затем утвержденный королем. Наряду со статутами формулировали нормы *сеймовые ухвалы* (постановления), самые ранние из которых относятся к 1444 году.

Король издавал привилегии: индивидуальные и общие. Последние могли распространяться на землю или провинцию — земские привилегии, или территорию целого государства — генеральные привилегии. В период сословной монархии решающее значение имели генеральные привилегии, начиная от изданных в Буде (1355) и Кошицах (1374). Общие привилегии выдавались чаще всего по требованиям шляхты. В этом находила выражение ее активная роль в правотворческом процессе.

К актам, издаваемым королем, относились и *эдикты*, издаваемые по делам вероисповеданий и военным вопросам, *декреты* — по торговым и таможенным делам, *ординации*, определяющие организацию соляных копей, и т. п.

Наряду с законами, издаваемыми центральной властью, местные правовые нормы для отдельных земель, главным образом в сфере судебного права, устанавливали с конца XIV века местные сеймики. Эти постановления назывались *лаудами*; они не требовали для придания им законной силы королевского подтверждения, что свидетельствует о самоуправлении шляхты.

Особую разновидность польского права составляло право удельной Мазовии. Система мазовецкого права дополнялась и модифицировалась статутами мазовецких князей (самый ранний известен с 1377 г.). Довольно многочисленные, эти статуты принимались иногда на межудельных вечах. Тогда они относились ко всей Мазовии.

Немецкое право. Со временем немецкое право в Польше все более отдалялось от своего образца, обогащаясь новыми источниками. Это были прежде всего

ортыли Магдебурга для польских городов, а также *вилькеры*, т. е. статуты, утвержденные городскими советами. Так создавалась польская разновидность этого права, по-прежнему называемого немецким правом.

Сборники ортылей были переведены в XV веке на латынь, а потом на польский язык, что свидетельствует о полонизации городов. Об этом свидетельствуют также немецко-латинско-польские словари XV века, содержащие юридическую терминологию.

Немецкое право составляло также основу домениального суда деревни на немецком праве, подвергаясь здесь многочисленным влияниям польского обычного права.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРАВО СОСЛОВИИ

А. Шляхта

Внутренняя дифференциация шляхетского сословия. В XIV веке сохранялось социальное преимущество możновладцев. Этому помогала до определенного времени шляхетская родовая организация, которая, объединяя под общим гербом и кличем семью możновладца с его родственниками и клиентурой, создавала для możных панов («старшей братии») политическую опору. Это нашло выражение и в ополчении (посполитом рушении) в виде так называемых родовых хоругвей (отрядов), выступавших под знаменем możновладцев и отдельно от земских хоругвей. С другой стороны, это приводило к распространению шляхетских привилегий на все рыцарство, так как «младшая братия» входила в роды możных панов, принимая их гербы и кличи. Институт шляхетства (*nobilitas*) закрепился в сословной монархии как единое понятие для всего шляхетского сословия.

«Нагана шляхетства». Нобилитация. Следствием образования шляхетского сословия была его замкнутость, хотя на практике ее долго не удавалось осуществить. Однако уже с середины XIV века основным фактом, необходимым для подтверждения принадлежности к шляхетскому сословию, стало не владение землей на рыцарском праве, а происхождение от шляхетских предков. Это санкционировали статуты Казимира Великого, предусматривая при возникновении сомнений в шляхетстве необходимость доказательства шляхетского происхождения свидетелями (в Великой Польше — шесть, в том числе от рода отца и матери). Компрометация

(«нагана») шляхетства, которая должна была оградить шляхетское сословие от неродовитых людей, сделалась на практике вследствие подкупа свидетелей едва ли не главным способом перехода в его ряды зажиточных горожан, влодык, солтысов и других лиц, стремящихся к социальному выдвижению.

Формой зачисления в шляхетское сословие лиц, не имеющих шляхетских предков, была нобилитация путем специального акта монарха. Обычно это было связано с принятием такого лица в один из геральдических родов. Шляхта росла также за счет наплыва богатых горожан, приобретающих имения на рыцарском праве и проникавших в ее ряды *via facti* также и путем женитьбы. Практика здесь долгое время отходила от буквы закона.

Загородная и неоседлая шляхта. К шляхетскому сословию принадлежала и мелкая шляхта, не имевшая подданных и лично обрабатывавшая свою землю. Называемая загородной или, позднее, застенковой (от шляхетской усадьбы — «застенка», расположенной «за стеной» имений помещичьей шляхты), она была особенно многочисленной в Мазовии. Существовала также шляхта, вообще не имевшая земли. Такой шляхтич, арендующий землю, рассматривался наравне со шляхтичем-собственником. Тех же, которые не имели земельной собственности и не арендовали землю, называли неоседлой шляхтой (или шляхтой-голотой). Шляхта-голота не могла занимать земских урядов и не пользовалась привилегией (*pe'ninet captivabimus*). Она подчинялась гродским, а не земским судам. Ее вызывали на суд устным, а не письменным позывом. Кроме этих ограничений действовал принцип шляхетского равенства. Как только неоседлый шляхтич получал в собственность (или арендовал) земельные владения, он начинал пользоваться всеми шляхетскими правами.

Шляхетские сословные привилегии. Образование шляхетского сословия привело к тому, что со второй половины XIV века шляхта получила общие привилегии: 1) генеральные, распространявшиеся на всю страну, и 2) провинциальные или земские, охватывавшие шляхту одной провинции или земли. За исключением удельной Мазовии пожалование единичных привилегий прекратилось. Первая общегосударственная привилегия была выдана в Буде в 1355 году.

В 1374 году Людовик Венгерский, пытаясь обеспечить одной из своих дочерей польский престол, выдал на съезде в Кошице (нынешняя Словакия) генеральный привилей (закон), который не распространялся на духовенство (оно получило аналогичный привилей в 1381 г.). Постановления Кошицкого привилея относились исключительно к шляхте. Они освобождали ее от порадльного взноса за исключением 2 грошей ежегодно от крестьянского лана, выплачиваемых как подтверждение признания королевской власти. Привилей предусматривал выкуп королем шляхтича из плена, если он

попадал туда во время военного похода, а также ограничил обязанность участия шляхты в постройке крепостей только теми случаями, когда строительство было решено с ее согласия и совета.

Важное значение для развития шляхетских прав имел пункт о порадльном взносе. Он означал податную свободу шляхты. С этого времени, если король хотел наложить подать, он мог сделать это только с согласия всей шляхты, что давало ей возможность оказывать влияние на политику государства в обмен за согласие на подать.

Расширение шляхетских привилегий произошло в третьем десятилетии XV века, когда проявилась оппозиция шляхты по отношению к правящему можновладству, подкрепленная влиянием гуситских идей. Червиньская привилегия (привилей) 1422 года, выданная под давлением шляхты, собранной на сейм во время ополчения, гласила, что король не будет конфисковывать или захватывать имения шляхтича без судебного решения, что суды будут судить в соответствии с писанным правом и что никто не будет соединять в одном лице уряды земского судьи и старосты. Привилегии: Едльненская (1430) и Краковская (1433) явились кодификацией завоеваний шляхетского сословия, устанавливая, в частности, принцип личной неприкосновенности шляхтича. С этого времени оседлого шляхтича нельзя было ни лишить свободы, ни подвергнуть наказанию без судебного приговора (*neminem captivabimus nisi iure victum*).

Благоприятные условия для приобретения дальнейших привилегий принесла 13-летняя война. Собранная в ополчение под Церквицей около Хойниц великопольская шляхта потребовала от короля в сентябре 1454 года новой привилеи. Несколько позднее собранное в Опоках (Куявия) малопольское ополчение также потребовало привилегий, содержание которых было сформулировано в так называемых Опокских петидах. В ноябре 1454 года король выдал Нешавские привилеи, особые для отдельных провинций и земель в зависимости от выдвинутых требований. В соответствии с великопольским текстом Нешавской привилеи король не мог издавать новых законов, собирать ополчение без предварительного согласия земских сеймиков. Были отменены только что утвержденные в 1453 году еврейские

привилегии, ухудшено положение горожан, ограничены права крестьян — все в интересах шляхты.

Передача решений по важнейшим государственным вопросам земским сеймикам обозначала начало роста политического значения средней шляхты. Постановления привилея 1454 года стали исходным пунктом развития так называемой шляхетской демократии.

Б. Города и горожане

Городское население. Наибольшее число локаций небольших городов, преимущественно частных, отмечалось в Малой Польше в XIV веке, в Великой Польше в XV веке, в Мазовии и Галицкой Руси в XV и начале XVI столетия. Эти локации были связаны с возрастающей товарностью крестьянского хозяйства, что усиливало общественное разделение труда, способствуя развитию городских занятий и формированию небольших местных рынков.

Среди патрициата крупных малопольских городов (в частности, Кракова) преобладал немецкий элемент. С XV века в польские города устремились также итальянцы, главным образом купцы и ремесленники художественных специальностей. Часть посполства и большая часть плебса были поляками. В великопольских городах польский элемент был сильнее, ленчицкие, серадзские и мазовецкие города имели почти исключительно польское население крестьянского и мелкошляхетского происхождения. Эта последняя группа занималась главным образом торговлей и заняла руководящие места в городском управлении.

Города соперничали между собой на хозяйственной почве и для получения перевеса над конкурентами ходатайствовали о различных привилегиях, например о праве склада.

Городское гражданство. Для пользования городским правом нужно было получить городское гражданство. Каждый город предоставлял гражданство самостоятельно. Предшествующее гражданство в одном городе не предreshало возможности получения его в другом. В этом находил выражение тот факт, что в противоположность шляхте между городами в масштабе государства не возникло сословной солидарности и каждый город составлял автономное целое.

От гражданина города (*civis*) требовалось свидетельство о его законном происхождении (так называемый лист доброго рождения) и исповедание христианской веры. От горожанина, прибывшего из другого города, обычно предварительно требовался отказ от прежнего городского гражданства. Со временем получение гражданства в крупных городах затруднялось. Оно было, в частности, обусловлено приобретением недвижимости в городе или женитьбой на дочери горожанина.

Городское гражданство было наследственным. Плебеи в отличие от патрициев и посполства были не гражданами, но жителями (*incolae*) города. Они подчинялись городским властям, но не пользовались правами горожан.

Городское управление. Городской патрициат стремился к сосредоточению в своих руках всей власти в городе путем ограничения прав войта и подчинения его городской раде. Используя то, что войтовства подлежали наследственным разделам, а также могли быть объектом купли-продажи, города нередко приобретали войтовства путем заклада или выкупа. В этих случаях права войта переходили к раде, а выделенное ему имущество и доходы становились собственностью города. Потом рада назначала на определенное время (обычно на год) судебного войта для вершения суда. Именно с данного момента можно говорить о полном городском самоуправлении.

Правящий патрициат стремился переложить бремя податей на посполство, которое, защищаясь, выступало против патрициев. Во главе городской оппозиции стали ремесленные цехи, добившиеся участия в управлении городом, особенно в решениях о наложении податей и утверждении вилькеров. В результате острых столкновений сложились различные формы организации городских властей, отражающие соотношение общественных сил в каждом данном городе.

В Кракове в XV веке городская рада состояла из 24 советников, пожизненно назначаемых воеводой, причем ежегодно отправляли служебные обязанности 8 советников. Каждый из них по очереди выполнял в течение недели функцию бурмистра, что обеспечивало участие сравнительно широкого круга патрициата в городском управлении. Пожизненность уряда советни-

ков существовала в ряде городов, в которых патрициат сумел удержать власть. Знал ее также Гданьск, где рада пополнялась путем кооптации. Однако под натиском посольства в Кракове было создано особое представительство посольства в лице 16 делегатов, в том числе 8 ремесленников и 8 торговцев.

В королевских городах бурмистра или бурмистров (если в городе их было два и более) назначал из числа советников чаще всего староста, в частных — пан города. Они же утверждали выборы, а нередко и сами назначали советников. Вообще самоуправления добились главным образом крупные города, в небольших же решающим было влияние старосты или пана города. Городская рада была главным органом самоуправления. Она назначала лавников и судебного войта. Городская рада назначала также старшин цехов, которые входили в состав коллегии, созываемой от представляемых групп посольством.

В управлении городом принимали участие три коллегии: 1) городская рада, обладающая законодательной, административной и судебной компетенцией; 2) лава, составляющая городской суд; 3) представительство посольства, состоящее преимущественно из цеховых старшин, которое допускали к контролю над финансовой деятельностью городской рады и участию в принятии важнейших постановлений. Рады стремились к ограничению роли представительства посольства, что приводило к частым конфликтам.

Вилькеры, издаваемые радой самостоятельно или при участии лавы и посольства, регулировали торговые дела, деятельность цехов, безопасность и общественный порядок, а нередко формулировали нормы гражданского и уголовного права. В королевских городах вилькеры представлялись для утверждения королю, в частных городах — пану города.

Цехи и купеческие братства. Цеховая организация в Польше развивалась в XIV—XV столетиях. В Кракове в конце XIV века было 25 цехов, в Познани — 15. Меньшие города, объединявшие в одном и том же цехе ремесленников родственных специальностей, насчитывали по несколько цехов. Со временем каждый цех приобрел свой статут. Городская рада осуществляла контроль над деятельностью цехов и, в частности, утверждала постановления цеховых собраний.

Как и повсюду в Европе, польские цеховые статуты тщательно регламентировали условия труда и производства. Они устанавливали

максимальное число учеников, количество готовых изделий и их цены: предписывали, с помощью каких орудий и из какого сырья они будут сделаны, регулировали коллективное приобретение сырья. Цеховые статуты стремились устранить конкуренцию со стороны лиц, не принадлежащих к цеху, запрещая им производство и продажу соответствующих изделий в городе и окрестностях.

Во главе цеха стоял один или чаще несколько старшин. Они руководили делами цеха и распоряжались цеховым имуществом. Они обладали также судебными полномочиями, распространявшимися на мелкие уголовные дела членов цеха и подмастерьев, и осуществляли третейский суд. Наибольшим наказанием было изгнание из цеха, равнозначное утрате права на занятие профессией.

Со временем цеховые мастера в целях укрепления своего положения начали стремиться к обособлению в замкнутую группу с наследственной принадлежностью ее членов к цеху. Начиная с XV века цеховые статуты предусматривали освобождение сыновей мастеров от оплат и выполнения работ, связанных с возведением в звание мастера; от этого же освобождали подмастерьев, женившихся на вдовах мастеров.

Вилькеры, охраняя интересы мастеров, стремились облегчить им эксплуатацию подмастерьев и вообще наемных рабочих. С этой целью городские права запрещали заключение договоров о работе сроком менее чем на один квартал. Запрещалось, как правило, организовывать отдельные братства подмастерьев.

Затруднения, связанные с доступом в цех, вынуждали подмастерьев, как и других лиц, работать вне цеха, поселяясь чаще всего за пределами города. Этих людей называли шукарями или партачами (от лат. *a parte fraternitatis* — вне цеха). Они составляли конкуренцию для цехового ремесла, и цехи боролись с ними.

Начиная с конца XIV века, торговцы, не принадлежащие к патрициату, составляли собственные братства. Они имели характер западноевропейских гильдий.

Привилегии городов. Положение городов в государстве. В период сословной монархии города соперничали друг с другом за право склада. Краков получил право склада, которое он утратил после 1312 года. Относительное (14-дневное) право склада получил Львов; в 1444 году он получил безусловное право склада в отношении восточных купцов, что позволило ему завладеть восточной торговлей. Всего 48 польских городов, в том числе Познань, Сандомир, Калиш, Люблин, Торунь, имели в XIV—XV вв. право склада, обычно на несколько дней в году, хотя бывали и более длительные (например, шестинедельное в Свиднице на текстильные красители). Города, имевшие право склада на определенные товары, становились центрами, в которые съезжались, чтобы запастись этими товарами. Кроме того, право склада было связано с обеспечением городского ремесла сырьем. В XIV—XV вв. оно способство-

нало развитию этих городов, торговой специализации и росту ремесленного производства.

Стремясь к увеличению средств, потребных для развития ремесла и торговли и благодаря этому увеличению доходов города, городские рады издавали, начиная с XIV века, аналогично городам других стран Европы вилькеры против излишеств. Запрещалось горожанам носить шелковую одежду, серебряные пояса и вообще чрезмерное количество украшений, ограничивалось число гостей на пирах по случаю обручений, свадеб, крестин; запрещалось приглашать на пиры шутов. Особо запрещались азартные игры.

XIV—XV вв. были периодом развития польских городов, и они играли в истории определенную политическую роль. Первые земские привилеи гарантировали также права городов. Города наряду с можновладцами гарантировали международные договоры, заключаемые королями (Калишский трактат — 1343, Торуньский мир — 1411). Выражением активности городов были городские конфедерации, возникавшие в первой половине XIV века. Однако они имели спорадический характер и не приводили к унификации политики городов в деле поддержания общественного порядка и борьбы с разбойниками. Следует также отметить совместное со шляхтой участие городов в конфедерациях в период отсутствия королей после смерти Людовика Венгерского. И позднее в таких случаях заключались совместные конфедерации шляхты и городов. Представители городов принимали участие и в выборах королей.

Однако в середине XV века произошел поворот в развитии прав городов. Постановления Нешавского привилея 1454 года для Малой Польши (в Великой Польше эта практика существовала и ранее) ограничили права городов в том, что касается вызова в земский суд горожанина, ранившего шляхтича. Судебная практика распространила это положение и на убийство шляхтича, подчинив горожан юрисдикции шляхетских судов и по этим делам. Спустя два года краковские горожане утратили право давать согласие на подати. Хотя на малопольском сейме в Корчине в 1456 году «краковские советники ссылались на документы, собравшиеся всем обществом (шляхетским.— Ю. Б.) решили, что они должны дать подать». С этого времени подати налагались на Краков без согласия города, на основе

постановлений шляхетского сейма или сеймиков (правда, только тогда, когда одновременно налагали подать на шляхетские владения). Утрата столичным Краковом права согласия на подать имела общегосударственное значение, ослабляя позицию городов.

В. Крестьяне

Польская деревня в XIV—XV вв. Это был период преобладания чиншей в отношениях между крестьянином и паном. Особой формой их распространения была локация деревни на немецком праве. Наибольшее число локаций деревень в королевских и духовных владениях приходилось на XIV век, в шляхетских владениях — на первую половину XV века. Несмотря на свое распространение (часто в виде перевода уже существующих деревень на немецкое право), локационное устройство и право не охватило всех деревень Польши, хотя его влияние было повсеместным.

Население деревни, как мы знаем, было имущественно дифференцировано. Относительно зажиточный ее слой составляли кмети — владельцы самостоятельных, чаще всего лановых земельных хозяйств. В середине XIV века значительная часть крестьян обладала правом выхода и их права на землю были закреплены.

Повинности крестьян характеризовались тенденцией к росту денежной части чинша и сокращению других форм ренты, что свидетельствовало о прогрессе товарности крестьянского хозяйства. Кроме денежной части ренты в деньгах же платилось порадльное, которое при Казимире Великом стало ежегодной податью с крестьянского лана.

Право выхода и его ограничения. Право крестьянского выхода заключалось в свободе перехода от одного пана к другому или из деревни в город. Переход совершался при определенных условиях. Крестьянин, живущий на немецком праве, мог покинуть деревню в любое время, но должен был привести хозяйство в порядок, засеять землю, заплатить чинш и выполнить другие повинности или представить равно оснащенного инвентарем заместителя. Позднее, в XV веке, обе обязанности, ранее альтернативные, были совмещены, что означало затруднение выхода. Несколько более ограниченной была свобода выхода крестьян на польском праве. Крестьянин мог покинуть деревню раз в году, в декабре, около рождества. Он был обязан предупредить об этом пана деревни, выполнить обязательства, вытекающие из «уклада земского», т. е. обработать землю, привести в надлежащее состояние постройки, вернуть вы-

деленную паном (когда принимал хозяйство) помощь инвентарем и зерном или дать заместителя. Целью этого было, как и обязанность возвращения «помощи», ограничение выхода.

Ограничение выхода при одновременном относительно легком устройстве на новом месте в период колонизации и роста городов приводило к тому, что крестьяне покидали деревню на немецком праве, не представив заместителя и не заплатив положенных сумм, или уходили из деревни на польском праве, не выполнив «земского уклада», что считалось бегством. По Великопольскому статусу беглый мог избежать возвращения, заплатив прежнему пану годичный чинш и три гривны штрафа. В случае необходимости он мог получить эти деньги, обычно путем ссуды, у нового пана, заинтересованного в удержании нового поселенца. Если прежний пан в течение года не предъявил своих прав, он терял право на чинш и штраф. Целью этого была, главным образом, охрана интересов панов-колонизаторов. В середине XV века последовало усиление репрессий за бегство; с того времени пан, во владении которого оседал беглый, отвечал за его невыдачу.

Солтысы. В связи с большим числом локаций в XIV веке увеличилось число солтысов. Солтыство было, как известно, наследственным и в связи с этим могло подлежать разделу между наследниками, а также наследоваться по женской линии. Это не устраивало панов, которые старались противодействовать таким разделам, поощряя передачу солтыства старшему сыну, который компенсировал остальным наследникам их часть деньгами. В период сословной монархии солтыство на практике было почти в полном распоряжении солтыса. Многие солтысы имели собственных крестьян, живущих на землях солтыства.

Самостоятельное положение солтысов вызывало тенденцию к обособлению их в особый, низший слой феодалов. Казимир Великий пытался подчинить солтысов государственной власти, вводя обязанность военной службы для всех войтов и солтысов, а также устанавливая специальные, более высокие, чем крестьянские головщину и навязку за «рыцаря, произведенного из солтыса или кметя».

Материальное обеспечение солтыств приводило к тому, что их охотно приобретали зажиточные горожане и даже шляхта. Малопольский статут запрещал шляхте покупку солтыств без согласия владельца деревни, так как «солтыс должен выполнять волю своего пана, поэтому неправильно, чтобы солтыс был сильнее, чем пан».

Противоречие интересов землевладельцев и солтысов ясно проявилось в XV веке. Отсюда постановление

Вартского статута, которое позволяло собственнику деревни устранять «негодного или бунтарского солтыса», предписывая принудительную продажу солтыства, а при отсутствии кандидата разрешая пану его выкуп после оценки знающими людьми.

IV. ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕ

Отношения церкви с государством. В XIII—XIV вв. епископы выбирались капитулами. Однако со времени Казимира Великого обозначилась тенденция к назначению епископов королями. Во второй половине XV века установился следующий порядок: король специальной грамотой представлял капитулу своего кандидата; решение капитулы приобретало формальный характер.

В 1430—1433 гг. было установлено законом, что церковным сановником может стать только шляхтич. По инициативе государственной власти папы исключили возможность получения должности каноника нешляхтичем, сделав некоторые исключения для обладателей ученых степеней.

На период сословной монархии пришлось образование католической церковной организации в Галицко-Владимирской Руси. Создание в 1375 году второго римско-католического архиепископства в Галиче вызвало вопрос о главенстве гнезненского архиепископства. Декретом церковного собора в Констанце гнезненский архиепископ получил звание примаса (1417). Примас был представителем церкви в Польском Королевстве, мог созывать общепольские синоды, ему принадлежало политически важное право коронации королей и королев, он занимал первое место в королевской раде.

Отношения государства с православной церковью. В обозначившейся экспансии на Восток польские правящие круги не хотели противопоставлять себе православного населения, но стремились, наоборот, заручиться поддержкой местного боярства (права православной шляхты были ограничены только в Великом Княжестве Литовском). Одновременно они заботились о том, чтобы изолировать православную церковь на западной Руси от внешнего влияния. Уже Казимир Великий добился от патриарха в Константинополе организации православной митрополии в Галиче (1370). Митрополия долго не просуществовала вследствие противодействия, с одной стороны, католического клира, враждебного православной церкви, с другой стороны, московской митрополии, которая защищала церковное единство Руси. Только в 1458 году стараниями литовских и польских правящих кругов была создана — отдельно от московской — киевская православная митрополия для земель, включенных в состав Литвы и Польши. Выбор митрополита происходил на синоде, в котором принимали участие епископы, православные паны и «поспольштво». В Киевскую митрополию входило девять епископств.

V. КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И СОСЛОВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Упадок принципа наследственности и победа выборности престола. После смерти бездетного Казимира Великого (1370) польский трон перешел к его племяннику

Людovicу Венгерскому из династии Андегавенов, правящей в Венгрии. Это отвечало планам малопольских панов, заинтересованных в унии с Венгрией.

У Людовика были только дочери, которые в соответствии с действующим в Польше правом не могли наследовать престола. Однако, желая обеспечить престол одной из них, он воспользовался практикой выборов и созвал в Кошицах в 1374 году съезд, на котором шляхта дала согласие на то, что после смерти Людовика престол займет его дочь, которую назначит он или его жена. Взамен Людовик выдал шляхте Кошицкую привилегию. После смерти Людовика на польский престол была назначена младшая из его дочерей, Ядвига. Польские możновладцы предназначили Ядвиге в мужья великого князя Литовского Ягайло, который после крещения по католическому обряду принял имя Владислава. В 1386 году в Люблине «наипереднейшими панами и шляхтой с согласия всех жителей королевства» Ягайло был избран королем Польши. То был личный, но не династический выбор. Поэтому, когда стал актуальным вопрос о преемнике Ягайло, который дождался сыновей только от четвертой жены, Софьи, ценой новых привилегий он получил от шляхты, духовенства и городов обещание, что после его смерти на трон будет призван один из его сыновей. Действительно, в 1434 году королем выбрали старшего сына Ягайло, Владислава III, а после его смерти под Варной (1444) — его брата великого литовского князя Казимира Ягеллона (вступил на польский престол в 1447 г.). Сначала кандидата утвердила королевская рада, а затем избрание осуществил выборный съезд, в состав которого вошли наряду с королевской радой шляхта и представители городов. Победа принципа выборности была связана с признанием публично-правового характера королевской власти.

Коронация. Подтверждение законов. После выборов происходила коронация. Она заключалась во вручении королю знаков королевской власти (короны, скипетра, державы, меча и перстня). Кроме присяги литургического характера короли приносили присягу, в которой обязывались соблюдать прежние законы и привилеи, вернуть утраченные государством земли и охранять границы.

Начиная с Владислава III, вступающий на престол король специальным документом подтверждал права

сословий. Поскольку Владислав III стал королем, будучи несовершеннолетним, высшие сановники выступили поручителями и издали документ, гласивший, что по достижении совершеннолетия король такое подтверждение издаст. Оговаривалось, что если подтверждение не будет дано, сословия смогут отказать королю в послушании. Так было сформулировано право отпора в отношении монарха, не соблюдающего условий договора.

Объем королевской власти. Связанный влияниями możnowładców, король подчинялся ограничениям, содержащимся в привилегиях. Наряду с ними королевскую власть ограничивали статуты, содержавшие, главным образом, судебное право.

Вместе с тем власть польского монарха в XIV—XV вв. была все же довольно широкой в области внутреннего управления. Король был главой всей администрации. Его наместники-старосты осуществляли политику правительства во всех областях страны, за исключением Малой Польши, где в столичном Кракове находился сам король. Свобода назначения придворных урядников позволяла выбирать верных себе людей. Важным источником влияния на урядовое możnowładztwo было право распоряжения в разных формах королевскими поместьями.

Законодательные ограничения свободы назначения урядников, но только земских выражались правилом, которое принял в начале своего правления Ягайло: оно заключалось в том, что назначение на земские уряды зависит от рады шляхты той земли, в которой был вакантный уряд, и что кандидат должен был происходить из землевладельцев этой земли. Таким образом, земские урядники представляли местных панов и шляхту. Утверждавшееся на практике пожизненное владение урядами (за исключением старосты) точно так же ослабляло власть короля.

Король был высшим судьей. Он мог затребовать в свой суд любое дело, а по ряду важнейших дел только королевский суд был компетентным. Король был верховным главнокомандующим. Он направлял внешнюю политику государства, хотя при заключении международных договоров наряду с королем выступали порой, как уже говорилось, представители сословий (шляхты и городов), подкрепляющие обязательства монарха выдачей особых документов.

Королевская рада. Государственную политику совместно с королем направляла как постоянный орган королевская рада. Она оформилась около середины XIV века, когда в ее состав вошли высшие государственные сановники (канцлер, подканцлер, скарбник, подскарбий), земские дигнитарии (воеводы, крупные каштеляны), гнезненский и львовский архиепископы и все католические епископы. Королю принадлежало право привлечения в раду и других лиц. Этим пользовался Казимир Ягеллон, когда, стремясь уменьшить перевес «старых» możновладцев, привлекал в раду «младших», или чиновников, занимающих более низкие уряды. Участие в раде становилось путем к продвижению в государственной иерархии, приводя к обновлению состава правящей элиты.

Раде принадлежало (с 1422 г.) решение о чеканке монеты. Члены рады составляли королевский суд. В XV веке в связи с ростом значения и расширением состава королевской рады ее называли великой, или наивысшей радой.

Вальный сейм и провинциальные сеймы. После объединения государства каждая из земель получила собственное вече, бывшее феодальным съездом. Созывались и общегосударственные съезды. При Локетке известны четыре таких съезда. При Казимире Великом общегосударственные съезды проходили редко. Проводя политику личного управления, Казимир неохотно созывал вальные съезды, с мнением которых так или иначе следовало считаться. Более активную деятельность развили зато провинциальные съезды, занимающиеся законодательством — отдельно для Малой Польши и отдельно для Великой Польши и Куявии. Когда на провинциальные съезды наряду с сановниками и możновладцами начала собираться шляхта, а также представители городов и капитулов, они сделались сеймами, т. е. всеобщими собраниями (лат. *conventio, parlamentum*). Вместо провинциальных сеймов король мог созывать вальный (общегосударственный) сейм. Вопреки взглядам, будто вальный шляхетский сейм датируется концом XV века, когда сложились две его палаты (посольская изба и сенат), мы встречаемся с ним уже в начале XV века в виде неразделенного еще на две избы общегосударственного съезда. Современные ему источники называют его вальным, или великим сеймом. Одно

и те же вопросы можно было решать и на провинциальных и на вальном сеймах, и эта альтернативность сохранилась до конца XV века, составляя специфическую черту ранних польских сословных собраний. Провинциальные сеймы были удобны королю, так как здесь он мог легче склонить депутатов к принятию своих предложений.

Развитию сословных собраний благоприятствовал тот факт, что каждая чрезвычайная подать требовала согласия сословий. Это было связано с созывом их уполномоченных или доверенных лиц. Однако было бы неверно усматривать в этом основной предпосылки зарождения шляхетского представительства. Они заключались скорее в тенденции к общему ограничению власти монарха сословиями. Развитию деятельности сеймов благоприятствовали периоды, когда не было королей. А с 1386 года они особенно укрепились, когда выборы королей стали проводиться на вальных сеймах.

В вальном сейме, как он сложился в первой половине XV века, можно выделить три группы. Первая из них включала духовных и светских сановников, которые и составляли первоначально королевскую раду (в середине XV в. их было 73 человека), а потом вошли в состав сената; эти сановники играли в вальном сейме решающую роль. На провинциальном сейме также была группа дигнитариев, т. е. паны-рада земли (*domini consiliarii*). Вторую группу составляли земские урядники, роль которых еще полностью не выяснена. Вероятно, они играли до времени образования института депутатов роль представителей земель по праву занимаемых ими урядов. Третьей группой была шляхта, не занимающая урядов, представители городов, а также церковных капитулов. Число их менялось, а значение с самого начала было небольшим.

На вальный сейм могла собираться вся шляхта. Она не участвовала в узких совещаниях, но аккламацией (восклицаниями одобрения) как бы утверждала принятые решения. Шляхетское собрание могло оказывать давление на можновладцев, вынужденных считаться с его настроением и мнением. Особенно сильно это давление проявилось на сеймах, созываемых во время ополчения (вальный сейм в Червинске в 1422 г., провинциальный великопольский сейм под Цереквицей и малопольский под Опоками в 1454 г.).

Укрепление позиций земских сеймиков, начавшееся с середины XV века, привело к тому, что шляхта вместо того, чтобы являться на сеймы, стала посылать своих полномочных представителей (от сеймиков) как на провинциальные, так и на вальный сеймы. Порядок выборов делегаций складывался постепенно. Чаще всего было принято посылать от каждого сеймика двух депутатов, хотя и не существовало какого-либо законного ограничения: влияло и то, что они получали содержание вначале из королевского скарба, а позже от посылающего их сеймика.

В первой половине XV века вальный сейм собирался обыкновенно раз в год. Его компетенция выработывалась на практике. Обычным местом заседаний был Петрков. Если вальный сейм не собирался, его заменяли провинциальные сеймы. Провинциальный великопольский сейм собирался чаще всего в Коле или Сродзе, малопольский — в Новом Месте Корчине. Без согласия вального сейма (или провинциальных сеймов) король не мог, как известно, собирать подати. Существенную роль играл сейм и в области законодательства. Все самые важные статуты того периода были утверждены провинциальными или вальными сеймами.

Сейм мог обсуждать и принимать решения в отсутствие короля, который утверждал их *ex post*. Делегации вального сейма порой участвовали в заключении международных договоров, а Городельская уния (1413) предусматривала даже общие заседания сеймов Польши и Литвы, «когда это будет нужно» с «волей и с согласием короля».

Возникновение земских сеймиков. Параллельно с ростом значения сеймов развивалось самоуправление земель. Прежнее феодальное удельное вече после объединения государства разделилось на вечевой суд, рассматривавший важнейшие дела, и раду земских сановников, называемых паны-рада земли. Она занималась вопросами местной администрации и законодательства. Иногда, еще в первой половине XV века, паны-рада принимала решения, обязывающие всех жителей земли. Однако рост значения шляхты вынуждал нововладельцев обращаться к ней, вначале для того, чтобы согласием шляхты обеспечить выполнение решений паны-рады. Так, с конца XIV века складываются земские сеймики. Они состояли из двух частей: 1) паны-

рады и 2) шляхты. По мере развития политической активности шляхты особая рада панов стала исчезать. Сеймики становились выразителем воли всей шляхты, которая видела в них непосредственно представительство своих интересов и стремилась расширить сферу их действий.

Сеймики возникали во всех воеводствах и землях. Раньше всего они стали собираться в Великой Польше, Куявии, Серадзи, Ленчице, где влияние средней шляхты было всего сильнее, во второй половине XV века — в можновладческой Малой Польше. На малопольских сеймиках председательствовал воевода (в Великой Польше — староста), а в землях, где не было воеводы, председательствовал старший по званию земский урядник. Компетенция сеймиков была большой. Некоторые из них кодифицировали обычное право своей земли. Сеймики выполняли высшие судебные функции, успешно конкурируя в этом со сходящими на нет (в первой половине XV в.) вечевыми судами. Сеймики налагали местные ординарные подати, а при необходимости и чрезвычайные (король иногда отказывался от созыва вального или провинциальных сеймов, обращаясь за податью непосредственно к земским сеймикам). Уже в 1404 году сеймики утвердили сбор в размере 12 грошей с кметьего лана на выкуп Добжинской земли у крестоносцев. С начала XV века сеймики представляли кандидатов на должности земского судьи, подсудка и земского писаря.

Рост значения сеймиков резко обозначился после 1454 года. Его основой был Цереквицкий привилей; великопольская шляхта добилась согласия короля на отмену пошлин, установленных без решения сейма, а также его заверения, что никакие новые законы не будут проводиться в жизнь путем частных совещаний, что посполитое рушение не будет созываться без земского сеймика и что все новые дела будут обсуждаться, решаться и утверждаться на земских сеймиках. Известный Нешавский статут 1454 года окончательно установил сеймиковый контроль над всей законодательной деятельностью польского государства. Право на согласие созыва ополчения добились для себя сеймики Малой Польши и Галицкой Руси.

Итак, в XV веке сосуществовали земские сеймики, провинциальные сеймы и вальный сейм. Все три вида

собраний действовали параллельно и альтернативно, причем практика не ставила вальный сейм выше сеймиков партикулярных. Такое равноправие позволило после 1454 года выдвинуться на первый план земским сеймикам, что означало победу шляхты как над королевской властью, так и над руководимыми можновладцами сеймами.

Конфедерации. Для реализации определенных целей сословия (шляхта, города, духовенство) создавали односословные или многосословные конфедерации. Это были «феодалные лиги», связанные с существованием сословных прав, за которые боролись или которые защищали конфедераты. Конфедерация была союзом, объединяющим только тех лиц, которые в него вступили; обычно их поименно называли в акте об учреждении конфедерации. Члены конфедерации обязывались солидарно выступать для достижения конкретной общей цели, которой они добивались или сами, или через посредство государственной власти. Конфедерация существовала до того времени, пока поставленная цель не была достигнута, следовательно, имела временный характер.

Конфедерации иногда ставили перед собой цели, которых само государство не было в состоянии выполнить. Так, например, конфедерации великопольских городов 1302 и 1350 годов поставили своей целью обеспечение общественного спокойствия и безопасности торговли путем преследования грабителей, нападающих на дорогах.

Специальный характер имели конфедерации, образованные после смерти Людовика Венгерского в 1382 и 1384 годах в Радоме. Это были межсословные конфедерации, включающие шляхту и мещан. Их целью было обеспечение внутреннего спокойствия в государстве и сохранение государственного единства в периоды, когда не было королей.

Оппозиция против превосходства можновладцев нашла выражение в прогуситском движении шляхты, организованной формой которого стала образованная в 1439 году конфедерация под руководством Спытка из Мельштына. В борьбе с гуситскими влияниями можновладские круги точно так же обращались к конфедерации. Такие конфедерации образовывались в 1423—1424 и 1438 годах при активном участии церкви и

королевской власти. По мере развития сословных собраний конфедерации стали исчезать, чтобы снова возродиться в XV веке, но уже в новом качестве.

VI. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ УРЯДЫ

Воеводства и земли. Прежние удельные территории — земли, которые сохранили всю иерархию земских урядников во главе с воеводами, в XV веке начали называть воеводствами. Территории небольших уделов, в которых уряд воеводы не удержался, сохранили название земель. В Малой Польше сначала возникли два воеводства: Краковское и Сандомирское; в собственно Великой Польше — Познанское и Калишское. К Великой Польше была также присоединена силезская Выховская земля, когда она вошла в состав Королевства (1343). К Великой Польше в широком смысле причисляли Ленчицкое и Серадзское воеводства, а также два куявских воеводства: Брестское и Иновроцлавское.

Галицкая Русь после получения польского права (1434) составила Русское воеводство, в которое вошли четыре земли: Галицкая, Львовская, Перемышльская, Саноцкая — каждая со своей земской иерархией и сеймиком. Белзская земля была включена в Корону как воеводство в 1462 году.

В каждом воеводстве было несколько каштеляний, за исключением Галицкой Руси, где каштеляний не было вообще. Деление на каштелянии во второй половине XV века уступило место делению на *поветы*. Образование поветов произошло вследствие организации земских судов. Повет составлял судебный округ, имевший земский суд, заседавший в определенные сроки. Со временем повет начал становиться также и административным округом. Деление на воеводства, земли и поветы удержалось вплоть до падения Речи Посполитой.

Земские уряды. Административное деление страны на воеводства и земли было тесно связано с организацией урядов. Восходя генетически к разным типам, а именно: к придворным урядам удельного периода и к урядам местного управления, они составили вскоре единую систему земских урядов. Провинциальные различия стали исчезать в XV веке, когда структура урядов

и Великой Польше уподобилась малопольской модели, которая с некоторыми изменениями была распространена и на Галицкую Русь (после введения там польского права). Высшими были уряды воеводы и каштеляна. По общему правилу, каштеляны следовали за воеводами.

Воевода стоял во главе паны-рады воеводства. В XV веке он председательствовал на избирательном сеймике, созываемом для представления королю кандидатов на вакантные судебные уряды. Из судебных функций за ним сохранилось участие в вечевом суде, где его присутствие было обязательным.

Каштеляны с распространением иммунитетов утратили свои финансовые и большую часть судебных прав в отношении населения, подвластного духовным и светским панам. Должности воевод и каштелянов (так называемых больших) давали доступ в королевскую раду, поэтому они относились к высшим.

Следующим по старшинству был *подкоморий* — по своему происхождению урядник фискального управления времен феодальной раздробленности. С течением времени к нему перешел суд по делам о границах земельных владений, ему полагалось быть защитником сирот и бедных вдов (из шляхты) перед судами. После подкомория шел *земский судья*. Все эти уряды считались сановными, дигнитарскими (*dignitates*).

Низшие земские уряды (*officia*) — *стольника, подстолего, чашника, подчасшего, ловчего и мечника* — носили характер почетных. Исключением были: *хорунжий*, который выполнял определенные функции во время ополчения, а также был обязан лично участвовать в вечевом суде, а также *войский*, который, будучи лично освобожденным от военной службы, наблюдал за безопасностью земли (преимущественно жен и детей шляхты) во время посполитого рушения. В течение XV века исчез уряд *ловчих*, которые до конца дней сохраняли некоторые обязанности в том, что касалось охоты в королевских лесах. Особое положение занимали остальные земские судебные урядники: *подсудок* и *земский писарь*.

Урядники в соответствии с установившимся обычаем назначались пожизненно королем из оседлой шляхты данной земли. Эта обязанность была возложена на Людовика Венгерского Кошицким привилеем и подробно

регулировалась в Нешавских статутах. Хотя почетные земские уряды не давали никаких особых прав, они привлекали шляхту своим престижным характером.

При назначении на дигнитарские уряды король был обязан обращаться к паны-раде данной земли. При назначении на уряды судьи, подсудка и писаря в XV веке установился обычай, сформулированный в Нешавских статутах: шляхта представляет королю по четыре кандидата, избранных на сеймике на каждую вакантную судебную должность; из этих кандидатов король назначал одного.

Низшими судебными урядниками были *возные*. Их назначали воеводы. Воеводам же принадлежал суд над ними.

Старосты. Провинциальное управление, за исключением Малой Польши, оставалось в руках старост. Собственно Великой Польшей управлял староста, называемый генеральным. Вторым генеральным старостой был русский (для Галицкой Руси), третьим в XV веке — подольский, четвертым (называемым *per analogiam*, так как он имел другой объем власти) — краковский. Другие староства, охватывающие только одну землю, назывались обычно земскими староствами.

Введение уряда старосты, как наместника короля, явилось существенным элементом объединения королевства. Пользующийся доверием монарха староста представлял его особу и осуществлял, как его представитель, функции управления. Поэтому старосту называли королевской рукой (*brachium regale*).

При назначении на должность старосты принцип земской принадлежности был не обязателен. Единственным ограничением служила оговорка Кошицкого привилея (повторенная после избрания Ягайлы), что старостами могут быть только поляки, родившиеся в Короне. Когда на польский престол призывали представителей иностранных династий, эта оговорка должна была предотвратить замещение ключевых постов иностранцами.

Местное управление в Малой Польше. Ввиду постоянного пребывания короля в Кракове не было необходимости назначать в Малой Польше наместника, каким был в Великой Польше генеральный староста. Здесь функции управления были поделены между другими урядами. Преследование преступлений, угрожающих общественному спокойствию (грабежей, профессиональных краж), и

суд по этим делам принадлежал *юстициарию*, по-польски называемому *оправцем* (так как он был призван охранять право). Хозяйственное управление королевскими владениями в Малой Польше осуществлял краковско-сандомирский главноуправляющий. Особое управление имели королевские соляные копи. Управление замками (городами) принадлежало *бурграбиям*, непосредственно подчинявшимся королю.

Гродовыми старостами в Малой Польше в отличие от генеральных и земских, которых здесь не было, начали называть бурграбиев некоторых больших городов, если они одновременно управляли определенным комплексом королевских имений. В конце XIV века гродовые староства распространились по всей Малой Польше. Их организация и компетенции сложились по великопольскому образцу с тем отличием, что малопольские гродовые старосты получили один замок (грод) как резиденцию и имели в своей власти территорию двух-трех судебных поветов. В противоположность земским или генеральным старостам малопольских старост было несколько в воеводстве (земле). Они расширяли свою компетенцию, в частности судебную, подчиняя себе оправцев.

Земские урядники в качестве вознаграждения брали себе часть государственных доходов. Воеводы и каштеляны получали определенную часть пошлин, торговых оплат и судебных штрафов. Последние же составляли основу вознаграждения судьи, подсудка и писаря. В Малой Польше некоторые уряды имели долю в доходах от соляных копей. Возникший в конце XIII века уряд старосты в период, когда на первый план выдвинулись доходы от земельных владений, получал вознаграждение землей; поступления из других источников имели второстепенное значение.

Центральные уряды. В сословной монархии сложились центральные общегосударственные уряды. Это произошло путем расширения сферы деятельности придворных урядов краковского удела на все государство. Центральные уряды делились на коронные и надворные, но это различие имело значение только в номенклатуре. Понятия «коронный» и «надворный» не следует отождествлять с понятиями «государственный» и «придворный», поскольку тогда еще не произошло разграничения обеих этих сфер.

Политическое объединение Польши и тенденция к централизации государственной власти составляли основу для развития королевской канцелярии как главного элемента центрального государственного управления. *Подканцлер* первым добился значения общегосударственного урядника. После 1320 года он начал получать титул подканцлера двора или короля, потом подканцлера Польского Королевства. За ним последовал (при Людовике Венгерском) краковский канцлер, принявший титул сначала *канцлера* Польского Коро-

левства, потом коронного канцлера, отодвинув земских канцлеров, уряды которых в XV веке совершенно исчезают.

Формальное различие между канцлером и подканцлером состояло в том, что канцлер скреплял выдаваемые им документы большой печатью, а подканцлер малой. Однако обе печати имели одинаковую силу. Канцлер и подканцлер как-то делили между собой функции, но до формального их разграничения не дошло. Они оба вели дипломатическую переписку; из канцелярии выходили все акты, касавшиеся внутреннего управления, привилей и королевские пожалования. В объединенном государстве под управлением краковского подскарбия возник центральный скарб, который стали называть королевским, а уряд краковского скарбника быстро сошел на нет.

В функции подскарбия входило общегосударственное управление финансами. Он производил выплаты из казны. К нему поступали денежные доходы государства. Он осуществлял контроль над монетным двором. Королевский подскарбий, позднее названный коронным, контролировал королевский скарб, в котором хранились знаки королевской власти, а также государственный архив. В XV веке возник уряд надворного подскарбия, как заместителя коронного.

В середине XIV века возник уряд маршала двора (1358), ранее существовавший в Силезии. К его функциям относилось управление двором и церемониалом. Как управляющий двором маршал двора осуществлял контроль и суд над придворными. Вначале был только один маршал, который с конца XIV века начал употреблять титул коронного маршала. В начале XV века был учрежден пост его помощника и заместителя с титулом надворного маршала.

Нельзя было совмещать двух земских урядов, однако старосты оказывались нередко и земскими сановниками. Первые ограничения ввел Червинский привилей (1422), запретив соединять в одной земле уряд старосты с урядом земского судьи. Целью этого была охрана независимости земских судов от старосты. Нешавские привилей запретили совмещение уряда старосты с должностью воеводы, а в Великой Польше и каштеляна.

VII. ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Ополчение. Основой вооруженных сил сословной монархии было ополчение шляхты. Статуты Казимира Великого нормировали военную службу шляхты, установив, что ее обязан нести каждый, кто владеет землей на рыцарском праве. «На вооруженном рыцарстве,—говорилось в них,—возлежит честь короля и оборона королевства». Рыцарская служба с XIV века определялась термином «копье». Под этим понималась совокупность рыцаря, вооруженного копьем, и сопровождающих его двух-трех кавалеристов, вооруженных самострелами. Копье было дорогостоящим делом. Поэтому бедная шляхта исполняла военную повинность в качестве легковооруженных конников и даже пехотинцев. Зависимость той или иной военной службы от величины земельного владения несколько раз устанавливалась во второй половине XV века. Однако правилом она не стала.

Рыцарство было обязано нести военную службу в пределах страны. В случае заграничных походов рыцарю полагалось возмещение понесенных потерь (что подтвердил Будзинский привилей). Кошицкий привилей добавил к этому обязательство выкупа из плена шляхтича, который попал туда во время заграничного похода. Привилей 1388 года распространил обязательство выкупа из плена и возмещения потерь на случай войны внутри страны. Им же было санкционировано известное еще и прежде вознаграждение в размере 5 гривен на копье. В 1388 году был также сформулирован принцип, что в случае заграничного похода рыцарей следует «просить о согласии» на него.

Военную службу были также обязаны нести духовные владельцы рыцарских имений, в противном случае они переходили королю. Это предписание, связанное с политикой Казимира Великого в целом, имело целью уменьшение количества земли в руках духовенства, а также укрепление шляхты и королевской власти за счет духовенства.

Статуты Казимира Великого вводили обязанность военной службы солтысов и войтов. Она должна была выполняться в размере, равном рыцарской службе. Многочисленность слоя солтысов в связи с развитием колонизации на немецком праве укрепляла оборонную силу государства.

Уклонение от обязанности военной службы вызывало конфискацию владений виновного (с 1422 года только на основе судебного решения). На созыв ополчения с 1454 года было обязательно согласие земских сеймиков (на практике — альтернативно и сейма).

Во время похода шляхта была организована в земские *хоругви* по территориальному принципу. Рыцарство и солтысы каждого воеводства (земли) составляли особую хоругвь. Хоругвь была боевой и организационной единицей ополчения. В ее состав входило от 50 до 120 копий. В состав земских хоругвей не входили наиболее крупные możновладцы, которые создавали собственные хоругви. Родовые хоругви являлись преемниками прежних możновладческих дружин. После образования земских хоругвей, сосредоточивших большинство оседлой шляхты, możновладческие отряды отошли на второй план.

Изменения военной техники (распространение огнестрельного оружия, зарождение артиллерии), а также изменения в тактике (штурм сильноукрепленных замков и городов крестоносцев) привели

ли к тому, что постепенно все большее значение начала приобретать пехота. Формой ее организации были отряды наемников, которые вербовались на время похода. Отряды наемников, состоящие, в частности, из чехов, принимали участие в битве с крестоносцами под Грюнвальдом (1410). Существенную роль наемные войска сыграли в 13-летней войне (1454—1466) при осаде и захвате крепостей крестоносцев. Однако в полевых действиях сражение по-прежнему решала конница, которая осталась главным родом войск польских вооруженных сил.

В течение XIV века отпала обязанность горожан участвовать в оборонительной войне вне стен города. Внутри города возросло значение цехов в его обороне. Город нес расходы по строительству стен и укреплений, а также по поддержанию их в надлежащем состоянии.

VIII. ФИНАНСЫ

Источники доходов скарба при Казимире Великом. Основой доходов казны были обширные королевские владения. Их размеры и поступающие от них доходы выросли при правлении Казимира Великого, когда в широком масштабе проводилась ревиндикация королевских владений и довольно часто применялась конфискация частных владений на основе судебных решений.

Королевские владения, называемые с XV века крулевщицами, передавались в держание по системе «до верных рук» (т. е. с обязанностью расчета доходов и расходов) старостам, а в Малой Польше — краковско-сандомирскому главноуправляющему. Второй формой получения доходов от королевских владений была передача их в аренду, третьей — залог (заклад) в определенной сумме, который развивался с первой половины XV века. Иногда залогодержатель был обязан выполнять военные повинности, например содержать гарнизон.

Во времена Казимира Великого выросли доходы от податей благодаря замене чрезвычайного порадльного на ежегодную подать, взимаемую в размере 12 грошей и двух мер зерна от крестьянского лана в светских и духовных владениях. Развитие товарного хозяйства и торговли привело к росту доходов от пошлин, взимаемых на границе и в многочисленных таможах внутри государства. Важным источником доходов были регалии. На первый план выступали соляные копи в Бохне и Величке. После захвата Галицкой Руси скарб извлекал доходы и из тамошних копей и варниц.

Изменения в финансовой системе после 1374 года. Кризисом в политике усиления финансовых основ королевской власти была Кошницкая привилегия, вводившая податную свободу для подданных шляхты (1374), а также для подданных духовенства (1381). С конца XIV века для обложения податью, имеющей чрезвычайный характер, требовалось согласие шляхты. Такая подать называлась побором. Духовенство, как и повсюду в Европе, называло свои взносы добровольной помощью (*subsidium charitativum*). Размер таких взносов устанавливался в общей сумме. Духовенство само раскладывало их между собой.

Города платили подать с движимого и недвижимого имущества, называемую шосом. Шос налагали в тех случаях, когда побор уплачивала шляхта.

Доходы от крулевщины уменьшились вследствие многочисленных раздач, имевших место в правление Ягайло и Владислава III, стремившихся таким путем укрепить непрочное положение новой династии.

IX. КРАКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Организация университета и его роль в развитии науки права. В то время образование находилось в руках духовенства и не было предметом заботы государства. Зато живой интерес к школам проявляли городские власти. Объединение государства и необходимость централизации и унификации его управления, а также системы права поставили перед королевской властью вопрос о создании высшей школы. Важной задачей Краковского университета, учрежденного в 1364 году, была подготовка юристов. Поэтому наиболее важным из трех созданных факультетов был юридический. Главное место в нем занимало изучение римского права, на втором месте — каноническое право. Королевская власть, как отметил Ф. Энгельс, «находила сильную опору в возникающем сословии юристов».

Основанный в последние годы правления Казимира Великого Университет пришел в упадок после смерти короля. Он был возрожден в 1400 году королевой Ядвигой, которая завещала ему все свои ценности. Теперь на первое место выдвинулся только что созданный факультет теологии в связи с подготовкой духовных лиц для принявшей католичество Литвы.

Средневековый университет с организационной точки зрения представлял корпорацию, которая управлялась по своим законам и была изъята из юрисдикции городских властей и королевских урядников. Университет находился в ведении краковского епископа. Существовал особый ректорский суд, и только по наиболее серьезным делам суд принадлежал краковскому епископу (если студент был клириком) и королевскому суду (если он был человеком светским). Королевский суд должен был судить студента по римскому праву независимо от сословия и национальности.

Краковский университет был тесно связан с развитием городов и городской культуры в Польше. Среди его слушателей значительный процент (в XV в. до 40%) составляли сыновья горожан.

X. СУД

В объединенном государстве отчетливо проявился сословный характер суда. Каждое сословие имело свой суд, судилось своим особым правом. Получили развитие земские суды как сословные суды шляхты. Кроме того, компетентными в делах шляхты в зависимости от рода дел были суды: вечевой, гродский и подкоморский.

Земский суд. Земский суд образовался из надворного суда периода феодальной раздробленности. В Малой Польше он состоял из судьи и подсудка, которые заседали в присутствии четырех-шести ассессоров, при-

влекаемых судьями из числа прибывшей на суд шляхты. К судебному персоналу относились также писарь и возный. В Великой Польше главную роль в земском суде играл староста как наместник короля. В состав суда входили: староста как председатель, судья и подсудок, воевода, подкоморий и хорунжий. Состав суда имел, следовательно, урядовый характер. Так же формировались земские суды в удельной Мазовии. Стало обычаем, что сановники назначали вместо себя заместителей.

Каждое воеводство (или земля) имело свой земский суд. Он объезжал воеводство и проводил сессии в тех или иных поветах. Судья с подсудком съезжались на вечевые или сеймиковые суды. Определенные сроки, установленные для земских судов, назывались рочками. Нешавские привилеи установили, что в каждом повете ежегодно должны проводиться четыре сессии. На рубеже XV—XVI вв. во всей Короне произошла унификация земского суда по малопольскому образцу.

Компетенция земского суда распространялась на все те дела, в которых оседлая шляхта выступала в качестве ответчиков, за исключением дел, переданных гродским и подкоморским судам, или дел, которые шли на вечевой (сеймиковый) суд или непосредственно на суд короля.

Суд оправцы. Преследование преступников, особенно опасных для общественного порядка, независимо от их сословной принадлежности относилось к обязанностям юстициария — оправцы. Он задерживал подозреваемых, проводил следствие и судил, соединяя полицейские, следственные и судебные функции. Установление суда оправцев, в частности в Малой Польше, где одно время не было старост, имело целью укрепление правопорядка. В конце XIV века против оправцев выступила шляхта. В 1388 году она добилась обещания короля об уничтожении уряда оправцы. Оппозиция шляхты была следствием тех злоупотреблений, которые допускали оправцы, и того, что оправцы обладали юрисдикцией над крестьянским населением. Оправцы, таким образом, вторгались в сферу домениального суда. Королевские обещания о ликвидации уряда оправцы не были выполнены, и оправцы оказались в подчинении старосты. С этого времени и вплоть до конца XV века оправцем был судебный урядник, обязанный преследо-

вать преступников, ловить их и представлять на суд старосты.

Суды: гродский и подкоморский. Гродский суд сложился в конце XIV века в Малой Польше, где юрисдикция гродских старост распространялась на круг дел, оставшихся вне компетенции ранее действовавших судов, в частности земского суда. Гродский суд рассматривал дела неоседлой шляхты, а также все дела, на которые не распространялась компетенция других судов. По отношению к оседлой шляхте гродский суд мог рассматривать только уголовные дела, относящиеся к так называемым четырем гродским артикулам (поджог, нападение на дом шляхтича, грабеж на дороге, насилие). В XV столетии эту систему реципировали в Великой Польше, тем самым ограничив обширную там судебную компетенцию старосты.

Около середины XIV века в Малой Польше, а затем по ее примеру и в Великой Польше (в XV в.) обособился подкоморский суд, который получил исключительную компетенцию по делам о разграничении шляхетских владений. В этом суде заседал подкоморий или его заместитель. Суд собирался в поле, в том месте, где следовало обозначить границы. Его юрисдикция сохранилась до конца старой Речи Посполитой.

Судебные книги. В связи с развитием документов в первой половине XV века появились судебные книги. Для каждого повета заводили особые книги, которые вел поветовый писарь. После создания особых гродских и подкоморских судов и они начали вести свои собственные книги. Выписка из судебных книг имела силу урядового документа.

Свое особое значение земские судебные книги приобрели в связи с тем, что изменения, касающиеся земельной собственности, а также и других имущественных прав (таких, как залог недвижимого имущества), для приобретения юридической силы должны были быть вписаны в судебную земскую книгу.

Суды: вечевой и сеймиковый. К высшим судам относился вечевой суд — один на воеводство (землю). Он являлся преемником суда удельного князя на вече. Предполагалось, что заседающие в вечевом суде представляли особу короля, поэтому их решения имели значение приговора королевского суда. В вечевом суде принимали участие: судья, подсудок и земский писарь.

На них возлагалось формальное ведение процесса. Вечевые суды были судами для важнейших дел (например, о наследственных владениях шляхты), а также для дел możновладцев, для наиболее трудных случаев, ставивших в тупик земские суды, и т. д. Вечевой суд собирался обычно три раза в год на так называемые великие роки (с 1454 года раз в год). Они прекратили существование во второй половине XV века, когда после Нешавских привилеев выросла роль средней шляхты. С того времени увеличивается значение сеймикового суда, на котором под руководством воеводы судили земские дигнитарии, судья и подсудок в присутствии и под контролем собравшейся шляхты.

Шляхетский суд не знал апелляции. Это было следствием презумпции: земский, гродский и вечевой суды выражали волю самого короля, а он был высшим судьей. Приговор каждого такого суда был окончательным. Когда король появлялся в той или иной земле, земский суд (а также вечевой) прекращал свою деятельность. Судья с подсудком представляли перед королем, продолжая осуществлять свои функции, но уже в надворном суде.

Суд короля. Суд короля назывался надворным судом (*in sigia*). Сам король в суде почти не заседал. Достаточно было присутствия дигнитария (сановника), который судил от его имени. Однако обязательным условием было, чтобы суд проходил на королевском дворе.

Иногда для решения какого-либо дела король делегировал светских или духовных урядников, а по делам горожан — городских советников. Тогда они составляли так называемый *комиссарский суд*. Он решал только то дело, для которого был создан, после чего распускался. Приговор комиссарского суда подлежал утверждению королем, после чего и становился правомочным.

К компетенции королевского суда относились самые серьезные дела, а именно: 1) такие тяжкие преступления, как измена и оскорбление величества; 2) дела, по которым оседлому шляхтичу грозила утрата жизни, чести, конфискация имущества; 3) жалобы на урядников в связи с исполнением ими служебных обязанностей; 4) дела, касающиеся королевских имений и доходов; 5) споры между сословиями и о содержании со-

словных привилегий. Дела выносились непосредственно на суд короля или пересылались из низших судов, когда этого требовал король или когда суд признавал свою некомпетентность.

Казимир Великий стремился ограничить компетенцию духовных судов в делах светских лиц. В уставе 1359 года он постановил, что «светские не должны привлекаться духовными к церковному суду по делам о долгах и других гражданских делах, но только если речь идет о вере или о деле, связанном с ней, или о десятине». В начале XV века, однако, положение духовного суда снова укрепилось. Послушный церкви Ягайло издал в 1424 году в Велюне эдикт, который приравнивал пропаганду гуситского учения к оскорблению величества. Он предписывал светским властям (старостам, городским властям) преследование лиц, подозреваемых в «ереси», а также исполнение приговоров в отношении лиц, признанных виновными духовными судами. В то время развилась деятельность церковной инквизиции. Краковский епископ и кардинал Збигнев Олесницкий, описывая репрессивную деятельность в отношении еретиков, констатировал: «Подозреваемых в ереси мы сжигаем или принуждаем умереть в вечной тюрьме».

Городские суды и ленные суды немецкого права. В городах, которые выкупили наследственные войтовства, главным судом стал суд городской рады, состоящий из советников, заседавших под руководством бурмистра. Суд городской рады являлся своеобразным видом городского суда в Польше и Силезии, где не знали судебной системы Магдебурга. Городская рада судила одна или вместе с лавой, составляя тогда так называемый суд рады и лавы.

Суд городской рады решал важнейшие дела в первой инстанции. Одновременно он был высшим судом для остальных городских судов. Суды рады крупных польских городов являлись одновременно высшими судами немецкого права для окрестных городов, местечек и деревень, «сидевших» на немецком праве. Становилось излишним обращение за ортылями и с апелляциями в Магдебург, что нарушало бы государственный суверенитет. Казимир Великий создал для Малой Польши высший суд немецкого права в Краковском замке как провинциальный ленный суд для войтов и солтысов

королевских владений, а также для выдачи ортылей — поучений.

Апелляционной инстанцией на решения высшего суда в краковском замке и других высших судов в Малой Польше был королевский суд, называемый судом шести городов: в нем судили комиссары, назначаемые (по два человека от шести крупных малопольских городов — Краков, Казимеж, Бохня, Величка, Новый Сонч, Олькуш). Этот суд собирался три раза в год в краковской ратуше. Таким образом, в суде немецкого права в конце концов сложились три инстанции: 1) суд лавы и рады; 2) высший суд немецкого права; 3) королевский суд шести городов. С последним в дальнейшем конкурировал суд в Магдебурге; создавшееся положение во второй половине XV века осуждал во имя суверенитета Королевства Ян Остророг.

Деревенские суды. Реорганизация земских судов как шляхетских привела к ограничению, а потом и ликвидации крестьянских исков, когда ответчиками выступали шляхтичи, как это было еще в начале XV века. В связи с правом выхода существовали даже, в частности в Ленчицах, специальные судебные рочки, которые рассматривали споры между шляхтой и крестьянами, связанные с выходом крестьян. Случалось также, что крестьян вызывали в земский суд, если истцом был шляхтич, хотя брал верх принцип, что компетентным судом для ответчика-крестьянина является деревенский суд. В деревнях на немецком праве, как говорилось выше, судил солтыс с присяжными; в деревнях на польском праве действовали суды, в которых пан или назначенный им урядник судил также при участии присяжных, чаще всего указанных паном. Апелляция на решения этих судов подавалась пану деревни.

Если пан, подданные которого совершили преступление, отказывал в решении, он мог быть привлечен к земскому суду за то, что «не чинил права» (*defectus iusticiae*). Таким путем старались обеспечить определенный контроль над этим судом в интересах всей шляхты.

XI. УНИЯ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

Существо отношений Польши и Литвы до середины XV века. Обширному литовскому государству грозила смертельная опасность со стороны Ордена крестоносцев,

когда последний после завоевания Пруссии оказался на границе Литвы (1283). Крестоносцы стремились прежде всего к захвату Жемайтии, которая могла служить мостом между прусскими землями и Лифляндией. Агрессивную политику крестоносцы мотивировали, разумеется, целями христианизации языческой Литвы.

Союз Польши с Литвой и связанное с ним принятие католицизма литовцами должны были лишить крестоносцев предлога для нападения на Литву, усилить польско-литовский блок, направленный против Ордена, и, с другой стороны, облегчить литовским панам сохранить господство над численно преобладающим православным населением, проживающим в пределах Великого Княжества.

Названием польско-литовской унии принято обозначать ряд государственно-правовых актов и мер — от попытки инкорпорации Литвы и до союза между двумя независимыми государствами: Польшей и Литвой. Основой этого союза был Кревский акт 1385 года, в котором великий князь Литовский Ягайло обязался, получив в жены Ядвигу и вместе с ней польский престол, принять со своими братьями и подданными христианство по латинскому обряду, а также присоединить (*applicare*) к Короне земли Литвы и Руси. Малопольские паны увидели в Кревском договоре основание для инкорпорации, но встретились с сопротивлением литовских панов, которые стремились к сохранению политической обособленности Литвы и нашли себе вождя в лице двоюродного брата Ягайло Витовта.

Литовская оппозиция против инкорпорации привела в 1392 году к компромиссу, в результате которого Витовт получил из рук Ягайло власть над собственно Литвой, а также над удельными княжествами, правители которых незадолго до того принесли вассальные присяги Ягайло, Ядвиге и Польской Короне. Витовт осуществил ликвидацию большинства удельных княжеств, но не уничтожил обособленности русских земель, которые управлялись своим собственным правом. На съезде, происходившем на острове Салин (1398), Витовт был провозглашен самостоятельным правителем Литвы. Однако вскоре поражение в битве с татарами на реке Ворскле (1399) побудило Литву к повторному заключению союза с Польшей. Следствием этого была Виленско-Радомская уния 1401 года. В соответствии с поста-

новлениями унии Витовт должен был управлять Литвой как самостоятельный правитель, оставаясь с Ягайло в отношениях, близких к ленным. Это состояние должно было продолжаться до смерти Витовта, после чего власть над Литвой переходила к Ягайло как великому князю. Позднее Витовт принял титул великого князя, а Ягайло — наивысшего князя Литвы, чем подчеркивалось его верховенство.

Заключение виленской унии стало исходным пунктом победы над орденом под Грюнвальдом (1410). Новое укрепление связей с Польшей произошло благодаря унии в Городле, заключенной в 1413 году. Городельская уния, признав самостоятельность Великого Княжества, сохраняла в Литве великого князя, возводимого в это достоинство польским королем с ведома и общего согласия литовских панов и коронной рады. Уния вводила совместные польско-литовские сеймы и съезды для решения общих дел. В целях упрочения унии 47 семей możновладцев и польской шляхты приняли в свои гербы 47 семей литовских панов и бояр. Одновременно с тем Городельская уния имела характер земской привилегии, пожалованной литовским панам и боярам. Они получили подтверждение прав на наследование и распоряжение вотчинными владениями, а также выдачи замуж дочерей без предварительного согласия великого князя. Городельская привилегия — как и более ранняя виленская 1387 года — относилась только к католическим панам и боярам. По польскому образцу в Литве были введены уряды воевод и каштелянов. Польско-литовская уния поколебалась после Мельницкого договора с крестоносцами (1422), когда Литва окончательно получила Жемайтию и Орден перестал представлять для нее серьезную угрозу. Стремление к ликвидации Унии нашло тогда выражение в незавершенных планах коронации Витовта.

После смерти Витовта (1430) литовские паны провозгласили князем Свидригайла. Стремясь к разрыву Унии с Польшей, он нашел себе опору у православных князей, панов и бояр, которые не пользовались земскими привилегиями и не имели доступа к высшим урядам. В разгоревшейся гражданской войне Свидригайле противопоставили великого князя Сигизмунда Кейстуовича, получившего поддержку католических литовских панов. Великое Княжество *de facto* раздели-

лось на два: литовское под властью Сигизмунда и западно-русское под властью Свидригайла. Литовские паны во главе с Сигизмундом, добываясь польской помощи, согласились на укрепление Унии с Польшей (1432—1434). Было решено, что после смерти Сигизмунда Литва вернется под верховенство Ягайло или его сыновей, а новый великий князь литовский будет избран совместно литовскими и польскими панями.

Однако, когда после смерти Сигизмунда Кейстутовича в 1440 году великим князем литовским был избран младший сын Ягайло Казимир Ягеллончик, Уния Польши и Литвы была временно расторгнута. Литовские паны в то время защищали государственную независимость и территориальную целостность Великого Княжества. Неизменность границ Княжества подтвердил привилей 1447 года. Избрание Казимира Ягеллончика на польский престол восстановило связь Литвы с Польшей. С этого времени до Люблинской унии (1569) она имела характер личной унии. Польская шляхта почти неизменно (с перерывом в 1492—1501 гг.) призывала на польский престол очередных великих литовских князей. Оба самостоятельные государства объединяла личность общего монарха.

XII. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СИЛЕЗИИ

Разделенная на многочисленные уделы Силезия не вошла в состав Польского Королевства и вскоре оказалась в зависимости от Чехии, где правила немецкая династия Люксембургов. В 1335 и 1339 годах Казимир Великий на условиях отречения Яна Люксембургского от претензий на польскую корону отказался от верховных прав на те силезские княжества, которые оказались в ленных отношениях к чешскому королю.

В начале XIV века в Силезии существовало около 20 удельных княжеств, в которых правили князья из династии Пястов. Особым духовным княжеством было Ниско-Отмуховское княжество, где территориальная власть и княжеский титул принадлежали вроцлавскому епископу. В условиях ленной зависимости Силезии от Люксембургов усилился наплыв в Силезию немецких элементов — горожан, рыцарства и духовенства.

Пястовские князья тоже подвергались германизации. Их дворы, за немногим исключением, стали в XIV—XV вв. центрами немецкой феодальной культуры. Немецкое рыцарство принесло с собой (уже в XIII в.) ленное право и распространило его среди польского рыцарства, которое тоже подвергалось постепенному онемечиванию. Польские обычаи сохранило силезское крестьянство, а также частично горожане малых горносилезских городов.

Опорой Люксембургов в Силезии было немецкое рыцарство, а в особенности немецкий патрициат городов. Отсюда привилегированное положение Вроцлава, который получил право чеканки

собственной монеты и приобрел для города должность старосты Вроцлавского княжества. В других уделах Силезии города тоже играли большую политическую роль, выступая и как гаранты международных трактатов и ленных договоров.

Высшим королевским урядником в Силезии был староста. Этот уряд начали вводить по мере устранения пястовских князей в княжествах, включаемых в состав Чешской короны. Староста был наместником чешского короля. При старосте существовала канцелярия с канцлером и особой печатью.

XIII. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОИ ЗАПАДНОГО ПОМОРЬЯ

Западное Поморье оставалось под властью местной славянской династии, происходящей от Вартислава I, в правление которого оно было подчинено Польше Болеславом Кривоустым. В XIII веке обособилась южная область — Щецинская, и северная область — Вологоская, со временем разделившаяся на ряд мелких княжеств.

На первый план в жизни Западного Поморья в то время выдвинулись богатые города (Щецин, Старгард и др.), проводившие собственную политику в рамках Ганзейского Союза. Западнопоморские князья с трудом боролись за удержание своего верховенства над городами и сохранение относительной самостоятельности всей земли в целом. Поэтому князья стремились к ленной зависимости от Германской империи или к подчинению Польше, чтобы таким образом избавиться от навязанной им Бранденбургом зависимости. В 1464 году Щецинское княжество снова объединилось с Вологоским под властью Вартислава X и его преемника Богуслава X.

Городское население Западного Поморья было немецким или подвергалось онемечению. Быстро меняло свой этнический характер рыцарство. Повсеместно вводилось ленное право, на основании которого рыцари, в значительной части немецкого происхождения, получали землю от князя (с обязанностью конной военной службы).

Правовой основой развития сословного строя был Ростокский земский мир (Landfried) 1283 года. В нем было сформулировано право сословий на отпор князю и созданы сословные органы, которые ограничивали княжескую власть. Сословный сейм (Landtag) состоял из представителей рыцарства и городов. Позднее сословия начали создавать постоянную раду, которая стала (с конца XV в.) представительством сословий как Рада крайова (Zandrat). Местное управление тоже уходило из-под княжеской власти. Возникшая в XIII веке на обломках каштелянской организации, войтовская организация была подчинена сословиям.

Большую силу представляла поморская церковь, организованная в рамках Каменьского епископства. Каменьские епископы сохраняли непосредственную зависимость от Рима. В конце XIII века каменьские епископы создали духовный доминиум на территории Колобжегской земли, который имел все черты духовного княжества.

XIV. ХАРАКТЕР И РАЗВИТИЕ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ

Главные направления перемен. Сословная монархия в Польше была монархией неравноправных сословий,

Доминирующую роль в ней играло шляхетское сословие, которое постепенно превращалось в гегемона. Такое развитие сделалось возможным потому, что в Польше не сложилось солидарное сословие горожан в масштабе страны и даже в масштабе провинции или земли. Монархия не могла найти себе опоры в городах и должна была договариваться с единственным политическим партнером, каким была и оставалась шляхта, не допустившая обособления высшей дворянской знати, как, например в Англии — лордов. Шляхетство в целом, хотя и долго руководимое «старшими братьями» — можновладцами, сложилось как формально равное и единое сословие, мыслимое в публично-правовых категориях. Доминирующее значение публично-правовых элементов проявлялось, в частности, в сословных привилегиях, в победе (после прекращения династии Пястов) принципа выборности королей, а также в развитии сословного представительства в виде вальных сеймов, провинциальных сеймов и земских сеймиков.

Период сословной монархии — это время расширения сословных привилегий. Начало им было положено привилегиями в Буде и Кошицах, а своего апогея и одновременно завершения они достигли в Нешавских статутах. Они были последними шляхетскими привилегиями, вырванными у королей. С 1454 года умножение шляхетских привилегий осуществлялось через сеймовые конституции. Нешавские статуты знаменуют собой конец сословной монархии, открывая период шляхетской Речи Посполитой. Изменение в соотношении сил внутри правящего сословия проявилось уже в политике Казимира Ягеллончика, который искал себе опору в средней шляхте и создавал из нее новую правящую элиту, противостоящую старому можновладству.

В сословной монархии действовали централизационные силы. Они находили выражение в организации центральных урядов, назначении старост как королевских наместников, в центральном скарбе, в вальном сейме. Одновременно сохранялись значительные общественные и правовые различия между Малой Польшей и Великой Польшей. Они нашли свое выражение в издании отдельных статутов Казимира Великого как для Малой, так и для Великой Польши; они подтвердились веком позже в различных редакциях Нешавских статутов для каждой из областей Королевства.

Унификация государства происходила постепенно. В большинстве случаев, как это видно в системе организации урядов и судов, она состояла в перенесении малопольских образцов в другие области и земли. Унификация эта не была полной. Довольно много отличий сохранялось в каждой из областей. Сословную монархию не следует рассматривать в привычных категориях централизованной власти и унифицированного права. Это не соответствовало действительности того времени, хотя уровень унификации государственного строя и права в Польше XIV—XV вв. был сравнительно бóльшим, чем в западноевропейских странах, даже таких, как Франция.

Раздел четвертый

ПРАВО ПОЛЬСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Общая характеристика. Польское право этого периода было в основе своем обычным. После возникновения польского государства унификации права способствовало правосудие монарха, осуществляемое им во время разъездов по стране. Система общепольского права, опирающегося на обычаи, в достаточной мере закрепились к началу XII века, сохранившись и в период феодальной раздробленности.

Термины *ius Polonicum*, *mos Polonicum*, употребляемые в документах XIII века, повсеместно указывают на общие, несмотря на некоторые различия в практике, основы польской системы права. В написанной в XIII веке прибывшими с Запада в Силезию цистерцианцами «Генриковской книге» говорилось о *ius Polonicum* как об общепринятом праве, а в «Эльблонской (Эльбингской) книге» — Польской Правде — старейшем своде польского обычного права середины XIII века — подчеркивался его общепольский характер. Автор Правды отмечал также рационалистический, разумный характер польского права, поскольку установление его приписывал мудрецам.

Судебная практика, опираясь на неписаный обычай, одновременно изменяла его и обогащала соответственно новым потребностям. Карательные меры, введенные Болеславом Храбрым, предполагавшие выбивание зубов

за нарушение поста и кастрацию за супружескую измену, были явлением новым, связанным с распространением христианства.

Существование с XIII века систем: а) польского земского права; б) городского права, называемого немецким (действующего, однако, как известно, также и в деревнях, основанных на немецком праве) и, наконец, в) церковного, канонического права — создавало трудности для монархической власти, стремившейся к упорядочению правовых отношений. Статуты Казимира Великого запретили широко практикуемое в деревне альтернативное применение немецкого или польского права в зависимости от того, какое в данный момент было более удобным для заинтересованных сторон. Эти статуты и упорядочивающий их Вартский статут (1423) стали основным источником судебного земского права, сохранив силу, исключая положения, обойденные или измененные законодателем, вплоть до упадка шляхетской Речи Посполитой.

І. ЛИЧНОЕ ПРАВО

Правоспособность и дееспособность. Лицом в праве был человек, но не всякий, а только тот, который обладал правоспособностью. Лицами не были ни невольники, ни лишённые прав изгнанники, как бы не существующие для закона (фиктивная смерть). Дееспособным становилось лицо, достигшее совершеннолетия. Первоначально оно отождествлялось с физической зрелостью. Впоследствии был установлен определенный возраст, достижение которого считалось признаком наступления правовой способности.

Для феодальных отношений были характерны некоторые специфические особенности в области правоспособности и дееспособности. То и другое зависело от:

а) принадлежности индивидуума к определенной общественной группе, а после формирования сословий в XIII веке — от сословной принадлежности. Наибольшей правоспособностью обладали можновладцы и рыцари, особенно если речь шла о праве собственности на землю. Полностью лишены ее были несвободные (*servi*);

б) пола. Полнотой прав обладали мужчины. Достигший зрелого возраста молодой человек приобретал

дееспособность, в то время как девушка оставалась под опекой семьи до выхода замуж. До XIII века женщины были лишены права наследования земельных наделов, однако могли владеть движимым имуществом. Более свободным был юридический статус вдовы;

в) государственной принадлежности. Ограничены были права иностранцев. Наследство умершего чужеземца, если он не имел наследника в стране или не оставил завещания, переходило к суверену (*ius albinagii*).

Особая правоспособность устанавливалась для евреев. Им было запрещено вступать в браки с христианами; селиться они должны были в строго определенных местностях или кварталах города. В отличие от христиан евреям дозволялись займовые операции под проценты. Карательные санкции за убийство еврея были довольно строгими. Указ великого князя Болеслава Набожного от 1264 года оговаривал, что в судебном процессе христианина против еврея кроме свидетелей-христиан должны быть вызваны и свидетели-евреи. Эти привилегии связывались с особым пониманием роли евреев в государстве как «слуг казны» (*servi camerae*).

А. Брак и семья

Заключение и расторжение брака. На польских землях времен язычества встречалась полигамия (многоженство). Однако она не была особенно распространена. Больше число жен могли себе позволить только люди зажиточные. За девушку полагался «свадебный подарок», уплачиваемый отцу, стоимость которого, как свидетельствует Ибрагим Ибн Якуб, была весьма значительной. После принятия христианства церковь путем угроз суровыми карами, осуществляемыми государственной властью, принудила к введению моногамии. Супружество связывалось с заключением двух следующих гражданских договоров. Первым из них был *сговор* — свадебный договор, заключаемый обоими семействами. Им определялись условия брака (в частности, время его заключения) и имущественные отношения. Большую роль в сговоре играл сват, посредник при заключении брака. Затем следовало *отданье* — передача избранницы молодому супругу. Оно соединялось с определенной обрядностью, символизирующей отказ молодой от ее прежнего положения.

Религиозная форма заключения брака распространяется только в XIII веке в высших слоях общества. Вместе с тем долгое время сохранялись и договорные браки, заключаемые при свидетелях и участии свата. Признавая их действительными вплоть до середины XVI века, церковь предписывала только, чтобы стороны узаконили их актом церковного бракосочетания.

К церковной форме заключения брака относилось (начиная с собора 1215 г.) оглашение с амвона о помолвке. Оно делалось тоекратно в приходских церквях обеих сторон, желающих вступить в брак, с тем чтобы лица, знающие о причинах, могущих помешать заключению брака (родство, предыдущее супружество и т. д.), могли предупредить об этом ксендза. Сопротивляясь оглашениям, шляхта добивается (в первой половине XV в.) освобождения от него. Социальной привилегией шляхты становится и то, что брачный обряд совершается не в костеле, а в доме одного из будущих супругов.

Церковная форма заключения брака заменила старинный сговор обручением. С правовой точки зрения обручение было вступительным договором, содержащим обязательство о заключении брака в будущем и определяющим его условия.

Расторжение брака следовало после смерти одного из супругов. До введения церковной формы заключения браков был известен развод, который осуществлялся легко: муж удалял жену из дому. С XIII века брак регулировался предписаниями канонического права, и связанные с ним дела были переданы духовным судам. В то же время имущественные права супругов остались в юрисдикции светских судов.

Приданое и вено. Главой семьи был муж, которому жена обязана была быть верной и послушной. Однако она занимала в семье (речь идет о высших общественных слоях) довольно высокое и отчасти самостоятельное положение. Согласно Польской правде жена рыцаря сама руководила домашним хозяйством и женской прислугой, имела право на собственные источники дохода (например, от ткачества).

Жена приносила в дом мужа определенное движимое имущество, которое складывалось из ее личных вещей, постели и предметов домашнего хозяйства. По Польской правде рыцарской дочери полагались дворовые девки, домашний скот, одежда, ковры и т. д., в то время как крестьянской дочери давали только постель и одежду. Все это оставалось собственностью жены.

Приданое составляло часть семейного имущества, которое полагалось выделить дочери, выходящей замуж. Получившая приданое уже не могла претендовать на родительское наследство. Приданое давалось и деньгами. Наследственные ценности должны были оставаться в руках наследников — мужчин. Однако случалось, что из-за отсутствия денег в приданое записывалось и наследственное имущество.

Особым институтом семейно-брачного права был институт вена. Целью вена было имущественное обеспечение жены на случай смерти мужа. Складывалось вено из двух равных частей: первая служила обеспечением — гарантией суммы приданого, полученного в свое время мужем, вторая — той же самой ценности — составляла вено в узком смысле этого слова (называли ее также привенком). В общей сумме вено составляло обычно двойную стоимость приданого. Вено устанавливалось специальной венной записью, которая с XIV века вносилась в судебные книги. Записывали вено на части (обычно на половине) имущества мужа. Земля, на которую была сделана венная запись, называлась венной.

Имущественные отношения в браке. Имущественное брачное право выработало определенное число систем, важнейшими из которых были:

а) имущественная общность, по которой имущество мужа и жены, наследственное и приобретенное позже, составляло единое целое; в случае смерти одного из супругов оно полностью переходило к другому;

б) раздельная собственность супругов, сохраняемая до конца брачных отношений;

в) единство управления, когда при существовании имущественной раздельности муж управлял как собственным имуществом, так и состоянием жены. Вариантом его была типичная для земского права система управления (распоряжения) приданым. Она состояла в том, что муж управлял имением жены, но оно оставалось ее собственностью. В том случае, когда приданое было дано деньгами, муж обязывался обеспечить их неприкосновенность венной записью. Управление венным имуществом осуществлял также муж. Однако его полномочия ограничивались согласием жены. На это имущество не распространялось право взыскания в пользу кредиторов мужа. Приданое вдовы наследовали дети, а если их не было — возвращалось родителям жены (ее прежней семье). Приданое всегда оставалось собственностью жены.

Положение вдовы в старинном польском праве отличалось значительной самостоятельностью. Она распоряжалась своим приданым и веном, имела право пользования оставшимся после смерти мужа состоянием на-

равне с сыновьями — вплоть до своей смерти или повторного брака. Нередко случалось, что вдова самолично управляла всем состоянием, оставшимся после смерти мужа. Взрослые сыновья подчинялись материнскому управлению хозяйством, что воспринималось как земский обычай. О вдове, управляющей состоянием, говорилось, что она сидит на «вдовьем стуле». Перемены в этом отношении внесли статуты Казимира Великого. Они оставили за вдовой только дарственные, сделанные в ее пользу, в особенности вено. Остальное имущество вдова должна была передать наследникам мужа. Однако на деле этого не придерживались, и только Вартский статут уничтожил этот «вредный обычай», поскольку, как утверждалось в нем, состояние «из-за небрежности и плохого управления вдов портилось и запускалось».

Формы родства. Семейная общность. Различалось родство по прямой и боковым линиям. Побочными родственниками считались братья, сестры, племянники, племянницы и т. д. Родство играло в то время существенную роль. Значение его не ограничивалось наследственным правом. Оно выступало и во многих других отношениях, включая дела, связанные с расследованием убийства и уплатой штрафа за него.

Наряду с естественным родством существовало родство искусственное, возникавшее в результате правового акта. Наиболее распространенной формой его было усыновление, упоминающееся уже в польских источниках XIII века. Оно служило главным образом целям наследования недвижимости в случае смерти (из-за ограничения свободы завещания), а также династическим. Особенно распространен был старинный обычай усыновления зятьев за неимением сыновей. В таком случае зять входил в семью тестя.

Средневековая семья в Польше, так же как и на Руси и в Литве, составляла одно целое, которое можно охарактеризовать понятием *домашней общности*. Домашняя (семейная) общность не исключала возможности обособления своих членов, но на первый план выдвигала элементы коллективизма. В имущественной сфере они находили свое выражение в праве семейной собственности, одинаково частой как в крестьянстве, так и среди рыцарства-шляхты. Различали два рода семейной общности: а) отцовскую, когда во главе семьи стоял отец (или дед), и б) «братскую», когда в состав

семьи входили: братья родные или двоюродные, а иногда дядя с племянниками (все со стороны отца). В первом случае отец был представителем общности вовне, а внутри решал хозяйственные дела. Он не мог, однако, распоряжаться состоянием без разрешения своих нисходящих родственников: сыновей и внуков. В семейной общности, объединявшей братьев с потомством или двоюродных братьев, в сущности было равенство членов общности в области имущественных прав, хотя один из них — старший, представлял ее в отношениях вовне. Статуты Казимира Великого, укреплявшие индивидуальную собственность, неодобрительно относились к семейной общности, к семейной неделимости. Исключение составляла неделимость отца с сыновьями, которую статуты санкционировали.

Опека. Она служила заменой отцовской власти над детьми, не достигшими совершеннолетия. Среди рыцарства-шляхты опеку над несовершеннолетними детьми после смерти отца осуществляла обычно мать-вдова. Она брала себе, как правило (хотя и не обязательно), соопекуна, одного из близких родственников по мужской линии. Если матери не было или она повторно выходила замуж, право опеки имели ближайшие родственники. Это была так называемая *единокровная опека*. Единокровный опекун получал доход с имущества опекаемого, за что обязывался содержать его и воспитывать. Вартский статут предоставлял отцу на случай безвременной смерти право назначения опекуна. Такая опека носила название *завещательной*.

Специальным родом опеки была опека над людьми престарелыми, именуемая *попечительством*. Она заключалась в выборе пожилым или больным человеком (нередко также старыми и бездетными супругами) попечителя, которому и доверяли свою жизнь и состояние.

Б. Собственность и другие имущественные права

Собственность и владение. Понятие собственности [(польское — *własność*) существовало уже в раннем средневековье, хотя как термин оно получает распространение не ранее XVI века. До того говорили не о «власности» (от «владеть»), а о дедичестве, вечном унаследованном «от дедов» владении. Отличные, нежели в классическом римском праве, законы средневеко-

вья (в том числе и польские) не видели большой разницы между правом собственности и вещным правом на чужую вещь (сервитутом). Право собственности включало право владения вещами, пользования, а также в допустимых пределах правом распоряжения ими. Для собственности феодальной эпохи было характерно, что право пользования и распоряжения имуществом было ограничено правами третьих лиц.

Право занималось прежде всего землей, которая составляла основное средство производства. Отсюда наибольшее значение приобретало деление имущества на *недвижимое* и *движимое*. К недвижимости относили все, что было непосредственно соединено с землей. Все другое считалось движимым имуществом.

В зависимости от способа получения имущества оно делилось на унаследованное (или родовое) и приобретенное (нажитое). Наследственным имуществом считалось то, которое получили от предков. Название его «дедичество» указывало на то, что семейное достояние подвергалось разделу чаще всего в третьем поколении, т. е. после смерти деда между отцом и взрослыми уже сыновьями, если оно не оставалось в общем владении семьи. Наследственное имущество воспринималось как предмет имущественных прав всей семьи. Особенно это проявлялось в ограничении права распоряжения им, а также в том, что оно не могло передаваться по завещанию кругу наследников, не предусмотренных правом. Приобретенное имущество делилось в свою очередь на: а) имущество, пожалованное князем-королем, которым можно распоряжаться свободно, и б) купленное имущество. Благоприобретенное достояние, однако, с момента перехода по наследству становилось наследственным имуществом и подлежало ограничениям, установленным для такого рода имущества.

Владение. Право собственности включало владение, но могло не совпадать с ним. Владение (польское «посядане» от слова «сидеть», т. е. фактически обладать) в старинном польском праве определялось термином «*dzierżenie*». Основой владения могли быть, кроме права собственности, и некоторые другие права, такие, как залог и аренда.

Охрану владения обеспечил специальный посессорный процесс, который был введен в свод законов Ленчицкой земли с начала XV века. Он заключался в том,

что потерпевший мог требовать быстрого, суммарного процесса в городском суде для возвращения отторгнутого владения независимо от своего правового отношения к нему. В посессорном процессе подчеркивалось лишь то, что изгнание было осуществлено силой (*violenta expulsio*). Целью процесса была охрана безопасности и правового порядка, исключение самозащиты и усиление позиций владельца. На развитие посессорного процесса воздействовали римско-правовые правила — через посредство канонического права.

Раздельная собственность. Феодалная собственность на землю формировалась как собственность, разделенная между несколькими субъектами. Сущность раздельной собственности в Польше заключалась в том, что феодалный пан обладал *верховой собственностью* на землю, оставляя крестьянству низшие права на нее, определяемые термином *подчиненной собственности* (или утилитарной собственности). Не все крестьянство пользовалось, однако, и этой подчиненной собственностью, суть которой заключалась в праве передачи хозяйства наследникам по нисходящей линии и распоряжения ею на существующих условиях. Группы простого народа с большей степенью зависимости имели право только на временное пользование землей.

Колонизация на немецком праве вводила, начиная с XIII века, одновременно с прогрессирующей унификацией общественно-правового положения крестьянства стабильные признаки права на землю. Крестьянину-чиншевику земля принадлежала на основании права подчиненной собственности. Нередко он покупал землю у пана за деньги — при переходе деревни из сферы действия польского права в сферу действия немецкого. Отсюда так называемое *закупное право* или, пользуясь римской терминологией, *эмфитевзис*. Основные его особенности заключались в следующем: 1) приобретенный на основании закупного права надел нельзя было изъять у крестьянина без компенсации; следовало либо вернуть деньги, либо дать крестьянину равноценный участок взамен; 2) крестьянин передавал свое хозяйство по наследству и мог 3) отчуждать его (подарить, поменять, продать), хотя и с согласия пана.

Право верховной собственности на землю связывалось с правом требовать от зависимых землепользователей оброка и других феодалных повинностей, уста-

повлеченных в локационном документе или сложившихся как обычай. Сфера подчиненной собственности и определяющих ее положение норм устанавливалась на основании Вартского статута, по которому беглого крестьянина пан должен был четырежды призывать возвратиться и только после этого мог посадить на его землю другого крестьянина. Статуты Казимира Великого устанавливали, что крестьяне не отвечают за долги своего господина.

Наиболее твердым правом на землю обладали солтысы и войты. Их право определялось как ленное с полной или ограниченной (с согласия сюзерена) свободой отчуждения.

Нераздельная собственность. Движимое имущество рано стало исключительно индивидуальной собственностью. А вот собственность на землю в средневековье часто носила характер нераздельной: земля составляла собственность семейной общины. Определялась она как собственность общей руки. В отличие от совладения (*condominium*), дающего право на распоряжение имуществом, члены семейной общины не имели права на реальную долю имущества. В случае смерти члена общины его имущественные права не переходили к наследникам, общее достояние лишь увеличивалось.

Равенство прав участников общей руки не исключало несколько больших полномочий отца, управлявшего семейным достоянием. При отцовской нераздельности сыновья не имели права — за редким исключением — добиваться выдела. Много проще обстояло с братской общностью, ибо ее можно было расторгнуть по воле ее участников. Были известны также частично неделимые общности, сочетавшие индивидуальную собственность на пахотную землю с общим владением лесами, полями и водами. В сельской практике существовала также общинная собственность ополья (ополье — административно-судебная единица, охватывающая несколько деревень), а затем деревни на леса и пастбища. Ополье, как и деревня, осуществляло в отношении к этим объектам владение общей руки.

Ограничения собственности. К важнейшим из них принадлежали 1) *регалии*. По мере упадка системы регалий они вошли в состав частной феодальной собственности, которая подверглась таким образом значительному расширению; 2) *право близости* (*ius propin-*

quitatis, ius proximitatis). В состав польского права близости, констатируемой на основе родства, входили: а) *право первоочередной покупки*; б) *право ретракта*.

Право первоочередной покупки заключалось в том, что в случае отчуждения наследственного имущества родственники продавца получали привилегию первоочередности приобретения. При их отказе от этого права недвижимость могла передаваться чужому. Родственники могли дать разрешение на продажу наследственного имущества, что означало отказ от права близости. Если родственников обходили, они могли воспользоваться правом ретракта (т. е. возвратить наследственное достояние выкупом, вернув покупателю уплаченную им сумму). Существовал также ретракт — захват, реализуемый близкими родственниками безвозмездно — в случае дарственной, данной без их согласия.

Право близости развилось, когда возникла индивидуальная собственность на землю — как форма ограничения прав собственника в интересах родственников. Известный большинству государств эпохи феодализма, ретракт способствовал сохранению наследственной собственности на землю в руках родственников, затрудняя ее переход в чужие руки. В особенности же право близости затрудняло приобретение земель церковными учреждениями. Поэтому неудивительно, что церковь была поборником принципа свободы распоряжения земельными угодьями. В особенности же она стремилась к тому, чтобы право близости не распространялось на жертвования в пользу церкви. Компромиссными были предпринятые в XIV—XV вв. попытки ввести в практику так называемую свободную часть или треть имущества, отчуждаемого без согласия родных. Но они не имели успеха в Польше.

Развитие товарно-денежных отношений и увеличение земельного оборота привели к усилению прав собственника и гарантированной ему свободе распоряжения своим достоянием. Статуты Казимира Великого поощряли ликвидацию нераздельных имений, устанавливая для раздела не зафиксированный документально срок в три года и три месяца, по истечении которого раздел уже не мог быть оспорен. Все сильнее ограничивалось право ретракта, принадлежавшее родственникам. В некоторых областях (в Великой Польше, Куя-

вии, Ленчицкой земле) право ретракта ограничивалось шестью неделями.

Способы приобретения собственности. Приобретение собственности могло быть первичным или вторичным.

1. Первичным способом было присвоение (оссира-*ti*o) ничьих или бесхозяйных ценностей, включая заимку. Землю присваивали (для постоянного использования в хозяйстве) чаще всего в процессе ее обработки. Нередко присвоение осуществлялось силой без всяких к тому оснований, как это делали паны в период феодальной раздробленности. Такие захваты позже санкционировались жалованными грамотами.

Правовой формой присвоения, а позже и подтверждения права собственности была так называемая заповедь (*interdictio*). Она заключалась в оглашении акта, согласно которому никто, кроме объявившего о своем отношении к данной земле, не имел на нее прав, и земля эта с момента объявления становилась собственностью объявителя. По мере возрастания ценности земли в XIII—XIV вв. заповеди становились все более частыми. С заповедью было связано обозначение границ владения (размежевание), соединенное зачастую с предварительной ликвидацией чересполосицы и укрупнением земельных участков. Размежевание производилось княжеской властью, служа формой подтверждения права собственности.

Понятие «граница» немецкого происхождения (*Grenze*), ему соответствовало славянское «межа». Границу объезжали, если вотчина была большой, либо обходили. Отсюда часто употреблявшееся название феодальной волости как «уезда», а крестьянского хозяйства как «обхода» (*obejscie*). Пограничные знаки (столбы, межевые камни, знаки на деревьях) находились под охраной. За их нарушение грозила кара.

2. Первичным способом приобретения собственности в старинном польском праве было и так называемое исконное проживание. Оно являлось признанием права собственности на основании давнего и непрерывного проживания на данных землях. Право это доказывалось пребыванием «с незапамятных времен» или «издавна», а суд во всяком конкретном случае решал, достаточен ли указанный период для обоснования права собственности. И здесь Статуты Казимира Великого определили четкие границы, необходимые для приобре-

тения права собственности. Для приобретения залоговых владений они устанавливали 30-летний срок (приобретательная давность).

3. Военная добыча (трофеи) включала имущество, ценности, захваченные у неприятеля. В польском праве конца XII века выступало ограничение права на трофеи в междоусобных стычках путем исключения населения, не участвовавшего в них. Это население нельзя было забирать в плен. Соглашением Конрада Мазовецкого с крестоносцами 1242 года устанавливалось, что захвату не подлежат дети до 12 лет, девушки, женщины и духовные лица.

4. Береговое право позволяло жителям побережья присваивать вещи, выброшенные морем. Это были и ничейные ценности, как янтарь. Определяющее значение имело, однако, как и повсеместно в раннесредневековой Европе, отнесение берегового права к судам, потерпевшим крушение и выброшенным на берег. Потерпевшие становились невольниками, а ценности, оставшиеся после кораблекрушения, подвергались захвату. В течение XIII века последовали ограничения, а нередко и полное уничтожение берегового права. Это было результатом давления со стороны городов, развивавших морскую торговлю.

5. Приобретение собственности за счет охоты и рыболовства совершалось в границах, очерченных правом.

Приобретение собственности вторичным, производным способом заключалось в перенесении права собственности с одного лица на другое. Были известны следующие производные способы приобретения собственности: 1) через получение наследства; 2) через пожалование земли как безусловное, так и, но реже — на ленном праве; 3) приобретение по договору.

Собственность переходила к новому приобретателю по договору, именуемому в польском праве *zdaniem* или *wzdaniem* (*resignatio*, *renunciatio*). Наряду с тем осуществлялся и другой акт — *ввязания* (польское — *wwiązania*). Первым переносилось право собственности, вторым — владение. Передача собственности осуществлялась по определенным правилам, в присутствии князя; ранее она совершалась, очевидно, в присутствии ополя. Подтверждая отчуждение, князь выдавал соответствующий документ, скрепленный печатью. Монарх был заинтересован в контроле над переходом земель, особен-

но потому, что с землей стали связывать обязательства рыцарской службы.

Переход земли был строго формальным актом, требующим соблюдения установившихся форм. К символической обрядности, которая сопровождала переход, относился старинный, исчезающий уже в XIII веке обычай испития воды, пива или меда что называлось водой отречения (*aqua abrenuntiationis*). Делалось это в присутствии ополья или чиновников, затем в присутствии возного и свидетелей. С половины XIV века начали придерживаться юридического оформления акта передачи собственности в земском суде. Его вписывали в судебные книги, а выписка из этих книг заменила подтверждающий документ монарха.

От других способов приобретения собственности следует отличать приобретательную давность. По праву приобретательной давности владение, как и другие важные гравы, с ним связанные, приобретали титул права собственности. Давность приводила к утрате права, не используемого в течение определенного периода. Утрате права, с одной стороны, соответствовало его утверждение, с другой — особенно существенным значением обладала приобретательная давность как основа для устранения претензий на основании права близости и др. Статуты Казимира Великого, выражая стремление ликвидировать старинные и затянувшиеся споры, действующие в интересах обеспечения надежности правового оборота, и укрепили и расширили институт приобретательной давности. Наиболее частым был срок в три года или в три года и три месяца.

Залог. Большое значение среди вещных прав имел залог как гарантия займовых операций. В зависимости от вещи, которой должник-залогодатель гарантировал интересы кредитора-залогодержателя, различали залог недвижимого и движимого имущества. Залог движимого имущества был распространен в торговых операциях. В земском праве основную роль играл залог недвижимости. Описанный в старинных источниках залог недвижимости был залогом-владением. Он переносил на кредитора право пользования залогом, включая извлечение дохода, не зачисленного в счет долга.

Предметом залога-владения могли быть шляхетские и городские недвижимости, крестьянские хозяйства.

Широкий перечень объектов залога указывает на его распространенность, вызванную потребностями кредита. Такой залог составлял неоднократно скрытую форму отчуждения, так как не требовалось согласия родных. Залог-владение сближался с продажей, когда залогодатель оставлял недвижимость, не оговаривая срока ее выкупа. Такой заклад оставался в руках кредитора до момента выкупа, т. е. согласно Статутам Казимира Великого в течение 30 лет, после чего переходил, если не был выкуплен за давностью, в собственность кредитора. Нередко в интересах кредитора договаривались, что при несвоевременной уплате долга залог переходит в собственность кредитора.

В XIII—XIV вв. появились новые формы залога: залог-аренда и залог без аренды. Залог-аренда, называемый экстенуацией (лат.), заключался в том, что пользователь зачислял прибыль от заложенных имений в счет долга. В результате по истечении определенного времени задолженность аннулировалась и залог возвращался должнику.

Залогом, который распространился, начиная с XV века, был залог без держания, констатируемый записью определенного заложенного имущества (с указанием его стоимости) в судебных книгах. Запись не лишала залогодателя возможности извлечения доходов от заложенных имений, облегчая ликвидацию задолженности. Развитие залога без держания выражало усиление позиции должника-шляхтича в отношении кредитора, чаще всего мещанина или церковного учреждения.

Залог движимого имущества всегда был залогом держателя.

Покупка ренты и ростовщичество. Покупка ренты развилась в XIV—XV вв. Владелец капитала давал собственнику недвижимости определенную денежную сумму в обмен на то, что последний обязывался постоянно, в течение определенного времени, к определенным уплатам, чаще денежным, пока не истечет договорный срок, пожизненно и даже вечно, что, следовательно, переходило и на его наследников. Собственник недвижимости мог освободиться от уплаты ренты путем выкупа состоявшего в возвращении капитала. Владелец капитала не мог отказать в этом. Шире всего пользовались возможностью покупки ренты, располагавшие большими денежными суммами, церковные учреждения.

Распространение покупки ренты было обходом церковного запрета брать проценты при займах. В интересах духовенства папа признал в 1425 году покупку ренты обычаем «разумным, общепризнанным и полезным». Одновременно с распространением покупки ренты в XIV веке много раз возобновлялись запреты ростовщичества, что свидетельствует о том, что запреты эти были недейственными. Дела о ростовщичестве рассматривались духовными судами.

Исключение составляли евреи, которые по своей вере могли брать проценты легально. Богатые купцы и финансисты пользовались этим, возвышались порой до роли банкиров самого монарха. Займовые операции евреев служили постоянным поводом для конфликтов с городским населением, доходивших до погромов.

В. Наследство

Наследование без завещания. По старинным польским законам правом на наследование обладали прежде всего сыновья. Отцовское наследство полагалось всем сыновьям, причем каждому полагалась равная часть (в отличие от ряда стран средневековой Европы, где старший сын был привилегированным наследником). Сыновья были непременно наследниками. Еще при жизни отца их положение приближалось к положению совладельцев.

Наследование боковыми родственниками — явление более позднее. Практика, XIII века, установившаяся в среде możновладцев, знала наследование боковыми родственниками вплоть до четвертого колена. Близкие родственники устраняли от наследства дальних. Так было, когда речь шла об индивидуальной собственности. В имениях общей руки вообще не было наследования, поскольку здесь семья, а не личность была субъектом права.

Наследование женщин было скорее всего ограничено первоначально одним движимым имуществом, составлявшим их приданое. Согласно Польской правде в случае смерти рыцаря, не имеющего сыновей, состояние забирал себе его суверен, обязывавшийся вместе с тем выделить приданое дочерям умершего и возратить им ценности, составлявшие собственность матери. В XIV веке правовая практика признавала за дочерьми

рыцарей-шляхты право наследования земли, но лишь в случае отсутствия сыновей, что санкционировал Вартский статут. Если в семье были сыновья, дочерям полагалось только приданое в деньгах, составлявшее их наследственную часть. Существенную роль в наследственном праве играло деление имущества на отцовское и материнское. Согласно земскому праву после смерти матери ее наследие принадлежало наравне сыновьям и дочерям. Отец был обязан выделить его. Более того, первоначально после смерти матери отец одновременно с передачей детям материнского имущества должен был выделить им и половину собственного, отцовского, имущества; поскольку существовало опасение, что с новым браком отца дети от первого брака могут понести ущерб. Укрепляя индивидуальную собственность отца, статуты Казимира Великого отклонили этот обычай. С того времени отец не был обязан выделять детям часть своего состояния при жизни.

Вдова, если вновь выходила замуж, должна была отдать полностью детям от предыдущего брака все венное имущество, а также половину собственного, материнского.

Завещания. Завещание было известно в Польше с конца XII века. Первоначально устное, оно уже в XIII веке принимает форму письменного распоряжения на случай смерти. Часть наследства отказывалась в пользу костела. Легко понять поэтому, что в защиту завещательной свободы выступала больше всего церковь. Церковь настаивала также на том, чтобы завещание составлялось в присутствии духовного лица, обязанного проследить за тем, чтобы «во искупление грехов» была совершена запись в пользу церкви.

Наследство. При отсутствии нисходящих и боковых родственников, имевших право на наследство, или неосуществимости завещательного распоряжения состояние переходило правителю (князю). Это то, что впоследствии будет названо выморочным имуществом. Характерной особенностью в среде феодалов было расширение наследования боковыми родственниками, тогда как наследование в крестьянской среде до середины XIV века было ограничено единственно сыновьями. Если сыновей не было, хозяйство переходило к пану. Наследственное право крестьянина расширили только Статуты Казимира Великого, вводя наследование крестьянского хозяй-

ства боковыми родственниками. Вместе с тем Статуты отменили как «коварный обычай» наследование крестьянского хозяйства паном.

Г. Обязательства

Возникновение обязательств. Обязательства возникали как в результате договора, так и в результате деликта. Поначалу договоры, как и повсюду в соответствующую эпоху, сопровождались символическими обрядами, с которыми и связывалось наступление обязательства. В течение XIII века появляются письменные договоры.

Долговое право осталось наименее развитой частью старинного польского частного права. Должник либо тотчас возвращал кредитору долг, либо давал залог или выставлял поручителя. Должник, который дал залог или поручителя, и далее оставался должником, но не был ответствен, поскольку кредитор не мог принудить его к выплате. Зато кредитор мог принудить к выплате поручителя. Поручитель был ответствен, но не был должником. После того как поручитель возвращал долг кредитору, он получал право требовать его от должника. Поскольку такая конструкция ответственности препятствовала распространению поручительства, она подверглась в XIV веке существенным изменениям. Ответственность поручителя сделалась вспомогательной, т. е. наступала в случае невозвращения долга должником.

Различали ответственность: 1) личную, которая заключалась в том, что человек отвечал своими личными правами, жизнью, здоровьем, свободой, которые были по тем временам отчуждаемыми правами; 2) всем состоянием или общностью прав и обязанностей, связанных в единое целое принадлежностью одному и тому же лицу; 3) определенной вещью, например залоговой.

Способы скрепления договоров. Для гарантии выполнения обязательства или его нерушимости договоры скрепляли различными способами.

а) Частные договоры часто скреплялись присягой. Нарушение присяги должно было повлечь за собой божью кару.

б) *Магарыч* (litkup от немец. Leitkauf) — обычай угошения для скрепления договора — возник в очень отдаленную эпоху. Позже вместо общего застолья покупатель вручал продавцу определенную, обычно небольшую денежную сумму. Как свидетельствует

название (*litkup*), магарыч нашел себе применение в торговле между немцами и славянскими странами.

в) *Zatoga* — явка на постоялый двор — была рыцарским обычаем, известным со второй половины XIII—XIV вв. Обязанное лицо в случае невыполнения обязательства в срок должно было прибыть на постоялый двор вместе с определенным числом слуг и лошадьми и находиться там за собственный счет до тех пор, пока не выполнит обязательства. Это была весьма мягкая форма ограничения шляхетской вольности.

в) *Лаяние*. Должник заранее был согласен на то, что в случае невозвращения долга кредитор мог бы подвергнуть его «лаянию», опозорению. Оскорбление словами осуществлялось либо устно, либо при помощи так называемых бранных писем. Это была форма взыскания долга, применявшаяся главным образом в шляхетской среде.

г) *Заклад* (*vadium*) мог быть договорным или установленным властью. Он заключался в обязанности уплаты определенной суммы денег на случай невыполнения обязательства или в предвидении проступка, который хотели предотвратить. При договорном зкладе он полагался противоположной стороне. Заклад, установленный властью, передавался чаще всего тому, кто его учредил, князю или судье.

д) *Церковное наказание* прибавлялось к договору как угроза в случае его невыполнения. Бывало, например, что монастырь, приобретая имущество, подчеркивал в договоре, что нарушающий его подвергнется гневу божьему, будет проклят и т. д.

е) *Залог*, о котором уже говорилось, хотя и принадлежит к вещному праву, имел известное значение и в сфере обязательственного права.

ж) *Наконец, поручительство*, имевшее в XIV—XV вв. наибольшее распространение. Должник обязывался вознаграждать поручителя за все понесенные им убытки, связанные с ручательством, он обязывался также к замещению и охране поручителя.

Для тогдашних общественно-экономических отношений особое значение имело ограждение прав кметов. Поскольку реализация права выхода из-за крестьянской задолженности пану была затруднена, собственник имения, желавший привлечь крестьянина, выступал как его поручитель по отношению к пану, от которого крестьянин уходил. Дело сводилось, к обязательству, что к определенному сроку задолженность крестьянина будет погашена. Такая форма поручительства отвечала интересам как крестьянства, облегчая им переход с места на место, так и тех панов, которые, привлекая крестьян в свои хозяйства, выступали в качестве поручителей.

з) Польское право указанного периода знает, конечно, и *эвизию*, т. е. гарантию против истребования вещи третьим лицом, ее действительным собственником. Соответствующие отношения напоминают свод Русской правды: покупатель должен был назвать продавца и т. д.

Виды договоров. В условиях натурального хозяйства наиболее частыми были такие договоры, как мена и дарение. С развитием обмена и денежных отношений получает распространение договор купли-продажи пре-

жде всего движимого имущества, а затем и недвижимого.

а) *Мена* есть договор, по которому обе стороны давали друг другу предметы в натуре. По мере развития больших земельных владений меной пользовались для укрупнения вотчин и устранения анклавов, чаще всего принадлежавших церкви. Если вещи были неравноценными, соответствующая сторона уплачивала надбавку.

б) *Дарение* приводило к возникновению права собственности на соответствующий предмет. Первоначально получивший что-нибудь в дар должен был в свою очередь отблагодарить дарителя. В такого рода взаимобмене, хотя бы и неравном по ценности, границы между дарением, меной и куплей-продажей нередко стирались, особенно если одаренный отплачивал деньгами (так называемое отплатное дарение). Одаренный часто принимал на себя по отношению к дарителю определенные обязательства; их невыполнение могло привести к отнятию дара. Практика XIII века стремилась к установлению бесповоротности дарений с помощью запретов, занесенных в дарственные. Результатом были постановления Статутов Казимира Великого о безвозвратности дарений.

в) *Купля-продажа* возникла из мены, когда на место предметов пришла уплата деньгами или — в более ранние времена — каким-нибудь эквивалентом денег — мехами, скотом, солью и т. д.

Феодальное право не разграничивало, как известно, отдельных видов договоров; границы между ними были подвижными, что объясняется желанием обойти право ретракта убеждением, что продажа наследственного имущества не является нормальным и честным делом и т. д.

Изменение и прекращение обязательства. Первое заключалось либо в изменении содержания самого обязательства, либо в перемене лиц-участников договора. Изменения договора могли быть связаны с его новацией (новым соглашением) или с кончиной одной из сторон (в результате чего ее место занимали наследники).

Обязательство не прекращалось одним исполнением, как это свойственно всякому формализованному праву. Кредитор должен был публично подтвердить факт уплаты и употреблением соответствующей формулы освободить от ответственности своего контрагента.

II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А. Преступления

Общие замечания. Состояние уголовного права в XI—XII вв. было далеко от идеала, который описал восхваляющий правление Болеслава Храброго Галл Аноним. Тогда, будто, если верить летописцу, князь в суде, «невзирая на лица», одинаково справедливо судил богатых и бедных. В период феодальной раздробленности и анархии стороны нередко искали правды не в суде, а вершили правосудие сами, при помощи друзей и слуг, путем вражды, именуемой также звадой — раздором, сварой. Свары эти часто носили характер междоусобных войн, что было типично и для других стран при феодализме. Ослабление княжеской власти в период раздробленности способствовало росту преступности, в частности распространению рыцарей-грабителей. Напрасно стремились решить эту проблему методом межобластных договоров, направленных на совместное преследование преступлений, особенно опасных для общества, таких, как разбой на больших дорогах и профессиональная кража, получивших общее название «лотроств» — от лат. *latrocinium* (разбой, грабеж).

Основой классификации преступлений в средневековье было деление на преступления, преследуемые властью, и преступления, расследуемые на основе частного обвинения. Властью преследовались преступления против монарха, интересов государства и религии. За все эти деяния грозила суровая кара, а виновных называли «главными врагами князя». Власть преследовала также преступления, которые, нанося урон определенным лицам, нарушали в то же время и общественное спокойствие, создавая угрозу жизни и достоянию жителей. Там, где власть монарха была сильнее, сфера преследования именем власти была шире.

После объединения Королевства Статуты Казимира Великого больше всего внимания (около $\frac{2}{3}$ статей) уделили уголовному праву. Это указывает на важность, какую укрепление правопорядка имело для объединенного Королевства.

Преследование именем власти и наказание за преступления, угрожающие общественной безопасности, осуществлялись в рамках института «мира». Поборником

мира, охраняющим спокойствие на территории, находящейся в его власти, был князь (король), почему «мир» называли также «панской рукой».

В случае нарушения мира преступным действием помимо наказания частного (штраф за убийство, денежное возмещение) следовало наказание публичное (именем монарха), а также — иногда особое — судебное взыскание в пользу суда. Так, в случае убийства виновный платил одновременно три штрафа: головничество, государственный штраф («семьдесят») и судебный штраф («пятнадцать»).

Мир мог быть: а) *местный*, т. е. обнимающий известные «места», как, например, дороги (особенно проезжие), торги, границы земельных владений, дома; б) *личный*, т. е. охватывающий определенную категорию лиц, женщин, евреев; в) *смешанный*, к которому относили привилегию архиепископа, включающую одновременно его особу и место его пребывания, а также судебный мир, защищающий место пребывания суда, судью и судебных исполнителей. За убийство на тракте, как устанавливала Польская правда, виновник кроме штрафа за убийство присуждался к выплате штрафа в пятьдесят гривен — за нарушение мира. Мир, обнимавший сельские дороги, был рангом ниже.

Причинная связь и вина. Старинный закон карал во всех тех случаях, когда факт преступления мог быть связан с личностью виновника преступления, не вникая в то, было ли преступление умышленным, неумышленным или оно произошло случайно. Если кто-нибудь падал с дерева и умирал, ответственным за это был собственник дерева. Тот, кто вытащит из воды утопленника без позволения судьи, говорится в Польской правде, обязан заплатить штраф за убийство.

Со временем, однако, польское право осваивало понятия причинной связи и вины, формулируя их не общим образом, а казуально, т. е. не формулировало самый принцип, как это делается теперь, но только уточняло конкретные случаи, для оценки которых применялись понятия причинной связи и вины. В XIII веке случайное убийство наказывается уже значительно мягче, в то время как злой умысел был отягчающим вину обстоятельством. Статуты Казимира Великого уже отличают умышленную вину от неумышленной. Статуты отличали умышленный поджог, виновник которого проявил «грех

жестокости». Неумышленную вину признавали как при ранениях, так и в случаях убийства. Неумышленное ранение на пиру обязывало к уплате частного штрафа, но не влекло за собой государственного наказания.

Случай, исключаящие ответственность. К ним относились:

а) *початек*. Статуты Казимира Великого предусматривали, что ранение было ненаказуемо в случае, если имел место так называемый початек. Практика расширила это понятие и на случаи убийства. Початек — это словесный вызов или вызов действием, направленный определенному лицу, кому-нибудь из его близких или от него зависимых. Початек исключал наказание за действия, направленные против обидчика. Правовая конструкция початка была шире, нежели конструкция необходимой обороны, так как требуемого последней равновесия между угрозой и средствами защиты могло не быть. Достаточно было доказать, что пострадавший пал жертвой своего собственного почина — початка, и что отпор последовал немедленно за атакой. Початек гарантировал шляхтичу широкие возможности для обороны жизни, здоровья и чести для него самого, для его близких против всех и всяких покушений;

б) *возмездие* (мщение), осуществленное в предписанных формах, исключало наказуемость деяния (в том числе убийство);

в) *осуществление кредитором его правомочий по договору* за счет личных прав должника, его жизни, здоровья, чести не было караемо, поскольку являлось реализацией договора;

г) *не считалось преступлением* и не подлежало наказанию *убийство вора*, захваченного ночью на поле за кражей зерна. Общественное значение этого предписания, охраняющего собственность, очевидно.

Виды преступлений. В зависимости от значимости, а также от компетенции разбирающего их суда уголовные преступления делились на дела большие (*causae maiores*) и дела меньшие (*causae minores*). Это деление, впрочем, относилось не только к уголовным делам, но и к гражданским.

Преступления, преследуемые властью. Тягчайшими среди них были:

а) деяния, направленные против князя (короля), в особенности покушение на его власть и жизнь. В конце

XIII века для этой категории преступлений воспринимается из римско-канонического права конструкция преступления против величества (*crimen laesae maiestatis*);

б) измена, особыми формами которой были: передача земли неприятелю или ввод врага в страну. С понятием измены связывался также бунт против князя. Эти преступления, как угрожающие общегосударственным интересам, преследовались властью;

в) преступления против господствующей религии, к которым относилась ересь, известная уже в первой половине XIV века;

г) преступления против государственной казны. Статуты Казимира Великого относили к преступлениям против казны незаконное истребование соли из королевских копей, захват чиновниками части доходов, принадлежащих казне, использование в обороте иностранной монеты (после эдикта о принудительном введении отечественной монеты), фальшивомонетничество;

д) преступления против власти и суда. Прежде всего неуважение к королевской власти, проявляющееся в обнажении меча в присутствии короля или, что квалифицировалось как вариант этого преступления, в нанесении ран кому-нибудь в присутствии короля или его наместника — старосты. Такие же действия, произведенные перед судом, точно так же подлежали наказанию. Особым преступлением признавалось неисполнение приговора, уход из суда без удовлетворения пострадавшей стороны, без оплаты штрафов или представления поручителя. Тягчайшим должностным преступлением, по Статутам Казимира Великого, считалось вымогательство взятки судебными чиновниками, которые принуждали невинных людей к откупу от вызова в суд. Как уже отмечалось, профессиональный грабеж и кражи, как угрожающие безопасности общества, относились к преступлениям, преследуемым государственной властью.

Преступления по частному обвинению. К преступлениям, преследуемым на основании частной жалобы, относились главным образом:

а) убийство. В XIV—XV вв. убийство шляхтича помимо головничества, т. е. штрафа, уплачиваемого семье убитого, влекло за собой и государственное наказание. Статуты Казимира Великого знают следующие виды убийства: убийство родственника, убийство шляхтича

в его доме, за что соучастники отвечали наравне с основным виновником.

Помимо убийства наказывали штрафом в пользу пострадавшего за:

б) членовредительство. Право отличало в данном случае ранение и искалечение, которое в свою очередь делилось на отделение части тела и охромение. При ранении различали кровавые раны и синяки. К ранениям относили и избиения;

в) оскорбление чести. Особую группу частных преступлений составляли преступления против чести. С формированием понятия шляхетской чести оскорбление достоинства сделалось тяжким преступлением. Оскорблением чести было унижение бранными словами или клеветой. Если обвинение не доказывалось, клеветник подвергался наказанию, обычно такому же, какое полагалось за инкриминируемое преступление. Здесь мы имеем дело с талионом, использованным в целях охраны шляхетской чести;

г) насилия. К этой группе деяний относили различные фактические обстоятельства, общей чертой которых было применение физического принуждения. Отличали: 1) насилие над личностью и 2) произвол по отношению к чужому имуществу. К насилиям над личностью относились узурпация чьей-то свободы, похищение или изнасилование женщины. По Польской правде преступления эти наказывались штрафом в 50 гривен в пользу судьи и возмещением ущерба потерпевшей. Столь высокий штраф охранял женщин рыцарского сословия, в то же время за изнасилование крестьянки, происшедшее в поле или в лесу, платился штраф в размере шести марок. Штраф был еще меньшим, если «дочь кого-либо» оказывалась одна в поле или в лесу, «куда ходить ей не подобает». В этих случаях насильник платил самый мелкий штраф, именуемый «триста».

Большую группу преступлений составляли действия, посягающие на чужое имущество, в частности кража. Как кража воспринимался тайный увод чужого раба или крепостного:

д) сурово караемым, особым родом принуждения был поджог, который зачастую был формой мужицкой мести за панский гнет.

В случаях, когда в совершении преступления участвовало несколько человек, все соучастники были одина-

ково ответственны. Так, в случае убийства каждый из соучастников платил полный штраф, полагающийся за это преступление. Подстрекательство к убийству либо содействие преступлению, нарушающему безопасность жизни и имущества, трактовались как отдельное преступление. В Польской правде читаем: «Кто из одной земли в другую или из одного ополья в другое приведет человека, который кого-либо ограбит, или совершит у кого-либо поджог, или убьет его, или учинит над ним какое-либо насилие; за это платит семьдесят марок тот, кто его туда привел» (XII, 2).

Индивидуальная и коллективная ответственность. Уголовная ответственность в подавляющем большинстве случаев была индивидуальной. В XII—XIII вв. расплачивался жизнью или телесными наказаниями сам преступник. Зато денежные штрафы и конфискация имущества обрушивались на семью осужденного, связанную с ним нераздельным имуществом.

Коллективная ответственность (круговая порука), т. е. ответственность лиц, которые не участвовали в преступлении, но которых закон считал ответственными за содеянное, ограничивалась:

а) кругом тягчайших преступлений, вызывавших обостренную уголовную репрессию, не лишенную элементов мести. Высылкой, а иногда и смертью наказывали членов семьи преступника за преступления против князя;

б) случаями, когда альтернативная круговая ответственность выступала как средство давления, направленное на выявление преступника. Так, если был найден труп на территории ополья и виновник был неизвестен, отвечало сообща ополье, за исключением случаев, когда оно называло действительного виновника. Коллективная ответственность ополья и деревни исчезала по мере распространения иммунитетов.

Статуты Казимира Великого сформулировали принцип, по которому отец не отвечал за сына и сын за отца. Индивидуализация ответственности проявилась и в том, что в случае группового совершения убийства истец адресовал обвинение одному из виновных; остальные получали возможность оправдания с помощью соприсяжников. Только в случае убийства шляхтича в его собственном доме все участники нападения отвечали в одинаковой мере. Другим исключением была ограниченная уголовная ответственность слуг. Так, за вред,

причиненный дворовым отроком, отвечал его хозяин. Пан отвечал за ранения, нанесенные его собственными слугами в стычке с хозяйским врагом, поскольку считалось, что они действуют по наущению хозяина.

Несмотря на подчеркнута индивидуальный характер ответственности, отдельные элементы коллективной ответственности продолжали удерживаться. Велюньский эдикт (1424) распространял бесчестье, падавшее на «еретика», также и на все его потомство.

Б. Наказания

Мечь, возмездие, покура. Убийство рыцаря-шляхтича влекло за собой состояние кровной «вражды» между семьями убитого и убийцы, право на возмездие. Санкционируя кровную мечь, право стремилось к его ограничению. Мазовецкий статут ограничил круг лиц, которым можно было отомстить, самим убийцей и установил 20-летний срок, после которого кровная мечь возбуждалась. В Короне, чтобы прекратить кровную мечь, прибегали к угрозе заклада.

Ограничением возмездия была установившаяся с XV века обязанность ее формального объявления. Это называлось отповедью. Сторона, решившаяся на мечь, должна была публично в присутствии властей «объявить убийцу» в момент погребения жертвы или в течение шести недель после похорон. Отповедь должна была быть вписана в судебные книги и трижды оглашена приказным на рынке. Запрещалось мстить убийце, который хотел предстать перед судом и, стало быть, не уклонялся от ответственности.

Ограничивая кровную мечь, государственная власть способствовала всем формам полюбовного решения спора в случае убийства, в особенности примирению. Чтобы достигнуть примирения, виновный должен был заплатить головничество и совершить обряд покуры. Феодалный характер покуры проявлялся в том, что она была осуществима только между равными в иерархии. В случае убийства солтысом шляхтича покура не могла служить примирению. Осуществлялась покура следующим образом: убийца, окруженный родней и друзьями, обнаженный до пояса, с мечом, наполовину вынутым из ножен, приближался к родственникам убитого и просил прощения.

Основы определения меры наказания. Считалось, что наказание должно соответствовать преступлению. В древнейшем праве выражением этого соответствия был талион, сущность которого выражается формулой: «око за око, зуб за зуб». В старинном польском праве наказания, прямо опирающиеся на принцип талиона, были редки, но символический талион был хорошо известен. Болеслав Храбрый приказывал выбивать виновным зубы за нарушение поста, а за прелюбодеяние лишать половых органов.

В феодальном обществе жизнь, здоровье, достояние привилегированных лиц были под особой охраной закона. Это находило выражение в дифференциации штрафа за убийство и денежного возмещения — в зависимости от сословной принадлежности убитого или раненого. Особая охрана шляхты от покушений со стороны лиц низших сословий находила выражение в применении по отношению к мещанству и крестьянам, которые убили шляхтича, обязательной смертной казни, без права замены ее денежным штрафом.

Отягчающим обстоятельством был рецидив. Рецидивистами назывались обычно лица, троекратно осужденные за кражу или грабеж. Поимка на месте преступления или с поличным вела к усилению наказания, что находило выражение в применении смертной казни или членовредительства.

За каждое отдельное преступление назначалось особое наказание. При нанесении нескольких ран одному и тому же лицу виновный приговаривался к такому количеству денежных возмещений и штрафов, какое количество ран он нанес. Сумма эта могла превышать штраф за убийство. В Мазовецком праве особое наказание полагалось за каждую данную в ссоре пощечину.

Виды наказаний. Среди карательных мер наибольшее значение имели кровавые наказания, к которым относились смертная казнь, членовредительство и наказания денежные. Кроме того, существовали еще наказания лишением свободы, изгнанием, опалой, конфискацией имущества или умалением чести.

а) Смертная казнь. Наивдвнейшей формой смертной казни было забрасывание преступника камнями, что совершалось всем народом. Наказание это датируется, скорее всего, тем временем, когда еще не оформились

органы власти, выделенные из общества, и не существовало специального исполнителя смертных приговоров — палача. Смертная казнь могла быть обычной (отрубание головы, повешение) или квалифицированной. Эта последняя связывалась с особыми истязаниями. Квалифицированной смертной казни через отрезание членов тела был подвергнут по приказу Болеслава Смелого краковский епископ Станислав. За сдачу города неприятелю согласно старинному праву грозило распятие. Известны были также четвертования и сожжения живьем. С половины XIII века появилось воспринятое из немецкой практики колесование.

б) Особенной карательной мерой была проскрипция, называемая еще выволанием — выкрикиванием, поскольку оно связывалось с публичным оглашением приговора. Выволание влекло за собой гражданскую смерть лица, подвергнутого проскрипции. Приговоренный переставал существовать для закона как личность: его состояние конфисковывалось, жена его могла вновь выйти замуж, а его самого, лишенного права охраны, в случае поимки надлежало убить.

в) Лишение свободы и изгнание, известные в XI—XIII вв., применялись поначалу взамен смертной казни. Лишение свободы заключалось в том, что осужденного отдавали в рабство или продавали в чужую землю. Применительно к рыцарству практиковалось изгнание. Самовольное возвращение из изгнания могло привести к смертной казни.

г) Конфискация имущества первоначально сопровождала смертной казни или проскрипции. Она была одним из наиболее ощутимых наказаний, потому что лишением имущества перечеркивалась привилегированная социальная позиция бывшего собственника и его семьи. Конфискация была очень выгодна князю, поэтому, начиная с XIII века, она выступает уже и как самостоятельное наказание. При конфискации недвижимости чиновники, осуществляющие ее, грабили движимое имущество осужденного. Поэтому конфискацию еще в XV веке окрестили грабежом (обдиранием).

д) Наказания членовредительные. К калечащим наказаниям относились отрезание уха (за кражу во дворе короля или шляхтича), руки, наконец, клеймение. Практиковалось вырывание языка (в качестве символического талиона) и отрезание носа.

е) Денежные наказания. В XII—XIII столетиях все большее значение приобретали денежные наказания. Установление постоянных денежных наказаний за определенное преступление первоначально имело характер откупа от смертной казни или членовредительства. Наказания назначались в серебряных гривнах, отсюда, как правило, «гривна» отождествляется в польском языке со штрафом. Денежные наказания делились на публичные, которые брал себе князь или судья, а в имениях, которые обладали иммунитетом, их господин, и частные наказания, называемые платежом (płatem).

Наказания кровью обладали постоянным эквивалентом в сфере денежных наказаний, что позволяло суду заменять штрафом и смертную казнь, и членовредительство. «Генриковская книга» свидетельствует: когда четверо братьев, судимые за ограбление, были побеждены в судебном поединке (ордали), то «по польскому обычаю они должны были либо князю шею подставить, или же по воле князя откупиться».

Композиционная система наказаний создавала привилегированную ситуацию для богатых, в то время как не имевшие возможности откупиться отвечали шеей или телом.

Наивысшее денежное наказание называлось «семьдесят», или «немилостивое». В Мазовии ему соответствовала «пятьдесят». Далее шли наказания пятнадцатью и двадцатью гривнами. Все они были большими наказаниями. К малым наказаниям относились: наказание шестью гривнами и самая низшая кара, именуемая «триста». Эта последняя, воспринятая в XI веке от чехов и исчисляемая первоначально в денариях, была самым древним денежным наказанием, но в XIII веке обесценилась.

Вскоре же после их установления денежные взыскания оказались слишком высокими по отношению к платежеспособности населения. В интересах князя и своих собственных, как свидетельствует Польская правда, судья мог проявить снисхождение к провинившемуся и назначить ему пеню по своему усмотрению — «если его об этом просят». Уже в XIII веке денежное наказание составляло $\frac{1}{3}$ номинальной стоимости, выказывая тенденцию к дальнейшему сокращению.

Частные денежные наказания (платежи) получал потерпевший, а головничество семья убитого. Платежи

были формой санкции, в которой выступали одновременно элементы наказания и возмещения ущерба. От возмещения ущерба частное наказание отличалось тем, что его стоимость устанавливалась на основании обычая, а не зависела от оценки конкретного ущерба. Наиболее распространенным было головничество, а также возмещение ущерба при членовредительстве, ранениях или побоях. Сословный характер денежных уплат проявлялся не только в величине штрафов, больших за шляхтича и меньших за крестьянина, но и в том, что часть штрафа за убийство зависимых крестьян забирал себе господин под предлогом возмещения понесенного им убытка. Малопольский статут устанавливал головничество за убийство шляхтича в сумме 60 гривен, за убийство влодыки платили 30 гривен, за крестьянина — хлопа — 10 гривен (в том числе 6 в пользу семьи, а 4 в пользу каштеляна или пана). Более консервативный Великопольский статут знал два размера головничества: 30 гривен за шляхтича и 6 за крестьянина (по три гривны семье убитого и его господину). В случае убийства лица, не имеющего семьи, или чужеземца, головничество получал староста.

Подобным же образом дифференцировалось в зависимости от сословной принадлежности возмещение и всякого другого ущерба. Отсечение членов тела (руки, ноги, носа), делавшее пострадавшего калеккой, каралось половиной головничества.

ж) Усиление наказаний за счет жизни и тела. В городах и деревнях, основанных на немецком праве, уголовное право, имевшее своим источником «Саксонское зеркало», опиралось в сущности на систему наказаний жизнью и телом. Королевская власть в борьбе против феодальной раздробленности усиливала репрессии и в земском праве. Во времена Казимира Великого суды нередко приговаривали подсудимых к смертной казни и членовредительству. Смертью карали, как правило, грабителей и профессиональных воров. Смертной казнью (чаще сожжением) карали и еретиков. Ею же карались лица, расхищавшие государственную казну.

з) Наказание бесчестием. Бесчестящие наказания применялись по отношению к шляхте. Важнейшим и наиболее унижительным из них было лишение чести (инфамия). Между инфамией и проскрипцией, о которой говорилось выше, была существенная разница. Ин-

фамируемый лишался чести, но не всяких других своих сословных прав. Он не мог занимать государственной должности, исполнять обязанности, требующие общественного доверия, и т. д.

К бесчестящим наказаниям относилось и опровержение хулы. За оскорбительный навет, будто какой-нибудь шляхтич является сыном распутной женщины или что его мать распутница, следовало — по Малопольскому статуту — либо уплатить головничество, либо опровергнуть хулу словами: «то, что я говорил, я солгал как пес». Опровержение это хулитель должен был произнести, забравшись под скамью, и пролаять его «собачьим голосом».

Церковные наказания. Наряду с публичными и частными наказаниями, к которым приговаривали государственные суды, существовали также церковные наказания, назначаемые духовными судами. Тяжелейшей церковной карой было отлучение от церкви, т. е. исключение из христианской общности. Следующим церковным наказанием был местный интердикт, т. е. запрещение богослужений, исповеди и религиозных погребений на территории действия интердикта (волость, город и т. д.). Отлучение от церкви и интердикт были одновременно средствами давления, призванными склонить непокорных к подчинению духовной власти и исполнению оговоренного ею покаяния. Покаяние было наиболее распространенным церковным наказанием. Отличали торжественное покаяние, публичное и частное. По Вроцлавскому синодальному статуту 1248 года торжественное покаяние заключалось в том, что кающегося привязывали к лестнице и выставляли на публичное обозрение (прототип позорного столба). Затем оно было несколько смягчено: во время богослужения кающийся лежал, распростершись под распятием.

III. СУДОПРОИЗВОДСТВО

А. Развитие и характеристика процесса

Арбитражное судопроизводство. Оно опиралось на принцип, согласно которому князь или король не были связаны общей практикой судопроизводства. Они выносили приговор на основании известия о преступлении или результатов предварительного следствия и

приказывали его исполнить, лишая осужденного права на защиту. Наказание, его характер и степень зависели в каждом случае от воли монарха, поэтому его и воспринимали как месть и гнев монарха. Арбитражное судопроизводство, касавшееся в первую очередь преступлений против самого князя, короля и его интересов, отождествлявшихся с интересами государства, не импонировало магнатам и рыцарям, требовавшим нормальной судебной процедуры, предоставляющей обвиняемому право на защиту.

Основы обвинительного процесса. В XIII веке развился обвинительный процесс. Как вытекает из названия, он мог быть возбужден только на основании жалобы истца. Протекал процесс в форме спора, который стороны вели в присутствии суда (контрадикторное судопроизводство). Обвинительный процесс был устным или гласным. Не было существенной разницы между судопроизводством в гражданских и уголовных делах, хотя в уголовном судопроизводстве и имелись определенные отличия. Статуты Казимира Великого, как и более поздняя практика, сохранили принципиальное единство гражданского и уголовного процесса.

Характерной чертой средневекового обвинительного процесса был формализм. Он проявлялся в соблюдении предписанных форм на каждой данной стадии судебного процесса, в свою очередь связанных с употреблением определенных символов, жестов, словесных формул, игравших важную роль. Таким формализованным актом была присяга. Присягающий должен был воспроизвести установленные обычаем жесты и четко произнести предписанную для данного случая присягу; каждое изменение текста присяги или даже ее нечеткое произнесение вели к тому, что она становилась недействительной. Столь же формальным актом было предъявление иска. Всякое нарушение формы приводило к нежелательным для соответствующей стороны результатам. Но формализм в польском процессе был выражен все же менее ярко, нежели в средневековых немецком и французском процессах. Неспособность стороны четко произнести присягу не вела, по польскому праву, к проигрышу дела; это имело место в других странах.

Характерной чертой средневекового процесса была диспозитивность. Она состояла в том, что стороны могли заранее договориться об изменении процессуаль-

ных правил и это принималось судами как должное, хотя и в пределах допустимого правом. Принцип диспозитивности способствовал уменьшению процессуального формализма, ускорению самого судопроизводства. Он облегчал введение новых принципов, которые позже санкционировались законом и становились нормой права.

Б. Подготовительное судопроизводство

Гонение следа. Возникновение инквизиционного процесса. Государственная власть, не создав еще собственных органов преследования, обязывала ополья ловить убийц, грабителей и воров. С этой обязанностью связывался институт гонения следа, известный и Русской Правде. Он заключался в обязанности ополья преследовать преступника до границ соседнего ополья, которое в свою очередь должно было вести гонение дальше. В границах ополья эта повинность тяготела над всеми деревнями. Результативность преследования преступлений гарантировала коллективная ответственность соответствующего ополья или деревни.

Иммунитетные привилегии освобождали население иммунизированных деревень от гонения следа. Когда след доходил до такой деревни, жители ее не обязаны были продолжать поиски, но должны были открыть свои дома и позволить обыск. Окончательно, в результате распространения иммунитетов, гонение следа исчезло в начале XIV века.

Усиление государственного аппарата способствовало появлению элементов инквизиционного процесса в уголовных делах, особенно в судопроизводстве оправцезюстициариев, соединивших в своих руках функции преследования, обвинения и осуждения в сфере профессиональных преступлений: разбоя и краж. Развитие инквизиционного процесса в земском праве тормозилось сопротивлением шляхты, желавшей ограничения, а затем и ликвидации должности оправца. Не сформировались также в земском праве типичные для инквизиционного процесса принципы тайности и письменности судопроизводства. Процесс в уголовных делах остался в сущности устным, письменность же играла вспомогательную роль.

Меры пресечения. Средством, предупреждающим бегство и сокрытие подозреваемого, было лишение

свободы (арест). Однако лишение свободы по тем временам не было наказанием в точном смысле, хотя продолжительное пребывание в тюрьме объективно носило такой характер. Применяемое по произволу князя-короля наказание в отношении к политическим противникам или особам, вызвавшим неудовольствие суверена, связано с заковыванием в кандалы и плохим питанием; заключение было карой весьма мучительной.

Поэтому рыцарство-шляхта выступило против лишения свободы людей, принадлежавших к привилегированным сословиям. Со временем по отношению к шляхте все чаще стали применять поручительство. Привилегии 1430—1433 гг. превратили его в основное средство предотвращения сокрытия в отношении землевладельческой шляхты. Поручитель или поручители также из земледельческой шляхты должны были обеспечить явку обвиняемого в суд в определенный момент или, если шла речь об уже осужденном,— исполнение приговора. Гарантией ручательства была недвижимость поручителя или означенная в деньгах сумма, которая поступала в доход казны, если обвиняемый в назначенный срок не предстал перед судом. Помимо того, шляхтич, уклоняющийся от суда, подлежал инфамии, а его имущество конфисковывалось.

Приостановление или прекращение преследования и наказания. Нельзя было ни осудить, ни привести в исполнение приговор в отношении лица, воспользовавшегося правом убежища. Его давал двор монарха или кафедральный костел. Убежище охраняло обвиняемого от мести до того момента, пока он не сможет доказать свою невиновность перед законом или добиться прощения у потерпевшей стороны.

В период усиления королевской власти, во времена Казимира Великого, часты были случаи конфискации имущества без приговора и одновременно усилилось арбитражное судопроизводство, при котором смертные приговоры практиковались и в отношении шляхты. Реакцией на это было воскрешение, под давлением шляхты, существовавшего с давних пор института воеводского убежища. Оно имело целью защитить от произвольного судопроизводства шляхту, и только шляхту, особенно в случаях, когда шляхтич, которому инкриминируется тягчайшее преступление, не допускался для защиты ни к королю, ни к старосте. Тогда он мог схо-

рониться под опекой воеводы, предоставлявшего убежище на четыре-восемь недель во вверенных ему землях. Если за это время обвиняемый не получает гарантий нормального судопроизводства, воевода должен был выпроводить его за пределы страны. В течение года, если изгнанник вел себя спокойно, он не подлежал наказанию, а родственники могли использовать время для того, чтобы добиться у короля или старосты нормальной судебной процедуры. В случае бесправного, т. е. без сохранения описанной выше процедуры, побега виновный подлежал наказанию лишением чести и конфискацией имущества.

Воеводское право убежища исчезло в первой половине XV века, когда шляхетские привилегии застраховали шляхту от произвола властей, когда окончательно установилось, что ее имущество не может быть конфисковано без приговора суда (1422). Затем утверждается уже известное нам *penitem captivabimus* (1430—1433).

Обстоятельством, исключаящим преследование и наказание, была амнистия или, если речь шла о конкретном случае, — помилование, входившее в прерогативы князя-короля. Королевская амнистия от 1342 года, объявленная после войны с крестоносцами, коснулась городов, перешедших на сторону Ордена. Помилование освобождало от государственного наказания, но не от частноправовой ответственности.

В. Судебное разбирательство

Стороны и их поверенные. В средневековом процессе участвовали две стороны: истец, именуемый *riege*, и ответчик, именуемый *zarierzet*. Отличали судебную правоспособность, т. е. право быть стороной в процессе, от процессуальной правоспособности, которая давала право выступать в процессе лично, а не через поверенного. Судебная правоспособность соответствовала правоспособности в гражданском праве, в то время как процессуальная правоспособность — способности к правовым действиям.

Ограничение процессуальной правоспособности связывалось с сословной принадлежностью лица. В отношении крестьян в XIV—XV вв. побеждал принцип, что они обладают процессуальной правоспособностью только в соответствующем доменальном суде. В других судах крестьянин, выступающий как истец, должен был судиться через представительство своего пана. Ограничение процессуальной правоспособности женщин проявлялось в том, что как незамужние женщины, так и замужние должны были выступать в суде через опекуна или мужа. Только вдовы могли самостоятельно являться в суд и представлять там свои интересы.

Другой характер имела отсрочка суда над детьми и подростками — до достижения ими совершеннолетия. В этих случаях срок давности не истекал. Характерная для польского процесса такая отсрочка была принята в интересах несовершеннолетних. В то же время им позволялось выступать истцами, хотя и через опекуна.

В принципе стороны были обязаны лично участвовать в процессе. С древнейших времен существовали, однако, исключения, допускавшие процессуальное представительство. Интересы соответствующей стороны защищались третьим лицом, и все его действия должны были приниматься безоговорочно. Ранее всего возникло представительство на основе закона (таким было представительство опекуна). В XIII веке сформировалось договорное процессуальное представительство, устанавливаемое письменно перед судом. В качестве поверенных, именуемых прокурорами, чаще всего использовались и духовные лица, неохотно выступавшие перед княжескими (королевскими) судами.

Компетенция суда. Компетентным судом в средневековом процессе был суд ответчика по принципу, что *actor sequitur forum rei*. Принцип этот, перешедший из канонического права, был сформулирован на феодальном вече в Плоцке в 1230 году и отвечал тогдашним отношениям, поскольку в период феодальной раздробленности и распространения иммунитетов приведение приговора в исполнение находилось в непосредственной зависимости от суда того князя или господина, которому подчинялся ответчик.

В XIV веке в интересах рыцарства-шляхты было сделано несколько исключений из этого правила. Статуты Казимира Великого исключили из юрисдикции городского и сельского суда дела о поджоге и насилии, что сделало невозможным уклонение крестьян и горожан от расправ, проводимых судом королевских чиновников. По требованию шляхты в середине XV века было установлено, что в случае ранения или убийства шляхтича мещанином обвиняемый отвечал не перед городским, а перед королевским судом, хотя и при участии заседателей из мещан (по законам данного города).

Жалоба и предъявление иска. Процесс начинался с иска, заявленного суду («жалобы»). Если ответчик в момент поступления жалобы находился почему-либо в суде, судья мог тотчас начать дело и приказать ему отвечать. Если ответчик отсутствовал, его вызывали.

Вызов в суд (*citatio*) осуществлялся поначалу устно и был делом судебного исполнителя (коморника судебного), которому судейская гротья заменяла служебное удостоверение. Привилегированной формой устного вызова в суд был вызов с перстнем или печатью монарха. С XIII века привилегированной формой вызова в суд становится позывная грамота, снабженная княжеской (потом королевской) печатью или печатью суда. По Великопольскому статуту письменная повестка о вызове в суд, относившаяся в сущности только к землевладельческой шляхте, в первой половине XV века становится обязательной. Устный вызов в суд воспринимался как ущемление шляхетской чести. Повестку вручал возный в сопровождении свидетелей в имени вызываемого.

Сроки и отсрочки. В повестке указывалась дата явки в суд, именуемая «роком». Если вызванный не являлся в суд ни в первый, ни во второй срок без оправдания, на него налагали судебный штраф, именуемый «*niestapne*», и назначали следующий срок.

Третий срок, который уже нельзя было отложить, называли прекратительный (*terminus peremptorius*). Не явившийся и в этот срок ответчик проигрывал дело. Истец, если он не являлся к первому назначенному сроку, проигрывал дело сразу.

Судебное разбирательство происходило устно и публично. Статуты Казимира Великого устанавливали, что судебные заседания должны были проходить в утренние часы. Послеобеденные заседания запрещались из опасения, что напитки и угощения, поднесенные заинтересованными лицами, могут отрицательно повлиять на ведение дела и объективность суда.

В начале слушания истец излагал требование жалобы точно по предъявленному иску. Далее по приказу судьи: отвечай! объяснял свои мотивы ответчик. Это называлось отпором. Если ответчик признавал требования истца, суд, не вдаваясь в существо дела, оглашал решение, согласное с требованиями жалобы. Если ответчик не соглашался с требованиями истца, то с его отповеди по сути дела и начиналось вступление в спор (*litis contestatio*). Если ответчик перед вступлением в спор не заявлял эксцепции, т. е. процессуального возражения, судья назначал срок для представления доказательств. Статуты Казимира Великого перечисляли основания для эксцепции, которыми ответчик мог воспользоваться. К наиболее частым ее видам относилась эксцепция давности. К эксцепции давности приближалась эксцепция *fatalia iuris*, которая возникала, если истец не начинал дела в течение года и шести месяцев.

В рассматриваемый же период развивались эксцепции, ведущие к отсрочке дела. Они были связаны с развитием сословного судопроизводства (несоответствием суда сословному состоянию ответчика или ограничением правоспособности крестьян и женщин).

После урегулирования эксцепций приступали к существу дела. Стороны сами либо через представителей устно излагали свои позиции. Состязательная форма процесса приводила к бесконечным проволочкам. По этой причине Нешавские привилегии, ограничив процессуальные права сторон, наделили суд инициативой в ведении процесса.

Весомость доводов. Польское право рано установило принцип неравноценности доказательств, облегчавший вынесение решения. Уже в XIII веке письменные доказательства (документы) были важнее свидетельских, но свидетельские были предпочтительнее клятв.

Существенное значение для оценки доказательства имело общественное положение стороны, которое с XIII века выражалось в ее сословной принадлежности. Так, Малопольский статут устанавливал, что в спорах между шляхтичем и нешляхтичем доводы шляхтича всегда весомее. Кроме того, если шляхтича привлекали к ответственности за позорящее преступление (грабеж, кража), представленные им доказательства имели большую цену, если он был известен как человек с «добрым именем». В деле о побеге преимущество было на стороне пана, ходатайствующего о возврате беглеца. При равном общественном положении и равноценности доказательств преимущество отдавали обычно ответчику.

Неравноценность доказательств была выражением распространенной в то время и много позже формальной теории доказательств. Она находила благодатную почву в тогдашней Европе, а также и в Польше потому, что суд был слишком слаб, чтобы

конфликтовать с нередко сильными сторонами. Отсюда стремление опереться на почву формальных правил, чтобы проигравший дело не имел к суду претензий. Суд, стало быть, довольствовался доказательствами, которые составляли формальную основу для вынесения решения.

Средства доказывания. Распространенными средствами доказывания были присяга стороны, единоличная или при участии соприсяжников до XIV века — ордалии или суды божьи, свидетели и документы.

а) *Присяга* была самостоятельным видом доказательства потому, что в тексте присяги заключалось краткое свидетельство, касающееся спорного дела. Для каждого случая суд устанавливал особый текст присяги. Присяга опиралась на убеждение, что клятво-преступление повлечет за собой божье наказание в земной или загробной жизни.

Текст присяги составлялся судом для каждого дела по содержанию иска. Присяга носила формальный и торжественный характер. Тексты формулировались чаще по-польски, поэтому они представляют собой ценный источник для истории польской правовой терминологии. Если присяга не была произнесена предписанным способом, равно как и нечеткость ее произнесения вели первоначально к обесцениванию доказательств. Позднейшая практика позволяла повторять присягу троекратно.

б) *Соприсяжники.* В серьезных случаях присягали с соприсяжниками, число которых (от двух до двенадцати) зависело от значения дела. Соприсяжниками могли быть лица с хорошей репутацией, а когда дело касалось шляхтича, его соприсяжниками могли быть только шляхтичи.

в) *Ордалий.* Известный многим народам и распространенный в раннем средневековье ордалий (суд божий) подробно описан в Польской правде. В Польше XI—XIII вв. были известны испытания холодной и горячей водой, судебный поединок, испытание железом. Ордалии опирались на убеждение, что бог не допустит обиды невинного; что подвергаемый испытанию выйдет из него победителем, если он невиновен. Доказательство божьим судом проводили главным образом княжеский и каштелянский суд. Некоторые жупаны получили, однако, право применения ордалий и в своих домениальных судах.

Испытание водой было двух видов: холодной или горячей. В первом случае подвергаемого испытанию бросали в реку или озеро так, что руки его были связаны под коленями, а между руками и коленями была вложена палка, чтоб он не смог пошевелиться. Вокруг пояса его обвязывали веревкой. Если испытуемый тонул, его вытягивали веревкой, и он выигрывал дело. Вода, как верили, будучи чистой стихией, не приняла бы виноватого. Это был наиболее гуманный вид ордалий.

Испытание горячей водой заключалось в том, что испытуемый должен был опустить руку в котел с кипящей водой и достать оттуда заранее брошенный предмет.

Судебный поединок был в Польше излюбленной и основной формой божьего суда. В XIII веке отличали шляхетские и крестьянские поединки. Рыцари сражались мечами, крестьяне дубинками. Если одной из сторон был рыцарь, а другой крестьянин, то избирался вид оружия, соответствующий сословному положению ответчика. Вызванный крестьянином рыцарь мог выставить заме-

стителя, чтобы не биться с крестьянином. Право замены принадлежало и лицам духовного звания.

Если сторона не могла участвовать в поединке, применяли испытание железом. Нужно было сделать три шага с раскаленным докрасна железом в руке или сделать три шага босыми ногами по раскаленным полосам железа, уложенным параллельно. Если подвергаемый испытанию бросал железо до времени или неправильно ступал, то проигрывал дело. Но он выигрывал его, если через три дня после лечения освященным воском не имел на руке или ноге открытой раны.

Ордалии применялись, когда у ответчика не было других доказательств. Несмотря на языческое происхождение ордалий, капелланы освящали воду и железо, читали специальные молитвы, и это невзирая на решение Вселенского собора 1215 года, запретившего ордалии.

Свидетели. По мере постепенного отступления (в позднем средневековье) от принципов формальной теории доказательств и формирования принципов материальной истины возрастала роль свидетелей.

Характер официального свидетельства имели показания (реляция) судебных возных, которые с XIV века приобретали все большее значение. Когда происходил случай, могущий стать предметом спора, заинтересованная сторона призывала возного, чтобы тот увидел все собственными глазами и соответствующие показания внес как донесение в судебную книгу.

Документ. Согласно пробывавшему себе дорогу принципу материальной истины возрастает роль документальных доказательств. В XIV веке они признавались лучшими доказательствами, чем свидетельские показания, не говоря уже о присяге.

Приговор. Приговор был первоначально устным. Со второй половины XIII века его выдавали в высших судах по требованию и за счет стороны-просителя в письменной форме. При этом его скрепляли княжеской печатью и печатями присутствующих на суде ассессоров. Низшие суды продолжали выдавать приговоры в устной форме вплоть до распространения судебных книг. В XIV веке приговоры начали вписывать в книги, а сторонам выдавали за оплату выписку из них.

Способы отмены приговоров. К ним относились:

а) *Ремиссия.* В XIV—XV вв. случалось, что в ходе процесса суд принимал решение о передаче какого-нибудь дела для его разрешения в суд высшей инстанции (на вече или в королевский). Делалось это и по требованию стороны, когда она утверждала, что подсудна только монаршему суду, что называлось ремиссией. При отсутствии апелляции стороны обыкновенно добивались ремиссии.

б) *Порицание судьбы* (нагана судьбы). Институт апелляции сформировался в польском праве только в первой

четверти XVI в. Ранее этого апелляция была известна только в каноническом и городском праве. В земском праве выступал близкий по значению институт порицания судьи (не известный в Мазовии). Он представлял в ограниченном смысле замену апелляции.

Сторона, недовольная приговором, могла предъявить судье иск в том, что он судил несправедливо, т. е. заявляла нагану. Нагану следовало заявлять сразу после оглашения приговора, в противном случае сторона утрачивала на это право. Судья, подвергшийся нагане, должен был не только воздерживаться от ведения дела, в котором ему высказано порицание, но и других, поскольку его честь судьи была поставлена под сомнение.

Из-за наганы начинался новый процесс между порицающим, как истцом, и судьей, как ответчиком. В таком процессе оценка доказательств шла на пользу судье, который защищал свою честь с помощью свидетелей, участвовавших в процессе. Чтобы ограничить право порицания судей, поскольку оно вносило дезорганизацию в деятельность судов, предписывалось, чтобы порицающий внес залог, называемый кочем. Стоимость залога зависела от социального положения судьи. В случае порицания краковского каштеляна коч давался горностоями, воевод — лисьими шкурами. Позже меха были заменены деньгами.

Основной процесс приостанавливали до окончания процесса о порицании, приговор в котором играл определяющую роль и в главном процессе. Если порицающий проигрывал дело, залог в шкурах получал судья, а вынесенный ранее приговор (по основному делу) приобретал силу. Если судья проигрывал дело, он лишался и места, и залога, а опротестованный приговор терял силу.

Г. Процедура наказания

Исполнение приговора. Первоначально оно следовало очень быстро. Его осуществляли непосредственно после приговора, если проигравший процесс не представлял поручителя. Когда проигравший, как утверждают Статуты Казимира Великого, не выполнял приговор и не давал поручителя, его связывали и отдавали там же в суде в руки выигравшего процесс. Целью персональной экзекуции было оказание давления на проигравшую сторону и принуждение ее к выполнению приговора.

Жертвами такого рода экзекуции были бедняки, не имевшие средств для удовлетворения претензий и не представившие поручителя, ответственного за исполнение приговора.

Имущественная экзекуция. Со временем персональные экзекуции заменялись имущественными, в основном за счет движимого имущества. Предметом такой экзекуции, именуемой «тягостью», были первоначально крупный скот и свиньи, а позже и другое движимое имущество. Статуты Казимира Великого свидетельствуют с достаточной красочностью о том, как в некоторых деревнях, находящихся под «тягостью», вместо шести волов забирали тридцать или сорок, после чего тут же на месте, по обычаю хищничества, их делили и поедали. Потребовалось ввести ограничения, целью которых была охрана населения и его собственности от злоупотреблений чиновников.

В том случае, когда движимого имущества оказывалось недостаточно, следовала экзекуция за счет недвижимости. Когда же не хватало и всего состояния, экзекуция обращалась против личности должника. Экзекуции осуществлялись делегированными на то судебными исполнителями.

Раздел пятый

ШЛЯХЕТСКАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

І. ФОРМА ГОСУДАРСТВА

Государственный строй шляхетской Речи Посполитой. Шляхетская Речь Посполитая (республика) представляла собой разновидность сословной монархии: наряду с монархом в осуществлении государственной власти участвовала шляхта, которая главенствовала над другими сословиями и монополизировала, за небольшими исключениями, право замещения высших духовных должностей. Своеобразие формы тогдашней польской государственности состояло в том, что эволюция сословной монархии привела к утверждению шляхетской республики с избираемым монархом во главе.

Во многих странах Европы развитие раннекапиталистического хозяйства создало предпосылки возникновения абсолютной монархии, в общем благоприятствовавшей

развитию буржуазии и ослаблявшей политическое значение феодальной аристократии. В польской шляхетской республике соотношение общественных сил и политический строй развивались, напротив, в направлении заострения феодальных отношений. В результате вместо усиления власти монарха происходила ее постепенная эрозия, так как отсутствовали общественные силы, на которые монархия могла бы опереться. Такой силой не являлись города, которые не смогли ни сплотиться, ни образовать такого центра, каким для Англии был Лондон. Отсутствовала после окончания Тринадцатилетней войны с Орденом (1466) также и внешняя угроза, которая могла бы вынудить шляхту позаботиться о содержании постоянной армии и передать королю полномочия, связанные с обороной страны. В сложившейся обстановке шляхта видела в монархии прежде всего конкурента по эксплуатации крестьян, который через обложение налогами лишал ее части доходов.

Вначале наряду с монархом власть осуществляли как магнаты, так и средняя шляхта, а в XVII—XVIII столетиях уже только «верхушка» магнатства, которая подчинила себе часть шляхты, а остальную отстранила от участия в осуществлении власти.

Эпоха шляхетской Речи Посполитой, охватывавшая около трех с половиной столетий, не была однородной. Исключая последний период формирования конституционной монархии, мы выделяем на всем протяжении существования шляхетской Речи Посполитой два основных периода: а) *шляхетской демократии* и б) *магнатской олигархии*.

Шляхетская демократия. В своем начальном периоде (вторая половина XV в. — вторая половина XVI в.) она характеризовалась возрастанием политической активности средней шляхты, стремившейся к расширению своего участия во власти, прежде всего за счет магнатства, сначала в союзе с королем Казимиром Ягеллончиком (умер в 1492 г.), а затем и против находившегося в союзе с магнатами Сигизмунда I (1506—1548). Шляхта стремилась прежде всего к укреплению собственных позиций в политической и социальной областях. Одновременно она добивалась, и небезуспешно, устранения мещан из политической жизни и усиления крепостной зависимости крестьянства. В институциональной области это находило выражение в возрастании

значения земских сеймиков, которые во второй половине XV века во все большей степени вторгались в сферу управления, вплоть до того, что в конце столетия добились создания в составе вального сейма отдельной палаты послов («изба посольска»), составляемой из своих представителей. Конституция (этим термином назывались, как правило, законы, издаваемые вальным сеймом) 1505 года санкционировала уравнивание роли Посольской избы в отношении к олигархическому Сенату. С этого момента для принятия каждого нового закона было необходимо согласие земских послов.

С первой половины XVI века шляхта вела упорную борьбу против магнатства и тесно связанного с ним Сигизмунда I Старого. Одним из узловых моментов этой борьбы был мятеж (рокош) во время шляхетского ополчения (посполитого рушения) в 1453 году, иронически прозванного противниками «Куриной войной» («ополченцами» были съедены все куры в округе).

Второй этап шляхетской демократии — этап ее успехов — от середины до конца XVI века. Программу шляхетской партии сформулировал Яков Прилуский совокупно с проектом кодификации польского права. На форуме сейма предложения экзекуционистов-реформаторов представлял Миколай Сеницкий. Под его руководством шляхетская партия в значительной степени добилась осуществления своих требований: возвращения в казну части доменальных владений, розданных магнатам, инкорпорации Королевской Пруссии, унии с Литвой и др. Шляхте удалось упрочить свободу вероисповедания, за которую горячо ратовал крупнейший писатель польского Возрождения Анджей Фрыч Моджевский в своем произведении «Об исправлении государства» (1551). Наряду с полнотой политических прав шляхта добилась независимости от короля в области судопроизводства, создав Коронный трибунал, составленный из избираемых ею представителей.

Антимагнатские тенденции средней шляхты, хотя и проявлялись нередко в конфликтных формах, оставались противоречиями внутри одного и того же класса, не являясь непримиримыми антагонистическими противоречиями. Именно это и позволило магнатам восстановить временно утраченные преимущества.

С конца XVI — начала XVII века наметился поворот в направлении нового усиления позиций магнатов. В Речи

Посполитой, занимавшей в середине XVII века около миллиона квадратных километров и имевшей около 11 млн. населения, из которого на землях Короны проживало около 3,8 млн., польское магнатство приобрело влиятельного союзника в лице литовско-украинской олигархии. Подвергаясь культурной полонизации, связываясь родственными узами с польскими магнатами, приобретая имения в Короне, литовские, украинские и белорусские паны усиливали польское магнатство. Параллельно происходило усиление и католической церкви, начавшей наступление против реформации. Реализуя церковную унию 1596 года, католическая церковь вступила в борьбу с православной церковью, которая отстаивала религиозную, а тем самым и национальную самостоятельность, в пределах Речи Посполитой.

Магнатская олигархия. Различия между отдельными этапами шляхетской Речи Посполитой вытекали главным образом из изменений в соотношении сил в среде господствующего класса. Само по себе государственное устройство не подвергалось изменению. Оно в основе оставалось таким же как в эпоху шляхетской демократии, так и в эпоху магнатской олигархии, что позволяет рассматривать государственные и правовые учреждения той эпохи в их взаимосвязи. Вместе с тем захват магнатством всего аппарата власти существенным образом изменил характер ее деятельности и взаимоотношений составляющих ее органов. Конец периода шляхетской демократии мы относим к 1606—1607 гг., когда в движении, сложном в социальном и политическом отношениях, получившем наименование рокоша Зебжидовского, средняя шляхта повела в последний раз борьбу за ограничение влияния иезуитов в Польше, за разрыв союза короля с сенаторами, а также за пресечение попыток введения *absolutum dominium* королем Сигизмундом III Вазой (1587—1682).

Поражение рокошан явилось существенным этапом в утверждении власти магнатства. Полностью бразды правления в Речи Посполитой магнатство захватило в свои руки во второй половине XVII столетия, когда после рокоша Любомирского (1666 г.) произошло дальнейшее ослабление королевской власти, а также экономического и политического значения средней шляхты, связанного с ее разорением после тяжелых войн середины XVII века. Соперничавшие группы (фракции) магнатов

в конкурентной борьбе не раз обращались за поддержкой к шляхте. Поэтому сохранение традиционного строя шляхетской Речи Посполитой выгодно прикрывало фактическую власть магнатства. Этот строй отвечал также интересам шляхты в целом, давая ей иллюзорное чувство участия в управлении государством. Все благоприятствовало упрочению власти магнатской олигархии в условиях кризиса, затем упадка и наконец прямого разложения политического организма Речи Посполитой. Территория государства в результате потери левобережной Украины вместе с Киевом на правом берегу Днепра, части Подолии и северо-восточных земель сократилась до 773 тыс. кв. км. В этих границах Речь Посполитая удержалась до первого раздела (1772 г.). Уменьшилось и население страны. Сокращение населения произошло также из-за разорения, голода и эпидемий — последствий войн середины XVII и начала XVIII столетий.

В организации центральных органов власти магнатской олигархии произошли далеко идущие ограничения прав короля, что привело к децентрализации власти, а практически к дезорганизации государственного аппарата, заменяемого нередко частным аппаратом магнатских латифундий. Поэтому некоторые историки называют это время «повторной феодальной раздробленностью». Одновременно возрастало значение институтов, восходящих к средневековью. К ним относились: право сопротивления монарху, по-новому сформулированное в Генриковских статьях (1573 г.), право конфедераций наподобие прежних феодальных лиг, принцип единогласия в сейме и в сеймиках, базирующийся на том, что законы, так или иначе меняющие привилегии, требовали согласия всех привилегированных (*quod omnes tangit ab omnibus approbetur*). Все эти институты в условиях упадка, а затем и разложения политического строя Речи Посполитой подвергались деформации. Конфедерации перерождались в рокоши, единогласие превращалось в либерум вето и в практику срыва сеймов и сеймиков. Все это вело к анархии, а в конечном итоге — к ограничению государственного суверенитета Польши, наблюдавшемуся уже во времена саксонских королей на польском престоле. Параллельно с окостенением политического строя шел религиозный обскурантизм, а вместе с ним идеология «Золотой вольности», ретроградство

которого отчетливо выступало на фоне развития других европейских государств. В Англии буржуазная революция середины XVII века проложила дорогу конституционной монархии, в соседних с Речью Посполитой странах утверждался абсолютизм, реализующий различные реформы в области модернизации аппарата власти, системы управления страной, а также в организации армии.

II. ИНКОРПОРАЦИИ И УНИИ

Привлекательность шляхетской демократии благоприятствовала добровольным инкорпорациям, хотя иногда — как, например, в королевской Пруссии, — реализация их растягивалась во времени. Этот строй был также одним из существенных факторов, поощряющих Великое Княжество Литовское к укреплению унии с Польшей. Иной характер имела уния с Саксонией при правлении обоих саксонцев, которая не вышла за рамки персональной унии.

Королевская Пруссия. Актом инкорпорации Пруссии от 1454 года предусматривалось разделение всего государства крестоносцев на четыре воеводства (Хелминское, Поморское, Эльбингское и Кенигсбергское). В результате Тринадцатилетней войны в состав Польши была включена только часть территории Ордена — так называемая королевская Пруссия, включавшая в 1466 году три воеводства: Поморское, Хелминское и Мариенбургское, а также обособленное территориально епископское княжество — Вармию. Эти территории считались как шляхтой, так и прусскими городами соединенными с Польшей реальной унией. По существу же королевская Пруссия была инкорпорированной провинцией Польши, обладающей широкой автономией.

Обособленность Пруссии в смысле государственного устройства и ее сопротивление ликвидации такого устройства вытекали из существовавших между Пруссией и коронными землями социальных и национальных различий. Это прежде всего высокое политико-правовое положение прусских городов, а также значительная численность немецкого элемента среди рыцарства и мещанства.

Органом автономии государственного строя королевской Пруссии была Прусская Рада. В ее состав входили епископы, воеводы, каштеляны, подкоморы и представители вышеупомянутых воеводств и трех больших городов: Торуня, Эльбинга и Гданьска. Для решения важнейших вопросов, особенно налоговых, созывалось общее собрание прусских сословий. Собрание сословий состояло из двух палат: земской, в которой заседали прелаты, земские чиновники и шляхта, и городской, где заседали представители малых городов. Для принятия окончательных постановлений собирались объединенные палаты. Налоги для Пруссии, установленные на общем собрании сословий, были изъяты из компетенции польского сейма.

В начале XVI века сформировался провинциальный сейм Пруссии. Он состоял из двух палат: Рады (называемой также Сенатом) и нижней палаты, в состав которой входили:

а) послы шляхты, избираемые на воеводских сеймиках, и

б) мещанское коло или, как оно иначе называлось, гремиум малых городов.

На Люблинском сейме 1569 года, одновременно с унией Польши и Литвы, произведено было более тесное объединение королевской Пруссии с Коронай. С того момента прусские епископы, воеводы и каштеляны стали заседать в Польском сенате, а послы шляхты в весьма большом количестве — в Посольской избе. Одновременно продолжало сохраняться отдельное представительство прусских сословий, которое отныне стало именоваться — аналогично с представительством других провинций — Генеральным сеймиком (или прусским генералом). Он состоял из двух палат и являлся высшим автономным органом королевской Пруссии. Королевская Пруссия сохранила также отдельную прусскую казну и судебное Хелминское право, а с 1598 года — отдельную кодификацию — Прусскую корректуру. Должности в учреждениях Пруссии могли занимать только представители шляхты этих земель.

Мазовия и ее инкорпорация в Королевство Польское. Мазовецкий лен, раздробленный на ряд княжеств, в которых властвовали князья из династии Пястов, присоединялся к Короне по мере угасания отдельных ветвей мазовецких княжеских фамилий. Этот процесс, происходивший на протяжении XV века, завершился, когда после смерти последнего из мазовецких князей Януша II (умер в 1526 г.) десять управляемых им мазовецких земель во главе с Варшавской вошли в состав Короны. На сейме 1529 года так называемая Княжеская Мазовия была инкорпорирована Короной. В состав Сената вошли тогда мазовецкий воевода и 6 каштелянов, а в состав Избы — 20 послов (по два от каждой земли). Существовавший с конца XV века мазовецкий сейм преобразовался в генеральный сеймик. Представителем короля на территории Княжеской Мазовии был вицегеренс (наместник). Здесь вначале продолжало действовать мазовецкое право, а после 1576 года — так называемые эксцепты мазовецкие. В прошлом окраинный удел Мазовия после Люблинской унии стала центральной областью Речи Посполитой. Ее столица Варшава стала местом проведения совместных сеймов, а на рубеже XVI—XVII вв. фактической столицей государства.

Княжества Освенцимское и Заторское. Княжества Освенцимское и Заторское первоначально составляли часть Краковской земли. В конце XII века Казимир Справедливый уступил их ратиборским (силезским) князьям. С того времени эти княжества разделяли судьбу Силезии вплоть до XV века, когда были выкуплены польскими королями (Освенцимское княжество — в 1456 г., Заторское княжество — в 1494 г.). Оба княжества являлись собственностью польских королей и не входили в состав Короны. Лишь сеймы 1562—1564 гг. включили оба княжества в состав Краковского воеводства, и их шляхта была уравнена в правах со шляхтой Короны. Однако и после инкорпорации был сохранен отдельный Освенцимско-Заторский сеймик, который посылал сначала одного, а затем двух послов в сейм. Судебным правом стало введенное тогда же польское право.

Польско-Литовская уния. В 1447—1492 гг. Великое Княжество Литовское было объединено с Королевством Польским только персональной унией. После смерти

Казимира Ягеллончика в 1492 году эта связь была порвана с избранием на польский трон Яна Ольбрахта, а его брата Александра — на литовский. В 1499 году было заключено соглашение между двумя государствами о том, что в будущем поляки и литовцы будут избирать монархов по обоюдному согласию и будут оказывать друг другу взаимную помощь и советоваться между собой.

Русские успехи, особенно поражение, нанесенное в 1500 году Иваном III литовским войскам на р. Ведроше, склонили литовских панов к сближению с Польшей. В 1501 году во время «бескоролья», польским сеймом было заключено в Петркове соглашение с делегатами великого князя Александра и великокняжеской Рады об установлении реальной унии. Однако это соглашение, получившее наименование Мельникского (от места утверждения), не вошло в жизнь в связи с сопротивлением Литвы и самой династии Ягеллонов.

Союз между обоими государствами начал укрепляться только в 60-х годах XVI века. Литовские бояре получили тогда ряд привилегий, уравнивающих их в правовом отношении с польской шляхтой. В результате реформ 1564—1566 гг., закрепленных II Статутом (1566 г.), возникли повятовые сеймики (по образцу земских сеймиков в Короне), в которых принимала участие вся шляхта. Каждый поветовый сеймик посылал по два посла в сейм. В поветах были введены также земские, городские и подкоморские суды и — тоже по польскому образцу — ликвидирована привилегия магнатов судиться только великокняжеским судом. В результате реформы поветы в Литве стали представлять собой единицы административного, судебного и войскового деления одновременно. Уже ранее в Великом Княжестве вместо прежних наместничеств создавались воеводства. В каждом воеводстве назначалось по одному каштеляну. Реформы 60-х годов XVI века сблизили строй Великого Княжества с польским. Поскольку, однако, он создавался не путем эволюции, как в Короне, а явился результатом продуманных реформ, он был проще, рациональнее и последовательнее.

Польская исполнительная группировка выдвигала требование инкорпорации Великого Княжества, что встретило решительное сопротивление литовцев. Литовско-русская шляхта желала унии, опирающейся на принци-

пы равноправия, унии, в которой она видела гарантию своих свобод и предпосылку освобождения от гегемонии магнатов. В свою очередь последние вынуждены были искать опоры в Польше, чтобы удержать за собой восточные земли Великого Княжества вопреки политике Москвы, направленной на воссоединение этих земель в Русском государстве. Ускорила заключение реальной унии угроза исчезновения такого, объединяющего оба государства фактора, как династия Ягеллонов, вследствие того, что у Сигизмунда Августа не было потомства.

На совместном сейме в Люблине в 1569 году была заключена реальная уния. Сопrotивление литовских олигархов, которые на время покинули Люблин, чтобы только не допустить унии, было сломлено. На сейме были инкорпорированы в состав Короны Королевства Польского по предложению тамошней шляхты украинские земли (Волынь, Подолия и Киевщина), и на шляхту этих земель были распространены привилегии, которыми пользовалась польская шляхта, а также был введен государственный строй, но не судебное право коронных земель. В состав Короны было включено также Подляшское воеводство, в значительной мере колонизированное мелкой мазовецкой шляхтой, где уже ранее было введено польское судебное право. Под влиянием этих событий, свидетельствовавших о слабой сплоченности Великого Княжества, а прежде всего под натиском литовской шляхты, стремившейся к унии, литовские магнаты возобновили переговоры и согласились на унию.

В силу акта от 1 июля 1569 г. Великое Княжество было соединено с Королевством реальной унией. В федеративной польско-литовской Речи Посполитой с этого момента общим должен был быть монарх, избираемый на единых выборах (элекции) и коронованный одновременно королем польским и великим князем литовским. Общим становился также и сейм. В состав Посольской избы вошли от Великого Княжества Литовского послы, избранные на поветовых сеймиках, а в состав Сената — сановники, которые имели право заседать в Сенате Короны. В то же время в Великом Княжестве были сохранены центральные учреждения, а следовательно, и отдельная администрация, собственная казна и армия.

Поляки и литовцы имели право взаимно приобретать имения и переселяться, что сделало возможным наплыв польской шляхты на литовские и белорусские земли. Однако решающее значение для интеграции господствующего класса при сохранении местных различий имела культурная полонизация литовских и белорусских магнатов и шляхты, получившая после Люблинской унии быстрое распространение. Такие же процессы происходили и на инкорпорированной Польшей Украине.

Великое Княжество Литовское после Люблинской унии. Возникшая в результате унии многонациональная Речь Посполитая составляла целое вовне, тогда как внутри существовало разделение на Корону и Великое Княжество. Войны после 1569 года велись сообща, общей была и дипломатия.

Принимаемые после 1569 года на совместных сеймах конституции постепенно сближали государственный строй Литвы с государственным строем Короны, но сохранялся и ряд отличий. Так, хотя сеймиковые конституции были чаще всего общими (что обычно обозначалось формулой: «распространяется на Великое Княжество Литовское»), нередко издавались и отдельные законы для Великого Княжества, в котором сохранилось отдельное судебное право (с 1588 г. им был III Литовский статут). Великое княжество имело отдельный Литовский трибунал (с 1581 г.). Перед общим сеймом литовские послы и сенаторы собирались на Генеральный сеймик Великого Княжества (в Волковыске, а затем в Слониме), на котором согласовывали позиции. Если возникала срочная надобность или же не собирался общий сейм, то созывался генеральный литовский съезд, иначе называемый Вильнюсской (Виленской) конвокацией. На него съезжались послы, избранные на сеймиках, сенаторы Великого Княжества и другие урядники. Вильнюсская конвокация — реликт сейма Великого Княжества, — несмотря на то что она противоречила постановлениям Люблинской унии, сохранялась как чрезвычайный орган вплоть до рубежа XVII—XVIII вв.

Уния Речи Посполитой с Саксонией. Восшествие на польский трон Августа II из династии Веттинов, после которого польский трон перешел в результате элекции к его сыну Августу III, имело своим результатом то, что в 1697—1763 гг. между Речью Посполитой и Саксонией создавалась личная уния. Саксонские короли,

особенно Август II, стремились преобразовать ее в реальную. Более тесному объединению обеих стран препятствовало, в частности, отсутствие общей границы.

Август II ввел в Польшу в начале своего царствования саксонские войска, которые находились здесь с небольшими перерывами до 1717 года. Эти войска должны были способствовать упрочению монаршей власти в Польше в соответствии с саксонскими образцами. Внешняя политика Польши также находилась в руках саксонских министров. Поведение саксонцев в Короне и Литве нередко приобретало черты оккупации. Поэтому сейм 1717 года потребовал от короля вывести саксонские войска из страны, а также постановил, что при короле в Варшаве могут находиться не более шести чиновников-саксонцев. Планы введения абсолютизма, весьма непопулярные, потерпели крах. В конце концов уния с Саксонией способствовала углублению кризиса Речи Посполитой.

III. ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ИСТОЧНИКИ ПОЗНАНИЯ ПРАВА

Конституции и лауды. В эпоху шляхетской Речи Посполитой обычное право продолжало еще играть существенную роль в области частноправовых отношений. Однако уже в эту эпоху выдвигается на первое место право писаное, установленное властью. Основным источником права с конца XV столетия стали нормы, утвержденные сеймом, называемые, как уже говорилось, конституцией. Различались конституции вечные, действие которых не было ограничено временем, и конституции временные, которые должны были действовать на протяжении определенного, заранее установленного срока. Основные нормы государственного строя считались неизменными. Такой характер придавался прежде всего Генриковским статьям (1573 г.), объединенным после элекции 1632 года в один правовой акт с пактами конвентами. Они были причислены к кардинальным (основным) правовым нормам шляхетской Речи Посполитой.

С конца XVI века утвердился принцип, что постановления сеймов принимались как целое. Конституции издавались от имени короля. С 1543 года сеймовые конституции составлялись и печатались на польском языке и рассылались в отдельные земли, что являлось формой их публикации. Во второй половине XVII века участвовавшие срывы сеймов привели к застою в законодательстве.

Наряду с сеймовыми конституциями король издавал эдикты, войсковые артикулы, ординации (горные и др.).

Кодификационное движение. Источники польского права не были объединены одной системой. Важнейшие из законов (статуты и конституции) были напечатаны в так называемом Сборнике Лаского, изданном по инициативе Радомского сейма (1505 г.). Редактировал сборник коронный канцлер Ян Лаский. Сборник этот стал считаться затем фундаментальным сводом польского права.

Вскоре в связи с исполнительным движением средней шляхты стали стремиться к унификации и систематизации всего действующего права. На Быдгощском сейме в 1520 году была избрана кодификационная комиссия, которая подготовила проект кодификации судопроизводства, названный *Formula processus* (1523 г.) Он был принят сначала в Малой Польше, а со временем — всей Короной. Это был единственный кодифицированный раздел судебного права в Польше того времени.

В результате дальнейших кодификационных работ в 1532 году был опубликован проект, известный под названием «*Correctura iurium*», именовавшийся также *Корректура Ташицкого* (Николай Ташицкий был упомянут как глава комиссии, составившей проект). Проект, состоявший из 928 статей, охватывал всю структуру судов, процессуальное, уголовное и гражданское право, право словий, а также формулы правовых действий. Однако он был отвергнут Сеймом (1534 г.), так как не содержал положений по реализации исполнительной программы.

Кодификация польского права так и не была осуществлена, т. е. наиболее влиятельным магнатским группировкам и церкви было выгодно существовавшее положение, нежели кодификация, проведенная в интересах средней шляхты.

В первой половине XVIII века было начато важное издание польских законов и конституций, предпринятое Юзефом А. Залуским и Станиславом Конарским, известное под названием «*Volutina legum*». Оно должно было включить в себя все законодательство Речи Посполитой. В 1732—1739 гг. вышло в свет шесть томов этого издания, в которые вошли законы от XIV века до 1736 года. Издание было продолжено и в дальнейшем.

Городское право. К XVI веку относится также оживление в области разработки городского права. Самую большую роль сыграл в этом деле писавший по-польски Бартоломей Гроицкий, который в 1556 году издал «Статьи Магдебургского права», а вслед за этим пять книг, касающихся различных разделов городского права; они выдержали несколько изданий. Изданные на польском языке и к тому же отличавшиеся полнотой, труды Гроицкого пользовались таким авторитетом, что на их основе выносились приговоры в городских и сельских судах. На них смотрели как на официальную интерпретацию Магдебургского права.

Среди источников сельского права особого внимания заслуживают сельские законы. Их называли также вилькерами, реже ординациями. Они содержали нормы,

определявшие внутреннюю жизнь деревни, повинности крестьян, организацию власти и суда, касались также гражданского права, уголовного и процессуального. В XVII—XVIII вв. законодательная деятельность помещиков нормировала подробно домениальные отношения. Сельские законы могли изменять положения Магдебургского, Хелминского, Средского и обычного права в соответствии с волей помещика, обладавшего всей полнотой законодательной власти в своих имениях. Сельские законы были распространены в королевской Пруссии и в Великой Польше. К самым обширным относится «Ординация в имениях Згежа и Ратаях», изданная городом Познань в 1773 году для принадлежащих ему деревень. Законы, издаваемые магнатами в отдельных латифундиях, охватывали иногда не только деревни, но и частные города.

Право Мазовецкое, Прусское и Литовское. Мазовецкое право, отличающееся во многих деталях от Коронного, развивалось в условиях длившейся вплоть до 1526 года обособленности княжеской Мазовии. Наряду с обычным Мазовия имела также собственное писаное право в виде княжеских статутов. Мазовецкое право было кодифицировано только после инкорпорации Мазовии (1529 г.), что имело целью сохранение ее обособленности в новых политических условиях. Проведенная комиссией под председательством Петра Горынского и утвержденная королем в 1540 году, эта кодификация, именуемая Сводом Горынского, действовала на протяжении более четверти века. В результате происшедшей ассимиляции в области государственного устройства и права мазовецкая шляхта составила в 1576 году декларацию о принятии коронного права, оговорив для себя сохранение отдельных правовых норм. Включавшие 46 статей, известных как Мазовецкие экцепты (утвержденные в 1577 г.), они действовали до падения шляхетской Речи Посполитой.

Особое право шляхты Королевской Пруссии было кодифицировано коронным сеймом в конце XVI столетия. Эта кодификация была известна под наименованием Корректур прусской (1598 г.). Она была насыщена элементами римского права, которое посредством так называемого ученого права (т. е. права, развиваемого доктриной) распространялось и на территории королевской Пруссии.

Великое Княжество Литовское, охватывавшее наряду с собственно Литвой и Жмудью обширные белорусские и украинские территории, вырабатывало собственную правовую систему, объединявшую обычно право с положениями древнерусского права. Союз с Польшей способствовал постепенному сближению права Великого Княжества с польским земским правом, особенно в том, что касается положения шляхты. Стремление к кодификации встречало в Литве, стремившейся к сохранению политико-правовой обособленности, более благоприятные условия, чем в Польше. Следствием этого явилось возникновение в XVI веке последовательно трех

кодификаций в виде Литовских статуты: I (в 1529 г.), II (в 1566 г.) и III (в 1588 г.). Они были составлены на старом белорусском языке — официальном языке Великого Княжества, вплоть до конца XVII века. Кроме Великого Княжества литовское право действовало также в воеводствах Волынском, Брацлавском и Киевском в редакции II Статута, действовавшего там в момент включения этих земель в состав Короны (1569 г.). III Статутом пользовались и в Короне (в польском переводе) благодаря его ясному языку и высоким юридическим достоинствам как вспомогательным правом.

IV. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОИ

Сословный строй в шляхетской Речи Посполитой обнаруживал тенденцию к расширению прав и привилегий шляхты и одновременно к ухудшению положения непривилегированных сословий — мещан и особенно крестьян. Среди общественных преобразований, происходивших внутри шляхетского сословия, наибольшее значение имело возрастание влияния магнатов в XVII веке, определившее социальный состав правящей элиты, а также влиявшее существенным образом на функционирование государственных органов.

Социальные и политические изменения вытекали из преобразований в экономике. Принципиальное значение для конца XV — начала XVI века имело развитие шляхетского фольварка, а для двух последующих столетий — рост магнатских латифундий.

A. Шляхта и магнаты. Фольварк и латифундия

XVI век был периодом быстрого развития шляхетских фольварков, производящих товары для потребностей рынка. Это был шляхетский крепостнический фольварк, в хозяйственном отношении обособленное пространство земли, составляющее собственное хозяйство помещика и обрабатываемое для него непосредственно крепостными крестьянами. Фольварк являлся лишь частью помещичьих угодий, так как в их состав входили также деревни, населенные крепостными людьми, хозяйства, которые были составной частью владений помещика-феодала.

В основе возрастания значения магнатства было развитие магнатских латифундий, особенно на присоединенных к Короне украинских землях, но также и на землях собственно польских. Именно латифундии в XVII—XVIII вв. определяли характер общественной и

экономической жизни Речи Посполитой. Охватывая ряд фольварков и деревень, а также частные города, они представляли собой обширные комплексы.

В результате все усиливавшегося закрепощения крестьян в первой половине XVI века каждый шляхтич получил всю полноту домениальной власти над своими крепостными, имевшей характер почти государственной власти. Наиболее отчетливо она выступала в магнатских латифундиях. Крупные поместья так и называли: «государствами». Их владельцы, как известно, издавали законы для своих подданных. Хозяйственные, административные и судебные функции в латифундиях исполняла целая иерархия панских урядников, рекрутировавшихся главным образом из среды обедневшей шляхты. Их называли официалистами. Для своих урядников магнаты издавали нередко письменные и даже печатные инструкции, определяющие их деятельность по управлению имениями. Организация латифундий была довольно сложной, особенно если угоды магнатов были разбросаны по нескольким воеводствам.

Шляхта в Польше в середине XVI века насчитывала около полумиллиона человек, составляющих 8%, а в Мазовии даже около 20% всего населения. Во второй половине XVIII века общее количество шляхты составляло около 10% населения страны, что являлось самым высоким процентом в Европе. Несмотря на то что шляхетское сословие было в то время сословием замкнутым, в него проникали, достигая в XVI веке даже положения магнатов, богатые мещане (Бонеры, Фирлеи, Морштины, Шембеки) путем покупки помещичьих имений. Вступая в брак со шляхтянками, они добивались включения в шляхетскую среду.

С течением времени шляхта стала проявлять все большую исключительность, стараясь воспрепятствовать нобилитации новых элементов. С этой целью в конституцию 1578 года было включено положение, гласившее, что право нобилитации принадлежит только сейму. Исключение делалось лишь на время войны, когда король мог произвести нобилитацию за военные подвиги, но совершаемые на глазах, а значит, и под контролем посполитого рушения. Когда во второй половине XVII века число нобилитированных увеличилось, шляхта потребовала ликвидации института нобилитации вообще. В результате этого в пактах-конвентах (1669 г.)

явился на свет скортабелат — институт неполного шляхетства: нобилитированные не имели вплоть до третьего поколения права занимать государственные должности и избираться депутатами сеймов и сеймиков. Ограничения по отношению к новой шляхте были характерны для периода упадка феодализма, когда господствующее сословие любой ценой защищало исключительность своих привилегий.

От нобилитации следует отличать так называемый индигенат, в данном случае предоставление иностранному дворянину польского шляхетства. Предоставление индигената королем совершалось на сейме, т. е. под контролем последнего. В 1641 году было принято постановление, гласившее, что индигенат принадлежит только сейму.

Потеря шляхетства происходила через постановление суда о лишении шляхетского достоинства, а также в случае, когда шляхтич вынуждался к занятию городскими профессиями — ремеслом или торговлей.

Шляхетское равенство на практике. С XVI века шляхетское равенство акцептировалось как основной принцип, целью которого было недопущение правового обо-собления магнатов от остальной шляхты. Особенно старались противодействовать употреблению родовых титулов. Княжеские титулы признавались, когда речь шла о семьях князей, гедиминовичах и рюриковичах. Были в употреблении только немногие титулы князей и графов, присвоенные отдельным шляхетским фамилиям императорами, в том числе княжеский титул Радзивиллов. Польский король имел право присваивать звания, но только иностранцам.

В XVI веке наиболее активной группой внутри шляхетского сословия была средняя шляхта. Ее самые видные представители, добившись высоких должностей и имений, становились нередко «новой» олигархией (например, «шляхетский трибун» Ян Замойский — впоследствии великий гетман и коронный канцлер). Это движение новой аристократии ослабляло среднюю шляхту, но она продолжала играть решающую роль и во второй половине XVI века. Оставляя Сенат магнатам, она овладела земскими учреждениями, посылала своих послов в сейм, а с 1578 года — депутатов в Коронный трибунал.

Имущественные и политические права шляхты в XVI веке продолжали укрепляться. Оседлый шляхтич

был единственным полноправным гражданином Речи Посполитой. Избиравшая короля, утверждавшая законы, налоги и могущая отказать королю в послушании польская шляхта отождествляла себя с нацией, из которой исключала другие сословия. Так установилось понятие «шляхетской нации». К ней причислялась литовская, белорусская и украинская шляхта, и исключались польские крестьяне и мещане.

Остальная шляхта — это «серая» масса различного уровня зажиточности и звания. Существовала шляхта загорова (мелкопоместная) — многочисленная в Мазовии, Подляшье и Жмуди (Жемайтии). Это были мелкие землевладельцы, самостоятельные производители, не имевшие крепостных. Наряду с ними существовал немногочисленный в XVI веке, но увеличивавшийся в последующих столетиях слой шляхты, не имевшей земельной собственности. Его называли шляхтой-голотой (голытьбой).

В период после 1569 года польские магнаты смешивались с белорусско-литовской и украинской знатью, которая, полонизируясь, усиливала польское магнатство. Приобретая имения на исконно польских землях, они основывали здесь свои резиденции, сохраняя за собой латифундии и на востоке. Магнаты занимали места в Сенате, должности в важных учреждениях и верховодили в наилучших старостах. В XVII веке магнатство стало решающей силой в Речи Посполитой. Это стало особенно видно после мятежа Любомирского (1665—1666 гг.). Параллельно росла пауперизация мелкой шляхты. Значительная ее часть пополняла ряды шляхетской голытьбы; уменьшилось также количество земли, находившейся в руках средней шляхты, особенно после бедствий середины XVII века. За счет средней и мелкой шляхетской собственности росли латифундии магнатов уже не только на Украине и Литве, но и на собственных польских землях.

Вокруг магната спланивалась шляхта, ищущая его протекции. С падением авторитета государственной власти магнат обеспечивал шляхте защиту ее жизни и имущества, а зачастую и содержание взамен за службу в латифундии или же в своем войске. Служилый шляхтич присягал своему господину на верность через рукопожатие, поэтому его называли рукодайним слугой. Стала попадать в зависимость от магнатов также

часть средней шляхты, обедневшей вследствие войн XVII века. Наиболее частой формой зависимости средней шляхты была аренда деревни или фольварка в магнатских латифундиях. Та шляхта, которая не попала в материальную зависимость от магнатов, оказывалась под их политическим влиянием. Время от времени проявлялась во время некоторых конфедераций оппозиция против господства магнатов, однако сила была уже на стороне последних.

Б. Города и мещане

Ограничение прав мещан и городов. Шляхетская политика оттеснения городов от политической жизни страны как потенциальных союзников монархической власти сочеталась со стремлением к ослаблению социально-политических позиций мещан. Так, конституция 1496 года запрещала мещанам приобретение и владение земельными угодиями. В 1543 году мещанам было предложено продать находившиеся в их собственности земельные имения, что было осуществлено только в начале XVII века. Только некоторые наиболее крупные города и их жители получили исключительную привилегию владения земельными угодьями. Мещане не могли занимать государственных постов, для них была ограничена возможность занимать и высшие духовные должности.

По торговым правам мещан ударила конституция 1565 года, по которой польским купцам запрещалось вывозить за границу товары, производимые в Польше. Вывозить польские товары за границу и ввозить иностранные товары в Польшу мог отныне только чужеземный купец. Вытеснение польского мещанства из сферы внешней торговли было в интересах шляхты, так как устранялось посредничество между нею и теми иноземными купцами, которые приобретали сельскохозяйственную и лесную продукцию и продавали импортируемые товары. Все это было большим ударом по городам и мещанству, а в конечном итоге и по всей экономике страны.

В XVI веке был установлен принцип, по которому шляхтич, находящийся на службе в городском управлении, а также занимающийся торговлей либо ремеслом, терял шляхетское звание. О том же напоминала консти-

туция 1638 года. В XVI веке города были лишены представительства в Сейме. Даже столичный Краков, который, как город, имел шляхетские права (по Люблинской унии их получил и Вильнюс) и посылал на этом основании послов в сейм, пользовался крайне ограниченными правами. Послы Кракова (а потом и Вильнюса) не допускались к участию в голосовании. Положение не улучшилось с наделением шляхетскими привилегиями Львова (1658 г.), Каменец-Подольска (1670) и Люблина (1703). Таким образом, пять городов Речи Посполитой имели право приобретать земельные угодья и посылать своих представителей в сейм, но без права участия в голосовании.

Социальные позиции мещан ущемлялись и законами против излишеств (*Leges sumptuariae*), по которым мещанам запрещалось ношение ценных мехов, нарядов, шелковых поясов, сафьяновых сапог. В XVII—XVIII столетиях такие положения, чтобы шляхетское сословие своим видом отличалось от «плебса», преследовали цель унижить мещан и удовлетворить спесь шляхты.

Одновременно шляхта, используя конфликты между патрициатом и городским посольством, все больше вмешивалась во внутренние дела городов. В городах Королевства надзор над городскими властями, как и право финансового контроля, были переданы старостам. В частных городах власть феодалов имела весьма широкие границы: в сельскохозяйственных местечках положение мещан, обязанных отрабатывать барщину и нести другие повинности, немногим отличалось от положения крепостных крестьян.

Национально-религиозные отношения; участие посольства в управлении в городах. В период реформации и контрреформации в большинстве городов получение прав горожанина обуславливалось исповеданием римско-католической веры. В некоторых же городах королевской Пруссии, там, где одержала победу реформация, например в Торуне, гражданство города предоставлялось только протестантам. На практике же в обоих этих случаях делались исключения. Из иностранцев наряду с немцами и итальянцами в XVI—XVII вв. оседали в поморских городах шотландцы, во Львове и Каменец-Подольске, а впоследствии и в Замостье — армяне. В частных, «новых городах», образованных в XVII веке, владельцы способствовали поселению

разноверных ремесленников, обеспечивающих развитие города.

В некоторых поморских городах, таких, как Гданьск и Эльблонг (Эльбинг), несмотря на преобладание протестантов, формально соблюдалось равноправие вероисповеданий. Во Львове и некоторых других городах Западной Украины борьба между православными (впоследствии униатами) и католиками за получение прав граждан и доступа в цехи приводила к установлению различных форм сосуществования в зависимости от соотношения сил.

В больших городах продолжалась борьба между правящим патрициатом и посполством, стремившимся получить доступ к управлению и по меньшей мере к контролю над городской радой. Под давлением главным образом цехов рады наиболее крупных городов попадали под контроль коллегиальных органов, состоявших наполовину из купцов и наполовину из ремесленников. Эти коллегии, называемые соответственно количеству их членов *viginti viri* (20) и *quadraginti viri* (40), осуществляли контроль за финансовой деятельностью городской рады. В некоторых городах такой контроль осуществляли старшины цехов или же городские коллегии присяжных. В Кракове с 1521 года, а в других городах несколько позднее возник новый орган, чаще всего известный как посполство (*communitas*). Это было собрание всех граждан города. Оно напоминало земский сеймик (в Кракове его даже называли Коллоквиум) и обсуждало финансовые вопросы, а также издавало вильеры. Оно могло представлять также свои пожелания городской раде. Такое собрание обычно подразделялось на *ордынки* (в зависимости от разделений по профессиям), а в городах со смешанным в национальном отношении населением — на *нации* (во Львове — на польскую, украинскую и немецкую).

Ремесло и торговля. В ремесле серьезными конкурентами цехам являлись все увеличивавшиеся численно партачи (внецеховые ремесленники), оседавшие в юридиках шляхты (см. ниже) и духовенства и находившиеся под опекой феодалов. В условиях хозяйственного регресса оживлялись сельские ремесла. Спорадически возникали цеховые организации в деревне. Подобным образом организация бортников приняла характер цеха.

В своей антигородской политике шляхта стремилась понизить цены на изделия ремесла посредством установления официальных ценников, издаваемых воеводами при участии старост. Одновременно с тем освобождение импортируемых товаров от пошлин повлекло за собой сокращение производства в самой Польше и даже упадок некоторых отраслей ее ремесла.

В XVI—XVII вв. купцы крупных городов: Кракова, Познани, Варшавы и других продолжали быть организованными в братства, или конфратерни. Их члены имели исключительное право торговли в данном городе. После захвата Константинополя турками и упадка итальянских колоний на Черном море уменьшилась роль транзитной торговли. С конца XV века право склада уже не имело прежнего значения и новые привилегии такого рода не выдавались.

Вследствие сокращения доходов от транзитной торговли города стремились увеличить прибыль от внутренней торговли путем приобретения привилегий на более частое устройство ярмарок. С развитием фольварочного хозяйства стали проводиться (с середины XVI в. в Познани, с конца столетия в Кракове, а затем и в других крупных городах) ежегодные хозяйственные съезды шляхты, получившие в XVII веке название контрактов. Они проводились даже в XIX веке и собирались с целью заключения разного рода договоров и сделок. Проходившие в городских центрах, эти съезды играли роль биржи (в отношении сельскохозяйственных товаров), а также (в связи с отсутствием кредитных учреждений) являлись формой организации сельскохозяйственного кредита.

Шляхта стремилась к освобождению от пошлины вывозимых за границу продуктов собственного хозяйства, а также товаров, привозимых из-за границы для собственного употребления. Конституция 1496 года ввела уточнение этого освобождения: оно распространялось на товары, вывозимые «из дому» и привозимые «домой». Мещане и в дальнейшем были обязаны платить вывозные и ввозные пошлины. Таможенная политика была направлена исключительно на защиту интересов шляхты — ввозные пошлины на товары, являвшиеся предметами роскоши, были низкими, в то время как вывозные пошлины высокими. Мещане не могли конкурировать с шляхтой в прибыльной экспортной торговле

сельскохозяйственной, животноводческой и лесной продукции.

Варшава. После инкорпорации Мазовии стала быстро развиваться Варшава, расположенная на перекрестке важного транзитного пути из Германии в Россию, стоящая на Висле, служившей главной артерией для транспортировки земледельческой и лесной продукции в Польшу. Варшава также являлась центром торговых сношений между Польшей и Литвой.

Город состоял из двух городских гмин: Старой Варшавы и Нового города. Большую роль играла Старая Варшава. Благодаря своему положению Варшава стала с 1569 года постоянным местом проведения совместных польско-литовских сеймов. На рубеже XVI—XVII вв. Сигизмунд III перенес сюда Королевскую резиденцию. С этого момента Варшава стала «городом-резиденцией его королевского величества», хотя столицей Королевства формально оставался Краков — место коронации королей, а столицей Великого Княжества — Вильнюс.

Частновладельческие города и юридики. Застой городов обозначился уже в первой половине XVII века. Он захватил большую часть городов Королевства, но не коснулся частновладельческих, особенно тех, которые были центрами латифундий (как Замостье). Такие города переживали период расцвета. Развивались также в первой половине XVII столетия города на Украине, а также Гданьск и Торунь — торговые центры на Висле.

Меньшие города и местечки, где и до этого значительная часть мещан занималась сельским хозяйством, подверглись во второй половине XVII века аграризации, являвшейся выражением хозяйственного кризиса. В описях они фигурировали нередко как «города-деревни». Сказывалось влияние того, что наряду с упадком ремесла и торговли происходила экспансия крепостного фольварка, повлекшая за собой обременение мещан частновладельческих городов и местечек феодальными повинностями. Одновременно с уменьшением количества ремесленных мастерских росло число корчм и шинков; торговавших водкой и пивом, вырабатываемыми на помещичьих винокуренных и пивоваренных заводах.

По-иному складывалось в то время (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) положение в западной части Великой Польши. Она менее пострадала

от бедствий и нашествий и была местом, где помещикам удавалось привлекать колонистов из-за границы как в сельскую местность, так и (ремесленников) в города. Здесь расширялось ремесленное производство и появлялась мануфактура. Эти явления имели место главным образом во вновь появившихся частновладельческих городах. В общем в XV—XVIII вв. в этой части страны возникло 66 новых городов. В тогдашних условиях развитие таких городов усиливало прежде всего могущество магнатов.

Мещанская собственность на городские земли в королевских городах приближалась к полной собственности. В частновладельческих городах мещане имели лишь подчиненную собственность. Они уплачивали оброк в пользу пана города. Согласие последнего нередко требовалось как при уступке, так и при закладе недвижимости.

Конкурентами городов были развивавшиеся под опекой магнатов и духовенства юридики, напоминающие «белые слободы» старых русских городов. Находясь в собственности шляхты, они опоясывали венцом самые крупные города Польши, не подчиняясь им. Здесь под опекой феодалов-владельцев концентрировались производители, конкурирующие с цеховым ремеслом. Опасными конкурентами городам становились также корчмы и базары юридик. Варшава в первой половине XVIII века была окружена 14 юридиками, в частности такими, как Солец, Гжибов, Лешно, Мариенштат. Некоторые из них были весьма многолюдными. Такие юридики принимали тогда форму частного города с собственной городской организацией. Юридики разбивали пространственную цельность и правовую однородность городов, ослабляя мещанство королевских городов, но благоприятствуя развитию ремесленного производства и мануфактуры.

В. Крепостная зависимость крестьян и ее формы

Барщина. Развитие фольварочного хозяйства вело к усилению эксплуатации крестьян, что нашло выражение в утверждении закрепощения в его трех основных аспектах: личной крепостной зависимости, земельной и судебной. Оно сопровождалось возрождением отработочной ренты, на этот раз в виде увеличения количества

труда, требовавшегося для расширения товарного производства, рассчитанного на сбыт в стране и за границей. Основываясь на конкретно-историческом материале, К. Маркс сформулировал тезис, что «там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины». Именно так и происходило в Польше. Барщина была формой эксплуатации, при которой осуществлялось непосредственное внеэкономическое принуждение. Ее введение сопровождалось ломкой прав, которыми пользовались крестьяне до этого, усилением личного закрепощения, в особенности в виде прикрепления крестьян к земле.

Усиление бремени происходило прежде всего путем внедрения в практику барщины. В некоторых церковных фольварках в конце XV века барщина составляла два-три дня в неделю. Торуньский статут 1520 года установил минимальный размер отработок один день в неделю с лана. Он был обязательным во всех имениях государства, следовательно, и в королевских. Уже во второй половине XVI века за норму отработок в королевских поместьях было принято два дня в неделю с лана. В поместьях шляхты и духовенства барщина была выше.

Крестьяне — хозяева, обязанные постоянной барщиной, обрабатывали помещичью землю своими лошадьми и орудиями; безземельные крестьяне стали привлекаться к барщине не за пользование землей, так как они ее не имели, но как «подданные» крепостные помещика. Барщина могла быть определена не только в по-денном исчислении. В связи с тем что барщинный труд становился все менее производительным, в XVII—XVIII вв. помещики ввели так называемую заутреню, т. е. барщину делянками, когда заранее определялась площадь земли, которая должна быть обработана или с которой должен быть собран урожай. Кроме того, крестьяне были обязаны работать в период неотложных полевых работ (пахота, уборка) сверх установленной нормы барщины (обычно 3—6 дней в год), что называлось толокой, гвалтом, дармовщиной.

Наряду с барщиной крестьяне продолжали платить оброк, значение которого, однако, падало (в том числе и вследствие девальвации денег), а также были обязаны дополнительными поставками и повинностями (уборка сена, ремонт плотин и мостов, несение охраны).

Особой формой эксплуатации крестьян и источником доходов помещика были поступления от господских монополий. На первом месте здесь стояла водочная монополия, заключавшаяся в исключительном праве помещика на производство и продажу пива и водки в пределах своих владений. Доходы с водочно-пивной монополии проявляли тенденцию к росту. «Пивоваренный завод и винокурня — основа чистых доходов», — гласила инструкция для управляющего именьями Неборув (XVIII в.).

Отношение крепостного крестьянина к земле. В эпоху фольварочно-барщинного хозяйства земельное право складывалось не в пользу крепостных крестьян. Их отношение к наделам в XVI—XVIII вв. можно определить как феодальное пользование. Барщинный крестьянин не имел ни хозяйственной, ни личной самостоятельности, чем обладал кметь в XIV—XV вв. и что было необходимо для реализации его подчиненного права собственности на землю. Пользование, правда, на практике было наследственным, переходя обычно от отца к сыновьям, и не исключало передачи или же заклада земли с согласия помещика. Но помещик мог и согнать крестьянина с земли.

Прикрепление крестьянина к земле. По мере развития барщины шляхетский сейм усиливал личное закрепощение, законодательно его ограничивая. В 1496 году было возобновлено постановление Малопольского статута Казимира Великого, что «не более чем один крестьянин в год будет иметь возможность в соответствии с правом и справедливостью перейти из одной деревни в другую», распространив это положение на всю Польшу. Было добавлено также, что из крестьянских сыновей только один мог уйти в город, чтобы посвятить себя учению либо ремеслу. Вскоре законами 1501—1543 гг. крестьянам был вообще запрещен выход без разрешения помещика. Личное закрепощение в XVII—XVIII вв. нашло, в частности, выражение в актах продажи (обмен, отдача и дар) крестьян без земли. На практике они не носили такого же характера, как торговля крестьянскими «душами» в России (до 1861 г.). То была легализация за соответствующее вознаграждение в пользу помещика таких фактов, как согласие на замужество, влекущее переход в другое поместье, на оставление сбежавших крестьян у другого помещика и т. д.

Тем не менее все это красноречиво свидетельствовало об ухудшении правового положения крестьян.

Солтыства и их скупка. С середины XV века усилился процесс сокращения количества солтыств. Основываясь на известном положении Вартского статута 1423 года о мятежных или же непригодных солтысах, шляхтичи-помещики выкупали солтыства, включая их в фольварк или сдавая в аренду. В королевских имениях, в церковных и магнатских владениях солтыства выкупались шляхтой. Уложение от 1563 года установило принцип, что все солтыства в королевских имениях, не находящиеся в руках шляхты, предназначены для скупки.

К 1670 году не более 20% солтыств в королевских имениях оставалось у их первоначальных владельцев.

Имущественная дифференциация и пауперизация крестьян. В первой половине XVI века крестьянские хозяйства в общем были в состоянии прокормить семью. Преобладали хозяйства с полулановым наделом, но были и более крупные. Этот участок пахотной земли позволял крестьянину получать некоторые излишки для продажи на рынке и таким образом принимать участие в товарном обмене. Малоземельные (загородники) и безземельные (халупники и коморники) не составляли еще значительной части крестьянского населения.

Явлением, характерным для последующих столетий, было уменьшение размеров крестьянских хозяйств. Если в XVI веке самой многочисленной была группа полулановых хозяйств, то в XVII—XVIII вв. преобладали уже четвертьлановые и даже меньшие. В то же время росло количество загородников и коморников (местами до 30% населения деревни). Хозяйства более крупные, даже двухлановые, сохранялись главным образом в оброчных деревнях. Кое-где более зажиточные хозяева содержали батрака специально для отработки барщины.

Войны с турками, нападения татар, борьба с Украиной, восставшей во главе с Б. Хмельницким, шведская война XVII века и Северная война привели к разорению многие крестьянские хозяйства. Их восстановление в условиях интенсификации феодальной эксплуатации чаще всего было невозможно. Упадок крестьянского хозяйства вел к деградации экономики всей страны.

Особую группу составляли «люди люзна», не имевшие никакого имущества и вначале не втянутые в сис-

тему фольварочно-барщинного хозяйства. Таких людей было довольно много. Это были не только люди без постоянного, определенного занятия, но также бродяги и нищие. Бродяжничество приобретало актуальность по мере законодательного ограничения выхода крестьян. Право принуждало такого рода людей к постоянному труду. С этой целью Статут 1496 года запрещал мещанам предоставлять работу люзным на срок менее года, запрещал сезонные выходы за границу. В Великой Польше лаудами (постановлениями земских сеймиков) каждому шляхтичу разрешалось задерживать их и принуждать к труду. Люзные облагались относительно высоким подушным налогом с целью вынудить их к заключению долгосрочных трудовых соглашений либо к «добровольному» самозакрепощению, что оформлялось гродским судом. Прилагались также усилия к тому, чтобы взять их под контроль путем обязательства иметь свидетельство о выходе, без которого их нельзя было принимать на работу.

Домениальная власть помещика. С начала XVI века крестьянин был отдан под абсолютную власть своего помещика, исключаящую, как мы знаем, власть собственно государственную. Помещику принадлежало право судопроизводства над крепостным населением. В конституциях 1496—1501 гг. судебное разбирательство дел крестьян было изъято из компетенции гродских и городских судов, если крестьянин выступал в качестве ответчика. В качестве истца, как уже говорилось, крестьянин мог выступать только при содействии помещика. На своего помещика крестьянин мог подавать жалобу только королю. Но еще в XVI веке королевские судьи отклоняли такого рода жалобы.

Варшавская конфедерация 1573 года полностью подтвердила право на домениальный суд. Несколько лучше обстояло дело в домениальных имениях, где приговоры старост можно было обжаловать перед судом монарха.

Громада и сельское управление. Не везде землевладелец осуществлял власть сам. Существовали деревни, имеющие громадскую организацию. В этом случае помещик перелагал часть своих функций на громаду, которая в таком случае сама осуществляла контроль над крестьянами. Громадская организация имела распространение особенно в Малой Польше, где деревня, некогда жившая по немецкому или валашскому праву,

имела многовековую традицию самоуправляющейся организации. Так было и в деревнях королевской Пруссии, а в Великой Польше — в поселениях колонистов, так называемых олендеров. Однако громадское самоуправление черпало свою компетенцию у помещика, который мог его произвольно формировать и изменять, а если он этого не делал, то потому, что признавал традиционно выработанную систему наилучшей. Громада охватывала всех жителей деревни: хозяев, заградников и коморников. Она могла владеть собственными угодьями (леса, пастбища), заключать договоры и иметь свою кассу. Органами громады являлись: громадское собрание и сельское управление, т. е. солтыса или войта с присяжными, нередко и с писарем, который вел деревенскую судебную книгу. Громадское собрание облагало громадским налогом и обсуждало местные дела, принимало решения. За невзыскание налогов, невыполнение барщины, сокрытие преступлений помещик привлекал громаду к коллективной ответственности. Таким образом, громада и ее органы служили интересам владельцев имений.

Некрепостные крестьяне. Организация некоторых групп населения была связана с условиями их существования и занятиями. В известных случаях, когда введение барщины оказывалось невозможным, крепостное положение смягчалось и даже сохранялась личная свобода. Существовала многочисленная группа казаков, имевших собственные хутора на Украине. В сходном положении находились поселившиеся с XVI века на территории королевской Пруссии так называемые олендеры. Поселением фламандских крестьян (на Жулавах по р. Висле) было положено начало тому типу колонизации, который получил наименование олендерской. Впоследствии она охватила заливные низины вдоль Вислы и ее притоков, а после военной разрухи XVII века — также и пустоши в Великой Польше. Со временем «олендерами» становились также немецкие или польские крестьяне, поселенные на основании так называемого олендеровского права. Правовой основой «олендерской» колонизации явились привилегии, предоставляемые помещиком. Это было по существу двустороннее соглашение с колонистами, регулирующее их правовой статус. «Олендеры» сохраняли личную свободу и громадское самоуправление, но подлежали судеб-

пой юрисдикции помещика, поскольку к нему шли апелляции на приговоры суда лавников, а наиболее трудные дела он разрешал сам. Права «олендеров» на землю именовались эфитевтическими. Поселяясь, «олендер» уплачивал выкуп, после чего на несколько лет освобождался от обязательств в пользу помещика, чтобы иметь возможность обзавестись хозяйством. По их истечении обязательства «олендеров» по отношению к помещику выполнялись в виде денежного оброка (в некоторых местностях и в натуре).

Деревни на валашском праве. Ограниченное крепостное право существовало там, где на население распространялось валашское право; к нему относилось население, шедшее из Валахии и оседавшее на территории Прикарпатья, продвигавшееся на запад, вплоть до Тешинской Силезии. Валашское право принадлежало к типу права, регулирующего устройства оброчной деревни. Валашское право являлось правовой системой пастушеско-животноводческих поселений. Во главе селения стоял князь (аналогичный солтысу). Оброк уплачивался овцами (баранья дань) и сыром. Иногда несколько деревень образовывали так называемую краину. Во главе ее находился крайник, иначе именовавшийся валашским воеводой. Краины обычно выступали в магнатских имениях или домениальных владениях.

Правовую обособленность имело также население, занимавшееся бортничеством. Оно должно было платить оброк, вносимый обычно медом. Бортники объединялись в братства. Во главе бортнического братства стоял бортный староста, иначе именовавшийся обельным. Он председательствовал в бортническом суде. Исходя из специфики профессии и связанного с нею образа жизни бортники были обязаны участвовать в бортном руге, на котором они давали присягу вести честную жизнь в лесу, сообщая обо всех известных им преступлениях, там совершенных. Бортническое (обельное) право сформировалось на основе обычаев и под влиянием немецкого права, а известно оно из ординаций, издававшихся в XVII и XVIII веках для отдельных староств или магнатских владений.

Формы классовой борьбы крестьян. Усиление эксплуатации и угнетения крестьян вызывало рост антагонизма между деревней и ее собственником. Наиболее распространенной формой сопротивления крестьян было бегство. Его стимулировали противоречия между землевладельцами, от которых бежали, и землевладельцами, заинтересованными в новых колонистах. В XVI—XVII столетиях это были противоречия между средними шляхетскими имениями и латифундиями магнатов, проводивших колонизационные мероприятия в широких размерах. Нередко помещики-колонизаторы через своих урядников или слуг организовывали бегство крестьян,

что называлось выкоцованием. Крестьяне бежали и в города, и даже за границу. Многочисленные предписания, принимавшиеся на сеймиках о борьбе с бегством, доказывают, что оно очень задевало интересы шляхты. К общегосударственным законам по этому вопросу относится статут Александра от 1503 года, на основании которого каждому шляхтичу предоставлялось право ловить крестьян, бегущих на заработки за границу. В 1538 году был сокращен срок разбирательства по делу «о сбежавших крепостных» для того, чтобы ускорить выдачу их помещикам. Целям большей эффективности поимки служило и постановление об отмене давностных сроков для возвращения беглых, т. е. того, что на Руси называли «урочными годами». Сеймики выносили постановления о передаче рассмотрения дел о беглых крестьянах из компетенции земских судов гродским, как более оперативным.

Следствием обострения социальных конфликтов в Прикарпатье был и «разбой». Существовавший с XV века, он возрастал по мере развития фольварочного хозяйства и наибольших размеров достиг в XVII—XVIII столетиях. Разбойников называли «опришхами» на Западной Украине и «сбуйниками» в польских Карпатах. Среди них встречались авантюристы из мелкой пограничной шляхты. Зачастую они выполняли функции атаманов. Шляхта боролась с крестьянским разбоем путем усиления карательных мер как по отношению к самим разбойникам, так и по отношению к деревням, оказывавшим им помощь. За уклонения от поимки разбойников деревне грозила круговая ответственность. Земские сеймики содержали даже специальные наемные отряды так называемых гарников. Несмотря на все это, пока существовало крепостное право, существовал и разбой в горах.

Высшей формой классовой борьбы крестьян были, как и повсюду в мире, крестьянские войны и вооруженные восстания. Самыми крупными социальными движениями в Речи Посполитой были казацко-крестьянские восстания на Украине, кульминационным пунктом которых явилась война украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого, начавшаяся в 1648 году. Она потрясла основы господства магнатов и шляхты на землях Украины и Белоруссии и знаменовала начало глубокого кризиса государственного и об-

щественного строя шляхетской Речи Посполитой. В то же время крестьянские движения, хоть и в несравненно меньших размерах, имели место и на землях этнически польских. В июне 1651 года вспыхнуло восстание под предводительством Александра Костки-Наперского, выдвинувшего программу отмены крепостничества и ликвидации шляхетского сословия. Восстание было подавлено в зародыше военными отрядами краковского епископа Петра Гембицкого, захватившими опорный пункт Костки — Чорштынський замок. В это же самое время познаньским епископом Казимижем Ф. Чарторыйским было подавлено крестьянское движение в Великой Польше. Поражение Хмельницкого под Берестечком (июль 1651 г.) затормозило крестьянские восстания и в Польше.

У. ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Римско-католическая церковь в XVI веке. Во главе церковной иерархии стояли епископы. Самое высокое положение среди них занимал гнезненский архиепископ, примас Польши. Среди епископов на первое место выдвигался краковский епископ, имевший титул северского князя. Варминский епископ имел титул князя Вармии. Все епископы являлись одновременно держателями обширных земельных угодий, т. е. духовными магнатами. Казимеж Ягеллончик ввел в практику назначение епископа королем, лишь формально подтверждаемым капитулом. Это имело существенное значение, так как все римско-католические епископы входили в королевский совет, затем в сенат. Таким образом, они являлись одновременно высокими государственными сановниками, игравшими серьезную политическую роль, большую, чем в странах с сильной монархической властью. Официально право королей назначать епископов было признано только папой Сикстом V (1589 г.). Высшие и лучше оплачиваемые церковные должности, до капитульных и коллегияльных каноников включительно, предоставлялись шляхте. Мещанам выделялось лишь пять мест в капитуле, предназначенных для лиц, имеющих ученые титулы. Эти ограничения были подтверждены конституцией 1505 года. С 1538 года на должности настоятелей монастырей стали назначать в основном шляхтичей.

Реформация в Польше. В третьем десятилетии XVI века в Польше начала распространяться реформация, главным образом в виде лютеранства и кальвинизма. Различные сословия и слои населения стремились использовать реформацию в собственных целях, вкладывая в ее идеи различное социальное содержание. Кальвинизм приняла часть средней шляхты и магнатов, стремившихся отнять у католической церкви земельные угодия (они это осуществили в пределах своих владений), а также отмены десятины и церковной юрисдикции в светских делах. Республиканская организация кальвинистской гмины с ее принципом избираемости старшин на съездах отвечала стремлению шляхты к сосредоточению

власти в кальвинистской церкви в руках шляхетских выборных органов. Главные центры кальвинизма находились в Малой Польше, а также в Литве. Зажиточное мешанство прусских городов (Гданьск, Торунь) и частично великопольских — в основном немецкого происхождения, — принимая близкое ему лютеранство, желало ликвидации захваченной шляхтой церковной иерархии, связывая с реформацией надежды на укрепление своих социально-правовых позиций. Плебейские массы, главным образом прусских городов, ожидали от реформации социальных преобразований.

Государственная власть выступала против «религиозных новшеств». Королевскими эдиктами и мандатами 20-х годов XVI века было запрещено исповедание лютеранства, введена предварительная церковная цензура на книги, разрешалось проведение обысков в домах в поисках «еретических» изданий. Однако духовные суды оказались неэффективным орудием в борьбе с массовым отходом от католицизма, так как светские власти на практике уклонялись от приведения их приговоров в исполнение. Воцарилась, таким образом, религиозная терпимость, особенно с того момента, когда в 1563—1565 гг. под давлением шляхты приведение в исполнение приговоров, вынесенных духовными судами, было изъято из компетенции светских властей.

Положение приверженцев реформации, называвшихся тогда диссидентами или иноверцами, несмотря на фактическую религиозную терпимость долгое время не было урегулировано правом. Репрессии применялись главным образом по отношению к антифеодальным элементам, которые вели борьбу под знаменем реформации, как, например, во время восстания Гданьска в 1525 году против правившего городом патрициата. Репрессии были направлены против вышедших из радикального крыла кальвинизма «польских братьев», называвшихся также «арианами». По инициативе папского нунция, Зигмунт-Август в 1564 году издал направленный против них Парчевский эдикт. Когда в 1570 году кальвинисты и лютеране вместе с «чешскими братьями» (продолжателями гуситского движения в его умеренной форме) созвали совместный съезд и выработали так называемое Сандомирское соглашение, они не включили в него ариан. Следствием Сандомирского соглашения было, однако, провозглашение принципа религиозной терпимости Варшавской конфедерацией в 1573 году и установление правового статуса некаатолических вероисповеданий.

Свобода вероисповедания. Лозунг свободы вероисповедания пал на благоприятную почву, так как Речь Посполитая уже и ранее была государством с множеством вероисповеданий. Наряду с многочисленным православным населением существовали различные этническо-религиозные группы: евреи, армяне, татары. Проблема заключалась в распространении религиозной терпимости на поборников реформации, которые отошли от католической церкви. Свобода вероисповедания означала вместе с тем расширение и углубление политических свобод шляхты.

Во время «бескоролья» 1572—1573 гг. на Конвокационном сейме 28 января 1573 г. был принят акт конфедерации, именуемый Варшавской, провозглашавший принцип религиозного мира между различными вероисповеданиями. Этот акт был подтвержден Стефаном Баторием и включен в сеймовые конституции как имевший силу закона. Варшавская конфедерация, провозглашая принцип религиозной терпимости, касалась всех вероисповеданий. Од-

нако религиозная свобода ограничивалась рамками шляхетского сословия. Шляхта получила право навязывания своей веры подданным — крестьянам. На практике иноверческой шляхте не часто удавалось это реализовать, так как народ в своей массе оставался католическим.

На практике наряду со шляхтой религиозную свободу получили также мещане королевских городов. Правда, под давлением папского нунция католическая иерархия протестовала против постановлений Варшавской конфедерации, но короли ей присягнули, и она была включена в Генриковские статьи.

Контрреформация и ограничение прав иноверцев. В конце 70-х годов XVI века начался отход шляхты от реформации. Важную роль здесь сыграл привлеченный в Польшу (в 1565 г.) епископом (а позже кардиналом) Гоziем орден иезуитов. Исходной позицией для контрреформационной акции явилось принятие Петровским синодом в 1578 году постановлений Тридентского собора.

Реформация, несмотря на серьезные успехи середины XVI века, оказалась в Польше (и в Литве) явлением кратковременным, так как она не имела широкой социальной базы. Крестьяне относились к реформации неприязненно, как к вероисповеданию шляхты.

Польское мещанство в огромном большинстве сохранило приверженность католицизму. Благосклонно относящиеся к реформации политически активные круги шляхты, были особенно обеспокоены движением левого крыла протестантов — ариан, или «польских братьев». Польские ариане выступали против крепостничества, эксплуатации и феодального государственного строя. С их распространением шляхта пошла на признание католической церкви в качестве наиболее прочной опоры шляхетского сословия в Речи Посполитой. Период после Тридентского собора характеризуется ростом числа костелов, особенно монастырей и монастырского клира, сосредоточившего в своих руках также обучение юношества.

В период контрреформации, поощряемой Сигизмундом Вазой (1587—1632), вопреки постановлениям Варшавской конфедерации происходит постепенное ограничение прав не католиков.

Вначале это было направлено против протестантов в городах. Начиная со Стефана Батория (1576—1586) короли в соответствии с принципом принадлежности королевских городов к домену (что означало возможность применения правила *cuius regio eius religio*) запрещали строительство новых протестантских церквей. Во время беспорядков, разжигаемых учащимися иезуитских коллегий и фанатичными толпами плебса, неоднократно разрушались протестантские церкви, их восстановление запрещалось. Эти ограничения не касались больших городов королевской Пруссии, где власть в городах осуществляли протестанты.

Православная церковь. Брестская уния. Православная церковь имела собственную церковную иерархию для Литвы и украинских земель Короны во главе с Киевским митрополитом и девятью епископами. Православных епископов назначал польский монарх, которому они подчинялись и с судебной точки зрения. В конце XVI века, в период контрреформации, с целью утверждения польского господства на Украине король поддержал идею подчинения восточной церкви Речи Посполитой папству. На православном синоде в Бресте в 1596 году была подписана уния, в силу которой православная церковь Речи Посполитой стала называться

грекокатолической (униатской), сохраняя некоторые свои обряды, в том числе литургию на славянском языке и разрешение на брак священникам, но признавая верховенство папы. К унии присоединились, за малыми исключениями, православные епископы, стремившиеся приобрести равное положение с римскокатолическими, что, впрочем, им не удалось, так как римскокатолические епископы не допустили их в сенат. В то же время против унии выступили широкие массы населения: мелкая украинская и белорусская шляхта, казачество, часть низшего духовенства, православные монастыри и находившиеся под их влиянием мещане и крестьяне. Против унии выступили также некоторые магнаты, такие, как князь Константин Острогский, который стал предводителем православного лагеря. Сопrotивление унии в защиту традиционной религии было одновременно формой борьбы за сохранение отечественной культуры и национальных особенностей. Вначале власти не желали признавать дальнейшего существования православной церкви. Они закрывали православные церкви, а священнослужителей, отказывавшихся присоединиться к унии, изгоняли из их приходов. Только спустя четверть века (1620 г.) под давлением украинского мещанства и казачества была восстановлена параллельно с униатской православная иерархия с митрополией в Киеве, номинально зависящая от константинопольского патриарха. Однако и в дальнейшем православная религия подвергалась дискриминации.

Следствием религиозного раскола явилось обострение социальных и религиозно-национальных противоречий на украинских и белорусских землях. Большая часть украинской шляхты подверглась полонизации и принимала католичество. В результате углублялись различия между магнатами и шляхтой, исповедующими католицизм, с одной стороны, и народом — с другой.

На рубеже XVII—XVIII вв. с исчезновением казачества снова усилилось давление на православное духовенство в пользу принятия унии. Окончательную победу уния одержала в Галицкой Руси и в западной части Великого Княжества Литовского, тогда как в Приднепровье продолжало господствовать православие.

Религиозная нетерпимость во второй половине XVII и в XVIII веке. После шведского нашествия волна нетерпимости по отношению к иноверцам, обвиняемым в содействии шведам и сотрудничестве с ними, привела к правовой дискриминации иноверческой шляхты. Это нашло особенно яркое выражение в конституции об изгнании из Польши «польских братьев», или ариан (1658 г.). Оставшимся в стране арианами грозила смертная казнь, потеря имений и бесчестье. Часть ариан, не желавшая покинуть страну, перешла под принуждением в католицизм, что, однако, не спасло их от преследований. Вскоре бывшие ариане, а иногда и другие протестанты стали привлекаться к суду по обвинению в тайном исповедании арианства. На эту группу шляхты не распространялось действие принципа *peninam captivabimus*. Отход от католической религии стал квалифицироваться в 1668 году как преступление, караемое изгнанием из страны с конфискацией имущества. Самое суровое наказание полагалось за атеизм. В 1689 году был сожжен на костре за атеизм шляхтич Казимеж Лышчиньский. В 1715 году был вынесен смертный приговор шляхтичу Унругу, обвиненному в ложной интерпретации библии. Со второй половины XVII века иноверцам был закрыт доступ в сенат.

Северная война и правление саксонских королей принесли усиление ксенофобии и религиозной нетерпимости. Диссидентской шляхте разрешалось лишь частное богослужение на дому (1717 г.). Наконец, уложением от 1733 года иноверцы были лишены права получения посольского мандата и избрания депутатом в Трибунал. Эти ограничения не касались королевской Пруссии, где иноверцы сохранили прочные позиции, что до поры до времени спасало их от дискриминации и преследований. Перелом намечался только после так называемого Торуньского дела 1724 года, когда в ответ на нападение шляхетской молодежи — учащихся иезуитской коллегии — на учеников протестантской городской гимназии толпа протестантов разрушила коллегию и монастырь иезуитов. Сразу же началось преследование протестантов. Королевский ассессорский суд приговорил к смерти двух бургомистров Торуня и двенадцать участников беспорядков. Приговор получил широкий отклик за границей, отрицательный для Речи Посполитой.

Католическая реакция стала ослабевать к середине XVIII века. Тогда же стал распространяться в верхних слоях общества деизм и религиозный индифферентизм.

VI. КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

Положение короля; его компетенция. Король Речи Посполитой считался обладателем верховной власти, одновременно с тем (с XVI в.) особым «чином-сословием», законодательствованием в Сейме наряду с сенатом и посольской избой. Во второй половине XV века Казимир Ягеллончик и Ян Ольбрахт применяли систему личного правления, опираясь на среднюю шляхту и ограничивая влияние магнатов и церкви. По их концепции король является единственным субъектом власти в государстве. Символическим выражением этого была введенная в начале XVI века так называемая закрытая корона с небольшим яблочком и крестиком наверху, сделанная по образцу императорской короны. Это было демонстрацией принципа, что *rex est imperator in regno suo*.

С начала XVI века Сигизмунд I Старый, опираясь на магнатов, стремился затормозить шляхетское движение. Находившаяся в оппозиции к короне и его жене Боне Сфорца, которая со своей родины Италии вынесла абсолютистские идеи, средняя шляхта выдвинула программу ограничения королевской власти. Выражением этого была концепция верховенства права в государстве, которому подчинялся также и король. Верховенство права означало в сущности то, что без согласия шляхетского сословия, представленного в Сейме Посольской избой, не могли издаваться никакие законы.

Ослабление королевской власти проявилось в элекциях, имеющих место после 1572 года. Король, ограниченный элекционными пактами и Генриковскими артикулами, не обладал уже теми позициями, что прежде. Ища опоры в шляхте против бунтовавших магнатов, Стефан Баторий должен был создать Коронный трибунал, ограничивший судебную власть короля. Король Сигизмунд III Ваза вследствие своей династической политики, направленной на усиление королевской власти, реализуемой при опоре на Габсбургов и католическую иерархию, оказался в конфликте со шляхтой и частью магнатов. Рокош Зебжидовского в 1606—1609 гг. выдвинул лозунг против угрозы *absolutum dominium*. Провозглашалось, что тело Речи Посполитой — шляхта — важнее ее головы — короля. В этой обстановке приобрела значение содержащаяся в Генриковских артикулах статья об отказе от повиновения. Способ пользования ею был определен в конституции, изданной после рокоша Зебжидовского (1607—1609). В повиновении королю можно было отказать после трехкратного напоминания: первый раз после напоминания примаса либо сенатора, затем — сеймика и, наконец, — сейма. Если король после этих напоминаний не исправлял нарушений, можно было свергнуть его с трона. Предпринятую Яном Казимиром (1648—1668) попытку усиления власти монарха свел на нет победоносный рокош Ежи Любомирского (1665—1666).

Попытки укрепления королевской власти, предпринятые Августом II Саксонским, опирались главным образом на внешние силы. Успеха эти попытки не имели. Модель Речи Посполитой коренным образом отличалась от того, что было в других европейских государствах XVII—XVIII вв.

Законодательную власть король осуществлял вместе с Сеймом. Королю принадлежало право законодательной инициативы и санкционирования постановлений Сейма. Король влиял на законодательство и «модерованием», т. е. путем окончательного редактирования законов перед их публикацией.

Сеймовые конституции (постановления) оглашались от имени короля с упоминанием, что они изданы с согласия Сейма. Самостоятельным законодателем король остался по отношению к королевским городам, евреям, крестьянам домениальных имений и т. д. За королем

сохранялось верховенство над ленными землями — княжеская Пруссия (Восточная), Курляндия. Он имел право назначения чиновников, ограниченное, однако, тем, что кандидатуры на посты в земских судебных учреждениях предварительно выдвигались сеймиками. Король вершил дисциплинарное судопроизводство над чиновниками, однако мог наказывать только штрафами. Он не мог устранить чиновника, кроме случаев, когда они совершали преступление.

Король являлся главнокомандующим армией, но на практике был сильно ограничен властью гетманов, направлял внешнюю политику. Переход значительной части королевских угодий в пожизненное пользование держателей и контроль Сейма над расходами казны значительно ограничивали возможности короля распоряжаться финансовыми ресурсами государства. Наиболее же ограниченной после создания в 1578 году Короонного трибунала была судебная власть короля. Король принимал участие только в сеймовых судах и не имел права помилования и амнистии.

Доходы короля складывались из поступлений от королевских имений, занимавших около $\frac{1}{6}$ территории государства, а также от соляных копей. Доходы позволяли королю содержать двор, а раздача части этих имений в пожизненное пользование в качестве «хлеба хорошо заслужившим» либо во временное пользование позволяла ему приобретать сторонников. Король был, следовательно, самым крупным феодалом, а при прогрессирувавшем ущемлении его государственных функций он становился с конца XVI века фактически пожизненным президентом шляхетской Речи Посполитой.

Элекции. Выборность трона тормозил тот факт, что династия Ягеллонов обладала наследственными правами в Литве. При этой династии, сеймы, стремившиеся сохранить унию с Литвой, неизменно избирали Ягеллонов на польский трон. Последний из них — Сигизмунд Август, будучи 10-летним мальчиком, был избран королем и коронован при жизни отца (1530 г.). Этот шаг в направлении наследственной монархии натолкнулся на оппозицию шляхты; сейм оговорил, что нельзя при жизни короля избирать его наследника.

Свободное избрание монарха, не ограниченное династически, установилось к 1572 году, хотя не раз последовательно избирались представители одной и той же

династии (Вазов, Саксонцев). Во время междуцарствия в 1572 году был установлен так называемый *virutum*, принцип, по которому вся шляхта имела право непосредственного избрания короля. Вероятно, одной из причин принятия конвокационным созываемым в периоды междуцарствия сеймом этого принципа было стремление к политической активизации широких кругов шляхты, что отвечало интересам экзекуционистов. На деле же элекция — *virutum* — прокладывала дорогу для всевластия магнатства, под влиянием которого находились широкие массы шляхты. Продолжительное междуцарствие нарушило нормальное течение государственной жизни. С целью недопущения этого была урегулирована организация власти в период междуцарствия. Были установлены следующие принципы: власть в государстве на этот период брали в свои руки капюшонные конфедерации шляхты, называвшиеся каптурами (польское — капюшоны) потому, что капюшоны носили монахи, принимавшие участие в траурных церемониях после смерти короля; во главе государства в качестве *interrex* становился глава церкви — примас; он представлял государство во внешних сношениях и руководил администрацией; на нем же лежала подготовка к элекции. Последовательно созывались: 1) конвокационный сейм, 2) элекционный сейм, 3) коронационный сейм.

На конвокационном сейме послы от земель объединялись в генеральную конфедерацию; утверждался состав каптуровых судов, действующих в период междуцарствия. В свою очередь элекционный сейм заслушивал иностранных послов, представляющих кандидатов в короли, и составлял *pacis conventa*. Он проходил по обыкновению на Вольском лугу под Варшавой, в нем принимала участие прибывшая на элекцию шляхта, а также делегаты привилегированных городов. Решающее же влияние на избрание короля оказывали, за редким исключением, магнатские группировки. В принципе избрание короля должно было быть единоголосным. Незначительная оппозиция не принималась во внимание, однако серьезное разделение голосов приводило нередко к гражданской войне, исход которой решал вопрос о короле.

***Pacis conventa* и Генриковские артикулы.** Заключение элекционным сеймом «пакты — конвенты» (*pacis*

conventa) являлись соглашением общественно-правового характера между шляхтой и вновь избранным королем. Они содержали обязательства избранника, принятые им на себя перед вступлением на трон. Обязательства касались внешней политики, армии, финансовых и других дел. Возникшие одновременно с «пактами-конвентами» Генриковские артикулы формулировали основные принципы государственного строя. Если пакты были конкретным соглашением, содержание которого изменялось в зависимости от личности избранника, то артикулы имели характер основных принципов государственного устройства шляхетской Речи Посполитой, т. е. характер фундаментальных прав. В Генриковских артикулах король признавал «вольную элекцию»; отказывался от наследственности трона; обязывался не решать вопросов войны и мира без учета мнения Сената; не созывать посполитого рушения без согласия Сейма и не выводить его за границу, разве что на условиях выплаты 5 гривен от копья; иметь при себе постоянный совет, состоящий из 16 сенаторов, именуемых резидентами; через каждые два года созывать Сейм. Предусматривалось, что если король не будет соблюдать права и привилегии шляхты, она может отказать ему в повиновении. Этот принцип, именуемый *articulus de non praestanda oboedientia*, являлся особенной формой известного феодализму права на сопротивление. С 1576 года оно вошло в содержание коронационной присяги польских королей.

Завершением междоусобия была коронация. Особый коронационный сейм собирался в Кракове. Коронацию проводил примас. Король издавал генеральное подтверждение прав, принимал коронационную присягу и сразу вслед за тем уведомлял иностранные дворы о своей коронации.

VII. СЕЙМИКИ И СЕЙМЫ

Сеймики и образование двухпалатного Сейма. Во второй половине XV века Казимир Ягеллончик неоднократно обращался не к Сейму, где преобладали магнаты, а к земским сеймикам, опираясь в своей политике на среднюю шляхту. С 1493 года выделялось постоянное, общегосударственное представительство земских сеймиков в виде Посольской избы. В то же время

Королевская рада преобразовалась в Сенат, а Вальный сейм стал двухпалатным.

На каждое воеводство или землю в Короне приходился один сеймик. С 1569 года в Речи Посполитой было около 70 сеймиков, из них 24 приходилось на Литву. В сеймике участвовала вся шляхта земли (воеводства). В связи с тем что земские сеймики выполняли разнообразные функции, они в зависимости от задач получали различные названия. Наиболее важными были те сеймики, которые созывались перед Вальным сеймом. Их созывал король, высылая легата с королевским письмом (легацией), в котором были изложены поводы созыва Сейма. Заслушав легацию и избрав послов, сеймик составлял общую инструкцию послам — наказ. Он содержал указания относительно позиции по вопросам, которые должны были стать предметом обсуждения на Сейме. В XVI веке нередко случалось, что сеймики не давали послам инструкций, предоставляя им свободу действий, называемую «полномочием». Сеймик мог ограничить наказ определенными вопросами, остальные же предоставлял свободной оценке и решению послов.

Избираемые на сеймиках послы собирались вместе с сенаторами каждой провинции (Малой Польши, Великой Польши, Мазовии и после 1569 года — Литвы) на генеральных сеймиках, или генералах. Здесь согласовывалась позиция каждой провинции на Вальном сейме. В середине XVII века генеральные сеймики прекратились, за исключением прусского. Вместо этого послы и сенаторы Малой Польши, Великой Польши и Литвы стали собираться во время сейма на отдельные так называемые «сессии народов» для согласования позиции провинций по вопросам, намеченным для обсуждения в Сейме.

Особо созывались (воеводами) элекционные сеймики, на которых выдвигались кандидаты на судебные земские должности. С 1572 года начали функционировать в периоды междуцарствия уже известные нам каптуровые сеймики. Когда был образован Коронный трибунал, стали ежегодно созываться депутатские сеймики для избрания депутатов в Трибунал. По окончании заседаний Сейма созывались реляционные сеймики, на которых послы отчитывались о выполнении ими посольских функций.

Решения, принимаемые сеймиками, если они касались вопросов, имевших общегосударственное значение (налоги, армия, безопасность земли), представлялись нередко на утверждение Сейму. Случалось, что, когда послы в Сейме, действуя в соответствии с наказами, сопротивлялись утверждению налогов, король по окончании заседаний Сейма обращался к сопротивлявшемуся сеймику (или сеймикам) с призывом присоединиться к мнению большинства. Это оказало влияние на возрастание значения сеймиков, особенно в XVII столетии.

Посольская изба сформировалась как представительство всей шляхты. Поэтому в избрании послов принимали участие также и сенаторы. Количество послов устанавливалось в соответствии с обычаем. Крупные воеводства посылали на общий Сейм по шесть послов, земли, как правило, по два, но мелкие земли и по одному послу (не считая участвовавших в общих сеймах с 1569 года послов от королевской Пруссии, количество которых было непропорционально велико).

После Люблинской унии в состав Посольской избы (без королевской Пруссии) входило 170 послов, в том числе 48 от Литвы. Духовенство было представлено епископами лишь в Сенате. Согласие духовенства на уплату налогов, требуемых государственной властью, давалось провинциальными синодами, которые как бы играли роль генеральных сеймиков духовного сословия.

В Посольскую избу не входили с 1505 года представители городов. Этому способствовала политика самих городов, которые вначале считали более удобным не зависеть от Сейма, а быть подчиненными непосредственно королю. Потом уже шляхта противилась допуску представителей городов в Посольскую избу. Таким образом, посольская изба стала являться представительством исключительно шляхетского сословия.

Организация Вального сейма. С середины XVI века господствующая конституционная доктрина гласила, что сейм состоит из трех «сеймовых сословий»: король, сенат и посольская изба. «Король в сейме» стал, таким образом, составной частью шляхетского парламента. Это изменение позиций монарха, прежде стоявшего над палатами, свидетельствовало о возрастании роли Сейма, ставшего высшим органом власти.

Вначале не существовало ни постоянных сроков созыва Сейма, ни постоянного места его заседаний,

Король созывал Сейм по мере необходимости и там, где хотел, но по большей части Сейм созывался ежегодно. Распорядок заседаний Сейма был урегулирован Генриковскими артикулами. Они вменили королю в обязанность созывать Сеймы через каждые два года, предусматривая, помимо того, созыв Сейма по неотложным вопросам. С этого момента Сеймы стали делиться на обычные (ординарные), созываемые раз в два года, и сеймы чрезвычайные (экстраординарные), созываемые в случае необходимости. Генриковские артикулы оговаривали, что ординарный сейм не может продолжаться более шести недель, а экстраординарные — не больше двух недель. Продление заседаний, называемое пролонгацией, требовало согласия всех послов. Резиденцией совместных польско-литовских сеймов, после Люблинской унии стала Варшава. С 1673 года каждый третий сейм должен был состояться в Гродно, т. е. на территории Великого Княжества, что подчеркивало равенство в рамках федеральной Речи Посполитой. Коронационные сеймы проходили в Кракове.

При Сигизмунде I был строго определен состав Сената. В него входили: римско-католические архиепископы и епископы, воеводы и каштеляны, а из коронных и надворных сановников только те, кто в XV веке заседал в Королевском совете. Вследствие этого в сенат не вошли гетманы и надворные подскарбии, должности которых утверждались позже. В начале XVII века насчитывалось 140 сенаторов, которые назначались пожизненно. На Вальный сейм Сенат созывался одновременно с Посольской избой.

Заседание Сейма и его постановления. Постановления Сейма нуждались в единогласии послов в соответствии с известным принципом *quod omnes tangit*, который в середине XVI века Иероним Оссолинский изложил в следующих словах: «Все новое, что касается нас, то без нашего соизволения постановленным быть не может».

Получение всеобщего согласия в Посольской избе облегчалось в случаях, когда послы не были связаны инструкциями. В XVI веке нередко случалось, что голоса немногих возражавших не принимались во внимание. В таких случаях принималась фикция единогласия, если не действовал нажим, чтобы несогласные подчинились мнению подавляющего большинства. Большин-

ством голосов решалось избрание маршала посольской изыбы и определялась действительность мандатов.

В Сенате — прежней Королевской раде — сенаторы не голосовали, а по очереди высказывали свое мнение (вотум). На этом основании король или от его имени канцлер формулировал общее мнение, что называлось конклюдзией (заключением). Заключение короля не было связано условиями, но совпадало, как правило, с мнением большинства. Конституции, принимаемые Сеймом, оглашались от имени короля. Ему принадлежала также окончательная редакция текста закона перед его опубликованием.

В конце XVI века развитие шляхетского парламентаризма, так или иначе связанного с мнением большинства, подверглось изменениям. Начали требовать скрупулезного соблюдения единогласия. Параллельно с этим возросла роль предсеймовых сеймиков, составлявших инструкции. Они становились все более подробными, приобретая характер обязательных наказов (императивный мандат).

Время от времени выдвигалось требование созыва так называемых рокошовых сеймов, в которых мог бы принимать участие каждый шляхтич (название произошло от местности Рокош в Венгрии, где собирались похожие венгерские сеймы). Правилom, однако, осталось представительство шляхты посредством послов, а название «рокош» стало употребляться с XVII века по отношению к конфедерациям, направленным против короля.

Компетенции Сейма. Она была в общем установлена в Конституции *Nihil Novi* (1505 г.). Сейму предоставлялось исключительное право принятия новых законов: «Отныне и на будущие времена нами, королем, и нашими преемниками не может быть установлено без совместного позволения сенаторов и земских послов ничего нового, что было бы в ущерб и тягость Речи Посполитой, а также во вред и в оскорбление кому-либо или же направлено к изменению посполитского права и вольности публичной». Сейм устанавливал налоги, что в условиях, когда существовали шляхетские налоговые привилегии, имело принципиальное значение. Сейму принадлежало право выражать согласие на созыв посполитого рушения, с 1578 года — нобилитации. Сейм заслушивал послов иностранных государств и

определял общее направление внешней политики. Сейм осуществлял контроль над правительством: подскарбии должны были отчитываться перед Сеймом в расходовании денежных средств, а деятельность короля должны были контролировать сенаторы-резиденты. На сейме происходил под председательством короля сеймовый суд по особо важным делам. Сейму принадлежало право помилования и амнистии. С конца XVI века центр тяжести управления государством сосредоточивался в Сейме. В следующем столетии объем компетенции Сейма продолжал возрастать. Только Сейму принадлежало право заключать мирные договоры и союзы. Усилился контроль Сейма над королем и министрами. Важнейшие должности король мог раздавать только на Сейме.

Сенаторы-резиденты. Попыткой создания постоянного сеймового органа для сотрудничества с королем в управлении государством был институт сенаторов-резидентов. Созданный в соответствии с Генриковскими артикулами, он должен был действовать в период между сеймами. Сенаторы-резиденты назначались на два года в количестве 16 человек с тем, чтобы сюда входили епископы, воеводы и каштеляны. Четверо из них должны были постоянно находиться при короле, сменяясь каждые полгода. В их задачу входило давать советы королю и осуществление контроля над его действиями, о чем они должны были отчитываться перед сеймом. На практике сенаторы-резиденты стали функционировать только с 1607 года, когда рокош Зебжидовского вызвал дальнейшее ограничение королевской власти. В 1641 году количество сенаторов-резидентов было увеличено до 28. Конституцией 1717 года король обязывался выполнять постановления сенаторов-резидентов. На практике это положение не получило большого значения, так как институт сенаторов-резидентов вскоре перестал действовать. Более широкий характер имели советы сената (*senatus consilia*), состоявшие из всех находившихся при дворе сенаторов, т. е. министров, сенаторов-резидентов и, конечно, королевских приспешников. Они давали королю рекомендации, называемые *senatus consulta*, которые составлялись в письменной форме, подписывались, а потом зачитывались в начале работы каждого сейма.

Срыв сеймов. Деятельность сеймов начинает подвергаться (вначале постепенно) изменениям уже в первой половине XVII века. Несмотря на свои широкие права, Сейм функционировал все менее исправно. Его деятельность была стеснена, а иногда парализовалась принципом единогласия послов (депутатов), а также обязанностью точно придерживаться инструкций поветовых сеймиков. Безрезультативность сеймов, когда на протяжении означенных шести недель не удава-

лось принять согласованные постановления, с последующим за тем срывом Сейма, стала особенно ясно проявляться с середины XVII столетия. В 1652 году один упицкий посол Владислав Сициньский не позволил пролонгации Сейма, вследствие чего Сейм так и не принял решения. Безрезультативность, связанную с истечением времени, отведенного для сессии сейма, следует отличать от срыва сейма путем так называемого «свободного запрета» (знаменитого либерум вето) до истечения срока сессии. Так был впервые сорван сейм в 1669 году. В 1688 году был сорван сейм еще до избрания маршалка Посольской избы.

Иногда применялась смягченная форма либерум вето, когда сопротивлявшийся посол заявлял *sisto activitatem*, что вызывало перерыв заседаний сейма вплоть до согласования спорных позиций. Следствием безрезультативности сейма было то, что ни одно из его решений не вступало в силу. Это вытекало из того, что конституции каждого данного сейма рассматривались как единое целое. От посла, срывающего сейм, не требовали обоснования, хотя и выражалось сожаление по поводу срыва сейма. Во времена правления саксонской династии результативными были лишь несколько сеймов (последний 1736 г.). В общем в 1582—1762 гг., т. е. на протяжении 180 лет, были распущены, не приняв решений, либо сорваны 53 сейма (около 40% всех сеймов). Магнатские клики либо отдельные магнаты, располагавшие несколькими или даже одним послом, могли с успехом парализовать сейм и не допустить принятия постановлений, которые бы затрагивали их интересы. Подобным же образом действовали агенты иностранных государств, способствуя углублению политического бессилия Речи Посполитой.

Развитие сеймиков в XVII веке. По мере того как ослабевала деятельность сейма, возрастало значение земских сеймиков. Во второй половине XVII века сеймики эти получили право избрания комиссаров в Трибунал казны. Они же создавали воеводские скарбовые суды (комиссии) для осуждения имеющих задолженность в уплате налогов и выполнения других, поручаемых сеймиками задач.

Функции локального сеймикового самоуправления развивались постепенно в течение XVII столетия. Проводимые с этой целью сессии иногда именовались

хозяйственными сеймиками. Они увязывались по времени чаще всего с депутатскими сеймиками. Происходило это таким образом, что сеймик продлялся еще на один день с тем, чтобы обсудить местные (земельные) дела и принять по ним решения.

Сеймики созывал король. В XVII веке, чтобы обойти это ограничение, сеймики стали применять отсрочивание — лимитацию заседаний и таким образом делались независимыми от центральной власти. Лимитированный сеймик мог сам возобновить формально отсроченные заседания. Достаточно, чтобы он был создан маршалком сеймика.

На сеймиках также установился принцип единогласия. Однако для выборов послов и депутатов Трибунала, т. е. для обеспечения представительства в сейме и в Коронном трибунале, был введен принцип мажоритарности. Со временем мажоритарность была усвоена большинством сеймиков.

Сеймиковое управление развилось в условиях упадка центральной власти, не способной обеспечить охрану внутренней и внешней безопасности государства. Обращение короля непосредственно к сеймикам по вопросам о налогах на содержание армии приводило к тому, что сеймики, принимая и взыскивая государственные налоги, получали прибыль за счет государственной казны.

Развитию сеймикового управления способствовал упадок влияния старост. После вхождения старост в иерархию земских чиновников сеймик взял на себя в значительной степени и местное управление. С началом XVII века сеймики сами стали призывать так называемых поветовых солдат. Ротмистры поветового войска назначались сеймиками.

Сеймиковое управление ограничила конституция 1717 года, отнявшая у них компетенцию в военных вопросах, а также в большинстве финансовых. Но эта реформа не вводила новых органов власти. Поэтому ее значение было ограниченным.

VIII. КОНФЕДЕРАЦИИ И РОКОШИ

Конфедерации шляхты. С началом XVIII века конфедерации стали существенным элементом политической жизни Речи Посполитой. С их помощью стремились восполнить пробелы государственного устройства во

время междоусобия или же реализовать намерения, которые не могла или не желала осуществить монархическая власть. В условиях перевеса магнатов в XVII—XVIII вв. конфедерации зачастую становились орудием в руках тех или иных магнатских группировок. Различались конфедерации, создававшиеся «при короле» для поддержки намерений монарха и «против короля». Правовую основу конфедерации, направленной против короля, представлял артикул об отказе от повиновения. На практике успех конфедерации зависел от ее активности и количества сторонников. Конфедерация, не признанная королем, называлась в XVI—XVIII вв. рокошом.

Конфедерация создавалась в каком-нибудь одном воеводстве, другие воеводства присоединялись к ней, а когда все либо по крайней мере большинство воеводств заявляли о присоединении, она становилась генеральной конфедерацией. Генеральные конфедерации создавались отдельно для Короны и Литвы. Основой конфедерации являлась добровольность союза, опирающегося на индивидуальное присоединение, подкрепленное присягой. Акт конфедерации включался в судебные книги.

Конфедерация избирала свой руководящий орган — *генеральность*, состоявший из маршалка конфедерации и советников, а также назначала военачальников в качестве командующих войсками конфедерации. Верховным органом конфедерации была Вальная рада (Общий совет), соответствовавшая сейму и избиравшаяся конфедератскими сеймиками. В Вальной раде председательствовал маршалок конфедерации, а решения принимались большинством голосов.

В XVIII веке стали созываться сеймы, связанные узами конфедерации. Такие сеймы принимали решения большинством голосов. Они наталкивались на сопротивление консервативной шляхты, видевшей в них покушение на единогласие и либерум вето, так как принцип мажоритарности исключал возможность срыва конфедерированного сейма. Жизненность конфедераций, несмотря на запрещение их сеймом 1717 года, была выражением и следствием слабости государственной власти.

Во второй половине XVII века получили развитие конфедератские суды. Они действовали на территории

данной конфедерации и вели к прекращению деятельности (на период ее существования) обычных судов. Особой формой конфедератских судов были каптурные суды. Их возникновение связано было с тем, что во время междуцарствия прекращалась деятельность обычных судов, выносивших приговоры от имени короля. Каптурные суды, избравшиеся воеводскими каптурными конфедерациями, функционировали вплоть до коронации нового короля. Они разбирали дела, касавшиеся безопасности лиц, имущества и общественного спокойствия.

IX. УЧРЕЖДЕНИЯ И ЧИНОВНИКИ

Центральные учреждения. Коронные и надворные сановники, вошедшие в Сенат, назывались министрами. Это были: *великий коронный маршалок* и *надворный маршалок*, *канцлер* и *подканцлер*, *коронный* и *надворный подскарбий*. После Люблинской унии в Сенат вошли аналогичные литовские министры.

Великий коронный маршалок управлял двором короля, был церемониймейстером, определял цены на продовольствие в месте пребывания двора и исполнял уголовное судопроизводство в королевской резиденции. Его заместителем являлся надворный маршалок. С середины XVI века во время заседаний Сейма зачитывались маршалковые артикулы, т. е. полицейско-уголовные распоряжения, объявляемые маршалком. Они обеспечивали безопасность в месте работы Сейма. Для поддержания порядка маршалок располагал маршалковской стражей.

Канцлер и подканцлер продолжали обладать широкой компетенцией в области иностранных и внутренних дел. В XVI веке только один из канцлеров имел духовное звание, второй должен был быть лицом светским. Канцелярия монарха вела канцелярские и подканцелярские книги, называемые Коронной метрикой для Короны и Литовской метрикой — для Литвы. Канцлер председательствовал в ассessorном суде.

Коронный подскарбий и надворный подскарбий заведовали королевской казной. Надворный подскарбий являлся заместителем коронного, а кроме того, ведал расходами на нужды короля и двора.

Вследствие введения постоянных наемных войск, требовавших квалифицированного управления, в конце XV века появился командующий этими войсками, именовавшийся *гетманом*. В 1503 году впервые была учреждена в качестве командующего наемными войсками должность коронного гетмана. С третьего десятилетия XVI века должность Великого коронного гетмана, как верховного главнокомандующего стала постоянной. В качестве его заместителя назначался гетман, именовавшийся польным. Аналогичные гетманские должности были учреждены в Великом Княжестве Литовском. Когда гетманы отсутствовали или же не могли исполнять своих функций, король назначал заместителей, которых с XVII века называли регементариями.

Пост гетмана был фактически пожизненным (формально с 1581 г.). Гетман занимал в Речи Посполитой важное, независимое положение. Гетманы издавали военно-судебные уставы, так называемые гетманские артикулы. Во время войны гетман мог приговаривать к смерти, а также представлять солдат к пожалованию шляхетского звания или к награде. Гетманы имели право держать собственных резидентов в Стамбуле, Бахчисарае, Яссах и Бухаресте, благодаря чему они оказывали серьезное влияние на внешнюю политику государства на Востоке. Хотя гетманы, как говорилось, официально не входили в состав Сената, на практике, по крайней мере, Великий гетман в нем заседал, так как пост гетмана совмещался с должностью воеводы или каштеляна.

Пост гетмана в Короне всегда находился в руках магнатов, владевших имениями преимущественно на украинских землях и заинтересованных в упрочении там господства магнатов.

В XVI веке была учреждена новая должность — *референдария*. Их было два: духовный и светский. Назначались они для ведения дел в королевских судах. С 1569 года референдарии участвовали в заседаниях Сената с совещательным голосом.

Местные учреждения. Чиновничий аппарат шляхетской Речи Посполитой был недостаточно развит, несмотря на наличие многочисленных местных урядников. Шляхта следила за тем, чтобы король не создал преданного ему гибкого чиновничьего аппарата. По отношению к крепостному населению функции государ-

ственной администрации выполняли помещики. Города имели собственные органы власти. Для удовлетворения же шляхетских амбиций назначались земские урядники не только в воеводствах и землях, но и в поветах, так что в XVIII веке каждый повет имел своих собственных урядников.

Постепенно земским учреждениям стала уподобляться канцелярия старосты. В течение XVI века староста, на практике уже пожизненный, рассматривал свою должность прежде всего как источник дохода. Функции же, связанные с должностью, возлагал на назначаемых им самим чиновников — подстаросту, бургграфа, гродского судью и др. Впоследствии должность старосты была отнесена к числу земских должностей. Иерархия этих должностей была установлена конституцией 1611 года, определившей после должности сенатора последовательно места: *подкомория, старосты, хорунжего, земского судьи, стольника, чашника, подсудка, подстольного, подчашника, ловчего, войского, писаря, мещника*. С тех пор повышение с одной должности на другую совершалось в соответствии с этой иерархией.

Относительно некоторых урядов действовало запрещение совмещения должностей (*incompatibilitas*). Так, нельзя было исполнять должность канцлера, будучи старостой, каштеляном или воеводой. В 1538 году было постановлено, что нельзя быть одновременно в одном и том же округе воеводой или каштеляном и вместе с тем старостой. Этим путем средняя шляхта стремилась ослабить значение магнатов, объединивших в одних руках несколько должностей вместе с их окладами. Она стремилась увеличить таким образом свои шансы на замещение таких должностей. На практике эти предписания часто не соблюдались, что становилось причиной споров между шляхтой, с одной стороны, и королем и сановниками, совмещающими в своих руках должности, — с другой.

Известная уже в XVI веке практика продажи должностей приобретала широкие размеры в следующем столетии. Она охватила должности, начиная от высших сановников и кончая земскими и даже самыми низшими, такими, как судебный исполнитель трибунала. За должности принимались и офицерские звания, которые также стали предметом купли-продажи. Должности продавал король, черпая отсюда дополнительные доходы. Де-

дали это и высшие сановники двора. Таким же образом сам чиновник зачастую продавал свою должность. Приобретались офицерские чины для малолетнего сына и даже для младенца. С другой стороны, продажа выслуженной должности нередко давала продающему материальное обеспечение, поэтому она была своего рода пенсией.

Х. ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Упадок народного ополчения. Участие в посполитом рушении, созывавшемся со времени Нешавских привилеев с согласия сеймиков, а с конца XV века — сейма, рассматривалось не только как долг, но и как привилегия шляхты. В сущности упадок недисциплинированного посполитого рушения, более склонного к собраниям, нежели к исполнению приказов, наметился со времени Тринадцатилетней войны между тевтонским орденом и Польшей (1454—1466).

Уклонение от участия в ополчении каралось конфискацией имений. Массовые конфискации (около 2400), проводившиеся в 1497 года за неявку для участия в Валашском походе, свидетельствовали об ослаблении шляхетского ополчения. Предпринимались попытки к его оздоровлению и к удержанию шляхты в состоянии военной готовности, в том числе посредством смотров, называемых пробами, проводимых время от времени в мирное время. Однако они помогали мало. Шляхта отвыкла от военной службы, однако принцип, что каждый шляхтич, владеющий землей, обязан нести военную службу, старалась поддерживать. Этим она обосновывала свои привилегии и вместе с тем сдерживала расширение постоянного наемного войска, требовавшего денежных средств, получаемых от обложения налогами, и могущего способствовать монарху в упрочении его власти.

Наемные войска. С XV века начали применяться наемные войска, формировавшиеся главным образом на время войны. Во время Тринадцатилетней войны командующие, назначаемые королем от его имени, проводили вербовку, а жалованье выплачивалось из государственной казны. В мирное время также было необходимо иметь хотя бы немногочисленные постоянные вооруженные силы.

Такой силой являлась в конце XV века поточная оборона — вооруженная сила на юго-восточной границе. Король содержал ее за свой счет в количестве 1500 — 3000 человек. Только на сейме 1562—1563 гг. было принято постановление об организации постоянного так называемого квартового войска. Это постоянное наемное войско, создаваемое для обороны юго-восточных границ Речи Посполитой, содержалось за счет отчисления $\frac{1}{4}$ (кварты) доходов держателей королевских имений. В связи с малой численностью квартового войска (около 3500 человек) в случае войны оно увеличивалось за счет дополнительной вербовки соразмерно денежной сумме, выделяемой на эти цели сеймом. Король выдавал ротмистрам так называемые памятные списки, на основании которых проводилась вербовка солдат. Командовали наемными войсками гетманы.

В середине XVII века из-за восстания на Украине и войн, которые вела Речь Посполитая, начали устанавливать постоянную численность наемного войска. Оно именовалось компутовым войском (компут — личный состав войска, устанавливаемый, как секретный документ, специальной делегацией сейма). Компутовое войско насчитывало в 1649 году 26 тыс. солдат. После формирования компутового войска квартовое войско перестало существовать: поступления от кварталы стали предназначаться на содержание артиллерии.

Избранная пехота. При Стефане Батории численность войска была увеличена путем создания лановой пехоты, именуемой также избранной. Она состояла из крестьян по образцу венгерской пехоты, получившей развитие в период борьбы с турецкими янычарами. Был принят принцип: от 20 ланов королевских угодий должен был идти в войско один избранник. В качестве вознаграждения за службу избранник получал специальный избранныцкий лан, обладание которым было вознаграждением за несение военной службы. Избранницкие ланы освобождались от барщины, поэтому их положение сближалось с солтысскими ланами. Образование избранной пехоты было задумано как реформа, укрепляющая обороноспособность государства, притом опирающуюся не на часто деморализованных, служивших за жалованье наемных солдат, а на связанных с землей специально избранных крестьян. Она не была многочисленной — не превышала 2300 человек.

С 1655 года в случае необходимости стал практиковаться призыв лановых или же «дымовых» солдат. Это была пехота или кавалерия, рекрутировавшаяся в королевских, шляхетских и церковных имениях в количестве один крестьянин от 5, 10, 15 или 20 ланов, а также от 25—50 дымов в местечках. В лановой или дымовой системе можно видеть зародыш новых, основанных на призыве форм рекрутирования, которые значительно усилили в XVIII веке армии соседних государств.

Реестровые казаки. Казаки были организованы в военные отряды (полки, сотни) на территориальной основе. Они формировались на Украине в XVI веке для борьбы против нападения крымских татар. Казацкая старшина, рекрутировавшаяся главным образом из мелкой украинской шляхты, выдвигалась на ведущее место среди казачества. Часть казаков осела в низовьях Днепра. Их называли запорожцами, либо сечевиками, так как их центром являлась Запорожская Сечь — укрепленный лагерь на острове Хортица, за днепровскими порогами. Во главе Сечи стоял гетман войска Запорожского. Все должности в Запорожском войске были выборными. По мере расширения Сечи польские власти стремились подчинить ее себе. Средством для этого было принятие части казаков на королевское содержание. Получающие жалованье казаки вписывались в реестр и назывались реестровыми казаками (с 1578 г.). Гетман Запорожского войска был подчинен Черкасскому старосте. В 1590 году число реестровых казаков составляло тысячу.

Каперский флот и морская комиссия. Идея создания польского военного флота появилась у Сигизмунда Августа перед началом войны за Лифляндию. Этот флот состоял из каперских судов, именуемых в официальных документах *Custodes maris*. Каперским судам, принадлежащим собственникам, выдавались специальные письменные полномочия на право вербовки экипажа, а также являвшиеся доказательством того, что они не являются пиратами.

Созданию каперского флота противился Гданьск, который, защищая свои торговые интересы, добивался его ликвидации. Поэтому базой каперского флота стал Пуцк. Морские дела король поручил особой морской комиссии, которая действовала в 1568—1572 гг. Это был коллегиальный орган, целью которого являлась организация обороны побережья и защита флота, а также судопроизводство по делам, связанным с каперской добычей.

Попытка строительства собственного морского флота была предпринята Сигизмундом III Вазой, но только его сын и преемник Владислав IV построил флот из 12 кораблей, а также оборудовал для них специальный порт в Владиславове. Однако из-за отсутствия средств, уклонения шляхты от обложения в пользу флота и постоянного сопротивления Гданьска корабли были проданы в 1641—1643 гг.

Авторамент национальный и чужеземный. В то время наемное войско делилось на авторамент (тип вербовки) национальный польский, состоявший главным образом из кавалерии (гусары, легкая кавалерия), и авторамент чужеземный, состоявший главным образом из пехоты, артиллерии и драгун. Чужеземный авторамент был организован в полки. Во главе каждого из них стоял полковник, который занимался вербовкой и организацией. Первоначально в чужеземном автораменте преобладала венгерская пехота, затем со времен Владислава IV — немецкая. Во второй половине XVII века солдатами в чужеземном автораменте были уже польские крестьяне; чужеземными оставались частично офицерские кадры и регламенты.

Войско Речи Посполитой после реформы 1717 года. Под давлением царской России сейм 1717 года сократил численность войска до 24 200 солдат и офицеров как для Короны (18 000), так и для Великого Княжества Литовского (6 200). Эта реформа отвечала стремлениям шляхты, так как не слишком обременяла ее налогами с имений. Это был период упадка польской военной организации, продолжавшийся до 1764 года. В то время шляхетские «товарищи» из панцирных и гусарских хоругвий не были даже обязаны находиться при хоругвии в мирное время. Они лишь получали жалованье из поступлений от налогов, взыскиваемых с помощью собственного военного уполномоченного. Единственным элементом упорядочения было создание в 1717 году постоянного бюджета на войско. Фактическая численность армии была значительно меньше предусмотренной штатами. И это происходило в то время, когда Пруссия и Австрия имели почти стопятидесяти-тысячные армии, Россия же — более чем трехсоттысячную.

Частные войска. Собственные, хорошо организованные и оснащенные частные (придворные) войска, называвшиеся также милицией, имели в XVII и в XVIII веке отдельные магнаты. Существование частных войск оправдывалось обыкновенно наличием посполитого рушения, поскольку магнаты вместе со свитой составляли его часть. Содержание частных военных отрядов в мирное время было выражением процесса вторичного феодального раздробления шляхетской Речи Посполитой.

В частных войсках имелись все виды оружия: кавалерия, пехота и артиллерия. Офицерские и подофицерские чины были такие же, как и в государственном войске. Магнаты располагали крепостями, нередко более современными и лучше оснащенными артиллерией, чем государственные. Они вербовали на военную службу

также и мещан частновладельческих городов. Частные войска служили магнатам средством удерживания в повинности крепостных. Они являлись также средством для того, чтобы держать в зависимости шляхту, которой предоставлялась возможность службы в кавалерийских хоругвиях магнатов, а офицерам — также в других частных формированиях. Наконец, они являлись орудием политики каждого из магнатов. В условиях, господствовавших во второй половине XVII и первой половине XVIII века, магнатские войска еще нередко принимали участие в частных войнах, являвшихся нередко формой разрешения конфликтов между отдельными магнатами либо отдельными фракциями магнатов, как это имело место в Литве в 1700—1701 гг., когда магнаты во главе с Радзивиллами вели настоящую войну против других могущественных семей.

XI. ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Организация казны. В сословной монархии личная казна короля отделялась от государственной казны. Из казны черпали средства на личные расходы короля, содержание двора, армии, посольств и т. д. В последующий период наметилась тенденция передать финансовые дела под контроль сейма. Введение наемных войск, которые содержались за счет обложения специальными налогами, вело к отделению государственной казны от королевской. Первыми были обособлены расходы на нужды армии, которые с началом XVI века стали контролироваться сеймом. В 1507 году сеймовая конституция требовала, чтобы суммы, поступающие от налогов, хранились отдельно и не тратились на нужды двора.

Начало созданию государственной казны было положено законом о содержании наемного войска 1563 года. С этой целью в 1569 году была создана отдельная казна с местонахождением в Раве Мазовецкой, получившая название равской. В нее поступали доходы от так называемой «квартиры». Сеймы, устанавливавшие налоги на нужды войска, выделяли из своего состава сборщиков и казначеев, которые сотрудничали с подскарбием во взыскании и расходовании этих сумм. Таким образом, постепенно происходило разделение казны на придворную и государственную. В 1632 году были описаны источники доходов придворной казны, в чем нашло выражение разделение обоих видов казны.

После разделения казны на государственную и придворную придворный подскарбий заведовал средствами, предназначенными на содержание короля и двора. В непосредственном распоряжении коронного подскарбия оставалась часть поступающих в государственную казну обычных доходов. Коронный подскарбий представлял сейму отчет о расходовании государственных фондов. В XVII—XVIII вв., когда сеймы стало труднее созывать, отчеты давались редко.

Королевские имения. С началом XVI века шляхта вела борьбу за возвращение королевских имений, переданных в пожизненное или потомственное пользование магнатам, в виде так называемых *zastaw* (закладов). Заклады отдавались за известную сумму с тем, чтобы залогодатель пользовался доходами с имения впредь до возвращения залога. Конституция 1504 года запретила королю закладывать королевские имения. Если же король был к этому вынужден, предписывалось, чтобы это делалось «на пользу Речи

Посполитой, на вальном сейме и с позволения господ сенаторов». Залогодержателям было приказано возвратить арендуемые угодья, приняв за принцип, что заклад королевских имений является временным. Конституция 1504 года явилась исходным пунктом продолжительной борьбы за экзекуцию (возвращение) имений. Заложенные имения удалось в значительной мере вернуть во время правления Сигизмунда I Старого, когда были восстановлены королевские удельные земли (домены).

Со времени сейма 1562—1563 гг. начался этап экзекуции имений, шедший параллельно с экзекуцией прав. В момент начала кампании доменальные имения на территории Короны насчитывали 167 городов и 1462 деревни, из них 26 городов и 206 деревень были заложенными. В последующие годы была возвращена значительная часть заложенных (или же розданных вопреки запрету 1504 г.) королевских имений. Одновременно было принято уже известное постановление о том, что $\frac{1}{4}$ дохода с королевских имений должна предназначаться на содержание постоянного войска. Фактически это была $\frac{1}{5}$ часть доходов, так как одновременно было разрешено их посессорам расходовать $\frac{1}{5}$ доходов на собственное содержание. В то же время утвердилось следующее распределение доходов с королевских имений: $\frac{1}{5}$ на войско, $\frac{1}{5}$ для посессора, $\frac{3}{5}$ — для короля. Практика, однако, стала быстро отходить от этого принципа. Посессоры растягивали сроки платежей, обращались с просьбами об освобождении их под предлогом различных стихийных бедствий, а на восточных землях — из-за татарских нашествий, наконец, пользовались междуцарствием, чтобы уклоняться от уплаты. В результате уже на рубеже XVI—XVII вв. посессоры удерживали за собой $\frac{4}{5}$ платежей, т. е. уплачивая одну только квартиру.

Среди королевских имений различались гродские староства и негродские. Первые составляли комплекс имений, оставшихся под управлением гродского старосты, зачастую называемого судебным, так как ему принадлежала юрисдикция в гродском суде. В отличие от гродских староства негродские представляли собой обширные комплексы королевских имений, отдаваемых чаще всего в заклад или в аренду. Аренда или заклад староства приносили большие доходы, составляя один из источников укрепления материального могущества держателей-магнатов. Но круг лиц, имевших шансы на получение староства, был ограниченным. Именно это явилось поводом борьбы средней шляхты за новое перераспределение староств. Вначале короли отдавали староства временно (*ad bene placitum*), а затем широко стала практиковаться передача в пожизненное пользование. Короли по силе возможности стремились к тому, чтобы как можно большее число староств отдавать в обычную аренду (предпочтительно на три года), которая приносила наибольшие доходы казне. В то же время магнаты стремились получить их в пожизненное пользование и, не ограничиваясь одним староством, сосредоточивали в своих руках как можно большее их число. Около 1590 года великий коронный канцлер Ян Замойский имел 12 староств, а великий коронный маршал Анджей Опалиньский являлся держателем 7 староств. Зачастую староства после отца получал сын, что приближало их к именьям — ленам.

Поскольку переданные в пожизненную аренду королевские имения приносили казне все меньше дохода, в 1590 году была проведена

реформа, которая должна была обеспечить королю средства на содержание его и двора. С этой целью было выделено несколько крупных староств на территории Короны, которые вместе с крупными краковскими королевскими имениями и аналогичными комплексами, выделенными в Великом Княжестве, должны были оставаться под непосредственным управлением придворного подскарбия (как имения престола). Они назывались экономиями.

Доходы казны. Доходы казны происходили из различных источников: а) доход от монетного двора. После инкорпорации королевской Пруссии в 1466 году сохранились две отдельные монетные системы: коронная и прусская. В 1528 году монетная система Польши была объединена с монетной системой королевской Пруссии. После Люблинской унии польская и литовская монеты были унифицированы при сохранении особой литовской ее чеканки. Первичной монетой был грош. Злотый составлял 30 грошей; б) арендная плата с королевских имений, которая на практике становилась все меньшей, в) кварта, которая, уменьшаясь в конце XVI века, составляла реально только 10% доходов с королевских имений, а в следующем столетии понизилась даже до 5%. Весь остаток оставался в руках арендующих староства магнатов; г) налоги, составлявшие непостоянный доход, так как устанавливались сеймом на год, иногда на несколько лет. Привилегированные сословия от налогов были в принципе освобождены. Постоянно платили крестьяне только лановую подать (прежние пососные) в размере 2 грошей с лана в помещичьих имениях и 4 грошей — в костельных. Наряду с лановой податью, стоимость которой по мере девальвации денег приобретала скорее символический характер, взимались с крестьян на основе постановления сейма чрезвычайные лановые уплаты, называемые побором. Во второй половине XVI века побор, несмотря на то что формально он являлся налогом чрезвычайным, производился почти ежегодно. Взимаемый в размере 30 грошей с лана, он сделался единицей, применяемой повсеместно. В случае надобности принималось постановление о взимании побора в двойном и даже тройном размере. В XVII веке, поскольку росло количество пустошей, был принят (в 1629 г.) в качестве единицы обложения *дым*, т. е. жилой дом (отсюда — подымное). Параллельно с побором налагался имущественный налог на города, называемый *шосом*. В XV веке шос налагался на город в целом. Распределение по плательщикам предоставлялось органам городского самоуправления. С евреев взимался поголовный еврейский налог.

Новыми налогами, введенными в начале второй половины XVII века, были: *акцизы*, *шеленжные* (от *szelag* — медная монета) и *хиберны*. Акциз — это был всеобщий налог с городов, исчисляемый в обороте в виде процента от стоимости товаров, проданных на рынке. Шеленжные — это налог на напитки (так называемый налог десятого шеленга). Он оставался в распоряжении сеймиков. Наряду с этим продолжало существовать «чоповое», вносимое мещанами с производства и продажи в городских шинках пива, меда, вина и водки. Он являлся в середине XVII века воеводским налогом.

Своеобразный характер имела хиберна (от лат. *hiberna* — зимняя стоянка) — налог, взимаемый от королевских и костельных имений и предназначенный на содержание войска. Он был замышлен в качестве эквивалента за освобождение этих имений от воен-

ного постоя в зимний период. Получаемая вначале войском в натуре, в середине XVII века хиберна стала денежным налогом. Она оставалась в распоряжении гетманов, но с известного времени распределение хиберы происходило при участии депутатов сеймиков.

Римско-католическое духовенство в принципе было освобождено от налогов. Под давлением общественного мнения оно соглашалось чаще всего на уплату «добровольного дара» (*subsidium charitativum*). Уплаты эти никоим образом не соответствовали доходам от церковных угодий; д) отдельно поступали доходы из королевской Пруссии и из ленных княжеств; е) пошлины, составляя постоянный доход короля и Речи Посполитой, могли бы составить значительную сумму, но, отдаваемые зачастую в аренду, они обогащали арендаторов.

Во второй половине XVII и в начале XVIII века налагались зачастую чрезвычайные общие (генеральные) пошлины, составляющие 35% стоимости товара; их должна была платить также и шляхта. Генеральная пошлина не оправдала, однако, возлагаемых на нее надежд, так как на время ее действия не снижались обычные пошлины. Чрезмерно обремененные генеральной пошлиной, купцы на это время прекращали торговлю.

Взимаемые наряду с государственными пошлинами пошлины воеводские, старостские, городские и частные являлись подлинным бедствием для торгового оборота.

Вопросы приспособления финансовой системы к потребностям государства были предметом заботы большинства сеймов во времена правления саксонской династии. Сейм 1717 года установил определенный порядок в финансах. Он ввел постоянные налоги с имений шляхты, предназначенные на содержание армии, а также ликвидировал зависимость воинских частей от сеймиков. Войско должно было получать полагающиеся ему суммы непосредственно от налогоплательщиков, а в случае неполучения в срок имело право их принудительно взыскивать.

Контроль за расходованием сумм из государственной казны после ее отделения от придворной перешел к компетенции Вального сейма. Сейм выделял комиссию, которая контролировала функционирование финансовой системы. Она называлась финансовой комиссией, а позднее Финансовым трибуналом или, иначе, Радомским — по местности, где она собиралась. С 1667 года избрание комиссаров, входящих в состав Трибунала, было передано реляционным сеймикам. Финансовая комиссия вела также судопроизводство по финансовым вопросам, отсюда ее определение как трибунала. Со второй половины XVII века Радомский трибунал рассматривал и жалобы военнослужащих, включая жалобы на задержку жалования, на неподвижение по службе, на несправедливое понижение в чине. С 1717 года Трибунал стал постоянным учреждением.

ХII. ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА

Гимназия и коллегия. Развитие культуры Возрождения вызвало к жизни новые школы типа средних учебных заведений. Они были предназначены для детей зажиточного мещанства и шляхты. Характер средней шляхетской школы имела созданная

в Познани в 1519 году Коллегия Любраньского, программа которой предусматривала изучение классической культуры. С середины XVI века стали возникать средние школы, называемые гимназиями, создаваемые как протестантами, так и католиками. Наибольшее значение имели гимназии, финансируемые городами (Краков, Познань, Гданьск, Торунь, Эльбинг).

Большое влияние на школьное дело оказывали иезуиты, которые, начиная с 1564 года, основали 15 коллегий — исключительно для шляхетской молодежи. Включив в программы преподавания гуманитарных дисциплин обучение риторике, нужной в политической жизни, они были привлекательными для шляхты. Поэтому в иезуитские коллегии нередко отдавали своих детей и иноверцы. Таким путем иезуиты приобщали иноверческую шляхту к католицизму. Обучение в иезуитских коллегиях велось на латинском языке, что тормозило развитие национальной культуры и польского литературного языка.

Высшие школы. В области высшего образования Краковский университет долгое время оставался единственным высшим учебным заведением в Польше. На рубеже XV—XVI вв. он переживал расцвет в связи с развитием точных наук (математика, астрономия). Но уже в третьем десятилетии XVI века господство схоластики и сопротивление реформаторским идеям привело к упадку университета и к значительному сокращению количества его студентов.

В княжеской Пруссии возник университет в Кенигсберге (1544 г.), привлекавший студентов из Польши и Литвы. Шляхетская молодежь в большом количестве выезжала для получения высшего образования за границу, в известные научные центры Европы как в католические, так и в протестантские страны. Кризис, переживаемый Краковским университетом, породил планы основания второго университетского центра. В 1579 году иезуиты создали академию в Вильнюсе. Несколько позднее Ян Замойский открыл частную академию в Замостье (1594 г.) исключительно для шляхетской молодежи. Там была образована кафедра права и велось преподавание римского и польского права.

ХIII. СУДОПРОИЗВОДСТВО

Земские и городские суды. Как шляхетские суды первой инстанции продолжали действовать суды земские, городские и подкоморские. В земском суде требовалось присутствие судьи, подсудка и писаря, которые составляли штат суда. В XVII веке земские суды переживали упадок, в некоторых землях они не собирались на протяжении десятилетий, кое-где должности судей были вакантными ряд лет, так как шляхта не могла договориться о кандидате.

В то же время сохранил и даже расширил свою юрисдикцию городский суд. Назначаемый старостой городский судья, независимый от сеймика, действовал

исправно. Увеличивалось число его функционеров, расширялась компетенция, охватывая наряду с уголовными также и гражданские дела.

Наряду с гродским судом в XVI веке развивался гродский уряд (*officium*), где хранились судебные книги. Гродский уряд был открыт для записей ежедневно. В условиях упадка земских судов усиливалось стремление в пользу предоставления гродским учреждениям права производить так называемые вечные записи, касающиеся недвижимости (подобно нотариальным). В конце концов все гродские управления получили право принятия вечных записей.

Коронный трибунал. Для 1578 года король был высшим судьей для шляхты. В придворном суде он мог разбирать все дела как во второй (после введения апелляции в 1523 г.), так и в первой инстанции или же назначать для рассмотрения определенного дела комиссарский суд. Для разгрузки королевского суда, который после введения апелляции оказался буквально засыпан делами, были созданы в воеводствах вечевые суды наподобие прежней, известной в первой половине XV века формы высшего суда, потом временные суды последней инстанции в воеводствах (в 1563 г.).

Проблема была решена лишь путем отказа короля от роли высшего судьи в пользу шляхетского сословного суда. Это произошло в 1578 году с созданием Коронного трибунала. Коронный трибунал собирался для Малой Польши весной и летом в Люблине, для Великой Польши — осенью и зимой в Пётркове. В Трибунале заседали представители шляхты, избираемые ежегодно на сеймиках, называемых депутатскими. Было 27 депутатов от шляхты и 6 депутатов от духовенства. В целом Трибунал насчитывал 33 члена. Дела шляхты разбирали только депутаты от шляхты, в делах, где одной из сторон было духовное лицо, суд составлялся наполовину из представителей духовенства и наполовину из шляхтичей. Во главе Трибунала стоял избираемый маршал. Духовные имели своего президента. Трибунал рассматривал апелляции в последней инстанции по приговорам судов земских, гродских и подкоморских. Приговор должен был выноситься по возможности единогласно; большинство голосов применялось только при третьем голосовании.

В царствование королей саксонской династии Трибунал являлся также орудием правления магнатской олигархии. За должность маршала Трибунала велась ожесточенная борьба магнатских группировок. Нечестность трибунальских судей, вынесение приговоров под влиянием взяток или же указаний магнатов, клиентами которых они были, стали с середины XVII века обычными. Упорядочением трибуналов занимались многие сеймовые конституции, но даже важнейшая из них, так называемая Великая корректура Трибунала 1726 года, не решила своей задачи.

Сеймовый суд. Этот суд функционировал только во время заседаний сейма. Вначале не было никакой разницы между ним и другими королевскими судами. Ассессорами были сенаторы, усиленные с конца XVI века депутатами, избираемыми Посольской избой. Сеймовый суд заседал под председательством короля. После учреждения Коронного трибунала к компетенции сеймового суда относились: 1) оскорбление величества; 2) государственная измена; 3) дела о финансовых злоупотреблениях высших чиновников; 4) гвалты на сеймах и сеймиках; 5) преступления, совершаемые шляхтичами, за которые полагалась смертная казнь, конфискация имения или изгнание; 6) некоторые гражданские дела, в которых была заинтересована государственная казна. Объем компетенции сеймового суда расширился в XVII веке вследствие принятия принципа, что только он властен выносить решения по случаям, не предусмотренным правом, формулируя приговоры в виде преюдикатов.

Вмешательство сеймового суда в дела других судов имело характер, близкий к праву помилования. Он издавал постановления о прощении, кассировал приговоры других судов не только тогда, когда имело место нарушение формальностей, но и в тех случаях, когда приговор признавался неправильным по существу. Во второй половине XVII и в XVIII веке сеймовый суд практически захирел, так как все чаще были срывы сейма.

Суды ассессорский и маршалковский. К концу XVI века стал самостоятельным по отношению к королю ассессорский суд. С этого времени он заседал под председательством канцлера, став верховным апелляционным судом для королевских городов. Он же рас-

сма­три­вал дела о границах между королевскими и частными именьями. Ассессорский суд имел превосходство над другими судами в области юридической культуры судей, а также принадлежащей к нему в значительной части мещанского происхождения адвокатуры. В общественном мнении ассессорский суд считался единственным в тогдашней Польше неподкупным судом.

Маршалковские суды рассматривали уголовные дела, связанные с нарушением общественного спокойствия и безопасности.

Референдарский суд. Референдарии появились (с 1507 г.) в связи с исчезновением должности придворного судьи. Вначале референдарии заслушивали стороны и реферировали дела. В восьмидесятых годах XVI века они начали выступать как самостоятельные судьи по делам крестьян королевских имений. Кроме того, референдарии принимали участие в ассессорском и сеймовом судах, ведя реестр дел.

Референдарский суд являлся домениальным судом короля. Он рассматривал дела, вносимые крестьянами королевских имений. Действуя главным образом в интересах казны, он должен был следить за тем, чтобы старосты-арендаторы чрезмерной эксплуатацией не разоряли крестьян в королевских имениях. Отсюда бывало, что референдарский суд становился на защиту крестьян от чрезмерной по тогдашним понятиям эксплуатации. За препятствование крестьянину в подаче жалобы король мог наказать старосту денежным штрафом, мог также обеспечить крестьянину защиту от преследования с помощью охранной грамоты — глейта. На практике эти средства редко были результативными, а старосты различными способами препятствовали крестьянам из королевских имений в подаче жалоб референдариям, а также и в исполнении вынесенных приговоров.

Городские и вотчинные суды. В городах и деревнях на немецком праве сохранялось судопроизводство в соответствии с последним. В королевских городах, однако, действовавшая правовая система увязывалась с предоставленными городам и мещанам привилегиями. Король был вправе изменять их, но, как правило, не нарушал норм, освященных долговременной традицией.

Иначе было в деревнях, где немецкое право действо-

вало в XVI—XVIII вв. по воле помещика и могло быть им изменено. Помещики распространяли эти свои права и на частновладельческие города, хотя и считалось, что мещане таких городов могли претендовать, опираясь на локационные привилегии, на защиту от автократической власти помещиков. На практике, однако, все решал пан города, выступая в роли законодателя.

Ограничение компетенции городских судов немецкого права в XVI веке нашло выражение в том, что вместо высших судов немецкого права в качестве апелляционных судов для мещан частных городов стали выступать суды «домениальные» или, иначе, — вотчинные, а в королевских имениях и малых королевских городах — суды староств; в крупных королевских городах апелляции направлялись в ассессорский суд.

Сельский суд лавников функционировал под председательством чиновника доминиума, который с XVI века именовался *войтом*. Судил он с участием лавников. В сельских судах применялось немецкое право наряду с местным обычным правом, а также, если таковые существовали, — с ординациями землевладельцев, которые, как уже говорилось, могли произвольно издавать правовые нормы, действующие в пределах поместья. Приговор сельского суда можно было обжаловать, апеллировав к суду пана. Сельские суды вели свои книги, в которые заносились приговоры, соглашения, касающиеся передачи земель или иных имущественных прав, наследования, сельских постановлений и т. п.

В королевских имениях и некоторых магнатских латифундиях был известен домениальный суд, именуемый замковым судом. Он являлся также апелляционной инстанцией в отношении сельского суда лавников, а осуществлял его обычно подстароста, именуемый иногда бургграфом; тогда крестьяне королевских имений могли апеллировать на него к старосте, а в частных поместьях — к их владельцу. В королевских имениях крестьянам оставалась еще возможность апеллировать к референдарскому суду. Принадлежавшая помещику судебная и карательная власть по отношению к крепостным крестьянам была всеобъемлющей, вплоть до смертной казни включительно.

В пределах магнатских «государств» возникали такие учреждения, как Замойский трибунал — домениальный апелляционный суд для городов и сел Замойской

ординации. В его состав входили представители пяти частных городов ординации, замойский войт, профессор права замойской академии и замойский бургграф, который председательствовал в суде. Этот суд имел собственную стражу, канцелярию и архив. Охотно подчинялась его юрисдикции и окрестная шляхта, так как суд благодаря могуществу Замойских обеспечивал исправное исполнение приговоров.

XIV. ЛЕНЫ

Лен княжеской Пруссии. Ленное верховенство Польши над княжеской Пруссией брало свое начало от Торуньского мира 1466 года. Инициатива подчинения Пруссии Польше исходила от сословий: рыцарства и городов. Хотя они являлись в значительной степени немецкими, эти сословия решили сбросить ярмо Ордена и подчиниться Польше, к чему склоняли их хозяйственные связи, а что касается рыцарства, то оно надеялось на получение существовавших в Польше шляхетских привилегий. Как известно, польский король носил также титул: сюзерен и наследный владетель Пруссии.

Торуньский трактат (1466 г.) постановил, что Орден сохраняет территориальное владение в так называемой Орденской Пруссии, но уже как ленник польского короля.

Неоднократные попытки Ордена вызволиться из-под верховенства Польши привели к тому, что король и польские сословия одобрили проект секуляризации Пруссии, который возник в связи с распространявшейся реформацией. Краковский трактат 1525 года признал бывшую Орденскую Пруссию светским княжеством. Орден крестоносцев был ликвидирован. Его великий магистр Альбрехт Гогенцоллерн, перешедший в протестанскую веру, получил как светский князь Пруссию, ставшую княжеством в виде лена, с титулом князь в Пруссии, чем подчеркивалось его несамостоятельное положение. Прежние члены Ордена стали светскими феодалами. Польская сторона руководствовалась стремлением к ликвидации Ордена и исключению тем самым вмешательства императора и папы в польско-пруссские отношения.

Исполняя трактат 1525 года, Альбрехт принес торжественную присягу Сигизмунду I Старому на Краковском Рынке. Однако польская сторона упустила возможность, предоставленную по трактату 1525 года. Прусский князь, хотя и получил высокое место в сенате Короны, не был допущен к выборам польских королей, и таким образом был упущен удобный случай для более тесного соединения княжеской Пруссии с Короной. В 1611 году Сигизмунд III Ваза передал после смерти последнего князя из линии Гогенцоллерн-Ансбах прусский лен бранденбургским Гогенцоллернам. Бранденбургские курфюрсты, используя свои сильные позиции, постепенно высвобождались из-под зависимости от польских королей. Во время войны со Швецией в середине XVII века, воспользовавшись неблагоприятной для Польши ситуацией, курфюрст за отказ от союза со Швецией добился ликвидации ленных отношений с Речью Посполитой, которые были заменены соглашением

о союзе (Велявско-Быдгошский трактат 1657 г.). Наконец в 1701 году бранденбургский курфюрст короновался в Кенигсберге как «король в Пруссии». По соседству с Речью Посполитой поднималась враждебная ей, захватническая держава.

Лифляндия и Курляндский лен. Территории нынешних Латвии и Эстонии, именуемые по-польски Инфлянтами, оказались в начале XIII века под властью немецкого Ордена меченосцев, который в 1237 году объединился с крестоносцами. Зависимость Лифляндии от крестоносцев прекратилась в 1525 году после секуляризации Пруссии. В Инфлянтах еще на протяжении нескольких десятилетий сохранялся рыцарский Орден, называвшийся Ливонским. Там он делил свою власть с рижским архиепископом, которому принадлежала $\frac{1}{3}$ территории Лифляндии.

В XVI веке Россия, стремясь к непосредственному контакту с Западной Европой, предприняла усилия по приобретению побережья Балтики путем овладения Ливонией. Захватнические стремления проявляли также Дания и Швеция. Тогда-то Ливонский орден, а также рижский архиепископ перешли под протекторат Сигизмунда Августа, благодаря чему надеялись удержать свои господствующие позиции в Лифляндии. Соглашение было заключено 28 ноября 1561 г. (так называемое Виленское соглашение). Им было объявлено о роспуске и секуляризации Ордена. Магистру Готтхарду Кетлеру, как наследственному светскому князю, были отданы Курляндия и Семигалия в качестве лена, остальная же часть Лифляндии с Ригой и Рижским архиепископством была подчинена непосредственно Польше и Литве. В Виленском соглашении король обещал свободу аугсбургскому (лютеранскому) вероисповеданию, которое стало господствующим, сохранение прежних учреждений и немецкого языка с заменой ленных угодий наследственными; городу же Риге — самостоятельное положение по образцу Гданьска.

Первоначально отношение Лифляндии к Польше и Литве не было сколько-нибудь точно определено, и только после Люблинского сейма 1569 года Лифляндия стала кондоминиумом Польши и Литвы. Также и Курляндия стала совместным леном Короны и Великого Княжества.

Во главе Лифляндии стал наместник короля. Здесь существовал собственный сейм, местные власти, отдельные права и привилегии, а также особое судебное право.

Конституция 1598 года, стирая прежние различия, приблизила государственное устройство Лифляндии к государственному устройству Речи Посполитой. Были созданы воеводства, а в них — земские учреждения и сеймики. Лифляндские воеводы и каштеляны вошли в состав Сената. Была ликвидирована финансовая обособленность Лифляндии; доходы от нее должны были поступать один год в польскую казну, второй — в казну литовскую.

В двадцатых годах XVII века большей частью Лифляндии с Ригой во главе завладела Швеция. Перемирием 1629 года было установлено разделение на так называемую Шведскую Лифляндию и Польские Инфлянты. Эти последние охватывали небольшую юго-восточную часть Лифляндии с Динабургом (Даугавпилсом), из которых было образовано Инфлянтское воеводство. Курляндский лен оставался за Речью Посполитой формально вплоть до третьего раздела; фактически же в XVIII веке там правили князья, поставленные российскими императорами.

ХV. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

«Шляхетская нация». Нешавские привилегии создали основы для развития шляхетской демократии, обеспечив земским сеймикам участие в осуществлении верховной власти. В основе этой формы правления лежало признание формального равенства всей шляхты, называвшей друг друга «братьями». Этим, естественно, не были ликвидированы ни фактические различия, ни реальные противоречия, существовавшие между средней шляхтой и магнатами, однако принцип шляхетского равенства облегчал компромиссные решения. Тот факт, что шляхетское сословие охватывало, как известно, 8—10% всего населения, показывал, что шляхетская демократия имела сравнительно широкую социальную базу.

Существенной победой средней шляхты в ее стремлении к участию в осуществлении власти была конституция Петрковского сейма, принятая в 1504 году, ограничившая право короля распоряжаться королевскими именами.

Этот успех был расширен в следующем году принятием конституции *Nihil Novi*. Она подводила итог полустолетия предыдущего развития и была выражением упрочения строя шляхетской демократии. В результате как во время правления «короля сенаторов» Сигизмунда I Старого, так и в первой половине правления Сигизмунда Августа шляхта представляла достаточную силу, чтобы не только нейтрализовать действия, противоречащие ее интересам, но также сформулировать и пропагандировать собственную правовую программу, а в шестидесятых годах XVI века перейти к ее реализации.

Переломным моментом в государственной организации шляхетской Речи Посполитой явилась польско-литовская уния. Результатом Люблинской унии 1569 года было создание многонационального федеративного государства, в котором несмотря на живучесть партикуляризма преобладали тенденции к интеграции. Интеграционную роль играл в особенности общественно-политический строй шляхетской демократии, в котором литовская, белорусская и украинская шляхта видела для себя (еще до 1569 г.) образец политической эмансипации, социального и культурного развития. Это

создало основы возникновения так называемой шляхетской нации, объединяющей всю шляхту независимо от ее этнического происхождения, с одновременным исключением за пределы «нации» мещан и крестьян. Конструкция «шляхетской нации» была специфической формой интеграции господствующего сословия многонациональной Речи Посполитой.

«Золотой век» польской культуры, как часто и не без основания определяется XVI столетие, характеризовала относительно высокая политическая культура шляхты. Это способствовало исправному функционированию шляхетского сейма, а также сеймиков. Согласование противоположных мнений, преобладание компромиссных решений были главными линиями поведения, ставшими возможными благодаря тому, что споры и конфликты имели место в пределах одного сословия, в котором преобладала общность коренных интересов.

Причины, затормозившие развитие шляхетской Речи Посполитой с началом XVII века, а потом надломившие ее в середине XVII столетия, были и остаются предметом научных дискуссий. Часто подчеркиваются такие явления в области экономики, как относительно слабое развитие перерабатывающей промышленности в городах, в особенности слабое развитие мануфактур, опора внешней торговли на вывоз зерна и лесной продукции (корабельная древесина, поташ), что превратило польско-литовское государство в аграрный придаток промышленно развитых стран Западной Европы. Обращалось также внимание на то, что фактором ослабления государственности была чрезмерно обширная территория (свыше 800 тыс. кв. км), что затрудняло организацию и управление ею, особенно на юго-восточных окраинах. Этому способствовали усиление позиций магнатов, владевших громадными латифундиями на землях Украины, и союз с магнатами Великого Княжества, ослабление позиций мещанства, влияние контрреформации. Следует еще добавить, что шляхетская правовая программа скоро исчерпала свои возможности. После проведения решений, укреплявших государственное единство (особенно в 1569 г.), шляхта признала существующий строй оптимальным и противодействовала всяким реформам. Застой, возведенный в XVII веке до ранга основного принципа общественного и государственного строя, вел в итоге к кризису. Позиция само-

довольства и самолюбования, характеризовавшая польскую шляхту в XVII веке, явилась особенно опасной в период, когда другие государства Европы возводили фундаменты современной администрации и постоянной армии.

Кризис польской государственности. В XVII веке убеждение в совершенстве государственного строя шляхетской Речи Посполитой настолько упрочилось, что Конституция 1669 года сформулировала его так: «Всякое новшество в Речи Посполитой чревато опасностями и большими потрясениями». В этой ситуации главной ролью Сейма, являвшегося верховным и главным органом Речи Посполитой, было наблюдение за тем, чтобы ничто не подвергалось изменению. Тому же служил как принцип единогласия, так и позже либерум вето. В условиях паралича сейма во второй половине XVII — начале XVIII века политическая жизнь сосредоточивалась на сеймиках. Они взяли на себя даже вербовку рекрутов, стали центром политических решений. Эта «децентрализация суверенности» была в столь резком противоречии с общей тенденцией государственного развития в тогдашней Европе, что для посла абсолютистской Франции польские сеймики были «преддвериями ада».

Всякие попытки реформы, идущие в направлении улучшения государственной организации, заканчивались провалом. Магнаты и шляхта успешно торпедировали попытки, направленные на усиление власти монарха. Несмотря на это, еще во времена правления династии Вазов фактическое наследование трона, а также материальные возможности, какими располагала монархия, поддерживали позиции королевской власти. Такое положение подверглось изменению с конца 60-х годов XVII века. С того времени на польский трон неоднократно избирались представители магнатства: Михаил Вишневецкий, Ян Собесский, Станислав Лещинский. Выборы «Пястов», как определяли королевскоотечественников, вели к стиранию различий между крупными магнатами и монархами. Все более ограничиваемый в своей власти, король становился как бы пожизненным президентом магнатско-шляхетской Речи Посполитой, которая оставалась децентрализованным государством, почти лишенным администрации, со слабой армией. Это не печалило до поры до времени шляхту, среди которой был популярным принцип:

«Анархией (т. е. отсутствием правительства) Польша держится».

«Децентрализация суверенности» нашла выражение также в развитии магнатских латифундий. Магнатские «государства» ослабляли сплоченность Речи Посполитой и создавали в XVII—XVIII вв. как бы состояние вторичной феодальной раздробленности. Могущество магнатов усиливали не только их собственные поместья, но также староства и пожизненные должности. Наиболее могущественных из них называли в то время «королевичами». Многие магнаты проводили свою внешнюю политику или же вели частные войны против других магнатов.

Идеологической поддержкой магнатской олигархии явилась контрреформация. Большую роль сыграл здесь орден иезуитов, который сделался страстным пропагандистом «золотой вольности» шляхты. Ее образцы популяризировали среди шляхетской молодежи иезуитские коллегии.

Подлинные носители власти в Речи Посполитой — магнатские группировки (фракции), осуществляли ее, прикрываясь фасадом шляхетской демократии, которая в то время изменила свое социальное содержание. Это сказалось в вырождении деятельности политических учреждений, отсутствии уважения к закону, ведущих к анархии общественной жизни и свидетельствовавших об упадке политической культуры шляхетского общества во второй половине XVII и первой половине XVIII века.

Раздел шестой

ПРАВО ШЛЯХЕТСКОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

I. ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОГО ПРАВА

Системы права. Различия в правовых системах отдельных сословий и партикуляризм сословных прав сохранились в Речи Посполитой наряду с преобладанием обычного права над законом. Римское право, приобретшее важное значение в одних странах (Франция) и даже принимавшееся в качестве вспомогательного права (Германия) — в других, оказало незначительное влияние на земское право в Польше из-за противодей-

ствия шляхты, опасавшейся, что рецепция Римского права приведет к усилению королевской власти. Зато круг понятий Римского права и некоторые его институты были восприняты городским правом.

Взамен так и не осуществленной в XVI веке кодификации права появились сборники, охватывающие ранее изданные статуты и конституции, а также нормы обычного права. Была разработана система, соответствующая традициям польского земского права. Согласно этой системе совокупность юридических норм делилась на политическое право и судебное право. Судебное право в равной мере относилось как к частному (гражданскому) праву, так и к уголовному и процессуальному праву, т. е. ко всему, что входило в компетенцию судов.

Городское право в отличие от земского права, развивавшегося в основном самостоятельно, впитывало многочисленные элементы «со стороны». Кроме Римского права, городская практика XVI века в области материального и процессуального уголовного права принимала положения *Constitutionis Criminalis Carolinae*, изданной в 1532 году императором Карлом V и получившей распространение в переработке Б. Гроицкого. В основе системы наказаний городского права лежали наказания, обращенные «против жизни и тела», и нередко предусматривалась квалифицированная смертная казнь.

Развивавшееся в XVI веке городское право отходило от своего немецкого прототипа, применяясь к местным условиям. Поэтому, в частности, Гроицкий добивался, чтобы право, действовавшее в польских городах, называлось не «городским магдебургским, а *Jus Municipale Polonicum*, т. е. городским польским правом, ибо граждане Королевства Польского право это признают своим».

Написанные на польском языке работы Гроицкого и Павла Щербича во второй половине XVI и первой половине XVII века привели к некоторой унификации практики как в городских, так и деревенских судах. Происходило это в те времена, когда поместья каждого пана превращались в автономные «государства». Тем не менее, если до возникновения особой системы права в каждом данном поместье так и не дошло, то только потому, что существовал такой объединяющий фактор,

как сходные общественно-экономические отношения, сформировавшиеся в пределах магнатских «государств», а также сила традиции, соответствующая консервативному духу эпохи.

В праве отдельных провинций, земель и городов встречались различия.

II. ЧАСТНОЕ ПРАВО

А. Лица

Лица физические и юридические. В XVI веке земское право установило единый для всей Короны возраст, с которого человек считался вступившим в начальный период совершеннолетия. Для мальчиков он равнялся 15 годам, для девочек — 12. Со второй половины XVII века судебная практика начала постепенно поднимать эту границу: для юношей до 18 лет, для девушек — до 14. С 24 года жизни мужчина обретал полную правоспособность. В городском праве совершеннолетним считался мальчик, которому исполнилось 14 лет, полного же совершеннолетия (так называемых «разумных лет») он достигал лишь к 21 году.

Правоспособностью обладали епископства, капитулы, монастыри; города, которые согласно городскому праву представляли городские власти и цеха; в деревенском праве правоспособностью обладали громады, имевшие собственные пастбища, луга и леса.

Полной правоспособностью обладал только шляхтич, который обладал «хорошим именем и честью». Шляхетской чести лишались лица, приговоренные к позорному наказанию, трижды обвиненные в совершении некоторых преступлений, а также занимающиеся «локтем и весами», т. е. торговлей в городе.

Ограничениям в области частного права подвергался и король. Шляхта настолько боялась упрочения королевской власти, что запретила королям приобретать наследуемое имущество для членов семьи (1631 г.), выезжать за границу (1641 г.), а еще раньше — вступать в брак без разрешения сейма (1573 г.).

Характерным для XVI века было введение новых ограничений по отношению к церкви как юридическому лицу. В начале XVI века было запрещено завещать в пользу церкви недвижимое имущество. Дальнейшие ог-

раничения связаны с так называемыми «амортизационными» законами (касавшимися главным образом актов *mortis causa*, что значит «в случае смерти» — отсюда их название), издававшимися в XVII веке в интересах шляхетского сословия.

Б. Брак и семья

Заключение брака и его действительность. Введение обязательной церковной формы заключения брака между католиками в Польше датируется лишь второй половиной XVI века, когда Польша признала соответствующие постановления Тридентского собора (1577 г.). Согласно им лица, собирающиеся вступить в законный брак, обязаны были одновременно объявить о своей воле священнику прихода одной из сторон в присутствии по крайней мере двух свидетелей, что и записывалось в приходской книге бракосочетаний.

В отличие от православной церкви и протестантских вероисповеданий католическая церковь не знала разводов. Можно было только в известных случаях получить официальное подтверждение, что брак не был заключен законным порядком. В обиходе это называлось признание брака недействительным. Католическая церковь трактовала брак одновременно и как договор, и как таинство. Заключенный в законном порядке и фактически существующий брак был нерасторжим.

По каноническому праву брак считался недействительным, если возникали исключаяющие его помехи. К помехам такого рода относили прежде всего отсутствие сознательного изъявления желания вступить в брак. Поэтому недействительным был брак, заключенный по принуждению или когда обнаруживалась ошибка касательно личности вступающего в брак лица. В практике духовных судов поводом для признания брака недействительным было сословное неравенство, если об этом не было известно одной из сторон. Если же случалось, что шляхтянка сознательно выходила замуж за простолюдина, то она утрачивала приданое и право наследования.

Другим видом помех были препятствующие помехи. При их наличии запрещалось вступать в брак, однако брак, уже заключенный, не считался недействительным.

Такими помехами были различия в вероисповедании для христиан, дальнейшее родство и др.

Каноническое право разрешало прерывать совместную супружескую жизнь при взаимном согласии супругов или в силу судебного решения. Это называлось разлучением от стола и ложа. Разлучение могло быть постоянным или временным. Брачные дела католиков относились к компетенции духовных судов. Что касается православных, то в этом случае церковная юрисдикция долго соперничала со светскими судами, которые в разводных делах выносили решения самостоятельно.

В деревенском праве, хотя конституция 1511 года и утверждала, что «дочери землепашцев свободны вступить в брак», требовалось согласие пана на брак его крепостной с крепостным другого пана. Такое согласие редко давалось даром. На украинских землях Короны даже существовал специальный вид платы, называвшийся «куницей» (вначале эту плату принимали, по видимому, шкурками куниц).

Имущественные отношения между супругами. В противоположность личному брачному праву, где господствовали религиозные законы, земское имущественное брачное право сформировалось самостоятельно, и соответствующие споры рассматривались светскими судами.

Как в земском, так и в городском праве обручение сопровождалось заключением договора, называемого брачным контрактом, который детально определял, что войдет в приданое и каково будет вено. Брачный контракт заносился в судебные книги.

Конституция 1588 года напоминала, что после смерти отца обязанность давать за дочерьми приданое ложилась на их братьев. Конституция уточняла, что назначаемое братьями приданое должно быть равным приданому, полученному сестрами, вышедшими замуж при жизни отца. Если братья теряли оставшееся от отца имущество, обязанность давать приданое их сестрам переходила к кредиторам.

Поскольку, как известно, целью вена было обеспечить жену в случае смерти мужа, венное имущество не отвечало за его долги, и кредиторы мужа — что подчеркивала конституция 1588 года — не могли лишить вдову этого имущества, если запись долгов не предшествовала оформлению вена.

В городском праве Польши имущественные отношения супругов регулировались, с одной стороны, магдебургским правом, предусматривавшим имущественную независимость супругов, и, с другой стороны, — хелминским, признававшим их имущественную общность. Согласно последней системе имущество обоих супругов объединялось в одно целое, которым распоряжался муж, для чего не требовалось согласия жены. После смерти одного из супругов общее имущество делилось на две равные части; одну часть получал оставшийся в живых супруг, вторую — наследники. Система имущественной общности отвечала потребностям торговли: долги должны были уплачиваться из общего имущества, куда включалось и личное имущество, и вено жены.

С XV века в земском праве получило распространение пожизненное владение — оригинальный институт старого польского права. Сущность его заключалась в следующем: муж производил запись в пользу жены на случай вдовства, предоставляя ей в пожизненное пользование все имущество без права продажи или залога. С XVI века начали производить пожизненные записи также в пользу мужа. С этого времени тот из супругов, кто пережил другого, мог пожизненно пользоваться имуществом обоих. Такая взаимная пожизненная запись, названная «доживотье», стала правилом. Условием ее могло быть (но не обязательно), что овдовевший супруг не вступит в новый брак. В случае пожизненной записи наследники получали свою долю только после смерти пользователя. Система пожизненного владения была известна и городскому, и деревенскому праву.

Согласно деревенскому праву сын или дочь в случае вступления в брак получали от родителей часть их надела и инвентаря, что называлось отделением. Когда родители становились старыми и не могли самостоятельно вести хозяйство, они передавали его детям, оговорив для себя в виде так называемой вымовы жилье и отопление, а иногда и участок земли под огород, продовольствие, количество которого обычно устанавливалось ежегодно, защиту от третьих лиц и, наконец, обязанность устроить надлежащие похороны. Такие договоры заносились в деревенские книги.

Незаконнорожденные дети назывались ублюдками. Они не имели права наследовать имущество отца, носить его фамилию и не пользовались шляхетскими пра-

вами. Стараясь как можно больше ограничить круг привилегированных лиц, конституция 1578 года, перенимая положения саксонского права, постановляла, что дети родителей, сожителемствовавших до свадьбы, не могут быть признаны законнорожденными. Поэтому земское право не допускало легитимации внебрачных детей путем последующего заключения брака их родителями.

Правом легитимации внебрачных детей шляхты обладал король. Он утратил его в 1578 году вместе с правом пожалования дворянства. Зато появилась возможность легитимации по решению сейма.

Городское и деревенское право, однако, допускали легитимацию путем последующего брака. Король, как владелец королевских городов, сохранил право легитимации детей мещан.

Опека. Для опеки над малолетними было характерно усиление заботы об имуществе несовершеннолетних подопечных. Конституция 1565 года обязала опекунов при принятии опеки несовершеннолетнего шляхтича составлять опись имущества подопечного в присутствии двух родственников его отца. С этого времени опись становилась основой расчетов между опекуном и подопечным с момента установления опеки. Опекун был обязан дать образование несовершеннолетним воспитанникам. Не справляющийся со своими обязанностями опекун в случае жалобы воспитанника, его родственников или даже посторонних лиц отстранялся королем или судом. Опекун не имел права продавать, менять или закладывать имущество подопечного. Для вызванного необходимостью отчуждения этого имущества он должен был получить согласие суда или даже сейма.

В XVI веке для лиц, не достигших полного совершеннолетия (24 лет), стали назначать попечителя. Кроме того, попечительство устанавливалось для тяжелобольных и стариков, а также для взрослых незамужних девиц, разведенных женщин и вдов.

В. Собственность и другие имущественные права

Владение и собственность. Охрана земельных владений в законодательном порядке была урегулирована в XVI веке. Конституции (начиная с 1543 г.) постанов-

ляли, что по вопросу о насильственном лишении владения, так называемом «вытеснении из владений», можно подать иск в гродский суд в течение месяца со дня совершения насилия. Гродское управление проводило на месте следствие, т. е. скрутиниум, и, если убеждалось в том, что «вытеснение» действительно произошло, вводило истца во владение помещьем без проверки его прав на землю. Такое усовершенствование делопроизводства о владении должно было противодействовать частым случаям «наездов» (вооруженных нападений).

Шляхетская земельная собственность была, как правило, собственностью аллодиальной. Это укрепляло положение шляхты, которая в течение XVI века освободила свои владения от каких бы то ни было ограничений. Последние из них были уничтожены конституцией 1576 года в результате ходатайства шляхты, сформулированного в Генриковых артикулах.

В XVII веке, однако, наблюдается возрождение форм условной собственности в некоторых магнатских латифундиях. Зависимая шляхта, называвшаяся манами (от немецкого Mann — человек, муж), владела землей на основании ленного права и подчинялась своим панам, в том числе и их суду.

Майораты. С конца XVI века в Польше по западному образцу появились фидеикомиссы в форме майоратов. Первыми майоратными имениями были: олыцкий, несвижский и клецкий Радзивиллов (1586 г.) и майорат Замойских (1589 г.). Суть майората состояла в том, что определенный комплекс владений исключался из общих правовых норм и регулировался специальным статутом. В частности, вводился особый порядок наследования, исключающий раздел имущества между наследниками и предоставление права наследования женщинам. Весь майорат получал старший сын (принцип первородства). Остальным наследникам доставалось имущество, не входящее в майорат, или выплачивались деньги. Майоратное имение не могло служить предметом продажи, дарения, залога и т. д. Майораты были выгодны, создавались для поддержания позиций магнатских семей; целью майоратов было не допустить раздробления их владений.

Установление майората требовало согласия сейма, поскольку нарушалось общее право и они так и остались исключением.

Конец права ретракта. Ограничения права собственности в силу ретракта, существовавшие в земском праве, уменьшились в XVI веке вследствие сокращения срока объявления о намерении совершить преимущественную покупку до шести недель; кроме того, было полностью отменено использование права ретракта при дарениях и обменах. В деревенском праве право ретракта применялось шире: человек, продавший землю, или его наследники имели право первоочередной покупки, если прежний покупатель или его наследники хотели эту землю продать.

В городах в XVII веке время от времени издавались предписания об ограничениях отчуждения, направленные на защиту интересов города; они запрещали продавать городскую недвижимость духовенству и шляхте, а также предусматривали возможность принудительного выкупа, если сделка была совершена. В частновладельческих городах со второй половины XVII века для отчуждения недвижимости требовалось согласие пана города.

Ипотека. Среди изменений, которые произошли в области залогового права, наибольшее значение имело развитие залога без передачи заложенной вещи кредитору, т. е. ипотеки. Она возникла в результате договора между кредитором и должником — владельцем имущества с последующим внесением в судебную книгу. Определяющим в этой области был закон о действительности записей от 1588 года. Он регулировал важнейшие вопросы, связанные с ипотекой. Поскольку при такой форме залога на одном и том же имуществе могло лежать несколько задолженностей, закон гарантировал первенство кредитору, который первым произвел запись в надлежащих судебных книгах. Это был принцип *prior tempore, potior iure*, что означает «первый по времени, лучший по закону». Надлежащими книгами считались книги земского или гродского суда той местности, в которой находилась отягощенная долгами недвижимость. Всем заинтересованным лицам предоставлялся доступ к судебным книгам, в чем проявлялся принцип гласности. В записи должны были быть точно указаны сумма задолженности и отягощенное долгами имущество — так осуществлялся принцип детальности. Судебным канцеляриям вменялось в обязанность контролировать соответствие записей фактическому состоянию.

В интересах лиц, обращающихся к книгам, считалось, что фактическое состояние задолженности соответствует записям в книгах; этот принцип назывался принципом доброй веры.

Наряду с ипотекой существовал залог с передачей недвижимости. Он удовлетворял интересам кредиторов, располагающих капиталами, но не обладающих недвижимым имуществом; пожизненных залогодержателей рассматривали как поместную шляхту.

Г. Наследование

Ограничение права составлять завещания и наследование без завещания (по закону) в земском праве. С начала XVI века под давлением шляхты производилось ограничение наследования по завещанию, направленное в первую очередь против церкви. Сеймовые конституции (1505, 1510 гг.) ввели общий запрет на распоряжение недвижимостью посредством завещания. С этого времени завещать можно было только денежные суммы и движимое имущество. Завещание, содержащее распоряжение недвижимым имуществом, считалось действительным только после утверждения специальным решением сейма.

Другой характерной чертой земского наследственного права было ограничение прав женщин при наследовании недвижимости в целях сохранения этого вида имущества в семье. С XVII века под влиянием венгерского права эти ограничения приобрели форму так называемой четвертины. Сущность четвертины заключалась в следующем: $\frac{3}{4}$ отцовского имущества наследовали сыновья, а дочери (независимо от того, сколько их было) получали всего только $\frac{1}{4}$ имущества. Материнское имущество дети независимо от пола наследовали поровну.

Городское наследственное право. Оно в значительной мере отличалось от земского права. В принципе наследство делилось между мужчинами и женщинами поровну. Пол наследника учитывался только, когда речь шла о специфических институтах городского права, называвшихся на немецкий лад герада и гергевет. Гераду составляли предметы, принесенные женой в приданое и дополненные за время супружеской жизни предметами личного обихода (утварь, женская одежда, драго-

ценности, постельное белье, ковры, деньги и т. д.). Их наследовали дочери и сыновья, принявшие духовное звание, а при отсутствии таковых — ближайшая родственница. Гергевет включал в себя мужскую одежду, лошадей с упряжью, оружие и доспехи и мог быть унаследован только родственниками мужского пола. Такое деление, порожденное саксонским ленным правом, в XVI—XVIII вв. было анахронизмом, поскольку в городских условиях ценность герады, к которой причислялись драгоценности и деньги, была значительно выше ценности гергевета.

В противоположность земскому праву городское право признавало свободу распоряжения приобретенным недвижимым имуществом посредством завещания.

Д. Обязательства

Возникновение и упрочение обязательств. В земском праве получили распространение записи договоров в судебных книгах. Одновременно исчезали прежде существовавшие заключению договоров символические обряды, но в городском и в особенности деревенском праве они сохранились: при передаче права собственности на недвижимость отчуждатель передавал покупателю зеленую веточку. Было принято также, чтобы контрагенты ударяли по рукам, чаще же всего выставлялся магарыч. Все это делалось для подтверждения, закрепления договора. Два последних обычая сохранились в деревнях и до нашего времени.

Стало характерным перенесение ответственности с личности должника на его имущество. Соответственно с тем отошли в прошлое право кредитора становиться на постой в доме должника и право лаяния (поношения). Зато возросло значение неустоек, выплачиваемых при невыполнении обязательств, включая поручительство.

Типы обязательств. Для городского права особое значение имел договор купли-продажи. Суда была распространена как в земском, городском, так и в деревенском праве. В деревенском праве ссудные правоотношения регламентировались деревенскими законами и обычаями. Ссуды не должны были превышать установленного предела, причем брать их разрешалось только у людей того же пана.

Позднее в связи с развитием кредита церковь сочла допустимым взимание умеренных процентов, если кредит предназначался на промышленные или торговые цели. Кредит в Польше вообще был дорог, поэтому взимаемые проценты значительно превышали допускаемые официально пределы. В XVII веке по западному образцу в поморских городах появился вексель, т. е. долговые расписки на предъявителя. Он составлялся по строго определенной форме и применялся в торговых операциях. Первый вексельный закон был издан в городе Гданьске в 1701 году, следующий — в Эльбинге в середине XVIII века. Они послужили основой для издания в 1775 году общепольского закона о векселях.

Для городского права были характерны товарищества, которые создавались для торговых целей, эксплуатации шахт, приобретения кораблей и т. д. Компаньоны вносили свои вклады (иногда только в виде своих профессиональных знаний и труда) и делились доходами, обычно поровну.

В городском праве большое значение имели договоры подряда. Договор о подряде обязывал к тщательному выполнению данного поручения. В случае обнаружения недостатков в выполненной работе ремесленник, ее сделавший, должен был вернуть задаток и заплатить условленный штраф.

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А. Преступления

Публичные и частные преступления. В шляхетской Речи Посполитой земское право под влиянием римского права приняло деление преступлений на публичные и частные. Публичными преступлениями считались действия, направленные против монарха, государства, публичных институтов и религии, а частными — преступления против частных лиц.

В городском праве преступления тоже подразделялись на публичные и частные, но здесь критерием деления было наказание. Публичными преступлениями считались те, которые влекли за собой публичные наказания, а частными — те, за которые приговаривали к частному композитивному наказанию и вдобавок

к уплате судебного штрафа, называвшегося *мульк-той*.

В XVI веке в земском праве распространилось убеждение, что и частные преступления должны быть уголовно наказуемы независимо от жалобы потерпевшего и при ее отсутствии. Поэтому наряду с запретом примирения при убийстве (1588 г.) устанавливалось, что если родные убитого не возбуждали обвинения, они платили государственный штраф в размере шляхетского головничества. В таких случаях, а также когда у убитого не было родственников, вспомогательную (субсидиарную) жалобу обязан был подать старостский уряд. Это сближало группу частных преступлений с преступлениями, расследуемыми по публичному обвинению. Дальнейшему стиранию различий между ними способствовало применение, начиная с XVI века, публичных наказаний за убийство: смертной казни, телесных наказаний или лишения свободы («заключение в башню»), тогда как композитивные наказания все чаще играли вспомогательную роль.

С другой стороны, по конституции 1588 года в случаях, когда шляхтич обвинялся в измене или оскорблении монарха, наряду с обвинением, которое выдвигал инстигатор (судебный обвинитель), полагалось (за исключением тех дел, в которых обвинение основывалось на перехваченных документах) участие в процессе делятора (доносителя), который уведомлял о совершении преступления и впоследствии поддерживал свое обвинение перед судом. Если вина не была доказана, делятор подвергался наказанию — такому же, какое угрожало обвиняемому (возрождение принципа талиона). Эти постановления принимались для защиты шляхетских вольностей: король лишался возможности расправы со своими противниками судебным путем. Участие в процессе делятора подчеркивало обвинительный характер земского процесса, распространявшийся также и на государственные преступления.

Вина и обстоятельства, исключаяющие ответственность. С конца XV века законодательство и судебная практика старались отличать умышленную вину при совершении убийства от неосторожной, не отделяя пока еще понятия последней вины от случая (казуса). Последнее различие было введено лишь трибунальным судопроизводством XVII века, когда случайного убийцу

стали приговаривать только к головничеству, освободив его от заключения в подземелье, чему он подвергался до того за неумышленное убийство.

В городском праве также различались умышленное преступление и неумышленное; в последнем случае выделялось еще понятие случайного преступления, которое влекло за собой только частное наказание.

Закон признавал ненаказуемым убийство опального лица, лишенного чести и защиты закона (*banita*), не обладающего охранной грамотой (*глейтом*). Таким способом ввиду фактической слабости государственной исполнительной власти старались создать реальную угрозу для подобных лиц. Эту же цель преследовало предписание о ненаказуемости убийства грабителя или вора, совершенного при попытке воспрепятствовать преступлению.

Введение правила о ненаказуемости убийства простолюдина, выдающего себя за шляхтича (1557 г.), с целью оградить шляхетское сословие от проникновения в него лиц, пытающихся незаконно присвоить себе шляхетские права, являлось ярко выраженной формой защиты сословных привилегий.

Обострение общественных противоречий и связанное с этим усиление уголовных репрессий заставили признать ненаказуемыми убийства (или ранения), совершенные должностными лицами при выполнении служебных обязанностей. Так, не подлежало наказанию убийство или ранение при подавлении беспорядков старостскими или городскими органами власти (1593 г.).

Виды преступлений. К публичным преступлениям причислялись прежде всего:

а) *crimen laesae maiestatis*. По конституции 1588 года таковым считалось только преступление, совершенное лично против короля. Оно не охватывало действий, направленных против членов королевской семьи. В этом выражалось ослабление позиции монарха в шляхетской Речи Посполитой;

б) измена родине, которой считались бунты, согласованные с неприятелем, выдача неприятелю государственных тайн, сдача замка врагу, а также возбуждение мятежа (*рокоша*);

в) преступления против религии. С середины XVI века отступничество от римско-католической

религии перестало быть наказуемым, если отступник переходил в другое христианское вероисповедание. Наказуемым оставался, однако, переход в иудаизм или магометанство. В эпоху контрреформации была восстановлена прежняя конструкция преступления вероотступничества; преступлением стало считаться также и исповедание арианства.

Преступлением против религии считалось также колдовство. Наказания за колдовство (почти исключительно женщин) значительно участились во времена контрреформации. В XVI веке в Познани за колдовство был сожжен на костре человек. В следующем же столетии в маленьком городке Вонгровец в течение 50 лет по приговору городского суда на костре погибли 34 человека, обвиненных в колдовстве. Преимущественно в городских судах к смерти приговаривались «колдуньи», по большей части из беднейших слоев населения;

г) тяжелыми считались преступления против морали и благонравия. Гомосексуализм и скотоложство как в городском, так и в деревенском праве подлежали квалифицированной смертной казни. Смертная казнь грозила также за прелюбодеяние, однако здесь городские суды часто проявляли снисхождение, а деревенские суды вообще ограничивались более легкими наказаниями или наложением церковного покаяния;

д) к частноправовым преступлениям долгое время причислялось присвоение общественного имущества. Преступлением считалось не только присвоение казначейских денег, но и вещей, являющихся собственностью государства. За него назначались имущественные наказания. Только в 1710 году такие преступления были признаны публичными и их стали расследовать по публичному обвинению. Изготовление фальшивых денег всегда считалось публичным преступлением, причем тяжелым;

е) в городском праве наряду с преступлениями против государства наиболее тяжкими преступлениями считались бунты и заговоры против городских властей, наказывавшиеся в основном смертной казнью;

ж) к публичным преступлениям городское и деревенское право относили также преступления против действующих положений о труде. Их целью было укрепление власти городского совета над простолюдинами

в городах, пана над барщинными крестьянами в деревне. Наказания за невыполнение этих положений подчас бывали суровыми;

з) преступления против общественного порядка и спокойствия. К этой категории относились всякого рода насилия и прежде всего нападение на дом шляхтича; если при этом были убитые или тяжелораненые, виновник приговаривался к смертной казни. Подобным же образом и городское право за насильственное вторжение в дом предусматривало смертную казнь. Более суровыми стали наказания за нападения на дорогах.

Количество частных преступлений, известных земскому праву, было велико. Первое место среди них занимали преступления против жизни и здоровья:

а) убийства внутри шляхетского сословия делились на умышленные убийства и убийства неумышленные. При умышленном убийстве виновный с XVI века приговаривался к обезглавливанию, тогда как за неумышленное убийство полагалось заключение в подземелье башни на 1 год 6 недель (с 1538 г.), а также головничество в пользу семьи убитого.

Квалифицированными формами убийства были: отцеубийство, убийство супруга, детоубийство и убийство родственника. Эти преступления карались по образцу городского права, предусматривавшего квалифицированную смертную казнь, в некоторых случаях сопровождающуюся лишением чести и конфискацией имущества.

Поединок в принципе был наказуем; разрешались поединки лишь с согласия короля. В целях искоренения этого обычая конституция 1588 года ввела наказание за сам вызов на поединок (60 гривен и полгода заключения в башне). Несмотря на угрозу наказания, поединки были широко распространены и обычно оставались безнаказанными.

Подобным образом с целью ограничения кровной мести в XVI веке была введена наказуемость за извещение о намерении мстить. По городскому праву за это полагалась даже смертная казнь.

В практике деревенского права, несмотря на то что конституция 1631 года предусматривала для крестьянина, убившего другого крестьянина, смертную казнь, убийцу наказывали головничеством, которое в XVII веке возросло до 100 гривен, и денежными штрафами в

пользу пана, громады и церкви или же поркой и публичным покаянием;

б) преступления против свободы и чести. Со второй половины XVI века насилем считалось лишь похищение женщины против ее воли. Похититель подвергался бесчестию (инфамии), а порой приговаривался и к смертной казни. В 1631 году для рассмотрения дел о похищении был введен скрутиниум, т. е. следствие по требованию суда.

Преступлением против чести являлась клевета — навет. В XVI веке источником распространения клеветы стали печатные пасквили. Ответом на них было усугубление уголовного преследования;

в) к имущественным преступлениям относились кражи, которые делились на обычные и квалифицированные. К последним причислялись кражи со взломом или с использованием оружия.

Соучастие в преступлении. В конце XVI века произошла унификация принципов, по которым определялась ответственность лиц, принимающих участие в преступлении: конституция 1588 года ввела принцип одинакового наказания для всех соучастников. На практике помощники по-прежнему карались в зависимости от роли, которую они играли в совершении преступления. И в городских судах главаря банды наказывали строже, чем рядовых ее членов или лиц, им помогавших. В основе земского права, так же как городского и деревенского, лежала индивидуальная ответственность. В порядке исключения применялась, однако, и групповая ответственность.

Б. Наказания

Принципы определения меры наказаний. В земском праве сословная принадлежность преступника и пострадавшего влияла на выбор наказания, смягчая его или усугубляя. Убийство простолюдином шляхтича всегда каралось смертью, тогда как шляхтич, убивший простолюдина, должен был уплатить головничество.

При убийстве или нанесении ранения существенное значение имело то обстоятельство, совершено ли преступление при использовании холодного оружия или огнестрельного, поскольку применение последнего (мушкета) вдвое усугубляло наказание.

Наказание смягчалось, если обвиняемый проявлял раскаяние или получал прощение потерпевшего. Отягчающими обстоятельствами являлись: принадлежность жертвы к более высокому сословию, чем преступник, поимка подозреваемого на месте преступления и рецидив. По хелминскому праву рецидивом считалось совершение преступления во второй раз, магдебургское же право, подобно земскому, считало рецидивистом лицо, троекратно осужденное за одинаковые преступления.

С конца XV века в земском праве наметилась тенденция к усилению уголовной репрессии. Это выразилось в более широком распространении смертной казни, в том числе ее квалифицированных форм. Цель — устрашение — заметнее всего проявлялась в городском праве, где уже с середины XV века главной задачей наказаний стала *общая превенция*. В связи с этим применялись жестокие наказания, действовавшие на воображение населения.

Наряду с суровыми, обращенными «против жизни и тела» наказаниями, направленными главным образом против мещан и крестьян, сохранялись композитивные наказания, которые в совокупности с введенным тогда временным заключением в башню были основными наказаниями в отношении шляхты. Формы репрессии определялись сословной принадлежностью виновного и потерпевшего.

В отличие от сурового городского права практика деревенских судов была значительно мягче. Смертная казнь и наказания изувечением применялись редко, в частности для того, чтобы не лишать панские хозяйства рабочих рук. Если преступление квалифицировалось как заслуживающее смертной казни, пан обычно передавал дело в городской или гродский суд. Менее суровое уголовное преследование в деревенских судах сочеталось, однако, с существованием гораздо большего числа запретов и проступков, подлежащих наказанию. Для городского и в особенности деревенского права было характерно сочетание светских и церковных наказаний: публичного покаяния, пожертвований в пользу церкви и т. д. Происходило это потому, что понятие преступления не всегда отделялось от понятия греха.

Классификация наказаний. В земском праве по образцу городского установилось деление наказаний на криминальные — такие, как смертная казнь, наказание

изувечением, инфамия и прочие, называвшиеся полукриминальными или же не совсем точно — гражданскими.

а) Смертная казнь. Существовали обычные формы смертной казни: обезглавливание, повешение, утопление, расстрел, и квалифицированные: сожжение на костре, сажание на кол, закапывание живьем с последующим пронзанием колом, четвертование, переламывание конечностей, колесование и т. д. Обезглавливание считалось шляхетской мерой наказания, повешение — нешляхетской и позорной. Последний вид казни предназначался только для мужчин, женщин приговаривали к утоплению, которое тоже было позорным наказанием. Квалифицированной смертной казни могли предшествовать пытки. Иногда в порядке помилования осужденного сначала умерщвляли, а четвертовали или сажали на кол только его труп.

б) Наказания изувечением. Значение этого вида телесных наказаний постепенно уменьшалось. К ним приближались так называемые «наказания на шкуре»: клеймение, отрезание уха. Все эти позорные наказания применялись исключительно по отношению к осужденным, не принадлежащим к привилегированным сословиям.

в) Лишение чести (инфамия) и опала (баниция). Самым распространенным наказанием для шляхтича было изгнание (выволание), которое в XVI—XVIII вв. смешивали с уже известной нам инфамией; поэтому изгнанников называли также обесчещенными, хотя в средневековье эти наказания отличались друг от друга. Приговоренный к изгнанию лишался шляхетства и вынужден был скрываться за границей, поскольку любой человек мог посадить его в тюрьму или убить. За убийство изгнанника государство платило вознаграждение.

В XVI веке изгнание превратилось в новое, менее суровое наказание, называемое опалой. Правда, опальный шляхтич тоже должен был покинуть пределы страны и мог быть безнаказанно убит, но государство не награждало его убийцу, как это было с убийцей изгнанника. Кроме того, в случае поимки опального староста должен был посадить его в башню, но не имел права казнить без специального разрешения короля. Опала влекла за собой потерю гражданских и политических прав, но не утрату чести.

г) В городах широко применялось наказание у позорного столба, когда осужденного привязывали к стоящему на рынке каменному столбу. Обычно этому наказанию предшествовала порка, а после него приговоренный мог быть заклемен и лишь затем изгнан из города. Порой приговоренного вместо позорного столба сажали в железную клетку, выставленную на всеобщее обозрение. На клетке помещали надпись, за какое преступление наказывается виновник.

В деревенском праве наказанию у позорного столба соответствовала куна — металлический ошейник, при помощи которого приговоренного приковывали обычно к стене костела, и он стоял там во время богослужения, иногда держа в руках орудие своего преступления или украденный предмет.

Самым распространенным в деревенском праве наказанием была порка с применением кнута, палок или толстой веревки. Более мягким видом этого же наказания были розги. Порка совершалась публично, количество ударов в зависимости от тяжести проступка колебалось от 5 до 500, в исключительных случаях достигая 1000 ударов. Тогда это уже было наказание не «против тела», а «против жизни».

д) Наказание лишением свободы. Временным лишением свободы было заключение в башню, введенное в польское земское право конституциями 1493 и 1496 гг. в качестве наказания за душегубство сроком на 1 год и 6 недель. Это наказание, применявшееся по отношению к шляхтичам, не сопровождалось лишением чести, а приговоренные к нему не носили кандалов. Шляхтич должен был сам явиться для отбытия наказания (иначе ему грозила инфамия). Срок заключения в башню составлял от 1 недели до 4 лет и 24 недель. Все расходы, связанные с осуществлением этого наказания, ложились на осужденного.

е) К публичным имущественным наказаниям принадлежала конфискация имущества. Она производилась в дополнение к другим наказаниям, например смертной казни, или независимо — за отказ от службы в посполитом рушении. В таких случаях король отдавал имущество донositелю. С конца XV — начала XVI века стало действовать правило, по которому конфискованное шляхетское имущество не могло оставаться в руках короля, а должно было быть передано другому шляхтичу, дабы

избежать нанесения материального ущерба шляхетскому сословию в целом.

ж) Частные денежные наказания осуществлялись в форме головничества и «навязки» за увечье, размер которых, как и прежде, зависел от сословия, а часто и от социального положения убитого или пострадавшего. Размеры их были унифицированы сеймовым законодательством для всей страны и проявляли тенденцию к возрастанию из-за постоянно прогрессирующей девальвации денег.

Средневековый принцип, согласно которому головничество как выкуп от смертной казни не следовало платить в тех случаях, когда убийца был казнен, на рубеже XVI—XVII вв. подвергся изменению. С этого времени убийца независимо от того, грозила ему казнь или нет, должен был заплатить головничество сам или это следовало сделать его потомкам с унаследованного ими состояния. Головничество сохранялось как частное наказание за убийство в шляхетской среде наряду с заключением в башню и особенно часто применялось в случаях убийства шляхтичем мещанина или крестьянина. Оно было выгодно шляхте и потому сохранялось в польском праве даже после того, как в других странах композитивные наказания давно были преданы забвению.

IV. СУДОПРОИЗВОДСТВО

Общие замечания. Соответственно организации сословных судов мы различаем процессы: земский, городской и деревенский. Кроме того, в шляхетском судопроизводстве существовали специальные процессы — такие, как межевая тяжба, процесс о беглых крестьянах и др. В городском судопроизводстве важнейшим специальным процессом был процесс по обвинению в колдовстве. Особый процесс применялся в военных судах. Наконец, собственными процессами обладали суды этническо-религиозных меньшинств (евреев, армян).

Земский процесс был урегулирован *Formula Processus* (1523 г.). Эта кодификация ускорила и упростила процесс, ввела апелляцию. Она также упростила исполнение приговоров и перенесение экзекуции с движимого имущества на недвижимое, тем самым покончив со злоупотреблениями судебных исполнителей, частыми во времена средневековья. *Formula Processus* была

важным шагом вперед на пути развития польского обвинительного процесса.

Одновременно с конца XV века городское право начало перенимать элементы инквизиционного процесса. Этому способствовало принятие в следующем веке немецкой *Constitutionis Criminalis Carolinae* (1532 г.). Инквизиционному процессу было присуще, как известно, стремление к получению доказательств в форме признания, вырванного пытками. В результате в городском праве сформировался особый уголовный процесс. Влияние городского права сказалось и на земском праве, в котором несколько обособилось судопроизводство по уголовным делам, хотя до выделения уголовного процесса не дошло из-за преобладания элементов обвинительного процесса.

Во второй половине XVII века и в первой половине XVIII века распространилось сутяжничество, процессы длились по несколько десятков лет. Даже окончательные приговоры Трибунала подвергались обжалованию.

А. Процессуальные права представителя

Польскому земскому процессу были известны, как мы знаем, представители по закону (опекуны), а также представители юридических лиц (городов, капитулов) и физических лиц. С XV века процессуальному праву был известен институт должностных представителей. Нешавский привилей постановлял, что стороне по ее просьбе должен быть назначен представитель, если она не может вести дело самостоятельно.

Распространению процессуального представительства благоприятствовало появление на рубеже XV—XVI вв. его платной профессиональной формы. Платных представителей называли прокурорами. Они давали присягу и не имели права получать чрезмерные гонорары. Лица, профессионально занимающиеся процессуальным представительством, получили общее название: палестра (адвокатура). Палестра приобрела большое значение в XVII и XVIII вв. Каждый из адвокатов мог выступать только перед тем судом, при котором он состоял. В шляхетских судах адвокатами могли быть также и мещане. Однако в Коронном трибунале в XVIII веке было принято постановление, что палестра при Трибунале может состоять только из поместной шляхты.

Потребность в адвокатах была велика. Сыновья многих шляхтичей избирали такую карьеру, обучаясь праву на практике под руководством опытного адвоката.

Б. Судопроизводство

Вызов в суд. Поместную шляхту полагалось вызывать в суд письменной повесткой, тогда как для шляхты — «голоты» достаточен был устный вызов. В город-

ские и деревенские суды обычно вызывали в устной форме. Исключение составлял городской патрициат, который по образцу шляхты получил право вызываться в суд письменной повесткой. С принятием конституции 1543 года, которая ввела в судопроизводстве равноправие польского языка с латынью, повестки стали все чаще писать по-польски.

Необходимым условием судебного разбирательства было внесение повестки в особую книгу (обычно узкого формата), называвшуюся реестром, а впоследствии также вокандой, поскольку во время сессии суда дела рассматривались в соответствии с порядком этих записей. Вначале единообразные, реестры со временем подверглись дифференциации. Городские и земские суды имели реестры нескольких видов (для гражданских дел, для уголовных дел, для исполнения судебных решений и т. д.), у Коронного же трибунала было их много: не только для каждого вида дел существовал свой реестр, но и для каждого воеводства.

Судоговорение. Сроки. В земском праве с целью ускорения процесса *Formula Processus* ввела правило, что пресекательным сроком, связанным с неявкой истца в суд, является второй по порядку срок, хотя в некоторых уголовных делах, в частности в случае убийства шляхтича, пресекательным считался уже первый срок. Это было сделано в интересах охраны жизни представителей господствующего сословия.

В городских судах неявка истца приводила уже не к прекращению дела, как это было в средневековом земском праве, а лишь к потере срока и необходимости оплатить расходы ответчика. Земское право также, смягчая свои положения, признало, что истец, не представший перед судом в первый срок, платит только штраф за неявку.

Начиная с XVI века судоговорение в шляхетских судах делилось на три стадии. Вначале рассматривались дела об отсрочке судоговорения и акцессории, т. е. побочные дела, о которых стороны знали и которые следовало разобрать перед главным судоговорением, ибо существовало правило, что, если дошло до разбирательства по существу, его нельзя прерывать, а нужно довести до конца.

По акцессориям суд выносил предварительные решения. Если акцессорное решение имело значение для

исхода главного дела, оно могло быть обжаловано в суде высшей инстанции. Это осложняло судопроизводство, затягивало его и способствовало сутяжничеству.

При рассмотрении главного дела вначале слово давалось истцу — это называлось первой стадией судебного процесса (индуктой). В своих показаниях истец приводил факты и правовые положения, на основе которых строил свои притязания. После его показаний ответчик выступал с возражением. Сразу после этого наступало упрочение спора, что соответствовало средневековому *litis contestatio*. С этого момента ни одна из сторон не могла выйти из процесса без согласия противной стороны.

Доказательства. С течением времени уменьшалось значение соприсяжников, хотя институт этот в остаточной форме сохранялся до второй половины XVIII века.

В уголовных делах в шляхетских судах, начиная с XVI века, все большее значение стал приобретать скрутиниум, или предварительное следствие, проводимое по требованию суда специальным чиновником, называвшимся инстигатором (судебным обвинителем). Это было существенным отступлением от принципов обвинительного процесса в пользу процесса инквизиционного.

В деревенском процессе XVI—XVIII вв. и в некоторых частновладельческих городах для получения доказательств применяли так называемый руг (от немецкого Rüge — осуждение). Образцом для него послужило церковное судопроизводство, кроме того, в XV — начале XVI века он спорадически применялся в земском праве для борьбы с разбоем. Руг производился на общем собрании громады. Панский урядник или специально назначенный руговник обращался к крестьянам с предложением рассказать под присягой все, что им известно о совершенных в деревне преступлениях. Судебные приговоры выносились сразу на руге, поэтому его можно рассматривать и как особый вид суда.

Приговор. Приговоры суда выносились коллегиально, большинством голосов. Приговор записывался в специальную книгу и после подписания судьями объявлялся сторонам. На основании записи актов дела и указаний судей судебный писарь составлял полный текст приговора, называвшийся декретом, который заносился в книгу декретов.

В период магнатской олигархии авторитетность приговоров Коронного трибунала, поначалу высокая, заметно уменьшилась. Находившиеся в зависимости от магнатов депутаты Трибунала выносили явно несправедливые приговоры, не считаясь ни с правом, ни с доказательствами.

С XVI века все шире стало распространяться заочное судопроизводство, называвшееся контумативным процессом. Здесь уже второй срок считался пресекательным, а в случае неявки ответчика выносился заочный приговор (кондемната). Наряду с денежными штрафами за неявку в суд стали применять так называемую «процессуальную опалу», носившую характер наказания за непослушание суду и приводившую к утрате дееспособности.

Правовые средства пересмотра приговоров. а) Внесение апелляции. В XVI веке (с 1523 г.) в польском земском процессе окончательно сформировался институт апелляции как средство, служащее для изменения или отмены несправедливого, по мнению одной из сторон, приговора. В результате апелляции приговор низшего суда подвергался контролю высшего суда. С момента создания Коронного трибунала рассмотрение апелляций на приговоры земских, гродских и подкоморских судов стало исключительно его компетенцией. Внесение апелляции приостанавливало исполнение приговора до окончательного решения вопроса (за исключением межевых споров).

В королевских имениях крестьяне могли жаловаться на деревенский суд в так называемый замковый суд, а затем в референдарский суд при королевском дворе. В частных владениях осужденный мог внести жалобу в суд пана, который был последней инстанцией.

б) В связи с введением апелляции *Formula Processus* отменила порицание (нагану) судье, однако в 1538 году оно было восстановлено под названием моции. Моция отличалась от наганы тем, что не ущемляла чести судьи и потому не влекла за собой временного отстранения его от должности. Она сохранялась до падения шляхетской Речи Посполитой.

в) Специфическим видом моции был гравамин. Это средство должно было препятствовать злоупотреблению судейской властью, выражавшемуся в отказе

судьи принять апелляцию или моцию. Гравамин заключался в том, что такой судья отвечал за это перед судом высшей инстанции, что, однако, не приостанавливало исполнения вынесенного им приговора.

г) Чрезвычайным правовым средством было возобновление процесса. Это допускалось только в случае обнаружения новых документов, о которых до вынесения приговора сторона не знала, а также в случае отмены приговора декретом нового состава Трибунала (конституция 1726 г.).

Производство при рассмотрении уголовных дел. Отдельный уголовный процесс в городском судопроизводстве был результатом принятия процессуальных принципов *Constitutio Criminalis Carolinae*. Наряду с обвинительным производством вводилось инквизиционное производство, характерной чертой которого было объединение в руках судьи функций расследования и вынесения приговора. Доминирующим являлся принцип письменного ведения производства; любые действия заносились в протокол. Зато в польском городском праве не привился известный принцип тайности производства: судебное разбирательство было, как правило, открытым. Кроме того, обвиняемому не только не отказывали в праве иметь защиту, но даже рекомендовали ею воспользоваться. Принятие инквизиционного процесса польским городским правом, таким образом, не было полным.

В земском праве особенности производства по уголовным делам были связаны с введением элементов инквизиционного процесса. К ним, в частности, относились скрутинум и пытки.

В инквизиционном производстве суд принимал решение о возбуждении дела на основании заявления или по собственной инициативе, если имелось лицо, подозреваемое в преступлении, и судья признавал существующие улики достаточными. Первый этап (общая инквизиция) заключался в установлении факта преступления, его обстоятельств и предполагаемого виновника. Ведение следствия поручалось специальному чиновнику, называвшемуся инстигатором. Окончательное решение о признании дела уголовным принадлежало суду. На основании этого решения подозреваемого сажали в тюрьму. С того момента начинался второй этап производства (специальная инквизиция), цель которого

заклучалась в получении от обвиняемого признания.

Среди доказательств главную роль играло признание обвиняемого, которое считалось «королевой доказательств» (*confessio est regina probationum*). Для получения признания широко применялись пытки, ранее известные городским судам и использовавшиеся там, в особенности в XVI—XVIII вв., очень широко. От пыток были освобождены: поместная шляхта, городские патриции и чиновники, лица со званием доктора, дети, старики и беременные женщины. Однако в случае особо тяжелых преступлений против государства (или города) это обстоятельство не всегда принималось во внимание.

В инквизиционном производстве полагалось сначала склонить обвиняемого к добровольным показаниям. Лишь в случае неудачи применялись меры в следующей очередности: угроза подвергнуть пыткам, демонстрация орудий пыток, раздевание и связывание обвиняемого, усаживание на место, предназначенное для пыток, и, наконец, сами пытки. На практике зачастую обвиняемого, даже если он делал признание, подвергали пыткам под предлогом, что признание могло быть неполным, а пытки позволят выявить дополнительные обстоятельства. Наиболее распространенной пыткой было вытягивание суставов.

Если осужденный не признавался, он мог быть подвергнут пыткам повторно — всего троекратно. Когда обвиняемый признавался, он должен был затем подтвердить свое признание в присутствии полного состава суда. Если обвиняемый делал признание под пытками, а потом брал его обратно, мучения возобновляли еще два раза. Если, несмотря на троекратные пытки, признание так и не было получено, принимались во внимание другие доказательства, в том числе и показания свидетелей. В инквизиционном производстве не применялась допускавшаяся в обвинительном процессе очищающая присяга. Если доказательства были неубедительными, а подозреваемый под пытками не признал своей вины, его отпускали на свободу. Людей подвергали мучениям на основании голословных, а порой и просто ложных обвинений.

Помилование и смягчение наказания. Земское право стремилось ограничить принадлежавшее королю право помилования шляхты. Конституция 1538 года

запретила королю помилование приговоренных к заключению за убийство, совершенное в шляхетском кругу. Право помилования по отношению к шляхте перешло к сейму. С конца XV века король также не мог выдавать охранные грамоты (глейты) лицам, приговоренным к наказанию, а с 1543 года — крепостным, намеревавшимся подать жалобу на своего пана.

Магдебургское право не признавало ни помилования, ни смягчения наказания. Тем не менее в городской и деревенской практике они применялись довольно широко. Особенно прочно укоренился обычай выпрашивания освобождения от смертной казни женщиной, заявившей, что она желает немедленно вступить в брак с приговоренным к смерти. Были также известны случаи дарования жизни, если из-за нерасторопности палача казнь с первого раза не состоялась (падение с виселицы и т. д.).

В. Исполнительное производство

Исполнение решений шляхетских судов. До конца средневековья наиболее распространенной формой исполнения судебных решений было обращение взыскания на движимость, так называемая экзекуция движимости. Только Formula Processus свела ее на нет, придав самостоятельный характер экзекуции недвижимости. С этого времени земское право признавало две формы исполнения судебных решений: экзекуцию недвижимости (от собственников недвижимого имущества) и личную — по отношению к шляхте-голите. В последнем случае судебные решения исполнялись энергично и со всей строгостью. Если шляхтич, не имеющий недвижимого имущества, в течение двух недель не исполнял приговора и не давал поручителя, его вызывали в гродский уряд и объявляли ему о «процессуальном изгнании», после чего немедленно приговаривали к заточению в башню, где он должен был «пребывать, пока требуемого приговором не исполнит».

Г. Особые виды судопроизводства

«Процесс о беглых крестьянах». Известный уже в средневековье, процесс этот в новые времена коренным образом изменил свою сущность и характер. С XVI века речь шла уже не о получении компенсации за самовольный уход крестьянина и пени от

пана, который его принял, а о розыске беглецов и возвращении их на место, откуда они бежали. Таким образом, это был виндикационный процесс. Он проходил в соответствии с Formula Processus между шляхтичем, который принял крестьянина, и его прежним хозяином, который требовал его возвращения. Крепостной в этом процессе являлся предметом спора. Процесс о «беглых крестьянах» детально регулировался не столько конституциями, сколько решениями отдельных земских сеймиков. Важнейшее из общепольских предписаний гласило, что в процессах о виндикации беглецов не существует срока давности. Поэтому беглеца можно было разыскивать в течение какого угодно времени после побега, что максимально способствовало борьбе с этим явлением.

Процессы по обвинению в колдовстве. К числу специальных процессов относился также процесс по обвинению в колдовстве, который в XVI веке полностью перешел от духовных судов в компетенцию городских и деревенских судов. Наибольшее количество таких процессов происходило на северо-западных землях Речи Посполитой.

Раздел седьмой

НАЧАЛО КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ

I. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУРАХ И МЫШЛЕНИИ

Причины перемен. Последние тридцать лет Речи Посполитой (1764—1795 гг.) были переломными в истории Польши. Данный период характеризовался попытками сохранить олигархию магнатов посредством подчинения страны растущему влиянию соседних держав, в особенности екатерининской России. Специфическим выражением этого были так называемые кардинальные законы, принятые в 1768 и 1775 годах. Их, как и другие, утвердил на первом этапе своей деятельности Четырехлетний Сейм ранее, чем возникла идея конституции как основного закона. К идее кардинальных законов обратился затем последний польский сейм в 1793 году. Одновременно с тем в связи с выступлением реформаторов первой половины XVIII века с 1764 года начался период реформ. Они осуществлялись в меру внутренних и международных возможностей, сосуществуя с упомянутыми выше кардинальными законами. Несмотря на множество препятствий, реформы прокладывали дорогу конституционной монархии, провозглашенной Четырехлетним Сеймом, а следовательно, и революционно-демократическому движению, нашедшему свое выражение

в национальном восстании 1794 года. Реформам общественно-экономического, политического и административного устройства сопутствовали связанные с ними попытки перестройки и кодификации судебного права.

Речь Посполитая, несмотря на то что она была урезанной и расчлененной разделами 1772 и 1793 гг. находилась тогда в состоянии относительного покоя — после II Северной войны и выхода из катастрофы, причиной которой явились поражения в войнах середины XVII века, в первых двух десятилетиях XVIII века, равно как и после Семилетней войны, захватившей Центральную Европу в середине того же XVIII века.

В соответствии с общей демографической тенденцией в Европе население Речи Посполитой снова начало увеличиваться. В Великой Польше, Мазовии, Малой Польше, чьих земель касаются фундаментальные исследования, оно увеличилось в период с 1720 по 1790 год минимум на 40%. После первого раздела Речь Посполитая насчитывала около 6 600 000 человек, а к концу века около 8 830 000 человек. Это говорит и об общих тенденциях экономического роста. Свидетельством положительных изменений было также постепенное оживление всех отраслей хозяйства на основе улучшения старых средств и отношений производства и торговли, а также создания новых — строительства мануфактур в некоторых городах и владениях магнатов (здесь возникали и общества смешанного дворянско-городского капитала). Изменения в хозяйственном управлении, осуществленные дирекциями, действующими на коллегиальных началах, произошли в первую очередь в латифундиях магнатов. Наибольшие изменения наблюдались в варшавской агломерации, которая (в Старом и Новом Городе, в пригородных поселениях) значительно разрослась — как территориально, так и численно. Население возросло с 30 тыс. человек до 120 тыс., а в период восстания 1794 года даже до 200 тыс. Развитию мануфактур сопутствовало развитие горного дела и металлургии. Росла торговля и не только в рамках локальных и региональных рынков, но также и в масштабах всей страны. В торговом отношении Польша делилась на два главных рынка: первый — Западный вместе с Центральным, второй — Восточных земель, ориентированных на вывоз зерна через Черное море.

Польское Просвещение. Четко обозначились прогрессивные тенденции Просвещения — рационалистические основы идейности и мировоззрения, находившие свое выражение в науке, искусстве, публицистике, театре, литературе, политической и правовой мысли. Как и в других странах, польское Просвещение не было цельным. В нем необходимо выделить три основных направления мысли: во-первых, либеральной в области мировоззрения и некоторых политических понятий, но социально консервативной; во-вторых, реформаторской и, наконец, — революционной. Два последних направления были связаны с основами светского либо обновленными основами католического или протестантского Просвещения (в некоторых городах). Во второй половине XVIII века в польско-литовской Речи Посполитой назрела конфликтная ситуация, что объяснялось наличием в ней прогрессивных сил и отсталых элементов. Уменьшившаяся в некоторых частях страны зависимость крестьянства и развитие городов привели к тому, что поборниками Просвещения и реформаторами в значительной степени стали представители патриотически мыслящего дворянства. Дворянство составляло значительную группу населения страны: не менее 10% всего населения и свыше 20% среди римско-католической его части (с которой в значительной степени связывалась принадлежность к полякам). Во Франции дворянство составляло в то время лишь 1,5%. Реформаторски настроенное дворянство в ходе дальнейшего углубления противоречий сталкивалось с представителями магнатов и среднего дворянства. Эти конфликты усугублялись постоянно усиливающимся стремлением к борьбе с отсталостью, к развитию просвещения, науки, цивилизации. Они усугублялись также стремлением к достижению независимости страны посредством борьбы с захватчиками и с помощью общественно-политических реформ.

Понятие «цивилизации» родилось в Англии в первой половине века, а позднее и во Франции. В Речи Посполитой оно впервые появилось в XVIII в., в наиболее развитой Великой Польше. Вторая половина века породила термин «независимость». Первым его употребил Станислав Конарский.

Существует историческая закономерность, которая выражается в том, что чем более отсталым является государство и чем активнее ведущие силы стремятся

его поставить на путь прогресса, тем большее значение приобретает государственный аппарат, перестроенный в соответствии с осуществляемыми реформами. Соответственно возрастает и роль идеологии, поскольку она сопутствует росту его значения. Просвещенные люди верили во всеислие разума, в значение государственных реформ. В соответствии с духом времени они задумывались и о новых, приспособленных, как они думали, к законам природы законам человеческим.

Большую роль сыграло развитие связей с европейскими странами, а также с борющимися за независимость, объединившимися английскими колониями в Северной Америке. Наряду с влиянием французского, английского и итальянского Просвещения несомненна связь с достижениями польского Возрождения. Было осуществлено новое издание сочинений Фрыча-Моджевского, Кохановского и других писателей XVI века. Накануне Четырехлетнего сейма снова издается «Свободный голос, свободу берегущий» Станислава Лещинского.

Изменения, о которых идет речь, охватили страну неравномерно. Наиболее развитой в хозяйственном отношении была, как и прежде, Великая Польша, но перемены происходили и в Королевской Пруссии (в частности, Гданьске и Торуне, которые после первого раздела сохранились как анклавы Речи Посполитой). На украинских землях преобладали старые формы производства и феодальной зависимости.

Наряду с положительными явлениями в различных частях страны имели место и отрицательные.

Часть магнатов, которая занимала реакционные позиции и предавала страну в угоду родовой амбиции, проявляла безразличие к ее экономическому положению. От немецкого термина «Jahrgeld» (годовое жалование) образовался термин «юргельтник». Его относили к явным предателям. Более частым было нежелание идти в ногу с нововведениями, проводимыми в духе Просвещения. Общественно-хозяйственные позиции магнатов в ту пору оставались очень сильными. Это доказывает, например, ревизия королевских поместий 1771 года, оказавшихся преимущественно в руках магнатов, а в некоторых районах почти целиком от них зависящих. Лишь в некоторых землях, как, например, в Серадзском воеводстве, относительно бо́льший

процент этих имений (до 30—35%) попал в руки других групп дворянского сословия. На высокие государственные должности (до семидесятых-восьмидесятых годов XVIII в.) назначались исключительно члены высокородных семей. Нужно было быть магнатом, чтобы получать ордена, в особенности орден Белого орла, учрежденный Августом II, или св. Станислава, учрежденный последним королем Речи Посполитой. Оба эти ордена были восприняты Россией.

Реформаторское движение. Еще в 60-х годах XVIII века признание княжеских титулов сеймами времен Понятовского и Пониньского свидетельствовало о формальном нарушении основ дворянского равенства.

Но Станислав Август вместе со своим ближайшим окружением как в интересах государства, так и в своих собственных покровительствовал среднему дворянству и первым польским интеллигентам, особенно писателям. Множились титулы королевских камергеров, щедро раздавались ордена, а также знаменитая медаль *Merentibus*, что вело к расширению круга политической элиты, а постепенно и к изменению властвующей элиты. Добавим к этому развитие образования. Общественно-политические изменения нашли зримое выражение в составе Четырехлетнего сейма. В первые годы (1788—1790 гг.) сейм насчитывал 177 депутатов (послов), после дополнительных выборов в 1790 году их число увеличилось на 182 депутата, что составило 359 депутатов. Отсюда и его название Великий. В составе Сейма была значительная группа депутатов, которые никогда раньше такой чести не удостоивались. По итогам первых выборов таких деятелей было 69 (собственно слово «деятель» вытекает из идей Просвещения, отдававших должное активной человеческой деятельности), по итогам вторых — 112, вместе — 181 человек. Если учесть, что это была наиболее активная часть Сейма, то изменения становятся очевидными. В подавляющем большинстве они были приверженцами короля и патриотической группировки, люди молодые, охваченные новыми идеями. Король и предводители возникшего в то время патриотического лагеря объединялись с зарождавшейся, хотя и немногочисленной буржуазией. В особенности наглядно это проявилось в Варшаве. Выразителем отмеченных тенденций был съезд представителей городов Короны и Литвы, организованный магистратом Старой Варшавы в ноябре 1789 года, в известной связи с началом Великой французской революции. Знаменательным было то, что автором мещанского меморандума о возвращении городам существовавших свобод и получения новых, конфиденциально согласованного с королем, был дворянин и представитель духовенства одновременно, давно осевший в городе Гуго Коллонтай. И, наконец, на авансцену национального движения и восстания 1794 года выступила новая многочисленная группа патриотов. В ее состав вошли наряду с представителями среднего или обнищавшего родовитого дворянства ремесленники и плебеи, «свободные люди» и крестьяне, а также их предводители — интеллигенты, а вместе с тем чиновники, учителя, некоторые ксендзы из среды наименее обеспеченных, свя-

занные с народом писатели и журналисты, наконец, молодые офицеры.

Представленные здесь перемены и идеи нашли выражение в трех общественных тенденциях и в трех концепциях: 1) «дворянско-магнатского народа», господствовавшего в прошедшей эпохе; 2) «буржуазного» народа, формирующегося на основе дворянско-мещанского компромисса, а также 3) народа — «люда-поспольства», охватывающего всех людей труда.

Польское Просвещение, захватив начало XIX века, создало предпосылки для национального развития в этом столетии.

II. ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ИСТОЧНИКИ ПОЗНАНИЯ ЗАКОНОВ

Земское и общегосударственное право. Стремление зафиксировать важнейшие принципы общественного и государственного устройства в законодательных актах, обладающих признаками конституционных, т. е. основных законов, и потому неизменяемых или изменяемых лишь при определенных условиях, нашло отражение в первую очередь в кардинальных законах 1768 и 1775 годов.

Среди них главенствующее значение приобрел Правительственный закон (Конституция) от 3 мая 1791 г., обладавший свойствами основного закона. Им создавалась такая форма власти, которая обладала чертами конституционной монархии. Во вступлении к закону говорилось, что «все новые акты, принимаемые настоящим сеймом, должны на него опираться, соотноситься, согласовываться с ним», поскольку сам закон был объявлен нерушимым до тех пор, пока народ его не отменит.

Публикация конституции была осуществлена тиражом, достигавшим 30 тыс. экземпляров, что указывает и на значение закона, и на заинтересованность современников. Кардинальные законы были утверждены Гродненским сеймом 1793 года как нерушимые государственно-правовые акты. Они нашли отражение в ординарных законах сеймов, в актах и универсалах короля и маршалов Четырехлетнего Сейма, сыгравшего роль учредительного. Законодательство 1764—1780 гг. было суммировано в издании «*Volumina legum*» (тт. VII и VIII). В 1839 году Академия наук в Кракове пополнила «*Volumina legum*» IX томом, который содержит конституции сеймов 1782—1792 гг. В 1952 году был издан X том, охватывающий конституции, принятые

после 1793 года. Многочисленные законодательные проекты и публикации помещены в пятитомном издании «Материалы о деятельности Четырехлетнего сейма» (1955—1964 гг.).

В период восстания 1794 года источниками права были: акт восстания в значении временного основного закона и одновременно программной декларации, универсалы повстанческих органов власти, решения Временного совета, Высшего национального совета, а также воеводских комиссий порядка. Они были обнародованы посредством отдельных изданий или опубликованы в «Правительственной газете». Многотомное издание документов восстания открывается публикацией двух первых томов актов Высшего национального совета в 1918 году и третьего тома в 1955 году.

Проекты судебного права опубликованы в 1778 году под названием «Собрание судебных прав», повторная публикация состоялась в 1874 году. В 1938 году издан «Кодекс Станислава Августа» — собрание материалов, подготовленных к обсуждению проектов и набросков. В 1957 году он был дополнен. Много проектов и примечаний остается в рукописном виде.

Существенную роль сыграла публикация сборников по судебному праву. Фрагменты судебной практики и реформаторские положения представлены в юридической литературе той эпохи, и прежде всего в «Гражданском праве польского народа» Теодора А. Островского (1784 г.).

Городское право. Перечень законов, а одновременно и городских положений содержится в собранных магистратом Старой Варшавы «Правах польских городов для законодательных, исполнительных и судебных властей» (1789 г.), а также «Сборнике прав, доказательств и замечаний.., касающихся положения городов и мещанства в семи частях» (1790 г.). Основополагающее значение имел Закон о свободных королевских городах от 18 апреля 1791 г., признанный частью Правительственного закона.

Сельское право. Важным его источником являются сельские законы, опубликованные как в период их принятия, так и в настоящее время. Выделяются содержанием «Повсеместные законы для пользы моих управляющих», дважды изданные кн. Анной Яблоновской (1783, 1785 и в 1786 гг.), а также отдельные «Законы

для сел» (уникальное издание). Большой популярностью пользовались законы Павла Бжостовского и Станислава Понятовского. Некоторые законы широко освещались на страницах «Торгового Вестника».

Важнейшим источником познания отношений, господствующих в королевских поместьях и осуществленных в них реформ, являются положения о «референдумах» (опросах населения). О положении села и борьбе крестьян говорят также оставшиеся в рукописях протоколы коллегиальных заседаний дирекций, управляющих латифундиями.

Огромное число материалов имеется в книгах референдарий и в сельских книгах, собраниях крестьянских жалоб и хозяйственных инструкциях. Весьма ценными для получения необходимой информации являются издания первоисточников, множество которых появилось в Народной Польше.

III. ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

Тип и формы государства. Вплоть до Четырехлетнего сейма, а затем после его упадка под эгидой Тарговицкой и Гродненской конфедераций сосуществовали, противоборствуя, две противоположные формы устройства. Вне институтов, созданных восстанием 1794 года, обе они сохранялись в сфере государства феодального типа, в рамках Речи Посполитой дворянской. Феодализм на завоеванных польских землях удерживался до раскрепощения крестьян, которое в отдельных случаях наступало в различное время.

Осуществленные с 1764 года реформы, венцом которых было законодательство Четырехлетнего Сейма, отражали стремление к новым формам общественно-экономического и политического устройства в сфере феодального государства. Напротив, законодательные акты, среди которых выделяются кардинальные законы 1768 и 1775 годов, так же как и Гродненские конституции 1793 года, должны были служить укреплению на землях Речи Посполитой системы магнатско-шляхетского правления.

Правда, потребности общественного и экономического развития были столь велики, а прогресс культуры Просвещения настолько силен, что даже в реакционно задуманных формах появились новые элементы.

Изменения в общественно-экономическом устройстве. Дворяне и мещане. В массе дворянства происходил процесс сближения наиболее активных и просвещенных его представителей с горожанами-мещанами, получавшими в те годы дворянское звание. Среда, до сих пор закрытая, стала доступной для богатого мещанства. Конституция 1775 года требовала, чтобы мещане, получившие в то время дворянский титул, в течение года приобрели земельных имуществ ценностей не менее 50 тыс. злотых. В противном случае им грозила утрата дворянства. Вторая конституция этого года постановляла, что «отселе шляхтич, всякого рода купеческим промыслом занимающийся, дворянства своего не утратит». В этом нашли отражение веяния новых времен, идущие в направлении дворянско-буржуазного компромисса. Различным было положение городов. В некоторых латифундиях, например в майорате Замойских, проводились полезные изменения в положении частновладельческих городов, которыми обеспечивалось их развитие. Некоторым городам возвращались утраченные права, создавались новые. Однако одновременно с этим в 1768 году управление королевскими городами было возложено на старост, что обеспечивалось запрещением апелляции на решения городского суда непосредственно в ассессорский суд, т. е. минуя суд старосты.

Первые реформы в королевских городах начаты были в 1764 году упразднением юридик, поскольку они не имели достаточной правовой основы, а также сервитуриатов, мешавших городскому единству.

Хозяйственным подъемом городов, их модернизацией и оздоровлением системы управления занялись образумые с 1765 года «комиссии доброго порядка» (не путать с более поздними органами общегосударственной власти). Первая комиссия была создана в г. Варшаве, затем почти во всех больших королевских городах. Комиссии имели право принятия решений и надзора. Однако исключительно дворянский состав комиссий, образованных сеймами, при участии старост как представителей местного управления и под руководством (председательством) одного из сенаторов обеспечивал заботу не столько о городе, сколько об интересах дворянского сословия. Тем не менее, особенно в Великой Польше, комиссии сыграли положительную роль, оставив после себя (например, в Познани и в

Всхове) обширное законодательство. В соответствии с идеями просвещенного абсолютизма, адаптированными в Польше, оно стремилось к урегулированию всех возможных отношений, включая пустяковые.

Евреи. Изменения того времени не коснулись еврейского населения, сгруппированного прежде всего в городах. Дело не продвинулось дальше проектов, противоречащих друг другу, поскольку одни, исходящие из королевского замка в Варшаве, предусматривали ассимиляцию, другие были прямо направлены против евреев — во имя конкурирующих интересов христианского населения городов.

Крестьяне. Положение крестьян в различных частях страны было неодинаковым, и прежде всего в магнатских латифундиях и во владениях, которые — как это было, например, в Познани — принадлежали большим городам. Преобладали распространенные уже в XVII веке формы использования земли крестьянами в зависимости от воли помещика. На Западе и Севере для усиления заинтересованности крестьян в хозяйстве эти отношения чаще всего регулировались как эфитевтические (вечно наследственной аренды). «Хорошие права» крестьян на землю временами называли «крестьянской собственностью» (такое обозначение позже было отнесено Полянецким универсалом 1794 года ко всем крестьянам), что означало собственность зависимую. Среди крестьян живо проявлялось сознание их прав на надельные земли. Это подтверждают недавние исследования, касающиеся владений архиепископа гнезненского и епископа хелмского.

Продолжался процесс расслоения крестьянских хозяйств. Много полулановых хозяйств было в Великой Польше — 34%, еще больше на торунско-гданьском побережье — 50% и меньше всего в Малой Польше — 11%.

Освобождение сколько-нибудь значительного числа крестьян, совершавшееся в каких-нибудь владениях, было исключением. Акты освобождения крестьян от крепостной зависимости чаще всего свидетельствовали о соглашении между владельцем и крепостным, суть которого заключалась в получении первым выкупа. Для освобожденного и его детей открывалась возможность заняться ремеслом или другой работой в городе.

В общегосударственном масштабе в 1768 году кардинальные законы пополнились положением о запрещении

наказания крестьян смертной казнью по постановлению домениального (поместного) суда. Дело, предполагающее смертный приговор, необходимо было передать в старостинский (гродский или городской) суд. Однако несмотря на это в нарушение запрета, факты лишения крестьян жизни имели место.

Образы нищеты и притеснения крестьян в литературе и публицистике Просвещения, как, например, у Станислава Сташица, были настолько типичными и яркими, что активно послужили пропаганде (снова термин, созданный в эпоху Просвещения) идей интенсивного хозяйствования, а также освобождения человека.

Отношения в сельском хозяйстве и положение крестьян регулировались во второй половине XVIII века многочисленными сельскими законами, которые являлись, как и в случае с законами для частновладельческих городов, выражением просвещенного абсолютизма — в сфере данного владения. Реформы в королевских поместьях осуществлялись на основе прошений и жалоб общин (громад), вносимых через референдарский суд.

Плебейские элементы. Среди населения городов и сел возрастала численно и увеличивала свою активность плебейская прослойка людей, живущих за счет предоставления своей рабочей силы в наем, включая странствующих работников. Их называли «поденщиками», «челядью», но появилось и новое название «рабочие». Это прежде всего относилось к работникам мануфактур. Встречается в источниках название «сельскохозяйственные рабочие». В дворянских дворах и городских домах находилось множество различного рода слуг.

Правовое положение растущей массы «свободных людей» старались регламентировать правовыми актами и практическими мерами: решениями сеймиков, мероприятиями маршалского аппарата в Варшаве, актами городских властей и, наконец, постановлениями общегосударственного характера. Стремилась сделать невозможным их свободное передвижение по стране, требуя от них «паспортов», выданных помещиками, а также заставляя их заниматься подневольным трудом. В более позднем периоде деятельности Четырехлетнего Сейма этим занимались военно-гражданские комиссии порядка. Определенные меры принимала и Полицейская комиссия:

Религиозные отношения. В религиозном отношении Речь Посполитая прошла в 1768 году через период кратковременного равноправия в области публично-правовых отношений (допущение к замещению должностей, депутатских функций и т. д.) и личных отношений иноверцев, т. е. лютеран, кальвинистов и православных. Это произошло под воздействием соседних держав, вмешавшихся в дела Польши. Затем снова наступил период ограничений, в значительной степени обусловленный итогами Барской конфедерации (1768—1772 гг.).

В отношениях между государством и римско-католическим костелом обошлось без реформ, подобных тем, которые имели место во Франции и Австрии, т. е. без установления зависимости костела от государственной власти. В свете требований большинства дворян сейм возобновил в 1768 году ограничения, связанные с приобретением церковью земельных владений. Это касалось и запрещения приобретать дворянские имущества по завещанию.

Программа реформ. Казалось, счастливая судьба содействовала Речи Посполитой и Станиславу Августу Понятовскому. После смерти Августа III на коронации 1764 года с речью, содержащей программу реформ, выступил иновроцлавский воевода, позднее коронный канцлер — Анджей Замойский, представитель группировки князей Чарторыских. Приближенные Екатерины II, они надеялись, что именно со стороны России Польша и Литва найдут помощь в преодолении отсталости и анархии. А Замойский говорил о возможности «осчастливить страну» посредством развития экономики (как в Англии), о «современном образовании», осуществляемом под руководством специального органа «Комиссии просвещения», о развитии администрации, о повышении эффективности всех аспектов государственной деятельности. 1764 год можно принять за начальную стадию феодально-конституционной монархии в Польше, что проявилось в реформах государственного устройства, обсуждавшихся в элекционном сейме. Значение конституций, принятых на сейме, сочтено было столь большим, что согласие на них нового монарха после его коронации не потребовалось. Этим подчеркивалось главенство сейма в государстве.

Реформа заседаний в сейме. Реформы 1764—1766 гг. в первую очередь затронули вопросы упорядочения деятельности сейма. Был утвержден порядок заседаний и постановлено, что некоторые менее важные решения, условно названные «экономическими материями», будут приниматься большинством голосов. Для налогов, однако, отнесенных к категории «статусных материй», требовалось единогласие, чем подчеркивалось их большее государственное значение. Решено было исключить из сеймиков неимущих дворян (шляхту-голоту), то есть многочисленную магнатскую клиентуру. Однако это последнее решение не удавалось провести в жизнь вплоть до Четырехлетнего Сейма.

Казначейская комиссия. Началось создание новой администрации. Были созданы два аппарата: Казначейская и Военная комиссии, действующие на коллегиальных началах, отдельно для Короны и для Литвы. Казначейская комиссия Короны, несмотря на многие препятствия, играла существенную роль. Хуже работала Казначейская комиссия Великого Княжества Литовского. Органы управления армией действовали без должной энергии, находясь по-прежнему, вопреки замыслам законодателей, в руках гетманов.

Членов первой и второй комиссий, за исключением председателей министров, выбирал сейм сроком на два года из четырехкратного числа кандидатов, рекомендованных королем. В состав Казначейской комиссии Короны удалось включить много выдающихся людей, просвещенных и хорошо работавших.

Казначейская комиссия была создана в целях реализации характерной для Просвещения цели: «осчастливить страну», или, как говорилось в этом случае, обеспечить «публичную выгоду». Комиссия должна была заниматься «казначейским порядком Короны» и «умножением доходов» «посредством внедрения управления и экономики для лучшей выгоды Речи Посполитой». Это означало наряду с фискальными задачами работу по развитию инфраструктуры: коммуникаций и транспорта (строительство дорог и обеспечение судоходства на реках), промышленности и торговли.

Казначейская комиссия влияла на внедрение в жизнь закона об упразднении пошлин, принятого сеймом, что послужило развитию внутреннего рынка, а также стан-

дартизации мер и весов, стандартизации и улучшению качества монет.

Закон от 1764 года был направлен на ликвидацию существующего до тех пор хаоса в системе мер и весов. Из множества мер были выбраны: краковско-варшавский локоть, краковско-вродлавский фунт, варшавский корец (мера сыпучих тел), варшавский гарнец (мера сыпучих и жидких тел). Закон упразднял старые меры, а также классовые способы измерения (большие меры при сборе повинностей, меньшие — при продаже урожая через посредство помещика), внедряя единую систему мер и весов при всех сделках.

Денежная реформа состоялась в 1766 году. За денежный эквивалент была принята кельнская гривна (233,8 г серебра). Из нее чеканились 10 талеров, или 80 злотых (с 1788 г. — 83,5 злотых). Дукаты решено было чеканить в соответствии с голландскими нормами (дукат — 16,75 злотых, позднее 18 злотых). Комиссия обсуждала также проект выпуска бумажных денег. Он был реализован лишь в период восстания 1794 года, когда были выпущены бумажные банкноты на 8 млн. польских злотых, обеспеченных казенными имениями.

Бюджет. К наибольшим достижениям Казначейской комиссии следует отнести введение, начиная с 1768 года, бюджета, или росписи запроюектированных доходов и расходов государства на определенный период, утвержденный сеймом. Бюджетный закон способствовал единству финансового хозяйства государства. Началась работа по внедрению наиболее современных принципов бюджетного хозяйства, а затем единства бюджета как росписи, охватывающей все доходы и расходы государства, его гласности, связанной с деятельностью сейма, как и (что уже относилось к польским традициям) контроля за исполнением бюджета сеймом. Принцип единства не был полностью реализован, так как из общественного бюджета был исключен просветительский (эдукационный) фонд. Были исключены из так называемого гражданского реестра государственные фонды, предназначенные в распоряжение короля на содержание двора и другие королевские доходы. Такая бюджетная система роднила Речь Посполитую с более развитыми бюджетными системами Великобритании, а также и государств просвещенного абсолютизма.

С идеей одновременно увеличенного и уравновешенного бюджета реформаторы объединили значительное увеличение податей. Ежегодные интраты (доходы) посполитой казны составляли в 1768 году немногим более 10 млн. злотых. (В то же время военные расходы превышали 9 млн. злотых, расходы гражданские до 5 млн. злотых, в том числе: на нужды дипломатических служб —

1 млн., королю — 1 млн., ремонт Варшавского замка — 400 тыс. злотых и т. д.) Новый налог должен был принести свыше 10 млн. злотых. Дело было трудным. Шел поиск 14,5 млн. злотых новых доходов. Это означало в то время столько же, сколько получал всего лишь один из наиболее богатых магнатов со своих латифундий. Бюджет 1768 года так и не вступил в силу, и лишь третий бюджет 1775 года явился основанием для казначейских мер.

Первый план полного бюджета, включающий все расходы государства, определился лишь на Четырехлетнем сейме благодаря проектам специально созданной для этого комиссии.

Комиссия национального просвещения. Подобно другим упомянутым комиссиям, была организована комиссия просвещения, ставшая фактически министерством народного образования, законной гордостью польского Просвещения. Положение Комиссии в системе органов власти было особым, автономным, что и подтвердил Четырехлетний сейм. Здесь была сознательно подчеркнута связь с давними принципами польского права, в соответствии с которыми надзор за образованием являлся прерогативой короны. В такой форме выразилось стремление высвободить образование, а вместе с ним науку из-под контроля консервативных кругов. Поэтому Комиссия просвещения, образованная в 1773 году, не подчинялась возникшему двумя годами позднее Постоянному совету как органу центральной власти. Сейм, однако, имел право контроля за ее финансовой деятельностью, он же обычно высказывал свои мнения о главных программных направлениях работ Комиссии.

Под началом Комиссии оказались два претерпевших реформу университета: в Кракове и Вильнюсе, и около 100 средних школ. В 1788/89 году в средних школах Короны было около 13 тысяч учащихся, в Литве — около 5 тысяч. При 8-миллионном населении страны один учащийся приходился на 400 жителей, что для условий, существовавших тогда во всем мире, было довольно хорошим показателем.

Комиссия принимала меры к тому, чтобы в семинариях готовились светские учителя. В 1791 году в средних школах Короны работали 80 светских учителей, 45 — духовных. Комиссия проявляла заботу о сельских и городских школах, так называемых парафиальных. Развивался надзор за пансионами или школами для девушек. Программы обучения отвечали требованиям тогдашнего времени как в области общественных наук, так и наук естественных, соединяя заботу об общем развитии учащихся и их гражданской подготовке с формированием практических навыков. Этими программами и изданием учебников нового типа занялось действующее под руководством Комиссии Общество элементарных книг. Было издано 27 видов учебников и школьных пособий.

В 1783 году Комиссия опубликовала постановление под названием «Устав Комиссии народного просвещения для академических учебных заведений и школ Речи Посполитой», определившее организационные принципы всех школ и их внутреннюю иерархию, а также принципы создания и поддержки государством «учительского сословия».

Часть дворянства и духовенства ожесточенно выступала против Комиссии просвещения как с мировоззренческих, так и меркантильных позиций.

Другие центральные органы. Для решения некоторых вопросов создавались комиссии, не имеющие характера министерств. Такой была Монетная комиссия, составленная из «мужей, добродетелью и страстностью в отношении к достоянию посполитому прославленных, а при сем к торговле и мерам способных» (1766 г.). Кроме мер по обеспечению функционирования монетного двора и изменению денежной системы, Монетная комиссия должна была выполнять консультативные функции для казначейских комиссий Коруны и Литвы.

Интересным нововведением были больничные комиссии, созданные в Литве и Польше в 1775 году. Они обеспечивали решение текущих задач здравоохранения и общественной опеки (богадельни, ночлежки). За отсутствием средств закон 1775 года был аннулирован (через 5 лет), функции же этих комиссий перешли комиссиям хорошего порядка.

Королевский кабинет. Органами при короле стали: Королевский кабинет, наделенный функциями личного секретариата, ведающий собственным имуществом двора, дипломатической корреспонденцией, отношениями с костелом и римской курией и делами Великого Княжества Литовского, а также Военная канцелярия. Когда в 1775 году был создан Постоянный совет, Королевский кабинет воспринял дела Департамента иностранных дел, и внешняя политика стала осуществляться под непосредственным руководством короля, хотя и при главенстве сейма. Свидетельством важных перемен явилось создание сети дипломатических и консульских представительств в Испании, Великобритании, Франции, Голландии, Дании, Швеции, России, Пруссии, Австрии, при римской курии и в Турции.

IV. КАРДИНАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Соседние страны и рост их могущества. Государства, граничащие с Речью Посполитой, уже с начала XVIII века переживали пору подъема. Они расширяли свою территорию. От абсолютизма старого типа они переходили к тем или иным формам просвещенного абсолютизма. Активной — агрессивной — была их внешняя политика. Соотношение сил государств ярко

отражалось в их военном потенциале. Речь Посполитая имела в шестидесятых годах XVIII века 16 тысяч солдат, Россия — 350 тысяч, Австрия — 280 тысяч, Пруссия — 200 тысяч. Армия монархической Франции также насчитывала 200 тысяч солдат. В России Петра Великого и Екатерины II в течение длительного времени выделялись две тенденции, относящиеся к польской политике: первая тяготела к установлению русского протектората над всеми землями Речи Посполитой, вторая — к ее разделу. К последнему склонялось и Берлинское правительство. Австрия независимо от изменений политики своего правительства и некоторых внешних факторов была готова воспользоваться ситуацией, чтобы расширить свои границы, несколько ущемленные захватом большей части Силезии Пруссией. В любом варианте все три державы добивались влияния не только на международную, но и на внутреннюю политику Польши. В 1768 году, а затем и на «разделительном» сейме 1773 года и была создана делегация в составе 104 сообразно подобранных особ, которой сейм передал всю компетенцию в вопросах ратификации разделительных трактатов.

Кардинальные законы 1768 года. Выразителем сложившейся ситуации, ставящей целью затормозить начатые в 1764 году реформы, стали кардинальные законы, принятие которых было форсировано сеймом 1768 года под давлением соседних государств и магнатско-стародворянских кругов. После первого раздела, в 1775 году, законы эти были обновлены, их увязали с Генриковскими артикулами 1573 года, но несколько усилив их роль. Как «вечно неотменяемые», кардинальные законы приобрели по своей форме характер основного закона. Главной их целью было сохранить старые общественные отношения и существовавшие до тех пор формы правления, хотя и с учетом выдвигаемых временем компромиссов. Тем же целям служила гарантия, которую Россия давала Законом 1768 года, расширенная затем в 1775 году до гарантии трех держав. Гарантии эти, навязанные Речи Посполитой международными трактатами, создавали новые возможности для оказания влияния на внутренние отношения в польском государстве с целью сохранения старых порядков.

Стремясь избежать односторонней оценки, следует обратить внимание также и на позитивные качества

кардинальных законов. Как бы то ни было они приобрели значение основного закона, противостоящего анархии и безначалию. Помимо этого Законы 1768 года должны были обеспечить неделимость Речи Посполитой, сохранение ее от раздела на части.

Попытки оживления уклада «золотой свободы». В области политического устройства прилагались усилия к тому, чтобы увековечить свободный выбор — *virutum*. В 1775 году было определено, что королем может быть только «пьяст, родовитый дворянин (шляхтич) и крупный землевладелец», а также то, что никто не может быть избран королем после отца и деда. Хотели помешать, хотя бы *de facto*, созданию династий, как это было во времена Вазов или саксонцев. Было подтверждено право выхода из послушания монарху. Верховная власть передавалась в руки Сейма, который стал называться «правительством Речи Посполитой» и сконцентрировал всю полноту власти в своих руках. Другое дело, что державы, гарантирующие выполнение этих принципов, равно как и реакционно настроенные магнаты, не были заинтересованы в усилении власти сейма. Отсюда вытекает сохранение правила о предельной шестинедельной продолжительности заседаний сейма и о том, что решения сейма должны иметь единогласное одобрение. Принцип единогласия применялся к рассмотрению всех существенных вопросов, что ставило преграду внедрению принципа принятия решений большинством голосов, к чему склонялись реформы 1764—1766 гг.

Тенденции петрифицикации существующего строя, равно как и согласие на определенные реформы, которых требовали новые времена, отразились в создании (1775 г.) центрального административного органа в форме Постоянного совета. В соответствии с пожеланиями реакционеров и пособников посольства Екатерины II Постоянный совет должен был противодействовать прогрессивным переменам в стране.

V. ПОСТОЯННЫЙ СОВЕТ

Централистские тенденции. Еще до элекции 1764 года выдвигались проекты создания центрального правительства. В первые годы правления Станислава Августа такую роль играли неформальные конференции

короля и министров. Подготовка материалов реализации решений конференции осуществлялась Королевским кабинетом.

В результате компромисса между сторонниками различных концепций, а также с учетом некоторых примеров из опыта государств просвещенного абсолютизма, в том числе Швеции, на сейме 1775 года был создан, как уже говорилось, Постоянный совет. Составленный из людей разного покроя и разной ориентации, он претерпел знаменательную эволюцию. Из органа, стоящего над королем и препятствующего всему новому, он сделался благодаря гибкости поведения монарха в значительной мере инструментом его политики и особенно в годы сотрудничества (дворцовой группировки) с русским посольством, т. е. с 1775 по 1789 год.

Совет осуществлял позитивную деятельность в административных вопросах, но как инструмент петербургского правительства постоянно критиковался, в патриотических кругах был прозван «постоянной изменой»¹, что и привело к его упразднению в начале деятельности Четырехлетнего сейма.

Организация Совета. В соответствии с законом 1775 года король утратил значительное число своих функций, отошедших Совету и его департаментам. Единственно, что формально сохранилось за королем, это председательствование в Совете, сопряженное с правом двух голосов для случаев, когда мнения разделяются поровну. Однако фактически роль короля и его сторонников с каждым годом возрастала.

Постоянный совет в количестве 36 членов избирался сеймом каждые два года. Половину его (18 человек) должны были составлять представители сената, половину — депутаты шляхты. При каждом новых выборах сейм должен был в интересах преемственности сохранять в составе Совета одну треть его прежних членов. Из числа депутатов должен был избираться маршал Совета, который мог замещать короля в качестве председателя. Кроме пленарных заседаний, на которых принимались решения руководящего характера, работа Совета осуществлялась в пяти департаментах, составленных по принципу коллегий из четырех-пяти членов:

¹ Эпитет образован от польского слова «рада» (совет), с прибавкой к нему букв «зд», что позволило получить слово «здрада», т. е. измена (*прим. перев.*).

иностранных дел (во главе с королем, как председателем), полиции, или Доброго порядка (с правом надзора за королевскими городами); военного (который на некоторое время устранил Военную комиссию); юстиции и казначейства (скарба). Департаментские коллегии должны были принимать решения абсолютным большинством голосов.

Военный департамент содействовал увеличению численного состава армии Короны и Литвы с 16 до 30 тысяч солдат и офицеров. Вместе с Военной канцелярией короля он довольно много сделал для усовершенствования набора и модернизации армии.

Департамент юстиции многое сделал для упорядочения судопроизводства, в особенности через подготовку решений пленарных заседаний Совета по вопросам соблюдения и интерпретации законов. В 1776 году Совету было дано полномочие определять, какие нормы права следует считать действующими. Это имело большое значение при отсутствии кодификации права. Совет получал возможность для приспособления права к нуждам времени. Он издал несколько томов «Резолюций», связывающих государственные органы. Департамент юстиции имел, кроме того, право последней инстанции при рассмотрении жалоб на коррупцию в судах и в случае необходимости мог входить в Постоянный совет с предложением о созыве сеймового суда.

Контроль правительства. Определились принципы контроля сеймом Постоянного совета и комиссий, называемых вместе с Комиссией народного просвещения верховными либо правительственными. Созываемые каждый раз депутации (комиссии сейма) проверяли счета и итоги финансовой деятельности, а потом готовили доклады сейму. Они же в соответствии с существующим издавна положением польского права могли привлекать представителей администрации к судебной ответственности.

VI. ИЗМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОМ ПРАВЕ

Передовые идеи. Новые тенденции проявились во многих областях права. Создавались основы для развития государственного и административного права. Не осталось в стороне и уголовное право. Доктрины эпохи Просвещения стремились привести к соответствию принципы идеального государства с принципами естественно-го права. Снова возросла роль законоведов.

Новые течения прежде всего отразились в стремлении к усовершенствованию экономических и других общественных отношений. Что касается крестьян, они кроме упомянутого уничтожения (1768) *iuris vitae ac pecis* (права жизни и смерти) предлагали введение эфитевнических отношений при условии освоения пустующих земель и условия вечной аренды, ограничивающие помещичий произвол.

Мещане в соответствии с индивидуальными актами сейма и резолюциями Постоянного совета получали от случая к случаю право приобретать земельные имения, чему закон о городах 1791 года придал общий характер. Широкие права были даны иностранцам, которые желали бы осесть в Польше с тем, чтобы заняться хозяйственной деятельностью.

В том, что касается дворян, был определен более высокий возрастной ценз неполной правоспособности (20 лет) и установлено, что до достижения полного совершеннолетия, т. е. 24 лет, нельзя каким-либо образом обременять свое состояние, производить записи без согласия на то отца или опекуна, брать товары в кредит, делать займы.

Для предотвращения дворянских разорений из-за недобросовестности опекунов принимались соответствующие меры к регулированию опеки. Был усилен контроль со стороны судов и королевских органов, ведающих опекой.

Если вести речь о положении духовенства и костела, следует отметить продолжение политики, направленной против приобретений «мертвой руки» и на ограничение права наследования монахов обоих полов. Наряду с существующим запрещением на приобретение костелом земских имуществ в 1764 году возобновлено было существовавшее ранее запрещение на приобретение городской недвижимости.

В области вещного права наибольшее значение имела эфитевническая реформа негородских староств, имущественных комплексов, которые с этих пор должны были отдаваться в многолетнюю аренду лицам, предлагавшим выгоднейшие условия, а не быть «хлебом заслуженных». Ожидалось, что они будут приносить доходы государству, правильно вести хозяйство и подчиняться соответствующим контролирующим органам.

Новым институтом, служащим хозяйственному обороту, были создаваемые в то время акционерные общества.

Вексельное право. В 1775 году было введено общегосударственное вексельное право. «Вексель, говорилось в законе, является свидетельством, что должник обязуется выплатить своему кредитору сумму в установленное время». Векселя служили обеспечением кредита, определяли дополнительные условия к главному соглашению, являлись независимым и сравнительно легким способом взыскания долга. Постоянный совет своими решениями неоднократно брал под защиту займодателей. Злоупотребление дворянством этой формой кредита повлияло на принятие в 1780 году акта, который запрещал дворянам вексельные операции. Запрещение это не касалось «новой» шляхты, выходцев из банкиров и купцов.

Уголовное право. В уголовном праве нашло отражение стремление к обеспечению большей безопасности и правопорядка в стране. Этого стремились достигнуть путем расширения круга публичных преступлений, расследуемых властями. И законы, и практика ставили целью как запрещение шляхетского самоуправства (нападение на дом или насилие на дороге), так и беспощадное подавление выступлений против дворянства. Обе эти тенденции наилучшим образом отразились в законодательстве Четырехлетнего сейма. В ходе восстания 1794 года были развиты нормы, направленные против «публичной измены».

Более гуманными стали способы осуществления наказаний, связанных с лишением свободы. В соответствии с тенденциями эпохи раннего капитализма они нашли выражение в пропаганде принудительного труда как меры наказания. В 1775 году эта мера проникает в кодекс военных наказаний. Наряду с принудительным трудом вводится смягчение способов смертной казни и телесных наказаний.

Межевое право. Важной гарантией предупреждения частых среди шляхты споров о границах землевладения и правильном использовании земли служили новые решения, касающиеся межевого (граничного) права. Об этом говорится и в резолюциях Постоянного совета. Четырехлетний Сейм в 1791 году издал два закона об общем «разграничении земельных имуществ любой

категории» в провинциях Короны и в Литве. На территории Короны сеймики должны были каждые четыре года выбирать воеводские граничные комиссии в количестве 10 членов, наделенные правом окончательного решения споров. В соответствующих случаях выделенные комиссией судьи (принадлежащие к ее составу) съезжались на место вместе с квалифицированными геометрами, с арбитрами, а также с заинтересованными сторонами. Большие усилия предпринимались для того, чтобы противники пришли к соглашению. Рассмотрение апелляций ограничивалось воеводскими комиссиями. Межевые законы стали образцами для более поздних актов, изданных в Царстве Польском.

Адвокатура. В том, что касается адвокатуры, может быть отмечена забота о повышении уровня правовых знаний, Резолюции Постоянного совета распространили на всех адвокатов запрет на приобретение имущества их клиентов. Конституции 1764 и 1768 годов ограничивали право выступлений в городских и земских судах адвокатов, принадлежащих ко всем другим сословиям, за исключением дворянского. В соответствии с законом о городах 1791 года к судопроизводству допускались и адвокаты-мещане. Тарговицкая конфедерация, однако, восстановила шляхетскую монополию на весьма выгодное занятие адвокатурой.

Проект Свода судебных законов. Просветительские тенденции проявились в 1776 году в созданной сеймом по предложению короля кодификационной комиссии, которая должна была подготовить Свод Законов, принимая «естественную справедливость pro primo obiecto». Она была созвана, дабы действовать «безотносительно к любой из давних легислатур». Исключение было сделано для III Литовского статута. Возглавлял комиссию экс-канцлер Андрей Замойский. Оживленную публицистическую деятельность развил член комиссии Юзеф Выбицкий. Некоторые вопросы обсуждались на обедах, которые устраивались по четвергам у короля Станислава Августа. Представленный Сейму через два года проект «Свода судебных законов» сохранил многие старые положения в области уголовного права, защищая позиции шляхты и оставляя прежние жестокие наказания; в области гражданского права «Свод» был в известной мере увязан с проектами реформаторов в вопросах общественных и политических отношений. Под

видом реформы судебного права была сделана попытка освободить часть крестьян от крепостничества, а также передать договорные отношения между помещиками и крестьянами под контроль и охрану государства. Однако против «Свода законов» выступили все силы реакции из среды дворянства и духовенства, при поддержке римской курии и русского посольства. В результате проект был демонстративно отвергнут на сейме 1780 года с предупреждением, что он никогда впредь не должен выноситься на обсуждение. Первая большая проба сил закончилась поражением реформаторов, но не безнадежным. Реформаторское движение в области права продолжало развиваться.

Проект Кодекса Станислава Августа. Четырехлетний Сейм в Правительственном уставе от 3 мая 1791 г. снова поднял вопрос о кодификации права под названием Кодекса Станислава Августа. Кодекс должен был охватить многообразие форм гражданского и уголовного права и процесса. Работу Комиссии Короны возглавлял Гуго Коллонтай. Недостаток во времени не позволил комиссии разработать весь проект, но остались ценные материалы. Были узаконены проекты земских судов и трибуналов. Существенное значение имели предложения гуманистического характера, фигурирующие в проектах уголовного права: презумпция невиновности, *nullum crimen sine lege*; *nulla poena sine lege penale anteriori* — положение о том, что наказание и приведение приговора в исполнение должны служить перевоспитанию преступника, зависимость штрафов от имущественного положения наказуемого. Все они нашли отражение в Законе о сеймовых судах.

VII. КОНСТИТУЦИЯ 3 МАЯ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО СЕЙМА

Подготовка и характер конституции. В благоприятной, как представлялось, международной и внутренней ситуации, а также в итоге все возрастающих реформаторских устремлений в Варшаве был созван сейм, вошедший в историю под названием Четырехлетнего или Великого.

Первоначально в дворцовой группировке и среди части просвещенных дворян преобладали надежды на осуществление некоторых государственных реформ при

поддержке Екатерины II, привлеченной возможностью дальнейшего углубления польско-российского союза. Значительно увеличенная польская армия должна была выступить на стороне России в войне против Турции. Но победила противоположная тенденция — опоры на помощь Пруссии. Возникла антироссийская коалиция, в которую вошли Великобритания, Пруссия и Голландия. Однако военный союз с Пруссией 1790 года не принес Польше никакой выгоды.

Первые два года работы Четырехлетнего сейма (1788—1790 гг.), действовавшего как конфедерационный (что позволяло принимать решения большинством голосов), были малопродуктивными несмотря на то, что образованная сеймом депутация (сеймовая комиссия) для «улучшения формы управления» развернула довольно активную деятельность. Осенью 1790 года состоялись новые выборы и сейм начал работу в двойном составе депутатов. Уже в первые месяцы 1791 года были одобрены важные законы, а именно: в марте — закон о сеймиках, в апреле — закон о городах, в мае — Конституция 3 мая, официально именуемая Правительственным уставом. Два первых закона были признаны составной частью майской конституции.

! Правительственный устав — *Ustawa Rządowa*, имея в виду значения слова *rząd* (правительство), понимался как «устройство государственной власти», как Конституция. Она регулировала права и обязанности граждан страны, а также принципы организации государственной власти. В соответствии с теорией буржуазного конституционализма Конституция 3 мая стала основным законом государства. Американская конституция 1787 года, французская конституция сентября 1791 года, польская майская Конституция 1791 года были первыми писаными конституциями своего времени.

Авторами Конституции 3 мая были: король Станислав Август Понятовский, Игнаций Потоцкий — один из выдающихся политиков того времени, а также Гуго Коллонтай, которому приписывается ее последняя редакция. Король склонялся к парламентарной системе по образцу английской, а также к укреплению позиций трона и правительства, Потоцкий — к гарантированию главной роли в государстве реформированному сейму, Коллонтай выступал за осуществление программы «мирной революции» или, точнее говоря, к ряду рефор-

маторских начинаний, направленных против олигархий, во-первых, и обеспечивающих союз дворянства с мещанами против бунта плебеев, во-вторых. Утверждение Конституции прошло в ускоренном темпе — для нейтрализации отсутствующих в этот момент ее противников — и было осуществлено патриотической группировкой, одним из руководителей которой был маршал Сейма Станислав Малаховский, присоединившийся в этот момент к сторонникам короля. Часть этого лагеря вскоре после принятия конституции и впервые в Польше организовала политическую группировку под названием Товарищество друзей Конституции. Главной своей целью оно считало дальнейшую работу в области законодательства. Товариществу принадлежат законы, развивающие общие нормы Конституции, проекты кодексов гражданского, уголовного и процессуального права, которые, однако, не удалось реализовать, а также идеи разработки особой экономической конституции, ставящей целью осуществление реформ в деревне, улучшение положения крестьян, а также общий рост экономики страны. Как это сформулировал Г. Коллонтай (в то время уже подканцлер, член правительства) в большой речи на заседании Сейма 2 июня 1791 г.: «Конституция 3 мая принесла политические и общественные перемены. Необходимо пойти и дальше». Коллонтай нарисовал общую картину «экономических законов», дальнейшего развития образования и просвещения, нового гражданского и уголовного законодательства. Он сделал акцент на роли и задачах новых государственных и правовых институтов.

Мысли, высказанные Коллонтаем, не принадлежали ему одному. Программа, сформулированная представителем правительства в Сейме, выступала как правительственная программа, весьма передовая для того времени.

А. Общественное устройство

Шляхетство. Конституция 3 мая гарантировала дворянскому сословию все свободы, прерогативы и первенство в частной и общественной жизни как «нерушимые». Однако здесь идет речь не о всей шляхте, а только о «землянах», т. е. землевладельческой шляхте. Именно ей обеспечивались личная неприкосновенность, право собственности на средства и орудия производства, «так как из покоя веков каждому служили». Отдельными зако-

нами обеспечивались и некоторые иные дворянские свободы, например освобождение от военного постоя. Было сохранено и доминирующее положение дворянства по отношению к крестьянам при упомянутых, но запрограммированных на будущее ограничениях. Воспринимая некоторые буржуазные образцы, творцы Конституции не хотели тем не менее лишать шляхетство тех его привилегий, которые давал феодальный строй.

В соответствии с Конституцией подтверждалось формальное «равенство всех дворян», но и это постановление относилось к одним только землевладельцам. Безземельное дворянство, равно как и чиншевое, было отстранено от влияния на общественные дела, лишено права на участие в сеймиках. Тем самым ослаблялось и влияние магнатов, направлявших поведение зависимой от них дворянской клиентуры, и проступала тенденция к установлению монархии, опирающейся на землевладельческое дворянство при поддержке мещан-землевладельцев. Одновременно с тем было установлено, что «новые» дворяне ни в первом, ни во втором поколениях не имеют права занимать должности в органах верховной власти. Это должно было воспрепятствовать нобилизированной городской буржуазии участвовать в управлении страной.

Конституция 3 мая и дальнейшее законодательство Четырехлетнего сейма сохраняли сословный общественный строй, хотя и смягчали сословное неравенство по сравнению с предшествующим временем. Шляхтич должен был обладать не только родовитостью, но и землей, а также выполнять определенные общественные функции.

В то время как одни нововведения вызвали сопротивление консервативного лагеря, сохранение феодально-сословного устройства вызвало критику радикального крыла реформаторов. Последние утверждали, между прочим, что постановление о пожаловании мещанам дворянского звания не будет служить тому, чтобы поднять города из упадка, а скорее приведет к переходу наиболее способных и богатых мещан на сторону дворянства. Тем самым будет ослаблена позиция и самостоятельность городов и мещанства.

Мещане. Закон от 17 апреля 1791 г. о королевских городах был признан составной частью Конституции

3 мая. Владельцам недвижимостей в этих городах были даны привилегии, которыми до тех пор обладали только дворяне. Им были обеспечены права: 1) личной неприкосновенности, т. е. запрещение бессудного заключения под стражу; 2) приобретения земельных имуществ; 3) замещения низших административных и судебных должностей во всех органах государственной власти и судах, доступа в адвокатуру, получения низших офицерских званий во всех родах войск, кроме шляхетской кавалерии; 4) получения в широком масштабе богатыми мещанами и зарождающейся городской интеллигенцией дворянского звания, что указывало на стремление привлечь мещанскую верхушку в ряды дворянства. При сохранении деления на сословия классовая основа общественного устройства должна была претерпеть частичные изменения. Четырехлетний сейм осуществил довольно большое число пожалований дворянства.

Все эти постановления отражали дворянско-буржуазное сближение при сохранении доминирующей роли шляхетства. Ремесленников и купцов иностранного происхождения стремились посредством предоставления им ряда свобод побудить избрать местожительством Польшу.

Положения закона 1791 года могли распространяться и на частновладельческие города в случае добровольного пожелания их владельцев. Маршал Посольской избы четырехлетнего сейма Станислав Малаховский еще в 1787 году первым дал своему местечку Бялачову статус свободного города. В других городах эта практика внедрялась хотя и медленно, но в направлении полного либо частичного освобождения от феодальной зависимости.

Крестьяне. О них читаем в обширной IV статье Конституции. Она открывается формулировкой, заимствованной из физиократов, согласно которой источником ценностей является земля. Она дополнялась утверждением, что ценности эти создает труд, и труд крестьян в особенности. «Крестьянство, из чьих рук течет самый щедрый источник богатств страны, которое является самой многочисленной категорией населения и самой творческой силой страны как по справедливости, человечности и христианскому долгу, так и в наших хорошо понимаемых собственных интересах, под опеку права и правительства принимаем». Характерное упоминание

интересов шляхты указывает на то, что изменения в общественном устройстве были результатом развития производительных сил, ставших предпосылкой для возникновения раннебуржуазных отношений.

Кроме постановления об «опеке» Конституция содержала еще два положения, касающихся крестьян:

1) поощрение землевладельцев к заключению индивидуальных или коллективных соглашений с крестьянами относительно размеров и времени несения повинностей. Эти соглашения должны были связывать обе стороны и «подпадать под опеку государства»;

2) обеспечение личной свободы прибывшим из-за границы иммигрантам и тем из беглых людей, которые хотели бы вернуться на родину, а также свобода местожительства и хозяйственной деятельности.

Практические результаты всех этих мер были незначительными. Лишь один из многих законов принес крестьянам ощутимую пользу. Это изданный в апреле 1792 года, накануне войны с Россией, закон о продаже королевских поместий. Он обеспечивал крестьянству, осевшему в указанных поместьях, права вечно наследственного держания и личную свободу.

Религиозные отношения. Конституция 3 мая, декларируя свободу вероисповедания, признавала все же традиционное первенство римско-католической религии. Более того, отступничество от нее рассматривалось как преступление. В отдельных постановлениях было отмечено, что трон и министерские должности должны замещаться одними католиками. Таким образом стремились заручиться благосклонностью шляхетства.

В 1791 году в Пинске заседала Конгрегация православной церкви Польши и Литвы, принявшая принцип ее автокефальности (независимости) и установившая собственную консисторию. Пинские постановления были утверждены сеймом.

Нация и граждане. Наряду с феодальными постановлениями появились в законодательстве рассматриваемого времени нормы, являющиеся выражением новых устремлений, новых преобразований. Они указывают на образование польской нации, вступающей в борьбу за свою независимость и развивающей свою культуру. В противовес старым понятиям словом «народ» стали обозначать не только шляхту, но также мещан и крестьян.

И в Конституции и в отдельных законах это новое воззрение нашло отражение в признании главенства народа, хотя, как мы видим, фактическое господство осталось за шляхтой. Отступление от привычной формулы «шляхетского народа» должно было, по мысли авторов Конституции, приблизить к шляхетству другие общественные слои.

Понятие «народа-люда», ставшее обычным во время восстания 1794 года, нашло отражение в последней части Конституции 3 мая. В разделе XI о национальной армии говорится: «Армия есть не что иное, как сила, служащая целям обороны и порядка, выделенная из общей силы народа». В то время как в разделе II Конституции словами «гражданская свобода» обозначалась одна только дворянская свобода, в разделе XI Конституции говорилось уже, что «все граждане являются защитниками национального единства и свободы», т. е. уже не только шляхтичи. И здесь образцом служила революционная Франция. В Варшаве пристально следили за ходом событий в Париже и не отказывались от использования опыта Учредительного собрания 1789—1791 гг.

Б. Политическое устройство

Государственное единство. В дополняющем Конституцию акте «взаимного ручательства» зафиксировано полное слияние Польши и Литвы. Это было обусловлено помимо стремления к единому и централизованному аппарату власти желанием правящего класса Польши сохранить в государстве литовские, белорусские и украинские земли.

Литовскому дворянству было гарантировано, что руководящие органы единого государства будут состоять наполовину из представителей польских земель, наполовину из представителей литовских.

Народный суверенитет и разделение властей. В V статье Конституции декларировалось, что «всякая общественная власть проистекает из воли народа». Такая формулировка отвечала идее Руссо, но в польских условиях означала не более чем первенствующую роль дворянского сейма. Конституция провозглашала затем принцип разделения властей, так как он был сформулирован в «Духе законов» Монтескье. «Это правительство,— гласила Конституция,— три власти волей

нынешнего закона навеки являть будет, т. е. власть законодательную, высшую исполнительную власть короля и судебную власть». Это была идея, которую, по Монте-скье, развивали правоведы многих стран, видя в разделении властей модель так называемого «правового государства». В Польше, однако, этот принцип не был осуществлен, поскольку согласно той же Конституции основная власть оставалась у дворянского сейма.

Сейм остался двухпалатным. В палату депутатов¹ должны были входить 204 депутата, избранных на сеймиках. Кроме того, в палате должны были заседать «уполномоченные городов» в количестве 24 человек, избираемые на окружных собраниях городов. Сейм остался дворянским, поскольку «уполномоченные» не входили непосредственно в его состав и имели право совещательного голоса в палате депутатов и то только по делам городов, производства и торговли.

Сенат. Второй палатой сейма являлся Сенат. Численный состав его был значительно меньшим по сравнению с численным составом палат депутатов. В Сенат входили 102 члена: воеводы, кастеляны, а кроме того, епархиальные епископы, министры — всего 132 человека.

Роль короля в вопросах законодательства значительно уменьшилась, ибо он утратил право утверждения законов. Король должен был созывать сеймы, располагал правом законодательной инициативы, но при участии Исполнительного совета, так как Стража законов — *Straża Praw* (см. ниже) от его имени объявляла законы.

Сейм мог собираться и без короля, если последний в установленный срок не созывал его. Сейм мог быть созван и по приглашению маршала палаты депутатов (посольской избы), когда возникала нужда в чрезвычайной сессии, а король отказывался ее созвать.

В борьбе с магнатской олигархией, которая до тех пор безраздельно властвовала в сенате, роль его была значительно ограничена. Она сводилась к праву отлагательного вето. На конституционном сейме, который должен был созываться каждые 25 лет для ревизии конституции, сенату была отведена роль «совета» старейшин. Мнение сената не связывало палату депутатов. Когда решения сеймов касались менее важных вопро-

¹ По-польски — Посольская изба.

сов (за исключением политических, гражданских и уголовных законов, а также налогов постоянных), голоса депутатов и сенаторов должны были подсчитываться совокупно, хотя заседали они в отдельных палатах. В то же время, когда дело касалось контроля над правительством палаты, дискутировали и голосовали совместно. Сенаторы не получили права законодательной инициативы. В том же направлении, т. е. ради снижения роли магнатов, действовало положение, что после смерти Станислава Августа преемника его смогут назначать сенаторов только из двойного числа кандидатов, выдвинутых сеймиками. Стало быть, сенаторы должны, как и депутаты, иметь доверие сеймиковой шляхты.

Организация Сейма. В соответствии с Конституцией депутаты считались «представителями всего народа» и должны были прежде всего радеть об общих потребностях. Пожелания же своих собственных сеймиков могли представлять лишь в конце сессии, если на это оставалось время.

И наконец, был введен принцип, что сейм «должен быть всегда готов». На основе этого депутаты, избираемые на два года, сохраняли мандаты в течение всей так называемой каденции (срока созыва). Таким образом, Сейм всегда мог быть созван королем или маршалом сейма на чрезвычайную сессию, когда в этом появлялась надобность. Обычные сессии должны были проводиться в начале каденции в Варшаве, каждый третий раз в Гродно, а сессия должна была длиться 70 дней с возможностью пролонгации до 100 дней. Чрезвычайные сессии должны были собираться, между прочим, в случае конфликта между королем и Стражей законов или между Стражей и Комиссиями. Знаменательным было то, что не только законодательная власть, но также контроль за деятельностью правительства и надзор за всеми государственными органами были переданы в руки Сейма.

Подробной регламентации подвергся порядок заседаний Сейма. Важнейшим, если иметь в виду историю польского Сейма, было введение простого большинства голосов для одних вопросов и квалифицированного ($\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$) для других, более важных. Наказы сеймиков, хотя и были сохранены, не связывали более депутатов. Предварительная подготовка законопроектов поручалась избранной сеймом комиссии (депутации). На

пленарных заседаниях сейм должен был лишь утверждать, отклонять либо после дискуссии отправлять проект на доработку в ту же депутацию.

Сеймики. На сеймиках имели право голоса земледельческая шляхта и их сыновья, а сверх того, шляхтичи — пожизненные арендаторы, если они платили налог установленного размера. Нижней возрастной границей считалось восемнадцатилетие. Получившие право голоса записывались в специальные, так называемые «земские книги». Предполагалось, что свободные от влияния магнатов сеймики обеспечат землевладельческой шляхте господство и в сейме.

Положение короля. К важнейшим изменениям относилось установление принципа наследственности трона. Этот принцип был введен с целью ликвидации выборов, провоцирующих в среде магнатства вспышки борьбы за власть и создававших повод для вмешательства иностранных держав. При исчерпани царствующей династии родоначальник следующей подлежал избранию. Конституция ввела принцип неотвечственности монарха, переложив ее на министров, заседающих в Страже законов. Министров назначал король под контролем сейма. Каждый из актов короля нуждался в подписи соответствующего министра, который и отвечал за данный акт (система контрассигнатуры). В связи с этим, как выразились законодатели, «король сам ничего не предпринимает» несмотря на то, что является председателем Стражи законов, а также главой государства.

Стража законов. Верховная исполнительная власть вверялась Страже законов, в состав которой вошли: король как председатель, примас как глава польского духовенства и председатель Комиссии народного просвещения, и пять министров, а именно: один из маршалов как министр полиции, имеющий власть над городами, два канцлера — один как министр внутренних дел, второй как министр иностранных дел, один из гетманов как военный министр, один из подскарбиев как министр казначейства, наследник трона без права голоса для ознакомления с ходом государственных дел, а также маршал сейма без решающего голоса (для обеспечения связи правительства с сеймом). Король назначал министров в состав Стражи из числа всех министров, которых было всего 14 (по семь человек из Короны и Литвы).

Сейм имел право привлекать министров:

1) к конституционной ответственности — при нарушении конституции или закона — перед сеймовым судом, состоящим из депутатов и сенаторов, избранных палатами;

2) к парламентарной ответственности, выраженной вотумом недоверия. Он выносился большинством $\frac{2}{3}$ голосов обеих палат. Следствием недоверия была отставка министра.

Правительственные комиссии. Стража законов стояла во главе администрации, однако не успела развернуть сколько-нибудь широкую деятельность. Важные правительственные функции были сконцентрированы в комиссиях. К тому же король возвращался к практике первых лет правления, собирал помимо Стражи консультативные собрания всех 14 министров.

Страже подчинялись Большие комиссии, т. е. организованные на коллегиальных началах министерства, состоящие из членов, избранных сеймом. То были Комиссии: полиции (для городов), военная, казначейская, а также национального просвещения. Председателями комиссий были министры, не входящие в состав Стражи, что порождало дополнительные трудности в управлении. В состав каждой комиссии входило 14 либо 15 комиссаров, избираемых сеймом на 2 года, а также уполномоченные от городов в комиссиях полиции и казначейства. Комиссии эти были задуманы и как административные, и как судебные органы. Казначейская комиссия помимо сборов дохода должна была заниматься вопросами экономического развития страны посредством создания (или поддержки) мануфактур, способствовать торговле, строить и поддерживать дороги, каналы. В отношении дворянских имений комиссия не шла далее «советов» и «предупреждений».

Новым важным органом была Комиссия полиции, которая в основном должна была обеспечивать надзор за городами. В соответствии с законом в ее компетенцию входили не только вопросы безопасности и «спокойствия», т. е. функции полиции порядка, но также широко понимаемые административные функции. Комиссия занималась вопросами безопасности торговли, здравоохранения, «благопристойности» (нравов). В обязанности полиции входила опека над убогими, которых, включая нищих, направляли в дома принудительного

труда. Она же должна была заботиться о «дешевизне вещей» и т. д.

Комиссия полиции разделила страну на 26 округов, в которых определенные группы городов должны были подчиняться назначенным ею интендантам. Для характеристики работ Комиссии скажем, что в течение первого же года ее деятельности она рассмотрела 2004 докладов (мемориалов) от разных городов.

Комиссии порядка. Территориальные вопросы земель и воеводств с 1789 года были отнесены к компетенции военно-гражданских комиссий порядка, имевших характер органов самоуправления. Каждая из комиссий состояла из 15 комиссаров, которых каждые два года избирали сеймики. После городской реформы, осуществленной в 1792 году Четырехлетним сеймом, в каждую комиссию порядка было введено 3 горожанина и состав их был увеличен до 18 человек. В ведении комиссий были, что вытекает из их названия, военно-гражданские вопросы: рекруты, посыл, создание военных складов, обеспечение армии подводами, а кроме того, выдача паспортов и контроль за передвижением населения. Комиссии занимались и другими местными делами, а также выполняли указания центральных правительственных комиссий.

Четырехлетний сейм упразднил должности старост, передав комиссиям все их административные функции.

Городской строй. Специальные законы, из которых главный, вошедший в конституцию «Закон о свободных городах наших королевских...», касались организации королевских городов, признанных «свободными». Законы создали единое устройство королевских городов, в то время как ранее каждый город управлялся в соответствии с собственным статусом; частновладельческие города могли подпадать под действие новых предписаний по воле их владельцев. Городское право с тех пор стало обязательным для всех жителей, равно как для горожан, так и для шляхты, осевшей в городах. Избирательное право распространялось только на горожан, имевших недвижимость; в городском устройстве выделялись собрания, обсуждавшие и принимавшие решения, и исполнительные органы (магистраты). В меньших городах создавалось единое собрание, большие города подразделялись на участки. Страна была разделена на области «выделы», в каждом из которых име-

лось определенное число городов. Города каждого из «выделов» участвовали через депутатов в работе соответствующего «гласного» собрания. Автономия городов упразднилась, так как они лишились права издания уставов и статуты, которым, впрочем, редко пользовались в XVIII веке. Одновременно они были отданы под контроль комиссии полиции. Это было одним из проявлений централизации государства.

Наиболее заметными были изменения, происшедшие в столице. В 1791 году обособленные до сих пор Старый город и новый город Варшавы с отдельными органами власти в каждом, а также королевские и частные юриды были объединены, получив единую форму управления.

Организация судов. Во второй половине XVIII века, особенно в период Четырехлетнего сейма, были образованы новые суды, а некоторые из уже существующих претерпели реорганизацию. Общим реформаторским тенденциям отвечало изменение состава и принципа выбора судей, характера вынесения приговора и т. п.

Возникли суды правительственных комиссий и комиссий порядка. К сфере их деятельности относились спорные дела, охватываемые компетенциями данных административных органов. Первой брешью в феодальной структуре судопроизводства было привлечение всего населения страны (без учета социальной принадлежности) к судам Казначейской комиссии и комиссий порядка (по финансовым, торговым и вексельным делам, а также по делам, связанным с деятельностью аппарата власти). В основе же своей суды оставались сословными.

Во времена Четырехлетнего сейма в сфере дворянского судопроизводства городские, земские, подкоморные суды были объединены и на их месте созданы коллегиальные земские суды, состоящие из 10 судей, избираемых на 4 года на депутатских сеймиках. Они «всегда должны были быть готовы», т. е. функционировать в течение всего года. Дальнейшая реформа затрагивала трибуналы, которых в Короне было образовано два: один — для Великой Польши со штаб-квартирой в Петркове, второй — для Малой Польши в Люблине. Им надлежало функционировать постоянно. Предусматривалась дальнейшая реформа их организации и деятельности.

Для вынесения постановлений о вине министров и других высших чиновников, привлеченных к конституционной ответственности за важнейшие политические преступления, надлежало сформировать специальный сеймовый суд, состоящий из 12 сенаторов и 24 депутатов, избираемых палатами.

Поскольку сельские суды оставались поместными, широко задуманная реформа охватила в основном городские суды. В соответствии с указанным выше новым делением городов были созданы суды городских магистратов, а также апелляционные областные суды. Реорганизации подвергся и ассессорский суд, отдельно для Короны и для Литвы, как высший суд для городов и мещанства. Ассессорами назначались придворные чиновники, частично сенаторы и депутаты.

Казначейство. В числе других дел Четырехлетний сейм начал свою деятельность с поисков новых источников поступлений, необходимых для покрытия быстро возрастающих военных потребностей. В 1788 году Сейм принял воззвание «о добровольном пожертвовании на острые нужды родины», т. е. оборону страны. Реакция дворянства на это воззвание не была сколько-нибудь активной, она была, точнее, неравномерной в разных частях страны. В то же время не было недостатка в жертвованиях горожан и крестьянства. В дальнейшем сейм назначил подымный налог. Были повышены гербовые взносы при назначении на духовные и светские должности, при награждении орденом, за пожалования дворянства и индигенат. В 1789 году была повышена плата за арендуемые шляхтой домениальные имения. Духовенство было обязано платить налог в размере 20% доходов. От него освобождались сельские приходские священники по причине незначительности доходов. После долгих дебатов, в 1789 году, было утверждено «вечное пожертвование... на усиление страны» как налог, взимаемый с дворянства, который оно не имело права переложить на своих подданных; налог должен был составлять 10% от «постоянного твердого дохода», что означает, как можно думать, от земельных угодий, т. е. не считая доходов от мануфактур и лесных угодий. Сейм, однако, отклонил проект, по которому судам вменяли в обязанность рассматривать жалобу на шляхтичей, переложивших уплату налога на крестьян. Однако «пожертвование десятого гроша» не оправдало возлагаемых надежд по причине многочисленных злоупотреблений дворянства и неточного учета доходов; со всей Короны собрали едва 6,3 млн. злотых.

Выскивались новые источники доходов. Их составили принятые в государственную казну, несмотря на большое сопротивление, достояния краковского епископата (епископу стали платить пенсию); затем был повышен городской подымный налог; установлен налог на крупные городские недвижимости.

Финансовые реформы встретили сильное сопротивление большинства дворян, которое, хотя и преодолено было на сейме; с еще большей силой проявилось в ходе практической реализации реформ.

Армия. В целях обеспечения обороны государства Четырехлетний сейм стремился к увеличению вооруженных сил. В 1788 году было принято решение об увеличении численного состава армии до 100 тыс. солдат и офицеров, хотя практически под ружье было поставлено лишь 65 тысяч.

Изменился способ призыва. Так называемый свободный клич как добровольный набор был сохранен, наряду с тем внедрялся, хотя и в ограниченном объеме, принудительный призыв. В королевских и церковных имениях призывался в армию один рекрут от 50 домов, в дворянских имениях — один рекрут от 100 домов. Служба в армии должна была длиться от шести до восьми лет. Это было в Польше новой повинностью, которая тяжким бременем легла на крестьянство. Тем не менее принудительный призыв вел к укреплению народного элемента в армии, возраст солдата ограничился 18—35 годами, предусматривался ежегодный 10-месячный отпуск 24% состава армии. Обеспечивалась «личная свобода на вечные времена каждому солдату, который с позволения помещика прослужил 12 лет». В сравнении с распространенным в то время сроком службы (в России 25 лет, в Австрии 14) срок военной службы в Польше был относительно короче.

Призывом, экипировкой армии, обеспечением провиантом занимались под руководством восстановленной Военной комиссии военно-гражданские комиссии порядка. Был также создан отдельный Военный комиссариат как главное интендантство.

Историческое значение Конституции 3 мая. В условиях 90-х годов XVIII века деятельность и решения Четырехлетнего сейма означали перелом в политическом устройстве государства и начало общественных реформ.

В XIX веке политические группировки правящих классов и связанная с ними историография начали идеализацию Конституции 3 мая. Ее традиции имели существенное национальное значение. Тем не менее к концу века в борьбе с рабочим движением день 3 мая, как праздник национальной солидарности, начали противопоставлять революционному празднику 1 мая.

Уже в 1793 году авторы книги «Об установлении и упадке Конституции 3 мая» Гуго Коллонтай, Игнатий Потоцкий, Франтишек Дмоховский оправдывали компромиссные постановления конституции тем, что не могла депутация (конституционная комиссия. — *Прим. автора*) подготовить проект типично республиканского правительства с надеждой на успех. «Таким образом, шла речь не о провозглашении конституции, теоретически желательной поляками. Речь шла о том, чтобы была создана возможность более успешного, со временем, усовершенствования дела».

Оценку Конституции, свободную от преубеждений и идеализации, дали, с опорой на труды Лелевеля и Кол-

лонтая, Маркс и Энгельс. Они оценили деятельность Четырехлетнего сейма, как «первые пробы реформ». Конституция доказывает, что уже в то время поляки понимали, что независимость нельзя отделить от свержения аристократии и от аграрных реформ внутри страны. «Что же она провозглашала, эта польская конституция 1791 года? Всего-навсего конституционную монархию».

При сохранении дворянского характера, но в столкновении с олигархией и шляхетским консерватизмом законодательство Четырехлетнего сейма и связанная с ним правовая наука и публицистика укрепляли централизацию и улучшали деятельность государственной власти, ускоряли общественно-экономические перемены, отражали идеи Просвещения, мобилизовывали на борьбу во имя независимости страны.

Сегодня мы понимаем, что Конституция 3 мая не была завершением дела реформы, а лишь положила начало будущему переустройству общества.

VIII. УПАДОК ДЕЛА ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО СЕЙМА. ТАРГОВИЦА И ГРОДНЕНСКИЕ КОНСТИТУЦИИ

Тарговица. Между тем на землях уже отчасти разделенной Речи Посполитой реакционная часть магнатов и шляхетства возобновили борьбу за власть. 14 мая 1792 г. в пограничном местечке Тарговицы на Украине (принадлежащей Сченскому Потоцкому) был оглашен подготовленный заранее в Петербурге акт конфедерации, которую возглавляли: один из самых могущественных магнатов Сченский Потоцкий и гетман Ксаверий Браницкий — в Короне, будущий гетман Шиман Коссаковский — в Литве. Тарговичане под покровительством Екатерины II, возобновив запрещенную конституцией 3 мая генеральную конфедерацию, начали мятеж (рокош) против государственной власти. Они победили главным образом на восточных землях, поведя за собой значительные массы непросвещенного и консервативного дворянства и получив поддержку русских властей.

Тарговицкие конфедераты установили свою власть, низлагая по мере продвижения российских войск органы, образованные Четырехлетним сеймом. После присоединения короля Станислава Августа к конфедерации в июле 1792 года, прекращения по его приказу военных действий по защите Конституции 3 мая тарговичане

созвали последний Гродненский сейм Речи Посполитой, открывший заседание 17 июня 1793 г. Однако и торговичане не удержались у власти, поскольку возникла новая, еще более реакционная гродненская конфедерация, благодаря которой власть захватила клика наемников.

От войны в защиту Конституции 3 мая дошел до нашего времени учрежденный в 1792 году военный крест «Виртути Милитари».

Принятая сеймом 23 ноября 1793 г. Гродненская конституция подтвердила все прежние кардинальные законы, дворянские привилегии, включая и полную власть шляхты над крестьянами.

В то же время в силу необратимости некоторых уже достигнутых перемен в общественном устройстве мещанам сохранялись личная неприкосновенность и право приобретения земельных имуществ; городское самоуправление сохранялось на принципах, близких к установленным Четырехлетним сеймом, зато институт уполномоченных от городов в Сейме был упразднен.

Высшая власть в государстве была возвращена шляхетскому сейму. Во главе государства снова стал Постоянный совет, устраненный Четырехлетним сеймом. Под общим руководством Постоянного совета (обязанного налагать *liberum veto* на сеймовые законы, не соответствующие кардинальным законам) должны были действовать ведомственные департаменты, а также правительственные комиссии и комиссии порядка в воеводствах.

Более существенным, однако, было то, что даже и эта конституция осталась на бумаге. Фактически сложившиеся политические отношения означали ликвидацию реформ и потерю независимости. Формальный, подписанный с Россией трактат гарантировал царизму решающее влияние на военные и политические дела Польши.

Невзирая на протест группы патриотически настроенных депутатов, Гродненский сейм в атмосфере продажности, измены и террора утвердил 17 августа 1793 г. второй раздел Речи Посполитой.

IX. НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1794 ГОДА

Перед угрозой утраты независимости, в борьбе с тарговицкой и гродненской реакцией вызревала повстанческая, революционная атмосфера. Она побуждала к

действию дворянские и мещанские круги, заинтересованные в единстве и свободе страны. Подготовкой к восстанию, названному «инсурецией», руководила группа патриотов, вынужденных покинуть страну и выехать в Саксонию, в Лейпциг и Дрезден. Среди них были Г. Коллонтай и И. Потоцкий. Вождем, с правом диктатора, был избран Тадеуш Костюшко, который прославился участием в войне за независимость Соединенных Штатов Северной Америки (1776—1783 гг.) и в Польше в ходе военной кампании в защиту Конституции 3 мая (1792 г.). Революционная Франция присвоила Костюшко почетное гражданство. От Франции повстанцы ожидали помощи.

Планы восстания возникли прежде всего в конспиративной среде Варшавы, где рассчитывали на массовость повстанческого движения в стране. С этим связывались планы переустройства государства в республиканском духе. Было решено, что восстание начнется в Кракове, учитывая его приграничное положение (после первого раздела) с Австрией, в ошибочном расчете на ее нейтралитет, а затем охватит обе столицы — Варшаву и Вильнюс.

Акт восстания. Объявленный 24 марта 1794 г. в Кракове Акт восстания «граждан-жителей» краковского воеводства, к которому затем присоединились другие земли, уже одним своим названием свидетельствовал, что речь идет не только о новой шляхетской конфедерации. Слово «жители» обозначало не только дворянство, но и другие общественные классы, в частности горожан. Акт восстания не был увязан ни с Конституцией 3 мая, ни с Четырехлетним сеймом, что означало критическую позицию авторов документа к компромиссному законодательству. Наряду с польскими идеями на Акт восстания оказали воздействие французская революция, а также новые американские институты. Окончательное определение принципов государственного устройства Польши Акт восстания относил к моменту окончания войны за независимость, что было вызвано разногласиями среди организаторов и руководителей восстания, борьбой двух группировок — правой и левой. Левая группировка стремилась к более широким общественным реформам, но была в меньшинстве. Акт восстания учреждал временное правительство во главе с Верховным главнокомандующим национальных воору-

женных сил. Созданный главнокомандующим Верховный национальный совет должен был наряду с решением военных вопросов (набор солдат, обеспечение армии и т. д.) выполнять его указания. В том случае, если бы главнокомандующий оказался не в состоянии выполнять свои функции (смерть или иная причина) Совет должен был назначить нового вождя. К компетенции Совета были отнесены и многочисленные вопросы административного руководства страной и законодательство.

Выражением демократических принципов было приведенное в Акте восстания положение, которым главнокомандующий и Совет обязывались к регулярному изданию обращений к народу, дабы информировать его о ходе восстания. В этом выражалось стремление Костюшко и связанных с ним деятелей к вовлечению народных масс в борьбу за независимость, а также углублению в массах чувства ответственности за судьбы страны.

Духом демократизма насыщено само вступление Акта восстания: «Все, кому дороги интересы народа, гражданства и братства, объединим воедино силы наши., отречемся от всех суеверий и убеждений, которые граждан-жителей одной и той же земли, сыновей одной и той же отчизны разделяли или разделить могут». Действенность этой декларации могла подтвердить практика. Однако уже эта формулировка объединяла польское восстание с подобными народными и революционными движениями в Европе и обеих Америках того времени как в XVIII, так и в начале XIX столетия.

Вооруженные силы. Как официальный в ходе восстания был принят лозунг «свобода, целостность, независимость». Уже сама цель борьбы за независимость поставила повстанческое правительство перед необходимостью осуществления крестьянских реформ. Костюшко и деятели левого крыла восстания выдвинули концепцию народной армии. В организации вооруженных сил обнаружилось стремление объединить принципы регулярной армии, народной милиции и ополчения. В регулярную армию призывались солдаты от всех без исключения хозяйств. В пехоту выделялся один человек от 5 крестьянских хозяйств, один кавалерист — от 50 хозяйств. Другим военным формированием должна была стать городская и сельская милиции, в которые привлекались на основе специально изданного указа

способные носить оружие в возрасте от 18 до 28 лет. И наконец, опираясь на пример французской революционной армии, создавалось всеобщее народное ополчение, которое должно было охватить всех мужчин в возрасте от 18 до 46 лет. Главные и численно преобладающие военные силы должны были обеспечить крестьянские массы. Народное ополчение охватило около 200 тысяч человек, последовательно, в разных частях страны.

Наряду с участием крестьян в восстании следует указать на активное участие в нем населения городов — ремесленников, мелких торговцев и плебейской массы вообще, сыгравших важную роль в освобождении Варшавы 17 и 18 апреля, а затем и в ее обороне от прусских войск в июле и августе 1794 года, в Краковском восстании, в освобождении Вильнюса, в организованном Костюшко восстании в Великой Польше.

Крестьянские реформы. С социальной точки зрения восстание 1794 года имело большое значение для будущего польского народа, поскольку оно должно было повлечь за собой кардинальные перемены в положении крестьян.

Универсал, выработанный при участии Г. Коллонтая и объявленный в лагере под Поланцем 7 мая 1794 г., содержал следующие положения.

1. Для оказания влияния на шляхту универсал обращался к параграфу IV Конституции 3 мая об «опеке права и правительства» над крестьянством. Но эта «опека» приняла теперь конкретные формы посредством учреждения так называемых надзирателей, которым поручалось, между прочим, разрешение спорных вопросов, возникающих между господским двором и селом. То были уже не домениальные урядники, а первые в Польше государственные чиновники на селе, осуществлявшие функции крестьянской инспекции. Один надзиратель должен был опекать район, в котором находилось от 1000 до 1200 крестьянских хозяйств.

2. Зависимость крестьян сделалась ограниченной, поскольку их «личная свобода» заключалась в праве покинуть село, хотя и на определенных условиях: при предварительной уплате долгов «усадеб», при выплате задолженности по налогам и после уведомления воеводской комиссии порядка о месте будущего проживания,

3. Одновременно с тем крестьянам гарантировалась неприкосновенность их земельного пользования, если они выполняли повинности на пользу имения. Это означало на практике запрещение выселений, введение особой формы земельного держания типа зависимой собственности.

4. На время восстания должны были подвергнуться уменьшению барщинные повинности крестьян — в пределах от 33 до 55%. Наибольшие льготы получили мелкие крестьянские хозяйства. Стабильное урегулирование крестьянских повинностей предполагалось провести «законодательным актом» после завершения восстания. Преобладающая часть дворянства сочла, однако, Полавецкий универсал посягательством на их собственность.

Крестьянская инспекция. В июле 1794 года Верховный национальный совет издал закон об организации крестьянской инспекции и функциях ее органов. Было установлено, что надзирателем (инспектором) мог стать любой житель данного повета «какого угодно класса и общественного положения, умеющий читать, писать и считать и пользующийся авторитетом в окoliце». Первых надзирателей должны были назначить комиссии порядка по собственному выбору; в будущем же предусматривалось, что кандидаты на эти должности будут выдвигаться владельцами земельных имуществ, мещанами, органами городского управления и сельскими сходами (громадами). На практике в ходе восстания надзирателями чаще всего становились представители принимавшего в нем участие патриотического дворянства. Надзиратели должны были осуществлять «правительственную опеку» над крестьянством, как первая инстанция, посредничающая между помещиком и крестьянином и заботящаяся об интересах обеих сторон. Вопросы об отзыве надзирателя могла решать воеводская комиссия порядка. Знаменательным было требование, чтобы надзиратели следили за публичной безопасностью, за тем, чтобы не было разрушений и беспорядков на селе. В этом нашло свое выражение желание предупредить крестьянские волнения.

Надзиратели должны были помимо сказанного заниматься переписью населения, осуществлять надзор за содержанием дорог и мостов, заботиться о надлежащем развитии сельского хозяйства и охране лесов. Это было проявлением экономической политики государ-

ства. В зависимость от надзирателей были поставлены сельские учителя. Помимо обучения детей, им вменялось в обязанность разъяснять крестьянам правительственные универсалы, обязанности крестьян по отношению к стране, а также, что опять-таки служило характерным проявлением интересов дворянства и одновременно с тем формирующихся капиталистических элементов, вопросы, касающиеся «святости соглашений и контрактов».

Положение Поланецкого универсала существенно отличалось от тех, которые регулировали отношения личной свободы крестьян в соседних странах. Но они не затрагивали феодальной собственности на землю и связанного с ней права на земельную ренту. Но даже и эти компромиссные узаконения столкнулись с саботажем значительной части дворянства и духовенства.

В конце октября 1794 года — уже после битвы под Мацеёвицами, — в результате которой Костюшко был захвачен русской армией, Верховный национальный совет издал разработанный Коллонтаем закон о первом в Польше раскрепощении части крестьян, что явилось уже новым шагом. Участникам восстания — солдатам, а после их смерти на поле боя — их сыновьям была обещана передача в собственность национальных и конфискованных у предателей земель.

Устройство повстанческих органов власти. Организаторы восстания и его предводители не уничтожили монархию и не помышляли об этом. Король находился под надзором представителей Верховного национального совета в Варшаве.

Центральную законодательную, а также правительство-административную власть в Центральной Польше осуществлял Временный замещающий совет, который получил полномочия в Варшаве после переворота и освобождения города 17 и 18 апреля 1794 г., а позже, с конца мая того же года — Главный национальный совет для всей страны. Он был образован Костюшко и состоял из 8 советников, 32 заместителей, а также командующего народными вооруженными силами.

Фактическое разделение обязанностей, как и взаимоотношения командующего и Совета должна была урегулировать практика. Фактически Совет предоставил Костюшко диктаторскую власть, но за ее ориентацию боролись правое и левое крыло повстанческого лагеря.

В этом особенно отличались так называемые польские якобинцы, деятели радикального толка, последователи французских революционеров. Главный национальный совет делился на 8 отделов: порядка, безопасности, юстиции, финансовый, продовольствия, военных нужд, иностранных дел, национальной инструкции (просвещения и пропаганды). Отделами руководили постоянные члены Совета, имевшие заместителей. Отдел национальной инструкции наряду с руководством учебными заведениями всех степеней «должен был укреплять национальный дух посредством газет и других изданий, путем народного просвещения, в костелах и на всех публичных собраниях».

Совет действовал коллегиально, собираясь на пленарные заседания, председатель которых еженедельно менялся, а также через отделы, на которые был поделен. Подобным образом были организованы комиссии порядка в воеводствах. Как и Главный совет, эти комиссии должны были работать коллегиально и иметь семь отделов.

Членами Главного совета Костюшко сделал представителей патриотического дворянства, а горожан — их заместителями, имеющими, как и дворяне, решающий голос. Воеводские комиссии порядка должны были состоять из 21 человека, избранных жителями, но с тем, чтобы среди избранных было 8 землевладельцев, 8 «городских собственников» и 5 духовных лиц. Как видим, в органы восстания и власти были введены новые социальные элементы. Происходило углубление дворянско-буржуазных связей. К числу самых выдающихся членов Совета принадлежали: Гуго Коллонтай, Игнаций Потоцкий и президент Варшавы Игнаций Закревский.

Уголовные суды. Во время восстания были созданы уголовные суды в воеводствах, а также уголовный суд Мазовецкого княжества в Варшаве, в котором преобладали представители правой группировки. Этот суд фактически защищал тарговичан, так как «из-за чрезмерно медлительных форм юриспруденции он не мог проявить необходимой во время революции быстроты».

В августе 1794 года этот суд был преобразован в Криминальный военный суд. Руководящую роль в нем играли июльские якобинцы. Суд этот был призван слу-

жить делу восстания, искоренению предательства и, как этого хотели польские яacobинцы, углублению революционного сознания.

Х. ФАКТОРЫ УПАДКА ПОЛЬШИ

Польскую государственную катастрофу нельзя ограничить разделами 1772, 1793 и 1795 годов. Ее вызвали совместно факторы внешнего и внутреннего порядка. Вопросу о причинах упадка Речи Посполитой посвящено много исследований, начиная с первых опытов, появившихся уже на рубеже XVIII и XIX веков. В тридцатых и сороковых годах прошлого века польская катастрофа была подвергнута рассмотрению на основе большого сравнительно-исторического материала крупнейшим польским историком Иоахимом Лелевелем. Дискуссии по этой проблеме оживились в годы первой мировой войны, на пороге второй Речи Посполитой, и в первые годы новой национальной государственности. В них столкнулись два тезиса: один — что упадок Польши уходит корнями еще в XVI век, будучи связан с характером государственных институтов, с упадком монархического начала, с феодальной анархией (этот тезис принадлежал Михаилу Бобжинскому), и другой — что решающим фактором была агрессия (Освальд Бальцер).

Только новые исследования дошли, как представляется, до существа проблемы. Не было одной единой причины упадка. Среди переплетающихся между собой, в равной мере как внутренних, так и внешних факторах, в ослаблении, а затем в упадке польского государства, первое место заняли экономические факторы. Европа XVII—XVIII вв. распадалась в экономическом отношении на две части. В одних странах развивались промышленность и внешняя торговля (Голландия и Англия прежде всего), в других — преобладало сельское хозяйство (Испания, южная Италия).

К числу последних относилась и Польша. Экономические структуры влияли на структуры социальные, укрепляя в этих последних странах дворянскую монополию на власть и усугубляя упадок городов. Отрицательно сказалось на истории Польши вырождение ее государственных институтов, что привело к магнатской олигархии, скрытой под личиной шляхетского «респуб-

ликанизма». Понятие государства, как оно существовало в древней Польше, было вытеснено понятием «Речи Посполитой обоих народов», т. е. Польши и Литвы. «Государствами» же чаще всего назывались магнатские латифундии.

Речь Посполитая в период разделов (1772—1795 гг.). Во второй половине XVIII века обнаружился недостаток материальных средств, равно как и сильной общественно-политической организации, необходимой для преодоления последствий длительной отсталости, анархии, а также для отражения внешней агрессии. Экономический подъем, начало которого связано с сороковыми годами XVIII века, продолжавшийся и во второй половине столетия, значительно увеличил численность населения. Новые течения, мысли и идеи, ставшие достижением польского Просвещения, и, наконец, государственные реформы и революционные устремления, нашедшие свое наиболее полное выражение в восстании 1794 года,— все это пришло слишком поздно, чтобы спасти государство. Захватнические замыслы соседних государств проявились к 1772 году. Происшедшие преобразования хотя и не спасли Речь Посполитую, но привели тем не менее к развитию современной польской национальности, подняли ее активность в борьбе за свободу, ее стремление развивать собственную культуру, добиваться надлежащего места в мире. «Потерпеть поражение может и великий народ,— писал Станислав Сташиц,— исчезнуть же может только никчемный».

Разделы в свете международного права. Как сами трактаты о разделах Польши, так и пропаганда трех стран пытались оправдать эту акцию в глазах европейского общественного мнения. Ссылались на разложение польской государственности, которое якобы, вопреки фактам, невозможно было остановить, а при II и III разделах — на угрозу, исходившую от реформаторских и революционных устремлений поляков. Были также ссылки и на международное право. В действительности же разделы Речи Посполитой были ярким примером нарушения этого права, потому что прежде всего касались самих принципов выполнения международных обязательств. Так, в декларациях 1763 и 1764 годов Екатерина II уверяла в своем стремлении «искренне и последовательно сохранять Речь Посполитую в теперешнем

ее состоянии в правах, вольностях и основах, равно как и в ее границах». Царица обещала уважать трактат, заключенный между Речью Посполитой и Россией в 1686 году. Подобно этому послы Пруссии и Австрии выступили в 1764 году в Варшаве с декларацией, заявляющей, что их монархи возмущены слухами о разделе Польши и Литвы. Несколькими годами позже эти декларации были попорчены. То же случилось с другим принципом международного права — не выдвигать во взаимоотношениях между государствами претензий, которые заведомо не имеют под собой оснований или давно утратили значение. Вопреки этому принципу Австрия обратилась к иллюзорным воспоминаниям о кратковременной принадлежности в XIII—XIV вв. княжеств Галицкого и Владимир-Волынского к Венгрии, Пруссия же заявила себя наследницей ордена крестоносцев, умалчивая о положениях Торуньского трактата 1466 года.

Растоптанным окажется принятый с середины XVII века принцип неприменения силы при заключении международных соглашений, как и принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Ход переговоров, связанных с согласием Сейма и польского короля с актами разделов, свидетельствует о едва прикрытом и даже непосредственном принуждении. Оккупация территории совершалась еще до подписания трактатов, на оккупированных иностранными войсками территориях запрещались заседания сеймиков, в отношении депутатов и сенаторов практиковались все виды давления. В трактатах 1795 года государства — участники раздела, говоря о военных действиях войск Екатерины II, подчеркивали, что они имели целью задушить бунты и восстания. Ради усмирения этой части Европы было решено уничтожить само «название или обозначение Королевства Польского, которое отныне будет навсегда упразднено».

Как уже отмечалось, ко временам Станислава Августа относится появление в Польше новых органов по осуществлению международной политики.

Королевский кабинет, департамент иностранных дел в Постоянном совете, министр иностранных дел в Страже законов и, наконец иностранный департамент Главного национального совета 1794 года положили начало постоянным дипломатическим представительством за рубежом. Коллонтай доказывал, что «один из любящих

свою родину министров (здесь в значении дипломата, посланника или посла) может сделать больше для Речи Посполитой, чем несколько десятков тысяч солдат, поскольку он, внимательно следя за деятельностью двора, при котором аккредитован, часто может своим умом предупредить незаконную узурпацию, народное кровопролитие, непозволительные приемы в торговле и многие другие случаи, которые либо политической экономии, либо частной вредны были бы». Однако то, о чем писал Коллонтай, слишком запоздало. Польская дипломатия не смогла сколько-нибудь помешать разделам.

Разделы были встречены безразличием со стороны правительств Европы и даже поддержаны ими. Исключение составила Дания, правительство которой в 1792 году предложило свои «добрые услуги» в польско-российском конфликте. Либеральные же и демократические круги Европы и Северной Америки осуждали нападение на Польшу и ее раздел.

ПОЛЬША В ПЕРИОД РАЗДЕЛОВ

Раздел первый ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ДО РАСКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН

1. РАЗДЕЛ ЗЕМЕЛЬ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Территория. В итоге разделов к царской России отошли литовские, белорусские, украинские земли с значительной частью польского населения, на них осевшей; Австрия, кроме южной Малой Польши вместе с Краковым и северной с Люблином, захватила западно-украинские земли со Львовом и Галичем. Пруссия аннексировала Великую Польшу, Королевскую Пруссию, а также значительную часть Мазовии, включая Варшаву. Таким образом, этнически польские земли оказались под властью Австрии и Пруссии.

В I, II, III разделах Речи Посполитой к России отошло около 462 тыс. кв. км территории и 5,5 млн. населения, к Австрии — 129 тыс. кв. км и 4 млн. человек, к Пруссии — территория, превышавшая 131 тыс. кв. км, и население в 2,6 млн. человек.

В соответствии с трактатом 1795 года название «польское королевство» было «раз и навсегда упразднено». Гарантом этого стала Пруссия, которой, как уже говорилось, досталась столица Польши — Варшава.

Еще совсем недавно какая-то часть немецкой историографии уверяла, что разделы были благом для поляков. Пруссия-де была призвана спасти их от поглощения Россией и обеспечить более высокую цивилизацию. Продвижение немцев на Восток и сопротивление этому со стороны польского населения рассматривалось как столкновение одного национализма с другим.

Следствие разделов. Польские земли оказались разделенными между феодальными государствами, формами правления которых был различный в каждой из трех стран просвещенный абсолютизм. Это было наруку помещикам, получившим гарантии своих социальных и имущественных позиций в сильных и политически стабильных государственных системах.

В XIX веке, начиная с революции 1848 года в Австрии и Пруссии, а в XX веке — с революции 1905—1907 гг. в России, во всех этих странах идет формирование помещичье-буржуазного, конституционного государства. В сфере социально-экономического устройства оно гарантировало удовлетворение интересов правящих классов, в особенности привилегированных помещичьих слоев, т. е. тех крупных земельных собственников, которые превратились в организаторов капиталистического сельскохозяйственного производства. В сфере политической жизни благодаря своеобразному «конституционализму» устанавливается тесная связь главы государства — монарха с крупными земледельцами. Определенная часть польских помещиков шла на соглашение с захватчиками. В Галиции тому же способствовало присвоение местным землевладельцам аристократических титулов графов и баронов.

Наряду с тем вскоре обозначились первые признаки духовного подъема, просветительские устремления во имя национальной культуры. Этому должно было служить созданное в 1800 году в Варшаве Общество любителей наук, объединяющее ученых и почитателей наук.

На рубеже XVIII и XIX столетий в различных общественных группах проявились (в самой стране и за границей) тенденции к восстановлению независимости. В 1800 году Костюшко и польский якобинец Юзеф Павликовский опубликовали брошюру «Могут ли поляки стать независимыми?» Ответ был позитивным. Авторы призывали к организации народного партизанского движения, а также к распространению просвещения в среде крестьян, к прогрессу культуры. Первые же слова созданной на итальянской земле в 1797 году Юзефом Выбицким, писателем и деятелем Просвещения, песни Легиона Яна Домбровского «Еще Польша не умерла, пока мы живем» были выражением той же надежды.

Не гибнет народ, даже если он на какой-то срок утратил свою государственность, если живы его сыновья, способные и готовые к борьбе за независимость.

II. ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ИСТОЧНИКИ ПОЗНАНИЯ ПРАВА

Рост законодательства. XIX век принес все возрастающее число правовых положений, издаваемых в форме законов, императорских или королевских декретов, постановлений, патентов и указов, а также распоряжений и постановлений центральных и местных органов администрации, что объясняется увеличением и усложнением функции государственной власти. Первое место в иерархии правовых норм заняли конституционные нормы, но для граждан и их союзов самыми существенными были подзаконные акты, непосредственно относящиеся к личной и общественной жизни. XIX век положил начало многим, неизвестным до тех пор или ранее необособленным отраслям права — административного, трудового и т. д.

Правовая осведомленность опиралась на правительственные издания и личные собрания актов. Относительно первых следует впрочем отметить, что дорога, ведущая к выработке положения об обязательности только тех норм, которые объявлены в вестниках законов и распоряжений, была достаточно долгой. В начале XIX века в этих вестниках публиковались лишь некоторые акты. В области административного права во всяком случае считалось, что положения, изданные для органов администрации и чиновников, не должны быть предметом гласности. Постепенно (частично также и в Российской империи) побеждает противоположная тенденция: что для исполнения законов первичным условием является знакомство с ними.

XIX век принес с собой многочисленные источники познания права. Получают развитие старые и возникают новые издания, включая комментарии к праву и журналы. Среди последних важная роль принадлежит «Themis Polska», выходящим в двух сериях в Царстве польском (1828—1830, 1913—1918 гг.), а затем в 1923—1937 гг. Периодическая «Gazeta Sadowa Warszawska» (Варшавская судебная газета) выходила с 1873 года практически без перерыва до 1939 года. Она помещала статьи, комментарии к постановлениям судов, судебные объявления. Во Львове выходил (1876—1939 гг.) связанный с университетскими кругами «Przegląd

Sadowy, Administracyjny» (Судебный и административный обзор), названный в 1892 году «Przegląd Prawa i Administracji»: (в 1972 г. его издание было продолжено во Вроцлавском университете).

Несмотря на значительный ущерб, причиненный двумя мировыми войнами, обширный правовой материал хранится в архивах и архивных отделах библиотек. Им охватываются акты властей, органов управления и судов, хроники парламентов и сеймов, как и многие частные акты, в том числе и переписка. Источником познания многих сторон польской жизни являются уставы и акты хозяйственных и общественных учреждений, объединений и предприятий.

Варшавское Княжество (герцогство). В 1808 году начал выходить «Вестник законов», в котором в хронологическом порядке собран обширный правовой материал начиная с Конституции. Чрезвычайно полезным дополнением «Вестника» является «Законодательство Варшавского княжества». В четырех томах этого издания (1964—1966 гг.) нашли отражение выбранные из различных источников декреты, касающиеся многих областей жизни. Опубликованы «Хроники двух сеймов Княжества 1809 и 1812 годов».

В 1808 году был опубликован гражданский кодекс на двух языках: французском и польском. Кроме этого, было предпринято (1808 г.) трехязычное издание Кодекса Наполеона, где наряду с официальным официальным текстом на французском языке и его переводом на польский язык имеется еще третий перевод — на латыни. Тогда же был опубликован французский торговый кодекс, введенный в Княжестве в 1809 году.

Королевство (Царство) Польское и Россия. «Вестник законов» Польского Королевства (охватывающий 1816—1871 гг., с 1832 г. на русско-польском языке) служил продолжением предыдущего «Вестника» и содержал правовые положения, издаваемые органами центральной власти в Варшаве и Петербурге. После упразднения «Вестника» неофициальным изданием было «Собрание законов», содержащее указы и распоряжения, обязательные в губерниях Польского Королевства (с 1875 г.).

«Вестник законов», как и тот, что издавался во времена Княжества, содержал нормы судебного права. Гражданский кодекс 1825 года, уголовный кодекс 1818 года, как и кодекс основных и исправительных наказаний 1847 года, были изданы особо.

64 тома составляют «Собрание административных предписаний Польского Королевства», изданное (в 1866—1868 гг.) на русском и польском языках. Материалы собрания систематизированы по правительственным ведомствам (начиная с 1768 г. потому, что некоторые нормы того времени были признаны обязательными и в XIX в.). В наши дни в Варшаве издано «Собрание решений сейма 1831 года».

Для ознакомления с русским законодательством в области государственного и административного, и в особенности судебного права, обращались к разным изданиям, выходящим на русском языке в Петербурге и Варшаве. Первое место среди них занял «Свод законов Российской Империи», введенный в 1832 году и неоднократно обновляемый (издавался вплоть до 1910 года).

Польские земли в составе Пруссии. Основным источником права для польских земель, захваченных Пруссией, оставался на многие десятилетия введенный в 1794 году «Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten», содержавший изменяемые с приня-

тием новых кодексов нормы публичного и частного права. Новые законы и прочие нормы права, исходящие от правительств, публиковались в «Gesetzsammlung für die königlich-preussischen Staaten» в период с 1810 по 1906 год. В 1867 году стала издаваться «Bundes-Gesetzblatt», переименованная с объединением Германии «Reichsgesetzblatt». Много существенных материалов, касающихся польских дел, находится в отчетах о деятельности провинциального сейма в Великом Польском Княжестве, а много лет позже — в протоколах заседаний Польского парламентского клуба в Берлине (изд. 1966 г.), в протоколах провинциальных сеймов, в стенографических отчетах заседаний прусского сейма, а затем рейхстага в Берлине. Кодексы судебного права были изданы отдельно.

Галиция. Тешинское Княжество и Австрия. Правовые положения, обязательные в Галиции, публиковались в собраниях, охватывающих «приказы и законы для всех», «приговоры», «мандаты». Начиная с 1817 года законодательство, касающееся польского населения, издавалось в «Constitutio statuum Regni Galiciae et Lodomeriae cum Bukovina», выходившем в Вене на латыне и немецком языке. В дальнейшем на польском и немецком языках печатался «Провинциальный свод законов» (Львов, 1827—1861 гг.), названный позднее «Всеобщим вестником местных законов».

В период автономии Галиции публиковался «Вестник законов и местных распоряжений Королевства Галиции» (1866—1918 гг.) на польском, украинском и немецком языках. Заслуживают упоминания, помимо того, «Вестник законов правительства Австрийской империи», позднее названный «Всеобщим вестником законов государства и правительства», и наконец, «Вестник законов государства для королевств и стран, представленных в совете государства», печатавшийся в Вене (1848—1918 гг.) на немецком и других языках многонациональной монархии, в том числе на польском.

О деятельности Галицкого сейма и Государственного Совета палаты депутатов и палаты панов информируют изданные в свое время стенографические отчеты и другие документы.

Отдельно изданы «Westgalizisches Gesetzbuch» (1797 г.) и гражданский кодекс в трех томах (Вена, 1811 г.), несколько раз обновляемый, а также уголовные кодексы 1803 и 1852 годов; второй был действующим до 1918 года.

Краков. От Речи Посполитой Краковской остались публикации этой эпохи, содержащие нормы государственного, административного и судебного права, «Правительственный вестник Речи Посполитой Краковской», а также протоколы нескольких ее сеймов.

Особо памятным является «Правительственный вестник Речи Посполитой Польской». Он издавался в Кракове в дни восстания в 1846 году и содержал правовые нормы, манифесты, декреты, объявления, а также статьи идеологического характера.

III. КНЯЖЕСТВО (ГЕРЦОГСТВО) ВАРШАВСКОЕ (1807—1815 гг.)

На стороне Наполеона. Республиканские круги различных оттенков, в особенности буржуазно-демократические, какая-то часть патриотической части дворян и

мещанства ожидали прихода «бога войны» и нового «законодателя народов» Наполеона I, веруя в него самого и в послереволюционную Францию. За Францию и Наполеона высказались предводители Четырехлетнего сейма во главе со Станиславом Малаховским. Однако к повстанческим действиям не приступали до тех пор, пока французские войска не вступили в 1806 году на занятые Пруссией польские земли.

Временное осуществление правительственных функций на этих землях Наполеон возложил на Правительственную комиссию под руководством маршала С. Малаховского. Ей были подчинены директораты, руководящие различными ведомствами. В течение нескольких месяцев правления комиссия развила оживленную деятельность в области обеспечения питанием и оснащения французских и польских войск, рекрутации, казначейства, администрации, просвещения и судопроизводства. В некоторых областях придерживались польских традиций. Так, в области частного права вместо прусского Ландрехта 1794 года снова вступили в силу существовавшие ранее польские законы.

Варшавское княжество возникло в силу Тильзитского трактата, заключенного Наполеоном с Пруссией в 1807 году. В состав княжества вошли земли, захваченные Пруссией по II и III разделам Речи Посполитой, однако без доступа к морю и без Белостокской области, которую Наполеон передал императору Александру. Варшавское княжество с территорией 101,5 тыс. кв. км насчитывало в то время 2,5 млн. жителей. В 1809 году после победоносной войны с Австрией, в которой на стороне Франции сражались и польские войска под руководством князя Юзефа Понятовского, княжество увеличилось посредством присоединения так называемой западной Галиции. Население Варшавского княжества тогда достигло 4 миллионов, а территория — около 154 тыс. кв. км.

Гданьску Наполеон придал характер вольного города, состоявшего под надзором французского губернатора.

Характер княжества и его институты. Существование княжества было коротким (семилетним) и пришлось на время наибольших успехов Наполеона. Значение княжества было связано с предназначенным для него императором Франции местом в новом устройстве

Европы, определяемом интересами французской буржуазии. Частично сказалось также влияние польских политиков, руководителей и идеологов. В споре двух польских ориентаций — одной, рассчитанной на либеральную политику императора России Александра I и его советников (среди которых выдающееся место занимал министр иностранных дел империи, кн. Адам Чарторыйский), и другой — пронаполеоновской, — победила эта последняя. Между тем в создаваемой Наполеоном системе Княжеству отводилась роль государства с ограниченной суверенностью, роль выдвинутого на Восток бастиона Великой империи (Grand Empire). Человеческие и материальные потери Варшавского княжества, понесенные во имя Франции и Великой империи, а также в 1812 году в итоге предпринятого с участием польских формирований, насчитывающих 100 тыс. солдат, нападения на Россию, были огромными, значительно большими, чем у других стран.

Наполеон дал Варшавскому княжеству Конституцию в Дрездене в июле 1807 года по заслушании предложений Правительственной комиссии, клонившихся к восстановлению Конституции 3 мая. И действительно, Конституция Варшавского княжества в большей мере, чем иные конституции, введенные Наполеоном в зависимых от него странах, признавала в известной мере роль сейма и привилегированную позицию дворянства.

Возникал вопрос: как власти и общество Варшавского княжества, а также польские политические группировки используют новые шансы и новые обстоятельства? Для поляков Варшавское княжество явилось зародышем государственного возрождения — независимо от того, что Наполеон видел в нем прежде всего большой военный лагерь, подчиненный Великой империи, выражением чего, между прочим, служили донации (пожалования) государственных имуществ Княжества, раздаваемые Наполеоном его маршалам и генералам.

Наполеон устранил от власти и бывших якобинцев, и членов Общества польских республиканцев, возникшего в начале XIX века, доверив ее группе предводителей правой группировки патриотического лагеря времен Четырехлетнего сейма и людям, к ним приближенным, т. е. дал перевес аристократии и земельному дворянству. Среди руководителей государственной жизни в Княжестве наиболее активными были: председатель

Государственного совета Станислав Потоцкий, министр Феликс Любенский (значение которого выходило за рамки вверенного ему ведомства правосудия), а также министр Казначейства Тадеуш Матушевич. Военным министром и организатором армии, не вмешивавшимся, однако, в политику, был Юзеф Понятовский.

А. Общественно-политическое устройство

Равенство прав и позиция дворян. Конституция Варшавского княжества не упразднила деления на сословия, но значительно его ограничила, утверждая в параграфе IV, что: «Упраздняется неволя (Niewole). Все граждане равны перед законом». Словом «неволя» означалось здесь отношение крепостной зависимости. Следующие положения гласили, что гражданские права населения составляют:

1) личная свобода в значении свободы передвижения из одного места в другое;

2) равенство в отношении к праву и суду, т. е. подчинение всех единому законодательству;

3) свобода вероисповедования; римско-католическая религия, однако, осталась официальной религией государства.

Политические права обнимали:

а) право занимать должности;

б) активное и пассивное избирательное право при выборах в сейм;

в) право избирать в органы самоуправления и судебные органы.

Вместе с тем Конституция сохраняла значительные привилегии дворянства не только в области политико-правовых отношений, но и гражданско-правовых. Дворянам, собственникам земельных имуществ, обеспечивалось первенство и преимущество в сейме, в органах самоуправления и в выборных мировых судах. В городах политически и экономически привилегированными были домовладельцы, буржуазия и интеллигенция дворянского и мещанского происхождения.

Дворянство и мещанство. Существенные изменения буржуазного характера произошли в положении мещанства, хотя сейм остался в руках шляхты так же, как и правительство. При всем том, как свидетельствуют выборы в сейм и гминные собрания, горожане сумели

пользоваться данными им правами и возможностями. В армии, в органах власти и в судах создавалась группа городской интеллигенции, в частности из числа служащих мелкодворянского, а также мещанского происхождения, а она наряду с земельным дворянством задавала тон в княжестве.

Евреи. Забота об интересах мещанства повлияла на ограничение гражданских прав еврейского населения. Декрет от 1808 года временно отменил в отношении к евреям положения Конституции, на 10 лет лишил их политических прав, ограничил их личную свободу и право свободного заработка. Вводилась обязанность получения евреями разрешения на бракосочетание; их проживание было ограничено несколькими улицами; их лишили права приобретения земли и аренды национальных имуществ. Взамен освобождения от военной повинности на евреев был возложен специальный налог.

Крестьяне. Самым важным был крестьянский вопрос. Конституция аннулировала феодальную зависимость и обеспечила крестьянам личную свободу и равенство перед законом. В то же время не было определено отношение крестьян к земле. Это сделал королевский декрет от декабря 1807 года, гласивший:

1) каждый может оставить свое хозяйство после соответствующего заявления помещику и начальству, а также после возвращения барину земель, инвентаря и посевов;

2) полная собственность на землю в соответствии с понятиями буржуазного права принадлежит помещику, крестьянам же обеспечивается ограниченное право на землю, т. е. право на временную или наследственную аренду при условии заключения соответствующего соглашения, если его не было ранее; если в течение года контракт не был заключен, помещик мог согнать крестьянина с земли;

3) соглашения между землевладельцем и крестьянином подлежали регистрации у нотариуса, который должен был заботиться о том, чтобы ни одна из сторон не была введена в заблуждение и не действовала под принуждением. Экономическое принуждение, вынуждавшее крестьянина принимать условия помещика, не принималось во внимание. Так, получает санкцию так называемая свобода договора, игнорирующая действительную волю экономически слабейшей стороны соглашения.

На практике до заключения сколько-нибудь большого числа соглашений между помещиком и крестьянами не дошло. В то же время по истечении года, предусмотренного законом, стали выявляться факты выселения крестьян с земли в целях увеличения фольварков. Одновременно с тем выявилась потребность в дешевой рабочей силе в лице того же крестьянина. Осуществлению этой цели служило дальнейшее законодательство. В случаях, когда землевладелец оказывал «помощь» крестьянину, последний не мог покинуть землю до тех пор, пока не возвратит полученное. Устанавливалось, что крестьяне могут оставлять землю только с согласия ее собственника, а безземельные крестьяне, коморники, — с согласия владельца дома, в котором проживают. Войтами же, от которых зависело разрешение на то, чтобы крестьянин покинул землю, были на практике одни помещики.

Сельскохозяйственный кризис, вызванный наполеоновскими войнами, уменьшение вывоза, обнищание страны, обремененность налогами повлияли на усиление антагонизма между крестьянами и дворянством. Доходило до актов пассивного и активного сопротивления крестьян.

Б. Система власти

Монаршая власть. Государственное устройство должно было укрепить власть монарха, которая должна опираться на правящие классы, т. е. дворянство, и по мере ее роста — также и на буржуазию. Устанавливалась наследственность трона, переходившего к саксонской династии на основе унии Княжества с Саксонией. Конституция предоставляла монаршей власти исключительно право дополнять ее и издавать декреты по административным вопросам, оказывать сильное влияние на сейм в других вопросах. Монарх осуществлял руководство правительством. Администрация, на местах единоличная и коллективная, была поставлена под контроль центральной власти Княжества.

Сейм. На службу правового и фактического преобладания шляхетства была поставлена историческая традиция. Она выступает в институте двух палат Сейма, в их названиях «Посольская изба и Сенат», в комплектовании сената, в существовании особых избирательных собраний дворянства и недворянства, В противове

некоторым наполеоновским конституциям, таким, как конституция Королевства Вестфалия или позднейшая— Королевства Неаполь, в Варшавском княжестве введен был принцип выборов, а не назначения депутатов.

В организации других учреждений были использованы или сделаны попытки использовать французские образцы, даже и в названиях, но со многими особенностями. Сейм Княжества был образован из Посольской избы и Сената. В состав Сената входили епископы, воеводы и каштеляне в равном числе; после присоединения Западной Галиции в 1809 году — по 10 человек от каждой из этих групп. Все они назначались королем. В состав Посольской избы (после присоединения Западной Галиции) входили шляхетские депутаты (послы) в количестве 100 человек, избираемые на поветовых сеймиках, и 66 депутатов, избираемых на гминных собраниях, а кроме того, члены Государственного совета. Участие в сеймиках гарантировалось землевладельческому дворянству. В гминные собрания были введены домовладельцы и промышленники, не принадлежащие к дворянству, ремесленники и купцы, приходские священники и викарии, представители искусства, люди науки, деятели, имеющие заслуги на общественном поприще, а кроме того, офицеры, заслуженные унтер-офицеры и солдаты. Таким образом, вводились имущественный ценз, а также критерии, учитывающие профессиональный уровень для интеллигенции, ранг и военные заслуги (для военнослужащих). Правом голоса наделялась и немногочисленная группа крестьян-чиншевников, если они имели собственные постройки.

Компетенция сейма, достаточно скромная, распространялась на следующие предметы: 1) налоги, 2) гражданское и уголовное право, 3) монетное дело.

Законодательство по вопросам государственного устройства, политическим и административным вопросам, равно как бюджеты, относилось, как уже было сказано, к исключительной прерогативе короля (князя). Законодательная инициатива принадлежала по большей части Государственному совету, а Сейм мог только принимать или отклонять законопроекты. Комиссии Сейма могли предлагать те или иные поправки, однако решение и в данном случае принимал Государственный совет. Председатели обеих палат были назначенными. Дискуссий в Сейме практически не было. Слово могли

брать только члены комиссий и Государственного совета. К Сенату, который имел еще меньшие возможности, чем его прототип в наполеоновской Франции, относился контроль за тем, чтобы Посольская изба не нарушала предписаний Конституции и процедуры, а также за действительностью выборов. Наконец, невзирая на возражения Сената, король мог объявить законопроект, принятый нижней палатой, законом или же направить его в ту же палату или Сенат для повторного обсуждения.

Сейм Княжества собирался всего три раза: на обычные сессии в 1809 и 1811 годах и на чрезвычайную сессию в 1812 году. Несмотря на навязанные ему ограничения, Сейм играл определенную роль, ибо на практике по исчерпанию повестки дня маршал закрывал официальное заседание палаты и далее проводил неформальное собрание, на котором дискуссия была свободной.

Государственный совет. Новым, неизвестным до сих пор институтом, почерпнутым из французского управления, явился Государственный совет — *Rada Stanu*. Так перевели на польский язык французское *Conseil d'Etat*. В его состав входили: монарх как председатель, в его отсутствие вице-король, а если такового не было — председатель Совета министров, министры, секретарь Совета, члены Совета — министры без портфеля, а также референдарий (докладчик). К компетенции Совета относились три типа вопросов:

1) выработка законопроектов сейма и королевских декретов;

2) в области судопроизводства: разрешение юрисдикционных споров между судебными и административными органами, рассмотрение административных споров и даже истребование дел из совета префектур, рассматривавших (в первой инстанции) споры между гражданами и органами администрации о нарушении законности в налоговых вопросах, в вопросах невыполнения контрактов, заключенных государственными органами, и т. д. Это были зачатки более позднего административного судопроизводства, которому во второй половине XIX века в некоторых странах были переданы для рассмотрения все те споры, по которым граждане считали, что органы администрации нарушили право.

Государственный совет мог выносить решения о привлечении к суду министров и других государственных

чиновников. К компетенции Совета относились, наконец, кассационные постановления; в отличие от апелляции и ревизионного пересмотра дел кассация заключалась в исследовании того, соответствует ли приговор низшей судебной инстанции материальному праву и процессуальным предписаниям. Фактические обстоятельства, их доказанность или недоказанность пересмотру не подлежали;

3) в сфере администрации к компетенции Государственного совета относились вопросы бюджета и управления так называемыми национальными имуществами, распределение налогов по департаментам, а кроме этого, анализ министерских отчетов о деятельности правительства и о состоянии страны. За исключением судебных функций, функции Государственного совета были совещательными.

В. Администрация

Организация правительства. Правительство Варшавского княжества состояло из шести министров: юстиции, внутренних дел и вероисповедания, военного, финансов, полиции (в значении — полиции безопасности и общественного порядка), а также государственного секретаря, находящегося в Дрездене и являющегося посредником между правительством и монархом. Иностранная политика была исключена из сферы деятельности правительства Княжества и передана министру иностранных дел Саксонии. При том, разумеется, условия, что, как и во многих внутренних вопросах, решающий голос принадлежал французским резидентам — официальным представителям Наполеона, а к концу существования Княжества послу Франции в Варшаве. Они принимали участие в заседаниях правительства.

Общие вопросы правительственной деятельности должен был координировать Совет министров, состоящий из руководителей правительственных ведомств и, несколько позже, назначенного председателя. Министры имели, каждый в своей области, большую самостоятельность. Контроль за деятельностью министров и правительства осуществлял Государственный совет. По рассмотрении чьей-либо жалобы Совет мог представить королю предложение об освобождении или привлечении министра к судебной ответственности. Ответственности

министров перед Сеймом Конституция Княжества не предусматривала.

Руководствуясь представлениями о возможном широком вмешательстве администрации во все и всякие проявления жизнедеятельности, законы предоставляли администрации большие полномочия. Этим целям служил прежде всего декрет 1808 года об учреждении министров. Уже само название декрета указывает на то, что его субъектом было не министерство как коллегия, а министр, руководящий своим министерством по принципу монархии и опираясь на бюрократическую иерархию. Подчинение чиновников министру, их подбор, надзор за ними, право увещания и ежегодная оценка поведения были урегулированы в первых же параграфах декрета.

Декларировалась независимость судов. Министр юстиции не должен был вмешиваться в их деятельность. Важными были компетенции министра внутренних дел в области управления государственным имуществом и просвещения. Декрет перечисляет множество вопросов этого рода. В противоположность компетенции казначейской комиссии второй половины XVIII века хозяйственные вопросы перешли из сферы министра финансов к министру внутренних дел. За финансовым ведомством остались поиски источников доходов, надзор за налогами и исполнением бюджета. Министр полиции должен был следить «за выполнением законов и постановлений, направленных на предупреждение пагубных происшествий, а также беспорядков... за безопасностью и публичным порядком». Под особым надзором обоих министров — внутренних дел и полиции — должны были состоять определенные классы и социальные группы: крестьянство во всей его массе, слуги, дворовые люди и поденщики, рабочие, бродяги и нищие. Министру полиции предоставлялось право использовать национальную гвардию (милицию) для поддержания порядка.

Территориальная администрация. По французскому образцу Княжество было поделено на департаменты, последние же делились на поветы. Во главе департамента стоял префект, которому подчинялись политическая полиция и полиция порядка. Из компетенции префекта были исключены лишь военные вопросы и вопросы судопроизводства. Поветами руководили подпрефекты. Префекты и подпрефекты находились в прямом

подчинении министра внутренних дел, однако были обязаны выполнять указания и других министров. Главными городами, т. е. Варшавой, Познанью, Торунем, Калишем, Краковом, Люблином и Сандомиром, управляли муниципальные президенты, остальными бургомистры; президенты назначались королем, бургомистры и члены магистрата — министром внутренних дел. Войтов в селах назначали префекты.

В целях подготовки судей и служащих в Варшаве была создана Школа права (1808 г.), в последующем преобразованная в Школу права и административных наук (1811 г.).

Территориальное самоуправление. В состав органов самоуправления Княжества входили следующие советы:

1) муниципальные советы (больших городов), городские и сельские; в самых больших городах они избирались на гминных собраниях, в других же создавались по назначению префекта из числа кандидатов, представленных собственниками недвижимостей. Советы должны были обсуждать местные нужды, бюджет гмины и гминные налоги, распределение государственных налогов, жалобы на городские или сельские власти. Городское самоуправление было ограниченным. Сельские рады так и не возникли;

2) советы департаментов и поветов состояли из советников, назначаемых королем из числа кандидатов, представленных сеймиками (в двойном количестве). Предметом обсуждения советов был ограниченный круг местных дел: проведение мелиорации и других публичных работ, забота «о порядке, спокойствии, безопасности и публичной выгоде».

Финансовая деятельность. Несмотря на рост доходов от национальных имуществ и чиншев от государственных горных предприятий, монополии на соль, от прямых и косвенных налогов, расходы были еще большими. В 1811 году дефицит составил 25 млн. злотых. Государственный долг составлял 91 млн. злотых. Большую часть средств поглощала армия (42 млн. злотых ежегодно), в то время как управление — 8 млн. злотых, юстиция — 3,5 млн. злотых, просвещение — едва 1 млн. злотых. Тяжелое положение финансов усугублялось требованиями французской казны по поводу различных, часто искусственно создаваемых обстоятельств.

Армия. На первый план в политике Варшавского княжества выдвигается связанное со многими жертвами усиление армии, понесшей большие потери в наполеоновских войнах, но в особенности в походе на Россию. На шестилетнюю службу в армии

призывались практически все граждане Княжества в возрасте от 21 до 28 лет, и из них по жребию формировался определенный на данный год контингент. Кроме армии собственно Княжества существовали довольно значительные польские формирования, состоявшие при французской армии (Надвислянский легион, кавалеристы гвардии Наполеона). Кроме регулярных вооруженных сил в 1809 и 1811 годах создавалась национальная гвардия (с оружием в руках в ней служили заслуживающие доверия собственники недвижимостей, остальные находились во вспомогательных службах).

Польские формирования приняли деятельное участие в войнах 1805—1807 гг. (с Пруссией), 1809 г. (с Австрией) и 1812 г. (с Россией). В наполеоновской армии в 1812 году состояло до 100 тыс. польских солдат и офицеров, из которых 37 тысяч — в корпусе Ю. Понятовского.

Немалым было влияние воспринятых у Франции и легионов Домбровского новых принципов дисциплины, не опирающихся уже на физические наказания, а также рост демократических тенденций в армии (хозяйственные советы в полках, которые заботились о денежном довольствии, содержании и общежитии солдат).

Судопроизводство является одной из тех областей, в которой изменение проявилось особенно ярко. Это, однако, не значит, что суды Княжества перестали служить классовым интересам дворянства. Интерпретация Кодекса Наполеона развивалась в том направлении, что принципы нового права стремились связать с максимальной охраной прав и привилегий крупных землевладельцев города и села. Тем не менее упразднение сословного судопроизводства, в том числе и домениального, как и уравнение граждан перед законом и судом, было важно для будущего. От кандидатов на судебские должности, предоставляемые уже и мещанам, стали требовать профессиональной подготовленности. Мировых судей, от которых не требовалось профессиональной квалификации, назначали из кандидатов, выдвигаемых сеймиками, а на практике из дворян.

В организации судов было введено несколько инстанций. Мировые суды должны были добиваться согласия сторон в гражданских делах, осуществлять бесспорное судопроизводство в вопросах опеки и т. д. Проступки рассматривались в полицейско-исправительных судах. В департаментах были образованы отдельно уголовные и гражданские суды: уголовные — один на два департамента, гражданские — в каждом департаменте. В Варшаве действовал апелляционный суд по гражданским делам — один на все Княжество. Кассационным судом являлся Государственный совет.

Попытка возрождения Польско-Литовской унии. Еще в 1810 году в связи с последней попыткой сохранить систему, установленную в Тильзите, французский посол в Петербурге заверил императора Александра I, что Наполеон раз и навсегда отбросил мысль о возрождении Польского королевства. Российский император носился с мыслью привлечь на свою сторону поляков, равно как и литовскую аристократию. В этих целях он инспирировал слухи о возможном скором возрождении Великого Княжества Литовского и о введении в нем Конституции 3 мая как основы воссоздания в каком-то будущем времени польско-литовского государства.

В 1812 году началась война Франции с Россией, названная Наполеоном в пропагандистских целях «второй польской войной» (первой была война с Пруссией в 1806—1807 гг.). Проездом через Варшаву Наполеон отдал приказ о созыве Сейма на чрезвычайную сессию. На ней была воссоздана конфедерация и прокламировано возрождение Польского королевства в унии с Великим Княжеством Литовским. Однако делегаты конфедерации, прибывшие в Вильнюс, должны были выслушать там ни к чему не обязывающие заявления. В Литве же возникли конституционные проекты, послужившие одной из основ для конституции того, позднейшего Царства Польского, которое было создано на Конгрессе в Вене в 1815 году.

Значение Варшавского княжества. Не существует единой оценки Варшавского княжества. Одни доходят до преувеличенной идеализации, другие — до чрезмерно далеко идущей критики, не считающейся с конкретными обстоятельствами. Позитивные суждения выдвигают на первый план государственные и правовые институты Варшавского княжества, в особенности с точки зрения их перспективности, дальнейшей эволюции, подчеркивают перемены, которые были ими ускорены. Значение Княжества связывается в новых оценках с государственным строем Королевства (Царства) Польского в его конституционный период (1815—1831 гг.). Однако, говоря о том же времени, необходимо еще иметь в виду Речь Посполитую Краковскую и Великое Познаньское княжество. На центральных землях Польши в течение четверти века существовали польские национальные институты, несмотря на государственные ограничения суверенитета.

Следует принять во внимание как эти ценности, имевшие важное значение для развития национальной жизни и культуры, так и несомненные недостатки описанной выше государственно-правовой системы. На деле порядок, установленный в Варшавском княжестве, не раз подрывал прогрессивную сущность тех или иных правовых норм и учреждений, но общая положительная роль происходящих перемен была все же несомненной.

IV. ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО (ЦАРСТВО) В КОНСТИТУЦИОННУЮ ЭПОХУ (1815—1831 гг.)

Постановления Венского конгресса. Конгресс, который собрался в Вене в 1814 году, осуществил новый, четвертый, раздел польских земель. Определенным в тот момент границам суждено было удержаться до завершения первой мировой войны (до 1918 г.). Польский вопрос встречал многочисленных противников, однако его нельзя было обойти. Так, представитель Великобритании добивался состояния, которое было перед III разделом Речи Посполитой, либо по крайней мере приближенного к этому.

По договору от 3 мая 1815 г., заключенному Россией, Пруссией и Австрией, было зафиксировано согласие о том, что Австрия получает так называемую Восточную Галицию, утраченную ею в 1809 году, а также Западную. Краков с его округом был объявлен Вольным городом под протекторатом трех империй с октроированной ими конституцией. Пруссия получила западную часть Варшавского княжества, названную Великим Познаньским княжеством. Из оставшихся земель Варшавского княжества было организовано Польское Королевство (Царство). Оно должно было быть «неразрывно связано с Россией по конституции» в форме унии, олицетворяемой особой императора России, получавшего титул короля Польши. Королевству надлежало быть государством с ограниченной суверенностью. По желанию Александра I трактат предусмотрел возможность присоединения к Королевству некоторых земель давнего Великого Княжества Литовского. Для польского шляхетства по обе стороны границы обещание это имело первостепенное значение, и на этом строился расчет «пропольской политики» Александра I.

Было также оговорено, что польское население, находящееся на территории Галиции и Познаньского княжества, получит «представительное национальное управление». Для всех земель Речи Посполитой в границах 1772 года гарантировалась «полная», что в ближайшее же время оказалось по большей части фикцией, свобода судоходства, торговли, передвижения. Заметим к тому же, что соглашение о введении национального представительного управления на польских землях было игнорировано как Пруссией, так и Австрией.

Польское Королевство составило около 127 700 кв. км с населением, значительно уменьшившимся в результате последних войн (официально потери занижались до 635 тыс. человек). Оно насчитывало в 1815 году 3,2 млн. человек, затем за последующие шестнадцать лет быстро увеличилось, дойдя в 1831 году до 4,2 миллиона. Королевство составило менее $\frac{1}{6}$ территории и около $\frac{1}{4}$ населения бывшей Речи Посполитой. В 1815 году Варшава насчитывала едва 80 тысяч жителей, а в 1830 году их число снова возросло до 130 тысяч.

Принципы Конституции Королевства. «Основы» ее Александр I подписал еще в Вене. Составленные кругом политиков, среди которых были как князь Адам Чарторыйский, так и сенатор Николай Новосильцев, они «гарантировали» Польскому Королевству государственность, национальные права и свободы. Одновременно был обозначен классовый и патримониальный характер рождающегося детища. Запроектировано было, что «некоторые государственные функции не будут исполняться исключительно землевладельцами», а также, что «дух законов, служащих интересам земледельцев-крестьян, будет дышать отеческой заботой и иметь целью *постепенно* довести этот класс до действительно хорошего состояния». Сверх этого «будет исключено из прав, доселе существовавших, все то, что может ограничивать права, обретенные костелом».

По подсказке петербургских советников Александр I ограничил в последней редакции Конституции положения о свободах и ввел формулировки, которые делали возможным дальнейшие автократические изменения. Подписал он Конституцию в Варшаве 27 ноября 1815 г.

Более либеральная, менее демократическая. Если речь идет о позиции трона, то польская Конституция

1815 года была составлена в том же духе, что и конституционная хартия Людовика XVIII, октроированная в 1814 году. Александр I и Новосильцев позаботились об объединении некоторых элементов английского государственного устройства с консервативными монархическими принципами.

Конституция Польского Королевства была более либеральной в обеспечении прав и свобод общества по сравнению с конституцией Варшавского княжества. И самих этих прав названо больше и компетенция Сейма была расширена. Традиции Речи Посполитой нашли выражение в названиях государственных учреждений, в организации Сейма, в коллегиальной системе государственных органов, в прокламированности выборности администрации и судей. Конституция, равно как и связанное с ней положение о выборах в Сейм были наиболее либеральными в Европе того времени, распространив избирательное право на значительный по тем временам избирательный корпус — свыше 100 тыс. человек, что достигалось сравнительно низким имущественным цензом. В отношении к 3,5-миллионному населению Королевства в 1820 году это составило бóльший процент, чем во Франции, где число избирателей едва достигало 80 тысяч при 30-миллионном населении. В Центральной Европе после 1815 года Польское Королевство (Царство) было единственной страной, располагающей парламентом, избираемым прямыми выборами, всеми общественными классами, хотя и с незначительным участием крестьян.

Одновременно с тем Конституция Королевства была менее демократичной по сравнению с Конституцией Варшавского Княжества, и в этом следует видеть своеобразную реализацию того из «принципов» Адама Чарторыского, что «Конституция должна стать абсолютно национальной и приблизиться к Уставу 3 мая 1791 г.». Между тем национальное развитие ушло вперед и обращение к нормам и институтам 1791 года было уже анахронизмом. В королевстве сохранялся принцип равенства перед законом, однако было открыто сказано, что равенство это относится только к исповедующим христианскую религию. Евреи были лишены политических прав. Сохранился принцип личной свободы, который должен был гарантировать крестьянам право перехода из одного места в

другое; то есть свободу передвижения, однако обязательные административно-политические предписания значительно ограничили ее. Установленный особым законом переход функций войтов в руки помещиков привел к тому, что они нередко затрудняли свободу передвижения крестьян, отказываясь выдавать им необходимые документы (паспорта).

Сохранило привилегии как родовое дворянство, так и нобилитированное. Это последнее в соответствии с постановлением наместника от 1817 года должны были получать лица, имеющие заслуги перед страной, разбогатевшие мещане, купцы, владельцы мануфактур, богатые ремесленники, солдаты, дослужившиеся до звания капитана, офицеры, награжденные крестом, преподаватели и профессора Варшавского университета, а также чиновники после 10 лет усердной службы. Были придуманы в связи с этим новые фамилии и гербы. Решено было вписывать дворянские фамилии, в том числе и старые, в книги специально созданного ведомства — герольдии, чем, однако, со свойственной им спесью не пожелали воспользоваться магнаты.

Как в Варшавском княжестве, так и в Королевстве привилегии шляхты в Сейме обеспечивались разделением Посольской избы на две группы: шляхетских депутатов и депутатов, делегированных гминами. При этом депутатов, избираемых на шляхетских сеймиках, было больше, чем депутатов, делегированных гминными собраниями. Должности председателей судов второй инстанции и апелляционных трибуналов, должности в воеводских комиссиях и советах, равно как и посты сенаторов и депутатов, Конституция сохраняла за землевладельцами.

Отрицательной чертой Конституции была неслучайная неясность некоторых ее положений и слишком общие формулировки других. Александр I шел по стопам Наполеона, который избегал точных формулировок для положений публичного права, стесняющих правителя и правительство.

Польско-русская уния. Король и наместник. Уния, введенная в отношениях между Российской империей и Королевством, выражалась формально в общности царствующей династии. Русский император вступил на польский трон в соответствии с порядком наследования короны, существовавшим в Российской империи. Единой

для Империи и Королевства была и внешняя политика. После коронации в Москве Николай I короновался польским королем в Варшаве, чем разрешался вопрос о порядке возведения на польский трон. Император-король должен быть в Польском Королевстве конституционным монархом. Связывал его изданный им самим конституционный закон. За акты короля отвечали министры. Королевская власть обнимала: 1) исключительную инициативу конституционного законодательства, т. е. в том, что относится к дополнению конституции посредством органических законов; 2) право утверждения или отклонения законов, принимаемых сеймом; 3) всю полноту правительственно-административных функций (исполнительную власть).

Заместителем короля был в соответствии с Конституцией наместник, исполняющий свои функции в отсутствие монарха в Королевстве. Им не сделался, как можно было полагать, личный друг Александра I с молодых лет и министр иностранных дел России князь Адам Чарторьский. Император устранил Чарторьского, опасаясь его авторитета. Должность наместника — вице-короля вместе с княжеским титулом неожиданно получил генерал старой Речи Посполитой экс-якобинец, затем наполеоновский генерал Юзеф Зайончек. Он оказался послушным орудием в руках императора и назначенного им на должность императорского комиссара при Административном совете Королевства русского сенатора Николая Новосильцева. Последний был ярким противником обособленности Королевства и польских национальных устремлений вообще.

Постановления наместника должны были объявляться в Административном совете, напоминающем Стражу законов, созданную Конституцией 3 мая (Совет имел совещательный голос), и контрассигноваться одним из министров. Наместник должен был действовать в рамках установленных королем полномочий. Те, которые он получил в 1818 году, обнимали значительную часть правительственно-административных функций. После смерти Зайончека в 1826 году должность наместника оставалась вакантной до 1832 года, а функции его Николай I передал Административному совету.

Большую внеконституционную роль, значительно выходящую за пределы официальных полномочий главнокомандующего Войском Польским, играл великий

князь Константин, брат императора, осуществляя по сути дела всеобъемлющий надзор над публичной жизнью Королевства.

На практике власть монарха, представленная наместником, великим князем Константином и Новосильцевым, отодвинула на задний план все другие органы государственной власти. Сейм не допускался к исполнению некоторых его функций, нарушались прокламированные конституцией гражданские права и свободы. Единственным действительно гарантированным являлся принцип частной собственности. Закон, принятый Сеймом в 1820 году, допускал отчуждение собственности только ради общественных нужд и за вознаграждение, установленное в соответствии с правом.

Конституция гарантировала свободу печати. Однако постановлением наместника от 1819 года была введена цензура ежедневной и периодической печати, а затем и всех публикаций. Это была предварительная цензура, т. е. предшествующая направлению публикации в печать. Возвещалось ограничение личной свободы граждан, если этого потребуют «обстоятельства момента», т. е. возможность административных репрессий, что и практиковалось.

В соответствии с Конституцией заседания обеих палат Сейма должны были быть гласными. Это правило относится к существенным факторам сколь-нибудь развитой парламентской системы. Выступления депутатов в парламенте адресованы не только самому парламенту и правительству, но и общественности. Между тем «дополнительный параграф» к Конституции, введенный в 1825 году, запретил открытые заседания, за исключением тех собраний Сейма, которые носили торжественный или формальный характер, как это бывало в начале или конце сессии.

Тем не менее национальная обособленность была все же сохранена. Она выразилась в существовании польского войска, в употреблении как официального государственного языка польского (только монарх в корреспонденции с органами власти Королевства употреблял французский язык), в формировании органов власти, как правило, из поляков. Значительным было и учреждение герба Королевства: соотношение сил было отражено посредством размещения белого (польского) орла на груди двуглавого черного россий-

ского орла. Так выглядел герб Польского Королевства до Ноябрьского восстания 1830 года. После него польский орел был перенесен на крылья российского орла наряду с казанским, сибирским и другими гербами «Царств».

Сейм. Состоял из: 1) короля, 2) Сената, 3) Посольской избы. В Сенат входили в соответствии с ранее существовавшим порядком епископы, воеводы и каштеляне (в дальнейшем это были должности исключительно сенаторские) в количестве, не могущем превышать половины числа депутатов Посольской избы (не более 64). Принцип королевского назначения в Сенате дополнялся кооптацией. Светских сенаторов король назначал из двойного числа кандидатов, выдвинутых самим сенатом, а также наместником. Сенатором мог быть только землевладелец.

Посольская изба состояла из 128 членов, в том числе 77 депутатов избирались, как и в Варшавском Княжестве, на сеймиках, 51 депутат — от гмин. На гминных собраниях участвовали лица, отвечавшие условиям ценза: имущественного, общественной службы, интеллигентности. Наемные рабочие и подмастерья не получили избирательных прав. Их не имели и военнотружашие.

На время заседаний Сейма депутатам гарантировалась неприкосновенность личности. Это, однако, не помешало тому, что руководителей либеральной шляхетской оппозиции, выходцев из Калишского воеводства, братьев Боннавентуру и Винцента Немоевских, не только не допустили в Сейм в 1825 году, но и в принудительном порядке отправили домой.

Сейм должен был собираться каждые два года либо по мере необходимости. Созван он был лишь четыре раза, первый — в 1818 году и затем в 1820, 1825 и 1830 году. Сессия должна была длиться 30 дней.

Конституционные компетенции Сейма были значительно более широкими, чем в Варшавском княжестве, но на практике ограничивались. Они обнимали: 1) законодательство в области судебного, а также административного права; 2) решения по вопросам денежной системы, налоговым и бюджетным. Первый бюджет утвердил сам государь вопреки Конституции. На практике Сейм не допускался к бюджетным делам, и была принята фикция, что бюджет имеет своей опорой постоянные налоги. Такие бюджеты, т. е. не

одобряемые и не контролируемые парламентом, известны под названием административных; 3) решения по вопросам призыва в армию; 4) конституционное законодательство, включая органические законы, касающиеся таких институтов, как Сейм, но изданные королем (Сейм либо принимал либо отклонял их); 5) контроль над правительством хотя и в ограниченном объеме.

На практике Сейм в основном занимался изменениями в области гражданского и уголовного права (1818 и 1825 гг.) Административные и хозяйственные вопросы чаще всего регулировались постановлениями наместника, а позднее Административного совета. Законодательная инициатива принадлежала лишь королю. Изменения в правительственных законопроектах могли производиться — как перед этим в Княжестве — после соглашения комиссий Сейма с Административным советом. Каждая из палат могла, впрочем, подавать просьбы королю о внесении на следующее заседание Сейма того или иного проекта. На втором Сейме в 1820 году трону было представлено 90 петиций.

Сейм заслушивал доклады Государственного совета о положении в стране. Замечания к ним комиссии представляли Сейму к концу сессии. Посольской избе дозволялось в то же время обращение к королю и представление ему пожеланий страны, в том числе петиций и жалоб на действия министров, советников, референдариев, судей наивысшего трибунала. Здесь не шла речь об английском или польском импичменте времен Речи Посполитой. Сейм мог лишь заявлять жалобы на министров. Государственные преступления и преступления чиновников судил Сенат, облеченный на то, по воле короля или наместника, полномочиями сеймового суда. На практике он вынес решение всего раз по известному делу Патриотического общества тайной организации, которая обвинялась в антигосударственной деятельности.

Правительство и администрация. Центральным органом власти и управления был Государственный совет, который делился на: 1) Общее собрание; 2) Административный совет. Общее собрание располагало той же компетенцией, что и Государственный совет в Княжестве. Конституция обошла молчанием административное судопроизводство, сохраненное на практике, а затем санкционированное королевским постановлением

от 1817 года. В первой инстанции соответствующие вопросы, главным образом финансовые, относились к компетенции воеводских комиссий.

В состав Административного совета входили министры, а также другие члены, назначенные монархом. Это был консультативный орган короля и наместника в делах, которые выходили за пределы полномочий, предоставленных министрам. Он же внедрял в жизнь королевские постановления и постановления наместника. После фактической ликвидации должности наместника в 1826 году Административный совет преобразовался в высший правительственный орган.

Управление страной осуществлялось правительственными комиссиями, подчиненными Административному совету. При их формировании, а также территориальной организации возвратились к принципу (хотя и не вполне проведенному) коллегиальности комиссий, объединив его с принципом единоличного руководства министра. Было создано пять комиссий: 1) вероисповедания и публичного просвещения; 2) юстиция; 3) внутренних дел и полиции (имелась в виду полиция порядка и безопасности); 4) военная; 5) доходов и финансов, а на практике с 1824 года также и народного хозяйства. Военная комиссия в связи с решающей ролью великого князя Константина как верховного главнокомандующего играла незначительную роль. В Петербурге находился министр — государственный секретарь, исполнявший обязанности посредника между монаршим двором и органами власти в Королевстве.

Правительственным комиссиям были подчинены разного рода генеральные дирекции (почт, горного дела, лесов и государственных имуществ, называемых национальными, и т. д.). Консультативные функции и функции самоуправления исполняли советы — медицинский, строительства, больничный — общепольского или местного масштабов, палаты — торговая и ремесленная — в количестве четырех, а также Общий совет торговли и ремесла при Комиссии внутренних дел и полиции, благотворительные советы. От Варшавского княжества была перенята Счетная палата, которая в соответствии с первоначальным проектом должна была зависеть от Сената и исполнять определенные функции политического контроля, но на практике сделалась зависимой только от короля.

В восьми воеводствах, на которые было поделено Королевство, управление находилось в руках коллегияльных воеводских комиссий, которые в различных частях страны, как, например, в Мазовецком воеводстве, развили интенсивную экономическую и общественную деятельность посредством поддержки старых и основания новых городов и поселков, развития промышленности, торговли и коммуникаций. Органами комиссий в округах (бывших поветах) были окружные комиссары. В городах органами управления были бургомистры с лавниками, а в нескольких самых больших городах — президенты и члены совета, все назначенные правительством; в деревнях войтами в силу закона остались землевладельцы. Таким образом, фактически было сохранено помещичье управление, завуалированное видимостью публичной администрации. Существовали также воеводские советы, составленные из представителей сеймиков и гминных собраний (в соотношении 2 к 1), которые имели право представления правительству общих замечаний, касающихся нужд воеводства, а также донесений о злоупотреблениях чиновников. Это был суррогат общественного контроля в руках помещиков и промышленно-купеческих кругов. Частичные реформы в положении крестьян охватили главным образом так называемые национальные имения. Здесь сокращались повинности и совершался массовый переход к чиншу.

Суровому надзору, делающему возможной далеко идущую эксплуатацию рабочей силы, подлежали промышленные рабочие и домашняя прислуга.

Просвещение. В первые годы Королевства значительные успехи сделало просвещение. В 1816 году в Варшаве был основан университет, состоящий из пяти факультетов: права и администрации (как преемника Школы права и администрации, учрежденной в 1808 г.), теологии, медицины, философии, искусства. Последний явился зачатком созданной позже высшей школы.

Варшавский университет вырос в том самом климате, благодаря которому стали возможны реформы в области просвещения и науки, проведенные во второй половине XVIII века. С основанием Варшавского университета получил новый импульс и Краковский университет, названный в 1818 году Ягеллонским. В 1818—1830 гг. варшавский факультет права закончили 1880 человек.

Стараниями правительства, в особенности Комиссии вероисповедания и публичного просвещения, в Королевстве возникли новые высшие и средние школы: военные, политехнические, лесничества, горного дела, агротехнический институт в Маримонце под Варша-

вой, институт преподавателей элементарных наук в Ловиче, духовная семинария для протестантов, школы раввинов. Однако как сам Потоцкий, так и другие деятели Комиссии находились под огнем критики значительной части дворянства, которое не желало тратить средства на содержание сельских школ, и католического епископата с варшавским архиепископом во главе, получившим титул примаса Польского Королевства. Епископат добился от Александра I замены министра С. К. Потоцкого, известного своими либеральными и антиклерикальными взглядами. Его место занял консервативный Станислав Грабовский, внебрачный сын Станислава Августа, который вместе с шефом цензуры Юзефом Шанявским предпринял скорые меры по ликвидации многих школ и самого курса на развитие образования.

Государство и хозяйственное развитие. Бюджет. Министр бюджета Франтишек Друцкий-Любецкий поставил перед собой задачу вывести Королевство из кризиса, вызванного как наполеоновскими войнами, так и слабостями новой государственности. Опираясь на помощь царизма и тесно с ним сотрудничая, Любецкий рассчитывал на использование развивающейся промышленностью Королевства большого всероссийского рынка. Любецкий снискал доверие сановников в Петербурге своей борьбой с либеральной оппозицией. Взяв курс на экономическое развитие Королевства в интересах землевладельческого дворянства и зарождающейся буржуазии, этот министр беспощадно увеличивал и взимал налоги и другие сборы. Были установлены косвенные налоги и расширены государственные монополии, такие, как соляная, табачная и водочная. Плательщиками были главным образом крестьянские массы и городские труженики. Бюджетные поступления в Королевстве выросли с 50—60 млн. злотых до 90 млн. Одна четвертая приходилась на прямые налоги, 56% составляли поступления от косвенных налогов и только 11% — от государственных имуществ и лесов.

Финансовая политика правительства включала протекционизм в отношении товаров, производимых в стране на уже существовавших либо создаваемых промышленных и горных предприятиях (производство текстиля, металла, сахара и др.). При поддержке правительства в Петербурге были получены льготы для товаров, вывозимых из Королевства в Россию, было заключено выгодное соглашение с Пруссией. Протекционизм выражался и в освобождении от налогов на определенное время, и в помощи интенсивно развивающимся городам, вроде Лодзи, и т. д. Особой формой помощи землевладельцам явилось создание при участии правительства Кредитного земельного товарищества. Созданный в 1828 году Польский банк сделался эмиссионным: собственную монету, золотые, чеканили в Королевстве с 1815 и до 1870 года. Польский банк финансировал многие промышленные предприятия, называемые банковскими.

Организация судов. Конституция предусматривала создание многих новых судов, но в целом ее положения не были воплощены в жизнь. Сохранились в принципе старые суды. Вместе с тем Государственный совет перестал быть кассационным судом. Гражданские споры решал суд наивысшей инстанции, а уголов-

ные — апелляционный суд. Сенат являлся судом по важнейшим делам политического и правительственного характера.

Армия. Армия Королевства при сохранении польской военной формы была преобразована по русскому образцу, располагая дивизиями пехоты и конницы, бригадами полевой, пешей и конной артиллерии, батареями фортификационной артиллерии, корпусом инженерных войск и др. Военная служба длилась 10 лет и являлась бременем, которое особой тяжестью ложилось на народные массы, в то время как состоятельные люди могли от нее откупиться благодаря институту заместительства. Общая численность армии составляла около 30 тыс. солдат и офицеров.

А. Восстание 1830—1831 гг.

Восстание начала в ночь с 29 на 30 ноября 1830 г. группа офицеров и подхорунжих, действующая в условиях конспирации и без широкого резерва. Осуществленная ими акция восстания со стихийной силой повлекла за собой молодежь и плебейские массы Старого Города в Варшаве.

Некоторое время верховную власть осуществлял Административный совет Королевства Польского. Правда, он дважды изменял свой состав, один раз пополнившись шестью, второй — четырьмя членами Патриотического общества и устраняя из своего состава противников восстания. 4 декабря Административный совет преобразовался во Временное правительство. Но уже на следующий день правительство при участии президента Патриотического общества Иоахима Лелевеля доверило диктатуру генералу Юзефу Хлопицкому. Диктатор должен был осуществлять руководство армией и военными действиями. Фактической же целью установления диктатуры было желание достичь взаимопонимания с великим князем Константином и Петербургом на почве уважения буквы и духа Конституции 1815 года. Хотелось также избежать народных волнений. Консервативный по своим убеждениям Ю. Хлопицкий как нельзя лучше подходил для этой цели.

Правительство созвало Сейм, который официально избрал диктатора и учредил Верховный Национальный совет с консультативными функциями и для контроля начинаний диктатора. Неуступчивость Петербурга, требовавшего безусловной капитуляции, привела, однако, к тому, что 21 декабря было решено объа-

вить восстание национальным, а 25 января — после плебейских и студенческих демонстраций Сейм принял решение о детронизации Николая I и упразднении тех параграфов Конституции 1815 года, которые касались унии с Россией. В тот же день состоялась Варшавская демонстрация в честь декабристов, целью которой было показать, что Польша различает царизм и русский народ.

Сейм объявил себя высшей властью в стране. По предложению депутата Сейма историка Лелевеля тогда впервые были определены польские государственные цвета — сочетание белого и красного. Демонстративно было решено расширить состав Сейма для делегатов дворянства Литвы и Украины, проводя идею конфедерации 1812 года, организованной в начале марша Наполеона на Москву.

Сейм обсудил вопросы государственного устройства. Споры между консерваторами, либеральными «калишанами» и демократами касались, главным образом, того, на кого ориентироваться — на Россию, если бы царь согласился на компромисс, или на Англию и Францию. Государство в дальнейшем принято было считать конституционной монархией. Проходили бесплодные дискуссии по крестьянскому вопросу. С проектом конкретной реформы выступил в Сейме только депутат Ян Шанецкий, нобилитированный мещанский адвокат. Он говорил: «Перестанем быть братьями дворянами, а будем братьями поляками. Дав землю крестьянам, миллион рук поднимем на защиту этой страны, на которой миллион свободных сделаем ее хозяевами, миллионом независимых укрепим национальное представительство, поскольку миллиону независимых граждан дадим политические права. В этом заключается достоинство народа».

После того как Хлопицкий уступил пост диктатора, 18 января 1831 г. руководство восстанием Сейм доверил Национальному правительству с А. Чарторыским во главе и новому главнокомандующему. Эту власть усилили после народной манифестации в ночь с 15 на 16 августа. Фактическим диктатором стал консерватор, генерал Ян Круковецкий. Еще одна попытка реорганизации была проведена в сентябре 1831 года. Президентом правительства тогда стал Б. Немоевский. 23 сентября состоялось последнее заседание Сейма Королевства на польской земле.

Характер и значение восстания. Восстание 1830—1831 гг. не было лишь дворянским. Дворянские элементы были доминирующими, но определенную роль в восстании сыграли также мещане и в особенности городское население столицы. Проявилось это в памятную ночь восстания в политической активности масс, особенно в Варшаве, наконец, в вооруженной борьбе, в которой приняли участие 100 тысяч солдат. Главной силой восстания была регулярная армия Королевства, пополненная добровольцами и рекрутами из крестьян. Плечом к плечу с регулярной армией в бой вступила студенческая академическая гвардия. Армия сражалась превосходно. Однако ее усилия, а также стратегические и оперативные планы штаба были сведены на нет бездарностью высшего командования и нежеланием консервативной части дворянства отважиться на широкую народную войну.

Польское восстание 1830—1831 гг. предупредило стремление реакционных правительств Европы к подавлению французской и бельгийской революции, явилось стимулом для демократического и либерального движения в других странах. На несколько десятилетий слово «поляк» стало символом борьбы за независимость и свободу, как это сформулировал в ходе восстания Иоахим Лелевель,— «нашу и вашу свободу».

V. ВЕЛИКОЕ ПОЗНАНЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Территория и население. Учрежденное на Венском конгрессе Великое Познаньское княжество охватывало познаньский и быдгощский (почти весь) департаменты Варшавского Княжества, а также часть калишского департамента. Это составило около 29 тыс. кв. км. Проживало на этих землях в 1815 году около 776 тыс. человек.

Институты. Великое Княжество не было отдельным государственным творением. Будучи составной частью Прусского королевства, оно должно было получить, в соответствии с замыслом его создателей, специальные институты, приближенные, как надеялись поляки, к институтам Польского королевства.

Выражением специфичности явилось название, отражающее организационную обособленность («Великое княжество»), собственный герб (пруссский орел с поль-

ским орлом в центре и надписями на польском и немецком языках), а также флаг. Более существенную роль мог сыграть институт королевского наместника, которого не имели другие прусские провинции, а также народное представительство (сеймик).

Великое княжество не принадлежало к Германскому союзу, но вошло (в 1867 г.) в Северогерманский союз, созданный Бисмарком, вместе с Западной и Восточной Пруссией. До того времени король и прусское правительство рассматривали эти провинции как вассальные по отношению к правящему дому, поляки же хотели в этом видеть выражение национальных особенностей. Существование бок о бок с Великим Княжеством Польского Королевства с его конституцией, вплоть до 1830 года определенным образом влияло на политику прусского правительства. Приняв титул великого князя познаньского, прусский король назначил своим наместником породнившегося с домом Гогенцоллернов князя Антония Радзивилла.

Унификация и германизация. Пруссия декларировала допуск поляков к государственной службе. Однако уже в 1815 году установлением таможенной границы между Великим Княжеством и Польским Королевством был нарушен один из принципов Венского трактата. С 1824 года начались акции, нацеленные на ликвидацию особенностей государственного устройства и национальных особенностей, начиная с закрытия польских школ. Функции наместника были в основном представительскими. Фактическая власть в двух регентствах, на которые было разделено Великое Княжество, осуществлял надпрезидент провинции, потому что в административном отношении Княжество было одной из провинций Королевства Пруссии (третьим надпрезидентом был активный германизатор Эдвард Генрих Флотгель). С 1831 года должность наместника перестала существовать. Кандидатов на посты старост поветов в Пруссии выбирали поветовые сеймики. С 1833 года в Великом Княжестве отступили от этого принципа, дабы не допустить выдвижения польских кандидатур. С 1832 года немецкий язык стал исключительным языком администрации, чтобы вскоре стать тем же в судопроизводстве и нотариате. Усиление германизации и ликвидация особенностей Княжества после ноябрьского восстания 1830 года привели к ликвидации особенно-

стей Великого Познаньского Княжества вместе с его названием.

Особенная позиция Великого Княжества в прусской монархии привела к укреплению руководящей роли Великой Польши в польском народном движении на землях, отошедших к Пруссии. Прежде всего там развивались начинания, носящие характер легальной борьбы с прусским, а затем и великогерманским национализмом.

VI. ВОЛЬНЫЙ ГОРОД КРАКОВ И ВОССТАНИЕ 1846 года

Территория, население, характер. Учрежденный на Конгрессе в Вене Вольный город Краков охватывал крохотный клочок земли: город и часть Хшановского повета с территорией 1164 кв. км, с населением, насчитывавшим в 1815 году 95 тыс. человек. Возникновение этого государственного творения явилось следствием споров за Краков между Россией и Австрией. Он должен был стать городской республикой с известными экономическими привилегиями, поскольку привоз в Краков товаров из сопредельных областей зависел только от решения органов власти самого Кракова. Вывозить же товары из города разрешалось беспшлинно. Эти установления были источником успешного хозяйственного развития Кракова.

Институты. Устройство Вольного города претерпело несколько изменений. Все сильнее становился надзор резидентов трех держав, осуществлявших фактическое верховенство над городскими властями.

В общественном устройстве действовали принципы, унаследованные от Варшавского Княжества, т. е. личной свободы и равенства по отношению к праву и суду.

В собрании представителей, имеющем характер законодательного и контролирующего органа и состоявшем из 26 делегированных от гмин депутатов, представителей сената, капитула и университета (по 3), а также 6 мировых судей, право голоса получило и мещанство. Действующее избирательное право опиралось на имущественный и должностной цензы.

После нескольких реформ конституции Вольного города состав собрания представителей был уменьшен до 20 членов, его председатель стал назначаться сенатом. Собиралось оно редко, занимаясь в неболь-

шом объеме законодательством, бюджетом, избранием сенаторов и судей. Конституционные и важнейшие политико-административные вопросы были исключены из его компетенции и сосредоточились в руках трех резидентов.

Правящий орган, т. е. сенат, частично образовался в ходе выборов, а частично из представителей краковского капитула и университета. На практике в нем властвовали представители аристократии.

Ограничения со стороны государств, участвующих в разделе, касались также судопроизводства. В частности, была упразднена гласность судопроизводства и возрожден инквизиционный процесс в уголовных делах.

Положение крестьян. Позитивные изменения произошли в положении крестьян. Крестьянская комиссия, опираясь на резидентов, но вопреки сенату и собранию представителей, осуществила перевод на чинш, урегулировала имущественные права крестьян, обеспечивая право собственности на дом, инвентарь и посевы; права собственности на землю крестьяне еще не получили.

Краковское восстание 1846 года. В феврале 1846 года в Западной Галиции произошло крестьянское антифеодалное восстание. В Кракове в том же феврале дошло до провозглашения национального восстания, которое предполагалось направить против всех трех государств, разделивших Польшу. Вооруженной борьбы жаждали радикальные круги в среде студентов и интеллигенции, городская беднота, горняки ближайшего к Кракову г. Явожна и находящегося неподалеку в Галиции г. Велички. Крестьяне Вольного города восприняли призыв к восстанию. 22 февраля было объявлено о создании Национального правительства Польской Республики, которое объявило подготовленный заранее Манифест к польскому народу.

Манифест, составленный жителем Познани, автором «Трактата о Родине», Каролом Либельтом, призывал народ к восстанию для завоевания независимой и демократической Польши, к ликвидации классовых и сословных привилегий. Он обещал каждому право на землю «согласно заслугам и способностям», а также передачу крестьянам в собственность обрабатываемой ими земли без компенсации ее стоимости помещику. Безземельному населению сел и другим участникам

восстания были обещаны участки земли из национальных имуществ, убогим, инвалидам и неспособным к труду — общественная опека. «Поляки! Час восстания пробил. Растерзанная Польша поднимается и объединяется».

«Нас двадцать миллионов,— писалось в Манифесте.— Поднимемся все вместе как один и мощи нашей не победит ни одна сила. Будет нам свобода, какой до сих пор не было на земле. Завоеем себе общество, в котором каждый будет получать по заслугам и способностям, а ни одна из привилегий ни в какой форме места иметь не будет». Один из краковских сенаторов записал даже в дневнике, что Манифест «пахнул коммунизмом и возмущал цивилизованный мир». Принципы Манифеста были заимствованы в программе Польского демократического общества, действовавшего в эмиграции во Франции, но значительно превосходили ее в радикализме. Манифест получил признание среди европейских революционеров того времени. Мерой его достоинств является оценка, данная Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте»: «Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года».

На собрании в Брюсселе, организованном в честь второй годовщины восстания, Маркс говорил: «Краковская революция дала славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса».

(«Краковский манифест» — единственный польский документ, включенный в изданный в Лондоне в годы Второй мировой войны «Сборник», имевший целью представить прогрессивное культурное наследие Европы.)

Идеи революции. В то время как краковский люд с энтузиазмом встретил Манифест, вставая в ряды повстанцев, умеренные политики, ставшие во главе восстания, устранили из Правительства двух его членов, державшихся радикальных взглядов, и объявили диктатором третьего — Яна Тыссовского. Однако революционные силы укрепил прибывший в Краков 24 февраля отряд горняков и ремесленников во главе с Эдвардом Дембовским. Мыслитель и писатель романтически-революционного направления, он занял пост секретаря дик-

татора и начал проводить через него свои концепции. Э. Дембовский организовал революционный клуб, вдохновлял и редактировал законы и воззвания, имеющие целью углубить революцию. Они были опубликованы в «Правительственном вестнике Польской Речи Посполитой». В частности, было объявлено о ликвидации барщины и уменьшении налогов. Было обещано создать национальные мастерские с заработной платой, в два раза более высокой по сравнению с существующей, а также дать после победы землю всем безземельным крестьянам. Это была программа, близкая к идеям Громад польского люда — крайне левого направления польской эмиграции. В одном из декретов революционное правительство упразднило все титулы, вместо «пан» ввело слово «гражданин».

Краковское восстание длилось всего девять дней. После смерти Э. Дембовского, убитого австрийскими солдатами во время манифестации, оно угасло, сыграв, однако, важную роль в борьбе поляков за независимость. Оно по праву заслужило название «Краковской революции».

Вскоре в Краков вступила австрийская армия. Вопреки Венскому трактату был упразднен статус Вольного города Кракова. Город вместе с округом был присоединен к Галиции.

VII. ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В 1831—1864 гг.

Преследования и ликвидация отличий. За разгромом ноябрьского восстания последовали репрессии. Они коснулись участников восстания, солдат и гражданских деятелей. Вопреки постановлениям Венского конгресса началась ликвидация особого государственного устройства Королевства.

Закон, объявленный в 1832 году Николаем I, был назван «Органическим статутом», т. е. меняющим Конституцию Королевства. На место унии пришла инкорпорация Королевства в состав Российской империи как ее провинции. Царь обещал соблюдение свободы вероисповедования, передвижения и личной неприкосновенности, права собственности (но с введением конфискации имущества за тяжкие преступления). В 1833 году в Королевстве было введено чрезвычайное положение, которое в период январского восстания 1863 года и

революции 1905—1907 гг. было заменено военным положением.

Чрезвычайное и военное положение. До 1831 года наряду с аппаратом гражданских органов власти действовал аппарат военно-полицейских властей, который для «усиленной и чрезвычайной охраны» интересов государства выдвигался на первый план. Так было, в частности, при приостановке действия всеобщего уголовного права и всеобщих судов, т. е. после введения чрезвычайного положения. Военное положение должно вводиться в военное время, но в случае особенных беспорядков либо революционных действий и в мирное время. С введением чрезвычайного положения преступления в соответствии с указом от 1833 года относились к юрисдикции военных судов, а с объявлением военного положения — военно-полевых судов. Военным судам подлежали и крестьяне, бунтующие против своих помещиков. Военно-полевые суды носили безотлагательный характер, были суммарными, широко применяли смертную казнь.

Институты и политический режим. Был упразднен Сейм. Не был создан обещанный органическим статутом институт — «собрание провинциальных сословий», которое должно было совещаться по представленным правительством вопросам. Не были сохранены земские сеймики, гминные собрания и воеводские советы. Не вошло в жизнь обещанное городское и сельское самоуправление. В 1857 году воеводства были переименованы в губернии с губернаторами во главе, как в остальной Империи.

До 1841 года сохранился лишь польский Государственный совет как консультативный орган российского Государственного совета. Остальные органы с названиями, принятыми в конституционные времена, вошли в состав российской правительственной администрации. Сохраненные отличия, то, что большинство должностей продолжали занимать поляки, вызывало неудовольствие правящих кругов в Петербурге.

Варшавский университет и Товарищество друзей наук были закрыты. После временного затишья вновь стало развиваться капиталистическое производство. Происходили реформы в сельском хозяйстве. Не угасла, несмотря на притеснение завоевателей, мысль, выражающаяся в просветительном движении, в издании журналов, развитии литературы, а также в новых

политических направлениях. Произошло ускорение процесса урбанизации. Городское население в шестидесятих годах составляло уже 25% всего населения страны. Протяженность железных дорог возросла с 26 км в 1831 году до 10 742 км — в 1870 году.

В польском обществе Королевства этого времени сталкивались два основных течения: органических работ (оно имело несколько аспектов) и стремления к независимости. Первое часто брало верх над вторым. Понятие «органическая работа» возникло в Королевстве в сороковых годах. Оно означало при различных мировоззренческих и идейно-политических взглядах деятельность, ставящую целью развитие в соответствии с возможностями того времени, прогресс хозяйства и цивилизации.

Реформы Александра Велопольского. Общественно-экономические преобразования, происходящие в Королевстве, особенно заметные после 1860 года, а также устремления правящих классов привели к попытке создания в Королевстве институтов самоуправления, предусмотренных органическим статутом 1832 года и даже Конституцией 1815 года, ценой соглашения с царизмом. Эти тенденции созрели после поражения России в Крымской войне (1853—1856 гг.), после смерти Николая I и вступления на трон Александра II, когда вместе с ослаблением Империи в самой России усилилось революционное движение. Они же были связаны с известными фактами сотрудничества польских и русских революционных демократов.

Правительство Александра II провело, как известно, ряд реформ. Первая из них — крестьянская (1861 г.) не распространялась на территории Королевства, поскольку здесь с 1807 года крестьяне пользовались личной свободой. Не вошли в жизнь и другие реформы, в частности введение земских органов.

Александр II стремился склонить на свою сторону дворянство и буржуазию Королевства. Благодаря этому получил шанс реализовать свои намерения консерватор А. Велопольский, рассорившийся с официальным представительством дворянства, каковым было Земледельческое общество во главе с Анджеем Замойским. Император доверил Велопольскому учрежденную для него должность начальника гражданского правительства (с июня 1862 г.).

Когда после крестьянской реформы в России 1861 года в польской деревне прокатилась волна антифеодальных и антиправительственных выступлений, Велопольский стремился разрешить крестьянский вопрос введением чиншевых отношений. Временные либо постоянные соглашения должны были заключаться под надзором гражданской комиссии, на практике — при доминирующем влиянии дворянства. Но Велопольский был против предоставления крестьянам земли в собственность, опасаясь того, что «один раз разбуженное чувство собственности уже не удастся усыпить», а это может привести к дальнейшей борьбе крестьян за барскую землю.

Дальше крестьянской пошла реформа, касающаяся положения евреев: они получили равные права перед законом. Были упразднены различного рода дискриминационные законы. Сохранились публично-правовые ограничения в форме запрещения исполнять такие функции, как функции войта. Реформа в положении еврейского населения получила положительный отклик на Западе Европы.

В организации администрации Велопольский обращался в основном к статуту 1832 года, а частично и к Конституции 1815 года. Однако до создания Сейма, даже и незначительного, не дошло, и поэтому нельзя вопреки устоявшемуся мнению говорить об автономии Королевства. Тем не менее в 1861 году были восстановлены специальные правительственные органы, т. е. прежде всего Комиссия вероисповедования и публичного просвещения. Организация просвещения, до этого направляемая из Петербурга, получила определенную самостоятельность и национальный характер. При комиссии был создан римско-католический духовный совет, который должен был помогать Велопольскому находить общий язык с костелом и получать поддержку с его стороны. Закон 1862 года о народном просвещении предусматривал создание народных школ, гимназий, равно как и высших школ с Варшавской Главной школой во главе.

Народные школы частично должны были содержаться церковными приходами, а также землевладельцами и городами. За счет казны предстояло создать 3 тыс. школ. Они были подчинены руководству органов школьного надзора, состоящих из войта или бургомистра, а также двух владельцев недвижимости, действующих под председательством приходского священника. Другим путем должно было идти среднее образование, дающее общую подготовку

и готовящее к высшей школе. Число гимназий было увеличено до 13. Наряду с Главной школой в Варшаве, имевшей статус университета, которая существовала в период с 1862 по 1869 год, с большой пользой для Королевства и между прочим с существенными достижениями в области правовых и исторических наук в Пулавах функционировали политехнический и сельскохозяйственный институты.

Высшим органом власти в Королевстве стал вновь воссозданный Государственный совет, состоящий, как и в 1815—1830 гг., из Административного совета и Общего собрания с достаточно широкой компетенцией. К ней относились обсуждения законопроектов и государственного бюджета, представляемые затем властям в столице Империи, равно как и докладов губернаторов и руководителей поветов, губернских советов и городского совета Варшавы. Государственный совет, как и раньше, должен был решать юрисдикционные споры между органами администрации и судебными органами, осуществлять контроль за деятельностью чиновников и при необходимости отдавать их под суд за злоупотребление властью. Председателем Государственного совета был наместник. Состоять Совет должен был из руководителей соответствующими отделами (законодательный, финансово-административный, просьб и жалоб, спорный — в административных спорах и вопросах управления и др.), из представителей духовенства и губернских советов. Все они назначались императором. Оживилась деятельность Комиссии внутренних дел, обособилось управление почтой, транспортом. В 1862 году наместнику дали двух заместителей по военным и гражданским делам. Второй из них, которым был Велопольский, являлся в то же время председателем Административного совета и начальником гражданского правительства.

Выходом для стремлений и интересов общества, а одновременно и удобным инструментом влияния государственной власти в стране должны были являться органы самоуправления, формируемые в ходе выборов. Таким образом, в поветах были созданы поветовые советы, состоящие из 15—18 членов, избираемых на 6 лет. Председатели их были назначаемыми. В компетенцию советов входила помощь правительственным органам в распределении налогов. Однако советы не располагали какими-либо исполнительными органами и фактически находились в руках начальника повета.

Еще меньшим был диапазон деятельности губернских советов, которые состояли из членов, избираемых поветовыми советами. Они могли представлять правительству лишь мнение о положении губернии. Характерным было то, что заседания поветовых и губернских советов должны были носить негласный характер.

Самоуправление было введено в 33 крупных городах. Их советы из своего состава формировали магистрат, утверждаемый правительством. Все важнейшие решения, в том числе касающиеся финансовых вопросов, требовали санкции правительственных органов.

Избирательный ценз был имущественным и довольно высоким. Несколько меньшим он был при выборах в городские советы. Но и в этом, последнем случае бывало, что число избирателей, допущенных к голосованию, незначительно превышало число депутатов.

VIII. ПРАВОВЫЕ АКТЫ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ

1863—1864 гг.

Политические лагеря. С 1860 года в Варшаве начались патриотические манифестации и столкновения между населением и войсками. В манифестации 8 апреля 1861 г. участвовали интеллигенты, студенческая молодежь, мелкие мещане, поденщики и подмастерья, рабочие фабрик, христиане и евреи, люди, давно осевшие в Варшаве и недавно прибывшие, выходцы из различных классов и разных частей Польши.

На рубеже 1861—1862 гг. в Варшаве возникли связанные с различными частями Королевства, с западными губерниями России, а также с двумя другими районами страны, находящимися под властью государств — участников разделов, и с эмиграционными кругами на Западе и Востоке два политических лагеря: радикально-демократический и консервативный. Они назывались: красным и белым. Красные составляли левое крыло, настаивая на восстании, белые рекомендовали продолжать органическую работу до тех пор, пока польский вопрос будет поднят европейскими державами. С середины 1862 года во главе красных встал тайный Центральный национальный комитет. К выдающимся деятелям левого крыла красных относились отличающиеся радикальными взглядами: Ярослав Домбровский — позже один из предводителей Парижской

Коммуны, Стефан Бобровский, Зигмунд Падлевский. В Белоруссии действовал связанный с историей двух народов — польского и белорусского — Кастусь Калиновский.

Аграрные реформы. 22 января 1863 г. Центральный комитет объявил себя Временным национальным правительством и призвал всех граждан Королевства и других польских земель к оружию. Два декрета правительства, датированные указанным числом, объявили о праве земельной собственности крестьян на их наделы. Безземельным крестьянам, которые примут участие в восстании, и другим людям, желающим осесть на селе, было обещано по 3 морга земли из национального имущества.

Восстание, которое собралось под свои знамена около 30 тыс. человек, не могло выйти — равно как по внутренним, так и по внешним причинам — за рамки разрозненных партизанских отрядов. Однако то, что свыше года оно оказывало сопротивление русской регулярной армии, насчитывающей 200 тыс. солдат, указывает на решительность повстанцев и на ту поддержку, какую им оказывала значительная часть польского общества. Достояна удивления деятельность польского повстанческого аппарата власти, который из Варшавы руководил страной. Такого «подпольного государства» не знала Европа вплоть до II мировой войны. В Королевство прибывали поляки-добровольцы из Пруссии и австрийской Польши. Живой отклик нашло восстание на польских землях, отторгнутых Пруссией, в Вармии, Великой Польше, а также в польской зарубежной эмиграции, включая Соединенные Штаты Америки. На помощь польскому восстанию пришла группа русских людей (около 300 человек), самоотверженно боровшихся за свободу польского народа. Русские, украинские и белорусские революционные демократы, в том числе А. И. Герцен, солидаризовались с освободительной борьбой польского народа, заявляя об этом как у себя на родине, так и в эмиграции. Также и из других стран прибыли в Королевство друзья поляков, и среди них чехи, венгры, немцы, французы и итальянцы. Состоялись демонстрации либеральных и рабочих кругов Франции и Англии в поддержку польского дела.

Если вести речь о правах собственности крестьян на землю, то акты Январского восстания заняли в этом

вопросе позицию, более умеренную, чем в Краковской революции 1846 года. Тем не менее был четко выражен их буржуазно-демократический характер. Они означали прогресс в сравнении с намерениями Велопольского и Замойского, а также с реформой 1861 года в России. Шла борьба между белыми и красными. Белые высказывались против «социальной катастрофы», т. е. против перемен в деревне и даже за ограничение участия крестьян в восстании. 31 марта 1863 г. Национальное правительство было вынуждено уполномочить своих воеводских комиссаров применять наказание к землевладельцам, которые противились проводить в жизнь земельную реформу.

Организация власти. Ромуальд Траугут, который в 1863 году объявил себя диктатором, заявил, отходя от белых, что «восстание без народа является лишь демонстрацией», а тот, кто мешает целям восстания и мобилизации крестьянских масс, является «худшим врагом, чем москаль или немец». Уполномоченные им комиссары должны были позаботиться о безоговорочной реализации декретов о наделении земель; были созданы особые суды с участием крестьян, могущие выносить приговоры, вплоть до смертного, в случаях принуждения крестьян к барщине.

Необходимо упомянуть об образцовой организации финансовой деятельности. Значительная часть польского общества без колебания платила повстанческому правительству налоги на цели восстания; достаточно было предъявить печати с лозунгом «Свобода, равенство, независимость».

Значение восстания. Оценка Январского восстания, равно как и всех этапов борьбы поляков за независимость, пробуждает различные суждения. Все еще не решен окончательно вопрос, что лучше служило народному делу? Как повлияло восстание на дальнейшие перемены? Вопрос нелегкий, но можно сказать с уверенностью, что повстанческое движение сыграло значительную роль в формировании национального самосознания. Передовые слои общества довольно быстро освободились от пораженческих настроений. Среди новых начинаний нашлось место для идей и трудов в духе левого крыла красных, которые в конечном итоге послужили народу в его дальнейшей истории.

Из этого опыта сделал выводы Ярослав Домбровский, единственный уцелевший из первых предводителей красных. В открытом письме «К Об. Беднарчику и его политическим друзьям» он высказался за поддержку устремлений украинского народа к независимости. «Трактаты, — писал он, — этническое родство, даже общность политической жизни, по-моему, не дают одному народу прав над другим. Какой же народ имеет право на самостоятельность, а какой его не имеет, трудно определить... По моему мнению, каждый народ имеет право решать свою судьбу... Необходимость свободы, почувствованная народом, дает ему непререкаемое право избавиться от опеки, а всякое навязывание чуждого влияния либо власти является насилием...»

Стефан Кеневич, автор фундаментальной монографии о восстании 1863—1864 гг., заканчивает ее следующим образом: «Эти слова (Я. Домбровского) были встречены протестом — даже польских демократов. Понятными они стали лишь сегодня, вследствие трудного опыта новых войн и новых революций — сегодня, в Народной Польше» (S. Kieniewicz, Powstanie styczniowe, W. 1972, s. 747 i nn.).

IX. АВТОНОМИЯ ГАЛИЦИИ

Консервация феодализма. Реформы Иосифа II (XVIII в.) и более поздние общегосударственные предписания, ограничивающие власть помещиков над крепостными, были обязательными также и в Галиции, однако монархия не настаивала на их проведении в жизнь. Долгое время сосуществовали помещичья власть и надзор за ней со стороны государственной администрации. Лишь тогда, когда национальное движение захватило часть дворянства, готовившего восстание 1846 года, австрийская администрация в Западной Галиции стала держаться тактики натравливания крестьян на помещиков.

Государственное устройство Галиции до революции 1848 года опиралось на сословную систему с чрезвычайно ограниченным и редко созываемым представительством дворянства в форме так называемого постулатового сейма во Львове, главным назначением которого было представление просьб (постулатов) монарху. Губернаторами «Королевства» Галиции и Лодомерии до самого 1848 года были исключительно австрийцы.

Первая волна реформ. Деятельность либеральных и демократических кругов дворян и мещан Галиции в 1848 году не вышла за пределы формирования национальной гвардии и направления адреса с постулатами. Однако революция 1848 года принесла и сюда довольно сильное, хотя и непродолжительное, политическое оживление. Это позволило полякам установить контакты с политиками других стран задунайской монархии: Австрии, Венгрии и Чехии, а также принесло окончательную ликвидацию всех форм закрепощения крестьянства. После упадка революционного движения 1848 года в австрийской монархии наступила абсолютистская реакция.

По причине своей экономической слабости галицкие села и местечки и далее оставались в значительной зависимости от помещичьих усадеб. Это был период, называемый по имени всемогущего министра внутренних дел Австрии эрой Баха. В шестидесятые годы наступила либерализация политических отношений в большинстве стран, принадлежащих Австрии, или так называемых коронных стран, таких, как Галиция. Она привела к росту классового и национального самосознания; развилось наряду с другими политическими движениями чисто крестьянское движение. Однако возможности его были ограниченными.

Автономия и лоялизм. Шестидесятые годы принесли монархии Габсбургов острые столкновения между централистскими и федералистскими стремлениями. В Галиции также появились стремления не только к расширению и упрочению автономии 1860—1861 гг., но к уравнению с положением Венгрии (после 1867 г.) в двуединой австро-венгерской монархии, даже к преобразованию дуалистической монархии в триалистическую. Одновременно с тем галицкое дворянство стремилось к обеспечению своих классовых и национальных интересов в союзе с монархией Габсбургов. Отсюда и родился адрес Галицкого сейма 1866 года к трону, заверяющий императора Франца Иосифа I в верноподданнических чувствах поляков. Годом позже Сейм развернул длившуюся пять лет кампанию по обеспечению Галиции возможно большей автономии в рамках австрийской монархии, поскольку не удалось получить статуса члена федерации.

Аргументы в пользу соглашения с монархией выдвинули, в частности, молодые консерваторы, среди которых были и преподаватели Ягеллонского университета — профессор истории литературы Станислав Гарновский и профессор политической истории Юзеф Шуйский. В памфлете, который получил название «Teki Stańczyka», Шуйский клеймит наклонность к заговорам и восстаниям, которую он назвал *liberum conspiro*, приравнивая его к употребляемому раньше *liberum veto*. Консерваторы, осуществлявшие до самого упадка Австрии власть в Галиции, говорили, что главной причиной падения Речи Посполитой была слабость королевской власти и что сильная монархическая власть, даже и Габсбургов, является условием лучшего будущего поляков.

Автономные институты. Сейм. Галиция получила свой Сейм, а затем автономию в соответствии с императорским дипломом от 1850 года и патентом от 1861 года. На основе последнего был объявлен устав этого края и положение о выборах. Изменения в этих актах были произведены лишь в 1914 году, но в жизнь они уже не вошли.

Сейм состоял из 161 члена, из которых 12 заседали в нем в силу занимаемого должностного положения (так называемые вирилисты). То были три архиепископа: римско-католический, униатский и армянско-католический, пять епископов, президент Академии наук в Кракове, ректоры университетов в Кракове и Львове, ректор Львовского политехнического института. Остальные 149 избирались.

Выборы в Галиции опирались на разделение избирателей между четырьмя куриями, представляющими определенные группы. Особенно привилегированной в этой системе была курия крупных землевладельцев, объединяющая аристократию и богатое дворянство. Эта первая курия охватывала около 3 тысяч крупных землевладельцев, которые избирали 44 депутата. Один депутат приходился на 70 избирателей. Таким образом, 0,4% избирателей замещали около 30% всех депутатских мест. Вторая курия — промышленно-торговых палат — избирала трех депутатов, которые представляли палаты, действующие во Львове, Кракове и Бродах. Третья курия — больших городов — выбирала 31 депутата, но избирательное право предоставлялось только жителям

со сравнительно высоким имущественным цензом или доходом, а также интеллигенции. Один депутат приходился в данном случае на 2 тысячи избирателей. И, наконец, четвертая курия — самая многочисленная среди всех прочих — представляла небольшие города и сельские гмины. Она объединяла владельцев собственности, недвижимости в городах и сельских хозяев и избирала 74 депутата и то не прямым голосованием, как в ранее упомянутых куриях, а косвенным. Сначала на первичных собраниях выбирали избирателей, а уже они и вирилисты избирали депутата. На одного депутата в четвертой курии приходилось около 9 тысяч первичных избирателей. Население, не располагающее собственностью, высокими доходами либо определенным образованием, было лишено избирательного права.

Положение о выборах носило антикрестьянский характер. В Восточной же Галиции, кроме того, польское население было привилегированным по отношению к украинскому.

Сейм располагал законодательными функциями в рамках «культуры страны», под чем подразумевалось сельское и лесное хозяйство, производство, строительство публичных объектов и дорог, содержание благотворительных заведений, утверждение бюджета Галиций, актив которого образовывался в основном из дополнений к государственным налогам и выплатам. Сейм мог в рамках общегосударственных законов регулировать различные вопросы в области образования администрации и судопроизводства, церковных дел и др. Законы страны должны были санкционироваться императором. Сейм мог обращаться к правительству в Вене за изданием норм, которые находились вне его компетенции.

К Сейму в определенной мере также относился контроль над правительственной администрацией и органами самоуправления. Наместник ежегодно представлял ему отчеты, что затем становилось предметом обсуждения. Депутаты имели право направлять наместнику интерпелляцию, на которую он обязан был дать ответ.

Характерным был способ деятельности Галицкого сейма. Персональные дела вообще не выносились на пленарные заседания, их рассматривала «комиссия матка», своего рода конвент сеньоров, представителей

заседающих в сейме группировок. Ни в стенограммы, ни в отчеты о заседаниях Сейма не попадали какие-либо щекотливые вопросы, в частности национальные.

В 1871 году в центральном правительстве в Вене был создан пост министра по делам Галиции. Через него должны были проходить все акты, касающиеся этого края. Однако же занимающие этот пост не сумели обеспечить себе большого влияния и авторитета.

Выдел краевый. Сейм делил свою компетенцию с Выделом краевым, избираемым Сеймом на шесть лет. Выдел был подготовительным и исполнительным органом Сейма.

От имени Сейма он осуществлял контроль за территориальным самоуправлением. Председателем Выдела и одновременно Сейма был *Маршалек краевый*.

Школьный совет. К особым институтам самоуправления относился Школьный краевый совет. Во главе его, по положению, стал наместник, замещаемый на деле вице-председателем совета, которым чаще всего был профессор какого-либо из галицийских университетов. В 1891—1901 гг. большой вклад в развитие образования внес вице-председатель совета историк Михаил Бобжиньский, который в этом вопросе вступил в противоречие со своей консервативной партией. В состав Школьного совета входили члены, назначаемые императором, в том числе два представителя науки и профессиональные педагоги, пять представителей духовенства разных вероисповеданий, представители Выдела краевого и городских советов Львова и Кракова.

Совет непосредственно и через подчиненные ему окружные школьные советы руководил образованием, кроме университетского. Университеты подчинялись непосредственно министерству просвещения в Вене. Контроль над деятельностью Школьного совета относился к компетенции Сейма.

Народные школы и гимназии в Галиции способствовали подготовке интеллигенции крестьянского происхождения, но еще в 1890 году 67% населения страны не умели читать и писать, в то время как в Чехии было лишь 4% безграмотных.

Существенную роль в Галиции, после того как она вновь была полонизирована, сыграли университеты: Ягеллонский и Львовский, названный в 1918 году Университетом Яна Казимира. В Кракове в 1873 году возникла вторая после Варшавского товарищества друзей наук (1800 г.) Академия наук. В 1919 году она получила название Польской академии наук.

В целом может быть отмечено, что по сравнению с другими частями разделенной Польши политические и национальные условия, как они существовали в Галиции, позволили ей сыграть большую роль в польской национальной жизни.

Х. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

После I раздела. Крестьяне, которые после I раздела оказались под властью России, подвергались еще большей эксплуатации, чем прежде. Они должны были отрабатывать большую барщину, определенную числом членов данной семьи или числом «душ»; привлекались к многолетней службе в армии. Они были также обложены новыми налогами.

В прусской Польше, после I раздела обозначилось, в особенности в Великой Польше, некоторое падение производства сельскохозяйственной продукции. Однако вскоре жизнь крестьян несколько улучшилась. Под особой опекой государства находились немецкие колонисты. Было запрещено сгонять крестьян с земли без судебного решения. Административные органы расширили контроль над домениальным судопроизводством. Можно было выкупиться из крепостной зависимости, а детей при условии, что в хозяйстве остается наследник, направлять в профессиональные школы.

В Австрии реформы императора Иосифа II от 1772—1786 гг., несмотря на то что в Галиции лишь частично были проведены в жизнь, шли дальше прусских. Они декларировали наследственное землепользование при условии выполнения обязательств. Нельзя было сгонять крестьян с земли, барщина была ограничена тремя днями в неделю. Крестьянские дети могли уходить на учебу в город. Крестьяне получили право представлять государственным властям жалобы.

В начале XIX века. Постепенно, хотя и неравномерно и не повсюду, крупные имения стали переходить к многоотраслевому производству, объединявшему земледелие, животноводство и обрабатывающую промышленность.

Создавались сельскохозяйственные предприятия, пивоварни, вино-водочные заводы, шерстebитни и, как новост, сахарные и крахмальные заводы. В первую очередь технический и экономический прогресс проявился на территории прусской Польши. Несмотря на меньший он был в Королевстве Польском, самым слабым — в Галиции. Все эти изменения повлияли на рост плодородия земли, но урожай были все же низкими ($\frac{1}{3}$ от получаемых во Франции и $\frac{1}{5}$ — в Англии). Изменения к лучшему обозначились и в лесном хозяйстве. В связи с потребностью европейских рынков в дереве в Пруссии и Австрии развивали лесную промышленность (тартаки). Были нормированы обязанности лесной службы, составлены предписания по предупреждению лесных пожаров и т. д.

Прогресс в сельском хозяйстве влиял, с одной стороны, на улучшение положения части крестьян. Однако, с другой стороны,

отрицательно отражалось на их положении так называемое регулирование, т. е. принудительная замена земель лучших на худшие, а также ограничение сервитутов.

В княжестве Варшавском и Королевстве Польском в 1814 году император Александр I создал комитет реформ, который возглавлял А. Чарторыйский. Комитет составлял анкету по вопросу об отношениях между помещиком и крестьянами. Из 600 опрошенных большинство высказались против улучшения судьбы крестьян. В восточной части бывшего Княжества опрошенные высказывались за сохранение старых порядков, в западных — за выдворение мало-земельных крестьян с участков и далеко идущую регламентацию способов использования их труда.

Крестьяне в Королевстве остались под надзором администрации, находящейся в руках землевладельцев.

1830—1850-е годы принесли рост сопротивления и классовых боев между деревней и барской усадьбой, а также между поборниками прогресса и консерваторами. Везде кризис феодализма отрицательно влиял на условия быта польской деревни. Крестьяне вынуждены были выносить угнетение со стороны помещиц и государственной администрации, им грозила полная утрата земли, а также и рекрутчина. Начавшиеся в конце XVIII века крестьянские бунты стали учащаться в провинциях, находящихся под властью Пруссии, на Поморье, на Мазурах. Частично и они повлияли на реформы.

Напрашивается вопрос, были ли аграрные реформы осуществлены непосредственно по инициативе польских кругов или прежде всего государствами, участвующими в разделах? За фундаментальную аграрную реформу высказались среди поляков революционные демократы, связывавшие с аграрной революцией коренные социальные преобразования и прежде всего ликвидацию дворянского землевладения. Либеральные круги хотели постепенной земельной реформы, руководимой землевладельцами. Этот второй путь одержал верх, но реализовали его не поляки, а государства, разделившие Польшу. Но, конечно, нельзя не принимать во внимание нажим, шедший со стороны крестьян, и влияние передовой идеологии.

Реформа в прусской Польше. Крепостное состояние в Пруссии было упразднено в том же самом году, что и в Варшавском княжестве (1807 г.). Затем была проведена аграрная реформа, названная «регуляцией». Согласно прусскому закону 1811 года, распространенному на земли Великого Познаньского княжества в

1823 году, крестьяне становились собственниками обрабатываемых ими земель при условии, что они либо уплатят за нее деньгами, либо передадут помещику от одной трети до половины своего прежнего надела.

Регуляции подлежали только те хозяйства, которые имели более 25 моргов (6,4 га). Малоземельные крестьяне оставались в зависимости от своих помещиков вплоть до революции 1848 года, когда и на них распространилась аграрная реформа, сделавшая их собственниками их наделов.

В результате «регуляции» на познаньских землях возникло около 25 тысяч самостоятельных крестьянских хозяйств средней площадью около 14 моргов на хозяйство. Естественным следствием регуляции было углубление дифференциации между имущим и малоимущим крестьянством, составляющим армию дешевого труда для крупных помещичьих хозяйств и богатых зажиточных крестьян, переходивших к капиталистическим формам производства.

Прусская реформа значительно преобразовала польское село. В познаньских селах малые хозяйства (менее 7,5 га) охватывали едва лишь 6% пахотных земель, на Поморье — 4%, в Горной Силезии — 24,5%. Все крестьянские хозяйства до 7,5 га занимали в этих провинциях соответственно 38, 49, 44% площади пахотных земель. Более чем половина земли находилась во власти крупных собственников. В познаньском районе имения свыше 500 га составили 2,5% от общего числа хозяйств, но занимали они 57% земли. В результате реформы польские области Пруссии характеризовались значительной прослойкой зажиточных крестьян и массой малоземельных и безземельных. Преимущество зажиточных крестьян было усилено запрещением делить землю. Все это вместе взятое влияло на сближение, с одной стороны, крупных землевладельцев и богатых крестьян, с другой же — малоземельных крестьян и пролетариата.

Под властью Австрии. Реформы Иосифа II на долгое время сохранили здесь систему ограниченного крепостничества и барщины. Ее размеры укрепляли право пропинации (монополия на производство и продажу спиртных напитков помещиками в их имениях). Быстро наступало измельчение крестьянских хозяйств. Крепостная система сохранилась здесь до 40-х годов XIX века.

Во время революции 1848 года императорское правительство осуществило полное освобождение и раскрепощение крестьян. Под нажимом Краковского восстания и антифеодальных выступлений крестьян в 1846, 1848, 1849 годах австрийские власти были вынуждены привлекать на свою сторону деревню. Процесс раскрепощения длился до 1857 года и охватил 528 тыс. крестьянских хозяйств. Государство взяло на себя возмещение убытков, понесенных помещиками, но за счет налогов, взимаемых прежде всего с крестьян. Не было предпринято «регулирувания» либо преобразований крестьянского землевладения. В результате было сохранено малоземелье. В перенаселенной Галиции в 1857 г. было 27% хозяйств, насчитывающих менее 1,1 га, 41,1% хозяйств — до 5,7 га. Большие крестьянские хозяйства составляли едва 8% пахотной земли. Земли крупных собственников составляли в то время 47% площадей.

Здесь были сохранены, подобно тому как в Королевстве Польском сервитуты, право вырубki в помещичьих лесах на постройки и отопление, а также право выпаса скота. Сервитуты и возникающие на фоне их применения споры заострили отношения между помещьем и деревней. Территория поместья вместе с осевшей на ней челядью была исключена из гмины и являлась отдельной единицей. Дворянская собственность в Галиции являлась основной, на которую до конца опиралась монархия Габсбургов.

Реформа 1864 года в Королевстве. До 1846 года лишь часть крестьянских хозяйств подверглась переводу на чинш. В то время на первый план выдвинулись, несмотря на сопротивление крестьян, массовые выселения и потери из-за этого крестьянами почти 900 тыс. га пахотной земли. Система чиншей охватила в 1841—1866 гг. главным образом государственные имения, располагавшие $\frac{1}{4}$ всей пахотной земли.

В 1846 году после галицийских событий царское правительство было вынуждено прибегнуть к решительным действиям. Было запрещено выселять крестьян, располагающих более чем 1,7 га земли, ликвидированы многие одиозные повинности и работы. Был обеспечен контроль правительственной администрации за соглашениями, заключаемыми между усадьбой и крестьянами, расширено право крестьян на наследственное пользование землей и право собственности на жилье. Что каса-

ется предоставления крестьянам земли в собственность, то этому противились как шляхта, так и представляющее его земледельское общество с А. Замойским во главе. Лишь под влиянием антифеодальных выступлений крестьян, которые в начале шестидесятых годов охватили в Королевстве почти 20% сел, обязанных выполнять барщину, А. Велопольский в 1861 году ввел принудительный чинш — распространенный на 182 тыс. частных хозяйств (из 325 тысяч).

О декретах восстания 1863 года мы уже говорили. В 1864 году российское правительство осуществило крестьянскую реформу, которая пошла значительно дальше, чем реформа 1861 года.

В марте 1864 года было объявлено право полной собственности всех крестьян на их земли. Компенсацию прежним владельцам земли взяло на себя правительство с помощью земельного налога, уплачиваемого крестьянами и помещиками. Реформа предоставила крестьянам Королевства возможность получения земли, которую они утратили после 1846 года. Сверх этого, «безземельных» крестьян и тех мещан, которые хотели осесть на земле, наделяли землей из государственного фонда, костельной и конфискованной у участников восстания 1863 года. Крестьянское землевладение несколько увеличилось.

Число безземельных после реформы 1864 года уменьшилось с 1340 тысяч до 200 тысяч. Увеличилось число мелких хозяйств: 22% от их общего количества составили хозяйства, имевшие до 1,7 га; 38% земель находилось во владении зажиточных крестьян, имеющих свыше 8,4 га на хозяйство, но число их вскоре стало уменьшаться, так как в Королевстве не был введен принцип неделимости хозяйств между наследниками (как в Пруссии). Однако прослойка среднеобеспеченных крестьян в Королевстве Польском была довольно большой, и она задавала тон на селе.

«Аграрная эволюция XIX столетия,— пишет современный польский историк Лепковский,— не привела к образованию цельной и последовательной модели сельского хозяйства. В 70-х годах XIX столетия мы имеем дело в Польше с полусовременным землевладельцем и полусовременным крестьянином» (T. Lepakowski, Polska — narodziny nowoczesnego narodu, 1764—1870, W. 1967, s. 58).

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

I. ДЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Польское Королевство. В 1866 году состоялась реформа административного деления Королевства. Были созданы 10 губерний и 85 уездов. Они составили Варшавское генерал-губернаторство. Польское Королевство стали называть Привислинским краем, чем подчеркивалась его инкорпорация с Империей. Это деление с небольшими изменениями сохранилось до 1912 года, когда из части Седлецкой губернии, которая была упразднена, и Люблинской создали новую Хелмскую губернию, состоящую из восьми уездов. Она была исключена из состава Варшавского генерал-губернаторства и подчинена непосредственно Петербургу. Это вызвало протесты среди поляков.

Пруская Польша. Польские земли, находившиеся под властью Пруссии, входили в состав следующих провинций: Восточная Пруссия, Западная Пруссия, т. е. издревле королевская Пруссия, Великое Познаньское Княжество (после 1850 года это название из официальной номенклатуры исчезло), Поморье (т. е. Западное), Бранденбург, Силезия. В итоге реформ, осуществленных в 1815—1820 годах и последовавших за ними, провинции были разделены на регенции, а те на уезды.

Галиция. Галиция составляла одну из так называемых стран короны. Сначала она была разделена на 19 округов, называемых циркулами. В 1846 году в Галиции было введено новое деление на 74 уезда, называемых также староствами. Число их в 1908 году выросло до 79, в том числе два города — Краков и Львов — являлись выделенными городскими поветами. Часть Галиции на запад от Сана называли Западной Галицией, а часть, расположенную на восток от этой реки, с преобладанием украинского населения — Восточной Галицией. Одно время все это деление было введено официально, но при организации Галицийской автономии в 1867 году формально упразднено. Однако различие между Западной и Восточной Галицией выступало, например, при организации Галицкого сейма, в

котором один из заместителей маршала должен был происходить из числа польских депутатов, второй — из украинских.

Устройство правительственной администрации. Пруссия. Устройство администрации, как правительственной, так и органов самоуправления, подвергалось систематическому развитию. Прусское устройство в буржуазной науке XIX и XX веков пользовалось большим авторитетом. Независимо от общественно-политических оценок может быть сказано, что система правительственной администрации и органов самоуправления была наиболее развитой в рамках прусской Польши. После 1918 года, когда наступила полонизация управления, эта система активно влияла на развитие административных функций в западных воеводствах II Речи Посполитой.

Административное деление. Из предыдущего изложения было видно, что в Пруссии развивалось деление государства на четыре иерархически подчиненные территориальные ступени. На высшей были провинции с надпрезидентами во главе. В одной из них, в Великом Познаньском княжестве, до 1830 года существовало управление наместника.

Во главе Королевства Польского стоял наместник, затем с 1874 года — генерал-губернатор по образцу управления страной, существующему в Империи.

В Галиции среди губернаторов, руководивших этой страной, первым поляком в 1848—1849 гг. был Вацлав Залеский. Период автономии Галиции и Лодомерии начался в 1866 году с назначением графа А. Голуховского первым наместником страны. С тех пор, за небольшим исключением, наместники до 1915 года были поляками. Последние наместники в период I мировой войны были австрийцами.

Положение генерал-губернаторов и наместников, а также надпрезидентов провинций было самым высоким в административной иерархии страны (провинции). Каждый из занимающих эти посты представлял императора (короля Пруссии) и правительство на своей территории. Это были влиятельные лица равно как в силу занимаемого ими положения, так и в меру располагаемой ими власти. В Королевстве позиция наместника и генерал-губернатора была наиболее сильной, потому что он одновременно являлся командующим

русскими войсками, дислоцирующимися в стране. В его силах было осуществить далеко идущие полицейские и судебные репрессии через посредство военных и военно-полевых судов. Генерал-губернаторы также располагали полномочием, по которому правовые предписания, как общегосударственные, так и местные, не осуществлялись на подчиненных им территориях без учета их мнения.

Следующей единицей территориального управления в Пруссии были регенции с надпрезидентами во главе, а в Королевстве сначала воеводства, а затем губернии.

Главными единицами местного управления повсюду были уезды (поветы) со старостами, как в Пруссии и Галиции, и с начальниками уездов (поветов), как в Королевстве, во главе.

Различным образом были организованы сельские и городские гмины. Если речь идет о первых, то в Пруссии и Галиции характерным явлением было выделение так называемой поместной территории, на которой землевладельцы осуществляли административную власть над домашней прислугой и челядью имений. Это служило исключительно интересам дворянства. В Королевстве гминное управление, подчиненное вышестоящим органам администрации, осуществляло надзор и за помещиками.

Существовала объединенная администрация, подчиненная непосредственно генерал-губернатору и губернатору, и необъединенная администрация, органы которой находились в непосредственном подчинении соответствующих министерств. Военная администрация, в частности, принадлежала командующим армейских корпусов, комендантам гарнизонов в городах и т. д. Финансовой администрацией руководили палаты или финансовые дирекции, а в уездах — финансовые управления. Выделенной была также таможенная администрация и ее органы. Окружные дирекции почт и телеграфа с подчиненными им единицами организовали свой отдел. Отдельно было организовано управление железных дорог, подчиненное окружным дирекциям. К важнейшим выделенным (необъединенным) административным отделам относилось попечительство учебного округа и подчиненные ему органы инспекции.

Территориальное самоуправление. Не следует думать, что в помещичье-буржуазном государстве территориальное самоуправление, как хозяйственное, так и профессиональное, было целиком самостоятельным и независимым от органов правительственной власти.

В Пруссии и в Галиции существовали территориальные самоуправления с распорядительными, исполнительными и контролирующими органами. Органами провинциального самоуправления в прусской Польше были провинциальные сеймики с распорядительными полномочиями (локальный бюджет, штатное расписание и т. д.) и консультативными в вопросах, поставленных органами государственной власти (т. е. оговоренных специальными актами), также провинциальные отделы с участием краевого директора

как представителя провинции и руководителя текущими делами. В регенциях не было органов самоуправления, окружной совет, равно как и совет провинции, имел характер консультативного органа при надпрезиденте, а также исполнял во второй инстанции административное судопроизводство. Сеймики же были организованы в уездах на основе положения о выборах, которое обеспечивало приоритет интересов правящих кругов. Их исполнительными органами были уездные отделы, тесно связанные через посредство председателей, которыми были ландраты (старосты), с правительственной администрацией.

В городах существовали городские советы как распорядительные органы и магистраты — как исполнительные. В селах им соответствовали гминные представительства (род советов) и гминные управления, состоящие из начальника гмины и членов управления.

Труднее всего было реализовать идею самоуправления польского населения в Познаньском Княжестве, где не вводились новые законы 1879—1891 гг., а сохранялись старые сословные правила.

Поляков было мало в уездных сеймиках и почти совсем не было в городских советах и магистратах. Привилегированное по своему положению немецкое население в значительной мере состояло из чиновников и военно-служащих. Так, в Гнезно в 1883 году их было 4763, что составляло по отношению к общему числу немецкого населения (9363) более 50%.

В Галиции уездное управление было сосредоточено в уездном совете и уездном управлении (выделе) подобно тому, как в Пруссии. Разница заключалась в том, что здесь, в Галиции, большую роль играл надзор со стороны сейма и выдела краевого. В городах существовали городские советы и магистраты, в Кракове и Львове во главе с президентом. В этом самоуправлении выделяли собственную и порученную правительством область деятельности. Подобно этому в селах действовали гминные советы и так называемое гминное начальство, состоящее из войта и присяжных. Знаменательным было то, что составляющие пережиток феодализма поместные территории в Австрии существовали только в Галиции и на Буковине.

В Королевстве Польском, как уже упоминалось, сохранился только один институт самоуправления (после широко задуманных реформ Велопольского), т. е. объединенная сельская гмина с гминными собраниями (здесь не было избираемых советов), войтом, гминным урядом и судами. В состав гмины входили громады (как правило, одно село составляло громаду), с общим собранием и исполнительным органом в лице громадского старосты (традиционно называемым солты-

сом). Войт был наделен полицейскими функциями. Сельское самоуправление подлежало надзору правительственных органов власти.

II. НАРОД И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Развитие народа. Польский народ, несмотря на препятствия, вызванные разделами, не стоял на месте. Бурно развивалась народная культура, в особенности литература. Важным фактором народного единства был развивающийся и обогащающийся словами и понятиями польский язык. Прогрессу цивилизации служили и уже упоминавшиеся органические труды. Пик развития наступил в 1870—1914 гг.

Крупнокапиталистическая промышленность развивалась в Королевстве Польском и в Горной Силезии, после того как они во второй половине XIX века прошли этап промышленной революции, на нефтяных месторождениях в Галиции и значительно в меньшей степени в некоторых других ее районах. Также во всех частях Польши развивались различные отрасли сельскохозяйственной промышленности. Усилились урбанистические процессы. Промышленность Польского Королевства развивалась, опираясь на восточные рынки (Россия, страны Азии) и сельское хозяйство Великой Польши и Поморья; полезные ископаемые и промышленность Горной Силезии удовлетворяли главным образом потребности Германии. Существовали хозяйственные связи между польскими землями, несмотря на разделяющие их границы.

Во второй половине XIX века сформировался новый общественный класс — промышленный пролетариат. На рубеже столетий он насчитывал уже миллион человек, в том числе 250 тысяч рабочих, занятых на крупных промышленных предприятиях. Население Королевства Польского во второй половине XIX века увеличилось почти на 70%, а численность рабочего класса в этой части Польши — на 38%. Население прусской Польши увеличилось на 30%, число же рабочих, в особенности в Горной Силезии, — на 70%. Существенную роль играла интеллигенция, прослойка, происходящая, главным образом, из дворянства и мещан. Многим интеллигентам были близкими идеи независимости, демократические и социалистические идеи.

Знаменательной является статистика печатных работ на польских землях. В годы после восстания (1864—1868 гг.) их число уменьшилось с 5800 в предыдущем четырехлетии до 4000, но уже в 1869—1873 гг. увеличилось до 6420.

Эмиграция. Отражением трудностей жизни в 1870—1914 гг. была большая волна эмиграции из польских земель на заработки. В Соединенные Штаты Америки за хлебом насущным выехало 2,6 млн. человек, прежде всего крестьяне; в других странах обих Америк находилось еще 200 тыс. поляков. В германские страны, особенно в быстроразвивающуюся Вестфалию, уехало свыше 400 тыс. поляков, в другие страны Европы — около 100 тысяч. В разных частях Российской империи работало 300 тыс. поляков. Польская эмиграция способствовала развитию многих стран и континентов, но являлась утратой «старым краем» ценного, энергичного и инициативного элемента.

Контрасты и различия. Общественно-экономическая структура была полна контрастов и территориально сильно различалась. Наряду с мощными текстильными предприятиями Королевства и современной тяжелой промышленностью Горной Силезии сохранялось надомное крестьянское ткацкое производство.

С новыми машинами и железными дорогами сосуществовали орудия прежних времен, особенно в традиционном сельском хозяйстве. Наряду с развитием науки и искусства в университетских центрах Кракова, Львова и Варшавы на польских землях насчитывалось 25% безграмотных.

Неравномерность промышленного освоения германских земель, а также отсталая общественно-хозяйственная структура части восточных провинций Пруссии, и прежде всего Вармии и Мазур, вызвала к концу XIX и в начале XX века отток населения этих мест на Запад. К постоянной эмиграции польского и немецкого населения из этих провинций на Запад присоединялась потребность в сезонных работах, в особенности в крупных земельных владениях на малозаселенных землях Западного Поморья. Официальные источники называли около 360 тыс. поляков, ежегодно отправляющихся в Пруссию на сезонные сельскохозяйственные и промышленные работы. Прусские власти запрещали этим работникам постоянно селиться, дабы не увеличивать число польского населения.

Миграция рабочих и прежде всего оживление польского народного движения, давшее знать о себе в экономике и образовании, а также в политической жизни Горной Силезии, Ополья и на Поморье, в Вармии и Мазурах, повлияли на углубление связей этих земель с ведущими центрами польской культуры.

Попытка подведения итогов. В ней сосуществуют горькая и оптимистическая рефлексии. Уже многократно указывалось на отрицательное значение того, что капитализм в Польше и современное общество родились без собственного государства, без собственного правительства, что с самого начала его отягощали отсут-

стве независимости и поделенность страны. Польские земли составляли составную часть трех государственных организмов. Их экономика формировалась под влиянием импульсов, являющихся следствием политики Петербурга, Вены и Берлина. Промышленное развитие, как и его отсутствие, сельское хозяйство и производство сырья определялись их общим местом в экономике государств — участников разделов. Это было видно при взгляде на карту железных дорог на польских землях. Доминирующая система железнодорожных, а также водных коммуникаций возникла в XIX веке как составная часть «кровеносной системы» России, Австрии и Пруссии. Она существовала в соответствии с централистскими и стратегическими устремлениями этих государств, часто вопреки собственно польским интересам.

Но, однако, в балансе эпохи следует отметить и то, что было значительным достижением, то, что служило, хотя и с классовыми ограничениями, всему обществу. Если смотреть таким образом, к достижениям борьбы за независимость, которая имела огромное значение для развития народного сознания, и к достижениям общественных движений следует добавить достижения трудящихся масс, а также поборников промышленного развития. Несмотря на столь многие трудности, в хозяйственной и общественной жизни происходили прогрессивные изменения.

Хозяйственные организации в Королевстве. Вместе с развитием крупнопромышленного капитализма и концентрацией производства в Королевстве происходило на рубеже двух столетий преобразование предприятий в акционерные общества, а затем создание картелей или союзов предпринимателей, имеющих целью регулирование производства при сдерживании конкуренции и определении как можно более высоких цен для увеличения прибылей. Это происходило при довольно большом участии иностранного капитала, в особенности немецкого, французского и бельгийского. Создание картелей повлияло на ликвидацию мелких предприятий и на установление контроля над экономикой. Особенно сильно это обозначилось в угольной промышленности и металлургии. Некоторые ткацкие и металлургические предприятия Королевства входили в общероссийские синдикаты. Однако в текстильной промышленности доминировала конкуренция с российской промышленностью, называемая «борьбой Лодзи с Москвой». В сахарном производстве практическим путем адаптировалась торговая форма командитного товарищества. В этом объединении по крайней мере один из товарищей отвечал по обязательствам в размере, оговоренном в соглашении, в связи с чем его права были ограниченными.

Быстрый рост сахарного производства привел к вступлению предприятий Королевства в общероссийский синдикат в Киеве. Тенденции к картелизации появились в возникающем химическом производстве и производстве строительных материалов. В финансировании промышленности росла роль банков, среди которых наибольшее значение получил Торговый банк в Варшаве.

Проблемы парцелляции и крестьянского хозяйства привели к новым организационным формам. С одной стороны, в Королевстве большую роль играл Общеперский крестьянский банк, с другой — росла роль мелкого кооперативного кредита. Наряду с гминными кассами, образуемыми властями, развивались, но слабее, чем в других районах страны, кооперативные кредитные товарищества (называемые по имени пионера этого международного движения «Кассами Raiffeisena»). Первые сельскохозяйственные кооперативы, занимавшиеся закупкой семян, оборудования и продажей урожая, возникли на рубеже XIX и XX столетий.

Организация промышленности на западных землях. В промышленности Горной Силезии доминировал местный капитал немецких магнатских семей, росла также роль капиталов Вроцлава и Берлина, поддерживаемых государственными дотациями и кредитами, источником которых была огромная контрибуция, которую Франция должна была выплатить Пруссии после войны 1870—1871 гг. Постепенно горно-силезские концерны (объединения предприятий) становились зависимыми от крупных западных финансистов и крупных оптовиков в торговле углем и рудой. Самым большим концерном была Горно-силезская угольная конвенция.

В Познанском Княжестве и на Поморье доминировала пищевая промышленность, в частности сахарное производство и винокуренные заводы. Организационной формой чаще всего были акционерные общества с участием местных землевладельцев. Пищевая промышленность участвовала в общенемецких синдикатах. Гданьск, Эльблонг, Щецин стали центрами металлопереработки, в частности судостроения.

Развитие крупной промышленности в Королевстве и в польских землях Пруссии двояко влияло на польское национальное развитие. С одной стороны, связи польских капиталистов с хозяйством и рынками сбыта в России и с немцами тормозили польские национальные устремления. С другой стороны, развитие промышленности и крупнотоварного сельскохозяйственного производства влияло на увеличение численности рабочего класса, который в своей деятельности все чаще соединял защиту классовых интересов с национальными.

Органическая работа в Прусской Польше и в Галиции. В борьбу с обостряющейся антипольской политикой прусского правительства и немецких правящих кругов все чаще включались представлявшие дворян, крестьян и мещанство проводники так называемых органических работ. Раньше всего возникло Земледельческое общество с целью взаимопомощи на Кашубской земле (1858 г.), позже их было больше. В Великой Польше первым начало действовать в 1861 году Центральное хозяйственное общество (ЦХО), президентом которого стал Ипполит Цегельский, основатель фабрики сельскохозяйственных машин в Познани. Общество объединяло уездные организации. Вскоре начали возникать крестьянские сельскохозяйственные кружки. В 1873 году над ними приняло шефство ЦХО. Кружки значительно повлияли на повышение уровня

земледелия, одновременно с тем став школой национального самосознания. Кружки держались солидаристически понимаемого единства интересов помещиц и крестьянской собственности.

Польские ремесленники, мелкие предприниматели и купцы параллельно организовали промышленные товарищества. На территории прусской Польши их возникло несколько десятков (в том числе одно во Вроцлаве). Их координационным органом был Промышленный совет. С шестидесятих годов в границах прусской Польши возникают польские банки, кредитовавшие ремесленников, промышленность и сельское хозяйство.

В развитии просвещения важную роль играли научные и культурные общества, которые создавали публичные библиотеки и читальни, предоставляли стипендии польской неимущей молодежи и т. д. В 1857 году возникло Познаньское общество любителей наук, а в 1875 году — подобное ему Научное общество в Торуне.

Кооперативные общества явились важным фактором хозяйственного и общественного оживления и в Галиции. Здесь действовали параллельные и независимые друг от друга польские и украинские кооперативные союзы. Самую большую роль в этом отношении сыграли для польского населения крестьянские кредитные общества, названные по имени их творца — кассами Франциска Стефчика.

В столкновении с русификацией. После восстания 1863 года в Королевстве, а также в западных губерниях были проведены еще более сильные и многочисленные, чем после восстания 1830—1831 гг., репрессии, направленные против участников восстания и их семей. К каторге и ссылкам присоединялась конфискация имущества. Это относилось также и к католическому костелу.

После 1874 года российские власти даже в официальной номенклатуре стали называть, как уже писалось, Польское Королевство Привислянским краем. Это название отражало далеко идущую программу русификации. Ей подверглись все школы, администрация и судопроизводство, на каждом шагу подавлялись признаки национальной жизни.

В результате революции 1905—1907 гг., которая в Польском Королевстве имела свои собственные черты, особенно заметные в массовой забастовке учащихся, польское общество получило некоторые свободы в области просвещения, права на публичные собрания и объединения, либерализацию цензуры. Эти послабления, а главным образом официально прокламируемые свобода печати и собраний, имели для Королевства ограниченное значение, поскольку и далее сохранялось чрезвычайное положение.

Существенными были для поляков императорские указы от 1905 года о языковой и религиозной терпимости. Было отменено запрещение переходить из православной веры в другие вероисповедания, что особенно способствовало наплыву в лоно римско-католической церкви бывших униатов. Наряду с вероучением, преподаваемым на польском языке, было допущено, хотя и в ограниченных пределах, употребление польского языка в публичных школах. Большие уступки относились к частным школам, где было допущено преподавание на польском языке, за исключением трех предметов: русского языка, географии и истории. В связи с этим возникло много частных средних школ. Тем не менее свидетельства, выдаваемые по окончании этих школ, не имели официального значения. Их выпускники, желая получить аттестат зрелости, должны были сдавать экзамен в публичных русских школах. В государственных школах допускалось изучение польского языка как отдельного предмета.

Большим достижением было право образования профессиональных союзов и культурных обществ, действовавших под контролем администрации. Еще в 1862 году в Варшаве возник Музей искусств (с 1918 г. — Национальный). В 1875 году в Варшаве же на общественные взносы был основан Музей промышленности и сельского хозяйства, который являлся в то же время центром научных исследований.

В 1881 году была образована Касса им. Юзефа Мянновского (ректора Главной школы) для поощрения научного творчества, но вплоть до революции 1905—1907 гг. все эти учреждения не имели должной правовой основы. Все зависело от доброй воли властей. В 1907 году возродились Варшавское научное общество, Торговые курсы (сегодня Главная школа планирования и статистики), Свободный польский университет. В это же время в Варшаве начали свое существование Товарищество любителей истории и Юридическое общество. Широко задуманную программу стало осуществлять Краеведческое товарищество. Однако в названии этих обществ было запрещено употреблять слово «польское». В одной лишь Варшаве с 1906 по 1915 год власти зарегистрировали 544 объединений и 67 профессиональных союзов.

Польский язык был допущен в гминах. В сношениях с властями обязательным оставался русский язык.

Борьба с германизацией велась на познаньской территории, в Поморье, Мазурах, а также в Силезии. Ненависть к славянам, в частности к полякам, соединилась независимо от тех или иных тактических шагов у известного прусского политика и канцлера II Рейха (после 1871 г.) Отто Бисмарка с изощренностью используемых им средств. Речь шла о лишении в Прусском Королевстве возможности развиваться любой нации, кроме немецкой. Но и после Бисмарка, на рубеже столетий, были изданы многочисленные специальные законы, направленные против польского населения. Пруссия в целом, выставляя себя «правовым государством», проводила политику германизации и национального притеснения в соответствии с нормами административного права. Эта политика усугублялась деятельностью Объединения немецких националистов, образованного в 1894 году для пропаганды немецкой колонизации польских земель и уничтожения всего польского. С 1899 года оно стало называться Немецким союзом восточных марок. В этом названии недвусмысленно определялась цель немецкого стремления на Восток (*Drang nach Osten*).

За пределы конституции, в исключительных случаях допускающей экспроприацию на публичные цели, как и в других государствах, выходил закон от 1908 года, изданный лишь для Западной Пруссии и познаньских земель. Он позволил существующей там с 1886 года Колонизационной комиссии экспроприацию земель до 10 тыс. га ежегодно для основания немецких колоний. Статьи закона были направлены против польского дворянства. Крестьянские земли экспроприировать не предполагалось. Правительственные круги рассчитывали на свою способность склонить деревню на сторону немцев и правительства.

Неоднократно принимались усилия лишить польское население земли путем правового принуждения. Так, строительство домов на земле, принадлежащей полякам, могло быть осуществлено лишь с разрешения органов администрации, в котором часто отказывалось якобы по причинам опасности возникновения пожаров. Характерным в этом отношении стало дело с возом крестьянина Михаила Джималы. Когда он не получил разрешения строить дом на своей земле, он купил цирковую колыхагу и поселился в ней вместе с семьей. Это положило начало широкой акции протеста против произвола прусских властей.

Польский язык на землях, принадлежащих Пруссии, был запрещен в школах (кроме обучения религии), административных органах, органах судопроизводства, был упразднен на железной дороге, почте, в аптеках и

даже на кладбищах, где требовалось ликвидировать польские надписи и сделать немецкие. Большую роль в германизации польского народа играла военная служба, которая уже с 1814 года была всеобщей.

Сильно стесненной была общественная жизнь поляков. Несколько большие возможности открывались лишь в период выборов в органы самоуправления, в прусский ландтаг и общегерманский рейхстаг. В этот период можно было относительно свободно проводить собрания и высказываться на польском языке. Избирательная кампания польских организаций имела определенное значение даже и тогда, когда не удавалось избрать своего кандидата.

Политические организации и их программы. Первой созданной в Польше социалистической партией был «Пролетариат». Название это произошло от названия издаваемого ею журнала. Партия стояла на позициях классовой борьбы. В программном обращении и других публикациях «Пролетариата» нашли место определения «социалистическое государство», «рабочее государство», «свободное народное государство». Идентифицируя эти понятия с будущим обществом, публикации выдвигали мысль об активной роли революционного государства в общественно-экономическом развитии.

К важнейшим общественным достижениям конца XIX века, имеющим большое значение для будущего, относится формирование в этот период всех основных польских политических и идейных течений.

Все польские группировки, игравшие какую-либо роль в период I мировой войны, и все, которые действовали во II Речи Посполитой, вышли прямо или косвенно из организаций конца прошлого века.

Польские фракции в парламентах государств — участников разделов. Развитию польской политической деятельности способствовали выборы в органы самоуправления, в автономной Галиции — в краевой сейм, а также в парламенты Пруссии, Австрии, и, наконец, России. Специфической польской проблемой было взаимоотношение с разделившими страну государствами. Остро стояла проблема выбора: либо соглашения с этими государствами ценой самоуправления и автономии, либо борьба за политическую независимость.

Как правило, польские депутаты рейхстага и ландтага в Германии и Пруссии, рейхсрата в Австрии, Государственной думы в России создавали польское коло, охватывающее депутатов различных политических ориентаций. Так, польская межпартийная депутатская группа существовала в прусском ландтаге с 1848 года,

а с 1871 года также и в рейхстаге. С 1867 года существовало многочисленное польское коло в австрийском рейхсрате, с 1906 года — в Государственной думе и Государственном совете России. В русской Думе польское коло действовало до 1917 года; в немецких государствах до 1918 года. Преобладающие в коло консервативные элементы, действуя под лозунгом национальной солидарности, требовали от всех членов коло послушания их руководству. Это было отражено в уставах. Введение всеобщего голосования при выборах в парламенты, кроме российской Думы, повлияло на отказ от этого принципа. Так, крестьянские депутаты, которые вошли в венский рейхсрат в 1891 году, социалисты — в 1897 году, публично, с трибуны парламента, выступили с обвинением польского дворянства.

В Галиции (1896 г.) избирались 78 депутатов в рейхсрат, а с 1907 года даже 106 (из 516 депутатов). В прусский ландтаг при исключительно несправедливой курниальной системе на 433 депутатских места в 1908 году удалось провести всего 15 польских депутатов. Немногим больше (с 1907 г.) их было в рейхстаге, а точнее — 20 на 397 депутатов. И наконец, Королевству обеспечивалось в российской Думе 34 депутата, но после третьей июньской переворота 1907 года число их было уменьшено до 12 на 478 депутатов, и притом так, что 2 депутата должны были представлять русское меньшинство королевства. С польским коло в Думе сотрудничали польские депутаты западных губерний.

Польские партии. Созданная эмигрантами из Королевства в 1892 году в Париже Польская социалистическая партия (ППС) продолжила традиции борьбы за независимость, соединяя постулат основания независимого польского государства с радикальными социальными переменами. Социалистическое движение быстро распространилось на польские земли. В Галиции и Тешинской Силезии с 1892 года действовала легальная Польская социал-демократическая партия, программа которой была близка к программе ППС. Ее возглавлял выдающийся парламентарий Игнаци Дашинский. Идеологом обращения ППС к республиканским национальным традициям был историк и писатель Болеслав Лимановский, автор двухтомной «Истории польской демократии».

Вторая рабочая партия — Социал-демократическая партия Польского Королевства и Литвы — выступала против злоупотреблений идеей независимости в целях правящих классов и за революционное преобразование общества рабочим классом. Ведущими теоретиками и писателями СДКПиЛ были Роза Люксембург и Юлиан Мархлевский.

В противоположность ППС, в частности ее правому крылу, деятели СДКПиЛ занимали марксистскую пози-

цию. Они обращали основное внимание на вопросы классовой борьбы и интернационального союза с русским революционным движением. В то же время партия не принижала права притесняемых народов на защиту своих национальных политических и культурных интересов. Она верила, что победа мировой социалистической революции как бы автоматически ликвидирует всякое национальное угнетение.

Влияние на ремесленников, а также на часть рабочих имели также и умеренные общественные организации. Так, в связи с правыми течениями и католическим духовенством в Королевстве и в прусской Польше возникли группировки, которые после I мировой войны положили начало Национальной рабочей партии (НРП).

Параллельно с прогрессом рабочего движения в различных его проявлениях в Галиции в 1895 году в столкновении с консервативной частью клира возникла Польская народная партия.

В 1903 году была выработана программа, которая соединяла крестьянский вопрос с широко понимаемым национальным вопросом. Крестьянское движение разделилось на различные группировки: одна — радикальной, другие — умеренной ориентации. Все они высказывались за независимость. В период революции 1905 года в Королевстве был создан Польский народный союз, а в период I мировой войны Польская народная партия — Освобождение, которая охватывала и часть радикальной интеллигенции.

Третьим массовым политическим движением, сформировавшимся в конце XIX века, было «национально-демократическое». Оно нашло общественную опору в правящих классах, мелкой буржуазии, среди части интеллигенции, а в Королевстве и прусской Польше проникло также и в среду крестьян. По названию издаваемого во Львове журнала «Всепольский обзор» сторонники этой организации именовали себя «всеполяками». Национально-демократическая партия (НД) возникла в Королевстве в 1897 году. Для нее был характерным национализм, гиперболизирующий и абсолютизирующий «национальную идею». Польские националисты, объединенные в НД, стремились к развитию страны, однако главный путь к этому они видели во внутренней экспансии, направленной против других народностей или этнических групп, а также во внешней экспансии.

В годы революции 1905 — 1907 гг. НД активно боролась с социалистическим движением, доходя до братоубийственной борьбы. Постепенно НД, становясь основной партией польских правящих классов, приобрела клерикальный характер, объединяя вокруг себя значительную часть духовенства, увлекаая дворянство, особенно в прусской Польше.

Справа были и немногочисленные, но влиятельные группы польских консерваторов. Большую роль они играли в Галиции и отчасти в Королевстве. В политике они, будучи сторонниками сильных правительств, держались «реальной» политики, т. е. сотрудничества с правительствами Австрии, России и Пруссии.

Раздел третий

ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Помещичье-буржуазное государство и право. Общие нормы общественно-экономического и политического устройства с 1848 года все чаще формулировались в конституционных актах. Как уже отмечалось, эти конституции выражали в первую очередь интересы помещиков и буржуазии.

Общественные отношения регулировались в трех сферах. Первая — административного права, вторая — гражданского права и, наконец, третья — уголовного права.

1. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Рецепция Кодекса Наполеона в Польше. В Варшавском Княжестве, а в наполеоновский период и в вольном городе Гданьске, затем в Польском Королевстве и в период с 1815 до 1846 год — также и в вольном городе Кракове особенно важным явлением был процесс адаптации к польским условиям французского гражданского права, заключенного в Кодексе Наполеона. Здесь мы сталкиваемся с классическим случаем как рецепции права, так и его модификации, обусловленной местными условиями. Значительное влияние на практическое использование Кодекса Наполеона, а также на изменения в праве имели польские политики и юристы.

Генезис Кодекса. В соответствии с пожеланием Наполеона Кодекс был введен в Варшавском Княжестве в соответствии с 69 параграфом его Конституции. Было оговорено, что в Кодексе ничего нельзя изменить без предварительного согласия Наполеона. Дворянство Княжества пыталось было противодействовать Кодексу с позиций интересов костела и своих собственных. Выразитель дворянского стиля мышления того времени Фридерик Скарбек определил введение Кодекса как «величайшее национальное несчастье». Напротив, министр юстиции Феликс Любенский из противника быстро превратился в ярого защитника Кодекса. Одно время большинство земельного дворянства через посредство связанных с ним судей и чиновников противилось внедрению Кодекса. Против светского брака выступил епископат. Результатом нажима духовенства и дворянства было то, что браков без таинства было заключено до 1818 года только три, а разводов по суду состоялось лишь семь.

Борьба за изменение хотя бы некоторых частей Кодекса Наполеона разыгралась в Польском Королевстве в конституционный период (1815—1830 гг.). На смену французским предписаниям об ипотечках пришло ипотечное право 1818 года, измененное в 1825 году и одобренное Сеймом Королевства. Книгу первую и пятый титул книги третьей Кодекса Наполеона, трактующих о лицах, семье и брачных соглашениях, заменил гражданский кодекс Польского Королевства от 1825 года. Он восстановил обязательность церковного брака. В 1836 году все брачные вопросы были отнесены к исключительной компетенции духовных судов четырех признанных в законе христианских вероисповеданий, т. е. римско-католического, униатского, православного и протестантского. Браки, в которые вступали как евреи, так и магометане, заключались по соответствующему духовному обряду, но с последующим занесением факта в акт гражданского состояния. Связанные с браком споры разрешались и в этих случаях государственными судебными органами.

После 1836 года в гражданском праве уже не происходили сколько-нибудь существенные перемены. Из числа осуществленных следует назвать урегулирование русскими законами вопросов о майорате, об

оплате труда рабочих, а также об улучшении судьбы внебрачных детей.

Сопrotивляясь попыткам введения русского гражданского права в Королевстве, поляки стали смотреть на Кодекс Наполеона как на свое собственное национальное право, которое следует защищать. Борьба за Кодекс Наполеона увенчалась успехом, и он оставался действующим правом до 1946 года.

Гражданское право на территории прусской Польши содержалось в изданном в 1794 году Прусском земском уложении, имевшем феодально-буржуазный характер.

Формально оно действовало до 1900 года. Однако текущее законодательство вносило все больше изменений, выгодных капиталистическим отношениям производства, и отклоняло предписания, специфичные для феодализма. Это касалось права собственности на землю, сервитутов, аренды, замены ленов на полную собственность и преобразования их в фидеюкомисы. Были упразднены деление и сословные препятствия в брачном праве (в 1869 г.), была повсеместно введена обязательная светская форма заключения браков (1874 г.), ограничено вмешательство государственных властей в дела, связанные с опекой.

Довольно долго в Пруссии, как и по всей Германии, терпимо относились к многочисленным провинциальным (партикулярным) особенностям. После многих дискуссий и споров были предприняты шаги к составлению нового кодекса. Завершенный в 1896 году Германский гражданский кодекс вошел в жизнь 1 января 1900 г. Его основные буржуазно-либеральные черты составили: неограниченная частная собственность, свобода договоров, свобода завещаний. Он применялся на одинаковых основаниях по всей Германской империи, т. е. и в прусской Польше.

Гражданское право на территории Галиции. Стремления к унификации права проявились здесь на рубеже XVIII и XIX веков. Буржуазные элементы в переплетении с феодальными нашли себе выражение в австрийском Гражданском кодексе 1811 года. Вне кодекса, однако, остались барщинно-зависимые отношения, а также положение помещичьей челяди. В семейном праве Кодекс сохранял церковный брак.

Единственно исконно польский гражданско-правовой институт, нашедший отражение в австрийском праве, касался прав пережившего супруга. В процессе кодификационных работ австрийские власти собрали много суждений о проекте Кодекса, в дворянском суде в Тарново было обращено внимание на отсутствие в Кодексе ряда норм польского обычного права, в том числе права «доживотье», как называлась взаимная запись, дающая права пользования всем имуществом любому из переживших супругов. Предложение это было принято авторами Кодекса. Институт доживотье затем распространился в некоторой мере в крестьянской среде.

Влияние старого литовского права проявилось в западных губерниях России. В редакции «Свода законов» от 1832 года нашли место некоторые положения гражданского права, почерпнутые в III Литовском статуте. Они сохранили силу до 1917 года.

Во всех польских землях в течение XIX и начале XX века в соответствии с правом старой Речи Посполитой рассматривались некоторые имущественные споры, в особенности наследственные, если основания восходили ко времени, предшествующему 1795 году, либо не были урегулированы позднейшим законом.

Общие принципы. В соответствии с характером государств, участвовавших в разделах, и спецификой их права, соединявшего в себе феодальные и буржуазные черты с перевесом буржуазных норм, можно вывести определенные общие принципы гражданского права всех частей разделенной Польши. Это были:

1. Принцип неприкосновенности частной собственности. Кодификации XIX века, действовавшие на польских землях, подчеркивая неприкосновенность частной собственности, ограничивались дозволением возмездного отчуждения для «общественных нужд».

2. Принцип равенства субъектов правоотношения, ставящий на одну доску нанимателя и работника, допускающий неравенство полов, дискриминацию внебрачных детей и т. д. Будучи шагом вперед по сравнению с феодальным сословным неравенством, буржуазное право придавало принципу равенства формальный характер, присущий капиталистическим общественно-хозяйственным отношениям.

3. Принцип свободы договоров, считавшихся главным источником возникновения гражданских правоотношений. Это подчеркивалось в Кодексе Наполеона, в котором утверждалось, что «соглашения, законно заключенные, заменяют сторонам закон». Принцип свободы соглашений прежде всего выражал интересы буржуазии и что касается XIX века, принцип экономического либерализма, служа его конкретизации в области обмена и услуг.

4. Принцип безусловного исполнения договора, призванный гарантировать контрагентам уверенность в неустойчивости контрактов. В соответствии с этим принципом развились разного рода правовые институты, нормирующие оборот и ограничивающие право расторжения и пролонгации сделок строго определенными случаями (ошибка, принуждение, обман). Только не ранее конца XIX века станет выдвигаться известное *clausula rebus sic stantibus*, открывающее новые возможности для смягчения принципа ненарушимости договоров.

5. Принцип общесоциальный. Гражданское право выражало не одни только интересы и стремления общественных классов и групп, владеющих средствами производства и политической властью. Оно учитывало в меньшей или большей степени апробированные этими классами и группами специфические законы социального сосуществования. Эти законы формировались под своего рода воздействием данных общесоциальных интересов и общепринятых этических правил.

В практическом выражении этот принцип проявлялся во введении в гражданское право известных еще со времени Рима оценочных понятий, таких, как: справедливость, верность, честный оборот, добрые обычаи, моральный ущерб, неосновательное обогащение и т. д. Судопроизводство пользовалось ими исключительно редко, чаще всего они выступали в доктрине.

Ипотека. Нашего особенного внимания заслуживает обладающее многими особыми качествами ипотечное право, принадлежащее к основным институтам вещного права и потому тесно связанное с правом владения и собственности. Понятие это охватывает предписания, касающиеся установления, переноса и ограничений права собственности в отношении сельских и городских недвижимостей. В обиходной речи ипотекой назывался — и сейчас еще называется — порядок, при котором всякой недвижимости надлежит иметь запись в особой книге. В точном же значении ипотечное право охватывает предписания, касающиеся вещественного обеспечения денежного долга, обеспеченного недвижимостью. В этом смысле оно составляет часть гражданского права.

Польское ипотечное право имело традиции, корни которого уходят в конец XVI века, в аграрное общество. Кодекс Наполеона не знал — при отсутствии гласности ипотеки — охраны, связанной с содержанием записей в книгах. Кроме того, он предусматривал обновление ипотеки через определенное время и разрешал считать ее устаревшей, если не произошло обновления в течение 10 лет. Польский законодатель в Королевстве пошел в направлении соединения прусских ипотечных норм с давними предписаниями польского права: гласности, детальности, обязательной записи, первенства записи и твердого доверия. Из французского права были взяты предписания о характере, следствиях и аннулировании ипотечных записей. Соответствующие изменения нашли отражение в законах 1818 и 1825 годов, модифицировавших ипотечные постановления французского права.

Главными чертами польского ипотечного права с тех пор считались: 1) принцип гласности, который позволял всем заинтересованным лицам проверять, имеет ли кто ипотеку на имущество должника и на какую сумму; 2) принцип первенства, который обеспечивал первому кредитору более выгодное положение по отношению к остальным; 3) принцип неделимости, который гарантировал, что возможный раздел имущества должника не затронет интересов кредитора, поскольку право взыскания распространяется

на все части имущества независимо от того, к кому оно перейдет. Всякая недвижимость, составляющая отдельную физическую единицу, вписывалась в ипотечную книгу, которая состояла из трех частей: а) книги контрактов, б) собрания документов, в) ипотечно-го перечня, описывающего недвижимости и ее обременения.

Как во французском праве, так и в польском ипотека была: 1) договорной, т. е. вытекающей из заключенных соглашений, 2) судебной, т. е. опирающейся на соответствующие судебные решения, 3) законной, т. е. вытекающей из закона и не требующей ни согласия должника, ни постановления суда.

Для дворянских имуществ, а также для домовладений в Варшаве и воеводских городах записи в ипотечных книгах были обязательными; для недвижимости в селах и других городах — факultatивными (в зависимости от воли заинтересованных лиц). Ипотечными вопросами занимались соответствующие отделы судов, осуществлением соглашений занимались нотариусы (ипотечные писари в Королевстве).

Распространено мнение, что эти предписания считались самыми совершенными из всех действующих на польских землях.

В Австрии еще в XVIII веке возникли земельные книги, однако долгое время они не касались крестьянского землевладения. Перемены наступили после издания в 1871 году австрийского ипотечного закона и последующих краевых законов, изданных в соответствии с компетенцией Галицкого сейма. Там, где книги были введены, действовало предписание закона от 1871 года, в соответствии с которым получение, перенос и ограничение прав, которые надлежало вписывать в книги, можно было получить только посредством записи. Однако же на практике перед крестьянскими традициями склонялись настолько, что отсутствие записи в книге не нарушало важности сделки между сторонами. В результате в Галиции в дальнейшем был распространен оборот, не регистрируемый книгами, что очень усложняло правоотношения на селе.

II. ТОРГОВОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО

Торговые кодексы. Системы торгового права и связанного с ним вексельного и чекового (здесь традиции были особенно давними), а также банковского права, права, защищающего изобретателей, товарные образцы и знаки, страхового права, морского и т. д. могли развиться лишь в XIX веке.

В 1809 году без сопротивления, в противоположность иным образцам, в Варшавском Княжестве был введен французский торговый кодекс 1808 года. Формально он действовал без изменений вплоть до введения во II Речи Посполитой нового польского торгового кодекса. Изменения и дополнения, произведенные в конституционный период Польского Королевства, вытекали из новой организации купцов, предписаний о бирже, созданной для регулярных встреч купцов и посредников,

для оформления сделок ценными бумагами либо массовыми и стандартными товарами через посредничество маклеров (в Англии первая биржа возникла уже в 1551 г., в Варшаве — в 1817 г.), а также из предписаний 1825 года о ведении торговых книг. Дальнейшие изменения производились по мере надобности через посредство судебных решений и доктрины. В более поздние времена самым лучшим торговым законом считался немецкий торговый кодекс 1897 года, который являлся обязательным с 1900 года в прусской Польше.

Предписания торгового права XIX века, обязательные на территориях всех разделов, допускали к торговой деятельности людей всех сословий, в противоположность отношениям, действовавшим в Речи Посполитой шляхетской.

Нормы торгового права охватывают сферу торговли со стороны частноправовой. С ними сосуществуют определенные нормы публичного права, от конституционного до административного включительно. Сюда же относятся нормы, которые имеют характер государственного регулирования торговли, как это имело место в Польском Королевстве в конституционный период.

К общим принципам торгового права относились: обеспечение безопасности оборота в стране и на международной арене, способность приспособливать данные нормы к текущим потребностям исходя из характера торговых сделок, свобода соглашений, увязывание формальностей с возможностями умелого использования времени и обстоятельств, принцип явности, который служил обороту и кредиту (к примеру, оглашение балансов торговых союзов, регистрация предприятий — «фирм»), обособленность торговой профессии, которая заключается в обособлении имущества предприятия от остального имущества предпринимателя.

Принципы свободы и регламентации. Юридический аспект хозяйственной деятельности Польского Королевства в конституционную эпоху требует новых исследований. В 1816 году были объявлены промышленная свобода, а также свободная конкуренция. Промышленная свобода не означала, что государственная власть пренебрегала контролем и надзором в этой области. В следующем 1817 году правительство уполномочило Комиссию внутренних дел и полицию выдавать промышленникам «патенты свободы» на период от трех до

девяти лет для строительства фабрик, а также производить записи в «списке изобретений», хранимых от пяти до пятнадцати лет, гарантируя изобретателям всяческую выгоду от изобретения или усовершенствования.

Одновременно предприниматели были поставлены в зависимость от органов государственной власти через выдачу концессий, а также через протекционистскую политику по отношению к производству, что было противно принципу промышленной свободы. Оказываемой государством помощью (освобождение от налогов, кредит) в большей степени воспользовалось дворянство, переходящее на новые формы производства и сбыта. Организация купцов приобрела крупнобуржуазный характер, используя установленные государственной властью институты: биржу, торговый трибунал, торговые и ремесленные палаты. В интересах дворянства и опираясь на традиции старого польского права, земные недра были оставлены в собственности землевладельцев.

Промышленная свобода декларировалась и в прусском законе 1845 года, и в общегерманском 1869 года, в австрийском законе того же года и в русском законе о налогах от 1863 года.

Принцип так называемой горной собственности был введен в Австрии в 1864 г., в Пруссии — в 1865 году. Аналогичные нормы были введены в России. И в данном случае делались исключения в интересах землевладельцев. Галицийский закон 1884 года гарантировал земельным собственникам доход от нефтяных промыслов.

На рубеже XIX—XX столетий появились, о чем уже шла речь, монополистические объединения в форме картелей. Они были разрешены в Польском Королевстве и в России, допускались на практике в Пруссии. В Австрии имели место безуспешные попытки их ограничения: требовалась легализация картельных соглашений и связей через посредство административных органов. Первым легально признанным картелем в Австрии был сахарный картель.

Хозяйственное самоуправление. Такое самоуправление в помещичье-буржуазных государствах имело общие черты с самоуправлением территориальным. Оно служило защите определенных профессиональных и классовых интересов, а в руках государственной администрации было одновременно одним из инструментов ее

воздействия на хозяйственную жизнь. Государство передавало данным институтам часть своих функций, сохраняя за собой надзор.

Промышленно-торговые палаты, в частности, получили правовое урегулирование в прусских законах 1849 и 1897 годов, в Австрии в законе 1898 года. В сельском хозяйстве Пруссии появились палаты или принудительные объединения (в соответствии с законом 1894 года), охватывающие землевладельцев, которые выплачивали земельный налог выше определенной суммы. Австрийский закон 1902 года не был введен в Галиции из-за сопротивления помещиков на ее восточной части. Они не хотели входить в соглашения с крестьянами.

В противоположность Пруссии и Австрии в Королевстве Польском, равно как и в России, не дошло до создания промышленно-торговых палат. Те их зачатки, которые существовали в Королевстве до 1831 года, были ликвидированы. Об интересах хозяйственных кругов в этом плане заботились разрешенные властями Комитеты торговли и ремесла, купеческие собрания, а в крупных центрах — биржевые комитеты.

Социальное законодательство. В XIX веке «трудовое право» выступало в основном в договорном праве под видом «найма труда». По этой причине мы полагаем возможным излагать историю социального законодательства указанного времени в непосредственной связи с гражданским правом. Сами понятия «найма услуг», «найма труда» указывали на то, что труд трактован как товар. Наем частных услуг являлся условием, в силу которого одна из сторон обязывалась выполнить для другой определенную работу за вознаграждение. Принималась фикция равенства сторон. Заработная плата выплачивалась понедельно, помесечно, а при найме домашней прислуги и поквартально. Зарплата могла быть определена в зависимости от времени либо от количества выполненной работы. Среди правовых норм, существовавших на польских землях, выделяются специальные предписания, общегосударственные либо партикулярные, которые регламентировали наем домашней прислуги, ремесленной челяди, а также фабричных рабочих. При найме на определенное время соглашение заканчивалось с его истечением. При бессрочном найме можно было уволить работника по принципам, принятым в данном районе, предприятии либо порту. Чаще всего следовало предупредить об увольнении за две недели.

Работодатель не должен был требовать от работника выполнения других обязанностей сверх тех, которые были предусмотрены условиями найма. Работник был обязан исполнять свои функции добросовестно и

умело, не мог самовольно оставить работу. В случае «злой воли» со стороны работника, «очевидной неспособности» либо «недостойного поведения» работодатель имел право уволить его без предварительного уведомления. Тем самым открывалось много возможностей для произвола.

В случае недостойного поведения или несоответствующих требований со стороны работодателя либо в случае невыполнения им условий, касающихся размеров заработной платы или условий содержания, что было в порядке обычном при найме домашней прислуги, ее работник точно так же имел право оставить место без предварительного уведомления. Но, конечно, правовые и фактические возможности далеко не совпадали. При отсутствии указанных выше причин работник был обязан предупредить работодателя о своем намерении оставить работу за двухнедельный или иной принятый в данном предприятии срок.

Законодательство Королевства Польского в конституционный период, бывший вместе с тем началом капиталистической индустриализации, сохранило цеховую организацию, но произвело в ней существенные отступления, позволяя промышленную деятельность лицам, стоящим вне цехов. В цеховой организации в ее старой форме допускались жалобы подмастерьев, подаваемые «старшим», предусматривалось создание «копилок» подмастерьев, из которых им выплачивалась в случае необходимости помощь. Фабричные рабочие были лишены всего этого. Им выдавались рабочие книжки, которые ставили их в зависимость от власти предпринимателя и полиции. Практика органов администрации шла в направлении подавления всех проявлений сопротивления рабочих, в особенности стачек. Известны были случаи репрессий со стороны городских властей, как, например, в Лодзи, с применением к стачечникам наказания розгами. Лишь в государственном горном производстве существовали определенные формы взаимного обеспечения в виде так называемых братских касс, являвшихся организацией самопомощи (бесплатное лечение и лекарства, пособие по болезни и на случай смерти кормильца). Рабочее время в горном производстве составляло 12 часов в сутки. Отсутствовали ограничения по использованию труда несовершеннолетних и детей.

В лучшую сторону положение горняков изменилось с созданием в Королевстве (в 1817 году) горного корпуса. Горнякам, зачисленным в состав организованного по военному принципу корпуса, обеспечивались на государственных предприятиях особые условия труда и оплаты, питание и обмундирование, обучение профессии и авансирование. Отношения, царящие в корпусе, однако, не были идиллическими. Зачисленные в него горняки не могли менять место работы. Горный корпус существовал до конца XIX века.

Трудовое право в Пруссии. Трудовое законодательство, соединяющее в себе элементы гражданского и административного права, страхового права и т. п., раньше всего развилось в Пруссии. Это было связано с развитием сельского хозяйства и промышленности. С неизжитыми еще феодальными пережитками в сельском хозяйстве и в положении домашней прислуги сосуществовали зачатки современного трудового права в крупнокапиталистическом производстве и горном деле, в частности в горной Силезии.

Принцип свободы договора найма был узаконен как промышленными регламентами, так и общими предписаниями Германского гражданского уложения. С 1891 года была запрещена работа в воскресенье и по праздникам.

Отступлением от принципа свободы соглашений являлись все более многочисленные трудовые уставы, содержавшие образцы типового соглашения и тарифные расценки. Эти последние содержали таблицы заработной платы, а также предписания о денежных вычетах, которые мог производить работодатель из заработной платы рабочего. С 1897 года эти уставы были подконтрольны государственному надзору.

Постепенно возникает охрана труда подростков и женщин. Первый закон, запрещающий использовать труд подростков, появился в 1839 году и относился к детям моложе 9 лет. Запрещалась ночная работа детей. Было постановлено, что женщины не могут привлекаться к труду, вредному для здоровья и несовместимому с моралью (1869 г.), а также работать более 11 часов в сутки (1891 г.). Однако допускались исключения из правил. С середины века были учреждены должности инспекторов труда, имеющих полномочия наблюдать не только за условиями безопасности труда

(предохранительные устройства), но позже и за соблюдением закона об отдыхе в воскресенье и праздничные дни, за соблюдением уставов и др. Большая часть предписаний об охране труда вступила в жизнь в 1892 году. Однако не было недостатка в злоупотреблениях. Так, к примеру, в том же 1892 году во время ночного контроля в одном из цинковых предприятий в Силезии были обнаружены дети школьного возраста. Как оказалось, они трудились с 3 до 6 утра, после чего их отсылали домой, чтобы они шли в школу.

Постепенно заметную роль в защите труда рабочих начали играть профессиональные союзы. Во второй половине XIX века было признано право коалиций и право на забастовки. Забастовочная борьба, заключающаяся также в занятии рабочими фабрик, повлияла на дальнейшее развитие трудового законодательства.

Положение челяди и сельскохозяйственных рабочих долго не подвергалось веянию времени. Вплоть до вступления в жизнь Германского гражданского уложения 1900 года работодатель имел право применения физических наказаний. Сельскохозяйственные работники практически оставались в полном распоряжении работодателя.

Принципы публичной службы были урегулированы уже в прусском Landrecht'e 1794 года. В основе своей они сохранились с изменениями и изъятиями вплоть до конца Германской империи. Отношение чиновника к его службе определялось не соглашением, а назначением. На чиновников ложилась «обязанность особой верности и послушания» монарху. Они должны были активно поддерживать политику правительства. Отличие корпуса чиновников от других трудовых групп было связано с его особой ролью, с особым статусом бюрократического аппарата. Постановления, касающиеся условий труда чиновников, а также их прав и обязанностей, содержались в служебных прагматиках и положениях о прохождении службы.

В надежде нейтрализовать влияние социал-демократии правительство Бисмарка проводит ряд социальных законов: поочередно были урегулированы вопросы несчастных случаев на производстве, инвалидности, а также обеспечения по старости (1889 год). В связи с этим возникли страховые учреждения, которые имели характер частноправовой. На их деятельность могли

оказывать определенное влияние также и сами застрахованные, принимая участие в органах управления и контроля. Не было, однако, страхования по безработице.

Средства, идущие на социальное страхование, складывались из уплат работодателя и из вычетов заработной платы рабочих в размерах, которые зависели от характера страхования.

Фабричное законодательство в России ведет свое начало от фабричного закона 1882 года, который ограничивал рабочее время для подростков и вводил инспекцию труда. Этот закон, как и закон 1886 года о трудовых соглашениях и условиях выплаты заработной платы были распространены на Королевство Польское лишь в 90-х годах XIX века. В 1897 году в России и Королевстве был введен максимальный 11½ часовой рабочий день. В марте 1906 года были разрешены профсоюзы, а рабочий день был сокращен до 9—10 часов. С 1886 года в губерниях стали создаваться присутствия по фабричным делам. Окружной фабричный инспектор в Королевстве Польском имел двух помощников: одного — в Варшаве, другого — в Лодзи. С 1891 года в Королевстве существовали две окружные фабричные инспекции, которые вначале подчинялись министерству финансов, а с 1905 года — новосозданному министерству торговли и промышленности.

Законодательство, о котором шла речь, охватило только часть наемных работников, главным образом, на больших предприятиях.

Особенно важно подчеркнуть существование в законах многочисленных изъятий и оговорок, позволявших, в том числе и самой фабричной инспекции, обходить законы о рабочем дне, воскресном отдыхе и социальном страховании.

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

На рубеже XVIII—XIX вв. Уголовное право, содержащееся в прусском Landrecht'e 1794 года, было отражением сохраняющихся феодально-абсолютистских тенденций и низкого уровня законодательной техники. К его принципам относятся: сословность, казуистика, соединенная с мелочным вмешательством в частную жизнь, суровость применяемых мер наказания. В особенности многообразной была репрессия за проступки, направленные против политической власти и общественно-экономического устройства.

В отношении к челяди и прислуге допускались физические наказания.

На территории австрийской Польши уголовный кодекс 1787 года ввел определенные прогрессивные положения, такие, как ограничение смертной казни. Тем не менее наказания оставались жестокими. Среди них выделялись: квалифицированное лишение свободы (кандалы и пр.), публичная порка, клеймение и приковывание. В последнем десятилетии XVIII века репрессию стали несколько смягчать, однако были приняты новые нормы, направленные против революционного движения.

В 1796 году был введен западно-галицкий уголовный кодекс, который после экспериментальной проверки был положен в основу общеавстрийского кодекса 1803 года. К достоинствам последнего наряду со сравнительно высокой правовой техникой относится отход от казуистики. Тем не менее кодекс не избег многих феодальных пережитков.

В Варшавском Княжестве и в Польском Королевстве. Княжество возвратилось к старому польскому уголовному праву с сохранением прусского уголовного права как вспомогательного. Решениями сейма 1809 года упразднялась квалифицированная смертная казнь. В то же время было расширено применение телесных наказаний по отношению к бунтовавшему крестьянству и усилены наказания за кражи. На территориях, присоединенных в 1809 году, сохранилось австрийское право 1803 года.

Королевский декрет от 1810 года вводил деление преступлений на преступления, проступки и правонарушения. Сейм же воспротивился введению в Княжестве французского уголовного права, поскольку оно не отвечало интересам дворянства.

В 1818 году Сейм одобрил лаконичный по форме уголовный кодекс Польского Королевства. Его издание было продиктовано острой необходимостью замены старого польского права и *Landrecht*'а. Это было прогрессом в отношении к существующему положению в области уголовного права. Несмотря на то что в кодексе нашли место многочисленные институты, почерпнутые из права феодальной эпохи (причем в австрийском варианте), это был буржуазный кодекс. К его принципам относились: формальное равенство перед законом, *nullum crimen sine lege*, вина как основа ответственности. Давняя жестокость в определении размеров репрессий нашла свое выражение в сохранении квалифицированной смертной казни, в различного рода наказаниях заключенного, включая позорный столб, клеймение,

приковывание цепью. Наказания должны были действовать устрашающе. Особо были развиты в кодексе, а также в отдельных законах уголовные репрессии по отношению к поджигателям строений (1825 г.). Карались бездомность, бродяжничество, нищенство, причем во всех этих случаях допускалось административное делопроизводство.

Во времена Варшавского Княжества военно-уголовное право было французским, но уже в 1815 году был принят военно-уголовный кодекс, опирающийся на принципы гласности, устности и непосредственности, а также быстроты судебного делопроизводства. Наказания были суровыми, зато гуманистические идеи нашли известное признание в тюремном праве (инструкции 1823 г.).

Кодекс основных и дополнительных наказаний от 1847 года. Кодекс 1818 года действовал почти тридцать лет. В рескрипте, направленном наместнику Королевства, Николай I писал, что, приступив к внимательному пересмотру и исправлению уголовного права, он руководствовался стремлением, дабы новые уголовные нормы Королевства были в главных своих принципах, насколько это возможно, приближены к законодательству Империи, а также чтобы, подобно иным «верным подданным нашим», жителям Королевства Польского обеспечены были во всей полноте как безопасность и спокойствие, так и всякие принадлежащие им права, при сохранении характерных для их края местных законов и предписаний.

По существу речь шла прежде всего о сближении уголовного права Королевства с законодательством Империи. В большинстве случаев кодекс 1847 года, внешне отличный, повторял нормы только что изданного российского кодекса 1845 года. Оба кодекса в то же время несколько отличались не только по форме, но и по содержанию. Так, кодекс для Королевства насчитывал в два раза меньше статей (1221), чем российский оригинал (2241). Оба эти кодекса были выработаны комиссией, в которой большую роль сыграл выдающийся ученый, специалист в области уголовного права и историк права Ромуальд Губе, политический консерватор, сотрудничавший с царизмом. Опубликованные им в 1830 году «Общие принципы науки уголовного права» являли собой первое польское изложение общей части этого права, согласное с так называемой классической школой уголовного права, а также учением Канта и Гегеля. На практике, однако, Губе отступал от этих прогрессивных для своего времени принципов, служа абсолютистскому государству.

Кодекс Королевства предусматривал 11 видов наказаний, из которых почти каждое делилось на степени. Наказания назначались в зависимости от вероисповедания подсудимого, кодекс широко пользовался телесными наказаниями (клеймением, поркой, пропусканьем через строй, заковыванием в кандалы). Признавались наказания религиозного характера (церковное покаяние, лишение христианского погребения для самоубийцы). Одновременно с тем запрещалось применение телесных наказаний по отношению к дворянам, христианскому духовенству, чиновникам, а также ко всем собственникам недвижимостей, фабрикантам и крупным купцам. Суровой карой кодекс угрожал за убийство «начальника, хозяина либо мастера», за кражу «слугами и подмастерьями у их господ и мастеров» (ссылкой в Сибирь и клеймением). Новым было введение алиментов (под угрозой уголовного наказания) для несостоятельной матери и внебрачного ребенка со стороны отца.

Кодекс 1847 года являлся шагом назад по отношению к польскому кодексу 1818 года. Но даже и он был упразднен в 1876 году, когда в Королевстве был введен без изъятий русский уголовный кодекс.

В 1863 году были упразднены телесные наказания. Тем не менее серия специальных законов о бунтах и тайных обществах 1874 года, о средствах защиты государственного и общественного спокойствия 1881 года, а также о взрывчатых средствах 1882 года — снова обострили репрессии, уполномочив совет министров на введение чрезвычайного положения в определенных частях Империи. Министр внутренних дел получил право в административном порядке ссылать в Сибирь сроком до пяти лет, эта мера широко применялась в Королевстве.

На пороге XX века. В Прусском Королевстве постепенно упразднялись некоторые наиболее жестокие наказания, в особенности телесные, в то время как в Австрии обострялись репрессии, направленные против бунтующих масс и оппозиционных политических деятелей. По мере развития капиталистических отношений увеличивалось использование уголовных кодексов в борьбе с рабочим движением. Специальные законы нарушали конституционные гарантии права коалиции, свободы слова и печати. Эти нормы «антисоциалистического» законодательства, как их называли немцы и австрийцы

(1878—1885 гг.), усиливались использованием наиболее удобных для властей общих норм уголовного права.

Новое уголовное право было издано в Пруссии в 1851 году и вскоре претерпело несколько нововведений. В 1871 году был объявлен общенемецкий уголовный кодекс. В нем нашли отражение некоторые понятия социологической школы уголовного права, представители которой указывали на то, что традиционная система уголовных репрессий устарела. В духе этой школы были приняты во внимание некоторые личностные факторы, характерные для преступников, введено понятие «опасного состояния».

Одним из самых выдающихся представителей социологической школы среди польских законоведов был профессор Львовского университета Юлиан Макаревич. Против социологической школы в уголовном праве выступил либеральный польский ученый, преподававший в Петербурге, а к концу жизни ставший профессором Варшавского университета Леон Петражицкий. Он выступил с тезисом, что уголовное право не должно прибегать, как к решающим средствам, к репрессии старого типа. Оно должно содействовать морально-правовому воспитанию общества и создавать атмосферу отвращения к преступным действиям.

Реакционные предписания австрийского уголовного кодекса 1852 года, являющегося немецкой переработкой кодекса 1803 года, были смягчены в конституционных законах 1867 года и в дальнейшей практике. Так, были упразднены телесные наказания (1867 г.), а затем и запрещены коалиции (1870 г.) и т. д.

В 1903 году в России и в Королевстве частично был введен новый уголовный кодекс. Полностью он вошел в жизнь лишь в силу декрета немецких оккупационных властей в конце 1915 года.

IV. СУД И ПРОЦЕСС

Общественный элемент в судопроизводстве. Идея участия в судебном процессе как профессиональных, так и непрофессиональных судей прокладывала себе дорогу издавна. На европейском континенте прежде всего она выступала в форме суда шеффенов (лавников), имеющего в своем составе судью, ведущего дело, и ассессоров. Французская революция, используя суд Англии, ввела суд присяжных, сохраненный Наполеоном.

В Польше первый проект суда присяжных составил Гуго Коллонтай. Однако далее проектов дело не пошло.

Во второй половине XIX в. суд присяжных принимается немецким и австрийским законодательством. В России суд присяжных был введен реформой 1864 года, но без права рассмотрения

политических дел. В Королевстве суд присяжных не был введен вообще.

В Королевстве определенную форму участия общественности в судопроизводстве обеспечивали гминные суды, опирающиеся на установленное обычаем право, более или менее отличное от кодексов. Члены этих судов избирались волостными собраниями. Эти суды сохранились и после реформы 1876 года. Компетенция гминных судов была схожа с компетенцией мировых судов в городах.

Процессуальные кодексы. Новое время принесло разделение процесса в гражданских и уголовных делах. Однако же некоторые основные принципы остались общими для обоих этих процессов. К ним можно отнести: независимость судей, равноправие сторон в процессе (однако в уголовном судопроизводстве оно нарушается из-за доминирующей роли прокурора); ведение дела в соответствии с обязательными процессуальными нормами, отправление которых контролируется кассационными судами, и, наконец, неизменяемость приговоров и решений в рамках данной судебной инстанции.

Немецкие гражданский и уголовный процессуальные кодексы были изданы в 1877 году. Они отвечали вышесказанным принципам, требовали установления материальной истины на основе представленных сторонами доказательств. Только в брачно-семейных делах суду дозволялось собирать доказательства независимо от мнения сторон.

В Королевстве Польском в 1875 году были введены, хотя и с существенными изменениями (исключение суда присяжных), русские процессуальные законы 1864 года: устав гражданского судопроизводства и устав уголовного судопроизводства. Указанные изменения были обусловлены нуждой в приспособлении процесса к особенностям польского материального права.

В 1906 году военно-полевые суды, введенные царским правительством, действовали и на территории Королевства.

Австрийский процесс претерпел модернизацию в 1873 году (уголовный) и в 1895 году (гражданский). Уголовный процесс соединял в себе черты состязательного и следственного принципов, был устным и гласным при свободной оценке доказательств. В гражданском судопроизводстве был ограничен принцип состязательности ради инструктивного начала, отдававшего руководство процессом в руки судьи, при свободной оценке доказательств.

Адвокатура. Как в Королевстве, так и в Галиции существовала многочисленная польская адвокатура. В Королевстве адвокатов делили на: а) присяжных поверенных, б) частных поверенных. В самой России после 1864 года возникли адвокатские корпорации. В Королевстве они не допускались. Контроль над составом адвокатуры и ее деятельностью был поручен российским судебным инстанциям.

V. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Административное право отличается своей молодостью. У него нет предшественников в эпохе феодализма. Оно всегда было и осталось разнообразным в некоторых типовых понятиях, известных и в польских землях. Ими являлись: 1) статус юридических лиц, корпорации и предприятия; 2) нормы, определяющие способ издания и действия административных актов; 3) персональные и материальные средства, служащие для выполнения задач; 4) сферы деятельности, среди которых наука XIX века различала «административную полицию» (порядка, санитарную, надзора за строительством и т. д.) и «публичную службу».

Рамки административной деятельности в XIX веке определяли следующие принципы: 1) легальность, которая привела, между прочим, к развитию административного судопроизводства; 2) ответственность не только чиновника, но и государства за вред, причиненный гражданам при исполнении государственных функций (строительство дорог, разрушения, вызванные военными маневрами, и т. п.).

В организации административного аппарата выступает несколько проблем, которые возникли еще в эпоху просвещенного абсолютизма и обсуждаются до сих пор. Сталкивались и сталкиваются две тенденции: централизации и децентрализации. Первая, как понятно, означает сосредоточение решений в центральных и главных органах, вторая — разделение функций между центральными и территориальными органами. К этому присоединяются: концентрация и деконцентрация. Первое означает сосредоточение решений, чаще всего в связи с централизацией, в одних руках, т. е. министра или воеводы, губернатора, надпрезидента провинции и регенции, второе относится к разделению права принятия

решений и ответственности за них между различными органами и лицами.

Точно так же противостоят друг другу принципы коллегиальности и единоначалия. Развитие шло в направлении выделения руководящей роли шефа органа управления.

Следующее деление касается направления деятельности государственной власти: 1) связанной и 2) свободной, что имеет большое практическое значение. Законы и кодексы не могут предвидеть всех случаев, регулируемых правом и администрацией. Отсюда вытекает значение принципа так называемого свободного усмотрения. И, наконец, вопрос администрации и бюрократии. Понятие бюрократии возникло в XVIII веке во Франции. Сформулировал его в 1747 году физиократ Винцент де Гурней, и даже не письменно, а лишь в беседах. Оно имело большой успех. Сначала оно не имело отрицательной окраски, поскольку де Гурней и его современники связывали бюрократизм с системой бюрализма, т. е. опоры администрации на бюро, состоящего из чиновников. Использование профессиональных чиновников и быстрый рост их численности стали повсеместным явлением. Однако же быстро наступил процесс отчуждения их от общества, с одной стороны, и особой привилегированности — с другой. В. И. Ленин остро критиковал бюрократию Царской России.

Объем административного права. В состав административного права входят: а) устройство органов администрации (в XX в. к нему присоединилась административная процедура по аналогии с гражданским и уголовным процессом) и б) материальное право, регламентирующее различные области жизни.

Стремясь к систематизации, можно многие области материального административного права объединить в следующие разделы (в различных странах эволюционирующие и во времени и с точки зрения содержания): 1) герб, флаг и печать государства; 2) границы государства; 3) гражданство; 4) образование; 5) культура и наука; 6) пресса; 7) вероисповедания; 8) объединения и публичные собрания; 9) здравоохранение; 10) строительство и урбанистика; 11) принудительное отчуждение; 12) сельское хозяйство и лесоводство; 13) охота и рыболовство; 14) водное право; 15) промышленность и торговля; 16) коммуникации; 17) государственная служба; 18) публичная безопасность и порядок; 19) уголовно-административное право и т. д.

Во второй половине XIX века из административного права стали выделять новые области права, такие, как трудовое, социального страхования и финансовое право.

Административное судопроизводство. В Пруссии оно было образовано в 1872—1883 гг. Его задачей было контролировать, действуют ли органы администрации в соответствии с правом. В значительной мере эти суды были доверены органам самоуправления. Гражданин, который считал себя пострадавшим, подавал жалобу в уездное управление — по первой инстанции. Второй инстанцией служило управление регенцией, которое по важнейшим делам было судом первой инстанции. Судом третьей инстанции был Высший административный трибунал в Берлине.

В Австрии судебное делопроизводство осуществлялось в одной инстанции, что вызывало критику, между прочим, и со стороны польских правоведов. Во всем государстве в 1875 году был образован только один административный трибунал, который выносил решения после рассмотрения в высшей административной инстанции. Наплыв дел, поступающих из различных частей наддунайской монархии, приводил к чрезвычайной медлительности процесса. Несмотря на эти отрицательные качества, пример австрийского административного трибунала был воспринят в законодательстве II Речи Посполитой. После восстания 1863 года Королевство Польское не знало административной юстиции.

Судопроизводство в административных судах носило кассационный характер. Действия чиновников рассматривались с единственной точки зрения: их соответствия праву.

Раздел четвертый

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918 гг.)

Польский вопрос. Лишь в годы I мировой войны в Европе завершился XIX век. Издавна поляки ожидали великую войну, которую призывал Мицкевич и которая должна была свергнуть существующую в этой части Европы систему, образованную Венским конгрессом (1815 г.). Но значительная часть правящих классов была склонна удовлетвориться автономией Королевства в границах России либо объединиться с Галицией под эгидой кого-либо из Габсбургов. Возрождение польской государственности в этих кругах связывалось

с ориентацией на одно из государств, разделивших страну, либо на помощь западных держав.

Выражением различных ориентаций польских кругов было создание национальных представительств при каждой из воюющих стран. Так, в августе 1914 года в Кракове был образован связанный с центральными государствами, и в особенности с Австрией, Главный национальный комитет (ГНК), в котором выделялся консерватор, профессор административного права Ягеллонского университета Владислав Яворский. На стороне России — сначала в Варшаве, а затем в Петербурге — действовал Польский национальный комитет (ПНК), которым руководила «национальная демократия» во главе с Романом Дмовским. В то время как ГНК выступал за разрешение польского вопроса в связи с Австрией, ПНК — в связи с Россией.

После февральской революции в России и после переезда ряда ведущих польских политиков на Запад был создан Польский национальный комитет сначала в Лозанне, а затем в Париже. Комитет ориентировался на Антанту, победа которой уже ожидалась. Его руководителем был Роман Дмовский. Комитет этот представлял Польшу на мирной конференции в Париже.

Участие поляков в войне. Поляки воевали на многих фронтах I мировой войны. Образованные ГНК легионы, кадры которых составляла прежде всего первая бригада, сформированная Юзефом Пилсудским, а также Стрелецкий союз, воевавший под эгидой центральных государств, не превышали 20 тыс. солдат и офицеров. В конце 1914 года в борьбу на стороне России вступил немногочисленный, организованный исключительно в силу стараний Национально-демократической партии, пулавский легион, впоследствии преобразованный в Польскую стрелковую бригаду, а затем, в 1917 году, — в дивизию в составе русской армии.

Так называемый *Polnische Wehrmacht* в Королевстве в период немецкой и австрийской оккупации насчитывал не более 9 тыс. солдат. Три польских корпуса на Востоке после падения царизма насчитывали свыше 36 тыс. человек. На баррикадах Октябрьской революции сражалось около 20 тыс. поляков. 15 тыс. солдат насчитывали подразделения добровольческой армии во Франции, остававшиеся под командованием генерала

Юзефа Галлера. В основном они состояли из поляков, прибывших из Америки и Франции. Эта армия возникла в то время, когда правительство Французской республики решило в 1917 году, после революции в России, активно заинтересоваться польским вопросом.

Роль легионов, как равно и созданной по указанию Пилсудского тайной польской военной организации (POW), действующей под командованием Э. Рыдз-Смиглого, заключалась не столько в военных действиях, сколько в создании политической и военной силы, которая должна была служить политическим козырем в борьбе за власть.

В июле 1917 года легионеры отказались принести присягу на верность Германии и Австрии «по братству оружия», на чем явно сказалось влияние русской февральской революции. Легионы были расформированы немцами, солдаты и офицеры в большинстве своем интернированы. Ю. Пилсудский со своим начальником штаба К. Соснковским был заключен в Магдебургскую крепость.

Сотни тысяч поляков были вынуждены до конца войны служить в армиях государств, разделивших страну. Необходимо также помнить, что I мировая война не закончилась для Польши в ноябре 1918 года, как на Западе. В Великопольском восстании, начатом в декабре 1918 года, участвовало 75 тыс. человек, десятки тысяч взялись за оружие в Силезии в трех последующих восстаниях (1919—1921 гг.). В третьем Силезском восстании боролись 70 тыс. силезцев и добровольцев из других частей страны. Человеческие потери на польских землях были очень большими.

Польское Королевство в годы оккупации. После того как русские войска в августе 1915 года покинули Королевство, на его земли вступили войска Австрии и Германии. Были созданы два генерал-губернаторства оккупированных территорий: немецкое, с органами оккупационной власти в Варшаве, и австрийское — в Люблине. Было упразднено деление на губернии. В немецкой оккупационной сфере находилось 32 уезда, а в австрийской — 27. В состав Варшавского генерал-губернаторства не вошли четыре юго-восточных уезда, а также Сувальская губерния, где более половины населения составляли литовцы. Эти территории оставались под немецким военным управлением.

Вступившие на территорию Королевства немецкие войска застали там польские гражданские комитеты, а также гражданскую стражу или милицию. Оккупанты ликвидировали польские органы и ввели свою собственную администрацию, а милицию подчинили немецкой жандармерии.

Акт 5 ноября и его последствия. Актом от 5 ноября 1916 г. императоры Германии и Австрии Вильгельм II и Франц Иосиф I объявили о создании Польского Королевства, нового государственного творения, зависящего от Германии и Австрии и призванного служить их целям. Этим актом, известным как акт двух императоров, Германия и Австрия нарушили международное право, которое не позволяет осуществлять коренных изменений, касающихся оккупированных территорий. Как бы то ни было акт двух императоров вынудил Антанту заняться польским вопросом. Указанный акт не уточнял ни границ, ни системы правления в Королевстве (кроме монархической формы).

Первым органом прокламируемого Королевства явился Временный Государственный Совет (ВГС), образованный в 1916 году варшавским и люблинским генерал-губернаторами. ВГС состоял из 25 членов (15 — из территорий, оккупированных немцами, и 10 — из территорий, оккупированных австрийцами), назначаемых из числа сторонников оккупационных государств. Это были так называемые активисты, в то время как противников ориентации на центральные государства называли — пассивистами. Эти вторые ожидали победы Антанты. Вследствие разлада с оккупационными державами ВГС уже в августе 1917 года подал в отставку.

Важным событием, приходящимся на годы оккупации, было открытие в ноябре 1915 года Варшавского университета, как польского учебного заведения (императорский университет в Варшаве был эвакуирован русскими властями в Ростов-на-Дону). Вслед за этим началось развитие польской национальной школы всех ступеней. С 1 октября 1917 г. руководство школой было передано в ведение созданного тогда же польского министерства народного просвещения. Месяцем ранее была создана система польских судов, руководимых вновь созданным польским Министерством юстиции. И то и другое было вырвано у оккупационных властей.

В администрации и хозяйственной жизни по-прежнему господствовали немцы, использующие Королевство для своих целей, черпая из него продукты питания, вывозя машины, сырье и рабочую силу в Германию. Только на территории, оккупированной австрийцами, в военной и гражданской администрации находилось небольшое число поляков.

Политическая жизнь в Королевстве легальная и конспиративная набирала силу. К важнейшим факторам относилось объединение действующих здесь крестьянских организаций и образование новой крестьянской партии, которая от названия своего печатного органа приняла название — «Вызволение». СДКПиЛ и ППС-левица занимали антивоенную интернационалистскую позицию.

Регентский совет. Подобием верховной власти в Королевстве служил Регентский совет, образованный немецкими и австрийскими властями в сентябре 1917 года. Он должен был исполнять свои функции до момента, когда трон займет будущий король. Что касается самой особы короля, ни немцы, ни австрийцы не желали высказываться определенным образом. В состав регентского совета вошли представители аристократии и епископата: князь Здислав Любомирский, самая выдающаяся фигура в этом кругу, председатель Гражданского комитета, Варшавский архиепископ, позднее кардинал, Александр Каковский, а также граф Юзеф Островский. Вместе с назначением этих лиц активистское движение в Королевстве решительно склонилось вправо. Совет осуществлял руководство польскими вооруженными силами (Polnische Wehrmacht), которые так и не удалось сколько-нибудь развить. Он образовал правительство, создавая министерства.

Подобием законодательной власти служил Государственный совет, образованный декретом регентского совета в феврале 1918 года. Он состоял из 12 вирилистов — членов по должности, 43 — членов, персонально назначаемых Советом, и 55 членов, избираемых городскими советами и поветовыми сеймиками. Государственный совет не сыграл и не мог сыграть сколько-нибудь значительной роли и 7 октября 1918 г. был упразднен.

Польский вопрос после Октябрьской революции. Впервые за границами Польши идея ее государственной независимости была выдвинута в обращении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 27 марта 1917 г. «К народу польскому». Совет заявлял, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международных отношениях. Полно и решительно поставила польский вопрос Великая Октябрьская социалистическая революция, выдвинувшая, как известно, принцип национального самоопределения,

Ленин говорил о глубокой общности интересов рабочих всех стран мира и очищении международного права от вредных сорняков, оправдывающих притеснение одних народов другими. В соответствии с этим Советское правительство 29 августа 1918 г. обнародовало Декларацию об отказе от договоров и актов, заключенных правительством бывшей Российской империи о разделах Польши.

На Западе лозунг независимости Польши осенью 1917 года выдвинула итальянская палата депутатов. Более полное выражение он нашел в воззвании президента Соединенных Штатов Вильсона, направленном конгрессу США в январе 1918 года. Тринадцатый пункт вильсоновского воззвания, оставляющий поле для различных интерпретаций, объявил одним из элементов будущего мира образование независимой Польши на всей этнически польской территории со свободным доступом к морю.

5 января 1918 г. за возрождение польской государственности, ограниченной бесспорно польскими землями, высказался британский премьер Ллойд Джордж. 5 июня 1918 г. с общей декларацией о независимости Польши выступили правительства Великобритании, Франции и Италии.

После развала Австро-Венгрии и Ноябрьской революции в Германии 11 ноября 1918 г. регенты передали командование польскими военными силами возвратившемуся из заключения в Магдебурге Юзефу Пилсудскому, а 14 ноября, когда даже самому Регентскому совету стало ясно, что он не располагает никаким авторитетом в обществе,— и всю власть. Пилсудчики позже открестились от того, что источником власти их руководителя, как начальника государства, был акт Регентского совета.

Теперь ясно, какое существенное значение для польского национального дела имели революционные перемены, происшедшие во всех трех государствах, участвовавших в разделе Польши.

II РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ. ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Раздел первый

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1918 ГОДУ

Первые областные государственные органы. Благоприятствующая осуществлению стремлений к независимости международная обстановка, сложившаяся к концу 1918 года в результате победы Октябрьской революции в России и военного поражения центральных держав — Австрии и Германии — не застала врасплох польскую общественность. С первых дней мировой войны различные общественные группировки проявляли усиленную политическую и организационную активность. Используя имеющиеся возможности, они с согласия и при поддержке воюющих государств создавали военные отряды и политические организации, которые выражали польские национальные интересы в пределах, допускаемых правительствами этих государств.

Однако лишь после краха центральных держав, под власть которых находились польские земли, можно было приступить к созданию независимых государственных органов. Деятельность в этом направлении началась на территории, принадлежавшей Австрии. Польские депутаты австрийского парламента приняли решение считать себя с 15 октября 1918 г. гражданами польского государства. 28 октября 1918 г. политические партии Галиции образовали Польскую ликвидационную комиссию (ПЛК) — временный орган с законодательными и исполнительными полномочиями. При поддержке населения комиссия эта переняла полномочия от упраздненных оккупационных органов власти в областях, расположенных к западу от Сана. Главной ее

задачей, кроме обеспечения общественной безопасности и сохранения существующего общественного строя, было уничтожение государственно-правовых отношений, связывающих Галицию с Австрией. В Восточной Галиции украинские группировки, образовавшие Украинский народный совет, 1 ноября 1918 г. провозгласили во Львове создание Западно-украинской народной республики. Это вызвало реакцию польского населения, вступившего в вооруженную борьбу с украинскими отрядами. Борьба продолжалась до лета 1919 года, когда части Войска Польского заставили украинские подразделения отступить за реку Збруч или перейти чехословацкую границу. Власть в Восточной Галиции перешла к созданному 25 ноября 1918 г. Временному правящему комитету с местопребыванием во Львове. В Тешинской Силезии австрийские органы власти сменил Национальный совет Тешинского княжества.

На территории бывшего Королевства Польского наряду с оккупационными — немецкими и австрийскими — органами власти действовали органы, созданные Регентским советом. В решающий момент, когда население принялось разоружать немецких и австрийских солдат, Регентский совет оказался не в состоянии возглавить национальное движение в силу своей подчиненности оккупационным органам и своей консервативной направленности. Политические группировки, находившиеся в оппозиции к Регентскому совету, решили приступить к созданию демократических органов власти. По инициативе ППС и ПСЛ — «Вызволениє» 7 ноября 1918 г. в оставленном австрийскими войсками Люблине было образовано Временное народное правительство. Возглавил его известный социалистический деятель Игнаций Дашинский. Правительство опубликовало манифест, который предусматривал создание польской парламентской демократической республики, гарантирующей всем гражданам равные политические права. Манифест провозглашал введение восьмичасового рабочего дня, а также обещал провести радикальные общественные и экономические реформы, в частности национализацию некоторых отраслей промышленности и экспроприацию крупной земельной собственности.

Создание центральных государственных органов. В результате вспыхнувшей в Германии революции из крепости в Магдебурге был освобожден Юзеф Пилсуд-

ский, который 10 ноября 1918 г. вернулся в Варшаву. Создатель легионов Пилсудский пользовался большим авторитетом среди широких слоев польского общества. Он взял в свои руки инициативу создания центральных государственных органов. Ему передал полномочия Регентский совет. По настоянию Пилсудского Люблинское Временное народное правительство самораспустилось, передав ему бразды правления.

Самыми неотложными задачами были формирование правительства и организация временных государственных органов. В декрете от 14 ноября 1918 г., носившем характер воззвания к народу, Ю. Пилсудский как верховный главнокомандующий польских войск объявил, что главой правительства назначается И. Дашинский, чья многолетняя общественная деятельность гарантировала поддержку других политических группировок. Пилсудский объявил, что правительство будет носить временный характер и его основной задачей является проведение в максимально короткий срок выборов в Учредительный сейм. Поскольку Дашинскому, главным образом из-за противодействия национальных демократов, не удалось сформировать правительство, эту миссию взял на себя и выполнил Енджей Морачевский, член ППС. 18 ноября 1918 г. кабинет, получивший название Временного народного правительства Польской Республики, был утвержден Ю. Пилсудским.

Организация временных центральных органов Польской республики была утверждена декретом от 22 ноября 1918 г. Высшая власть в государстве предоставлялась Пилсудскому как Временному начальнику государства, вплоть до созыва Учредительного сейма. Одновременно с тем Временный начальник государства занимал пост Верховного главнокомандующего польских войск. 28 ноября 1918 г. Пилсудский издал декрет о проведении выборов в Учредительный сейм. В тот же день было опубликовано положение о выборах. Согласно положению выборы объявлялись всеобщими, равными, тайными и прямыми, при пропорциональном голосовании. Правом голоса были наделены лица, достигшие 21 года. Впервые избирательные права получили женщины — на равных основаниях с мужчинами. Выборы были назначены на 26 января 1919 г. и должны были охватить население разделенных в свое время польских земель.

Будут ли созданные в Варшаве государственные органы носить общепольский характер, зависело от признания их местными органами власти. Ранее других варшавскому правительству подчинилась Польская ликвидационная комиссия и Национальный совет Тешинской Силезии. В результате достигнутого соглашения ПЛК после объединения с Временным правящим комитетом, которому принадлежала власть в Восточной Галиции, была превращена в Правящую комиссию по делам Галиции, Тешинской Силезии, Спиша и Оравы.

В Великой Польше 3 декабря 1918 г. был образован Главный народный совет (ГНС) как представительство польских земель, захваченных в свое время Пруссией. Преобладающее политическое влияние в нем имела партия Национальной демократии. ГНС не упразднил органов немецкой администрации, решив дожидаться решения Парижской мирной конференции. Такая позиция встретила сопротивление польского населения. В результате в Познани 27 декабря 1918 г. вспыхнуло восстание, которое привело к освобождению значительной части Великой Польши от немецкого господства. Законодательная и исполнительная власть на освобожденной территории сосредоточилась в руках Комиссариата Главного народного совета, придерживавшегося правой ориентации. В его политике, исполненной недоверия к Начальнику государства Ю. Пилсудскому и левым группировкам Учредительного сейма, проявлялись тенденции к сохранению государственно-правовой обособленности бывших прусских земель. Варшавским центральным органам Комиссариат подчинился лишь после подписания мирного договора с Германией. Принятый Учредительным сеймом 1 августа 1919 г. закон объявлял о подчинении бывших прусских земель, которые по Версальскому мирному договору вошли в состав Польской Республики, Сейму, Начальнику государства и министрам.

Ю. Пилсудский предпринял попытки прийти к соглашению с действующим в Париже с 1917 года Польским национальным комитетом, руководимым Романом Дмовским и Игнацием Подеревским. Государства Антанты признавали Комитет официальным представителем польского общества. Соглашение было достигнуто после того, как 17 января 1919 г. было сформировано новое правительство, в котором И. Падеревский стал премьер-

министром и министром иностранных дел. Тогда же его представители вошли в состав парижского Комитета, представляющего польские интересы на мирной конференции. 15 августа 1919 г. Польский национальный комитет был формально распущен.

Довольно скоро общепольский характер созданных в Варшаве государственных органов получил признание мест. Существенное влияние на ход этого процесса оказал единогласно принятый Учредительным сеймом 20 февраля 1919 г. закон, называемый Малой конституцией. Малая конституция вновь доверила Пилсудскому пост Начальника государства, одновременно определив его правоотношения с Сеймом и правительством. Таким образом, была узаконена существовавшая структура центральных государственных органов.

Международное признание польского государства. В августе 1918 года Правительство РСФСР приняло за подписью Ленина декрет, объявлявший о бесповоротной отмене всех договоров и актов, заключенных правительством бывшей Российской империи с правительствами Пруссии и Австрии, относительно разделов Польши и о признании за польским народом «права на самостоятельность и единство». Добиваясь признания западных держав, Ю. Пилсудский направил соответствующую ноту (16 ноября 1918 г.) президенту Соединенных Штатов, английскому, французскому, итальянскому, японскому и другим правительствам. В ней говорилось: «Как главнокомандующий Польской армией спешу сообщить правительствам и народам воюющих и нейтральных стран о существовании независимого Польского государства, охватывающего всю территорию объединенной Польши... Благодаря переменам, происшедшим в результате славной победы союзнических войск, восстановление независимости и суверенитета Польши отныне является свершившимся фактом». Особенная цель этой ноты заключалась в том, чтобы помешать западным державам признать Польский национальный комитет в Париже польским правительством де-факто.

Международное признание Польского государства происходило либо *via facti* путем установления дипломатических отношений, либо с предварительным опубликованием декларации, подтверждавшей признание возрожденного государства. Особое же значение имело признание Польского государства странами-участницами разделов. Дипломатические отношения с Австрией были установлены уже 11 ноября 1918 г., с Германией — 21 ноября 1918 г.

Советская Россия 27 ноября 1918 г. в осуществление политики, начало которой было положено Декларацией прав народов России от 16 ноября 1917 г., ответила предложением обменяться дипломатическими представителями.

Союзные государства, участники мирной конференции, признали Польшу 15 января 1919 г., допустив ее представителей к участию в заседаниях. Официальное признание Польши этими государствами произошло в следующем порядке: Соединенными

Штатами Америки — 30 января 1919 г., Францией — 23 февраля 1919 г., Великобританией — 25 февраля 1919 г., Италией — 27 февраля 1919 г.

Признание Польши великими державами и другими государствами означало, что она допускалась к полноправному участию в международной жизни. Ноты, заключавшие в себе признание Польши и официальные заявления представителей иностранных государств, подчеркивали факт восстановления государственности, которой польский народ был лишен в конце XVIII века.

Установление границ польского государства. Решающий голос при обсуждении вопросов об установлении границ принадлежал коалиции стран-победительниц. Главные союзные и объединенные государства — Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, Италия и Япония — образовали руководящий орган Парижской мирной конференции. Начиная с марта 1919 года, европейские проблемы решал Совет четырех (без участия Японии).

Существенное влияние на установление границ оказало польское население, с оружием в руках защищавшее право на самоопределение. Среди факторов, определивших территориальную форму Польши, необходимо упомянуть о двух противоречивых концепциях: одна, федеративная, была выдвинута Ю. Пилсудским, который хотел создать из Украины, Белоруссии, Литвы и Польши федерацию государств в противовес Советской России; другая, инкорпорационная, была представлена партией Национальной демократии. Ее сторонники стремились к присоединению к Польше восточных земель с Вильнюсом и Львовым, чтобы затем колонизировать украинцев, белоруссов и литовцев, составлявших основное население этих земель.

Западные и северные границы Польши были установлены мирным договором с Германией, подписанным 28 июня 1919 г. в Версале. В силу его решений Германия отказывалась от своих прав на часть Великой Польши, которая не была освобождена в результате Великопольского восстания, и на Восточное Поморье. В Ольштынском и Квидзынском округах Восточной Пруссии, а также в Верхней Силезии предусматривалось проведение плебисцита: населению давалась возможность путем голосования высказать, к кому они хотят присоединиться — к Польше или Германии. Результаты плебисцита, проведенного 11 июля 1920 г. в Ольштынском и Квидзынском округах, оказались неблагоприятными для Польши. Из числа территорий, охваченных плебисцитом, к польскому государству было присоединено лишь несколько пограничных гмин, в которых преобладало польское население. В Верхней Силезии плебисцит состоялся 20 марта 1921 г. За присоединение к Польше проголосовало 479 тысяч человек, против — 706 тысяч. Готовящемуся включению всей плебисцитарной зоны в состав Германии помешало вспыхнувшее третье по счету восстание польского населения. Оно оказало влияние на позицию Совета послов великих держав, который 20 октября 1921 г. принял решение о разделе Верхней Силезии между Польшей и Германией согласно волеизъявлению населения по гминам.

Гданьск, вопреки первоначальным намерениям великих держав, не был передан Польше. Под давлением Великобритании и Соединенных Штатов по Версальскому договору Гданьск с прилегающим округом был превращен в вольный город, находящийся под протекторатом созданной на основании того же договора Лиги наций.

Польше было доверено вести внешнюю политику Гданьска. В результате конвенций, заключенных с Гданьском в 1920 и 1921 годах, Польше предоставлялись на территории города определенные права, которые должны были гарантировать ей свободный доступ к морю.

Южная граница Польши была установлена непосредственно после того, как Австрия в договоре 10 сентября 1919 г. (в Сен-Жермене) отказалась в пользу держав Антанты от всяких притязаний на территории, принадлежавшие австро-венгерской монархии и не вошедшие в новые австрийские границы. Решение Австрии означало априорное признание актов, которые впоследствии будут обнародованы странами Антанты по поводу лежащих за пределами Австрии земель, а следовательно, и тех польских земель, которые были частью Австрийской монархии.

Установление границы между Польшей и Чехословакией в Тешинской Силезии вызвало затяжной спор, в течение многих лет оказывавший влияние на атмосферу политических взаимоотношений. Впервые временная граница в Тешинской Силезии была установлена договором, заключенным 5 ноября 1918 г. между польским Национальным советом Тешинского княжества и чешским Национальным краевым советом по делам Силезии. Чехословацкое правительство не признало этого договора. По его распоряжению чешские войска заняли часть спорной территории на юг от реки Ользы. При посредничестве великих держав Польша и Чехословакия заключили соглашение, подписанное в Париже 3 февраля 1919 г., определившее временную демаркационную линию в Тешинской Силезии. Отказавшись от проведения плебисцита на спорной территории, оба правительства в договоре, подписанном 10 июля 1920 г. в Спа, согласились на арбитраж великих держав. Решение Совета послов этих держав по вопросу о разделе Тешинской Силезии было принято 28 июля 1920 г. Из территории Тешинской Силезии, составлявшей 2282 кв. км, Чехословакии было отдано 1270 кв. км, а Польше — 1012 кв. км. В 1938 году польское правительство, воспользовавшись критической ситуацией, в которой оказалась Чехословакия в результате мюнхенского соглашения, вынудило ее под угрозой войны отказаться от прав на $\frac{2}{3}$ территории Тешинской Силезии на юг от Ользы.

Вопрос о восточной границе Польши являлся центральным пунктом внешней и внутренней политики нового государства. Кроме того, он продолжал оставаться в сфере интересов великих держав. 8 декабря 1919 г. они установили временную восточную границу Польши с учетом этнического состава территории; граница эта в основном совпадала с восточными границами бывшего Королевства Польского без Августова и Сувалок. Польское правительство отказывалось признавать эту границу, поскольку она не отвечала ни федеративным, ни инкорпорационным концепциям. Политика экспансии на восточные земли с преимущественно польским населением, активно поддерживаемая польскими помещиками, имевшими там земельные владения, привела к войне с Советской Россией, которая с переменным успехом продолжалась в течение 1919 и 1920 годов. Война эта, подрывавшая экономику страны, завершилась мирным договором, подписанным 18 марта 1921 г. в Риге. По этому договору восточная граница была установлена таким образом, что в польском государстве оказалась значительная часть украинцев и белорусов, составлявших большинство населения его восточных областей.

В 1920 году в тянувшийся с 1918 года спор между Польшей и Литвой по поводу Виленщины вмешался Верховный совет великих держав. На конференции в Спа 10 июля 1920 г. польское правительство в связи с критическим положением на фронте согласилось условно отдать оккупированный до того времени Вильнюс Литве, чтобы не допустить его занятия советскими войсками. Окончательно судьбу Вильнюса должен был решить Верховный совет. Тем временем Советская Россия в соглашении, заключенном 12 июля 1920 г., обязалась уступить Виленщину Литве. В августе Виленщина была занята литовцами. Изменение положения на фронте вновь поставило на повестку дня вопрос о польско-литовской границе и о государственной принадлежности Вильнюса. Польско-литовский договор, подписанный 7 октября 1920 г. в Сувалках, установил временную демаркационную линию на части спорной территории. Накануне введения в жизнь договора, 9 октября 1920 г., якобы взбунтовавшиеся польские формирования под командованием генерала Люциана Желиговского нарушили эту линию и захватили Вильнюс; было создано квазигосударство под названием Центральная Литва.

Поскольку попытки переговоров с Литвой закончились неудачей, так как литовское правительство не желало отказываться от своих прав на Вильнюс, были проведены выборы в Виленский сейм. В них приняло участие исключительно польское население — литовцы и белорусы выборы бойкотировали. Евреи от голосования воздержались. Решением этого Сейма Виленщина была включена в состав польского государства. 3 марта 1922 г. польское правительство и делегация Виленского сейма подписали акт об объединении Виленской земли с Польской республикой. Литва и Советский Союз не признали инкорпорации Виленщины в состав польского государства.

Согласно одному из пунктов Версальского договора не определенные договором границы Польши должны были впоследствии быть утверждены великими державами. Во исполнение этого положения Совет послов великих держав 15 марта 1923 г. принял резолюцию, окончательно признающую восточные и северные границы Польши.

Буржуазный характер польского государства. Независимая Польша сформировалась как государство с капиталистическим общественным строем. В период создания основ польской государственности перевес оказался на стороне общественных сил, высказывавшихся за сохранение капиталистического строя. Кроме буржуазии и помещиков принципы этого строя более или менее решительно одобряли большинство крестьян, ремесленники, мелкие торговцы, интеллигенция, а также некоторые группы рабочего класса. Местные и центральные органы нового государства, несмотря на неоднородный социальный состав и различия в политической ориентации, занимали единую позицию: сохра-

нить в независимой Польше строй, основанный на принципе частной собственности на средства производства.

С инициативой установления в Польше социалистического строя революционным путем выступили Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и ППС — «Левица», а впоследствии образовавшаяся в результате их объединения в декабре 1918 года Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП). Используя опыт Октябрьской революции, эти партии выдвинули и поддерживали идею создания советов рабочих депутатов, в которых усматривали начальные формы власти пролетариата. На территории бывшего Королевства Польского возникло около 100 советов. В Домбровском бассейне руководимые коммунистами советы создали собственные вооруженные силы — Красную Гвардию и взяли в свои руки некоторые функции государственного управления. Советы рабочих депутатов не развернули более широкой революционной деятельности главным образом из-за противодействия реформистских партий, а также из-за репрессий, к которым прибегали правительства Е. Морачевского и И. Падеревского. КРПП, руководившая деятельностью части советов, не разработала для них четкой программы захвата власти, поскольку в то время еще не располагала определенной концепцией социалистического государства и не видела ясно путей, ведущих к ее воплощению в жизнь.

Общественная ситуация, сложившаяся на польских землях в последние недели 1918 года и в начале 1919 года, несмотря на значительный рост политической активности рабочего класса и беднейшего крестьянства, выдвигавших радикальные экономические и социальные требования, не создала предпосылок, ведущих к свержению капиталистического строя. В независимой Польше буржуазия и помещики сохранили свои экономические позиции. В их распоряжении были средства производства, что гарантировало им привилегии при распределении общественного продукта и позволяло играть ведущую политическую роль в государстве. Буржуазное государство законодательным путем закрепляло общественно-экономические отношения, основанные на частной собственности на средства производства, и посредством государственных органов охраняло классовые интересы буржуазии и помещиков.

Территория, население, национальный состав. Территория польского государства составляла 388,6 тыс. кв. км. Она складывалась из земель, до 1 мировой войны входивших в состав стран — участниц разделов: России, Пруссии и Австрии. В 1938 году территория Польши увеличилась более чем на 1000 кв. км за счет присоединения $\frac{2}{3}$ Тешинской Силезии и нескольких приграничных сел, входивших в состав Словакии.

Земли, обнимаемые границами возрожденного польского государства, весьма отличались по уровню своего экономического развития. Все они, и в особенности те, что входили в состав Королевства Польского и Галиции, в результате военных действий и грабительской деятельности оккупантов подверглись сильному разорению; это касалось как промышленности, так и сельского хозяйства.

Население польского государства по данным переписи 1921 года составляло 27,2 млн. человек; в 1939 году оно возросло до 35,1 миллиона. По национальному составу население не было однородным. Согласно переписи 1921 года поляки составляли 69,2% всего населения, украинцы — 14,3%, евреи — 7,8%, белорусы — 3,9%, немцы — 3,9%, прочие национальности — 0,9%.

Статистическая перепись, проведенная в 1931 году, избрала в качестве критерия язык и вероисповедание. Польским языком пользовалось 68,9% граждан, украинским — 13,9%, белорусским — 3,1%, немецким — 2,3%, древнееврейским и еврейским — 8,6%, прочими языками — 3,2% (в том числе 2,2% — местными наречиями). Результаты статистических переписей, касающиеся национального состава, трудно считать достоверными. Предложенные в тридцатые годы оценки величины отдельных национальных групп неоднозначны. Согласно этим оценкам численность поляков колебалась от 64 до 69%, украинцев — от 14 до 16%, евреев — от 8 до 10%, белорусов — от 4 до 6%, немцев — от 2 до 3%.

Украинцы и белорусы заселяли восточные области страны, составляя там большинство населения. Не менее 150—200 тыс. литовцев проживало в западной части Виленщины. Немецкое меньшинство было сосредоточено в Поморье, в Великой Польше, в Силезии и некоторых областях центральной Польши. Еврейское население проживало в городах, главным образом в центральных, южных и восточных воеводствах.

По вероисповеданию население Польши в 1931 году делилось на приверженцев римско-католической церкви — 64,8%, греко-католической (униатской) — 10,4%, православной — 11,8%, иудейской религии — 9,8%, протестантской — 2,6%, других религий — 0,6%.

Гражданство польского государства. Правовые основы польского гражданства были закреплены Конституцией от 17 марта 1921 г., законом о польском граж-

данстве от 20 января 1920 г., а также международными договорами и соглашениями.

Первым соглашением, регулирующим проблему гражданства польского государства, был договор между державами Антанты и Польшей, подписанный в Версале 28 июня 1919 г. В обиходе он получил название *малого версальского договора*. Согласно его решениям польскими гражданами по закону признавались лица, которые, будучи немецкими, австрийскими, венгерскими либо российскими подданными, к моменту вступления договора в силу постоянно проживали на территории, признанной составной частью Польши. Польскими гражданами по этому договору считались также немецкие, австрийские, венгерские или российские подданные, родившиеся на указанных территориях от родителей, постоянно там проживающих, даже если сами они к моменту вступления в силу договора постоянного места жительства там не имели. Договор постановлял, что лицо, не являющееся подданным никакого другого государства, получает польское гражданство в силу самого факта своего рождения на территории Польши. Другие международные договоры, заключенные Польшей, дополняли и детализировали эти общие постановления: исключалась возможность двойного гражданства, жителям определенных районов предоставлялось право оптации, т. е. выбора гражданства, и т. д.

Внутренне законодательство признавало польскими гражданами лиц, проживающих либо родившихся на территории польского государства, а также лиц, которые были признаны польскими гражданами на основании международных договоров. Польское гражданство приобреталось путем рождения от родителей, являющихся польскими гражданами, путем усыновления или замужества, а также могло быть присвоено. Присваивать гражданство был уполномочен министр внутренних дел. Польское гражданство утрачивалось, если данное лицо приобретало другое гражданство, а также если оно занимало публичный пост или поступало на военную службу в другом государстве без согласия польских властей

Раздел второй

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1. ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Конституционные законы. Первым нормативным актом конституционного характера был декрет от 22 ноября 1918 г. о высшей представительной власти Польской Республики. В осуществление его решений о созыве Учредительного сейма были изданы декреты от 28 ноября 1918 г., содержащие положение о выборах в сейм. Декрет от 22 ноября 1918 г. утратил силу с момента принятия сеймом 20 февраля 1919 г. Малой конституции. Она установила основы политического строя

государства на период до утверждения Конституции, сохраняя одновременно за Пилсудским пост Начальника государства. Конституция возрожденной Польши была принята 17 марта 1921 г. Основными законоположениями, изданными в связи с ней, были: положение о выборах в сейм и положение о выборах в сенат, принятые 28 июля 1922 г.; регламент Национального собрания, определявший порядок выборов президента, принятый 27 июля 1922 г.; закон о Государственном трибунале от 27 апреля 1923 г. Следствием военного переворота, совершенного Ю. Пилсудским в 1926 году, явился закон от 2 августа 1926 г., вносивший изменения и дополнения в Конституцию 17 марта 1921 г. в целях укрепления исполнительной власти и ограничения прав парламента.

Антидемократический политический строй призвана была укрепить Конституция 23 апреля 1935 г. Важнейшими законоположениями, вводящими в силу ее постановления, стали: положение о выборах в сейм, положение о выборах в сенат, положение о выборах президента, утвержденные 8 июля 1935 г., а также закон о Государственном трибунале от 14 июля 1936 г.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Основные черты общественной структуры. Общественный строй республики основывался на принципе частной собственности на средства производства. Отношение государства к принципу частной собственности было четко определено в ст. 99 Конституции 17 марта 1921 г., полностью включенной в Конституцию 23 апреля 1935 г. По этой статье всякая собственность — как личная, принадлежащая отдельным гражданам, так и коллективная, принадлежащая группам лиц, организациям, самоуправляющимся коллективам, а также государству — признавалась одной из важнейших основ общественного строя и правового порядка.

В ст. 99 предусматривалось, что отмена или ограничение права собственности могут быть произведены только по соображениям высшей необходимости в законодательном порядке и с возмещением убытков. Государство могло также, исходя из интересов общества, определить законодательным путем, какие материальные ресурсы и в каком объеме должны составлять исключительно государственную собственность. Таким же путем могли быть внесены изменения в распределение земельной собственности за счет ограничения поме-

щичьей собственности и увеличения доли крестьян во владении землей.

В общественной структуре Речи Посполитой, являющейся отражением тогдашнего экономического строя, помимо двух основных классов, связанных с господствующим капиталистическим способом производства — капиталистов и рабочих, существовало многочисленное крестьянство, а значит — мелкотоварный способ производства. В городах проживали ремесленники и торговцы. Мелкие производители на селе и в городе подвергались процессу расслоения. В результате этого появились многочисленные промежуточные слои, по своему социально-экономическому положению, а также по уровню и условиям жизни приближающиеся к двум основным классам — одни к классу капиталистов, другие к классу рабочих. Особое место с точки зрения способа производства, а следовательно, и особое положение в обществе занимала прослойка работников умственного труда. Критерием, на основании которого она выделялась, была специфика выполняемой работы (умственный труд).

Капиталисты. К классу капиталистов принадлежали собственники средств производства, использующие наемный труд. К этому классу во II Речи Посполитой причислялись буржуазия и помещики. Промежуточный между классом капиталистов и классом мелких производителей слой составляла часть ремесленников и торговцев, а также землевладельцев-крестьян, которые использовали наемный труд. От буржуазии и помещиков они отличались тем, что и сами работали в своих мастерских, лавках и на своих земельных участках.

В 1931 году численность польской буржуазии (вместе с семьями) составляла около 1,2%, а вместе с вышеуказанной промежуточной прослойкой — примерно 6% всего населения страны.

В среде буржуазии большинство составляли поляки и евреи, а в западных воеводствах — и немцы.

В несельскохозяйственных отраслях национальной экономики наибольшая дифференциация наблюдалась среди капиталистов, владевших промышленными средствами производства. Принимая в качестве критерия количество наемных рабочих, занятых на одном производстве, можно разделить производственные предприятия на мелкие (до 15 человек), средние (15—200) и крупные (свыше 200). Статистические данные 1935 года по обрабатывающей промышленности показывали, что мелкие предприятия (15 170) состав-

ляли подавляющее большинство по сравнению со средними (6841) и крупными (778). Крупные предприятия преобладали в добывающей промышленности, в особенности в горнодобывающей.

На производственных предприятиях существовали различные правовые формы собственности. На мелких предприятиях преобладала форма индивидуальной собственности, полного товарищества либо общества с ограниченной ответственностью. Средние и в особенности крупные предприятия были организованы в форме акционерных обществ. Акционерами наряду с польскими были иностранные — французские, американские, немецкие, бельгийские, английские — капиталисты, что ставило польскую экономику в зависимость от зарубежных центров. В 1937 году в польских акционерных обществах им принадлежало более 40% основных капиталов. Крупные предприятия объединялись, как известно, в картели, концерны, синдикаты.

Помещики составляли немногочисленную группу — около 60 тысяч человек (с семьями). В их руках находилось примерно 20 тысяч хозяйств площадью более 50 га, которые в 1921 году занимали примерно 30% всей земли, включая леса. В результате аграрной реформы и парцеляции площадь помещичьих владений в 1938 году уменьшилась до 24%. По своим размерам помещичьи хозяйства резко отличались друг от друга. В фольварках площадью до 1000 га, занимавших около $\frac{1}{3}$ всех помещичьих земель, применялись капиталистические методы хозяйствования, эксплуатировалась рабочая сила. В латифундиях, крупнейшими из которых были владения Замойского (191 тыс. га) и Радзивиллов (177 тыс. га), еще сильны были пережитки феодальных форм ведения хозяйства. Среди помещиков преобладали поляки; примерно 10% составляли немцы, владевшие землями главным образом в западных воеводствах и в Силезии.

Государство тоже являлось владельцем средств производства. От стран — участниц разделов к нему перешли многочисленные заводы, предприятия, постройки. Государству принадлежало также около 16% земель, преимущественно лесов. Во II Речи Посполитой проявлялась тенденция к увеличению государственной собственности. Происходило это за счет открытия новых предприятий, по своему производственному профилю связанных главным образом с оборонной промышленностью, создания государственных банков, приобретения частных предприятий, находящихся под угрозой разорения. Государство оставляло за собой право участия в хозяй-

ственной деятельности путем создания монополий. В 1928 году стоимость государственных предприятий оценивалась примерно в 20% всего национального дохода.

Рабочие. Численность рабочего класса по II Речи Посполитой медленно возрастала: от 27,5% всего населения в 1921 году до 30,2% в 1938 году. С точки зрения национального состава, среди рабочего класса преобладали поляки (83%). Рабочие были заняты в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в торговле, в государственных учреждениях, предприятиях. Самой многочисленной была категория рабочих, занятых в промышленности, включая горную (в 1931 году она охватывала лишь 15% рабочих). Вторую по численности категорию составляли сельскохозяйственные рабочие.

В них должно усматривать промежуточную прослойку между крестьянством и рабочим классом. В 1931 году они составляли 33% от общего числа рабочих. До 10% от всех работавших по найму составляла домашняя прислуга. Для более чем 20% трудящихся, не занятых в сельском хозяйстве, работодателем было государство и органы самоуправления. Особую группу составляли безработные. В период, предшествовавший экономическому кризису, их количество равнялось примерно 100 тысячам человек. В годы экономического кризиса это число возрастало до 700 с лишним тысяч, составляя около 30% всех несельскохозяйственных рабочих.

Картина жизни рабочих отличалась пестротой — их жизненный уровень обуславливался прежде всего величиной заработка. А заработки зависели от множества факторов, таких, как отрасль промышленности, величина предприятия, его локализация, профессиональная квалификация рабочего, возраст. Несколько более благоприятно складывалась ситуация для рабочих, занятых на государственных и муниципальных предприятиях, а также в крупной промышленности. Самой обездоленной с точки зрения бытовых условий была категория сельскохозяйственных рабочих. В наиболее тяжелом материальном положении, безусловно, находились безработные.

Крестьяне. Самую многочисленную часть класса мелкотоварных производителей составляли крестьяне. Их численность, в 1921 году превысившая половину населения страны (53,3%), выказывала тенденцию к медленному снижению и в 1938 году достигла 50%. От других классов и слоев общества крестьянство отличалось специфическим типом деревенской культуры. Этот фактор несколько ослаблял вызванную имущественным неравенством дифференциацию деревенского населения. Среди крестьян почти 60% было поляков, более 26% — украинцев, около 11% — белорусов.

Общественная структура крестьянства с точки зрения размеров земельных владений была весьма разнородной. В зависимости от количества земли крестьяне делились на многоземельных (от 12 до 50 га), середняков (от 5 до 12 га) и малоземельных (до 5 га). В 1921 году многоземельным крестьянам, составлявшим 12% крестьянского населения, принадлежало 30% крестьянских земель. Средняки, составлявшие 37% крестьянского населения, обрабатывали 41% от всей площади крестьянских сельскохозяйственных угодий. Малоземельные, к которым принадлежала половина крестьянства, пользовались 29% крестьянских земель. Среди малоземельных хозяйств выделяли еще довольно многочисленную категорию карликовых хозяйств площадью до 2 га. Среди них около $\frac{1}{3}$ составляли личные участки сельскохозяйственных рабочих и батраков, деревенских ремесленников, рабочих, не занятых в сельском хозяйстве.

Нормальные условия для производства сельскохозяйственной продукции имели лишь владельцы крупных и средних хозяйств. В 1931 году примерно в 9% хозяйств использовался труд постоянных наемных рабочих. В трудном экономическом положении находились владельцы малоземельных хозяйств. Их продукция не всегда могла удовлетворить жизненные потребности землевладельца и членов его семьи. Малоземельные крестьяне вынуждены были искать дополнительную работу в городе, занимались деревенскими ремеслами, кустарными промыслами или эмигрировали за границу. Из них формировались также кадры сезонных рабочих для более крупных земледельческих хозяйств. Избыток поставляемой деревней рабочей силы — людей, не имеющих работы или только частично занятых в сельском хозяйстве — оценивали в пределах от 3 до 5 млн. Жизнь этой группы крестьян была очень тяжелой. Малоземельные крестьяне подвергались процессу пролетаризации. Они были главным источником пополнения рабочего класса в городах.

Имущественная структура в сельском хозяйстве II Речи Посполитой подвергалась некоторым изменениям. Наибольшее влияние на ее преобразование оказала весьма ограниченная, правда, аграрная реформа, проводимая под нажимом крестьянства. Существенную роль также сыграли ликвидация сервитутов, наследственные разделы земли и сделки купли-продажи недвижимости. В результате всего этого в 1921—1938 гг. крестьяне получили дополнительно 2854 тыс. га. Количество крестьянских земель возросло с 52% от общей земельной площади в 1921 году до почти 60% в 1938 году.

Ремесленники и мелкие торговцы. Численность ремесленников и мелких торговцев во II Речи Посполитой медленно увеличивалась: от 11% общего количества населения в 1921 году до 11,8% в 1938 году.

Эта группа населения отличалась неоднородностью по причине неодинаковости объема средств производства ее членов и разного уровня их доходов. Более состоятельная часть ремесленников и

торговцев использовала труд наемных рабочих. Значительный процент составляли ремесленники, обучавшие своему делу учеников и подмастерьев. В этой общественной группе большинство составляли евреи. Число ремесленных мастерских систематически возрастало: от 175 тысяч в 1928 году до более чем 380 тысяч в 1938 году. Это были сапожники, портные, столяры, мясники, пекари, парикмахеры, каменщики, слесари. Неоднородной по своему экономическому положению группой были торговцы. Объясняется это тем, что к ней причисляли богатых коммерсантов, многочисленную категорию лавочников и членов их семей, а также базарных торговцев и лиц, занимающихся торговлей вразнос. Эти последние две категории в совокупности с бедными ремесленниками составляли очень многочисленную (примерно 60—80%) пауперизированную группу, получавшую небольшие доходы, зачастую не обеспечивавшие их семьям скромный прожиточный минимум.

Работники умственного труда. Количество работников умственного труда во II Речи Посполитой медленно увеличивалось: от 5,1% от общего количества населения в 1921 году до 5,7% в 1938 году. В общественной структуре работники умственного труда занимали особое положение, обусловленное характером их деятельности. Эта группа не занимала единой позиции по отношению к другим классам общества и классовым конфликтам. Более 40% ее представителей участвовало в процессе капиталистического производства, работая в органах управления промышленностью, сельским хозяйством, торговлей, банковским делом. Больше чем половина служили в государственных учреждениях, в органах самоуправления, в общественных организациях. Отдельную группу работников умственного труда составляли представители свободных профессий и лица, живущие на получаемые ими гонорары (адвокаты, врачи).

Работники умственного труда делились на различные профессиональные категории, отличавшиеся одна от другой размерами заработной платы и жизненным уровнем, а также престижем в обществе. Особую роль играли служащие государственного аппарата, которые непосредственно участвовали в управлении государством. Относительно немногочисленную категорию составляли работники умственного труда, имеющие высшее образование. По национальному составу в группе работников умственного труда преобладали поляки (более 75%). Из национальных меньшинств в ней было сравнительно много евреев. Лиц еврейской национальности было особенно много (до 50%) среди представителей свободных профессий. Это было вызвано трудностями в получении евреями работы в государственном аппарате. Работникам умственного труда была знакома и безработица: количество безработных в этой группе в 1929 году оценивалось примерно в 60 тысяч; в годы

кризиса онó удвоилось. Средняя величина доходов работников умственного труда формировалась на уровне, вдвое превышавшем уровень доходов рабочих.

III. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В 1918—1926 гг.

А. Политический строй до вступления в силу Конституции 17 марта 1921 г.

Система государственного строя по декрету от 22 ноября 1918 г. Декрет определил временный государственный строй на период до созыва Учредительного сейма. Высшая власть принадлежала Ю. Пилсудскому, который занимал пост Временного начальника государства. Правительство, состоящее из премьер-министра и министров, назначалось и распускалось Временным начальником государства. Изданные советом министров и утвержденные Временным начальником государства декреты утрачивали силу, если не были утверждены на первом заседании Учредительного сейма. 20 февраля 1919 г. Пилсудский в соответствии с декретом от 22 ноября 1918 г. передал свою власть собравшемуся Сейму.

Политический строй по Малой конституции от 20 февраля 1919 года. Малая конституция, вверяя пост Начальника государства Пилсудскому, способствовала в то же время концентрации государственной власти в руках Учредительного сейма. Сейму предоставлялась суверенная власть: срок его полномочий не был определен; устанавливалась зависимость от Сейма органов исполнительной власти, Начальника государства и министров. Главной задачей Сейма было принятие основного закона — конституции. Сейм имел исключительное право утверждать законы.

Начальник государства представлял государство в международных отношениях и возглавлял гражданскую и военную администрацию. За свою деятельность он нес ответственность перед Сеймом. Каждый его государственный акт должен был скрепляться подписью соответствующего министра. По согласованию с Сеймом Начальник государства назначал правительство. Министры индивидуально, а правительство солидарно отвечали за свою деятельность перед Сеймом.

Б. Политический строй по конституции 17 марта 1921 г.

Генезис конституции 17 марта 1921 г. Вскоре после созыва Учредительный сейм приступил к исполнению своей основной задачи — принятию конституции. Конституционная комиссия Сейма, используя проекты, предложенные правительством, политическими партиями и даже частными лицами, подготовила собственный проект конституции. В июне 1920 года он был представлен пленуму Сейма. При подготовке проекта комиссия не стала искать оригинальных решений, а воспользовалась испытанной на практике государственной моделью III Французской республики 1875 года. Комиссия приняла парламентский строй, признав его наиболее подходящим для польского общества. Основные положения проекта вызвали оживленные дискуссии. Особенно горячо обсуждались такие вопросы, как способ избрания президента (народом или парламентом), структура парламента (одно- или двухпалатная), отношение государства к церкви, вопрос о правах национальных меньшинств. Поскольку ни левые, ни правые партии, представленные в Учредительном сейме, не имели большинства, были приняты компромиссные решения. 17 марта 1921 г. Конституция была принята. Она получила название «Мартовской».

Принципы политического строя. Принципы Мартовской конституции, составлявшие основу политического строя, были неодинакового происхождения. При их выборе создатели Конституции руководствовались разнообразными соображениями. Свою роль сыграли как теории и концепции, господствовавшие в то время в доктрине государственного права, так и образцы общественных систем стран-победительниц, усилившиеся после I мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, демократические и прогрессивные течения, распространившиеся по всей Европе, и, наконец, существующие в польском обществе социально-политические тенденции, сформировавшиеся под влиянием свободлюбивых традиций шляхетской Речи Посполитой и являвшиеся реакцией на полицейские системы стран — участниц разделов.

Принцип преемственности традиций польского государства. Независимая Польша не была совершенно новым государством, порождением XX века, это было:

государство, воскрешенное к жизни после более чем столетней неволи. Непрерывность национально-государственной традиции подтверждалась во вступлении к конституции, гласившем: «Мы, польский народ, вознося благодарность провидению за освобождение от полуторавекового гнета, вспоминая с признательностью о мужестве и стойкости, проявленных в самоотверженной борьбе поколений, постоянно отдававших лучшие свои силы делу освобождения, продолжая светлые традиции достопамятной Конституции 3 мая, настоящий Конституционный закон принимаем и утверждаем.»

Республиканская форма политического строя. Статья 1 Мартовской конституции объявляла, что «польское государство является республикой (Речь Посполита)». Это название, подчеркивающее преемственность польской государственности, создатели Конституции употребили для обозначения государственного строя. Республиканская форма государственного строя в межвоенный период встречала почти всеобщее одобрение польского общества.

Принцип суверенитета народа. Конституция 1921 года сформулировала этот принцип в ст. 2, гласящий, что «верховная власть в Польской Республике принадлежит народу». На этом принципе строилась теоретическая основа политического строя государства. Признание народа источником и носителем верховной власти означало, что к участию в политической жизни допускаются все граждане. В этом выражалась политическая демократия. Однако демократия эта была формальной, при ней сохранились экономическое неравенство и социальная зависимость, следовательно, она не гарантировала поистине равных для всех граждан прав.

Принцип представительной демократии. Народ, как носитель верховной власти в государстве, осуществлял эту власть не прямо, а посредством выборных органов. Мартовская конституция признавала идею представительной демократии, однако лишь в применении к законодательным органам. Представителями народа, избираемыми путем всеобщих, равных, прямых и пропорциональных выборов при тайном голосовании, были сейм и сенат. Логичным следствием такой точки зрения явилось предоставление законодательным палатам главенствующей роли среди высших государственных органов.

Принцип разделения властей составлял основу организационной структуры государства. Он был отражен в ст. 2 Конституции, гласившей, что законодательными органами народной власти являются сейм и сенат, исполнительную власть осуществляет президент совместно с ответственными министрами, а органами правосудия служат независимые суды. Концепцию разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную создатели Конституции понимали как разделение компетенций государства между различными его органами. Разделение властей должно было в соответствии с буржуазной политической теорией сдерживать тяготение исполнительных органов к произволу и гарантировать гражданские права.

Система ответственного правительства (парламентаризм). Согласно Конституции 1921 года отношения между органами законодательной и исполнительной власти строились по принципу правительственной ответственности перед парламентом. Этот принцип нашел выражение в ст. 58, гласящей, что «совет министров и каждый из министров в отдельности по требованию сейма подают в отставку».

Принцип однородности государства. II Речь Посполитая была в основном единым государством с одинаковым политическим строем в разных районах страны. Исключение составляла лишь автономия Горной Силезии. Возникла она как следствие борьбы между Польшей и Германией по вопросу о том, кому должна принадлежать эта область. Введением автономии предполагалось склонить население Силезии (во время плебисцита) высказаться за присоединение к Польше. Автономия гарантировалась конституционным законом от 15 июля 1920 г., содержащим автономный статут Силезского воеводства. Законодательную власть в пределах автономных полномочий осуществлял Силезский сейм.

Сейм и сенат. Законодательную власть Конституция 1921 года предоставила *сейму и сенату*. Название Сейма получил не весь парламент (как до 1795 года), а лишь его нижняя палата. Таким образом, в области законодательства утверждалась система двухпалатного представительного органа, где Сенату отводилась второстепенная роль.

Порядок выборов в Сейм и Сенат определялся Конституцией и положениями о выборах. Активное из-

бирательное право было основано на всеобщем, равном, тайном, прямом и пропорциональном голосовании. В выборах в Сейм мог участвовать любой гражданин, достигший 21 года, а в Сенат — 30 лет, за исключением лиц, находящихся на действительной военной службе, не обладающих полнотой гражданских прав или лишенных публичных. Пассивное избирательное право при выборах в Сейм имели все граждане, достигшие 25 лет, а в Сенат — 40 лет, в том числе и военные, находящиеся на действительной службе. Сейм состоял из 444 депутатов. Сенат — из 111 сенаторов. Срок полномочий Сейма и Сената равнялся пяти годам. Сейм мог быть распущен до истечения срока его полномочий президентом с согласия $\frac{3}{5}$ предусмотренного законом числа членов Сената. В случае роспуска Сейма Сенат также распускался.

Полномочия законодательных органов делились на: законодательные, контрольные, элекционные и конституционные.

Законодательные полномочия, принадлежавшие Сейму и Сенату, заключались в установлении публичных и частных прав. Согласно Мартовской конституции всякий закон должен был быть одобрен Сеймом. Мартовская конституция требовала, чтобы такие вопросы, как утверждение государственного бюджета, обложение налогами, установление численности армий, объявление амнистии, ратифицирование договоров и другие важнейшие акты, принимались в законодательном порядке. Право законодательной инициативы принадлежало правительству и сейму. Сенат получил право вносить поправки в законы, принятые сеймом. Поправки эти в свою очередь могли быть отвергнуты Сеймом большинством в $\frac{11}{20}$ голосов. Промульгация и публикация законов были обязанностью президента.

Контрольные полномочия в полном объеме принадлежали Сейму и в ограниченной степени — Сенату. Члены обеих палат обладали правом интерпелляции. Право привлечения министров к парламентской и конституционной ответственности предоставлялось только Сейму. Для осуществления финансового контроля за всей системой государственного управления была создана Верховная контрольная палата. Одной из форм контроля было выражение Сеймом согласия на объявление президентом войны и заключение мира, а также утверждение чрезвычайного положения, вводимого советом министров.

Элекционные (избирательные) полномочия заключались в избрании Сеймом и Сенатом, объединенным в Национальное собрание, президента Речи Посполитой.

Конституционные полномочия позволяли сейму и сенату изменять и пересматривать конституцию. Виды изменений и порядок их внесения оговаривались Мартовской конституцией.

Организация и порядок работы Сейма и Сената определялись Мартовской конституцией и регламентами. Обе палаты избирали из своего числа президиумы, состоящие из маршала, его заместителей и секретарей. Депутаты и сенаторы считались представителями всего народа и потому не могли быть связанными наказами своих избирателей, обладали парламентским иммунитетом и депутатской неприкосновенностью.

Президент Республики. Президент Республики являлся главой государства. Он руководил органами исполнительной власти, представлял государство в международных отношениях, обладал законодательными и судебными полномочиями. Президент избирался Национальным собранием сроком на семь лет. В случае необходимости его заменял маршал Сейма, которому передавались все полномочия президента.

В компетенцию Президента входило назначение и роспуск правительства (совета министров). При формировании правительства президент обязан был считаться с позицией большинства Сейма. Министры назначались по предложению председателя совета министров. Президент распределял высшие гражданские и военные должности, осуществлял верховное командование вооруженными силами; как глава государства принимал представителей иностранных государств и посылал за границу представителей польского государства, а также заключал международные договоры. Президент объявлял войну и заключал мир, но лишь с согласия сейма. Ему также принадлежало право издавать исполнительные распоряжения и постановления. Президент созывал, закрывал и переносил сроки очередных и чрезвычайных сессий Сейма и Сената. Он обладал правом распускать сейм с согласия $\frac{3}{5}$ членов сената. Президент подписывал законы вместе с министрами и распоряжался об их публикации в «Законодательном вестнике». Президент назначал судей, а также решал вопросы о помиловании.

Государственные акты президента должны были быть контрассигнованы премьер-министром и соответствующим министром, которые и отвечали перед сеймом за их содержание. Таким образом, Президент был лишен функциональной самостоятельности. Конституция предусматривала его ответственность лишь за измену родине, нарушение конституции и уголовные преступления. Право привлечения Президента к ответственности

принадлежало сейму. Дело рассматривалось Государственным трибуналом.

Совет министров (правительство). Совет министров состоял из министров, возглавляемых председателем совета министров. Число министров и их полномочия определялись законами. Министры назначались и отзывались Президентом по предложению председателя совета министров. Согласно Мартовской конституции совет министров должен был определять общее направление внутренней и внешней политики правительства — это было одно из его основных полномочий. Того же направления надлежало придерживаться и отдельным министрам. Совет министров составлял проекты законов и ежегодно представлял на утверждение парламента отчет о выполнении бюджета, а также участвовал в осуществлении полномочий президента. Кроме того, Совет министров решал вопросы, относимые к его компетенции обычными законами. Свои задачи совет министров осуществлял с помощью исполнительных распоряжений и постановлений.

Министры в соответствии с двойной ролью, которую они играли в системе исполнительных органов, несли солидарную и индивидуальную ответственность за свою деятельность. По форме Конституция 1921 года подразделяла ответственность на парламентскую (политическую) и конституционную. Парламентская ответственность относилась к области политики, проводимой правительством или министром. Сейм мог простым большинством голосов потребовать его отставки (вотум недоверия). Последствия парламентской ответственности носили политический характер: утратившие доверие Сейма правительство или министры уходили в отставку. Конституционная ответственность касалась соответствия деятельности министров требованиям конституции и законов. Сейм привлекал министров к конституционной ответственности квалифицированным большинством голосов. Вопрос рассматривался Государственным трибуналом.

Права и обязанности граждан. Права, предоставляемые гражданам Мартовской конституцией, делились на: *политические права, гражданские права* в точном значении этого понятия (права личности), *социальные права и свободы*.

Политические права определялись принципами государственного строя. К ним относились: активное и пас-

сивное избирательное право для выборов в Сейм, Сенат и органы самоуправления; доступность публичных должностей.

Гражданскими правами объявлялись: равенство перед законом; право на охрану жизни, свободы и имущества; право возмещения убытков и потерь в судебном порядке; право возмещения ущерба, нанесенного государственными органами, действовавшими вопреки закону. Защитником и хранителем этих прав Конституция называла независимые суды. Ограничения личной свободы допускались исключительно в случаях, предусмотренных уголовным правом, и только по предписанию судебных властей. Граждане могли быть преследуемы и наказуемы только на основании действующего закона. Граждане имели право подавать жалобы на решения административных властей в административные суды.

Под влиянием требований трудящихся Мартовская конституция ввела новую категорию прав, называемых социальными правами. Ее составляли: право охраны труда, в том числе особой охраны труда несовершеннолетних и женщин; запрещение применять труд детей, не достигших 15 лет; право на социальное обеспечение в случае потери работоспособности или безработицы; право охраны материнства; право бесплатного обучения в государственных, муниципальных и гминных школах. Характерная особенность этих прав заключалась в том, что они требовали конструктивного участия государства и налагали конкретные обязательства на его органы.

Свободы включали: свободу слова и печати; свободу коалиций; свободу совести и вероисповедания; свободу науки и преподавания; свободу проживания на территории государства; свободу эмиграции; неприкосновенность жилища; тайну переписки; неприкосновенность собственности; признание национальных прав.

Гражданские права подвергались разнообразным ограничениям, которые мотивировались необходимостью обеспечить права других граждан, и прежде всего интересами государства. Пределы некоторых прав указывались в самой Конституции. В большинстве случаев по вопросам детальной регламентации этих прав Конституция отсылала к ординарным законам. Тем самым центр тяжести в осуществлении гражданских прав с

конституционных законов переносился на обычное законодательство.

В момент принятия Конституции 1921 года гражданские права регламентировались законами, существовавшими в период разделов, в большинстве своем противоречившими ее буржуазно-либеральным постановлениям. Мартовская конституция предусматривала, что положения, не соответствующие ее содержанию, будут приведены в соответствие сеймом в течение года. Когда по прошествии указанного срока этого не произошло, встал вопрос: что же является обязательным к исполнению — положения Конституции или противоречащие ей законы. Верховный суд и Верховный административный трибунал не разрешили эти сомнения однозначно. Что касалось равенства граждан перед законом или свободы совести и вероисповедания, то суды признавали эти принципы действующими с момента вступления в силу Мартовской конституции. В других случаях суды требовали утверждения соответствующих законоположений, а до их издания признавали имеющими силу законы периода разделов. Это одно придавало уже постановлениям Мартовской конституции декларативный характер.

К всеобщим гражданским обязанностям конституция причисляла: верность государству; уважение к законам и распоряжениям властей; добросовестное исполнение публичных повинностей; воспитание детей в гражданском духе; обязательное начальное образование.

В. Функционирование политической системы

Конституция предоставляла гражданам формально равные права на участие в политической жизни. Однако при соприкосновении с действительностью эти права оказывались далеко не равными. Существующие социально-экономические отношения ставили в привилегированное положение буржуазию и помещиков. Создаваемые либо поддерживаемые ими политические партии получали значительные материальные средства, что позволяло им успешнее воздействовать на общественное мнение. Это обнаруживалось как при выборах в парламент, так и в органы самоуправления. Партии, располагавшие большими фондами, могли оказывать более эффективное воздействие на широкие круги по-

литически незрелых и колеблющихся избирателей, завоевывать поддержку для своих программных тезисов. В результате они получали большее число мест в сейме, а следовательно, и возможность активнее влиять на решения государственных дел.

Кроме ограничений гражданских прав, вытекавших из характера социально-экономических отношений, существовали ограничения, являвшиеся следствием решений государственных органов. С первых дней II Речи Посполитой коммунистическая партия на основании постановлений административных и судебных органов была лишена права на легальную политическую деятельность. В течение всего межвоенного периода политика подавления коммунистического движения встречала одобрение большинства представленных в сейме партий.

Причина возникновения в Польше многопартийной системы коренилась в сложной классовой структуре общества, в многонациональном составе населения, в наследии прошлого. Многие партии, в особенности в первые годы существования II Речи Посполитой, представляли собой организации, неоднородные по социальному составу, мировоззрению и провозглашаемым программным концепциям.

Панорама политических партий во II Речи Посполитой представляла собой чрезвычайно пеструю мозаику. Наиболее отчетливо в этой мозаике проступало деление на польские партии и партии национальных меньшинств. Только коммунистическая партия объединяла в своих рядах представителей всех национальностей, живущих в пределах польского государства. Среди польских партий в соответствии с их парламентской деятельностью и политической тактикой обозначилось деление на правые, центристские и левые партии. Еврейские, немецкие, украинские и белорусские группировки с 1922 года объединились в блок национальных меньшинств.

Главной и традиционно правой была партия эндеков — Национальная демократия, действовавшая на польских землях с конца XIX века. С 1919 года эндеки выступали под официальным названием Народно-национального союза, а с 1928 года — Национальной партии («Стронництво народов»). Эта партия представляла интересы польской буржуазии, части помещиков,

мещанства, а также значительной части буржуазной интеллигенции. На парламентских выборах ее кандидатов поддерживала какая-то часть крестьян. Свою экономическую программу эндеки основывали на признании принципа частной собственности и свободы экономической инициативы. Центральное место в программе партии занимала националистическая идеология, подкрепленная лозунгами «социальной солидарности». Национализм эндеков проявлялся прежде всего в выступлениях против меньшинств. Особенно рьяно эндеки пропагандировали антисемитизм. Они организовывали разнообразные антиеврейские выступления. Партия требовала расширения польского влияния в промышленности, торговле, ремесле. Важным элементом национального воспитания она считала католическую религию. Провозглашая лозунг национального государства, эндеки до времени поддерживали идею парламентской демократии как государственного строя. После майского переворота 1926 года в руководстве партии «Стронництво народов» стали проявляться откровенно антидемократические и антипарламентские тенденции. Они сочетались с одобрением итальянского, а впоследствии и немецкого фашизма. Теоретиком и признанным лидером партии был Роман Дмовский.

Другой правой партией была так называемая «Христианская демократия», выступавшая под официальным названием Польской партии христианской демократии. Общественную основу этой партии составляла часть мелкой буржуазии и некоторые слои рабочих. В своей экономической политике Христианская демократия пропагандировала заимствованный из социальной доктрины католической церкви лозунг «общедоступности собственности», под чем подразумевалось возведение рабочего на роль «совладельца» фабрики, на которой он работал. Партия добивалась привилегированного положения для католицизма и требовала поддержки религии государством. Сотрудничество с эндеками привело к созданию в 1922 году общего избирательного блока, выступавшего под названием Христианский союз национального единства (сокращенно «Хъена»). После государственного переворота 1926 года Христианская демократия находилась, как и эндеки, в оппозиции к санационному правительству. Христианская демократия объединилась с Национальной рабочей партией в

«Стронництво працы» со сходной программой и антисанационной направленностью.

После майского переворота 1926 года поддерживавшая Ю. Пилсудского санационная группа создала собственную политическую партию. Такой партией стал образовавшийся в конце 1927 года в связи с парламентскими выборами Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББ). В его состав входили коллективные и индивидуальные члены. Коллективными членами являлись различные группировки и организации, начиная от правых и консервативных и кончая относительно левыми. В последующие годы в ББ вступали группы, отколовшиеся от других партий. Лицом, сплачивающим внутренне Беспартийный блок, был Ю. Пилсудский. В вопросах, касающихся государственного устройства, ББ провозглашал лозунг ограничения прав парламента и усиления позиций правительства. В области экономики блок выступал за расширение участия государства в хозяйственной жизни. На практике ББ представлял собой главным образом опору правительства, а не самостоятельное политическое движение. В руководстве ББ особую роль играла группа полковников, выступавшая за диктаторские методы управления государством; к ней принадлежали Валеры Славек, Богуслав Медзинский, Казимеж Свигальский, Юзеф Бек. Более либеральную группу того же блока возглавлял многократный премьер проф. Казимеж Бартель.

После смерти Пилсудского в 1935 году в результате разногласий среди руководства санационного лагеря ББ был распущен. Кампания по созданию новой политической группировки завершилась в 1937 году образованием Лагеря национального объединения — ОЗН (Обуз зъєднoчєния народoвeгo). В его состав вошла большая часть просанационных групп и организаций; с момента присоединения к ОЗН они утратили свою организационную автономию. Программа ОЗН выдвигала на первый план националистические и солидаристские лозунги. Она признавала руководящую роль государства в жизни народа, отводила ему важное место в хозяйственной жизни, основой которой являлась частная собственность на средства производства, по итальянскому и немецкому образцу пропагандировала культ вождя—

Эдварда Рыдз-Смиглого. Созданный при поддержке администрации, ОЗН получил поддержку части помещиков, крупной и мелкой буржуазии, работников умственного труда.

Крестьянское политическое движение было разобщено. Крестьянские партии то подвергались расколам, то объединялись, то заключали между собой соглашения и т. д. К числу основных крестьянских группировок принадлежали: «Пяст», «Вызволене» и возникшее в 1926 году «Стронництво хлопске» (Крестьянская партия). Крестьянские партии обращались ко всем слоям крестьянского населения, подчеркивая несовпадение интересов крестьянства и всех других слоев общества. Эти партии поддерживали строй парламентской республики. Они придавали большое значение бесплатному образованию и самоуправляющимся организациям. В кооперативном движении крестьянские партии усматривали возможность улучшения экономического положения деревни. Одобрив аграрную реформу, они расходились во мнениях по вопросам компенсации и максимума оставляемой владельцам земли. Считая в принципе, что костел не должен вмешиваться в политику, они далеко не одинаково противодействовали участию духовенства в политической жизни. В вопросах политической тактики «Пяст» склонялся к сотрудничеству с «Хьеной», с которой в 1923 и 1926 годах образовывал правительственную коалицию. Напротив, «Вызволене» и «Стронництво хлопске» высказывались за сотрудничество с парламентским левым крылом. Эти две партии требовали национализации лесов и природных богатств. Руководителем «Пяста» был Винцентий Витос; «Вызволене» — Станислав Тугутт; «Стронництво хлопске» возглавлял Ян Домбский. Среди руководства крестьянских партий было немало сторонников Пилсудского. После майского переворота «Пяст» находился в оппозиции к санационному правительству. «Вызволене» и «Стронництво хлопске» в течение какого-то периода поддерживали правительство, а затем перешли в оппозицию, создав в 1929 году вместе с партией «Пяст», ППС, Национальной рабочей партией и Христианской демократией блок, получивший название Центролева. Он объявил своей целью противодействие диктаторским методам управления государством, при-

менявшимся санационным правительством, и восстановление в Польше парламентской системы правления. Взаимодействие крестьянских партий в составе Центролева способствовало их объединению.

В 1931 году путем слияния трех крестьянских партий возникла Народная партия — «Стронництво людове» (СЛ). Программа СЛ признавала строй парламентской демократии наиболее подходящим для деревенского населения. Принятая в 1935 году социально-экономическая программа партии носила буржуазно-радикальный характер. «Стронництво людове» заявило об экспроприации крупной аграрной собственности без компенсации. Основой сельского хозяйства должны были стать самостоятельные земледельческие хозяйства, являющиеся индивидуальной собственностью крестьян. Партия намеренно подчеркивала свою оппозиционность по отношению к санационному правительству. Проявлением этого были крестьянские забастовки (прекращение продажи товаров сельскохозяйственного происхождения), массовые политические демонстрации, вооруженные столкновения с полицией. Руководящую роль в СЛ играли В. Витос, М. Ратай, Станислав Миколайчик.

Рабочее политическое движение также отличалось раздробленностью. Наибольшим влиянием среди рабочего класса пользовалась реформистская Польская социалистическая Партия (ППС). В ее состав вошли социалистические организации, действовавшие до 1918 года во всех трех частях разделенной Польши. Главной политической целью ППС провозглашалось создание Польской социалистической республики, однако замену капиталистического строя социалистическим предполагалось произвести путем парламентских реформ.

Революционную деятельность КПП и концепции диктатуры пролетариата социалисты начисто отвергали. В то же время вплоть до 1928 года ППС поддерживала политику Пилсудского. После того как сторонники Пилсудского вышли из партии, ППС перешла в оппозицию по отношению к санационному правительству. В 1929 году она участвовала в Центролеве. ППС оказывала влияние на профсоюзы. К числу руководителей партии принадлежали Игнаций Дашинский, Мечислав

Недзялковский, Норберт Барлицкий, Томаш Арцишевский.

Национальная рабочая партия (НРП) образовалась в 1920 году в результате объединения Национального рабочего союза и Национальной партии рабочих. Ее относили к числу центристских партий. В НРП входили представители рабочего класса, мелкой буржуазии и интеллигенции, главным образом из Поморья и Великой Польши. Ее программа представляла собой совокупность национальных, классовых и религиозных лозунгов. Первенство отдавалось «национальным интересам». В своей практической деятельности НРП основное внимание уделяла требованиям, касающимся социального законодательства. После майского переворота и выхода из партии просанационной группы НРП перешла в оппозицию по отношению к правительству Пилсудского. Лидером партии был Кароль Попель. В 1937 году НРП объединилась с Христианской демократией в «Стронництво працы».

Революционную программу переустройства существующего общественного строя выдвигала Коммунистическая партия Польши (КПП), до 1925 года носившая официальное название Коммунистической рабочей партии Польши. С первых недель 1919 года она действовала нелегально; несмотря на запрет и репрессии, ее влияние охватывало территорию всей страны. В КПП в качестве автономных организаций входили Коммунистическая партия Западной Украины и Коммунистическая партия Западной Белоруссии. КПП была членом Коммунистического Интернационала.

КПП использовала все доступные формы легальной работы, в том числе выборы и парламентскую трибуну, для распространения коммунистической идеологии. Депутаты-коммунисты обладали правом депутатской неприкосновенности, которой, правда, сейм часто их лишал. КПП руководила деятельностью легальных политических организаций, таких, как Независимая крестьянская партия, белорусская «Громада», ППС-«Левица», Объединение крестьянских левых — «Самопомоц» и украинский «Сельроб». Коммунисты создавали многочисленные профессиональные союзы и общественно-культурные организации и руководили ими. С 1935 года КПП пропагандировала лозунг создания

в Польше антифашистского Народного фронта. В руководстве КПП ведущую роль играли Максимилиан Горвиц (Валецкий), Мария Кошутская (Костшева), Адольф Варшавский (Варский), Юлиан Лещинский (Ленский). В 1938 году на основании ложных обвинений о широком проникновении вражеской агентуры в руководство партии КПП была распущена Исполкомом Коминтерна и прекратила свою деятельность.

Парламентская система правления в 1919—1926 гг. Характерной чертой государственной политики во II Речи Посполитой было отстранение национальных меньшинств от практического участия в государственной деятельности. Прокламированное равное для всех партий право участвовать в принятии решений по вопросам государственной важности было нарушено уже при выборах первого президента — Габриеля Нарutowича; националистические правые партии настояли на том, что группировки национальных меньшинств не имеют права решать, кто должен быть Президентом республики. Следствием этого было исключение представителей национальных меньшинств из правительственных коалиций, что автоматически толкало их на путь оппозиции. Такая политика, главным пропагандистом которой была Национальная демократия, вызывала недоверие и враждебность национальных меньшинств по отношению к польскому государству, что немало способствовало его ослаблению.

Четкое и эффективное функционирование введенной Малой и Мартовской конституциями модели парламентской формы правления зависело от выполнения Сеймом его задач как в области законодательства, так и при формировании правительства, поскольку при существующей государственной системе правительство считалось представителем большинства Сейма. Политический облик Учредительного сейма и избранного в 1922 году Сейма первого созыва, иллюстрируемый приведенной ниже таблицей, не сулил парламентской системе правления радужных перспектив. Политический состав Сената, избранного в 1922 году, не отличался от состава Сейма (см. таблицу на с. 440).

Политическая раздробленность Сейма сказалась на его деятельности, что, соответственно, отрицательно отразилось на функционировании всего механизма

Учредительный сейм в начале 1920 г.		Сейм в 1922 г.	
Народно-национальный союз	71	Народно-национальный союз	98
Народное национальное объединение	68	Христианская национальная партия	27
Христианская демократия	29	Христианская демократия	44
Национальный рабочий союз	13	Национальная рабочая партия	18
ПСЛ-«Пяст»	86	ПСЛ-«Пяст»	70
ПСЛ-«Вызволене»	23	ПСЛ-«Вызволене»	48
Польская социалистическая партия	35	Польская социалистическая партия	41
ПСЛ-«Левица»	12	ПСЛ-«Левица»	2
Мещанское объединение	13	Крестьянская радикальная партия	4
Католическая народная партия	5	Союз пролетариата городов и деревень (коммунисты)	2
Клуб конституционной работы	18	Еврейский клуб	34
Еврейские депутаты	11	Немецкий клуб	17
Немецкие депутаты	2	Украинский клуб	20
Беспартийные	8	Белорусский клуб	11
		Прочие	8
Всего	394		444

государственной власти. Отсутствие в Сейме постоянного большинства затрудняло разработку единых принципов государственной политики, охватывающей узловые проблемы экономической, общественной и политической жизни. Естественно, что на практике для законодательной политики государства стали характерны компромиссные решения, являющиеся результатом взаимных уступок и торгов между группировками, представляющими интересы разных классов и слоев общества. Такое положение дел позволяло порой принимать законы, в некоторой мере выгодные для рабочего класса и крестьянства (аграрная реформа, социальное законодательство). Однако многие важные для развития страны проблемы не были решены из-за трудностей в преодолении противоречивых позиций,

Роль Начальника государства, а потом Президента при парламентской форме правления ограничивалась рамками, очерченными конституционными законами. На практике Начальник государства Ю. Пилсудский сумел обеспечить себе реальное участие в процессе формирования правительств и оказывать существенное влияние на направление их деятельности, особенно в области военных вопросов и международной политики. Президент Станислав Войцеховский ограничивал свое участие в формировании правительств тем, что одобрял позицию большинства сейма. Влиять на направление политики правительства он и не пытался.

Политическая раздробленность сейма затрудняла процессы формирования правительств. Создание устойчивой коалиции и тем самым обеспечение прочной основы для правительства встречалось с трудно преодолимыми препятствиями. Восемь правительств являлись внепарламентскими кабинетами, составленными из специалистов. Они образовывались тогда, когда проваливались попытки создания коалиции. Премьер и министры таких правительств не принадлежали ни к одной из группировок сейма.

Как до, так и после принятия Мартовской конституции на процесс формирования правительств и на их деятельность оказывали влияние разнообразные группы интересов, называемые также группами давления. К ним в первую очередь относились капиталистические союзы во главе с известным «Левифаном», объединения помещиков, католическая церковь.

Предоставленные гражданам Мартовской конституцией политические права и свободы не получили осуществления на практике. Ограничения, вытекающие из существующих законов и политики государственных органов, были обращены против революционного рабочего движения и политических устремлений национальных меньшинств. Такая ситуация оставалась неизменной в течение всего межвоенного периода. Административная практика сводила к минимуму право занимать посты в государственном аппарате для граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам. Ограничивалось или затруднялось развитие просвещения, печати, культуры украинского, белорусского и в меньшей степени еврейского населения. Осуществлению прав, вытекающих из провозглашаемой свободы совести, неверующими препятствовали административные органы, опиравшиеся на законы, действовавшие до 1918 года.

Нельзя забывать, что права, вытекавшие из закрепленных конституцией свобод, подлежали ограничениям, являвшимся следствием существующей социально-экономической системы. При капиталистическом строе существовало несоответствие между формальным обладанием правами и возможностью пользоваться ими — тем большее, чем ниже были доходы, образование и культурный уровень личности или социальной группы.

Говоря о функциональных недостатках парламентского строя в Польше, следует помнить, что этот строй был установлен в стране с отсталой экономической структурой и низким, в среднем, уровнем политической культуры общества, обретшего независимость после долгой неволи. Перед только что образовавшимся государством стояли особенно трудные задачи. Наряду

с созданием административного аппарата на его плечах лежала обязанность восстановления разрушенных войной промышленности и сельского хозяйства, предоставления работы сотням тысяч безработных, а также обеспечения населения страны продовольствием. При осуществлении этих чрезвычайных задач возникали дополнительные трудности, связанные с отсутствием квалифицированных кадров, финансовых средств, а также разработанных методов экономической деятельности государства.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В 1926—1935 гг.

Изменение конституции в 1926 году. Мартовская конституция с момента своего утверждения подвергалась критике. Критиковались прежде всего функциональные недостатки парламентского строя. После государственного переворота, совершенного Ю. Пилсудским 12—15 мая 1926 г., вопрос о реформе политического строя стал особенно актуальным. Новое правительство К. Бартеля выступило с проектом изменений и дополнений к Мартовской конституции. Проект был принят значительным большинством голосов 2 августа 1926 г.

Основная тенденция закона от 2 августа 1926 г., изменявшего и дополнявшего Конституцию, заключалась в упрочении положения исполнительных органов, Президента и совета министров за счет законодательных органов — сейма и сената. Президенту были предоставлены особые полномочия. В частности, Президент получил право самостоятельно распускать сейм и сенат до истечения срока их полномочий. Решение принималось Президентом по предложению совета министров. Одновременно сейм утратил право самороспуска.

Президенту предоставлялось право издавать указы, имеющие силу закона. Это право он мог осуществлять в промежутке между сессиями законодательных палат в случае неотложной государственной необходимости либо во время работы этих палат на основании предусмотренных законом полномочий. Указы Президента утрачивали силу, если не были представлены сейму в течение 14 дней со дня открытия ближайшей сессии или если они отклонялись сеймом.

Президенту предоставлялись специальные бюджетные полномочия. Если сейм и сенат в течение установленного законом срока не утверждали проекта закона о бюджете, но и не отвергали его, президент объявлял правительственный проект бюджета законом.

Внепарламентская система правления в 1926—1935 гг. Майский переворот вызвал изменения не только в самой модели политического строя, но и — в значительно большей степени — в ее функционировании. Острые переворота было направлено против парламента и в особенности против действующих в нем партий, которые обвинялись в том, что являются главной причиной пороков политической системы. Одним из наиболее распространенных был призыв к борьбе с всевластием Сейма и господством в нем партий, а также к оздоровлению — «санации» политической жизни. Поэтому группу, пришедшую к власти в мае 1926 года, в Польше иронически называли санацией. Государственный переворот означал отмену правил, лежавших в основе парламентской системы, и переход к авторитарным методам правления. Тем самым создавались противоречия между Мартовской конституцией и истинной политической картиной жизни государства.

Функции сейма и сената, определенные положениями Конституции 1921 года, подверглись ограничениям, направленным на ослабление их позиций в системе высших государственных органов. Это касалось как законодательных полномочий, так и роли сейма в процессе формирования правительств. Одновременно с утверждением новеллы от 2 августа 1926 г. Сейм и Сенат предоставили Президенту право издавать указы, имеющие силу закона, по вопросам реорганизации административных органов, упорядочения правовой системы, правосудия, ассигнований на общественные нужды и улучшения экономического положения страны. Это послужило началом процесса ограничения законодательных функций парламента, и они свелись преимущественно к утверждению бюджета. Принадлежащее Сейму право контроля над законодательной деятельностью президента было нарушено правительством, которое отказалось опубликовать в «Законодательном вестнике» принятый Сеймом закон, отменявший так называемые «декреты о печати» от 10 мая 1927 г. Сейм утратил свои прежние права, которыми он пользовался при формировании

кабинетов. Правительства создавались и менялись независимо от воли большинства Сейма. Было нарушено право Сейма привлекать правительство к политической ответственности. Когда сейм в конце сентября 1926 года выразил вотум недоверия двум министрам из кабинета К. Бартеля, правительство подало в отставку. Президент отставку принял и сразу же назначил новый кабинет в прежнем составе. И в последующие годы каждый раз, когда Сейм использовал право выражения вотума недоверия, правительство подавало в отставку, а президент назначал очередной кабинет, лишь незначительно изменив его состав.

Правительство, в котором руководящая роль принадлежала Ю. Пилсудскому, единолично ставившему и смещавшему премьера и министров, стало главным орудием осуществления политики государства. Избранный в 1926 году Президентом Игнаций Мосьцицкий полностью подчинился Пилсудскому. Правительство взяло на себя законодательные функции Сейма в широких пределах. Используя данные ему полномочия, оно в период с 1926 по 1930 год издало 276 указов Президента, имеющих силу закона.

Избранный в 1928 году Сейм стремился вернуть свои полномочия. Первым проявлением этого стремления было избрание маршалом Сейма известного социалистического деятеля И. Дашинского. Сейм выразил протест против ограничения своих бюджетных полномочий. В 1928 году правительство израсходовало более 500 млн. злотых сверх предусмотренной бюджетом суммы, из них 8 млн. злотых ушло в распорядительный фонд, из которого финансировалась избирательная кампания Беспартийного блока. За нарушение закона о бюджете министр финансов Габриель Чехович был привлечен Сеймом к конституционной ответственности перед Государственным трибуналом. В ответ на это правительство всячески затрудняло работу Сейма и старалось дискредитировать его в глазах общества. Президент систематически злоупотреблял своими правами, откладывая и закрывая сессии Сейма, чтобы сократить до минимума период его заседания. В пропагандистской антипарламентской кампании особую роль играли публиковавшиеся в печати интервью с Ю. Пилсудским, в которых первый Сейм был назван «сеймом проституток», второй — «сеймом коррупции», а на де-

путатов сыпались разного рода оскорбления. Несмотря на постоянное ограничение компетенций и попытки дискредитации, Сейм в период 1926—1930 гг. сыграл важную роль в политической жизни страны. В нем сосредоточивалась оппозиция против правительства Пилсудского. Его борьба в защиту парламентского строя постоянно была в центре внимания общественного мнения.

Консолидация оппозиции привела к созданию в 1929 году Центролева, который выступил с программой, требующей, чтобы санационные правительства вернулись на путь соблюдения положений Мартовской конституции, и начал пропагандировать эту программу в обществе. Руководители санационного лагеря решили перейти в контратаку. 30 августа 1930 г. президент распустил Сейм и Сенат до истечения срока и издал распоряжение о новых выборах. В самом начале избирательной кампании с целью запугивания оппозиции были арестованы 19 видных депутатов Центролева. Арестованные были заключены в военную тюрьму в Бресте, где подвергались жестокому обращению. В период избирательной кампании аресты распространились и на других оппозиционных депутатов и сенаторов.

Наряду с запугиванием оппозиции (около 5000 человек арестованных) правительственный лагерь при помощи административного аппарата и полиции различными способами оказывал влияние на результаты выборов. Кроме шумной пропаганды применялись и такие методы, как внесение раскола в оппозиционные партии; объявлялись недействительными списки кандидатов, конфисковывались газеты, воззвания и плакаты оппозиции, пропагандировался лозунг открытого голосования и даже (особенно в восточных воеводствах) подделывались результаты выборов. В итоге всего этого победу одержал правительственный блок. Он получил 56 % мандатов в Сейме и 67 % — в Сенате.

Несмотря на большинство в парламенте, ББ не высказал стремления к политической самостоятельности. Он опустился до роли «машины для голосования», послушно принимая все предложения правительства, согласно тезису Пилсудского, что Сейм не создан для руководства политикой государства. Исполнительные органы широко использовали свои обширные полномочия, несколько раз утверждавшиеся Сеймом: за период с 1930 по 1935 год было издано более 500 распоряжений Президента, имеющих силу закона. Таким способом была проведена унификация и систематизация уголовного, часть гражданского и административного права, а так-

же издано множество законов, ограничивающих гражданские права и позволяющих государственным органам шире применять репрессии. Контроль Сейма над деятельностью правительства приобретал фиктивный характер. Смены кабинетов происходили без участия сеймового большинства; решения самостоятельно принимал Пилсудский. Он же давал правительствам поручения и директивы, которые беспрекословно исполнялись.

Многопартийная система, формально по-прежнему сохранявшаяся, с момента создания правительственного блока стала превращаться в однопартийную. Оппозиционные партии лишились возможности оказывать какое-либо влияние на политику государства. Организационно-пропагандистская деятельность этих партий подвергалась репрессиям со стороны административных органов: запрещались собрания и демонстрации, конфисковывались журналы и другие издания. Деятели оппозиции увольнялись со службы в государственном аппарате либо переводились на низшие должности. Повсюду, особенно в деревне, они подвергались травле со стороны администрации.

Майский переворот внес существенные изменения в область реализации гражданских прав. Пришедшая к власти политическая группировка стремилась упрочить свое положение путем ограничения тех свобод, которые использовались для критики и противодействия ее политике. Это отразилось в таких законодательных актах, как: указ Президента о наказаниях за распространение ложных сведений и за оскорбление власти и ее представителей от 1926 года, отклоненный Сеймом; распоряжение Президента по вопросам печати и распространения ложных сведений от 1927 года, действовавшее, несмотря на отклонение его сеймом, до 1930 года; закон об обществах от 1932 года и закон о собраниях от того же года; указ Президента от 1934 года о создании «изоляционного лагеря». Положения этих законодательных актов, как правило, широко сформулированные, облегчали административным органам борьбу с революционными силами, а также преследование и ограничение деятельности группировок парламентской оппозиции, что сводило на нет гарантированные Мартовской конституцией свободы даже для партий, стоящих на позициях существующего социально-экономического строя. В 1933 и 1934 годах были существенно ограничены социальные права, завоеванные рабочим классом в предыдущие годы.

У. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В 1935—1939 гг.

А. Политический строй по Конституции 23 апреля 1935 г.

Генезис конституции 23 апреля 1935 г. В результате Майского переворота 1926 года в Польше был создан политический режим, сводящий на нет основные принципы, лежавшие в основе Мартовской конституции 1921 года. Механизм функционирования государства, свойственный парламентскому строю, был заменен авторитарными методами правления. Новая система, благоприятствующая экономическому господству буржуазии и помещиков в условиях усиления классовой и политической борьбы трудящихся и роста их стремлений к переустройству общественного строя, требовала формального закрепления в конституционных нормах.

Работу по пересмотру Мартовской конституции начал сейм, избранный в 1928 году. Однако эта работа не продвинулась дальше стадии обсуждения в рамках комиссий. Более интенсивно ею занялся избранный в 1930 году сейм, в котором Беспартийный блок сотрудничества с правительством располагал уже большей частью мандатов. За основу своей законодательной деятельности сейм взял конституционные тезисы, подготовленные в 1933 году Станиславом Царом. Эти тезисы признавали новые основы государственного строя. Они подверглись критике со стороны оппозиционных депутатов в конституционной комиссии сейма. 26 января 1934 г. на заседании сейма были представлены отчет о работе Конституционной комиссии и тезисы новой Конституции. Когда депутаты оппозиции демонстративно покинули зал заседаний, правительственное большинство утвердило конституционные тезисы как проект Конституции сразу во втором и в третьем чтении. Утверждение Конституции явно нарушало положения, определяющие процедуру изменения основного закона. Исходя из этого, оппозиционные группировки отказывались признать за Конституцией значение действующей. Тем не менее по принятии проекта Конституции Сенатом 16 января 1935 г. и одобрении Сеймом внесенных Сенатом поправок Конституция была подписана Президентом 23 апреля 1935 г. Поэтому ее и назвали Апрельской конституцией.

Основы политического строя. Работа над новой Конституцией протекала в период функционального кризиса

и резкой критики всей системы буржуазной парламентской демократии, а также поисков — как в теории, так и на практике — новых форм государственного строя. Кризис этот обозначился не только в Польше, он охватил и другие страны буржуазной Европы. Новые тенденции наиболее полно выражала концепция тоталитарного государства. Классовая сущность государства осталась без изменений, поскольку была полностью сохранена частная собственность на средства производства. Зато изменились границы и формы деятельности государства. Для тоталитарной системы было характерно вмешательство государственных органов во все области политической, общественной и экономической жизни, а также в сферу жизни отдельной личности. Руководство государством сосредоточивалось в руках одной личности (вождя), которая в то же время возглавляла единственную политическую партию, захватившую в свои руки весь государственный аппарат и определявшую политическое направление его деятельности. Тоталитарное государство осуществляло разные задачи в зависимости от идеологии, разработанной вождем и партией, и интересов поддерживавших его групп буржуазии. В Италии, Германии, Португалии такой идеологией стала фашистская. Теоретические концепции и практические образцы фашистского тоталитарного государства наложили отпечаток на принципы и решения Апрельской конституции. Принятую этой Конституцией модель определяли как диктаторский или профашистский, а то и фашистский строй. В последние годы в польской науке все чаще употребляется, однако, термин авторитарный строй, подчеркивающий его отличие от тоталитарного фашистского строя.

Основные принципы государственного строя, являющиеся отражением определенных идейных доктрин, были изложены в так называемом «Декалоге» — первых десяти статьях Апрельской конституции. Они отражали точку зрения авторов конституции на государство, его задачи и организационную структуру, а также на отношение государства к обществу и к личности. В то же время они являлись директивами, интерпретирующими отдельные положения конституции. Апрельская конституция сохраняла прежнее название государства — Речь Посполитая, а также принцип единства государства с одним лишь исключением — автономии

Силезии. Новая концепция государства была заключена в ст. 1 конституции, гласившей, что «польское государство является общим достоянием всех граждан». Государство рассматривалось создателями конституции как ценность надклассовая, как достояние общества в целом. Туманным и многозначным понятием «общее достояние» в соответствии с идеями солидаризма авторы Апрельской конституции стремились прикрыть истинные цели государства, которые являлись прежде всего целями и интересами господствующих классов.

Устанавливая отношения между личностью и коллективом, Апрельская конституция признавала превосходство коллективных интересов над индивидуальными. При этом усиленно подчеркивались обязанности личности по отношению к государству, а не ее права. Право граждан участвовать в общественной жизни ставилось в зависимость от заслуг «во имя всеобщего блага». Тем самым Конституция отвергала принцип всеобщих равных политических прав. Государству конституция обеспечивала руководящую роль в обществе, открывая перед ним широкие возможности для вмешательства в область общественных, экономических и культурных отношений.

Источником и носителем государственной власти Апрельская конституция признавала Президента. Она приняла принцип концентрации государственной власти в лице Президента. Этот принцип выражала ст. 2, гласившая: «Во главе государства стоит Президент Республики... В его лице сосредоточивается единая и неделимая государственная власть». Президент не нес ни конституционной, ни политической ответственности за свою деятельность. На нем лежала только «ответственность перед богом и историей за судьбы государства». В формулировках «Декалога» проявлялось стремление создателей конституции следовать принципам тоталитарного государства.

Принцип концентрации государственной власти в руках Президента не означал, что только он один с помощью чиновничьего аппарата должен осуществлять все и всякие функции государства. В ст. 3 Апрельской конституции перечислялись такие государственные органы: правительство, Сейм, Сенат, вооруженные силы, суды, государственный контроль. Все они были, однако, подчинены Президенту республики. Каждый из них имел

четко определенный конституцией круг полномочий, причем полномочия, не закрепленные за другими органами, принадлежали правительству.

Президент республики. Апрельская конституция 1935 года утвердила особую, сложную систему выборов Президента. В выборах участвовали как сам президент, так и специально созданное собрание выборщиков, а при некоторых обстоятельствах — и все граждане страны. Порядок президентских выборов был таков, чтобы решающее слово оставалось за уходящим с поста Президентом. Собрание выборщиков, состоящее из 80 человек, в том числе 50 избранных Сеймом, 25 — Сенатом и 5 вирилистов (маршалы Сейма и Сената, председатель совета министров, генеральный инспектор вооруженных сил, первый председатель Верховного суда), избирало кандидата в президенты. Бывшему президенту предоставлялось право указания собственного кандидата, причем он мог выдвинуть и свою кандидатуру. Если президент пользовался своим правом, вопрос, кто из двух кандидатов станет президентом, решался всеобщим голосованием. Если уходящий с поста президент от этого права отказывался, его место занимал кандидат собрания выборщиков. Срок полномочий Президента равнялся семи годам. В случае войны он продлевался до момента истечения трех месяцев после заключения мира. Право замещать Президента по Апрельской конституции предоставлялось маршалу Сената, которому в таком случае передавались все полномочия Президента.

Полномочия президента делились на *законодательные, конституционные, исполнительные, контрольные, чрезвычайные* (в случае войны).

Полномочия президента в области законодательства заключались в издании декретов, имеющих силу закона (в качестве верховного главнокомандующего вооруженными силами и главы администрации в промежутках между сессиями Сейма и Сената и на основании предоставленных законом полномочий). Президенту принадлежало право отлагательного вето на законы, принимаемые Сеймом и Сенатом. Президент назначал $\frac{1}{3}$ сенаторов, созывал Сеймы и Сенат, открывал и закрывал сессии законодательных палат, переносил сроки их заседаний, осуществлял промульгацию и публикацию законов.

В области конституционных полномочий президенту принадлежало право преимущественной инициативы в вопросах изменения Конституции, а также право вето по отношению к депутатскому проекту изменения Конституции, утвержденному Сеймом и Сенатом.

Конституционные полномочия президента были построены таким образом, чтобы вопреки его воле изменить Конституцию было невозможно.

К числу важнейших исполнительных полномочий президента принадлежали: принятие решений, связанных с выборами Президента (созыв собрания выборщиков, выдвижение кандидата в Президенты, распоряжение о всеобщем голосовании); назначение председателя совета министров и министров, судей, первого председателя Верховного суда, членов Государственного трибунала; осуществление права помилования; назначение председателя Верховной контрольной палаты и членов его коллегии; осуществление верховного руководства вооруженными силами; назначение генерального инспектора вооруженных сил; представление государства вовне.

Контрольные полномочия президента включали в себя право роспуска сейма и сената также и до истечения срока их полномочий, право отозвания председателя совета министров, председателя Верховной контрольной палаты, верховного главнокомандующего, генерального инспектора вооруженных сил и министров, а также право привлечения министров к конституционной ответственности перед судом Государственного трибунала.

Чрезвычайные полномочия президента на период войны касались: назначения преемника; назначения верховного главнокомандующего; объявления военного положения; издания декретов в объеме всего государственного законодательства, кроме изменения Конституции; продления срока полномочий законодательных палат; созыва Сейма и Сената в уменьшенном составе. Такие полномочия предоставляли Президенту почти абсолютную власть.

Акты президента Апрельская конституция подразделяла на *прерогативные* и *ординарные*. Прерогатива как проявление личной власти президента не требовала контрассигнования министрами. Она гарантировала президенту неограниченную свободу решений, подчеркивая его самостоятельную роль в управлении государством. За акты прерогативного характера никто не нес юридической ответственности. Концепция предоставления Президенту прерогативы была свойственна тоталитарному государству. К прерогативе Президента конституция относил: указание кандидата в президенты и распоряжение о всеобщем голосовании; назначение преемника на время войны; назначение и отозвание председателя совета министров, председателя Верховной контрольной палаты, первого председателя Верховного суда; назначение и увольнение верховного главнокомандующего и генерального инспектора вооруженных сил; назначение судей Государственного трибунала; назначение $\frac{1}{3}$ сенаторов; назначение и увольнение начальника и чиновников Гражданской канцелярии; роспуск Сейма и Сената до истечения срока их полномочий; привлечение членов правительства к суду Государственного трибунала; осуществление права помилования.

Все другие должностные акты президента, относящиеся к числу обычных ординарных полномочий, требовали контрассигнования председателя совета министров и соответствующего министра.

Совет министров (правительство). Всех министров назначал президент согласно одной из его прерогатив по предложению председателя совета министров. Положение председателя совета министров в кабинете

было упрочено по сравнению с Мартовской конституцией. Председатель руководил работой правительства и возглавлял совет министров. Он, а не совет министров, устанавливал общие принципы государственной политики, определявшие деятельность министров. К сфере компетенций совета министров принадлежали: право законодательной инициативы, издание исполнительных постановлений, а также решение вопросов, отнесенных к его ведению законами.

Апрельская конституция 1935 года установила разные виды ответственности министров: а) политическую ответственность министров перед Президентом, который мог отозвать министра, если считал это целесообразным; б) парламентскую ответственность перед сеймом и сенатом (Президент мог не согласиться с вотумом недоверия, но в этом случае он должен был распустить законодательные палаты); в) конституционную ответственность перед Государственным трибуналом.

Сейм и Сенат. Апрельская конституция отводила законодательным палатам второстепенную роль в системе высших государственных органов. Предоставлявшиеся Сейму Мартовской конституцией преимущества перед Сенатом были сведены на нет путем расширения полномочий Сената.

Избирательное право, установленное апрельской конституцией и положениями о выборах от 8 июля 1935 г., определяло состав Сейма и Сената и систему голосования. Сейм состоял из 208 депутатов, избравшихся путем всеобщего, тайного, равного и прямого голосования. Кандидатов в депутаты выдвигали специально созданные окружные собрания, состав которых должен был гарантировать, что на них не будут оказывать влияния оппозиционные политические партии. Активное избирательное право предоставлялось гражданам, достигшим 24 лет и обладавшим гражданскими правами, за исключением военных, находящихся на действительной службе; пассивное — гражданам, достигшим 30 лет. Сенат состоял из 96 сенаторов, $\frac{1}{3}$ которых назначалась Президентом, а $\frac{2}{3}$ избирались путем непрямого голосования небольшого числа граждан — так называемой элиты. В группу, уполномоченную избирать сенат, зачислялись граждане, достигшие 30 лет, по принципу обладания: а) заслугами (определенными государственными орденами); б) образованием (высшим или сред-

ним специальным или офицерским званием); в) доверием (граждане, занимающие выборные должности в самоуправлении и определенных организациях). Пассивное избирательное право предоставлялось гражданам, достигшим 40 лет. Срок полномочий Сейма и Сената равнялся пяти годам.

Сейм и Сенат осуществляли конституционные, законодательные и контрольные функции в области, ограниченной полномочиями президента. Конституция содержала общую оговорку о том, что функции управления государством не принадлежат сейму. Конституционные компетенции были составлены так, что законодательные палаты не могли вносить изменений в Конституцию вопреки воле Президента. Из числа законодательных компетенций были исключены вопросы организации правительства, администрации и вооруженных сил. Остальные полномочия были ограничены тем, что Президенту предоставлялось право издавать декреты и право вето; кроме того, сейм был лишен законодательной инициативы по вопросам бюджета, призывного контингента, ратификации международных договоров и по всем вопросам, требующим затраты государственных финансов. В порядке контрольной компетенции Сейм и Сенат могли требовать отставки правительства или министра. Такое требование удовлетворялось лишь при согласии президента, который в противном случае распускал парламент до истечения срока его полномочий. Сейм и Сенат также имели право: привлекать премьера и министров к конституционной ответственности, вносить запросы (интерпелляции) к правительству, ежегодно утверждать отчет о выполнении бюджета.

Расширение компетенций Сената выражалось, в частности, в новом порядке голосования при принятии его поправок к проектам законов. Сейм мог отвергнуть эти поправки большинством в $\frac{3}{5}$ голосов. Была ограничена депутатская неприкосновенность.

Гражданские права. Определяя отношение личности к государству, Апрельская конституция исходила из иных предпосылок, нежели Мартовская. Задачу государства она усматривала не в защите индивидуальных прав, а в исполнении организаторских функций общественного характера. Отвергая концепцию субъективных прав индивида, Апрельская конституция потребовала подчинения личности интересам «коллектива», предста-

вляемым государством. Однако она и не уклонилась полностью от определения отношения государства к личности. Гражданские права в Апрельской конституции были разбросаны по разным ее разделам. Некоторые из них — такие, как право собственности, права национальных меньшинств, свобода совести и вероисповедания, свобода науки и преподавания — были заимствованы из Мартовской конституции. Значение политических прав, признаваемых Апрельской конституцией, уменьшилось в связи с ограничением роли сейма и сената в системе высших государственных органов и введением антидемократического принципа элитарности при выборах в Сенат. Существенному количественному сокращению подверглась категория социальных прав. Положениям, касающимся свобод, Апрельская конституция придала общий характер, особенно подчеркивая туманное и многозначительное понятие «всеобщего блага» как некоего предела для функционирования гражданских свобод, что позволяло обосновывать далеко идущие их ограничения.

Б. Функционирование политической системы

Авторитарная система правления в 1935—1939 гг. Вступлению в законную силу Апрельской конституции и созданию предусмотренных ею государственных органов предшествовала смерть Ю. Пилсудского, со времени Майского переворота игравшего ведущую роль в политической жизни страны. После его смерти началось разложение правительственного лагеря. Возникли группы и партии, выдвигавшие разные политические концепции и боровшиеся друг с другом. В результате в конце 1935 года Беспартийный блок сотрудничества с правительством распался. Его заменила в 1937 году новая политическая организация под названием Лагерь национального объединения.

Функционирование политического строя, закрепленного Апрельской конституцией, началось с парламентских выборов 1935 года. Поскольку по положению о выборах в сейм оппозиционные партии не имели возможности выдвигать собственных кандидатов, они призвали общество к бойкотированию выборов. Лозунг бойкота принес успех оппозиционным партиям. В выборах в сейм приняло участие только 46% избирателей. В эли-

тарных выборах в сенат приняли участие 62% избирателей. Избранные меньшинством населения законодательные палаты не пользовались авторитетом даже и для выполнения тех скромных задач, которые ставила перед ними Апрельская конституция. Уменьшилось количество принимаемых законов, резко сократилось число вносимых интерпелляций и предложений. Изменений в положение сейма и сената не внесли и выборы, проведенные в 1938 году после досрочного роспуска законодательных палат президентом.

В механизме государственной власти центральное место Апрельская конституция отводила Президенту, которым по-прежнему оставался И. Мосьцицкий. Послушный исполнитель воли Пилсудского при жизни диктатора, он не в состоянии был после его смерти самостоятельно осуществлять власть, предоставленную ему Апрельской конституцией. Часть правящего лагеря выдвинула на руководящий пост в государстве генерального инспектора вооруженных сил генерала, а впоследствии маршала Э. Рыдз-Смиглого. Уменьшилась и роль премьер-министра, который вопреки положениям Апрельской конституции не устанавливал общих принципов политики государства и не руководил работой правительства. Премьер превратился главным образом в координатора деятельности министров, которые были ставленниками либо президента, либо генерального инспектора вооруженных сил и осуществляли их политику. Сторонники Рыдз-Смиглого считали, что такое переходное состояние будет приведено в соответствие с Конституцией, когда по истечении второго срока полномочий президента Мосьцицкого в 1940 году этот пост займет Рыдз-Смиглый.

Гражданские права, записанные в Апрельской конституции, ни в коей мере не определяли деятельность административных и судебных властей и на практике приобретали все более и более фиктивный характер. Пустым звуком становились избирательные права, поскольку при выборах в Сейм оппозиционные партии не могли выдвигать своих кандидатов, а исполнительные органы самоуправления навязывались сверху; сводились на нет личные свободы, в том числе запрет лишения кого-либо права предстать именно перед тем судом, которому он подлежит по закону, поскольку власти имели право помещать в изоляционный лагерь

в Березе Каргузской без судебного приговора любое лицо.

Однако в 1935—1939 гг. санация все же не смогла создать тоталитарного государства по итальянскому или немецкому образцу. Этому препятствовали: внутренняя неоднородность правящей группы; отсутствие общепризнанного руководителя; сопротивление пользующихся немалым влиянием в обществе оппозиционных партий, которые в большинстве своем занимали отрицательную позицию по отношению к правящему лагерю. Наконец, надвигающийся военный конфликт, в котором агрессором выступала Германия, укреплял, естественно, антифашистские настроения широких слоев общества, препятствуя процессам фашизации страны.

Раздел третий

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

I. СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Организация государственного управления. Аппарат государственного управления представлял собой дифференцированную систему органов. В соответствии с территориальным делением страны, управление подразделялось на центральное и территориальное (местное). Центральное управление осуществлялось советом министров и министрами. Территориальное управление подразделялось на правительственную администрацию и самоуправление.

Территориальные органы правительственной администрации делились на общую администрацию, называвшуюся также политической, и специальную администрацию. Общая администрация выполняла задачи, относящиеся к компетенции ведомства внутренних дел. Функции специальной администрации были связаны с деятельностью остальных ведомств. Для организации правительственного управления было характерно объединение органов общей администрации с некоторыми отделами специальной администрации, за исключением промышленности и торговли, сельского хозяйства, средств сообщения, социального обеспечения, а также всех вопросов, связанных с вероисповеданием, искуст-

вом и культурой. Остальные отделы специальной администрации обладали самостоятельной структурой территориальных органов. Этим создавалась предпосылка для того, чтобы общую администрацию называть объединенной, а специальную — необъединенной.

В целях осуществления общего управления территория государства была разделена на воеводства, поветы (уезды), городские гмины и сельские гмины. В 1939 году в Польше существовало 16 воеводств и 1 выделенный город — Варшава, 264 повета (в том числе 23 городских), 611 городских гмин и 3195 сельских гмин. Первое время в организации органов общего управления наблюдалось много различий. Однако вскоре они были унифицированы в соответствии с единой структурной моделью. Эта модель предусматривала следующие органы: в воеводствах органами второй инстанции были воеводы (только в Варшаве вместо воеводы был комиссар правительства); в поветах — поветовые или городские старосты, как органы первой инстанции. В городских и сельских гминах не существовало отдельных органов общего управления. Их функции выполняли исполнительные органы территориального самоуправления.

Специальную организацию территориального управления имели ведомства: военных дел, юстиции, финансов, почт и телеграфа, аграрных реформ (до 1932 г. — частично), вероисповедания и народного просвещения, промышленности и торговли, путей сообщения, социального обеспечения. Деление страны по ведомству специального (необъединенного) управления не совпадало с делением по ведомству общего управления (судебные, военные, школьные, железнодорожные округа).

Самоуправление делилось на территориальное, называвшееся также общим, хозяйственное и профессиональное. Положение самоуправления в буржуазном государстве, отражавшееся как на его организационной структуре и сфере компетенций, так и на степени независимости от правительственной администрации, зависит от формы политического строя. Либерально-демократические режимы предоставляют ему большую функциональную самостоятельность, тогда как тоталитарные режимы стремятся к ограничению его компетенций и самостоятельности, вплоть до полного подчинения административным органам.

Создатели Мартовской конституции хотели, чтобы политический строй государства опирался на расширенное самоуправление. Апрельская конституция стремилась к ограничению роли самоуправления в жизни общества и превращению его в придаток органов правительственной администрации.

Правовые основы организации и деятельности управления. Организация, круг и формы деятельности органов государственного управления определялись положениями административного права, распадавшегося на: административное устройство, материальное право и процедурное (процессуальное) право. Административное устройство регулировало организацию административного государственного аппарата. Материальное административное право регулировало различные области социальной жизни, которые охватывал своей деятельностью административный аппарат государства. Оно устанавливало, с одной стороны, права и обязанности органов государственного управления, а с другой — права и обязанности граждан. Процедурное административное право определяло формы деятельности и порядок функционирования административных органов, а также права граждан в ходе административного разбирательства и систему контроля за деятельностью администрации.

II. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Совет министров. Совет министров является центральным органом государственного управления. Свои административные полномочия совет министров осуществлял путем издания распоряжений, принятия постановлений, издания административных актов. В рамках совета министров существовал Экономический комитет, состоявший из министров, возглавлявших хозяйственные ведомства. В его задачи входила разработка программы экономической деятельности правительства.

Во II Речи Посполитой происходил процесс постепенного расширения самостоятельных административных полномочий председателя совета министров. Особыми законами ему было предоставлено право осуществлять общее руководство и контроль за персональными делами всей администрации. Возрастало также его участие в координации административной деятель-

ности министров. Расширились компетенции президиума совета министров, вспомогательного органа при премьер-министре и совете министров.

Министры. Министры являлись, с одной стороны, членами коллегиального органа — совета министров, а с другой — руководителями отдельных ведомств государственного управления. Общие принципы организации министерств были установлены советом министров лишь в 1926 году. Они были направлены на увеличение самостоятельности и ответственности служащих министерств. Министерство делилось на департаменты, возглавлявшиеся директорами, а департаменты, в свою очередь, — на отделы, руководимые начальниками отделов. Численность и компетенция департаментов и отделов определялись организационными уставами министерств, утверждавшимися советом министров.

Во II Речи Посполитой наблюдалась тенденция к уменьшению числа административных ведомств, главным образом, из соображений экономии. В 1932 году существовали следующие министерства: внутренних дел, иностранных дел, юстиции, военное, финансовое, вероисповеданий и народного просвещения, сельского хозяйства и аграрных реформ, промышленности и торговли, путей сообщения, социального обеспечения, почт и телеграфа.

III. ОБЩАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

А. Организация общей администрации

Администрация воеводства. Во главе администрации воеводства стоял воевода, назначавшийся президентом по предложению министра внутренних дел, утвержденному советом министров. При исполнении служебных обязанностей в зависимости от характера рассматриваемого вопроса воевода подчинялся соответствующему министру.

Как орган воеводской администрации, воевода выступал в двойной роли: представителя правительства, руководителя общей администрации и тех отделов специальной администрации, которые были объединены с общей.

Воевода представлял правительство на территории воеводства. Он координировал деятельность всей прави-

тельствственной администрации в соответствии с основной линией государственной политики. В целях обеспечения единообразия действий всей администрации воеводе предоставлялись контрольные полномочия с правом вмешательства в деятельность органов специальной администрации. Он осуществлял надзор за личным составом, занимающим руководящие административные посты на территории воеводства, мог временно отменять противоречащие государственной политике распоряжения органов специальной администрации, устраивал периодические совещания их руководителей.

Воеводе подчинялась государственная полиция. Он осуществлял надзор за печатью, обществами, самоуправлением, занимался вопросами вероисповедания, культуры и искусства, а также частично промышленности и торговли, сельского хозяйства и аграрных реформ, социального обеспечения, путей сообщения, выполняя распоряжения соответствующих министров. Ему принадлежало право издавать исполнительные распоряжения на основании предоставленных законом полномочий либо по полномочию министров, а также распоряжения, направленные на поддержание порядка и «охрану общественной безопасности». Свои функции он осуществлял при помощи воеводского управления, которое делилось на отделы, а также посредством подчиненных ему учреждений и исполнительных органов самоуправления.

Варшава представляла собой отдельную административную единицу, не входящую в состав воеводства. Администрацию столицы возглавлял комиссар правительства столичного города Варшавы. В его руках сосредоточивались функции административных органов первой и второй инстанций. В 1928 году Варшава была разделена на городские поветы, в которых общую администрацию представляли городские старосты.

Администрация повета. Во главе администрации повета стоял староста, назначавшийся министром внутренних дел. Староста подчинялся воеводе. Подобно воеводе, он был в повете представителем правительства и руководителем общей администрации и отделов, объединенных с ее органами. Ему подчинялись органы государственной полиции, получавшие от него распоряжения и находящиеся под его контролем. К числу компетенций старосты относилось также судебное разбира-

тельство правонарушений (дисциплинарно-административная деятельность).

Управление выделенными городами, насчитывавшими более 75 тыс. жителей, с 1925 года находилось в руках городского старосты. Он имел те же права и обязанности, что и поветовые старосты. В некоторых городах функции поветовых органов общей администрации были распределены между городскими канцеляриями старосты и исполнительными органами городского самоуправления. В Гдыне с 1932 года управление городским поветом возглавлял комиссар правительства.

Б. Основные функции общей администрации

Охрана безопасности и общественного порядка. Основные непосредственные задачи охраны безопасности и общественного порядка были возложены на государственную полицию, которая являлась исполнительным аппаратом органов общей администрации: министра внутренних дел, воевод и старост. От них полиция получала служебные распоряжения и директивы. В области расследования преступлений и уголовного преследования полиция подчинялась органам правосудия.

Полиция строилась по армейскому образцу. Ее организационная структура была приспособлена к административному делению страны. Возглавлял государственную полицию главный комендант. На территории воеводства деятельностью полиции руководил воеводский комендант, а на территории повета — поветовый комендант. Свои задачи они выполняли при помощи подчиненных им комиссариатов и полицейских участков.

Полиция контролировала государственные органы и органы самоуправления, созданные для выполнения инструкций по регулированию общественного порядка. Сотрудники полиции имели право применять принуждение, в том числе физическую силу и огнестрельное оружие. Если отряды полиции не были в состоянии обеспечить «охрану безопасности и общественного спокойствия», могла быть использована армия, в особенности когда речь шла о подавлении вооруженных выступлений против правительства.

Для раскрытия преступлений и проведения расследований была создана специальная система следственной службы, формально подчиненная органам право-

судья, а фактически — начальникам отделов безопасности (впоследствии общественно-политических отделов) в воеводских управлениях. Особая бригада следственной службы занималась борьбой с революционным движением, прежде всего с коммунистическим, с украинскими и белорусскими организациями, выступавшими за освобождение от власти польского государства, а после майского переворота 1926 года — также и с польской парламентской оппозицией. Добиваясь от подозреваемых лиц признания, полиция неоднократно, в особенности в восточных районах, применяла запрещенные законом методы, что приводило к увечьям, а порой и смерти арестованных.

В 1934 году полномочия полиции были значительно расширены. В этом году в связи с убийством министра внутренних дел Бронислава Перацкого был издан указ Президента о помещении лиц, «угрожающих общественному порядку и безопасности», в «изоляционный» (концентрационный) лагерь. Такой лагерь устроили в Березе Картузской. Распоряжения о задержании и направлении в лагерь издавали органы общей администрации по предложению полиции. Решение об «изоляции» принимал следственный судья округа, в котором находился лагерь. Период «изоляции» равнялся трем месяцам, но мог продлеваться каждые три месяца на тот же срок в течение неограниченного законом времени. Решения, в силу которых граждане лишались свободы, не подлежали в таких случаях никакому контролю со стороны судебных органов, что являлось вопиющим нарушением конституции. На практике вопрос о помещении в лагерь решали органы полиции и общей администрации. Роль следственного судьи была чисто формальной. Среди заключенных преобладали коммунисты и активисты национальных меньшинств. В лагере был введен очень суровый режим; применялись садистские дисциплинарные взыскания, позволялось бить заключенных и издеваться над ними.

Особенно жестокие и беспощадные меры с использованием огнестрельного оружия отряды полиции применяли при разгоне рабочих и крестьянских демонстраций, а также при расправе с бастующими. В 1930 году в Восточной Галиции была проведена «пацификация» («умиротворение») украинских деревень с целью пресечения поджогов и саботажа, осуществляемых нелегальной украинской военной организацией. Летом 1933 года «пацификация» охватила многочисленные деревни Жешовского округа. Массовые

аресты сопровождалась избиением крестьян и уничтожением их имущества. Здесь «пацификация» была ответом на антисанационные выступления крестьян. В сентябре 1936 года отряды полиции провели подобную акцию во многих деревнях южной Люблинщины. В 1937 году при ликвидации нелегальных собраний и «пацификации» деревень, охваченных крестьянской забастовкой, погибло 114 человек.

Контроль за печатью распространялся на все печатные издания (журналы, книги, листовки). Регулировались: 1) порядок основания и выпуска журналов, выпуск книг и других печатных изданий, а также работа типографий и складов печатных изданий; 2) система контроля за печатными изданиями. Издательское право во II Речи Посполитой подвергалось постоянным изменениям, направленным на расширение контрольных полномочий государственных органов и тем самым на ограничение прав граждан.

Издание газет и журналов происходило в смешанном явочно-разрешительном порядке. Желаящий выпускать печатный орган был обязан подать соответствующее заявление органам общей администрации первой инстанции. В заявлении кроме ряда информативных данных должны были быть указаны фамилия и адрес ответственного редактора. В определенных случаях орган администрации мог отказать в приеме заявления; после 1926 года такие случаи стали учащаться. Издание книг было причислено к вольным промыслам и потому не требовало разрешения административных органов.

В 1937 году в Польше выходило 2692 периодических издания, в том числе 125 на украинском языке, 105 — на немецком, 130 — на еврейском, 8 — на белорусском, 9 — на русском. Среди них было 184 ежедневных издания и 422 еженедельника. В большинстве своем это были журналы местного значения, выходившие малыми тиражами и в течение недолгого времени. Количество непериодических изданий — книг — медленно возрастало, достигнув в 1937 году 7974 названий общим тиражом 29 млн. экземпляров.

Издания подвергались цензуре после напечатания; репрессии применялись в случае нарушения материального уголовного права. Так как журналисты имели право не подписывать свои статьи, а редактор издания мог отказаться назвать автора, отвечал издатель или ответственный редактор, фамилия которого должна была стоять на каждом издании. Главным репрессивным методом становилась конфискация или наложение ареста, носящее характер временной конфискации, а когда дело касалось журналов — временное прекращение издания. Распоряжения о конфискации (наложении ареста) отдавались органами общей администрации первой инстанции или прокурором и подлежали утверждению окружного суда. Решение о прекращении выпуска, т. е. закрытии журнала, принимал окружной суд по предложению административных органов или прокурора.

На практике контроль за печатью был направлен прежде всего против периодических изданий, призывавших к революционному переустройству общественного строя, против прессы и издательств

национальных меньшинств, а после майского переворота — в той или иной мере и против прессы парламентской оппозиции. В 1930—1938 гг. ежегодное число конфискаций превышало в среднем 2000, достигнув в 1937 году цифры 2848. В 1922 году было закрыто 15 газет и журналов, в 1936 г. — 31.

Контроль над обществами (ассоциациями). Под обществом понималось постоянное объединение людей в организованной форме в целях, не преследующих материальных выгод. Закон от 1932 года подразделял общества на: обычные, зарегистрированные и «высшей полезности». Для легализации обычного общества требовалось заявление, зарегистрированного — занесение в реестр. Создание общества «высшей полезности» зависело от решения совета министров. Органы общей администрации могли отказаться принять заявление или занести общество в реестр, если его образование «противоречило закону либо могло создать угрозу общественному покою и безопасности». В рамках широко и гибко сформулированных контрольных полномочий (что на практике допускало произвол) органы администрации могли приостановить деятельность общества, а затем и распустить его.

Органы общей администрации использовали свои контрольные полномочия для борьбы с радикальными ассоциациями, зачастую связанными с нелегальной Коммунистической партией Польши, с культурно-просветительными организациями национальных меньшинств, главным образом украинских и белорусских, а после 1926 года также для ограничения деятельности группировок парламентской оппозиции и организаций, находившихся под ее политическим влиянием.

Уже в первые недели 1919 года произошла фактическая делегализация (запрещение) Коммунистической рабочей партии Польши, несмотря на то что это не было закреплено никаким административным актом. В 1927 году были распущены находившиеся под влиянием коммунистов Белорусская селянско-рабочая громада и Независимая крестьянская партия, в 1931 году — Польская социалистическая партия «Левица» и Объединение крестьянских левых — «Самопомощь». В период антисанационных демонстраций и крестьянских забастовок в тридцатые годы часты были случаи роспуска местных организаций «Стронництва людового» и Союза сельской молодежи — «Вици».

Контроль за собраниями. Закон о собраниях от 1932 года подразделял собрания на публичные и непубличные. Публичными считались собрания, доступные для неограниченного числа лиц; непубличными — собрания, участники которых были лично известны устроителю, либо собрания членов одного и того же общества (ассоциации). Среди публичных собраний различали собрания под открытым небом и собрания в помещениях. Для проведения собраний под открытым небом требовалось разрешение органов общей администрации первой инстанции; перед проведением публичного собрания в помещении требовалось предварительное извещение властей. Непубличные собрания не нуждались в этом. Органы администрации могли запретить проведение публичных собраний, если они «угрожали безопасности, покою и общественному порядку». Неопределенность формулировки давала возможность органам администрации свободно ее интерпретировать. Для контроля за ходом публичных собраний органам общей администрации предоставлялось право делегировать на них своего представителя, который мог (если считал это нужным) распустить его.

На практике запреты касались преимущественно собраний, устраивавшихся революционными и радикальными деятелями и организациями, бастующими рабочими, представителями украинских или белорусских меньшинств, а после переворота — также левыми и правыми оппозиционными группировками. Для разгона собраний, проводившихся вопреки запрещению, о котором участники зачастую не знали, полиция применяла иногда даже огнестрельное оружие, что приводило к жертвам — убитым и раненым. Такие случаи имели место в 1932 году в селе Лапаново, в 1936 году в Кракове и во Львове, в 1937 году — в Рацлавицах.

IV. СПЕЦИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

А. Защита государства

Военная администрация и организация вооруженных сил. Верховным начальником вооруженных сил был Президент. В мирное время он осуществлял свою власть через военного министра (с 1926 года также через генерального инспектора вооруженных сил) и подчиненные им органы военной администрации. Военный министр руководил вооруженными силами в мирное время, занимался

подготовкой кадров и административной деятельностью в войсках, решал вопросы о персональном назначении на важнейшие армейские должности. Генеральным инспектором вооруженных сил был генерал, которому в случае войны заранее предназначали пост верховного главнокомандующего. Ему предоставлялись широкие полномочия в области всесторонней подготовки вооруженных сил к военным действиям; на практике он мог подчинять себе военного министра. В его подчинении находились Генеральный инспекторат вооруженных сил и Генеральный (Главный) штаб.

В интересах военной администрации территория страны была разделена на 10 корпусных округов, руководимых командующими округов. Им подчинялись коменданты гарнизонов и поветов, а с 1938 года — районные органы по мобилизации.

Все граждане мужского пола были обязаны отбыть военную службу. В зависимости от рода войск служба продолжалась от 24 до 27 месяцев. Лица, имевшие среднее образование и направленные в школы подхоружих (подпрапорщиков) запаса, пользовались привилегией на сокращение срока службы до 12 месяцев. В армии существовали следующие звания: рядовые, унтер-офицеры и офицеры. В мирное время (1938 г.) армия насчитывала 260 тыс. человек, в том числе 46 тыс. унтер-офицеров и 18 тыс. офицеров. Офицеры составляли корпус офицеров вооруженных сил. Жалованье, которое они получали, обеспечивало им уровень жизни выше среднего. После майского переворота 1926 года преданных Пилсудскому офицеров выдвигали часто на высокие посты в аппарате государственного управления.

Б. Система образования

Начальное и среднее образование. Управление и организация. Систему образования возглавлял министр религиозных вероисповеданий и народного просвещения. Для осуществления управления в области просвещения страна была разделена на 10 учебных округов. Во главе каждого округа стоял куратор (попечитель). Вспомогательным органом при нем было управление учебного округа. Учебные округа делились на области, охватывающие один или несколько поветов и руководимые школьными инспекторами. Как органы школьного управления первой инстанции инспекторы осуществляли руководство и контроль за публичным и частным начальным образованием. Средние школы подчинялись непосредственно куратору, высшие — министерству.

II Речь Посполитая переняла от стран-участниц разделов три различные школьные системы. В первые годы независимости была начата работа по унификации этих систем и программ обучения. Полную унификацию, а заодно и реорганизацию закрепил закон от 1932 года. Согласно этому закону школы делились на: 1) начальные, 2) средние, 3) высшие, а в зависимости от источников финансирования на: 1) публичные, находящиеся на содержании государства или самоуправления, и 2) частные, находящиеся на содержании религиозных и общественных организаций или частных лиц. Проведенная в 1932 году реформа ввела трехступенчатое деление начальных школ: а) элементарная программа (1—4 классы); б) повышенная программа (1—6 классы); в) полная программа (7 классов).

Введенное в 1919 году обязательное начальное образование не было полностью осуществлено. Если в западных воеводствах в начальных школах обучалось более 95% детей, то в восточных воеводствах в последние годы это число приближалось к 80%. Гораздо хуже обстояло дело с обучением в объеме полной начальной школы. В 1928 году семилетку закончило 22% детей; в 1937 году это число возросло до сорока с лишним процентов. Что касается распространности семилетних школ на территории страны, то здесь ярко проявлялась обезлюдность деревень по сравнению с городами и восточных районов — по сравнению с западными.

В организационной структуре среднего образования до 1932 года преобладал тип восьмилетней средней школы. Реформа 1932 года вводила четырехклассную гимназию, в которую принимались ученики, окончившие шесть классов начальной школы, а также — как высшую ступень — двухгодичный лицей. Окончание лицея давало основание для сдачи экзамена на аттестат зрелости, имея который можно было быть принятым в высшее учебное заведение. Средняя школа, несмотря на расширение своей социальной базы, сохранила элитарный характер. В связи с высокой платой за обучение среднее образование было доступно главным образом детям состоятельных слоев общества. Дети рабочих и крестьян в 1935/36 учебном году составляли около 25% учащихся 8-х классов средней школы.

Наряду с публичными школами, находившимися на содержании государства или территориального либо хозяйственного самоуправления, существовали частные школы всех ступеней. Если частные школы следовали программе государственных школ и получали положительную оценку (в том числе и политическую) от управления учебного округа, то по решению школьных властей они получали права публичных школ. Среди частных учебных заведений преобладали средние общеобразовательные школы. В них занималось более 40% всех учеников средних школ.

Особые предписания регулировали систему образования национальных меньшинств. Школы национальных меньшинств делились на публичные и частные. Среди публичных были школы, где обучение велось на родном языке, и двуязычные школы.

Обучение в немецких и еврейских школах, главным образом частных, развивалось успешно, в особенности в первые годы независимости. Развитие просвещения среди украинцев и белорусов сразу же затормозилось деятельностью школьной администрации, стремившейся заменить украинские и белорусские школы двуязычными. К концу межвоенного двадцатилетия из 3000 украинских публичных начальных школ осталось 450, зато появилось около 3000 двуязычных школ. Белорусские публичные школы были ликвидированы полностью. Их заменяли польскими школами и в небольшой степени — двуязычными. Ликвидация украинских и белорусских школ и замена их двуязычными либо польскими школами были проявлением принудительной ассимиляторской политики. Такая политика усиливала недовольство и антипольские настроения среди украинцев и белорусов. Среднее образование украинского национального меньшинства было развито слабее, чем немецкого и еврейского. У белорусов в 1937/38 году осталась всего одна средняя школа.

Организация высшей школы. Высшие учебные заведения делились на академические и неакадемические. Академические имели

право присваивать учёные степени. Они подразделялись на государственные и частные. Открытие академической высшей школы требовало законодательного акта. Академические школы носили название университетов, политехнических институтов, академий, главных школ.

Структура руководящих органов высшей школы и их права определялись уставами, утверждающимися министром вероисповеданий и народного просвещения. Руководящими органами высших учебных заведений являлись: общее собрание профессоров, академический сенат, ректор, совет факультета и декан. Самой высокой была должность ректора, положение которого еще больше упрочилось в 1933 году. Контроль за деятельностью высших учебных заведений также осуществлял министр вероисповеданий и народного просвещения. В 1933 году его контрольные полномочия были расширены, что на практике вело к значительному ограничению самоуправления высших школ.

В 1922 году в Польше было 17 высших учебных заведений, где занимались 33 тыс. студентов. К концу двадцатилетия количество высших школ увеличилось до 28, а число студентов — до 50 тысяч. Среди студентов преобладали дети крупной и мелкой буржуазии, помещиков и работников умственного труда. Дети рабочих и крестьян составляли около 20% всех студентов. Это объяснялось высокой платой за обучение, а также небольшими размерами стипендиальной помощи со стороны государства. Ограничивался прием молодежи, принадлежащей к национальным меньшинствам, что затрудняло рост украинской и белорусской интеллигенции.

В. Религиозные союзы

Положение римско-католической церкви. Римско-католическая церковь, в прошлом занимавшая господствующее положение в жизни польского общества, во II Речи Посполитой получила правовые привилегии по сравнению с другими вероисповеданиями. Мартовская и Апрельская конституции предоставили ей «первое место среди равноправных вероисповеданий», признали ее автономию, т. е. позволили управляться по собственным законам, и установили ее правовое положение на основе соглашения с Ватиканом.

Правовое положение католической церкви в Польше определял конкордат, заключенный в 1925 году, а также разнообразные законоположения, конкретизирующие его постановления. Конкордат гарантировал католической церкви свободное осуществление духовной власти и юрисдикции, управление внутренними делами и распоряжение имуществом. Он подтверждал внутреннее деление церкви на три исповедания: латинское, греко-католическое (униатское) и армянское. Духовенство и верующие могли непосредственно сноситься с Ватиканом. Духовные лица были освобождены от военной службы и пользовались особой защитой права. Государство гарантировало церковным властям свою помощь при исполнении их постановлений. Церковь могла иметь недвижимое и движимое имущество, свои собственные научные и благотворительные учреждения и собственные фонды. От государства она получала ежегодную дотацию, которая в 1938 году составляла 20 млн. злотых. Ватикан обязался привести границы церковных провинций и епархий в соответствие с государственными границами, что и было

осуществлено в 1925 году. Президент получил право отводить кандидатов на посты архиепископов и епископов.

Положение союзов религиозных меньшинств. Правовое положение церквей и конгрегаций религиозных меньшинств (православные, протестанты, конгрегация иудейского вероисповедания) обуславливалось принципами национальной политики, поскольку вероисповедание, как правило, совпадало с национальностью. Мартовская и Апрельская конституции предусматривали упорядочение правового положения союзов религиозных меньшинств законодательным путем, по согласованию с их законными представителями. Было урегулировано положение еврейского религиозного союза (1919 г.), восточной старообрядческой церкви (1928 г.), мусульманского религиозного союза (1936 г.), караимского религиозного союза (1936 г.), евангелистско-аугсбургской церкви (1936 г.), польской автокефальной православной церкви (1938 г.). Многие религиозные союзы в своей деятельности продолжали руководствоваться инструкциями, изданными до 1918 года. Они могли владеть недвижимым и движимым имуществом, руководить учреждениями, созданными в религиозных научных и благотворительных целях и получали от государства небольшие дотации, главным образом на содержание духовенства.

Особую группу составляли религиозные организации, правовое положение которых не было урегулировано. Верующие и духовенство непризнанных вероисповеданий всячески притеснялись органами администрации, затруднявшими отправлением богослужений и пропаганду основ их веры и даже лишавшими их этой возможности.

Организация и функции администрации по делам вероисповеданий. Управление по делам вероисповеданий находилось в руках министра вероисповеданий и народного просвещения. На территории воеводств этими вопросами занимались воеводы. В отношении римско-католической церкви контроль этот был необычайно либеральным. Католицизм был фактически господствующим вероисповеданием, пользующимся особыми привилегиями. Надзор за деятельностью союзов религиозных меньшинств был более жестким. В частности, в отношении к православной церкви, объединявшей украинское и белорусское население, зачастую применялись притеснения, преследования.

Г. Хозяйственное управление

Роль государства в экономической жизни. Концепция экономического либерализма, характерная для домонополистического капитализма, отвечала, как известно, вмешательству государства в экономическую жизнь, допуская, главным образом, обложение налогами и податями и как исключение ограниченное хозяйственное регулирование, распространяющееся на предприятия общественного значения (железные дороги, почта, автомобильные дороги).

Экономический либерализм имел многочисленных сторонников среди представителей капиталистических кругов и экономистов-теоретиков и в Польской Республике, однако для вновь образованной Польши он не стал основным принципом. Военные разрушения, отсутствие частных капиталов, необходимых для пуска промышленных предприятий и предоставления работы тысячам безработных, необходимость наладить работу транспорта, почты, энерге-

тической промышленности, обеспечить население предметами первой необходимости требовали незамедлительных государственных действий. В сложившихся после I мировой войны условиях государственные органы отошли от канонов либеральной экономики и решились на вмешательство почти во все области экономических и общественных отношений.

В последующие годы, в особенности после проведенной в 1924 году валютной реформы, когда капиталистическое хозяйство начало стабилизироваться, в экономической политике государства возобладали методы, свойственные либеральной экономике.

Экономический кризис 1929—1933 гг. и послекризисные годы привели к новому усилению влияния государства на хозяйственную жизнь (этатизм). Комплексным мероприятием государства, осуществлявшимся при использовании различных форм хозяйственной деятельности, было строительство порта в Гдыне и Центрального промышленного округа. За все время существования II Речи Посполитой так и не выкристаллизовалось однородной и внутренне прочной концепции экономической политики государства.

Земельное право и управление сельским хозяйством. Структура польского землевладения характеризовалась, как говорилось выше, неравномерным распределением земли между отдельными социальными группами.

Имущественная структура сельского хозяйства вызывала всеобщее недовольство. Ее изменение путем раздела помещичьих земель было главной проблемой польского сельского хозяйства и основным программным положением крестьянских партий. После острой борьбы с партиями, защищавшими интересы помещиков, Учредительный сейм 10 июля 1919 г. принял постановление, определившее принципы аграрной реформы. Согласно этому постановлению максимум частного землевладения составлял 180 га, а на украинских и белорусских землях, где помещиками были поляки, — 400 га. Кроме того, допускались исключения для специализированных хозяйств (в сторону увеличения). Излишки сверх установленного максимума подлежали экспроприации органами сельскохозяйственного управления с последующим распределением среди крестьян.

Развитие и конкретизация общих принципов постановления содержались в законе о проведении аграрной реформы от 15 июля 1920 г. Реформа должна была коснуться прежде всего государственных хозяйств, затем плохо управляемых частных хозяйств и только вслед за тем всех прочих. Выполнение задач, связанных с экспроприацией, а затем парцелляцией, закон возлагал на органы государственного управления. Собственнику отчуждаемой земли полагалась компенсация, равная половине ее рыночной стоимости. После принятия Мартовской конституции это постановление было признано судами противоречащим ст. 99, предусматривающей полную компенсацию в случае экспроприации. Таким образом, оказалось невозможным провести аграрную реформу в соответствии с законом 1920 года. Новый закон об аграрной реформе был утвержден после долгих и бурных дебатов 28 декабря 1925 г. Он сохранял прежний максимум находящейся в индивидуальной собственности земли. В основу аграрной реформы была положена парцелляция. Помещики получали за землю ее рыночную цену. Для приобретения парцеллированной земли покупатель должен был располагать определенным капиталом, что ставило в более выгодное положение состоятельных покупателей. Кредит в госу-

дарственным сельскохозяйственном банке получала лишь небольшая часть крестьян.

Новые хозяйства, создававшиеся в результате реформы, не должны были превышать 20 га, а на восточных землях — 35 га. На парцеллированных помещичьих землях возникло 154 тыс. новых хозяйств, а более 500 тыс. хозяйств расширились. Хотя в результате проводившейся с большими трудностями аграрной реформы общая площадь крестьянских угодий несколько увеличилась, существующая аграрная структура оставалась прежней. Реформа только замедляла процесс дробления крестьянских хозяйств. В социально-экономических условиях II Речи Посполитой модель крестьянского земельного хозяйства не могла быть осуществлена на практике.

Дополнением аграрной реформы были: комасация, т. е. ликвидация чересполосицы с последующим выделением цельных участков, ликвидация сервитутов и упорядочение земельных общин. Все эти меры, вплоть до 1939 года, так и не были завершены.

Для управления сельским хозяйством, поддержки сельскохозяйственного производства и изменения системы землеустройства был образован специальный комплекс административных органов. Он подразделялся на: сельскохозяйственную администрацию во главе с министром сельского хозяйства и администрацию аграрных реформ, возглавляемую Главным земельным управлением, а с 1923 года — министром аграрных реформ. В 1932 году оба ведомства были объединены в министерство сельского хозяйства и аграрных реформ.

Промышленное право и управление промышленностью. После установления независимости остались в силе промышленные законы периода разделов. Работа по кодификации промышленного права завершилась в 1927 году изданием соответствующего указа Президента. В последующие годы в него вносились изменения.

Под «промышленностью» право начиная с 1927 года подразумевало всякого рода деятельность — как производительную, так и обслуживание, осуществляемую самостоятельно и профессионально и рассчитанную на получение прибыли. Сюда же относилась и торговля.

Основной чертой польского промышленного права была свобода промышленной деятельности. Ограничения этой свободы касались способов управления промышленными предприятиями и осуществлялись следующим образом: от предпринимателя требовались доказательства профессиональной подготовленности; всякая деятельность ставилась в зависимость от концессии (разрешения) органов промышленной администрации; органы промышленного надзора издавали разного рода директивы. Существенную роль играли не оговоренные законом средства ограничения промышленной свободы, являвшиеся следствием прогрессирующей монополизации производства, о чем свидетельствовал количественный рост картелей.

Промышленное право ввело деление промышленности на: промышленность с постоянным местонахождением; передвижной промысел; гминные рынки.

Промышленность с постоянным местонахождением подразделялась на: а) свободную промышленность; б) концессионную промышленность; в) ремесло. Свободная промышленность не требовала разрешения — следовало лишь заявить о начале деятельности органам промышленной администрации. Хозяйственная деятельность

в области концессионной промышленности ставилась в зависимость от разрешения (концессии) органов промышленной администрации. Перечень видов концессионной промышленности устанавливался промышленным правом; министр промышленности и торговли мог вносить в него изменения. Под понятием ремесла подразумевалась промышленность, изделия которой производились не фабричным способом, а при преимущественном использовании ручного труда. Занятие ремесленной деятельностью требовало профессиональной подготовленности, которая осуществлялась по традиционной системе обучения ремесленников (ученик, подмастерье, мастер).

К передвижному (разносному) промыслу промышленное право относило продажу товаров, закупку товаров с целью перепродажи (не на ярмарках и не у торговцев), оказание мелких услуг промышленного характера. Передвижным промыслом можно было заниматься только лично после получения соответствующего разрешения органов промышленной администрации.

Гминные рынки делились на малые и большие (ярмарки). Они играли важную роль в хозяйственном обмене между деревней и городом. На рынках мог продавать промышленные и сельскохозяйственные продукты любой производитель без разрешения и уведомления органов промышленной администрации, а покупать могло все население.

Все эти передвижные промыслы, гминные рынки и т. п. остались от прошлых эпох, сосуществуя с самыми современными формами капиталистической организации производства, банковского дела и т. д.

Картельные соглашения, главной целью которых являлось максимальное увеличение прибылей, до 1933 года не регулировались законом несмотря на то, что выказывали постоянную тенденцию к развитию и в 1936 году давали около 60% промышленной продукции Польши. Все сменявшие друг друга правительства, а также судебные органы поощряли картели. Однако общие тенденции, свойственные государственно-монополистическому капитализму, давали себя знать в Польше. В принятом в 1933 году законе о картелях отразилась политика правительства, стремившегося подчинить картельные соглашения контролю государства; кроме того, этот закон частично удовлетворял требованиям трудящихся, страдавших от высоких цен на товары.

В понятие «картель» закон включал договоры, решения и постановления, направленные на осуществление (путем взаимных обязательств) контроля и регулирования производства, сбыта, цен и условий товарообмена в области горного дела, промышленности и торговли. Все картельные договоры, заключавшиеся, дабы не оказаться недействительными, в письменном виде, подлежали представлению и регистрации в министерстве промышленности и торговли. Картельное соглашение могло быть запрещено, если оно угрожало общественному имуществу и в особенности если вызвало пагубные экономические последствия или приводило к повышению цен до экономически неоправданного уровня. Используя свои полномочия, министр промышленности и торговли в 1935 году отменил 93 картельных соглашения, что повлекло за собой снижение цен на некоторые промышленные товары.

Государственные предприятия. Та же тенденция вела к увеличению количества государственных предприятий. В 1937 году их

стоимость оценивалась в 15 млрд. злотых. Участие государства в некоторых отраслях производства, транспорта и торговли в том же году выглядело следующим образом: спирт — 100%, радио — 100%, железные дороги — 93%, гражданская авиация — 100%, автомобильная промышленность — 100%, металлургическая промышленность — 55%, угледобыча — 19%, экспорт зерна — 32%, экспорт древесины — 39%, банки — 35%.

Государственные предприятия делились на: монополии и предприятия, наделенные собственной правоспособностью.

Государственные монополии означали, как и повсюду, что занятие определенными видами хозяйственной деятельности является исключительной привилегией государства. Существовавшие во II Речи Посполитой монополии — спиртовая, табачная, солевая, спичечная, лотерейная — играли важную роль в финансовом хозяйстве государства. Главной предпосылкой их создания было стремление государства гарантировать себе надежные источники больших доходов.

Государственные предприятия, обладающие правоспособностью, создавались на основании особых законов в силу указа Президента от 1927 года о выделении государственных предприятий из системы государственного управления и их коммерциализации либо возникали как акционерные общества или товарищества с ограниченной ответственностью на основе положений торгового права. Опираясь на особые законы, действовали: Банк отечественного хозяйства, Государственный сельскохозяйственный банк, Почтовая сберегательная касса, Польские государственные железные дороги, Польская почта, телеграф и телефон. До 1937 года решением совета министров из системы государственного управления было выделено 17 предприятий. Они получили права юридических лиц и были подчинены принципам рыночной экономики. В 1936 году существовало 50 государственных предприятий, организованных в форме акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, в которых государство располагало более чем 60% акций.

V. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Организация территориального самоуправления. Организация территориального самоуправления в бывшей Галиции и бывшей прусской Польше в первые годы независимости основывалась на инструкциях, изданных в Австрии и Пруссии. На землях, ранее принадлежавших России, организация самоуправления определялась декретами Начальника государства от 1918 и 1919 годов. Несмотря на аналогичные структурные основы, в организации самоуправления отдельных областей наблюдались значительные расхождения. Унификация самоуправления и приведение его в соответствие с принципами Мартовской конституции сталкивались с трудностями. Единые правила, определившие организацию

территориального самоуправления, содержал закон от 1933 года.

Органы территориального самоуправления всех ступеней делились на распорядительные и исполнительные. В деревенских гминах постановляющим органом был гминный совет, избиравшийся путем косвенного и открытого голосования. Исполнительным органом являлось гминное управление, состоявшее из войта и членов управления, избираемых советом. Закон от 1933 года вводил сборную гмину, состоящую из громад, и одновременно определял самоуправление последних. Постановляющими органами в громадском самоуправлении были в зависимости от величины громады громадский совет или громадский сход, а исполнительным органом — солтыс.

В городских гминах постановления принимали городские советы, избиравшиеся путем всеобщего голосования. Исполнительные функции осуществляло городское управление (магистрат), состоявшее в выделенных городах из президента и членов магистрата, а в остальных городах — из бургомистра и членов магистрата. Члены городского управления избирались городским советом.

В поветах постановляющими органами были поветовые советы (до 1933 г. сеймики), избиравшиеся путем косвенных открытых выборов, а исполнительными органами — поветовые управления, состоявшие из шести избираемых советом членов во главе со старостой.

Самоуправление воеводского уровня не было проведено в жизнь, несмотря на изданный уже в 1922 году закон о принципах всеобщего воеводского самоуправления, в частности для Львовского, Тернопольского и Станиславского воеводств, главным образом из-за опасений, что руководящие посты в этих воеводствах займут украинцы. Органами воеводского самоуправления в Познаньском и Поморском воеводствах были сохранившиеся со времен прусского господства воеводский сеймик, воеводское управление с краевым старостой во главе. По закону от 1938 года Варшава представляла собой единицу гминного, поветового и воеводского управления. Функции постановляющего органа самоуправления в Варшаве исполнял городской совет, а исполнительные — магистрат.

Функции территориального самоуправления. Компетенции территориального самоуправления охватывали собственную и порученную сферу деятельности. Собственная сфера деятельности распространялась на область экономики, культуры, просвещения, общественного здравоохранения и удовлетворения местных потребностей жителей, если эти области не были переданы в компетенцию органов правительственной администрации или хозяйственного самоуправления. В рамках своих полномочий органы самоуправления создавали предприятия общественного обслуживания: газовые заводы, электростанции, трамвайную сеть, бойни, ассенизационные предприятия, а также контролировали их деятельность, облагали сборами и коммунальными повинностями, утверждали бюджет, определяли внутреннюю структуру. Степень удовлетворения потребностей жителей органами территориального самоуправления зависела, главным образом, от финансовых средств последних, которые были всегда недостаточны для осуществления поставленных задач, что вынуждало органы самоуправления обращаться за финансовой помощью к государству, а значит, ограничивало, естественно, их функциональную самостоятельность.

Круг проблем, относящихся к компетенции правительственной администрации — как общей, так и специальной, решение которых поручалось исполнительным органам самоуправления, определялся законами или распоряжениями совета министров и зависел от уровня самоуправления, а порой и от области страны. В 1932 году органы гминного самоуправления исполняли в пределах вверенной им сферы деятельности около 500 различных административных функций.

Контроль над самоуправлением во II Речи Посполитой постепенно усиливался, что нашло подтверждение в законе 1933 года. Осуществляли контроль органы общей администрации: министр внутренних дел, воеводы и старосты, а также исполнительные органы самоуправления высшего уровня. Они располагали большим набором таких средств контроля, как: утверждение избранных солтысов, войтов, бургомистров, президентов; утверждение или отклонение решений органов самоуправления; утверждение их бюджетов; роспуск постановляющих и исполнительных органов самоуправления всех уровней. Своими контрольными полномочиями

органы администрации пользовались часто после 1926 года. Контроль носил преимущественно политический характер, поскольку «санационные» правительства не испытывали доверия к органам территориального самоуправления, избираемым населением.

Организация и функции хозяйственного самоуправления. Хозяйственное самоуправление представляло собой форму принудительного объединения лиц, занимающихся хозяйственной деятельностью в определенной области производства. Задачей хозяйственного самоуправления было удовлетворение групповых потребностей и сотрудничество с государственными властями при управлении экономической жизнью страны. Представляя так называемые «группы интересов», доминирующие в разных областях экономической жизни, хозяйственное самоуправление постепенно перенимало функции государственной хозяйственной администрации. Для осуществления этих функций его органам придавался публично-правовой характер. Хозяйственное самоуправление в зависимости от характера производительной деятельности делилось на: торгово-промышленное, ремесленное и сельскохозяйственное.

Организацию и компетенции хозяйственного самоуправления, определявшиеся первое время законами государств — участников разделов, регулировали декреты Президента от 1927—1928 гг., дополненные в последующие годы. Организационными единицами хозяйственного самоуправления являлись: территориальные торгово-промышленные палаты, ремесленные палаты и сельскохозяйственные палаты, учреждавшиеся советом министров, или, что касается ремесленных палат, министром промышленности и торговли. В 1935 году в Польше существовало 10 торгово-промышленных, 17 ремесленных и 13 сельскохозяйственных палат.

Промышленное право разрешало создание промышленных корпораций для поддержания развития промышленности, поисков новых рынков сбыта. Организация и деятельность корпораций определялись уставом, утверждавшимся органами промышленной администрации. Практическое значение корпораций было невелико. Иногда под этой формой скрывались картели. Промышленники тоже создавали объединения на основе закона об обществах. Одним из наиболее влиятельных был созданный в 1920 году Центральный союз

польской промышленности, горного дела, торговли и финансов, называемый «Левиафаном». Эта организация носила характер добровольного союза хозяйственных организаций. У «Левиафана» были свои представители в десятках различных правительственных и ведомственных комиссий, что позволяло ему влиять на экономическую политику государства.

Ремесленники объединялись по-прежнему в цеха, бывшие обязательными союзами мастеров. Дополнения промышленного закона 1927 года, проведенные в 1934 году, расширили сферу деятельности ремесленных палат за счет цехов, что привело к уменьшению их роли, особенно в области экономики.

VI. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Административное производство. Работа по кодификации правил, устанавливающих образ действий административных органов, была начата довольно рано. В результате в 1928 году были изданы единые для всей страны правила, регулировавшие: общее административное производство; принудительное производство; уголовно-административное производство.

Общее административное производство относилось ко всем вопросам административного права, решавшимся органами правительственного управления и самоуправления, за исключением особо оговоренных вопросов, относящихся к компетенции органов военной, финансовой и международной администрации, дисциплинарного производства и др. Правила административного производства определяли порядок издания постановлений (административных актов) и права заинтересованных сторон, в особенности при внесении обжалований в органы высшей инстанции.

Принудительное производство определяло совокупность действий, обеспечивавших выполнение административных решений. Правом применения принудительного производства обладал орган общей администрации первой инстанции (староста). Средствами наказания, применявшимися в принудительном производстве, были: денежный штраф, имущественные взыскания, заменяющие их наказания и прямое принуждение к исполнению в натуре.

Уголовно-административное производство регулировало порядок расследования и наказания правонарушений органами общего управления или другими административными органами, имеющими специальные полномочия. Правонарушениями считались мелкие преступления, наказуемые штрафом не выше 3000 злотых и тюремным заключением на срок до трех месяцев.

Государственные служащие. Правовое положение государственных служащих регулировалось законом 1922 года о гражданской государственной службе. В нем содержалось так называемое положение о прохождении службы для государственных служащих, за исключением судей и прокуроров, учителей, преподавателей высших учебных заведений, служащих государственных предприятий и государственных монополий. Для этих групп служащих существовали особые положения.

Закон о гражданской государственной службе определял: порядок назначения на должность и освобождения с нее, требуемую квалификацию, право на отпуск, оклад, порядок повышения по службе и такие обязанности служащих, как сохранение служебной тайны, дисциплинированность, лояльность, а также систему дисциплинарной ответственности. Служащие делились на две категории: на чиновников и низших государственных служащих. Спорные вопросы, касавшиеся гражданской государственной службы, подлежали административному судопроизводству.

Общее число государственных служащих было довольно высоким. В 1938 году бюджет государства предусматривал для гражданской администрации 74 тыс. должностей, включая судей и прокуроров, но не считая учителей, которым предоставлялось 89 тыс. штатных мест.

Социальный облик служащих государственной администрации был неоднороден. Низший состав управленческого аппарата набирался главным образом из среды работников умственного труда и мелкой буржуазии. Руководящие должности предоставлялись преимущественно представителям буржуазии, помещиков и офицерства. В 1937 году 12 воевод из 16 вышли из офицерского корпуса. В хозяйственных ведомствах, в промышленности и торговле, а также в финансовых управлениях многие ответственные посты, в том числе министерские, занимали лица, связанные с различными капиталистическими организациями, главным образом с «Левиафаном». Помещичьи круги, в особенности после майского переворота, пользовались немалым влиянием в ведомствах министерства сельского хозяйства и аграрных реформ. Высшее католическое духовенство влияло на распределение руководящих должностей в ведомстве по делам вероисповеданий и народного просвещения. После

1926 года «санация» произвела основательную перетряску кадров в административных органах, назначая вместо уволенных своих сторонников. Национальный состав служащих государственной администрации сильно отличался от национального состава населения страны. Служащие, принадлежавшие к национальным меньшинствам, составляли группу в несколько процентов.

Искажения и нарушения законов в целях приспособления к нуждам правительственной программы приводили к подрыву предствлений о правопорядке в глазах общества. После майского переворота 1926 года у администрации появилась новая функция; ее использовали для удержания санационного лагеря у власти, ради чего пускали в ход все средства, связанные со злоупотреблением властью и преследованием политических противников. Эти средства приводили к обострению противоречий между административным аппаратом и обществом и усиливали недоверие населения к санационным правительствам.

ВИИ. КОНТРОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Виды контроля. Их было два: внутренний и внешний. Внутренний контроль, называвшийся также надзором, являлся следствием иерархической структуры государственного управления и допущения законом методов обжалования, позволявших изменять административные решения. Внешний контроль осуществлялся органами и учреждениями, не зависившими от аппарата государственного управления. К нему относились такие виды контроля, как: *парламентский* — со стороны Сейма и Сената; *судебный контроль*, осуществлявшийся административными и общими судами; *финансовый контроль*, осуществлявшийся Высшей контрольной палатой.

Контроль со стороны парламента. Парламентский контроль заключался в проверке Сеймом и Сенатом деятельности органов управления преимущественно с политической точки зрения. Законодательные палаты осуществляли свои контрольные полномочия в разной форме. Чаще всего применялась форма интерпелляции. В период работы Учредительного сейма было внесено 6868 интерпелляций, а Сейма следующего созыва — 5530. После майского переворота их число систематически уменьшалось. Это было вызвано помимо прочего введением регламентарных ограничений, затруднявших внесение интерпелляций представителям оппозиционных партий. Правительство сплошь и рядом пренебрегало своей обязанностью отвечать на запросы. После 1935 года эта форма контроля исчезла почти полностью.

Судебный контроль. Судебный контроль за деятельностью органов государственного управления осуществлялся административными судами и лишь в отдельных случаях — общими судами. Для рассмотрения споров о правомерности административных актов Мартовская конституция предусмотрела образование административного судебного аппарата во главе с Верховным административным трибуналом (ВАТ). Он был создан в 1922 году. Поскольку при этом не были образованы административные суды низших инстанций, ВАТ являлся единственным судебным органом такого рода. Только на территории бывшей прусской Польши сохранились существовавшие до 1918 года административные суды первой и второй инстанций, для которых ВАТ представлял собой третью инстанцию.

Верховный административный трибунал состоял из первого председателя, председателей и судей, назначавшихся президентом. Он делился на две палаты: общеадминистративную и финансовую. Жалобу в ВАТ мог подать любой гражданин, если нарушались его права или на него налагались обязанности без законного на то основания. Обжалованию подлежали окончательные административные решения, т. е. вынесенные последней инстанцией. Жалоба должна была подаваться в письменной форме. ВАТ как кассационный суд мог отклонить жалобу или отменить обжалованный административный акт. При вынесении повторного решения административный орган был связан приговором ВАТ. В судебной практике ВАТ преобладали финансовые дела.

Раздел четвертый

ФИНАНСЫ

Источники финансового права. Методы и формы финансовой деятельности государства во II Речи Посполитой не отличались от существовавших в других европейских капиталистических странах, однако на них наложило отпечаток специфическое общественно-экономическое положение Польши.

Основные принципы финансового права, закрепленные Мартовской и Апрельской конституциями, определяли утверждение государственного бюджета, обложение налогами, установление денежной системы, получение государственных займов, а также порядок финансового контроля за деятельностью органов государственного управления.

Валютная система. Первой валютной системой в независимой Польше стала система, созданная органами немецкой оккупационной администрации в бывшем Королевстве Польском и основанная на польской марке. Валюта стран — участниц разделов — рубли, марки и кроны, бывшие в обращении на польских землях, была об-

менены на польские марки. Огромные расходы государства на войну, а затем на восстановление разрушенной страны и содержание разветвленного административного аппарата при ничтожных доходах за счет налогов покрывались эмиссией бумажных денег. Это, естественно, привело к инфляции, которая в 1923 году превратилась в сверхинфляцию.

Сложившаяся ситуация требовала проведения валютной реформы. Залогом ее успеха было уравнивание расходов и доходов государства. Реформу валютной системы провело правительство Владислава Грабского, наделенное сеймом широкими полномочиями. Польская марка с 1 июля 1924 г. заменялась новой валютой, основанной на золоте, единицей которой являлся злотый, содержащий $\frac{1}{31}$ г чистого золота. Марки обменивались на злотые из расчета 1,8 млн. марок за 1 злотый. По отношению к доллару курс злотого составлял 5,18 злотых. Эмиссия новых банкнот и монет была поручена Польскому банку. В последующие годы в результате трудностей, связанных с покрытием бюджетного дефицита, произошло некоторое обесценение злотого по отношению к иностранным валютам. В 1927 году была произведена девальвация злотого. Стоимость 100 злотых в 1924 году соответствовала стоимости 172 злотых в 1927 году. В 1936 году был введен валютный контроль путем запрещения свободного обмена польской валюты на иностранную или золото.

Государственный бюджет. Государственный бюджет, утверждавшийся в форме закона, составлял правовую основу финансовой деятельности государства и его органов. Право утверждать его принадлежало Сейму. Добавление к Конституции от 2 августа 1926 г. вводило детальный порядок и четкие правила утверждения бюджета Сеймом. Апрельская конституция сделала эти правила еще более строгими.

На практике в годы инфляции финансовое хозяйство государства не могло опираться на утверждавшиеся Сеймом бюджеты. Только в 1923 году сейм начал утверждать суммарные квартальные бюджеты. Первый годовой бюджет был утвержден в 1924 году. С тех пор финансовая деятельность государства регулировалась ежегодными бюджетными законами.

До 1928 года расходы правительства не входили в бюджет. Они утверждались постфактум в процессе принятия законов о дополнительных кредитах.

Однако при выполнении бюджета за 1927/28 год правительство превысило его более чем на 500 млн. злотых, из которых 8 млн. были истрачены на финансирование избирательной кампании ББ 1928 года. Оппозиционным большинством сейма министр финансов Г. Чехович был привлечен к конституционной ответственности перед Государственным трибуналом, но дело было отложено.

Государственные расходы. Структура бюджета по назначению государственных расходов на определенные цели в межвоенный период не подверглась существенным изменениям — менялись, главным образом, пропорции. Самую важную статью составляли расходы на военные цели. В 1919/20 году они значительно превысили половину общей суммы государственных расходов. В последующие годы они держались на уровне 30% от всех бюджетных расходов, что являлось самым высоким в Европе процентом расходов, предназначенных на военные цели. Немалая доля приходилась на расходы по содержанию административного аппа-

рата. На социальное обеспечение предназначалась небольшая сумма, поскольку основная тяжесть этих расходов ложилась на территориальные самоуправления. В особую статью выделялись расходы, связанные с уплатой государственных долгов. Расходы на государственные капитальные вложения в значительной степени покрывались из внутренних и иностранных займов.

Государственные доходы. Важнейшими среди них были: доходы от налогов; займы; доходы от государственных предприятий. Обложение налогами требовало согласия сейма.

Характерной чертой польской налоговой системы было преобладание косвенных налогов над прямыми. Косвенными налогами облагались товары и услуги. Они включались в их цену. В первой половине межвоенного периода доходы с косвенных налогов составляли около 60% общих доходов бюджета, а к концу его снизились до 45%. Преобладание косвенных налогов над прямыми было вызвано легкостью их взимания, но не только этим. Будучи не столь значительными при высоких доходах, они наименее всего отягощали богатые классы; таким образом, главные тяготы перекладывались на плечи трудящихся.

К важнейшим прямым налогам относились: земельный, промысловый, подоходный, налог на недвижимость, налог с наследства и дарений, налог с заработной платы. Особый характер имели имущественные налоги. Вплоть до 1926 года прямые налоги распределялись таким образом, что менее обеспеченные налогоплательщики оказывались в более благоприятном положении. Это обеспечивалось существованием минимума доходов, свободного от налогов, прогрессии при земельном налоге, дифференциации подоходного налога в пользу доходов от трудовой деятельности в сравнении с доходами от капитала. После майского переворота 1926 года, и в особенности в период экономического кризиса, эта ситуация изменилась в сторону, неблагоприятную для экономически слабых групп, и они стали облагаться пропорционально более высокими прямыми налогами. Безжалостное взыскание налоговой задолженности с крестьян приводило к их выступлениям против национальных властей, особенно участвовавших в годы экономического кризиса.

Государственные займы, которые, подобно налогам, требовали согласия сейма, являлись источником покрытия бюджетных дефицитов, а также источником финансирования государственных капиталовложений и кредитов, предоставляемых частным предприятиям. Займы делились на внутренние и внешние. Внутренние носили или принудительный, или добровольный характер. Финансовый эффект от внутренних займов был невелик из-за слабости отечественных капиталов и недоверчивого отношения населения к такого рода помещению сбережений. Получение иностранных займов тормозилось из-за отсутствия доверия иностранных банков к польскому государству. Те займы, которые удавалось получить, обычно предоставлялись на очень невыгодных условиях.

Состояние государственных долгов на 1 января 1938 г. выражалось суммой 4973 млн. злотых, из которой 2458 млн. приходилось на отечественные долги, а 2515 млн.— на иностранные. Величина государственного долга в расчете на одного жителя (142 злотых) была все же ниже средневропейской.

Доходы от государственных предприятий, входившие в бюджет государства, держались на относительно низком уровне, что было,

главным образом, результатом малой эффективности хозяйствования.

Финансовая администрация и контроль. Во главе финансовой администрации стоял министр финансов. Его основная задача заключалась в руководстве финансовой политикой государства. Министру вменялась в обязанность подготовка проектов государственного бюджета. Функции территориальных органов администрации второй инстанции выполняли казначейства и таможенные управления. Им подчинялись органы первой инстанции: финансовые управления, акцизные управления, управления государственных монополий и таможня.

Специальный контроль во II Речи Посполитой осуществляли независимая от правительства Верховная контрольная палата (ВКП) и окружные контрольные палаты. ВКП возглавлял председатель, назначавшийся Президентом по предложению совета министров и отвечавший за свою деятельность перед Сеймом или Сенатом. Контролю ВКП подлежали все органы государственного управления, включая самоуправление. Он распространялся также на объединения и учреждения, если эти учреждения получали государственные субсидии. Контроль ВКП заключался в проверке законности, целесообразности и эффективности финансово-экономической деятельности. Отчет о всех контрольных мероприятиях председатель ВКП ежегодно представлял Президенту, Сейму и Сенату. Кроме того, Верховная контрольная палата отчитывалась перед Сеймом о выполнении бюджета.

Раздел пятый

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ

Структура органов правосудия. Мартовская конституция в соответствии с принятым принципом разделения властей провозгласила принцип независимости судов. Апрельская конституция, отвергнув этот принцип, подчинила суды Президенту. В противоположность Мартовской Апрельская конституция исключала участие представителей общественности в судебном аппарате. Суды во II Речи Посполитой делились на две группы. Первую составляли *общие суды*, созданные для рассмотрения общеуголовных и гражданских дел, вторую — *специальные суды*, компетенция которых была ограничена определенными категориями дел: военные суды, суды по трудовым спорам, духовные суды, а также Государственный трибунал, Компетенционный трибунал, Верховный административный трибунал.

а) *Принцип независимости судей*, сформулированный в 77 ст. Мартовской конституции, гласил, что при исполнении обязанностей судьи «независимы и подчи-

няются только закону. Судебные решения не могут изменяться ни законодательной, ни исполнительной властью». Гарантией независимости был запрет отстранения от исполнения обязанностей и перемещения судей, за исключением случаев, вызванных реорганизацией судебного аппарата (в законодательном порядке), а также судейская неприкосновенность.

Закон о системе общих судов от 1928 года, против которого резко выступала оппозиция, подорвал гарантии судейской независимости. Он позволял переводить судей (без их согласия) в другие суды или увольнять в отставку. Применение закона позволило устранить из судебного аппарата или перевести на периферию негодных правительству судей. Повторная чистка была произведена в 1932 году перед самым апелляционным разбирательством по делу руководителей Центролева.

б) *Принцип назначаемости судей.* Назначение на судейскую должность входило в компетенции Президента. Судьи не могли принадлежать формально ни к одной из политических партий, но так как они были преимущественно представителями имущественных классов, то и симпатизировали правым политическим группировкам. После майского переворота санационный лагерь постепенно увеличивал число своих сторонников в судебном аппарате.

в) *Принцип исключительной компетенции судов в вопросах правосудия,* введенный 98 ст. Мартовской конституции, гласил, что «никто не может быть освобожден от суда, которому подлежит по закону» и что «никакой закон не может запрещать гражданину искать судебным порядком удовлетворения за обиду или вознаграждения за убытки». После 1926 года в этот принцип были внесены исключения, ограничивающие компетенцию судов за счет расширения компетенции административных органов. Самое же существенное отступление было санкционировано в 1934 году, когда указом Президента органам общей администрации было дано право направлять граждан в изоляционный лагерь.

г) *Принцип участия общественности в правосудии.* Мартовская конституция предусматривала избрание мировых судей населением, а также участие граждан в судах присяжных. Законом об организации общих судов представители общества вводились в суды присяжных и в коммерческие суды. Лавники же участвовали

в судах по трудовым вопросам. Апрельская конституция обошла молчанием участие представителей общества в правосудии. Это позволило в 1938 году ликвидировать суды присяжных, действовавшие, впрочем, лишь в бывшей Галиции, а также отказаться от создания мировых судов.

д) *Принцип исключения из компетенции судов права определять действительность законов* не оспаривался ни в теории, ни на практике. Суды создавались исключительно для применения законов. Они не имели права проверять, соответствует ли содержание законов Конституции, однако могли устанавливать соответствие законам нормативных актов низшего порядка.

е) Принцип иерархии инстанций в структуре судебного аппарата выражался в делении судов на определенные категории, между которыми устанавливалась иерархическая подчиненность. Суды, рассматривавшие дела по существу, являлись судами первой инстанции; суды, которые на основании апелляции проверяли справедливость приговоров, — судами второй инстанции. Суд третьей инстанции следил за единообразием толкования права и за законностью действий судов.

Общие суды. Организация общих судов была осуществлена в первые годы II Речи Посполитой. Закон о создании общих судов от 1928 года произвел унификацию судебного аппарата общих судов. Его организационная структура стала выглядеть следующим образом: городские суды, окружные суды, апелляционные суды, Верховный суд. Деление на судебные округа не совпадало с административным делением государства (на воеводства и поветы). В 1936 году существовало 548 гродских, 45 окружных и 7 апелляционных судов.

Гродские суды в составе одного человека выносили приговоры (как первая инстанция) по мелким гражданским и уголовным делам.

Окружные суды являлись судами первой инстанции по более важным уголовным и гражданским делам, а также рассматривали апелляции на приговоры городских судов. Решения принимались коллегиально (3 человека), а в более простых случаях — единолично. Законом об устройстве общих судов от 1928 года предусматривалось, чтобы для решения дел о преступлениях, заслуживающих тяжелых наказаний, и о политических преступлениях в окружных судах были созданы

суды присяжных, однако на деле это не было осуществлено.

Апелляционные суды как вторая инстанция рассматривали жалобы (апелляции) на приговоры окружных судов. В качестве первой инстанции они могли выносить приговоры по особым делам, переданным на их рассмотрение законами. Приговоры выносились коллегиально (3 человека), а в исключительных случаях единолично.

Верховный суд рассматривал жалобы (кассации) на решения судов второй инстанции, а также выносил приговоры по делам, переданным ему на рассмотрение законами. Верховный суд состоял из палат: гражданской и уголовной. Приговоры Верховного суда выносились обычно тремя судьями; состав этот мог быть увеличен до пяти или семи человек, до состава всей палаты или общего собрания суда.

Специальные суды. Военные суды были созданы на основании закона от 1919 года, дополненного в 1936 году. В своей деятельности военные суды опирались на военно-уголовный кодекс и кодекс военно-уголовного судопроизводства.

Суды по трудовым вопросам были созданы в 1928 году. Они рассматривали спорные гражданские дела, связанные с трудовыми отношениями, профессиональным обучением, а с 1934 года — также и с кустарным промыслом. Суд состоял из профессионального судьи и двух заседателей: одного со стороны работодателей, другого — со стороны работников. Стороны имели право обжаловать решения суда по трудовым вопросам в окружном суде.

Конфликтный трибунал был создан для разрешения споров о компетенции между административными органами и судами.

Прокуратура. Организация прокуратуры определялась с 1928 года законом о структуре общих судов. Организационная структура прокуратуры соответствовала структуре судебного аппарата. При соответствующих судах существовали: прокуратура Верховного суда, возглавляемая Первым прокурором Верховного суда; прокуратуры апелляционных судов, возглавляемые апелляционными прокурорами, прокуратуры окружных судов, возглавляемые окружными прокурорами. При городских судах прокуратур не было. Функции

обвинителей перед этими судами наряду с прокурорами окружных судов исполняла (по их полномочию) полиция. Задачами прокуратуры являлись: возбуждение дела, предварительное расследование, обвинение перед судом и контроль за исполнением приговоров. Во главе прокуратуры стоял министр юстиции.

Адвокатура. Законоположения, регулирующие организацию и деятельность адвокатуры, были введены в 1932 году и дополнены в 1938 году. Самоуправленческую организацию адвокатуры составляли адвокатские палаты с выборными руководителями. Высшим органом адвокатского самоуправления был главный адвокатский совет. Постепенно усиливавшийся контроль за деятельностью адвокатуры осуществляли министр юстиции и Верховный суд.

Раздел шестой

УНИФИКАЦИЯ И КОДИФИКАЦИЯ ПРАВА

Кодификационная комиссия. В первое время после обретения независимости на территории польского государства действовали иностранные правовые системы: немецкое и прусское право, австрийское право, венгерское право (Спиш и Орава), французское право, право Российской империи. Будучи однотипными по классовому содержанию, они тем не менее отличались друг от друга, поскольку соответствовали разному уровню социально-экономического и политического развития стран—участниц разделов. Польские власти признали прежнее законодательство временно действующим, отменив только положения, направленные против польского народа.

Основной задачей нового государства в области законодательства было проведение сначала унификации права, а затем его кодификации, т. е. разработки новых систем уголовного, гражданского, административного, трудового права.

Осуществить унификацию и кодификацию права было поручено сейму. В Учредительном сейме одержало верх предложение о создании кодификационной комиссии, не зависящей непосредственно от правительства и состоящей из специалистов.

Кодификационная комиссия была создана на основании закона от 3 июня 1919 г. и состояла из президента, 3 вице-президентов и 40 членов, назначавшихся Начальником государства, а с 1922 г.—Президентом. Перед комиссией была поставлена задача подготовить проекты уголовного, гражданского и процессуального кодексов. Кодификация административного, финансового и трудового права была возложена на соответствующие ведомства. Проекты представлялись министру юстиции, который, внося поправки и дополнения, вносил их в сейм, как правительственные законопроекты. До майского переворота кодифицирующие законопроекты

рассматривались и утверждались сеймом. С 1926 года указанные проекты издавались правительством в виде указов или (в период действия Апрельской конституции) декретов Президента.

Кодификация уголовного права и процесса. В секции уголовного права, созданной для разработки проекта уголовного кодекса, главную роль сыграли профессора Юльош Макаревич и Вацлав Маковский. В работах над проектом принимало участие много юристов, а также специалисты из других областей — врачи-психиатры, психологи. Окончательный проект уголовного кодекса был принят 14 сентября 1931 г. и передан министру юстиции. Комиссия министерства внесла в проект дополнения, увеличив перечень преступлений, направленных против государства. Кодекс был введен в действие указом президента от 11 июля 1932 г. Одновременно был издан закон о правонарушениях и предписания, вводящие в силу уголовный кодекс и этот закон.

Параллельно с разработкой проекта уголовного кодекса в подкомиссии, состоявшей из проф. Эдмунда Кшимуского, судей А. Могильницкого и С. Э. Раппопорта, шла подготовка уголовно-процессуального кодекса. Проект был готов уже в 1926 году. 9 марта 1928 г. кодекс был издан в форме указа Президента.

Кодификация гражданского права и процесса. Кодификация гражданского права была сопряжена с большими трудностями. Это было вызвано прежде всего значительными расхождениями между гражданским законодательством отдельных районов страны.

Уже в 1921 году были подготовлены инструкции, задачей которых являлось разрешение коллизий между разными системами частного права. Они вошли в проекты кодекса по международному частному праву и межобластному частному праву. Законами оба эти проекта стали только в 1926 году. В том же году был принят закон об авторском праве, создателем которого был проф. Фридерик Золь. Относительно быстро был подготовлен проект патентного устава, который получил силу на основе закона 1924 года об охране изобретений и товарных знаков. Большое значение для экономического оборота имели вексельное и чековое право от 1924 года, торговый кодекс от 1933 года и кодекс обязательственного права того же года, изданные в форме указов Президента.

Работы по кодификации брачно-семейного права, начатые в 1920 году, были завершены в 1929 году подготовкой проекта, автором которого был проф. Кароль Лютостанский. Проект рассматривал брак как светский институт, одинаковый для всех граждан независимо от вероисповедания. Церковный брак заключался по усмотрению вступающих в брак.

Проект допускал расторжение брака путем развода. Юрисдикцию в брачных делах он предоставлял общим судам.

Проект вызвал бурную пропагандистскую кампанию, инспирированную католической церковью. Критика была направлена главным образом против гражданских браков и разводов. Против того же выступали консервативные члены кодификационной комиссии. Зато полную поддержку проект встретил среди левых партий и в кругах прогрессивной интеллигенции. Правительство, опасаясь вступить в конфликт с церковью, не решилось ни обнародовать проект в форме указа Президента, ни предложить его на утверждение законодательным палатам. Кроме того, в Польше действовало церковное право разных вероисповеданий, регулировавшее заключение и расторжение брака.

Подготовительные работы по кодификации имущественного брачного права завершились опубликованием в 1937 году проекта, главным принципом которого было уравнивание имущественного положения супругов. Прогрессивные и оригинальные положения проекта вызвали оживленную дискуссию. Окончанию работ над проектом помешала война. В 1938 году подкомиссией под руководством проф. Станислава Голонба был подготовлен проект закона об отношениях между родителями и детьми. Он улучшал правовое положение внебрачных детей. Проект предусматривал использование родительских прав исключительно в интересах ребенка. Обсуждение основ проекта прервала война. Остались незаконченными и работы по кодификации вещного права.

Работы над проектом гражданско-процессуального кодекса, начатые еще до создания кодификационной комиссии, были продолжены под руководством проф. К. Фириха, а после его смерти — адвоката Яна Литауера. Кодекс был издан в форме указа Президента в 1930 году и введен в действие 1 января 1933 г.

Комиссия, безусловно, внесла свой вклад в дело унификации польской системы права, что само по себе должно быть оценено положительно, тем более, что некоторые ее решения были внушены либеральными и прогрессивными для того времени идеями.

Раздел седьмой

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Источники гражданского права. В основу гражданского права II Речи Посполитой легло законодательство стран — участниц разделов, что привело к сохранению в отдельных районах партикуляризма. Лишь некоторые разделы, регулирующие хозяйственный оборот, были заменены едиными инструкциями, подготовленными Кодификационной комиссией.

На территории бывшего Королевства Польского источником гражданского права остался Кодекс Наполеона с изменениями, внесенными до 1918 года. На восточных землях сохранило действующую силу российское гражданское право по состоянию на август 1915 года с изменениями, внесенными польскими властями после 1918 года главным образом для того, чтобы устранить ограничения, связанные с национальностью и вероисповеданием. В бывшей Галиции действовал австрийский гражданский кодекс 1811 года, частично введенный в 1922 году в Слише и Ораве наряду с сохранявшимся там венгерским правом. На территории, ранее принадлежавшей Пруссии, оставалось в силе

германское гражданское уложение 1900 года. К числу важнейших законодательных актов по гражданскому праву, изданных во II Речи Посполитой, принадлежали: кодекс обязательственного права от 1933 года, торговый кодекс того же года, вексельное и чековое право от 1924 года, авторское право от 1926 года, патентное право от 1924 года. Особое значение для разрешения противоречий между различными правовыми системами, унаследованными от периода разделов, имело издание в 1926 году уже упоминавшихся Основ международного частного права и права межобластного, предназначенного для регулирования коллизионных случаев.

Основы гражданского права. Право частной собственности. Мартовская конституция признавала частную собственность за основу общественного строя и правового порядка в государстве. Однако она не придавала праву частной собственности абсолютного характера, допуская возможность экспроприации или ограничения собственности по соображениям высшей необходимости. Конкретным выражением таких ограничений было законодательство об аграрной реформе, устанавливавшее максимальное количество земли, каким могла владеть одна семья, и предусматривавшее добровольную или принудительную парцелляцию излишков.

Принцип формального равенства субъектов гражданского права сохранился во II Республике со всеми ограничениями, вытекавшими из капиталистических социально-экономических отношений, дифференцировавших граждан в зависимости от их имущественного и общественного положения.

Принцип свободы договоров был подтвержден ст. 55 кодекса обязательственного права от 1933 года, гласившей: «Стороны, заключающие договор, могут устанавливать свои отношения по собственному усмотрению, лишь бы только содержание и цель договора не были направлены против общественного порядка, закона и добрых обычаев».

Свобода договоров во II Речи Посполитой подвергалась ограничениям, известным и другим капиталистическим странам. Ими, в частности, являлись: регламентация цен на потребительские товары в первые послевоенные годы; положения, предусматривавшие утверждение типовых договоров органами государственного

управления или самоуправления; предписания, требующие защиты жильцов. Последние ограничивали право домовладельца расторгнуть договор найма, устанавливали верхний предел квартирной платы и уполномочивали государственные органы препятствовать при известных условиях выселению жильца, оказавшегося в трудном материальном положении.

Общие положения гражданского права. Согласно кодексам субъектами права считались физические и юридические лица. Человек приобретает правоспособность с зачатия и утрачивает со смертью. Права иностранцев подлежали различным ограничениям. Ограничения в гражданских правах определялись возрастом (малолетние), состоянием здоровья (психические заболевания), полом (ущемление в правах женщин), профессией (военные, духовенство). Гражданское состояние лиц вписывалось в специальные публичные реестры.

Юридические лица делились на две категории: юридические лица публичного права и юридические лица частного права. К первым относилось государство как целое государственное учреждение, организации территориального, хозяйственного, профессионального самоуправления. Юридические лица частного права возникали по инициативе физических лиц и осуществляли частные цели. К юридическим лицам относились: акционерные общества, простое и командитные товарищества, профессиональные союзы, кооперативы и др.

Семейное право. Правовое регулирование супружеских отношений оставалось под сильным влиянием религии. Секуляризационные тенденции, полнее всего отразившиеся в проекте брачного права от 1929 года, подверглись резкой критике со стороны католической церкви, упорно не желавшей отдавать государству право регулировать институт брака.

Действовавшие в период разделов положения семейного права, сохранявшие силу и в течение всего межвоенного периода, по-разному регулировали одни и те же правовые институты. Наибольшие расхождения проявлялись при заключении и расторжении браков. Существовали три системы: светская, религиозная и светско-религиозная.

Светский характер брачное право носило на территории бывшей прусской Польши, где оно основывалось на положениях германского гражданского уложения,

Брак рассматривался как договор, заключаемый в присутствии сотрудника отдела записи актов гражданского состояния. Для заключения брака не существовало препятствий религиозного характера. Допускалось расторжение брака путем развода.

На территории бывшего Королевства Польского брак заключался в соответствии с правом того вероисповедания, к которому принадлежали вступающие в брак, и с соблюдением соответствующих религиозных обрядов. Разные вероисповедания различно определяли возможность расторжения брака путем развода, либо абсолютно его исключая (законы католической церкви), либо его допуская (другие вероисповедания). Не существовало никаких законных форм заключения брака между лицами, принадлежащими к непризнанным законом религиям, и атеистами.

Смешанным характером отличалось австрийское семейное право, действовавшее на территории бывшей Галиции. Брак заключался в присутствии священнослужителя соответствующего вероисповедания. Только лица, принадлежавшие к непризнанным в законе вероисповеданиям, и атеисты могли заключать гражданский брак перед административными органами. Австрийское право предоставляло всем, кроме католиков, возможность расторжения брака путем развода. Семейные дела разбирались в общих судах.

Различия в праве отдельных областей, усугубленные расхождениями между правом отдельных вероисповеданий, привели к большой пестроте. Необходимость учитывать вероисповедание вступающих в брак — еще больше усложняла ситуацию, когда стороны были разного вероисповедания или когда одна или обе стороны хотели его изменить. Недопустимость развода для католиков, существовавшая на большей части территории страны, приводила к тому, что супруг, желающий расторгнуть брак, должен был менять вероисповедание.

Привилегированное положение мужа и ущемление прав жены были свойственны (правда, в различной степени) всем областным правовым системам, действовавшим во II Речи Посполитой. Отражением этого было господствующее положение мужа и отца в семье, а также ограничение прав жены, проявлявшееся в требовании подчиняться и быть послушной мужу, а также в стеснении ее свободы при выполнении юридических

формальностей и в осуществлении родительской власти. Самые одиозные ограничения прав женщины были, правда, отменены в 1921 году. В последующие годы положение замужних женщин подверглось постепенному улучшению.

В области регулирования имущественных отношений между супругами действовали две системы: законная и договорная. Законная система применялась, если супруги не заключили между собой брачного контракта. Несмотря на различия в праве разных областей, законная система везде признавала принцип раздельности имущества супругов. Для договорной системы была характерна свобода составления брачных контрактов, определявших имущественные отношения супругов.

При осуществлении родительской власти решающий голос принадлежал отцу. Дискриминация или ущемление прав внебрачных детей были общим явлением. Внебрачные дети не могли носить фамилию отца, им чинились препятствия в притязаниях по поводу алиментов, при установлении отцовства, при введении в права наследства. Положение, в которое ставились внебрачные дети, резко критиковалось прогрессивными общественными деятелями. Только в 1939 году положение детей, брошенных родителями, было улучшено смягчением правил об усыновлении.

Вещное право. В течение всего межвоенного периода сохранились положения вещного права, действовавшие до 1918 года. С их изменением не спешили, поскольку в стране остался прежний социально-экономический строй. Кодексы принимали за равнозначное крупную капиталистическую собственность, мелкотоварную собственность, собственность на предметы личного пользования или потребительские товары.

Важную роль в буржуазной кредитной системе играла ипотека, поскольку она успешно защищала права кредитора. Четкость ее функционирования, как известно, зависит во многом от ведения ипотечных книг, страдавшего многими недостатками, даже и в межвоенный период. На практике формами кредита, обеспеченного ипотекой, пользовались главным образом крупные собственники в городе и в деревне.

Наследственное право. Наследование в течение всего межвоенного периода определялось положениями, действовавшими на польских землях до 1918 года.

Несмотря на территориальные различия, наследственное право в основном опиралось на одно и то же сочетание принципов, типичных для буржуазного права. В соответствии с ними наследство предназначалось ближайшим родственникам умершего. В то же время наследодатели располагали значительной свободой распоряжения имуществом. Компромиссным решением явился институт обязательной доли, т. е. исключение части имущества из свободного распоряжения наследодателя.

В отдельных областях страны сохраняли силу давние наследственные обычаи крестьян. На польской территории, принадлежащей в свое время Пруссии, родители, как правило, еще при жизни передавали хозяйство одному из детей, выговаривая себе так называемую пожизненную ренту. Остальным детям выплачивались деньги. Договоры о пожизненной ренте, особо отрегулированные лишь кодексом обязательственного права, являлись важной составной частью договоров о передаче хозяйства. Они обеспечивали существование бывшему владельцу и его супругу.

В бывшей Галиции хозяйство делилось между всеми детьми, чаще всего еще при жизни родителей. Обязанность пожизненной ренты возлагалась на одного или на всех детей — в зависимости от условий договора. В центральных воеводствах также существовал обычай передачи хозяйства детям при жизни владельцев. Дети обязывались до конца жизни содержать родителей. Значительно чаще, чем в других областях, встречалось наследование по закону. В восточных воеводствах тоже господствовал обычай раздела хозяйства между всеми детьми при жизни или после смерти родителей.

Обязательственное право. Обязательственное право до 1 июля 1934 г. основывалось на положениях германского и австрийского кодексов и Кодекса Наполеона. Капиталистические круги были заинтересованы в его быстрейшей унификации. Единый кодекс стал важным фактором интеграции. Его главными принципами были: формальное равенство сторон правоотношения, свобода договоров и обеспечение оборота.

По положениям кодекса, обязательства возникали прежде всего в результате юридических действий, среди которых наибольшее практическое значение имели договоры. Особым источником обязательств были, как и повсюду, недозволенные действия; причиняющие

ущерб, следствием которых являлась обязанность возмещения убытков. Кодекс в деталях определял ответственность из причинения вреда, вызванного разного рода действиями (своими, чужими, животных, связанных с установкой оборудования, использующего силы природы, и т. д.). Ответственность в таких случаях опиралась на принципы вины, риска или справедливости.

Торговое право. Торговое право составляло особый раздел права, являясь специфическим правом коммерсантов. Вначале оно опиралось на непольские законы. В 1934 году был издан торговый кодекс. Согласно этому кодексу коммерсантом считался тот, кто от своего имени руководил предприятием ради заработка, т. е. профессионально, и постоянно занимался торговой деятельностью. Кодекс делил коммерсантов на реестровых и нереестровых. К реестровым коммерсантам причислялись те, которые ради заработка руководили предприятиями крупного масштаба, в том числе торговыми обществами. Они должны были быть занесены в специальные торговые реестры, которые велись судами. Прочие коммерсанты — как правило, более мелкие, не записанные в реестр — считались нереестровыми. Среди причисляемых к реестровым торговым обществ, создание, организацию и функционирование которых регулировало торговое право, были: акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, командитные и полные товарищества. Наибольшее практическое значение в Польше, как и в других капиталистических странах, приобрели акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью. Право создавало благоприятные условия для образования таких обществ. В 1936 году в Польше существовало около 1100 акционерных обществ. Большую роль в экономической жизни страны играли также общества с ограниченной ответственностью. Организация таких обществ была более простой, основной капитал — меньше, а влияние пайщиков на деятельность общества — большим. В 1936 году в Польше действовало около 4500 таких обществ.

Кооперативное право. Организацию и деятельность кооперативов регулировал закон от 20 октября 1920 г. Под понятием кооператива закон понимал добровольное объединение неограниченного числа лиц, целью которого было увеличение заработка или улучшение хозяйства

его членов путем совместного ведения дел. Паи членов не подлежали передаче, что подчеркивало личностный характер кооперирования. Паи составляли основной фонд кооперативного предприятия. Для образования кооперативов требовалось внесение их в реестры, которые велись судами. С момента внесения в реестр кооператив получал правоспособность. Внутреннюю структуру кооператива определял устав, который не должен был противоречить закону о кооперативах. Органами кооператива являлись: общее собрание членов кооператива, наблюдательный совет и правление. Кооперативы объединялись в ревизионные союзы, которые контролировали их деятельность и снабжали инструкциями. Наряду с ревизионными союзами возникали центральные управления, объединявшие кооперативы определенной отрасли (потребительские, кредитные, жилищные, торговли на селе, молочные, а также промысловые артели). В 1937 году в Польше было 13 тыс. кооперативов разного типа, насчитывающих 3 млн. членов.

Гражданский процесс. До кодификации, проведенной в 1930 году, гражданский процесс регулировался законами периода разделов: немецким — от 1877 года, австрийскими — от 1895—1897 гг. и российским — от 1864 года с многочисленными дополнениями последующих лет. Гражданский процессуальный кодекс, введенный в действие 1 января 1933 г., перенял основные решения и конструкции из процедур стран-участниц разделов, дабы не совершать «резких скачков» и не вводить «радикальных новшеств».

Гражданский процесс основывался на принципах, повсеместно признанных буржуазным законодательством. Главными из них были: *принцип диспозитивности, принцип состязательности, принцип равенства сторон.*

Принцип диспозитивности заключался в предоставлении сторонам свободного распоряжения своими притязаниями, рассматриваемыми в ходе гражданского процесса. Он проявлялся в том, что процесс начинался только по заявлению одной из сторон; предмет спора ограничивался требованиями, предъявляемыми сторонами; сторона имела право отказаться от своих притязаний и могла свободно распоряжаться апелляционными средствами. Принцип состязательности отводил судьям единственную роль: изучать доказательства, представленные сторонами, и на этом основании принимать решения. Суд становился как бы пассивным наблюдателем спора, ведущегося сторонами. Принцип равенства сторон гарантировал участникам процесса равные права. Суд был обязан выслушать показания противной стороны и предоставить обеим спорящим сторонам одинаковую возможность пользоваться одними и

теми же процессуальными средствами. Это равенство было лишь формальным. Экономическое, социальное и культурное неравенство граждан не создавало условий для подлинного равноправия сторон в процессе. Сторона, лучше обеспеченная, более образованная, оказывалась, как правило, в более выгодном положении.

Гражданский процесс начинался с предъявления иска, который должен был соответствовать определенным формальным требованиям. Истец определял в нем предмет разбирательства. Стороны могли доказывать факты при помощи документов, свидетельских показаний, мнений экспертов, обследований, заслушивания сторон. Процесс заканчивался вынесением решения. Сторона, неудовлетворенная решением суда, могла внести апелляцию в суд второй инстанции, который рассматривал дело повторно. Суд третьей инстанции исполнял кассационные функции. В принципе трехступенчатости имелись различные исключения, продиктованные стремлением ускорить производство при разбирательстве мелких дел. Внесение кассации в Верховный суд требовало очень высокой оплаты. Судопроизводство вообще было медленным и дорогостоящим.

Функции судебных исполнительных органов осуществляли городские суды и судебные исполнители. Средствами исполнительного производства чаще всего служили наложение ареста на движимое имущество и его продажа, реже — наложение ареста и продажа с аукциона недвижимости. Не допускалось обращения взыскания на имущество, состоящее из предметов, которые обеспечивали должнику прожиточный минимум, а также на заработки менее 100 злотых в месяц. На практике принудительное исполнение судебных решений осуществлялось чрезвычайно часто, особенно в годы экономического кризиса. Очень широко оно применялось против крестьян, которые вследствие падения цен на сельскохозяйственные продукты не могли выполнять взятые на себя обязательства. В городах часты были случаи выселения жильцов, в особенности безработных. В 1933 году было возбуждено 1735 тыс., а в 1937 — 985 тыс. дел по принудительному исполнению судебных решений.

Раздел восьмой

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Источники уголовного права. Основными источниками уголовного права до 1932 года были: на землях, ранее принадлежавших России, — русский уголовный кодекс 1903 года, на бывших австрийских землях — австрийский уголовный закон 1852 года и на террито-

рии бывшей Пруссии — немецкий уголовный кодекс 1871 года с изменениями, внесенными польскими властями. С 1 сентября 1932 г. уголовные законы стран-участниц разделов были заменены уголовным кодексом и законом о проступках Польши.

Основы польского уголовного права. Заключенное в уголовном кодексе 1932 года уголовное право, восприняв достижения мировой науки, было в то же время оригинальным творением польских юристов. Основными его принципами являлись: а) *принцип субъективности*; б) *принцип гуманности*; в) *введение превентивных мер*.

а) Принцип субъективности состоял в субъективных основах ответственности, в индивидуализации вины и наказания. Согласно этому принципу обвиняемый отвечал за намеренные и предумышленные действия и не отвечал за обстоятельства и последствия, которые не мог и не должен был предвидеть. При установлении ответственности кодекс обязывал судью принимать во внимание психическое состояние обвиняемого и его способность управлять своей волей. В кодексе перечислялись факторы, смягчающие вменяемость, такие, как умственная отсталость или душевное заболевание. Исключалась ответственность детей, не достигших 13 лет, и допускалась условная ответственность для несовершеннолетних в возрасте от 13 до 17 лет с учетом их умственного и нравственного развития. Принцип субъективности требовал либерального подхода к действиям, выходящим за пределы необходимой обороны. Он проявлялся также в конструкции покушения на преступление и ярче всего — в стремлении индивидуализировать вину и наказание. Были отброшены старые представления о коллективной ответственности. Подстрекатель и соучастник отвечали в пределах своего собственного намерения и деяния.

Индивидуализация наказания проявлялась при его определении. Суд, устанавливая наказание, должен был принимать во внимание побуждения и способ действий виновного, его отношения с пострадавшим, степень умственного развития и особенности характера, прежний образ жизни, поведение после совершения преступления.

б) В принципе гуманности нашло отражение прогрессивное течение, развивающее идеологию эпохи Просвещения. Он выражался помимо индивидуализации от-

ветственности и наказания в ограничении видов уголовного наказания, придании смертной казни исключительного характера, применении по отношению к несовершеннолетним (от 13 до 17 лет) только воспитательных и исправительных мер, в расширении института условного наказания, во введении института условно-досрочного освобождения после частичного отбытия наказания, во введении законной и судейской реабилитации, заключающейся в возвращении утраченных прав (публичные права, право заниматься профессиональной деятельностью) и снятии судимости.

в) Введение превентивных мер обосновывалось создателями кодекса необходимостью ограждать общество от лиц, нарушающих правовой порядок как неумышленно (невменяемые), так и намеренно и постоянно. Поскольку борьба с подобными явлениями при помощи обычных средств уголовного преследования не приносила должных результатов, было решено ввести институт превентивных (предупредительных) мер. Они заключались в том, что лицо, совершившее наказуемый поступок, помещалось в заведение превентивного характера. Кодекс различал четыре типа таких мер: 1) лечение для психически больных; 2) лечение для алкоголиков и наркоманов; 3) принуждение для лиц, совершающих проступки, продиктованные отвращением к труду; 4) особые виды принуждения по отношению к рецидивистам и профессиональным преступникам. Кодекс предусматривал дифференцированное применение предупредительных мер.

Превентивные меры, заимствованные в западноевропейской практике, подвергались критике уже в межвоенный период. В них справедливо видели ограничение принципа гуманности, нарушение принципа *nullum crimen sine lege*. Создатели кодекса исходили из того, что человек становится на путь преступления исключительно в силу своих психических свойств и не принимали во внимание социальной обусловленности его поведения. Требуя применения превентивных мер по отношению к лицам, чьи преступления вызваны «отвращением к труду», они пренебрегали официальной статистикой, ежегодно оценивающей число безработных, ищущих работу, цифрой от 100 до 500 тысяч.

Преступление и наказания. Уголовный кодекс определял преступление с его формальной стороны как

действие, запрещаемое под угрозой наказания по закону, действующему во время совершения преступления. Кодекс различал преступления и проступки. Преступлением считалось действие, наказуемое смертной казнью или тюремным заключением сроком более чем на пять лет, проступком — наказуемое тюремным заключением сроком до пяти лет, заключением на срок от трех месяцев до двух лет или штрафом выше 3000 злотых. Третьим по тяжести видом правонарушений считались провинности, наказываемые согласно особому Положению, не входившему в состав уголовного кодекса. Провинности карались краткосрочным заключением и штрафами. В соответствии с принципом субъективности кодекс исключал наказуемость при невменяемости виновного и в случаях крайней необходимости.

Кодекс делил наказания на основные и дополнительные. Основными наказаниями являлись: смертная казнь, тюремное заключение, арест и штраф. Смертная казнь упоминалась в кодексе только в пяти случаях и всегда как альтернатива тюремному заключению. Дополнительными наказаниями служили: лишение политических прав (активного и пассивного избирательного права), почетных гражданских прав, права заниматься профессиональной деятельностью, родительских и опекунских прав, опубликование приговора в печати, конфискация имущества и орудий производства. По отношению к подросткам (13—17 лет) кодекс предусматривал только исправительные меры наказания (заключение в исправительный дом). Кодекс предоставлял судьям широкую самостоятельность при установлении наказания, указывая лишь его крайние пределы. В определенных случаях допускалось как чрезвычайное смягчение, так и чрезвычайное усугубление наказания. Кодекс позволял применять условное наказание.

О размахе преступности во II Республике трудно судить из-за отсутствия статистических данных для всего межвоенного периода. В кризисном 1932 году количество осужденных составляло 750 тысяч и к 1936 году постепенно уменьшилось до 526 тысяч. Зато количество заключенных увеличивалось — от 38 тысяч в 1932 году до 71 тысячи в 1939 году, что объясняется усилением репрессий.

В зависимости от характера преступлений осужденные в 1937 году делились следующим образом: среди осужденных по закону 50% составляли лица, совершившие преступления против имущества (кражи, присвоение), 16% — преступления против общественного порядка, 10% — преступления против властей и уч-

реждений, 8% — посягательства на жизнь и здоровье, 1% — преступления против государства (государственные преступления), 15% — прочие. Рецидивисты составляли около 30% от общего числа осужденных. Среди наказаний преобладал арест — краткосрочное заключение — 57% и долгосрочное тюремное заключение — 28%. Смертные приговоры в 1937 году выносились 14 раз, в 1931 году — 38 раз, а в 1933 году — 88 раз. Условное осуждение в 1937 году было применено по отношению к 47% осужденных. Либеральные нормы и доктрины отбрасывались, когда дело доходило до репрессии, защищавшей господствующий строй общества. Поэтому особое место, если говорить о строгости приговоров, занимали преступления против государства. В межвоенный период наблюдалась тенденция к росту числа осужденных за такие преступления: от 194 в 1924 году до 1200 в 1928 году и 3755 — в 1937 году. Уголовному преследованию подвергались прежде всего члены коммунистической партии и связанных с ней организаций, а также участники освободительного движения славянских национальных меньшинств. Уже в первые недели существования II Речи Посполитой КПП была обвинена в нарушении положений уголовного права, охраняющих общественный строй. Пропаганда программных принципов КПП рассматривалась как подстрекательство или призыв к насильственному свержению существующего строя, а принадлежность к КПП — как участие в заговоре или в подготовке государственного преступления. Суды, в том числе и Верховный суд, были склонны считать подстрекательством даже самые общие выступления, содержащие критику существующего строя. В борьбе с коммунистами применялись суровые уголовные санкции; приговоры, как правило, сводились к длительному тюремному заключению. Часто устраивались антикоммунистические процессы с большим количеством обвиняемых. Примером могут служить: процесс руководителей коммунистической партии Восточной Галиции в 1922 году во Львове, процесс руководителей белорусской Громады, Луцкий процесс 1927 года, когда были осуждены 123 обвиняемых. В тридцатые годы проходили массовые процессы крестьян, обвинявшихся в оказании сопротивления полиции во время народных манифестаций или при «умиротворении» деревень.

Уголовный процесс. Производство по уголовным делам вначале регулировалось процессуальными законами периода разделов: русским законом об уголовном процессе от 1864 года, австрийским от 1873 года и немецким кодексом уголовного производства от 1877 года. Польский кодекс уголовного процесса от 19 марта 1928 г. вошел в силу 1 января 1929 г. Одновременно были изданы новые инструкции о чрезвычайном производстве.

Уголовно-процессуальный кодекс, несмотря на заимствование многих институтов и решений в кодексах периода разделов, представлял собой оригинальное произведение. Уголовно-процессуальный кодекс вводил форму смешанного обвинительно-инквизиционного

процесса. В нем проявлялись буржуазно-либеральные взгляды его авторов. Гарантиями прав личности в уголовном процессе были: необходимость судебного решения для предварительного ареста, право иметь защитника, гласность процесса, презумпция невиновности, возможность апелляции, запрещение *reformatio in peius*, препятствующее суду второй инстанции усиливать наказание в случаях, когда обвинитель не требует пересмотра. Новеллы следующих лет, вносившиеся под влиянием тоталитарных тенденций, ограничивали гарантии прав обвиняемого.

Расследование преступлений подразделялось на возбуждаемое по требованию суда и по инициативе частных лиц. В первом случае уголовное производство начиналось с подготовительного производства, которое делилось на дознание и следствие. Дознание производил общественный обвинитель (прокурор) и по его поручению полиция. По окончании дознания или следствия прокурор составлял обвинительный акт и вносил его в городской или окружной суд. Судопроизводство вершилось открыто с соблюдением принципа состязательности. Собранные обвинителем и защитой доказательства суд оценивал согласно собственному представлению об их истинности. Решение суда первой инстанции могло быть обжаловано. Суд второй инстанции повторно рассматривал дело по существу. На решение суда второй инстанции можно было подать кассацию в Верховный суд, однако лишь в том случае, если было допущено оскорбление или неправильное применение закона. Внесение кассации требовало высокой оплаты, что являлось выражением определенной социальной политики.

Чрезвычайное производство являлось особым видом производства по уголовным делам. Его характерными чертами были: ускорение и упрощение процесса, ужесточение наказания вплоть до превышения верхнего предела, невозможность кассации и немедленное исполнение приговора. Непременным условием чрезвычайного производства был арест подозреваемого. Предписания о чрезвычайном производстве действовали практически в течение всего существования II Речи Посполитой. С самого начала появилась тенденция использовать его главным образом при разборе дел, имеющих политическую подоплеку; тенденция эта усилилась после 1926 года. Общественное мнение в Польше и за гра-

ницей остро прореагировало на проведенные в 1925 году в чрезвычайном порядке процессы коммунистов, членов боевых организаций — Владислава Кневского, Генрика Рутковского и Владислава Гибнера, которых приговорили к смертной казни и казнили. В 1933 году многочисленные протесты вызвало применение чрезвычайного производства в кобринском процессе девяти крестьян, членов Коммунистической партии Западной Белоруссии, обвинявшихся в активных действиях против государственной полиции. Суд не решился вынести им смертный приговор.

Раздел девятый

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Понятие трудового права. Выделение трудового права из гражданского и административного права в особую отрасль фактически произошло во II Речи Посполитой. Основным фактором, ускорившим этот процесс, было интенсивное развитие законоположений, регулирующих отношения, связанные с выполнением работы по найму. Эта бурная нормативная деятельность долгое время не принималась во внимание наукой о праве, не спешившей с разработкой ее теоретических основ. Самостоятельность трудовое право обрело благодаря юристам-практикам.

Положения трудового права касались всех наемных работников, трудовые отношения которых возникали из договора найма. Действие этих норм не распространялось на служащих государственных учреждений, где трудовые отношения носили публично-правовой характер. Будучи, правда, сходны с трудовыми отношениями наемных рабочих, они вытекали не из трудового договора, а из акта назначения на должность, т. е. одностороннего акта государства.

Трудовое право во II Речи Посполитой по-разному регулировало трудовые отношения для отдельных категорий работников по найму. Наиболее отчетливо проявлялось деление на работников умственного труда и работников физического труда (рабочих). Трудовое законодательство последовательно разграничивало трудовые отношения этих двух категорий работников по найму, создавая наиболее благоприятные условия для работников умственного труда. Для рабочих тоже не

существовало единых норм — обычно нормы устанавливались в зависимости от отрасли хозяйства (промышленность, сельское хозяйство), вида промышленности, величины предприятия.

Источники трудового права. Среди источников трудового права различались законные и договорные. Законные источники представляли собой внутренне неоднородный комплекс. Мартовская конституция в отличие от Апрельской намечала общий характер отдельных законоположений. Гражданам предоставлялось право выбора занятий и способа зарабатывать деньги, гарантировалась охрана труда и социальное обеспечение в случае безработицы, болезни, несчастного случая. Заключение трудовых договоров регулировалось в самой общей форме положениями гражданского права, которые применялись, если в данной области не существовало специальных законов. Основное значение приобрели законодательные акты, определявшие условия и порядок заключения трудовых договоров работниками умственного труда и рабочими. Особые законы регулировали отдельные стороны трудовых отношений (время работы, отпуска, охрана и безопасность труда), социальное обеспечение и систему контроля за соблюдением положений трудового права. Отличительной чертой трудового права были многочисленные отсылочные нормы, что на практике часто вело к ущемлению законных прав работников.

Среди договорных источников трудового права важную роль играли коллективные трудовые договоры, заключавшиеся между работодателями или их группами и представляющими работников профессиональными союзами и устанавливавшие условия, которым должны отвечать индивидуальные трудовые договоры, а также определявшие взаимные обязательства сторон. В 1937 году коллективными договорами было охвачено $\frac{2}{3}$ всех работников.

На отдельных предприятиях существовали трудовые распорядки, односторонне и детально регулирующие способ выполнения обязательств, вытекающих из трудового договора.

Трудовые отношения. Под трудовыми отношениями во II Речи Посполитой понималась совокупность взаимоотношений между работником и работодателем, не только вытекающих из трудового договора, но и определяющихся положениями трудового законода-

тельства. Трудовые отношения устанавливались посредством трудового договора. Индивидуальные договоры должны были соответствовать обязательным законоположениям, регулирующим порядок заключения и содержание трудовых договоров, а также коллективным соглашениям. Если работникам предлагались условия, менее выгодные, чем те, которые были закреплены законами или коллективными договорами, то они считались недействительными. Трудовые договоры заключались на испытательный срок, для выполнения определенной работы, на определенное или неопределенное время. Работник был обязан выполнять работу и старательно следовать указаниям начальства. Работодатель, в свою очередь, был обязан выплачивать обусловленное вознаграждение, которое рассчитывалось в зависимости от времени или результатов работы. Шкалу расценок определяли индивидуальные договоры и коллективные соглашения. Расторжение трудовых отношений происходило по истечении предусмотренного договором срока или путем объявления об увольнении. Трудовое право вводило «охранные периоды», в течение которых работодатель не мог аннулировать трудовой договор (отпуск, болезнь, последние месяцы беременности), а также определяло случаи, допускавшие немедленное расторжение договора по вине работника или работодателя.

Существенным элементом трудового права II Речи Посполитой было разработанное под давлением трудящихся законодательство об охране труда. Его предписания налагали на работодателей обязательства, которые не могли быть отменены ни коллективными соглашениями, ни индивидуальными трудовыми договорами. Прежде всего этими предписаниями определялось время работы. Первый декрет о времени работы был издан уже в 1918 году. Он вводил 8-часовой рабочий день и 46-часовую рабочую неделю. В 1933 году под давлением капиталистов рабочая неделя была увеличена до 48 часов. Кроме того, была уменьшена оплата за сверхурочную работу. На практике максимальные нормы часто нарушались предпринимателями.

Специальной охране, проявлявшейся, главным образом, в запрещении производить определенные опасные или вредные для здоровья работы, подлежали молодые работники (от 15 до 18 лет) и женщины, в особенности беременные. Закон от 1924 года обязывал работающую молодежь учиться, засчитывая в рабочее время 6 часов еженедельного учения, а также запрещал сверхурочную работу. Беременным женщинам предоставлялось право на перерывы в работе, освобождение от работы и декретные отпуска.

Важным завоеванием работников, занятых в промышленности и торговле (за исключением предприятий, где работало менее 5 человек), были оплачиваемые отпуска, введенные законом от 1922 года. В этом отношении Польша опередила многие более богатые страны Европы. Работникам умственного труда предоставлялись более длительные отпуска, чем рабочим. Предписания об отпусках нередко неправильно интерпретировались, а порой и прямо саботировались предпринимателями. Нарушения этих предписаний, так же как и положений о времени работы, часто требовали вмешательства инспекции труда.

Социальное страхование. Задача органов социального страхования сводилась к выдаче пособий в случае болезни, потери трудоспособности, старости и безработицы тем слоям трудящихся, которые не в состоянии были самостоятельно удовлетворить минималь-

ные жизненные потребности. Обязательному страхованию подлежали все лица, живущие наемным трудом, за исключением сельскохозяйственных работников. В 1934 году круг лиц, охваченных социальным страхованием, был сужен.

Средства на покрытие расходов, связанных с социальным страхованием, черпались из взносов, поступающих от работодателей, от самих трудящихся в виде определенного процента от вознаграждения, а также из государственной казны. Пособия на случай болезни и беременности предназначались для оказания медицинской помощи в течение определенного времени и выплат по болезни, беременности и родам. Лицам, пострадавшим от несчастных случаев во время работы, жертвам профессиональных заболеваний и инвалидам выплачивались различные пособия и оказывалась врачебная помощь. Безработным в течение определенного времени выплачивались пособия. Для практического осуществления социального страхования были созданы территориальные общественные страховые кассы и управление социального страхования.

Закон от 1934 года, объединив различные виды страхования, ограничил права трудящихся. Были уменьшены пособия по болезни, пенсии пострадавшим от несчастного случая и увеличены взносы, выплачиваемые работающими. В 1933 году было сокращено также пособие по безработице.

Союзы трудящихся. С XIX века формой организации рабочих и работников умственного труда стали в Польше профессиональные союзы, объединявшие лиц одной профессии или работающих в одной и той же отрасли промышленности.

Во II Речи Посполитой закон с 1919 года позволял наемным работникам создание профсоюзов, однако вновь образованный профсоюз подлежал государственной регистрации. Роспуск профсоюза, бывший далеко не редкостью, производился по решению суда. Свобода образования и деятельности профессиональных союзов была значительно ограничена в 1932 году в соответствии с законом, уполномочивающим административные органы запрещать создание обществ, приостанавливать их деятельность и распускать, если они угрожали «безопасности, спокойствию и общественному порядку». В 1928 году в Польше существовало 328 профсоюзов.

Силу воздействия профсоюзов уменьшала их раздробленность и политическая неоднородность профессионального движения. В одних и тех же отраслях хозяйства действовали профсоюзы разной политической ориентации — от коммунистических (часто распускавшихся государственными органами) до клерикальных. Координационные функции исполняли центральные управления профсоюзов. Они объединяли профсоюзы главным образом по общественно-политическим признакам. Самым многочисленным из центральных управлений был Союз профессиональных обществ Польши с центром в Варшаве. Он являлся представителем классового профессионального движения и находился под влиянием социалистов, однако в этом Союзе немалую роль играли также коммунисты.

Контроль за соблюдением положений трудового права. Центральным органом государственной администрации в области трудовых отношений являлось министерство труда и социального обеспечения. Специализированную отрасль администрации составляла трудовая инспекция, в которую входили главный, областные и окружные инспектора по труду. Инспектора имели право издавать распоряжения, а с 1934 года также налагать административные взыскания на предпринимателей, не выполняющих соответствующие предписания. На практике они пользовались этим правом лишь в самых крайних случаях. Кроме того, инспектора выступали посредниками при разрешении индивидуальных и коллективных конфликтов.

Наемные работники добились создания института специальных судов по трудовым спорам. Эти суды состояли из председателя и заседателей, представляющих работодателей и трудящихся. Заседателей назначал министр юстиции по предложению органов хозяйственного самоуправления и профсоюзов. Суды рассматривали спорные гражданские дела, связанные с трудовыми отношениями, с договорами о профессиональном обучении, а с 1934 года также и с трудовыми отношениями в кустарном промысле. Стороны могли обжаловать вынесенное решение в окружном суде. Компетенции судов по трудовым вопросам не подлежали споры, касающиеся трудовых отношений в сельском хозяйстве, и споры работников умственного труда, занятых в учреждениях, государственных школах и органах территориального

самоуправления. В 1937 году суды по трудовым спорам рассмотрели 28 тыс. жалоб работников и работодателей.

Споры между работодателями и сельскохозяйственными рабочими, возникавшие при выполнении положений коллективных соглашений, разрешались конфликтными комиссиями, состоявшими из представителей обеих сторон и председателя, которым, как правило, был инспектор по труду. Законную силу решениям комиссии придавал городской суд.

Коллективные конфликты, часто возникающие во II Речи Посполитой, разрешались путем улаживания. Они касались споров о трудовых интересах. В борьбе за осуществление своих требований трудящиеся пользовались самым эффективным оружием, каким только располагали,—забастовкой. По сравнению с некоторыми другими странами Западной Европы накал стачечной борьбы в Польше был очень высок. Об этом свидетельствовало количество забастовок и число их участников. В 1923 году в 1263 забастовках принимало участие 850 тыс. рабочих. В последующие годы, в особенности в период экономического кризиса, цифры эти уменьшились, но снова возросли в 1936—1937 гг. В 1936 году в более чем 2000 забастовок участвовало 675 тыс. рабочих. Забастовочное движение охватило 22 тыс. предприятий. В тридцатые годы получила распространение новая форма забастовок, называвшихся «окупационными» (прекращение работы сопровождалось захватом предприятий или воспрепятствованием найма штрейкбрехеров). Многочисленными стали забастовки солидарности. Частично или полностью выигранные забастовки составляли в 1928 году около 70%, а в 1938 году примерно 80% от общего числа забастовок. Размах стачечной борьбы, отражая большую остроту классовых конфликтов, свидетельствовал о боевом духе и росте общественно-го и политического сознания рабочих.

Функции, связанные с разрешением коллективных конфликтов, выполняли арбитражи, а также обычные и чрезвычайные конфликтные комиссии. Первые, созывавшиеся заинтересованными сторонами, носили добровольный характер, вторые — принудительный. В работе чрезвычайных конфликтных комиссий, создававшихся в случаях, когда затрагивались общегосударственные экономические интересы, принимали участие представители органов государственной администрации. Они обладали полномочиями разрешать споры и без участия заинтересованных сторон. Принимаемые таким образом решения заменяли коллективное соглашение.

Формально признанные положения трудового права далеко не всегда осуществлялись на практике. Особенно ярко это проявлялось в годы кризиса. Нарушению законов благоприятствовало положение на трудовом рынке. При существовавшей хронической безработице рабочие во многих случаях сами соглашались на ухудшение условий труда, в особенности, если им грозила потеря работы либо уменьшение и без того низкого, а часто даже и вовсе нищенского заработка.

ХАРАКТЕРИСТИКА II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Независимая Польша сформировалась как капиталистическое государство, обеспечивающее привилегированное экономическое положение буржуазии и помещикам. Посредством разветвленной системы правовых норм государство гарантировало существование частной собственности на средства производства и, как следствие этого, несправедливое распределение национального дохода между отдельными слоями общества. Вмешательство государства в отношении собственности в сельском хозяйстве не подрывало сложившейся системы собственности, а лишь способствовало ее распределению между большим числом владельцев. Сохранение капиталистической структуры собственности позволяло буржуазии и помещикам оказывать решающее влияние на процесс формирования и принятия решений государственного характера.

Политический строй II Речи Посполитой эволюционировал в антидемократическом направлении. Исходными позициями для его эволюции был буржуазно-демократический парламентаризм, а конечным — авторитарная система. В Польше до майского переворота парламентский строй, несмотря на множество ограничений, допускал к участию в политической жизни, а тем самым и к воздействию на процесс формирования государственной политики широкие круги общества. Трудящиеся массы имели возможность, хотя в нелегких условиях, вести борьбу за улучшение своего материального положения и за реформы.

Эволюция политического строя, в частности майский переворот 1926 года, приводила к постепенному уменьшению влияния общественности на государственные дела. Эту тенденцию подтвердила Апрельская конституция, сосредоточившая государственную власть в руках одного лица — Президента республики и отстранившая общество от реального участия в политической жизни. Дабы сохранить свои позиции, санационный режим прибегал к репрессиям, что усиливало оппозиционные настроения, активизируя борьбу за переустройство существующей политической системы.

Во II Речи Посполитой проявилась характерная и для других европейских государств тенденция к постоянному расширению сферы экономической деятельности государства. Государство в своем воздействии на хозяйственную жизнь не опиралось на единую экономическую концепцию. Польское государство использовало как методы, свойственные либеральной экономике, так и способы, рекомендуемые концепциями интервенционизма и этатизма. В отдельные периоды преобладали то одни, то другие формы. Для осуществления своих хозяйственных функций государство создало законодательство, определившее правовые нормы функционирования капиталистической экономики: торговый, обязательственный кодексы и др. Оно затратило немало усилий для развития инфраструктуры (транспорт, связь, энергетика). Оно использовало разнообразные средства для активизации частного хозяйства (кредитная система, государственные заказы, налоговые привилегии, в том числе освобождение от налогов). Тем не менее капиталистическая система хозяйства в Польше оказалась неспособной обеспечить экономическое развитие страны. Доля Польши в общем мировом производстве постепенно уменьшалась. Отечественные капиталисты были слишком слабы, чтобы путем новых вложений или модернизации имеющихся предприятий преодолеть экономический застой. Иностранные же капиталисты рассматривали Польшу едва ли не как колониальную страну, вывозя прибыли и избегая капиталовложений на месте. В сложившейся ситуации государство вынуждено было расширять непосредственно хозяйственные функции.

В конечном счете воздействие государства на хозяйственную жизнь страны, несмотря на достижения, к которым следует отнести объединение обособленных разделами частей страны в единый хозяйственный организм, развитие инфраструктуры, активную инвестиционную деятельность, оказалось малоэффективным. Так и не удалось ускорить экономическое развитие страны, ликвидировать безработицу, уменьшить избыток рабочих рук в деревне, повлиять на улучшение жизненных условий большинства трудящихся города и деревни. Капиталистический общественно-экономический строй в существовавших в Польше условиях оказался

препятствием на пути экономического развития страны.

Выполняемая государством культурно-просветительная функция имела большое значение для развития страны. Введение обязательного начального образования для всех детей, несмотря на серьезные недостатки в деле его практического осуществления, положило начало разветвленному процессу преобразований и модернизации общества. Этот процесс способствовал не только росту национального сознания населения, но и ускорял развитие его общественного и политического сознания. Созданная во II Речи Посполитой сеть средних и высших школ позволяла растить кадры для нужд экономики, государственного управления и национальной культуры.

За время существования II Речи Посполитой так и не были достигнуты положительные результаты в области установления отношений между государством и национальными меньшинствами. Здесь следует особо подчеркнуть несоответствие издаваемых законоположений практике. Польское законодательство гарантировало польским гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, политические и национальные права. На практике государственные власти всячески препятствовали исполнению этих законов. Наиболее ярко это проявлялось по отношению к украинскому и белорусскому национальному меньшинствам, слабее всего — к немецкому. Гражданам непольской национальности различными способами затрудняли получение должностей в органах государственного управления, народного просвещения и юстиции. Тормозилось и ограничивалось развитие белорусского и украинского просвещения и культуры.

II Речь Посполитая сыграла важную роль в процессе национальной интеграции. Полную национальную интеграцию тормозила социальная неоднородность и связанные с нею антагонистические конфликты. Однако это не могло уменьшить значения национальных элементов для тех классов и слоев общества, которые в условиях господствующей экономической системы оказались наиболее обездоленными. Это подтвердила развязанная гитлеровской Германией в сентябре 1939 года война, когда польский народ поднялся на защиту независимости.

ПОЛЬША В ПЕРИОД II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I. ВОЙНА И ЕЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Введение военного и чрезвычайного положения. 1 сентября 1939 г. немецкие войска напали на Польшу, начав II мировую войну. Президент республики незамедлительно принял решение о введении военного положения на территории всего государства. С момента его введения Президент в соответствии с Апрельской конституцией мог без согласия законодательных палат издавать декреты по вопросам государственного законодательства, за исключением изменений конституции, продлевать полномочия сейма и сената до заключения мира, а также открывать, откладывать и закрывать их сессии в соответствии со сроками, соответствующими потребностям защиты государства, равно как и созывать сейм и сенат в уменьшенном составе.

В первый день войны Президент назначил генерального инспектора вооруженных сил маршала Рыдз-Смиглого верховным главнокомандующим. В изданном в тот же день декрете были определены функции верховного главнокомандующего. Он получил право предоставления правительству директив и инструкций по вопросам, непосредственно связанным с военными действиями, а также и всяких других предложений, касающихся обороны государства. Создавался пост главного гражданского комиссара, которому на время военных операций передавались функции верховной власти в отношении всей правительственной администрации, за исключением военной, железнодорожной, почт и телеграфа. При территориальных командных военных пунктах были назначены гражданские комиссары, призванные обеспечить сотрудничество между органами военной власти и воеводами. В Варшаве гражданским комиссаром стал президент города Стефан Стажинский.

Одновременно с военным положением совет министров с разрешения Президента ввел на территории всего государства чрезвычайное положение. С этого момента совет министров получил право отмены гражданских свобод, а также использования положений, предусмотренных законом о чрезвычайном положении. Изданные

в связи с тем указы касались отмены личной свободы, неприкосновенности жилья, свободы слова и печати, свободы собраний и объединений, тайны переписки. Было введено безотлагательное судопроизводство в вопросах, касающихся безопасности государства. Была создана городская и гминная стража, призванная сотрудничать с государственной полицией в вопросах защиты объектов, имеющих военное значение. Военные власти получили право привлекать жителей к личным и вещным военным повинностям. Полная реализация этих предписаний оказалась невозможной в результате быстрого наступления немецких войск, а также дезорганизации как военных органов власти, так и гражданской администрации.

Последствия проигранной военной кампании. В начале второй недели войны немецкие армии, сломив польскую оборону, стали угрожать столице. Верховные гражданские и военные органы в ночь с 6 на 7 сентября эвакуировались из Варшавы на юго-восток страны. Органы государственной администрации прекратили свою деятельность. Руководство пришло к выводу, что военная кампания проиграна. Последствием этого было решение оставить Польшу. В ночь с 17 на 18 сентября 1939 г. президент И. Мостицкий, министры и многие высшие чиновники выехали в Румынию. Страну и продолжавшую войну армию покинул также верховный главнокомандующий. По собственному почину в Румынию, Венгрию, а оттуда во Францию выехали многие польские офицеры и солдаты, а также гражданские лица, дабы на стороне союзнических армий продолжить борьбу с Германией.

В сложившейся военной ситуации и в связи с приближением немецкой армии к территориям, заселенным украинцами и белорусами, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР вручил 17 сентября 1939 г. польскому послу в Москве советскую ноту. В ней говорилось, что Советское правительство в сложившемся положении вынуждено прийти на помощь белорусскому и украинскому населению, в связи с чем дало Красной Армии указание пересечь границу и взять под защиту жизнь и имущество жителей Западной Украины и Западной Белоруссии.

На территориях, куда вступила Красная Армия, состоялись выборы в Народные собрания Западной

Украины и Западной Белоруссии. Народные собрания обратились к Верховному Совету СССР с просьбой о вхождении этих территорий в состав соответствующих советских республик. 2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР одобрил это решение.

II. ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

А. Немецкие решения по вопросу польских земель

Деление оккупированных территорий. В результате военного поражения Польши Германия захватила территорию 189 000 кв. км и свыше 22 млн. населения, в том числе около 18 млн. 700 тыс. поляков, 2 млн. 200 тыс. евреев, 600 тыс. немцев и 500 тыс. украинцев. Немецкая политика по отношению к полякам и польским землям зиждилась на принципах гитлеровской доктрины и текущих политических целей. В соответствии с гитлеровской расистской концепцией поляки, как славяне, были объявлены низшей расой. Славянские земли, а в первую очередь польские, было приказано считать жизненным пространством для немцев. Завоевание Польши, а затем Восточной Европы должно было служить созданию «империи народа господ» (Herrenvolk), опирающейся на невольничий труд низших рас.

Немецкие планы по отношению к оккупированным польским землям не были в начале войны четко выраженными. Существовал проект включения в состав рейха западной части Польши, в частности тех территорий, которые до 1914 года входили в состав Германской империи. На остальных землях вначале предполагалось создать марионеточное государство, целиком зависимое, как хозяйственно, так и политически, от Германии. Эти планы в середине октября 1939 года были отброшены, и была принята концепция генерального губернаторства.

Декретом канцлера рейха Гитлера от 8 октября 1939 г. в состав Германии были включены: Поморье, Познаньское воеводство, часть Лодзинского воеводства с Лодзью, Горная Силезия, Домбровский бассейн, западные поветы Краковского воеводства, северная часть Варшавского воеводства (Цехановский округ), а также Сувальщина. Раньше, т. е. уже 1 сентября 1939 г., в соответствии с законом, изданным рейхстагом, в состав рейха был включен свободный город Гданьск. Всего было аннексировано около 92 тыс. кв. км, на которых проживало 10 млн. человек, в том числе около 600 тыс. немцев. 1 августа 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз, в состав рейха был включен также Белостоцкий округ (свыше 31 тыс. кв. км и около 1 млн. 600 тыс. населения).

Декретом канцлера рейха от 12 октября 1939 г. об управлении на оккупированных польских землях, которые не были включены в состав Германии, был создан политико-административный орган, названный Генерал-губернаторством. В его состав вошли: часть Варшавского воеводства с Варшавой, часть Лодзинского воеводства, Келецкое, Люблинское, Краковское (без западных поветов) воеводства и часть Львовского воеводства на запад от Сана. В результате соглашения между Германией и Словакией в

состав последней были включены (12 ноября 1939 г.) 52 гмины, расположенные в Татрах. Территория Генерал-губернаторства превышала 96 000 кв. км и насчитывала около 12 млн. населения, в состав которого кроме поляков входили несколько десятков тысяч немцев, 1 млн. 600 тыс. евреев и около 500 тыс. украинцев. Вскоре после нападения Германии на СССР, 1 августа 1941 г., к Генерал-губернаторству была присоединена территория Львовского, Станиславского и Тернопольского воеводств. Территория Генерал-губернаторства в этот момент увеличилась до 145 000 кв. км, а число жителей — до 16 млн. (в том числе около 4 млн. украинцев). В 1943 году, в основном в результате физического уничтожения евреев, население генерал-губернаторства уменьшилось до 14 млн. 500 тыс.

Функции оккупационных органов в свете международного права. Функции оккупационных органов на территориях, захваченных в результате военных действий, определяются предписаниями международного права. Важнейшие из них содержатся в IV Гаагской конвенции от 1907 года, участницей которой была и Германия. В соответствии с положениями конвенции оккупационные власти не являются обладателями суверенных прав и не получают законодательной власти на территории оккупированного государства. Они не имеют права аннексировать оккупированную территорию. Они получают лишь фактическую власть и обязаны обеспечить порядок и общественную жизнь. В соответствии с Гаагской конвенцией на оккупационные органы возлагалась обязанность обеспечения гарантий жизни и достоинства лиц, частной собственности, прав семьи, исполнения религиозных обрядов. Реквизиции допускались в пределах потребностей оккупационной армии. Запрещалось уничтожать и захватывать исторические памятники, произведения искусства. С самого начала оккупации гитлеровская Германия грубо и цинично попраля все нормы международного права.

Б. Польские земли, включенные в состав Германии

Правовые последствия включения польских земель. Основной целью немецкой политики на территориях, включенных в состав рейха, была их безусловная германизация. Это предполагалось осуществить путем онемечивания одной части и уничтожения остальной части польского населения с конфискацией его имущества, а в переходный период путем полной изоляции поляков от немцев и установления для поляков кабального правового режима.

Гитлеровское «право», которое применялось по отношению к полякам, по сути было несправедливо. Оно находилось в остром противоречии с общими, апробированными нормами международного права, попрало основные принципы гуманизма. Источником этого «права» была воля Гитлера, а его целью — обеспечение интересов Германии. В системе политического устройства III рейха гораздо большую, чем правовые нормы, роль играли секретные директивы и указания. Они превращали в фикцию многие положения действующего права. На польских землях право, дополняемое директивами, стало орудием реализации гитлеровской политики, которая была направлена на порабощение и постепенное уничтожение польского народа.

В сфере государственного устройства и права на территориях, включенных в состав рейха, декрет от 8 октября 1939 г. предус-

матривал, что существующее право остается в силе при условии, что оно не противоречит присоединению к немецкому государству. Однако одновременно с этим министр внутренних дел рейха в согласии с другими министрами был уполномочен ввести на польских землях немецкое право. Было принято условие, что немецкое право вступит в жизнь тогда, когда учрежденные для этого органы власти, действующие в интересах рейха, так постановят. 20 ноября 1939 г. польские земли были включены в немецкую валютную сферу. Была сохранена полицейская граница между рейхом и включенными землями (за исключением Гданьска, Горной Силезии и Тешинских земель). Таким способом предупреждалась миграция польского населения. Аналогичное решение сопутствовало включению в 1941 году Белостокского округа в состав рейха. Для реализации целей немецкой национальной политики на включенных землях были созданы специальная администрация и органы судопроизводства, а также изданы многочисленные правовые предписания, нормирующие положение польского и еврейского населения. Польские судебные органы, органы администрации и самоуправления были ликвидированы.

Организация немецкой администрации. Территории, включенные в состав рейха, из административных соображений были разделены на округа: Гданьск — Западная Пруссия и Край Варты. Они делились на «регенции». Из территории Силезского воеводства и западных районов Краковского воеводства был сначала образован Катовицкий регенционный округ, включенный в состав Силезской провинции. В марте 1941 года была создана отдельная Горносилезская провинция с центром — Катовице. Цехановскую регенцию включили в состав Восточно-Прусской провинции, Сувальщину включили в состав Восточной Пруссии. Мелкие приграничные территории были включены в состав Ольштынской и Опольской регенций. Отдельный округ был образован на территории Белостокского воеводства после его аннексирования рейхом. Регенции делились на городские и сельские поветы. Лишь Белостокская регенция делилась на окружные комиссариаты.

Верховную немецкую власть на включенных землях формально — в соответствии с декретом от 8 октября 1939 г. — исполнял министр внутренних дел. Наряду с ним законодательными и административными компетенциями располагали остальные министры, комиссар рейха, главное управление опеки над Востоком и т. д. На практике функции центральных органов рейха, а в частности министра внутренних дел, были ограничены Гитлером, который стремился к концентрации важнейших решений и законодательных функций в руках наместников и надпрезидентов.

Во главе администрации округа стал наместник. Одновременно с тем он являлся руководителем национал-социалистской партии. Таким образом была осуществлена персональная уния между административным и политическим руководством. Наместника назначал канцлер рейха. Персонально наместник подчинялся министру внутренних дел, а по существу — соответствующим министрам. Наместник осуществлял общее руководство государственной администрацией, включая судебную. Объединенной администрацией он руководил непосредственно, а по отношению к необъединенной администрации почт, телеграфа, а также коммуникаций он располагал инструктивно-надзорными функциями. Наместники были одновременно комиссарами по обороне рейха и уполномоченными комисс-

сара рейха для укрепления германского влияния. Наместником округа Гданьск — Западная Пруссия был назначен Альберт Форстер, а Края Варты — Артур Грейсер. Функции надпрезидента Восточной Пруссии исполнял Эрих Кох, Горной Силезии — Фриц Брахт.

Администрацию на уровне регенции возглавлял президент регенции, который одновременно был руководителем национал-социалистской партии на своей территории. Он подчинялся наместнику (надпрезиденту провинции). Во главе администрации сельского района стоял староста, городского — бургомистр. В составе административных органов были исключительно немцы.

Организация немецкой полиции. Исключительное положение в структуре органов администрации на включенных землях занимала организация СС и органы полиции.

Поскольку задачи СС совпадали с функциями государственной полиции, появилась тенденция к слиянию их в одном организме. Практически ее реализовал Гиммлер — руководитель СС, а одновременно и шеф немецкой тайной полиции. Система персонального и реального объединения руководства СС и полиции нашла место также и в территориальных органах. Организация СС и полиции заняла исключительные позиции в отношении к другим государственным органам III рейха.

Немецкая полиция делилась на: полицию безопасности (сокращенно сипо), тайную государственную полицию (сокращенно гестапо), призванную бороться с противниками режима, а также криминальную полицию (сокращенно крипо). Отдельно существовала полиция порядка (сокращенно орпо), охватывавшая сторожевую полицию и жандармерию, а также специальные полиции: железнодорожную, дорожную, фабричную, водную, почтовую.

На включенных в состав рейха землях полицейская власть в округах и провинциях находилась в руках высшего командования СС и полиции. Формально они подчинялись наместникам либо надпрезидентам, а на практике пользовались значительной независимостью. Когда директивы, которые полиция получала от своего шефа Гиммлера, противоречили распоряжениям наместника, выполнялись директивы шефа полиции.

Задачи полиции на землях, включенных в состав рейха, были значительно расширены против обычных, что вытекало из специальных целей немецкой политики, которая была направлена на закрепощение и уничтожение поляков. Здесь было наибольшее число филиалов полиции. Руководители подразделений политической полиции были политическими референтами наместников и президентов регенций. СС и полиция реализовали гитлеровскую политику уничтожения евреев, а также осуществляли специальное судопроизводство над врагами III рейха. Дополнением к полиции стала организованная в первые месяцы оккупации и состоящая из живших в Польше немцев «немецкая самооборона».

Организация немецкого судопроизводства. В судопроизводстве на землях, включенных в состав рейха, сосуществовали общие суды с различного рода специальными судами, а также тайным судопроизводством, осуществляемым органами СС и полиции.

Организация общих судов опиралась на декрет министерства юстиции от 26 ноября 1940 г. В каждом округе рейха и провинций был образован Высший окружной суд, как высшая судебная инстанция. Более низкой являлся окружной суд, низшей — поветовый суд. Специальные суды на включенных землях были образованы

в первые дни военной оккупации. Главнокомандующий немецкой армией в Польше создал военно-полевые суды и чрезвычайные военные суды. Собственно полевые суды были созданы для рассмотрения дел о шпионаже и партизанских действиях. Чрезвычайные военные суды рассматривали дела, связанные с хранением оружия и выступлениями против немецкой армии.

Еще в период военных действий были образованы специальные суды, призванные рассматривать преступления, совершенные на театре военных операций. После ликвидации военных судов они явились преемниками их компетенции. Сначала юрисдикция специальных судов распространялась на территорию одного высшего окружного суда. Позже — из-за большого количества дел — на территорию одного или нескольких окружных судов.

Высшим специальным судом по политическим вопросам был Народный трибунал в Берлине.

Судопроизводство, деятельность которого была связана предписаниями материального и процессуального права, не могло играть роль эластичного инструмента, реализующего гитлеровскую политику террора и экстерминации по отношению к польскому и еврейскому населению. Эти функции на включенных землях приняли на себя органы полиции. Политическая полиция (гестапо) получила полномочия не только в области расследования преступлений, но и вынесения приговоров.

Правовое положение польского населения. Содержание правовых норм не определяло действительного положения польского населения. Оно зависело от практики административных и судебных органов, чаще всего опирающихся на политические директивы, а не на правовые предписания. Когда правовые предписания затрудняли или тормозили реализацию целей гитлеровской политики, не колеблясь их нарушали. И наконец, этого требовали нормативные акты. Распоряжение от 25 сентября 1941 г. о введении немецкого гражданского права предусматривало, что, если применение предписания в отдельных случаях приводит к результату, не согласующемуся с принципами присоединения данных земель к рейху, в таком случае не следует пользоваться этим предписанием, а действовать так, как этого требует смысл присоединения.

Политика германизации захваченных земель нашла выражение в инкорпорационном декрете от 8 октября 1939 г., который предусматривал, что лица немецкого происхождения станут немецкими гражданами. Окончательное урегулирование эта проблема получила в распоряжении от 4 марта 1941 г. о немецком реестре и немецкой государственной принадлежности на включенных землях. Оно вводило деление жителей этих районов на ряд групп, что имело решающее влияние на их правовое положение.

Первую группу (делящуюся еще на две подгруппы — I и II) составляли польские и гданьские жители немецкого происхождения, активно высказывающиеся за принадлежность к этой национальности. Они получали немецкую государственную принадлежность и гражданство рейха, а также все права и обязанности немецких граждан. Это были так называемые Reichsdeutsche.

Вторую группу (также делящуюся на две подгруппы — III и IV) составляли польские жители немецкого происхождения, но имеющие родственные связи с поляками; лица из смешанных семей, а также лица, подлежащие онемечиванию с расовой точки зрения. Они приобретали немецкую государственную принадлежность с

возможным ее лишением, как бы на пробу. Третью группу образовывали польские граждане и гданские граждане польского происхождения, которые трактовались как подданные рейха. Евреев и цыган принято было считать не имеющими подданства.

Реализация распоряжения о немецком национальном реестре привела к существенному различию в положении польского населения в отдельных округах и провинциях. В Горной Силезии и на Поморье административные органы широко применяли различные формы принуждения при включении поляков в немецкие реестры, дабы охватить германизацией как можно большее число людей. Часть польского населения поддавалась нажиму и угрозам, чтобы избежать репрессий и переждать трудный период оккупации. Немалое число лиц само записалось в реестр, чтобы получить лучшие материальные условия. Были среди них и ренегаты, отрекающиеся от польской национальности. Иначе обстояло дело в Крае Варты, где немецкие власти соблюдали принцип добровольности при занесении в реестр. Всего статус Reichsdeutsch на польских оккупированных землях получили около 1 млн. человек, а немецкую государственную принадлежность — 1 млн. 800 тыс. человек.

Группа, имевшая условную немецкую принадлежность, в вопросах права на труд и обеспечения продуктами питания приравнивалась к Reichsdeutsch. Однако имели место разнообразные ограничения для этой категории населения. Ее представители не могли претендовать на должности и свободно располагать недвижимым имуществом. Они не имели права вступать в гитлеровскую партию. Их дети посещали немецкие школы, где подвергались германизации. Мужчины были военнообязанными.

Германизация земель, включенных в состав рейха, нашла выражение в экспроприации у польского и еврейского населения движимого и недвижимого имущества. Экспроприация охватила имущество польского государства, самоуправлений и общественных организаций, а также польских граждан, за исключением лиц, получивших немецкую государственную принадлежность. Экспроприационная акция уже осуществлялась, когда были изданы соответствующие правовые предписания (распоряжения от 15 января, 12 февраля и 17 сентября 1940 г.).

Другой мерой было выселение части поляков и евреев в Генерал-губернаторство. Выселяемым позволяли взять с собой лишь ручную кладь. Оставленное ими имущество подвергалось конфискации. Всего с территории земель, включенных в состав рейха, было выселено около 1 млн. человек. Формой лишения собственности были также массовое переселение оставшейся части польского населения из центров городов в предместья, из лучших в худшие помещения, лишение земельных угодий либо замена хороших земель малоурожайными. Экспроприацией, сортировкой и продажей имущества руководило главное восточное попечительское управление. Промышленные предприятия, оборудование ремесленников, сельскохозяйственные орудия, жильё продавались или передавались местным немцам либо немцам, прибывающим из рейха, а также (в порядке обмена населения) из Литвы, Латвии, Эстонии, Волыни и Бессарабии. Предметом конфискации были также ценные движимости. Поляки могли располагать движимым имуществом, лишь если это были предметы личного потребления, да и то низкого качества.

Польское население на включенных территориях подвергалось трудовым повинностям, которыми охватывались не только мужчины,

но также женщины и дети старше 12 лет. Около 600 тыс. поляков были вывезены на принудительные работы в Германию. За свою работу поляки получали заработную плату на 30—40% меньшую, чем немцы. Выполнение обязанностей принудительного труда обеспечивала развитая система репрессий. Исполнение поляком функций врача, дантиста, акушерки, медицинской сестры допускалось с позволения президента регенции. Это позволение давалось лишь тогда, когда в данном районе ощущался недостаток в немецких специалистах. Концессии на право содержать ремесленные мастерские или магазины поляки могли получить лишь в исключительных случаях и то без малейшей уверенности в том, что в любую минуту они их не лишатся.

Стремление к биологическому ослаблению, а в перспективе к уничтожению поляков нашло выражение в регламентации условий их быта. Ее составляли: принудительный труд, низкие нормы на питание, одежду, отопление, тяжелые жилищные условия, отсутствие врачебной помощи, повышение возрастного ценза при заключении брака. Польскому населению запрещалась любая культурная деятельность. Были распущены все польские объединения, общества, ликвидированы все польские школы, пресса, издательства. В некоторых регенциях для польских детей были созданы школы, в которых ежедневно в течение двух часов преподавался немецкий язык. Религиозная жизнь польского населения была ограниченной либо вообще невозможной из-за того, что повсеместно закрывались костелы, уничтожалось или высылалось в концентрационные лагеря духовенство. Обслуживаемые в некоторых округах немецкими ксендзами костелы становились орудием германизации. Поляков старательно отделяли от немцев. Им было запрещено посещать театры, музеи, библиотеки, рестораны и кафе. Публичное употребление польского языка вызывало репрессии.

Подобно тому как и на оккупированных землях, выглядело положение 2 млн. поляков, находящихся в Германии, где они были заняты в промышленности и в сельском хозяйстве. Положение поляков было худшим, чем других иностранных рабочих, за исключением советских. Это проявлялось в более низкой оплате их труда, лишении отпусков, социального обеспечения. Поляки находились под неусыпным надзором полиции. С целью изоляции от немцев они были обязаны носить на одежде нашивку «П». Им не позволялось удаляться от места пребывания, пользоваться публичными средствами транспорта, питания, отдыха, совершать вместе с немцами религиозные обряды. За физическую близость с немецкими женщинами поляки карались смертью. Заключение в тюрьму или концентрационный лагерь наказывались немки, уличенные в «осквернении расы».

Судейская и полицейская система террора. Образованные немцами суды с самого начала пользовались немецким уголовным и процессуальным правом, несмотря на то что формально оно было введено распоряжением от 6 июня 1940 г. Это право предусматривало суровые меры наказания за ряд преступлений, совершенных немецкими подданными и лишенными гражданства, а также ограничивало их процессуальные права. Вскоре это предписание оказалось недостаточным для целей гитлеровской политики, и 4 декабря 1941 г. было введено специальное уголовное право для поляков и евреев. Оно распространялось и на поляков, находящихся на принудительных работах в Германии.

Распоряжение от 4 декабря 1941 г. вводило неопределенную квалификацию определения составов преступлений и ранее не встречаемую в уголовном законодательстве суровость наказаний. Первый параграф предусматривал смертную казнь или в менее тяжелых случаях лишение свободы для лиц, проявивших враждебность по отношению к немцам, в особенности позволивших себе враждебные высказывания о немцах, срывающих либо портящих объявления немецких органов власти, и за другие поступки, вредящие интересам рейха, либо «немецкого народа». Лишение свободы означало заключение в исправительный лагерь сроком от 3 месяцев до 10 лет, а в каких-нибудь других случаях — в исправительный лагерь особого режима сроком от 2 до 15 лет. Исправительными лагерями руководила полиция безопасности.

В том, что касается судебной процедуры, прокуроры и судьи были уполномочены применять предписания по своему усмотрению. Поляк был лишен права вносить личные жалобы, протесты и апелляции. Для рассмотрения дел польского населения существовали как специальные, так и общие суды. Выбор суда зависел от прокурора. Приговор специального суда обжалованию не подлежал. При неопределенно сформулированных предписаниях уголовное право стало орудием ликвидации польского населения. Оно выполняло роль ширмы, прикрывающей обычные убийства. За мелкий проступок против немцев и немецких властей, а также за нарушение изданных ими предписаний очень часто приговаривали к смертной казни. Смертные приговоры выносились за то, что поляк зарезал собственную свинью без позволения немецких властей. Специальные суды в Лодзи почти в 20%, а в Катовицах в 8% случаев выносили смертные приговоры по рассматриваемым делам.

Наряду с судопроизводством, но более активно проводили немецкую политику террора и истребления органы СС и полиции. Объем их полномочий, в особенности гестапо, был необычайно широким. Органы полиции в административном порядке приговаривали к заключению в концентрационный лагерь сроком от трех до шести месяцев и к денежному штрафу до 10 тыс. марок. Чрезвычайные суды полиции почти всегда использовали по отношению к полякам смертную казнь. Подразделения полиции, а также вермахта при активном участии *Selbschutz* уже в первые два месяца оккупации убили около 20 тыс. поляков, главным образом интеллигенции, и евреев (а среди них много женщин и детей) в ответ на «издевательства» поляков над немецким населением. Приговоры выносились, как правило, уже после уничтожения людей. Гестапо применяло по отношению к «потенциальным преступникам», к которым причислялись лица, подозреваемые во враждебных настроениях по отношению к немецкому государству, предупредительный арест, т. е. заключение их в концентрационные лагеря. Лагерные условия были нацелены на массовое уничтожение узников. Решение о заключении носило форму административного приказа, не определяло сроков ареста и не подлежало никакому контролю. В концентрационные лагеря направлялись также все поляки, побывавшие в исправительных лагерях в течение одного года, а с 1943 года — и после шести месяцев. В 1945 году перед освобождением страны Советскими войсками были произведены массовые уничтожения политических узников. В 1939—1945 гг. в самом Крае Варты в результате экстерминационной политики оккупационных органов погибло около 500 тыс. польских граждан.

В. Генерал-губернаторство

Правовой характер Генерал-губернаторства. Образованное декретом от 12 октября 1939 г. Генерал-губернаторство должно было служить прикрытием немецкой оккупации. Генерал-губернаторство не было частью рейха, как другие польские территории. Между рейхом и Генерал-губернаторством существовала таможенная, валютная и полицейская граница. Генерал-губернаторство находилось под властью рейха. Оно обладало публичной правоспособностью, а также собственной денежной системой. В соответствии с определением генерал-губернатора Франка Генерал-Губернаторство было «составной частью великогерманской сферы власти в Европе. Генерал-губернаторство выполняет свои функции в законодательной и исполнительной областях как государство. Суверенная власть над этой страной находится в руках фюрера великого рейха».

В Генерал-губернаторстве сохранилось польское право, если оно не было лишено обязательной силы оккупационными органами. Это случалось всякий раз тогда, когда польское право вступало в противоречие с администрацией рейха и немецким военным правом. Новое право для Генерал-губернаторства исходило от канцлера и уполномоченных им центральных органов империи, а также от генерал-губернатора и командующего СС и полицией губернаторства. Нормативные акты объявлялись в «Вестнике распоряжений Генерал-губернаторства» на немецком и польском языках.

Организация администрации. С административной точки зрения Генерал-губернаторство было разделено на четыре дистрикта: Краковский, Радомский, Люблинский и Варшавский.

В 1941 году к Генерал-губернаторству был присоединен пятый дистрикт — Галиция с центром во Львове. Дистрикты делились на городские и сельские поветы.

Во главе администрации Генерал-губернаторства, за исключением военной, стал генерал-губернатор, которым все время был Франк. Он был назначен Гитлером и непосредственно ему подчинялся. Генерал-губернатору были подчинены все административные органы, включая и судебную администрацию. Он же был уполномоченным по делам четырехлетнего плана и комиссаром по делам обороны рейха, занимал пост руководителя национал-социалистской партии. Штаб-квартира генерал-губернатора находилась в Кракове. Таким образом намеревались приравнять Варшаву к провинциальному городу.

Совещательным и исполнительным органом при генерал-губернаторе было Бюро генерал-губернатора, которое с декабря 1940 года стало называться «правительством». Руководителем «правительства» был штатс-секретарь, имевший постоянного заместителя. В состав правительства входили: статс-секретарь, его заместитель, главнокомандующий СС и полиции, командующие полицией безопасности и полицией порядка, комиссар эмиссионного банка, президент высшего контролирующего органа и др.

Правительство, как исполнительный орган Генерал-губернатора, подразделялось на государственный секретариат и главные отделы администрации: внутренних дел, финансов, юстиции, хозяйства, труда, пропаганды и т. д. При генерал-губернаторе функционировали уполномоченные министерств и центральных органов рейха, а его представитель имелся в Берлине.

Во главе администрации дистрикта стояли шефы дистрикта, которые с 1941 года носили титул губернаторов. Губернаторы дистриктов подчинялись генерал-губернатору. Ему же подчинялся руководящий орган шефа дистрикта и командир СС и полиции. Администрацией поветов руководили поветовые старосты и городские старосты.

Органы администрации времен II Речи Посполитой были ликвидированы. Остались лишь действующие под надзором немцев исполнительные органы самоуправления во главе с бургомистрами в городах, войтами — в сельских гминах. Войтам подчинялись солтысы. Бургомистры и солтысы были функционерами администрации Генерал-губернаторства, назначаемыми и отзываемыми губернаторами дистриктов. Им подчинялись городские и сельские органы. В больших городах назначалось немецкое руководство, которому подчинялись бургомистры. Руководящие посты в администрации занимали немцы из рейха и польские граждане немецкой национальности (Volksdeutschen), которые соответствовали второй немецкой группе национального реестра на включенных землях. В правах они были приравнены к немцам из рейха, за исключением признания за ними права немецкой государственной принадлежности. Поляки занимали посты солтысов, войтов и бургомистров. В административном аппарате генерал-губернаторства работало около 260 тыс. поляков. В Галиции должности войтов и бургомистров наряду с поляками занимали украинцы. Официальным языком администрации был немецкий.

Организация полиции. Особое место в администрации Генерал-губернаторства занимала полиция. Ее руководителем был верховный командующий СС и полиции, который располагал правом издавать полицейские распоряжения. Кроме того, он исполнял функции комиссара рейха по делам германизации. Ему подчинялись: руководитель полиции безопасности, руководитель полиции порядка, а также СС и полиции в дистриктах. Компетенции полиции были такими же, как и на включенных землях. В рамках полиции порядка и под ее руководством действовала польская полиция (бывшая государственная полиция), называемая по цвету мундиров гранатовой (синей), а на восточных территориях — украинская полиция. Их сотрудничество с немецкой полицией встречало осуждение польского общества.

В административном руководстве Генерал-губернаторство доходило до споров о компетенциях между гражданской и полицейской администрацией. Генерал-губернатор стремился сосредоточить в своих руках всю полноту полицейской власти. Верховный главнокомандующий СС и полиции тяготел к функциональной независимости. Используя поддержку Гимmlера, он добился создания в 1942 году государственного секретариата по вопросам безопасности в совете Генерал-губернаторства, который сам и возглавил. Главной причиной создания отдельного секретариата по вопросам безопасности было усиление оккупационного террора по отношению к полякам и начало массового уничтожения евреев.

Организация судопроизводства. На территории Генерал-губернаторства функционировали, равно как и на землях, включенных в состав рейха, военно-полевые и чрезвычайные суды. С 26 октября 1939 г. в Генерал-Губернаторстве была введена новая система судопроизводства, признающая деление на немецкое и польское судопроизводство. Reichsdeutschen и Volksdeutschen подчинялись

исключительно немецким судам. Поляки, украинцы и евреи подчинялись компетенции немецких судов в вопросах, касающихся деятельности, направленной против безопасности и авторитета рейха, немецкого народа, а также жизни, здоровья и имущества немецкого населения. В остальных вопросах они подчинялись польским судам.

Немецкие суды делились на общие и специальные. Общие суды образовали: немецкий суд, как первая инстанция, и Верховный немецкий суд, как вторая и последняя инстанция. Специальные суды, образованные 15 ноября 1939 г., были предназначены для рассмотрения особых вопросов, определенных отдельными постановлениями. Наряду со специальными судами существовали чрезвычайные полицейские суды, которые переняли функции чрезвычайных военных судов, упраздненных после завершения военной оккупации. Они состояли из руководителя полиции безопасности или полиции порядка и двух полицейских чиновников. Они судили за деятельность, направленную против рейха и против властей Генерал-губернаторства. Деятельность, подлежащая рассмотрению в этих судах, была определена в распоряжении генерал-губернатора от 31 октября 1939 г. Немецкие суды руководствовались немецким правом либо предписаниями, изданными органами Генерал-губернаторства.

Польское судопроизводство в своей деятельности опиралось на распоряжения генерал-губернатора от 26 октября 1939 г. и 19 февраля 1940 г. Реализовали их городские, окружные и апелляционные суды. Польское судопроизводство осуществлялось в двух инстанциях. Польские суды занимались теми делами, которые не входили в компетенцию немецких судов. Приговоры польских судов контролировались Верховным немецким судом. Польским судам запрещалось заслушивать в качестве свидетелей лиц немецкой национальности. По просьбе польского суда они могли быть заслушаны немецким судом. Польские суды рассматривали в основном гражданские дела и редко уголовные. Споры между польскими и немецкими судами по вопросу о компетенции рассматривал немецкий суд. В польском судопроизводстве были заняты польские судьи, а в Галиции — также и украинские. Продолжала свою деятельность польская адвокатура. Сильно ограниченное адвокатское самоуправление было подчинено немецкому надзору.

Правовое положение польского населения. Правовое положение поляков определялось принципами немецкой политики в Генерал-губернаторстве. Они сводились к закреплению при помощи различных форм террора польского народа, дабы обеспечить максимальную эксплуатацию хозяйственных и человеческих ресурсов Генерал-губернаторства для военных потребностей рейха. После победного завершения войны территория Генерал-губернаторства должна была пойти под немецкие поселения. Польское население планировалось выселить на восток. Первый этап реализации этого плана начался еще в период войны выселением нескольких десятков тысяч польских крестьян из Замойщины и конфискацией их имущества.

Немецкая хозяйственная политика в Генерал-губернаторстве заключалась в использовании существующих средств производства для военных потребностей рейха. Уже в первые месяцы оккупации началась массовая конфискация и вывоз в Германию машин и оборудования, сырья, готовой продукции, оцененных почти в 750 млн. марок. Эти акции были продолжены по отношению к военным предприятиям и в последующие годы, но по-настоящему широко они

проводились в период 1944—1945 гг. Распоряжение от 15 ноября 1939 г. предусматривало конфискацию всего имущества польского государства в пользу Генерал-губернаторства. Дальнейшие распоряжения позволили осуществлять конфискацию частного имущества для потребностей вермахта, органов администрации Генерал-губернаторства. В первую очередь было конфисковано еврейское имущество. Решения о конфискации издавали: губернатор дистрикта, руководство вермахта, а также СС и полиции. Управление польским и еврейским имуществом, которое не было продано немецким предприятиям или немцам, относилось к компетенции органов администрации Генерал-губернаторства. В их ведении в 1942 году находились: 3296 предприятий, 49 185 городских недвижимостей, 2600 сельских усадеб. Непосредственно этим имуществом управляли поверенные, которыми в большей части были немцы, а частично и поляки. Использовались также многочисленные реквизиционные механические транспортные средства и тягловый скот. Сельские хозяйства должны были поставлять продукты своего производства («контингенты»).

Предприятия, которые оставались в руках поляков, подвергались различным ограничениям. В зависимости от хозяйственных потребностей рейха немецкие власти либо останавливали предприятия, либо принудительно пускали их в ход. Оптовую торговлю в Генерал-губернаторстве взяли в свои руки немцы. Ограниченно, под контролем немецких властей, продолжали свою деятельность частные польские банки. Органы администрации Генерал-Губернаторства разрешали деятельность предприятий, производящих продукты питания, и сельскохозяйственно-торговых предприятий. Это происходило потому, что не было возможности исключить их из участия в хозяйственной жизни Генерал-губернаторства.

Немецкие планы в отношении Генерал-губернаторства предполагали максимальную эксплуатацию польской рабочей силы. Была введена трудовая повинность для поляков и принудительный труд для евреев. Ранее существующие коллективные соглашения были заменены новыми, значительно ухудшающими условия труда. Значительным ограничениям также подвергались права рабочих в сфере социального обеспечения. Наряду с выполнением трудовой повинности на местах поляков в массовом порядке вывозили на работы в Германию. С этой целью часто проводили облавы на улицах. В целом на работы в Германию из Генерал-губернаторства было вывезено около 1 млн. 200 тыс. человек. С польских территорий было вывезено около 200 тыс. польских детей, и они подверглись планомерной германизации. После войны удалось найти и вернуть в страну только 40 тыс. детей.

Снабжение населения продуктами питания регулировала карточная система. Нормы питания, зависящие от места работы, были явно недостаточными.

Население вынуждено было обеспечивать себя на так называемом черном рынке, который, несмотря на противодействие немецких органов, приобрел небывалые размеры.

Иначе чем на землях, включенных в рейх, где польские школы были закрыты, обстояло дело в Генерал-губернаторстве: Здесь подверглись ликвидации все высшие и средние учебные заведения. Таким образом намеревались сделать невозможным формирование польской национальной интеллигенции. Сохранились только начальные и профессиональные школы. Были разработаны специальные

программы, из которых были удалены такие предметы, как история, польская литература, география. Были закрыты театры, музеи, большинство публичных библиотек, издательств, польские газеты и журналы. Немецкие власти открывали театры отдельно для немцев и отдельно для поляков. Театры давали специально подобранные спектакли пропагандистского характера. Для поляков издавались специальные газеты на польском языке, которые население называло «гадучьей прессой». Были конфискованы и вывезены в Германию произведения искусства. Национальные памятники разрушались. В костелах запрещалось исполнение песен патриотического содержания. Были распущены все просветительные и научные общества.

Оккупационная система террора и экстерминации. Уголовное право в Генерал-губернаторстве было прежде всего направлено на подавление всех проявлений сопротивления и действий против немецких властей. Распоряжение от 31 октября 1939 г. о пресечении актов насилия в Генерал-губернаторстве вводило широкий состав преступлений, заключающихся в выступлениях против рейха, против немецких властей Генерал-губернаторства, саботаже, в призыве к непослушанию немецким властям и т. д. За все эти преступления предусматривалась смертная казнь. Подстрекатели и соучастники карались так же, как и преступники. Смерть ожидала и тех, кто знал, но не сообщил о предполагаемом преступлении. Для рассмотрения этих дел были созданы чрезвычайные полицейские суды. Опираясь на предписания этого распоряжения, аппарат СС и полиции применял массовый террор по отношению к населению. В первую очередь удар был направлен против интеллигенции. Таким образом гитлеровцы намеревались лишить польское общество духовного политического руководства. В период второй мировой войны от рук немцев погибло около 45% врачей, 40% профессоров высших учебных заведений, почти половина инженеров, свыше половины адвокатов. Со временем террор перекинулся на остальное население. Целью террора было задушить в зародыше дух сопротивления. Террор приобретал массовый характер в случае убийства отдельных немецких солдат или немецких полицейских, при актах саботажа немецких распоряжений: Массовые экзекуции производились в особо избранных местах (например, в Пальмире под Варшавой) либо прямо на улицах города. Наряду с массовыми убийствами, которые трактовались как исполнение приговоров о высшей мере наказания, вынесенных чрезвычайными полицейскими судами, широко применялся предупредительный арест, предполагающий высылку на неопределенное время в концентрационные лагеря, в основном Майданек, Освенцим и Штутхоф, где условия содержания обеспечивали массовое уничтожение узников.

Гитлеровская политика способствовала усилению сопротивления польского общества. Подпольные организации использовали различные формы борьбы с оккупантами. В ответ на это немецкие власти начали проводить террористические акты в огромных размерах. Экстерминационные, истребительные акции проводились вслепую, посредством уличных облав и расстрела задержанных. 2 октября 1943 г. генерал-губернатор издал распоряжение, которое гласило, что «лица не немецкой национальности, намеревающиеся затормозить или помешать делу немецкого возрождения, выступающие против законов или немецких распоряжений и указаний властей, будут караться смертью». Одновременно с этим аппарат СС

и полиции применял массовые пытки, дабы заставить подозреваемых сознаться в участии в движении сопротивления.

В 1944 году верховный главнокомандующий СС и полиции ввел круговую ответственность. Вместе с покушавшимся расстреливались все его родственники. Гитлеровский террор распространился также и на деревню. Особенно усилился он в 1943—1944 гг. в ответ на помощь партизанам, на акции саботажа на железной дороге, на неуважение к распоряжениям властей и т. д. Выжигались целые деревни, люди либо уничтожались — от грудных младенцев до стариков, либо отправлялись в концентрационные лагеря. Особое усиление гитлеровского террора пришлось на период Варшавского восстания, в ходе которого было убито несколько десятков тысяч безоружных жителей Варшавы. Массовые акты убийства заключенных осуществила немецкая полиция перед тем, как покинуть польские земли под натиском Советской Армии. В результате различных форм террора и экстерминации погибло около 5 млн. 400 тыс. польских граждан. Вместе с погибшими в ходе военных действий потери польского населения превысили 6 млн. человек.

Экстерминация польских граждан еврейского происхождения. Судьба еврейского населения на включенных в состав гитлеровской Германии польских землях и в Генерал-губернаторстве была итогом реализации расистской доктрины гитлеризма. Она, как известно, объявила программу полного устранения евреев от общественной, политической и культурной жизни, их изоляции от немецкого населения, а затем и полного уничтожения. Правовым ее выражением явились нюрнбергские законы 1935 года, которые лишили еврейское население рейха гражданских и политических прав, подвергли их дискриминационной сегрегации и унижающим ограничениям. Дополненные в последующие годы нормативными актами, ограничивающими профессиональные права еврейского населения, они явились основой массового преследования евреев в Германии.

В период подготовки к войне было конфисковано имущество евреев в Германии. Оно было передано государству и немецким капиталистам. В этот же период был подготовлен план массовой экстерминации еврейского населения. Его реализация была осуществлена в годы войны. Экстерминация коснулась евреев во всех оккупированных Германией странах Европы.

Реализация гитлеровской концепции по отношению к евреям на польских землях проводилась в несколько этапов. На территориях, включенных в состав Германии, нюрнбергское законодательство начало действовать официально лишь в 1941 году, а в Генерал-губернаторстве это законодательство не было обязательным. Однако с самого начала оккупации евреи стали преследоваться в соответствии с духом расистского законодательства. Во-первых, еврейское население было выделено в особый разряд. Оно было обязано носить на спине «звезду Давида» и лишено права передвижения; затем евреи были сосредоточены в отдельных районах городов, отгороженных стенами, так называемых гетто. Часть еврейского населения из районов, включенных в состав Германии, была переселена в Генерал-губернаторство. Все недвижимое имущество еврейского населения было конфисковано. В гетто были созданы еврейские советы, которые занимались организацией внутренней жизни. Гитлеровская политика использовала их для сохранения пассивности масс еврейского населения, сосредоточенного в гетто, что должно было облегчить поэтапную реализацию его физического

уничтожения. Все еврейское население от 14 до 60 лет было привлечено к принудительным работам. Оно использовалось на предприятиях, развиваемых или даже создаваемых в гетто либо за их пределами, в лагерях принудительного труда. Их заработная плата была на 20% ниже, чем у поляков, нормы питания составляли половину рациона, выдаваемого лицам польского происхождения. Большие трудности пользования черным рынком из-за изоляции гетто, скопление еврейского населения на небольшой территории приводили к тому, что его бытовые условия становились ужасными, а смертность, главным образом в результате голода, огромной.

Массовое уничтожение еврейского населения, проживающего на польской территории и депортированного из оккупированных стран Европы, началось в 1941 году. Осуществлялось оно посредством лагерей смерти. Умерщвление осуществлялось в основном в газовых камерах. Имущество уничтожаемых становилось собственностью СС, которая и осуществляла эту челоконенавистническую акцию. В целом немцы уничтожили около 3 млн. польских граждан еврейского происхождения. Число евреев, которые выжили благодаря полякам, рискующим жизнью ради их спасения, евреев, участвующих в партизанских отрядах, работающих в лагерях, составило около 100 тыс. человек. Около 250 тыс. польских евреев нашли себе убежище на территории СССР.

III. ПОЛЬСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ В ЭМИГРАЦИИ

Значение польских эмиграционных органов. Оккупация польских земель немецкими войсками не означала еще уничтожения польской государственности. Покинувшие 17 сентября 1939 г. страну президент и министры намеревались продолжить свою деятельность в эмиграции. Реализовать эти намерения, однако, не представилось возможным из-за интернирования президента, верховного главнокомандующего и министров в Румынии, с одной стороны, и нежелания стран антигитлеровской коалиции сотрудничать с представителями скомпрометировавшего себя санационного режима — с другой.

Когда президент И. Мостицкий, опираясь на ст. 24 Апрельской конституции, назначил своим преемником польского посла в Риме генерала Болеслава Венявудлугошевского, назначение это встретило решительный протест французского правительства. В результате Мостицкий отменил это назначение и назначил своим преемником пребывающего во Франции бывшего маршала сената Владислава Рачкевича, связанного с санацией. По принесении присяги 30 сентября 1939 г. В. Рачкевич занял пост Президента. Первой его зада-

чей был отзыв премьер-министра Ф. Складковского и членов его кабинета. Было создано новое правительство, во главе которого стал генерал Владислав Сикорский, находившийся в оппозиции к санационным режимам, пользующийся авторитетом в польском обществе, а также доверием французов. В состав правительства вошли находившиеся в Париже представители главных польских партий, бывшие до того времени в оппозиции, а также и некоторые не до конца скомпрометированные санационные политики.

Изменения в положении президента, премьер-министра и министров были осуществлены в соответствии с предписаниями Апрельской конституции, хотя и подчеркивалось, что сама эта конституция была принята с нарушением закона, а значит, ее легальность является спорной. В сложившейся ситуации решающим являлся аргумент о необходимости сохранения континуитета власти в противовес марионеточным государственным органам, которые создают немцы. В итоге было принято решение, что органы власти, находящиеся в эмиграции, не имеют права изменять конституцию.

Сохранение атрибутов польской государственности имело международное значение, поскольку государства, поддерживающие дипломатические связи с Польшей, признавали находящегося в эмиграции президента и правительство, уполномоченных представлять Польское государство.

Французское правительство признало права экстерриториальности помещений, занимаемых польскими органами власти, а также членов правительства и правительственного персонала. После капитуляции Франции и перемещения штаб-квартиры президента и правительства в Великобританию они получили там аналогичные привилегии. Деятельность президента и правительства на чужих территориях влекла за собой политическую зависимость сначала от французского, а затем еще в большей степени от английского правительств.

Правовые основы существования польских эмиграционных органов. Признание Апрельской конституции как правовой основы эмиграционного правительства не означало ее буквального применения. Выражением отступления от буквы и духа конституции было ограничение в ходе соглашения В. Сикорского с В. Рачкевичем полномочий президента. Последний письменно

обязался выполнять свои функции в согласии с мнением председателя совета министров. Временный характер эмигрантских властей констатировали два президентских акта: от 2 ноября 1939 г. о роспуске сейма и сената, избранных в 1938 году, и от 1 декабря 1939 г., предусматривающего осуществление демократических выборов в сейм и сенат в течение 60 дней после завершения войны.

Президент. Самостоятельные, в свете предписаний Апрельской конституции, функции президента в области законодательства, а также формирования правительства были значительно сужены. Было принято, что изменения в составе правительства должны быть согласованы с главой правительства, а также с представителями политических партий. После трагической смерти В. Сикорского (4 июля 1943 г.) новое правительство во главе со Станиславом Миколайчиком было образовано по согласованию с действующим в стране, в подполье, политическим представительством. На практике часто доходило до значительных разногласий между президентом Рачкевичем, поддерживаемым санационными политиками, довольно многочисленными в среде высших офицеров, и премьером Сикорским. Политическая самостоятельность президента возросла после смерти Сикорского.

Национальный совет. В условиях эмиграции Национальный совет Польской Республики заменял парламент. Образованный декретом президента 9 декабря 1939 г., он сначала состоял из 12, а позднее из 40 человек. Членов Национального совета назначал президент, а представлял председатель совета министров. Национальный совет был совещательным органом президента и правительства. Он высказывал свое мнение по всем вопросам, выносимым на сессии, в особенности по вопросам бюджета. По собственной инициативе он мог принимать предложения об издании декретов и распоряжений. Он пользовался правом интерпелляции в отношении правительства. К числу его задач относилась также выработка принципов будущего государственного устройства Польши. Штаб-квартирой Национального совета была штаб-квартира правительства. Первым председателем Совета был избран И. Падеревский, а после его смерти — С. Грабский, бывший министр и деятель эндеков. В составе Национального совета были

представители партий «Стронництво народов» и «Стронництво працы», ППС, «Стронництво людове» духовенства, а также некоторые деятели, связанные с санацией. Национальный совет функционировал до его роспуска 21 марта 1945 г. Этому предшествовал серьезный политический кризис в среде эмиграционных группировок.

Совет министров (правительство). В системе эмиграционных государственных органов совет министров, с точки зрения фактического значения, выдвигался на первое место. В соответствии с принятой практикой президент мог реализовать свои функции исключительно при согласии правительства. Декрет президента от 27 мая 1942 г. об организации верховных военных властей в период войны предусматривал соучастие правительства в реализации руководства вооруженными силами президентом, а также признавал за советом министров полномочия в определении целей войны. Доминирующая позиция правительства вытекала из того факта, что кабинет располагал поддержкой руководства большинства политических партий, действующих в эмиграции и в стране. Существенное значение имела также особа первого премьер-министра генерала Сикорского. После его смерти позиция правительства по отношению к президенту ослабела. 13 ноября 1939 г. для поддержания связей с политическими и военными силами в оккупированной Польше был создан Комитет министров по делам страны. С целью подготовки материалов для мирной конференции в 1941 году было создано Бюро по политическим, экономическим и правовым вопросам.

Направление деятельности правительства определяла специфика условий эмиграции. Правительство концентрировало свое внимание на международной политике и на развитии польских вооруженных сил. Особое значение имело советско-польское соглашение, подписанное 30 июля 1941 г. в Лондоне, в котором Советское правительство дало согласие на формирование на территории СССР польской армии.

Польская армия. В условиях войны основной задачей правительства была организация армии. Главным источником притока солдат и офицеров в польскую армию были поляки, которые в сентябре 1939 года

покинули страну и выехали во Францию, затем в Великобританию, а также польская эмиграция в союзнических странах. Польские вооруженные силы создавались сначала с помощью Франции, затем с июня 1940 года — Великобритании, а с июля 1941 года — при помощи Советского Союза. Они состояли из десантных войск, польских военно-воздушных сил и военно-морского флота.

Во Франции были образованы две пехотные дивизии, Особая бригада горных стрелков и танковая бригада. Горно-стрелковая бригада приняла участие в борьбе за Нарвик (в Норвегии). Остальные подразделения участвовали во французской кампании 1940 года. В Сирии была образована Особая бригада Карпатских стрелков, которая воевала в Африке под Тобруком. В Великобритании была создана главным образом из солдат, которым удалось эвакуироваться из Франции, танковая дивизия и Особая парашютная бригада. В 1944 году они воевали на Западном фронте во Франции, Бельгии и Голландии. Парашютная бригада принимала участие в самой большой воздушно-десантной операции II мировой войны под Арнемом (Голландия); II Польский корпус, после того как покинул Советский Союз, принимал участие в освобождении Италии (Монте Кассино). Польские военно-воздушные силы состояли из подразделений бомбардировщиков и истребителей. Летчики-истребители отличились в воздушных боях над Англией. Принадлежащие к польскому военно-морскому флоту суда принимали участие в многочисленных морских операциях. Командование вооруженными силами принадлежало верховному главнокомандующему, который также руководил всеми военными операциями. Военный министр занимался администрацией в области материальных и человеческих ресурсов, поскольку они не были в распоряжении верховного главнокомандующего. Разделение функций между верховным главнокомандующим и военным министром не имело большого значения, пока эти посты занимал генерал В. Сикорский. В армии действовали довоенные уставы. Организация и несение полевой службы опирались на уставы союзнических армий. Наличие польских вооруженных сил на Западе составляло на 1 мая 1945 г. 194 500 солдат и офицеров.

IV. ПОДПОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНЫ В ОККУПИРОВАННОЙ СТРАНЕ

А. Конспиративная политическая жизнь

Политическое размежевание польского общества. Сентябрьское поражение было мощным потрясением для польского народа. Однако оно не сломило общества. Патриотические идеалы были живы во всех классах и слоях народа. С первых недель оккупации возникали политические и военные организации, целью которых была борьба за независимость. Конспиративная жизнь в оккупированной немцами стране характеризовалась наличием многочисленных политических группировок и связанных с ними военных организаций. Среди них выделялись два основных лагеря: первый образовали политические группировки и военные организации, признающие польское эмиграционное правительство и подчиняющиеся его директивам. В этом лагере руководящую роль играли «Стронництво людове», Польская социалистическая партия, разделенная на две группировки: «Свобода, равенство, независимость (ППС ВРН)» правой ориентации и держащиеся левой ориентации «Польские социалисты», «Стронництво народове» и «Стронництво працы». Скомпрометированная в глазах общества санация не играла в конспирации большой роли. Ее деятели участвовали в конспиративной жизни главным образом в рамках военной организации.

Второй лагерь, сформировавшийся в 1942 году, составляли левые и радикальные группировки, не признающие польского эмигрантского правительства в Лондоне и отказывающие ему в праве представлять польский народ. Функции идейно-политического руководителя в этом лагере выполняла образовавшаяся в январе 1942 года Польская рабочая партия. Оба эти лагеря создали два независимых друг от друга центра конспиративной власти в стране.

Б. Подпольные организации и органы, подчиненные эмиграционному правительству

Структура подпольных органов. Структура подпольных органов, признающих эмигрантские органы власти, опиралась на дуализм двух секторов: гражданско-поли-

тического и военного. Отношения между ними, несмотря на соперничество, строились формально на принципах равноправия. На практике в период войны и оккупации военный сектор получил преимущество.

Делегат правительства в стране. Подпольные гражданские органы, образованные к концу 1940 года, составили: делегат правительства в стране (называемый также уполномоченным правительства), его три заместителя, а также подчиненные ему делегаты округов и делегаты поветов. Приближающееся освобождение польских земель Советской Армией и боровшееся на ее стороне Войско Польское подтолкнули эмигрантское правительство на укрепление позиций его делегата в Польше и на расширение его полномочий. Декрет президента Рачкевича от 26 апреля 1944 г. об организации временных органов власти на территории Речи Посполитой давал делегату ранг министра с функциями вице-премьера. Диапазон его полномочий охватывал проведение подготовительной работы для возвращения к власти после освобождения страны. 26 июля 1944 г. делегат правительства образовал «крайовый» совет министров, в который входил он сам и три его заместителя. Совет этот должен был противостоять образованному народно-демократическим лагерем 22 июля 1944 г. Польскому комитету национального освобождения.

Вспомогательным аппаратом делегата эмигрантского правительства была *делегатура*, которая делилась на департаменты, соответствующие отдельным ведомствам. Пост делегата правительства занимали поочередно Ц. Ратайский, Я. Пекалкевич, Я. Янковский.

Деятельность делегатуры охватывала широкий диапазон вопросов. Следует, в частности, подчеркнуть деятельность департамента образования и культуры, который руководил тайным просвещением. В конспиративных средних школах учились несколько сотен тысяч учеников, а в высших учебных заведениях — несколько тысяч студентов. Департамент юстиции создал специальные уголовные суды, которые рассматривали дела лиц, совершивших действия, направленные против подпольных властей. Суды могли приговаривать к смерти, передавать дела послевоенным судам, либо оправдывать. Существовали также гражданские суды, рассматривающие дела лиц, сотрудничавших с оккупационными властями. Они выносили приговор инфамии (бес-

честия). Департамент информации руководил подпольными издательствами делегатуры. Много усилий делегатура прилагала к организации администрации, которая после освобождения страны должна была взять власть в свои руки в воеводствах, поветах и гминах. Была также создана полиция под названием государственного корпуса безопасности. Основной задачей этих органов было не допустить к власти прогрессивно-демократические силы, сосредоточенные вокруг Крайовой рады народной.

Политическое представительство было создано в начале 1940 года под названием Политического согласительного комитета. В состав комитета входили представители «Стронництво людове», Польской социалистической партии «Свобода, равенство, независимость» (за исключением периода от сентября 1941 до марта 1943 г., когда ее место заняли представители Польских социалистов), «Стронництво народове», а позже и Трудовой партии («Стронництво працы»). При поддержке правительства Политический согласительный комитет получил независимость от военных органов, с которыми вначале был тесно связан. В отношении к делегату правительства Политический согласительный комитет исполнял консультативную функцию. Кандидат на пост делегата правительства представлялся Политическим согласительным комитетом. Партии, входящие в его состав, выдвигали своих деятелей на посты в делегатуре, а также местных делегатов. 21 марта 1943 г. Политический согласительный комитет был преобразован в Крайовое политическое представительство польского народа. Четыре основные партии защищали свою монополию на представительство, отказываясь от предложений Польской рабочей партии о сотрудничестве. В ответ на создание Крайовой рады народной 9 января 1944 г. делегат правительства на основе указания президента издал декрет о созыве Рады единности народной — Совета национального единства, состоявшего из 17 человек (по 3 представителя от 4 основных партий, 3 представителей мелких политических группировок, 1 представителя духовенства и 1 общественного, кооперативного, представителя). Совет действовал в полном составе либо как Главная комиссия в составе пяти человек. Председателем Совета стал Казимеж Пужак (ППС ВРН). После создания

Временного правительства национального единства Совет, после освобождения страны действовавший в подполье, 1 июля 1945 г. принял решение о самороспуске.

Программу Политического согласительного комитета и позже Совета национального единства отличала неконкретность и неясность формулировок. Она сводилась к сохранению в независимой Польше капиталистического общественного устройства с проведением некоторых реформ, которые должны были сгладить антагонизмы и общественные конфликты. В области предполагаемых реформ существовали значительные различия между «Стронництво народов» и Трудовой партией, с одной стороны, и «Стронництво людове» и ППС ВРН — с другой. В связи с возникновением Крайовой рады народной для нейтрализации ее деятельности Совет национального единства в 1944 году провозгласил новую «радикальную» программную декларацию. Было заявлено о введении парламентарной демократии. Послевоенную Польшу Совет желал видеть увеличенной на Севере (Западная Пруссия, Гданьск) и на Западе. В то же время он не допускал возможности изменения довоенной восточной границы, стараясь задержать в польском государстве миллионы белорусов и украинцев. Стремясь к реставрации своей власти в Польше, партии, представленные в Совете национального единства, рассчитывали на помощь Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Враждебное отношение к СССР нашло выражение в пропагандируемой в то время как в стране, так и в эмиграции теории двух врагов, из которых первым была Германия, вторым — Советский Союз.

Армия Крайова. Первой военной организацией, созданной в оккупированной стране по инициативе офицеров Войска польского и некоторых политических деятелей, была Служба победе Польши. Ее продолжением был образованный по согласованию с эмигрантским правительством Союз вооруженной борьбы. Союз вооруженной борьбы стремился к объединению в своих рядах всех профессиональных офицеров и подофицеров, а также к подчинению себе существующих военных организаций. Задачи, которые Союз вооруженной борьбы ставил перед собой, сводились к подготовке в конспирации вооруженных сил, которые в момент освобождения

страны должны были обеспечить захват власти находящимся в эмиграции правительством. Сначала во главе Союза вооруженной борьбы стоял пребывающий в эмиграции генерал В. Соснковский. Однако вскоре был назначен главный комендант Союза вооруженной борьбы в самой стране, дабы он мог на месте руководить делами. Руководство Союза вооруженной борьбы представляло и реализовало с различными отклонениями политическую программу эмигрантского правительства.

14 февраля 1942 г. Союз вооруженной борьбы был преобразован в Армию Крайову, во главе которой поочередно находились генерал Стефан Равецкий (Грот), генерал Тадеуш Коморовский (Бор), генерал Леопольд Окулицкий (Медвежонок). Руководящим органом Армии Крайовой был Главный штаб. Он делился на отделы, а также специальные секции, такие, как Бюро информации и пропаганды, Руководство диверсиями и др. Во главе территориальных единиц Армии Крайовой были поставлены коменданты. К концу оккупации Армия Крайова насчитывала около 250 тыс. офицеров, подофицеров и солдат. По политической ориентации в Армии Крайовой отчетливо прослеживалось различие между рядовыми ее членами, которые желали бороться за независимую и демократическую Польшу, и руководителями, которые стремились сохранить в ней общественное и государственное устройство, существовавшее до 1939 года. Несмотря на стремление Главного штаба, Армия Крайова так и не смогла слить в своих рядах все военные организации, действующие в стране и признающие руководящую роль Лондонского правительства. Главным препятствием было отсутствие авторитета у руководящих кадров Армии Крайовой, среди которых доминировали офицеры правого толка.

Кроме Армии Крайовой существовали еще Народовы силы збройны (НСЗ) — организация крайне реакционного и антикоммунистического характера. НСЗ развязали братоубийственную борьбу с Гвардией Людовой, военной организацией Польской рабочей партии. Не вошла в состав Армии Крайовой и Польская Армия Людова, военная организация партии Польских социалистов (ППС-левица) и других демократических группировок, которые весной 1944 года образовали Центральный

комитет людовый — политическое представительство центристского характера. Армия Крайова в незначительной мере осуществляла партизанскую борьбу, занимаясь больше пропагандистской и разведывательной работой. Информация, передаваемая союзникам через разведку Армии Крайовой, имела некоторое военное значение.

На рубеже 1943—1944 гг., в условиях приближающегося освобождения страны Советской Армией, эмигрантское правительство подготовило план акции «Буря», которую предстояло осуществить Армии Крайовой. Ее задачей было включиться в вооруженную борьбу с немцами в момент освобождения страны, овладеть важнейшими центрами до советских войск и сделать возможным захват в них власти администрацией делегатуры Лондонского правительства. Таким образом пытались не допустить захват власти на освобожденных территориях народно-демократическим лагерем, поддерживаемым Советским Союзом. Реализация этого плана была начата с момента пересечения Советской Армией доверенной польско-советской границы.

1 августа 1944 г. перед лицом наступления Советской Армии, приближающейся к Висле, руководство Армии Крайовой подняло в Варшаве вооруженное восстание. Оно ставило своей целью овладение столицей до ее освобождения Советской Армией с тем, чтобы вывести из подполья Совет народного единства и Крайовый совет министров, которые должны были встретить наступающие советские войска как хозяева столицы Польши. В политическом плане восстание было направлено против Советского Союза и Польского комитета национального освобождения, сформированного 22 июля 1944 г. в освобожденном Люблине. Недостаточно подготовленное в военном отношении и несогласованное с командованием Советской Армии, восстание — несмотря на героизм солдат и самопожертвование жителей столицы — закончилось после двухмесячных ожесточенных боев поражением, понеся в итоге огромные человеческие жертвы (200 тыс. убитыми) и уничтожение левобережной Варшавы.

12 января 1945 г. Советская Армия начала грандиозную Висло-Одерскую операцию с тем, чтобы завершить освобождение Польши. Через пять дней, 17 января, части 1-й Польской армии, действовавшей в составе 1-го Украинского фронта, вместе с советскими соеди-

нениями (47-я и 61-я армии) вошли в опустевшую, но освобожденную для новой жизни Варшаву.

19 января 1945 г. Армия Крайова была формально распущена.

В. Народно-демократические подпольные организации и органы

Генезис народно-демократических органов. Руководящей силой в польском прогрессивном лагере стала образованная в январе 1942 года Польская рабочая партия (ПРП) — творческий продолжатель политической мысли польских коммунистов. С момента своего возникновения Польская рабочая партия выдвинула популярный в обществе лозунг активной борьбы с оккупантами. Для реализации этой цели она немедленно приступила к образованию собственной военной организации Народной гвардии (Гвардии Людовой). Она также выдвинула программу демократических преобразований в общественном и государственном устройстве после освобождения Польши. Программные принципы, сформулированные в ноябрьской декларации 1943 года «За что боремся?», предусматривали преобразование общественного устройства посредством национализации крупной промышленности и банков, а также аграрную реформу. Планируемые реформы должны были создать общественную базу для нового политического строя — народной демократии. Внешняя политика независимой Польши должна была опираться на союз и дружбу с СССР. Руководство ПРП стремилось привлечь к своим программным принципам не только рабочий класс, но также и другие классы и общественные слои. Для достижения этой цели ПРП выдвинула лозунг демократического национального фронта, в котором нашли себе место все поддерживающие программу активной борьбы с оккупантами, а затем строительства независимой Польши на новых подлинно демократических принципах.

До 1943 года эмигрантское правительство и подчиненные ему подпольные органы в стране присвоили себе исключительное право представлять Польшу и ее народ. Левые радикальные группировки, не представленные ни в Национальном совете в эмиграции, ни в Политическом согласительном комитете, находились в оппозиции к эмигрантскому правительству, так как в его

политике стали брать верх тенденции, направленные против подлинных интересов польского народа. Особенно открыто это выразилось в отказе лондонского правительства принять советские предложения о границе между Польшей и СССР на основе учета этнических критериев и в развязанной затем оголтелой антисоветской пропаганде. Левые группировки во главе с ТРП создавали в оккупированной стране подпольные органы власти, представляющие те общественные силы, которые считали неприемлемыми политические концепции эмигрантского правительства в Лондоне.

В Советском Союзе после разрыва 25 апреля 1943 г. дипломатических отношений с эмигрантским правительством начал действовать Союз польских патриотов в СССР.

Образованный в марте 1943 года по инициативе польских коммунистов, он представлял перед советскими органами власти поляков, которые из-за военных действий оказались в СССР. В Программной декларации, одобренной на съезде, состоявшемся 10—11 июня 1943 г., Союз польских патриотов заявил, что он борется за свободную, демократическую, справедливую Польшу, освобожденную из-под господства помещиков и капиталистов и находящуюся в союзе с СССР. СПП отверг право эмигрантского правительства представлять польский народ и приступил при согласии советских властей к образованию сначала 1-й Польской дивизии им. Т. Костюшко, а затем I Корпуса польских вооруженных сил, преобразованного в марте 1944 года в 1-ю Польскую армию в СССР, которая в июле 1944 года насчитывала почти 100 тыс. человек. 1-я Польская армия принимала участие в борьбе против фашистских войск, а затем вместе с Советской Армией — в освобождении польских земель.

К концу 1943 года как международная, так и внутренняя ситуация в оккупированной стране претерпели существенные изменения. Неуклонно приближалось поражение Германии, а вместе с ним освобождение Польши. Не подлежало сомнению, что Польша будет освобождена Советской Армией. Этот факт ставил в невыгодную ситуацию равно как эмигрантское правительство, так и связанные с ним подпольные органы в самой Польше. В то же время усиливались радикальные настроения среди известной части польского общества.

Трудящиеся массы все увереннее связывали освобождение страны с надеждами на социальные и демократические преобразования, а это в свою очередь приводило к расширению политического влияния ПРП, несмотря на противодействие делегатуры, политических партий пролондонского лагеря и командования Армии Крайовой. Осенью 1943 года Польская рабочая партия выступила с инициативой создания подпольного органа, который бы руководил борьбой народа с оккупантами, а в последующем—демократическим переустройством общественной и политической жизни освобожденной Польши. Этим органом явилась образованная в ночь на 1 января 1944 г. Крайова рада народов.

Крайова рада народов. Крайова рада народов состояла из представителей прогрессивных и радикальных общественно-политических и военных организаций — Польской рабочей партии, группы левых деятелей «Стронництво людове» и Крестьянских батальонов, группы левых деятелей социалистической партии (ППС), подпольных профсоюзов, группы беспартийных демократов, Союза борьбы молодых, командования Гвардии Людовой. Крайова рада народов являлась верховным, координационным органом левых сил Польши, которые вели борьбу за освобождение страны и создание нового общественно-политического строя. Крайова рада народов была революционным органом верховной власти в Польше. Председателем Рады был избран опытный коммунистический деятель Болеслав Берут. В своей деятельности Крайова рада народов опиралась на волю трудящихся масс, держась в то же время демократических принципов Мартовской конституции 1921 года. Крайова рада народов ставила перед собой следующие задачи: руководство вооруженной борьбой с гитлеровскими оккупантами; переустройство Польши в духе демократии не только политической, но также и экономической; сотрудничество и дружбу с Советским Союзом; присоединение к Польше древних славянских земель на Западе и Севере, насильственно германизированных; определение восточной границы в соответствии с волей коренного украинского и белорусского населения и на принципах дружеского взаимопонимания с СССР. Крайова рада народов отказала в праве выступать от имени польского народа правительству, находящемуся в эмиграции в Лондоне, как реакционному

политически и опиравшемуся на антидемократическую конституцию 23 апреля 1935 г.

Крайова рада народов действовала, опираясь на систему территориальных рад народных — воеводских, поветовых, городских и гминных. Участие в образовании местных советов принимали организации и общества, имеющие демократическую направленность, стремящиеся к независимости страны, признающие программу Крайовой рады народной. К концу оккупации на территории страны наряду с воеводскими действовало около 100 поветовых и около 300 городских и гминных рад народных. Самую активную деятельность развили советы на Люблинщине. Политические группировки, представленные в советах, начали пропагандировать в польском обществе положения Программы КРН. Пресса и издательства мобилизовали общество на борьбу с оккупантами, вели полемику с прессой партий, поддерживающих правительство в эмиграции, указывали народу на необходимость установления дружеских отношений с СССР.

Крайова рада народов и местные советы были политическими представителями народа и временными подпольными органами народно-демократической государственной власти.

В марте 1944 года делегация Крайовой рады народной пересекла линию фронта и направилась в Москву для установления контактов с правительством Советского Союза. После переговоров правительство СССР выразило согласие признать КРН представительством польского народа, а также установить официальные отношения с исполнительным органом Рады с момента его созыва на освобожденной из-под оккупации территории Польши. Руководящую роль КРН признали также Союз польских патриотов и Польская армия в СССР.

Армия Людова. На первом своем заседании 1 января 1944 г. Крайова рада народов образовала Армию Людову (АЛ) и определила ее организационную структуру. Армия Людова объединила военные организации партий и групп, входящих в КРН. Ее основой была военная организация ПРП — Гвардия Людова. Во главе АЛ стало Главное командование в составе: Верховный главнокомандующий, начальник Главного штаба и представитель КРН. Верховного главнокомандующего и начальника Главного штаба назначала и осво-

бождала КРН. Верховным главнокомандующим АЛ был генерал Михал Роля-Жимерский. Главный штаб состоял из пяти отделов. Для целей партизанской борьбы Главное командование АЛ создавало самостоятельные бригады. Подразделения АЛ к концу оккупации насчитывали около 50 тыс. офицеров и солдат. Около 14 тыс. бойцов АЛ боролись в рядах партизанских отрядов. В период оккупации подразделения АЛ осуществили несколько тысяч боевых операций разного рода, а также свыше 1000 актов саботажа на вражеских коммуникациях.

Раздел двенадцатый

ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Генезис и образование Польского комитета национального освобождения. Вступление советских войск вместе с частями Первой польской армии на польские земли позволило Крайовой раде народной образования верховный исполнительный орган. Делегация КРН, находящаяся в Москве, по согласованию с представителями Союза польских патриотов постановила образовать 21 июля 1944 г. Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Одновременно с тем КРН постановила о подчинении себе Польской армии в СССР и ее слиянии с Армией Людовой в единое Войско Польское.

Польский комитет национального освобождения, хотя формально был лишь комитетом КРН, фактически исполнял все функции правительства.

Членами Польского комитета национального освобождения были представители политических группировок, входящих в состав КРН. Председателем Польского комитета национального освобождения был избран лидер образовавшейся в апреле 1943 года в подполье Рабочей партии польских социалистов Эдвард Осубка-Моравский.

Программа и деятельность Польского комитета национального освобождения. Объявленный 22 июля 1944 г. Манифест Польского комитета национального освобождения являлся программой деятельности народно-демократического лагеря. Он признавал КРН един-

ственным легальным источником власти в Польше, отказывая в легальности лондонскому правительству, опирающемуся на конституцию 1935 года. Манифест декларировал опору на демократические принципы Мартовской конституции, которые должны были действовать до тех пор, пока сейм не примет новую конституцию Польши. Он декларировал восстановление демократических свобод, равенство прав, а также наметил осуществление общественных реформ.

Предусматривалось, что ПКНО будет осуществлять власть на освобожденных территориях Польши через посредство местных рад народных и своих уполномоченных представителей. Диапазон деятельности органов народно-демократической власти в Польше зависел в то время от Советского Союза, войска которого осуществляли военные операции на территории Польши. Правительство СССР в декларации, объявленной 26 июля 1944 г., заявило, что свою деятельность на территории Польши оно считает деятельностью на территории дружеского суверенного государства. Заключенное в тот же день соглашение между ПКНО и Советским правительством определяло отношения между советским Верховным командованием и польской администрацией, образуемой ПКНО. Советское правительство признавало ПКНО властью, полномочной создавать местные органы на польских землях. С момента освобождения какой-либо части польской территории и прекращения на ней военных действий она переходила под начало гражданской администрации ПКНО. Польские вооруженные силы, сражающиеся совместно с Советской Армией, были подчинены с оперативной точки зрения ее Верховному командованию, а персонально и организационно Верховному командованию Войска Польского. Преступления, совершенные в сфере непосредственных военных действий и направленные против Советской Армии, подлежали юрисдикции советских военных судов.

Между Правительством СССР и ПКНО 26 июля 1944 г. было заключено предварительное соглашение, временно определившее восточную и северную границы Польши. Граница должна была проходить по Бугу, далее на север через Беловежскую Пущу с оставлением Белостока на польской стороне, а Гродно на советской.

Северная граница должна была проходить по линии восточнее Сувалки-Бранево. Советский Союз обязался поддерживать польские предложения, направленные на установление западной границы Польши на Одере и Нейсе-Лужицкой.

ПКНО признавался СССР, как правительство де-факто. Великобритания и Соединенные Штаты признавали польское правительство в Лондоне. Какое из двух правительств получит власть в Польше, зависело не только от поддержки общества в самой стране, но также и от позиции великих держав. Наиболее выгодно сложилась ситуация у ПКНО, поскольку он осуществлял власть в освобожденной части страны и располагал поддержкой СССР.

После своего образования ПКНО приступил к созданию аппарата государственной власти на освобожденной территории страны. Решающее значение приобрело образование органов территориальной администрации. Стремясь к обеспечению эффективности ее деятельности и необходимой в сложившихся условиях оперативности, Польский комитет национального освобождения отошел от первоначальной концепции передачи административной власти национальным советам и доверил ее единоличным органам — воеводам и старостам, подчиненным центральной администрации. Советам были оставлены функции распорядительных органов территориального самоуправления. В целях получения поддержки сельского населения была ускорена реализация сельскохозяйственной реформы. ПКНО заключил также соглашения с правительствами УССР и БССР по вопросу двустороннего обмена населением.

Наряду с созданием административного аппарата и органов безопасности решающее значение Польский комитет национального освобождения придавал развитию Войска Польского. Была проведена мобилизация мужчин нескольких призывных возрастов. В Войско также были призваны офицеры и подофицеры, находящиеся на освобожденных территориях. Всестороннюю помощь в вооружении и обеспечении создаваемой II Армии Войска Польского и других подразделений оказало Верховное Командование Советской Армии. Оно также передало в распоряжение Верховного Командования Войска Польского несколько тысяч своих офицеров и инструкторов. К концу войны численный состав Войска

Польского, принявшего участие в форсировании Одера и штурме Берлина, достиг 286 тыс. офицеров и солдат.

Деятельность ПКНО встречала сопротивление политических сил, связанных с эмиграционным правительством. В результате провала акций по захвату власти, успешно парализованных народными органами, в частности аппаратом безопасности, политические силы, враждебно настроенные по отношению к народно-демократическому лагерю, перешли к подпольной деятельности, в которой особенно выделялись своим упорством крайне правые организации, такие, как НСЗ. Деятельность эта заключалась в попытке дискредитации ПКНО в обществе, пропаганде бойкота распоряжений новой власти, организации террористических нападений на советских и польских солдат и офицеров, на представителей народной власти и деятелей демократических партий, осуществлении саботажа, диверсий. Несмотря на трудные условия, аппарат ПКНО укреплялся и завоевывал поддержку общества, в первую очередь рабочего класса и крестьянства.

Временное правительство и Временное правительство народного единства. Укрепление позиций ПКНО ускорило решение о преобразовании его во Временное правительство. 31 декабря 1944 г. Крайова рада народов приняла закон об образовании Временного Правительства Польской Республики. На его основе президент КРН назначил председателя Совета министров, а по его предложению — министров. Политической основой Временного правительства являлись партии, которые вошли в состав КРН, а программу его деятельности определил Манифест ПКНО. Временное правительство было признано Советским Союзом 4 января 1945 г., а затем Чехословакией — 30 января и Югославией — 30 марта 1945 г. Соединенные Штаты Америки и Великобритания продолжали поддерживать эмиграционное правительство в Лондоне.

Такое положение вещей было существенным поводом для разногласий между великими державами. Усилия, направленные на преодоление разногласий и образование единого польского правительства, встретились с трудностями. Великобритания и Соединенные Штаты стремились обеспечить в будущем правительстве перевес политикам, стоящим на позициях сохранения буржуазного строя. В свою очередь Советский Союз

был заинтересован в том, чтобы польское правительство состояло из прогрессивных политических деятелей, дружелюбно относящихся к СССР.

Разногласия по польскому вопросу выявились и на конференции в Ялте, состоявшейся в феврале 1945 года, т. е. в момент, когда польская территория была уже освобождена Советской Армией. Польский вопрос занимал в совещании большой тройки центральное место. После длительных переговоров руководителей великих держав было согласовано решение о создании единого временного польского правительства. Основой его должно было стать действующее в стране Временное правительство, расширенное посредством включения в его состав демократических деятелей из Польши, а также поляков из-за границы. Это новое правительство должно было называться Польским Временным правительством национального единства. На это правительство возлагалась обязанность как можно скорее провести свободные выборы, опирающиеся на всеобщее и тайное голосование.

Решения Ялтинской конференции означали победу концепции, представляемой народно-демократическим лагерем, последовательно поддерживаемым Советским Союзом. Они были также с удовлетворением приняты Временным Правительством и поддерживающими его политическими группировками.

Ялтинские решения углубили кризис в «лондонском» лагере. Часть деятелей «Стронництво людове», ППС и «Стронництво працы» начала высказываться за установление сотрудничества с народно-демократическим лагерем. Остальные политические и военные деятели, в большинстве своем связанные со «Стронництво народов» и санацией, остались на позициях безоговорочного отрицания действительности. Они пропагандировали борьбу с народно-демократическим лагерем. Вооруженное подполье продолжало террористическую деятельность и саботаж. Его жертвами пали тысячи политических деятелей народно-демократического лагеря и функционеров государственного аппарата. В некоторых местах оно парализовало функционирование органов администрации и поддерживало настроения недоверия к новой власти.

Созданная на Ялтинской конференции комиссия по созданию единого польского правительства долгое время

не могла прийти к единодушию относительно способов формирования правительства национального единства. Поляки постановили, что вопрос о создании правительства они рассмотрят сами, как этого требует национальное достоинство и суверенность польского государства. Среди участников заседаний преобладали тенденции компромисса, представляемые, главным образом, поляками из страны. После длительных совещаний было достигнуто соглашение, которое предусматривало введение в правительство В. Керника, Ч. Выцеха, С. Миколайчика, М. Тугутта и Я. Станчика, а в КРН — в качестве вице-председателей В. Витоса и С. Грабского. Соглашение было одобрено Комиссией трех держав. 28 июля 1945 г. Временное правительство подало в отставку. В этот же день президент Крайовой рады народной образовал Временное правительство национального единства, премьером которого стал Э. Осубка-Моравский, а вице-преьерами — В. Гомулка и С. Миколайчик. В состав правительства вошло шесть представителей Польской рабочей партии, шесть — ППС, шесть — «Стронництво людове», в том числе четыре из группы Миколайчика, два деятеля из «Стронництво демократичне», один — беспартийный. Новое правительство было признано Францией 29 июня 1945 г., Великобританией, Соединенными Штатами Америки и Китаем 5 июля 1945 г., а затем и другими государствами. Советский Союз счел достаточным свое признание (5 января 1945 г.) Временного правительства.

Образование Временного правительства национального единства знаменовало победу народно-демократического лагеря в Польше. Программа нового правительства была продолжением программы, изложенной в Манифесте ПКНО. Были созданы условия для внутренней стабилизации страны. Укрепилась позиция Польши в международном сообществе. Однако борьба за полную реализацию программы ПКНО не была закончена. Правда, эмигрантское правительство отпало как претендент на власть в Польше, но связанные с ним политические и общественные силы еще длительное время продолжали в различных формах борьбу с органами народной власти.

Определение границ Народной Польши. Народная Польша возникла, как государство, в новых территориальных границах. Изменению подверглись восточ-

ная, западная и северная границы. Проблема согласования польских границ в период II мировой войны привлекала внимание не только польского общества и органов власти. Она играла также важную роль в геополитических концепциях великих держав. Хотя поляки принимали активное участие в определении новых границ Польши, внося свой вклад в вооруженную борьбу антигитлеровской коалиции, решающий голос в решении этой проблемы принадлежал великим державам, которые решили исход войны с Германией и определили послевоенную политическую карту Европы.

Польское эмигрантское правительство защищало принципы сохранения восточных границ Польши, определенных рижским трактатом от 1921 года. Советское правительство придерживалось мнения, что территории, населенные в основном украинцами и белорусами, территории, которые в результате голосования жителей этих земель были в 1939 году включены в состав советских союзных республик — БССР и УССР, являются составной частью СССР. Тем не менее Советский Союз соглашался на поправки в пользу Польши в ходе непосредственных переговоров. Правительства Великобритании и Соединенных Штатов Америки с критической сдержанностью относились к непримиримой позиции эмигрантского правительства в вопросе о польской границе на Востоке. На конференции в Тегеране Советский Союз сумел получить для своих территориальных концепций поддержку Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Они признали права СССР на эти земли и подтвердили свои позиции на конференциях в Ялте и Потсдаме. Руководители трех великих держав согласились с тем, что восточная граница Польши в соответствии с этническим принципом должна проходить вдоль согласованной после I мировой войны так называемой линии Керзона. КРН и ПКНО высказывались за определение восточной границы Польши на основе принципа самоопределения народа и путем соглашения с СССР. После проведения временной пограничной линии в июле 1944 года окончательно границу Польши определило двустороннее соглашение от 16 августа 1945 г.

Эмигрантское правительство, стоя на позиции нерушимости восточных границ, считало, что расширение польской территории на Западе должно быть сравнительно

незначительным и ограничиться Опольской Силезией, свободным городом Гданьском и Восточной Пруссией. Народно-демократический лагерь, подчеркивая необходимость определения восточной границы в соответствии с этническими принципами, выдвигал положение о передвижении западной границы Польши к Одеру и Нейсе-Лужицкой. На конференции в Тегеране США и Великобритания согласились с предложением СССР, чтобы Польша получила значительные территории на Севере и Западе. Их согласие было повторено на Ялтинской конференции, перепоручившей окончательное урегулирование западной и северной границ Польши следующей конференции великих держав. В соответствии с этим проблема стала предметом обсуждения в Потсдаме, где президент КРН Б. Берут и представители ПКНО получили возможность изложить свою точку зрения по вопросу о западных границах Польши. Польская делегация была решительно поддержана советской делегацией. Подписанное 2 августа 1945 г. представителями великих держав соглашение передавало польскому государству бывшие немецкие территории, находящиеся на востоке от линии, проходящей от Балтийского моря непосредственно на Запад от Свиноустья, а оттуда вдоль реки Одер до слияния ее с Нейсе-Лужицкой и вдоль этой реки до границы с Чехословакией. В Польшу также была включена большая часть Восточной Пруссии (за исключением территорий, отошедших к СССР), а также территория бывшего свободного города Гданьска. Потсдамское соглашение предусматривало выселение немецкого населения этих территорий в Германию.

Через несколько лет после раздела Германии на два государства, 6 июля 1950 г., Польша в Згожельце подписала с ГДР соглашение, подтверждающее согласованную на конференции в Потсдаме государственную польско-германскую границу. Эта граница также была признана в Соглашении, подписанном в Варшаве 7 декабря 1970 г. с ФРГ.

В вопросе о польско-чехословацкой границе было признано утратившим силу соглашение от 1938 года о присоединении к Польше южной части Тешинской Силезии, которая была возвращена Чехословакии.

Территория, население, национальный состав. Территория приобретенных земель составила 102 800 кв. км,

а вся территория новой народной Польши — 312 500 кв. км.

В соответствии с переписью населения, проведенной в 1946 году, Польша насчитывала около 24 млн. человек. В результате экстерминационной деятельности гитлеровских оккупантов, а также военных действий погибло 6 млн. польских граждан. Это были самые большие потери по отношению к общему числу населения среди всех стран, оккупированных гитлеровской Германией. Наследием войны были также 600 тыс. инвалидов.

Результатом войны, деятельности гитлеровских оккупантов, а также послевоенных договоров и международных соглашений была широкая миграция населения. Она охватила в равной степени как репатриацию и реэмиграцию польского населения, которое находилось за пределами Польши, так и переселение и эмиграцию непольского населения с территории Польши. До конца 1950 года из стран Западной Европы, включая Германию, возвратилось в Польшу около 2 млн. 400 тыс. человек, в том числе около 200 тыс. польских реэмигрантов из Франции, Бельгии и Германии. В результате репатриационных соглашений, заключенных с Советским Союзом и советскими республиками — Литвой, Белоруссией и Украиной, в Польшу возвратились 1 млн. 100 тыс. человек польской и еврейской национальностей. Репатриация коснулась далеко не всего польского населения, которое оказалось в результате войны за пределами Польши.

В Советскую Украину и Белоруссию из Польши репатриировались 481 тыс. украинцев и 36 тыс. белорусов. С приобретенных западных земель до 1949 года было выселено свыше 3 млн. немцев. В 1945—1951 гг. из Польши эмигрировали около 128 тыс. евреев.

Вследствие упомянутых миграционных процессов Народная Польша стала государством в основном национально однородным. В сравнении со II Речью Посполитой, где национальные меньшинства составляли свыше 34%, в Народной Польше в 1950 году они составляли неполных 2%. Это белорусы, украинцы, литовцы, словаки, евреи, немцы и цыгане.

Из числа стран, принимавших участие в войне с гитлеровской Германией, Польша понесла самые большие материальные потери по отношению к размерам

территории и численности населения. В соответствии с подсчетом Бюро военных потерь при Совете министров материальные потери Польши составили 38% национального имущества, в то время как во Франции — 1,5%, а в Великобритании — 0,8%. Польские потери составили около 258 млрд. довоенных злотых (49,2 млрд. долларов).

Гражданство в польском государстве. Лица, которые были гражданами польского государства до 1 сентября 1939 г. и поселялись на территории Польши в ее новых границах, оставались ими и далее. Декрет от 13 сентября 1946 г. лишал польского гражданства лиц немецкой национальности, которые в годы оккупации заявили о своей принадлежности к немецкому народу. Их имущество подлежало конфискации, а они — выселению вместе с немецким населением с вновь приобретенных земель. И наоборот, в соответствии с законом от 28 апреля 1946 г. польское гражданство приобретали лица польской национальности, имеющие до сих пор немецкое гражданство, так называемые автохтоны, которые до 1 января 1945 г. постоянно проживали на тех землях. Условием получения польского гражданства этими лицами было удостоверение о принадлежности к польской национальности, выданное проверочной комиссией и подтвержденное местными административными органами, а также декларация на верность польскому народу и государству. Подобным же образом регулировал вопросы польского гражданства лиц польской национальности, проживавших на территории бывшего свободного города Гданьска, декрет от 22 октября 1947 г.

Народный характер государства. Возрожденная после поражения гитлеровской Германии Польша образовалась как народно-демократическое государство, в котором власть осуществлял рабочий класс в союзе с крестьянством и прогрессивной интеллигенцией. Власть эта завоевана в результате народно-демократической революции. Установление новой государственной власти происходило в условиях войны и освобождения страны из-под немецкой оккупации Советской Армией. Создание народного аппарата государственной власти происходило в борьбе с политическими и военными силами лондонского правительства. В упрочении власти народно-демократического лагеря, руководимого Польской рабочей партией, выдающуюся помощь оказала Советская

Армия, лишая его политических противников возможности развязать гражданскую войну. Государственная власть осуществлялась рабочим классом и его классовыми союзниками при использовании демократических государственно-правовых институтов, существовавших в первые годы II Речи Посполитой. Новая концепция решения вопроса государственного устройства была связана с существованием и деятельностью КРН и территориальной системой советов. В то же время Манифестом ПКНО восстанавливались основные принципы Мартовской конституции 1921 года, имевшие общедемократическое содержание, сохранилась довоенная система гражданского, уголовного, административного и трудового права, за исключением тех предписаний, которые не соответствовали идеологическим основам народно-демократического строя, признавались обязательства, вытекавшие из соглашений, заключенных польским правительством до 1 января 1945 г. Старые формы государственного устройства были наполнены новым классовым содержанием. Правовые нормы II Речи Посполитой были интерпретированы и использованы в соответствии с интересами и стремлениями новых общественных сил. В международном праве и международных отношениях Народная Польша признавалась тем же субъектом, что и II Речь Посполитая.

Народно-демократическая революция начала в Польше активный процесс хозяйственных, общественных и политических преобразований, намеченный Манифестом ПКНО. Их развивали законодательные акты, издаваемые Крайовой радой народной и Польским комитетом национального освобождения. Декрет о земельной реформе от 6 сентября 1944 г. упразднил помещичьи хозяйства, ликвидировав класс крупных землевладельцев. Продолжением сельскохозяйственной реформы служило расселение на воссоединенных землях, урегулированное Декретом от 6 сентября 1946 г. В результате сельскохозяйственной реформы и расселения крестьяне получили свыше 6 млн. га земли. Принципиальное значение для хозяйственного развития страны имела передача в собственность государства основных отраслей промышленности, произведенная законом от 3 января 1946 г. Она обеспечила народному хозяйству независимость от иностранного влияния и ликвидировала главный источник капиталистической эксплуатации. Национализация

промышленности создала основы для введения в Польше социалистического планового хозяйства. Осуществленные общественно-экономические реформы получили поддержку подавляющего большинства народа, которая была выражена в ходе референдума, состоявшегося 30 июня 1946 г.

Острая борьба различных группировок и организаций вооруженного подполья с органами народно-демократической власти привела к изданию новых уголовных законов. Они усиливали защиту нового строя и органов народной власти, способствовали успешной борьбе с выступлениями и действиями, направленными против народного государства и достижений трудящихся масс. В соответствии с положениями Манифеста ПКНО были также изданы декреты о наказании военных преступников и предателей народа.

В первые же годы был завершен процесс унификации и кодификации гражданского права. Брак приобрел светский характер, произошло уравнивание в правах супругов в сфере родительской власти, положение внебрачных детей перестало отличаться от положения детей, рожденных в браке, благоприятные для рабочих изменения были произведены в трудовом праве. Демократизация образования и культуры и общественно-экономические реформы создали предпосылки для формирования социалистической польской нации.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	15

Часть первая

ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО. ШЛЯХЕТСКАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

<i>Раздел первый. Зарождение государственности на территории Польши</i>	26
---	----

<i>Раздел второй. Вотчинная монархия</i>	29
--	----

I. Польское раннефеодальное государство	29
II. Источники права и источники изучения права	36
III. Общественный строй и его изменения в XI—XIII вв.	39
А. Формирование феодальной земельной собственности и сословий	39
Б. Рыцарство-шляхта	44
В. Сельское население	48
Г. Города и городское население	57
IV. Возникновение и развитие церковной организации	63
V. Монархия и общественные факторы	65
VI. Управление государством	72
VII. Военная организация	75
VIII. Финансы	76
IX. Суд	79
X. Отношения Польши с Римом и Германской империей	82
XI. Эволюция государственного строя	84

<i>Раздел третий. Сословная монархия</i>	87
--	----

I. Корона Польского Королевства	87
II. Источники права и источники изучения права	89
III. Организация и право сословий	92
А. Шляхта	92
Б. Города и горожане	95
В. Крестьяне	100
IV. Церковь и ее положение в государстве	102
V. Королевская власть и сословное представительство	102
VI. Центральные и местные уряды	110
VII. Военная служба	115
VIII. Финансы	116
IX. Краковский университет	117
X. Суд	117
XI. Уния Польши и Литвы	122

XII. Общественно-политический строй Силезии	125
XIII. Общественно-политический строй Западного Поморья.	126
XIV. Характер и развитие сословной монархии	126
<i>Раздел четвертый. Право польского средневековья</i>	<i>128</i>
I. Личное право	129
А. Брак и семья	130
Б. Собственность и другие имущественные права	134
В. Наследство	143
Г. Обязательства	145
II. Уголовное право	148
А. Преступления	148
Б. Наказания	154
III. Судопроизводство	159
А. Развитие и характеристика процесса	159
Б. Подготовительное судопроизводство	161
В. Судебное разбирательство	163
Г. Процедура наказания	168
<i>Раздел пятый. Шляхетская Речь Посполитая</i>	<i>169</i>
I. Форма государства	169
II. Инкорпорации и унии	174
III. Источники права и источники познания права	179
IV. Общественный строй	182
А. Шляхта и магнаты. Фольварк и латифундия	182
Б. Города и мещане	186
В. Крепостная зависимость крестьян и ее формы	191
V. Церковь, общество, государство	199
VI. Королевская власть	203
VII. Сеймики и сеймы	207
VIII. Конфедерации и рокоши	214
IX. Учреждения и чиновники	216
X. Организация вооруженных сил	219
XI. Финансовая система	223
XII. Организация школьного дела	225
XIII. Судопроизводство	226
XIV. Лены	231
XV. Основные черты государственного строя	233
<i>Раздел шестой. Право шляхетской Речи Посполитой</i>	<i>236</i>
I. Характеристика судебного права	236
II. Частное право	238
А. Лица	238
Б. Брак и семья	239
В. Собственность и другие имущественные права	242
Г. Наследование	245
Д. Обязательства	246
III. Уголовное право	247
А. Преступления	247
Б. Наказания	252
IV. Судопроизводство	256
А. Процессуальные права представителя	257

Б. Судопроизводство	257
В. Исполнительное производство	263
Г. Особые виды судопроизводства	263

Раздел седьмой. Начало конституционной монархии 264

I. Изменения в общественных структурах и мышлении	264
II. Источники права и источники познания законов	269
III. Первые реформы	271
IV. Кардинальные законы	279
V. Постоянный совет	281
VI. Изменения в судебном праве	283
VII. Конституция 3 мая и дальнейшее законодательство Четырехлетнего сейма	287
А. Общественное устройство	289
Б. Политическое устройство	293
VIII. Упадок дела Четырехлетнего сейма. Тарговица и Гродненские конституции	302
IX. Национальное восстание 1794 года	303
X. Факторы упадка Польши	310

Часть вторая

ПОЛЬША В ПЕРИОД РАЗДЕЛОВ

Раздел первый. Польские земли до раскрепощения крестьян 314

I. Раздел земель Речи Посполитой	314
II. Источники права и источники познания права	316
III. Княжество (герцогство) Варшавское (1807—1815 гг.)	318
А. Общественно-политическое устройство	321
Б. Система власти	323
В. Администрация	326
IV. Польское Королевство (царство) в конституционную эпоху (1815—1831 гг.)	331
А. Восстание 1830—1831 гг.	342
В. Великое Познаньское княжество	344
VI. Вольный город Краков и восстание 1846 года	346
VII. Польское Королевство в 1831—1864 гг.	349
VIII. Правовые акты Январского восстания 1863—1864 гг.	354
IX. Автономия Галиции	357
X. Крестьянская реформа на польских землях	362

Раздел второй. Польские земли на рубеже XIX и XX веков 367

I. Деление и административное устройство польских земель	367
II. Народ и его общественные организации	371

Раздел третий. Право и общественные отношения 381

I. Гражданское право	381
II. Торговое и хозяйственное право	386
III. Уголовное право	393

IV. Суд и процесс	397
V. Административное право	399
Раздел четвертый. Польские земли в годы I мировой войны (1914—1918 гг.)	401

Часть третья

II РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ. ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

<i>Раздел первый. Возрождение польского государства в 1918 году</i>	407
<i>Раздел второй. Государственный строй</i>	<i>417</i>
I. Источники государственного права	417
II. Общественный строй	418
III. Политический строй в 1918—1926 гг.	424
A. Политический строй до вступления в силу Конституции 17 марта 1921 г.	424
B. Политический строй по Конституции 17 марта 1921 г.	425
B. Функционирование политической системы	432
IV. Политический строй в 1926—1935 гг.	442
V. Политический строй в 1935—1939 гг.	447
A. Политический строй по Конституции 23 апреля 1935 г.	447
B. Функционирование политической системы	454
<i>Раздел третий. Государственное управление</i>	<i>456</i>
I. Структура государственного управления	456
II. Центральное управление	458
III. Общая администрация	459
A. Организация общей администрации	459
B. Основные функции общей администрации	461
IV. Специальная администрация	465
A. Защита государства	465
B. Система образования	466
B. Религиозные союзы	468
Г. Хозяйственное управление	469
V. Территориальное и хозяйственное самоуправление	473
VI. Функционирование органов государственного управления	477
VII. Контроль государственного управления	479
<i>Раздел четвертый. Финансы</i>	<i>480</i>
<i>Раздел пятый. Организация правосудия</i>	<i>483</i>
<i>Раздел шестой. Унификация и кодификация права</i>	<i>487</i>
<i>Раздел седьмой. Гражданское право и гражданский процесс</i>	<i>489</i>
<i>Раздел восьмой. Уголовное право и уголовный процесс</i>	<i>497</i>
<i>Раздел девятый. Трудовое право</i>	<i>503</i>
<i>Раздел десятый. Характеристика II Речи Посполитой</i>	<i>509</i>
<i>Раздел одиннадцатый. Польша в период II мировой войны</i>	<i>512</i>
I. Война и ее политико-правовые последствия	512
II. Польские земли в период немецкой оккупации	514
A. Немецкие решения по вопросу польских земель	514

Б. Польские земли, включенные в состав Германии . . .	515
В. Генерал-губернаторство	522
III. Польские государственные органы в эмиграции	528
IV. Подпольные организации и органы в оккупированной стране	533
А. Конспиративная политическая жизнь	533
Б. Подпольные организации и органы, подчиненные эми- грационному правительству	533
В. Народно-демократические подпольные организации и органы	539
<i>Раздел двенадцатый. Образование народной Польши</i>	543

Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ПОЛЬШИ

Редактор В. А. Смирнов
Переплет художника В. А. Тотобицкого
Художественный редактор Е. П. Суматохин
Технические редакторы М. В. Гридасова, Н. Л. Федорова
Корректор Л. И. Ушанова

ИБ № 542

Сдано в набор 25.04.80. Подписано в печать 04.10.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 29,4; учет.-изд. л. 34,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 637. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Юридическая литература»
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгения Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

1р.40к.

